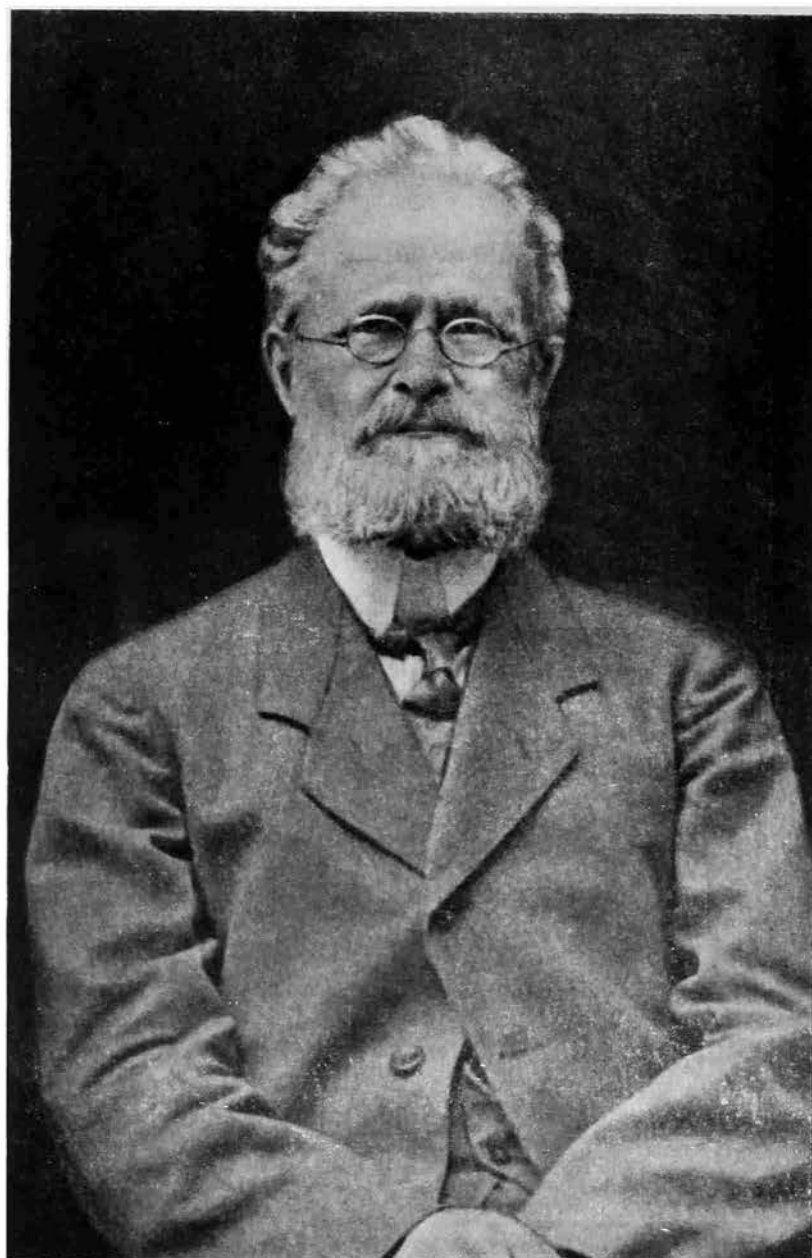

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVIII

АКАДЕМИК В. В. ЛАТЫШЕВ
(1855—1921)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXVIII

*ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА
ЛАТЫШЕВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва • 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственные редакторы

Б. А. Рыбаков и В. Д. Блаватский

Зам. ответственного редактора

А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь

И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

Б. Б. Piotровский, А. Л. Монгайт,

Д. Б. Шелов, К. К. Зельин

О Т Р Е Д А К Ц И И

В 1955 г. исполнилось 100 лет со дня рождения академика Василия Васильевича Латышева. С именем В. В. Латышева связан значительный этап в развитии русской исторической науки. Один из крупнейших историков и эпиграфистов — антиковедов последней четверти XIX в. и первой четверти XX в., В. В. Латышев немало способствовал тому, что русское антиковедение заняло одно из первых мест в мировой науке того времени.

Особенно велики заслуги В. В. Латышева в изучении античного мира Северного Причерноморья. Им был создан свод древних надписей северного побережья Черного моря. Снабженный историческим и филологическим комментарием, этот свод до сего времени является образцом эпиграфического исследования. С группой учеников В. В. Латышев собрал и перевел свидетельства древних авторов о Скифии, Кавказе и сопредельных странах. Труды В. В. Латышева, посвященные Ольвии, Херсонесу и Боспору, заложили прочную основу исследования истории античных государств Северного Причерноморья, осветив древнейший период истории нашей Родины.

В. В. Латышев не ограничивался изучением Северного Причерноморья. Ряд работ его был посвящен западному побережью Понта, а также эллинской метрополии (особенно греческим календарям). В последний период своей научной деятельности В. В. Латышев неоднократно обращался к изучению агиографических документов византийского времени. Интересы В. В. Латышева были обращены не только на исследовательскую работу; значительное внимание уделял он учебным пособиям («Очерки греческих древностей»), а также редакционно-издательской деятельности. По его инициативе стали выпускаться Известия Археологической комиссии, и он был их постоянным редактором.

Традиции, созданные В. В. Латышевым, оказали большое благотворное воздействие на дальнейшее развитие нашего антиковедения.

Н. И. НОВОСАДСКИЙ

ОБ УЧЕНЫХ ТРУДАХ
АКАДЕМИКА ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛАТЫШЕВА

В. В. Латышев, скончавшийся 2 мая 1921 г., принадлежал к числу наиболее выдающихся ученых в области гуманитарных наук. Его имя пользовалось широкой известностью не только в России, но и за границей. Об этом свидетельствуют многочисленные ссылки на его ученые труды в русских и заграничных специальных работах по археологии и эпиграфике. Он был членом очень многих русских и заграничных обществ и, между прочим, членом-корреспондентом Берлинской Академии наук. Но самым ярким свидетельством его научного значения и величественным памятником его непрерывного более чем сорокалетнего труда в области науки являются его печатные работы, число которых доходит до двухсот девяти.

Эти труды В. В. Латышева касаются различных вопросов классической эпиграфики и археологии, в разрешении которых он обнаружил громадную эрудицию, глубину мысли и оригинальность взглядов. Многие вопросы получили у него новое освещение и правильное решение. Но особенно важны для русской науки, для России его издания античных надписей, найденных на северном побережье Черного моря и на Кавказе. Все античные надписи, обнаруженные в России, В. В. Латышев соединил в одном классическом, монументальном издании — «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Petropoli, 1885, 1890, 1901». Этот труд выдвинул его в ряды самых выдающихся эпиграфистов нашего времени. В. В. Латышев выполнил этим изданием ту задачу, которую давно поставило Русское археологическое общество и которую до него не мог осуществить ни один русский ученый. Благодаря этому изданию стала возможна работа над раскрытием далекого прошлого юга России. В своде античных надписей, изданном В. В. Латышевым, содержится богатейший материал для изучения жизни древнегреческих поселений на юге России, еще недостаточно использованный до настоящего времени. Сам В. В. Латышев в своем «Исследовании об истории и государственном строе горсда Ольвии» (СПб., 1887) представил прекрасный образец разработки этого материала.

Другой громадный труд, имеющий непосредственное значение для изучения прошлой жизни юга России, — многотомное собрание «*Scythica et Caucasica*». Все античные тексты в этом издании переведены на русский

язык и становятся доступными даже для тех, кто не знает ни древнегреческого, ни латинского языков. В этом собрании можно найти все, что сохранилось об южной России и Кавказе у античных авторов.

Но деятельность В. В. Латышева не ограничилась этими двумя колоссальными трудами. Он написал еще множество отдельных исследований и статей, помещенных в специальных русских и зарубежных журналах. Он разрабатывал историю Херсонеса, Боспорского царства, исследовал географию юга России в историческом освещении, издавал вновь находимые на юге России античные надписи и делал поправки к тем надписям, которые были неудачно объяснены или неточно прочитаны другими учеными.

Громадное количество ученых трудов В. В. Латышева ясно говорит о том, что он работал не покладая рук. Это был труженик науки, обладавший редкой, удивительной работоспособностью и выдающимися знаниями. В. В. Латышев, несомненно, принадлежал к числу тех ученых, которых называют мировыми, и его труды долго не утратят своего значения, служа руководящими путями для тех, кто изучает далекое прошлое юга России.

3 января 1922 г.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛАТЫШЕВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

При ознакомлении с тем богатым научным наследием, которое оставил после себя В. В. Латышев, при прослеживании основных этапов его жизненного пути постоянно возникает впечатление не только об исключительной продуктивности, но и о поражающей последовательности и стройности развития его научной работы. В. В. Латышев был крупным и знающим специалистом в различных отраслях науки. В списке его трудов мы встречаем, кроме работ, посвященных Северному Причерноморью античной эпохи, также исследования, рассматривающие вопросы истории и истории культуры собственно Греции, а в более поздние годы (начиная с 1906 г.) предметом его особого внимания становится византийская агиография. Но едва ли можно сомневаться в том, что основные интересы В. В. Латышева были направлены на исследование истории греческих городов Северного Причерноморья, и именно в этой области им создан ряд работ первостепенного значения, принесших исключительную пользу делу изучения исторического прошлого юга нашей страны.

Продуктивности научной работы В. В. Латышева, сочетавшейся с постоянным высоким качеством его трудов, способствовал ряд обстоятельств. Полученная им под руководством Ф. Ф. Соколова прекрасная подготовка по классической филологии была дополнена двухлетней командировкой в Грецию (в 1830—1832 гг.), где он продолжал свои занятия древней историей и классической филологией и особенно античной эпиграфикой. Ряд исследований, напечатанных в то время в русских и иностранных изданиях, создал еще очень молодому В. В. Латышеву репутацию вполне сложившегося эпиграфиста: сразу же после его возвращения из Греции ему была поручена Русским археологическим обществом ответственная задача собирания, обработки и издания всех греческих и латинских надписей, происходящих из античных городов Северного Причерноморья.

Этим поручением определлось и все направление дальнейшей деятельности В. В. Латышева. Уже в ранних статьях он выступает как настоящий энтузиаст, охваченный стремлением работать именно в области истории Северного Причерноморья; вместе с тем он ясно и четко сознает основные задачи, осуществление которых необходимо для успешного изучения истории греческих причерноморских городов. Убедением в важном значении работы по собиранию и подготовке к изданию сборника надпи-

сей, в то время уже успешно им начатой, проникнуто «Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря», прочитанное В. В. Латышевым на VI Археологическом съезде в Одессе в 1884 г.¹ Особенно же четко и полно изложены основные задачи, стоявшие перед исследователями Северного Причерноморья, в речи, произнесенной В. В. Латышевым в 1887 г. перед защитой докторской диссертации². В начале речи В. В. Латышев подробно защищает самый выбор темы для диссертации, доказывая важность, даже необходимость изучения исторического прошлого Северного Причерноморья; затем, характеризуя состояние избранной им отрасли науки, он приходит к заключению о необходимости собирания материала, его обработки, превращающей его в исторический источник: «Систематическое исследование мест древних поселений, — пишет он, — затем собирание существующих обильных материалов и очищение их путем строгой критики — таковы ближайшие задачи, которые представляются современным деятелям на южнорусской историко-археологической ниве и которые составят фундамент будущего здания научной истории эллинских поселений Северного Черноморья». Далее определены уже конкретно две задачи: подготовка издания, «в котором были бы с возможной полнотой собраны, критически проверены, снабжены точными переводами и необходимыми пояснениями все относящиеся к нынешней южной России и Кавказу известия древних писателей», и составление «полного собрания древних надписей, найденных на северном побережье Черного моря».

В то время, когда В. В. Латышев произносил свою речь, он уже успел издать (в 1885 г.) I том сборника надписей и считал ближайшей своей задачей осуществление издания следующих томов того же сборника, а затем свода известий древних писателей о Скифии и Кавказе. Как известно, две намеченные В. В. Латышевым задачи легли в основу всей его деятельности, результатом чего явились два капитальных труда — «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae»³, в нескольких томах, и так называемое «Scythica et Caucasica»⁴, тоже в нескольких выпусках. Если учесть сложность работы и значительные размеры обоих изданий, сроки выхода их в свет следует считать быстрыми: сборник надписей в первом издании вышел в 1885—1901 гг., сборник текстов греческих и латинских писателей — в 1893—1906 гг. Об этих изданиях мы еще скажем ниже; пока вернемся к речи, произнесенной в 1887 г.

В этой речи интересно особое подчеркивание неразрывной связи между обработкой и изданием материалов, с одной стороны, и использованием этих материалов как исторического источника — с другой. Перед В. В. Латышевым стояла трудная и сложная задача подготовки сборника, требовавшая громадного и самого кропотливого труда, исключительного внимания и терпения. Нужно было не только объединить рассеянные по раз-

¹ См. Труды VI АС, т. II, Одесса, 1887, стр. 44 и сл. Переиздано в сб. «PONTIKA», СПб., 1909, стр. 11 и сл.

² Сб. «PONTIKA», стр. 1 и сл.

³ Полное название: *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschew. Vol. I. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum. Petropoli, 1885; Vol. I², 1916; Vol. II. Inscriptiones regni Bosporani. Petropoli, 1890; Vol. IV Inscriptiones per annos 1885—1900 rep. rtae. Petropoli, 1901.*

⁴ *Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis collegit et cum versione rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. I. Scriptorum graeci. Vol. II. Scriptorum latini. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. СПб., 1893—1900; т. II. Латинские писатели. СПб., 1904—1906.*

ным собраниям надписи — предстояло скопировать их, сверить с ранее сделанными копиями; для того, чтобы использовать их как документы о прошлом, необходимо было определить их время. Большие расхождения между исследователями в датировании одних и тех же надписей свидетельствовали о необходимости твердой хронологической классификации хотя бы основных памятников или групп памятников. При этом нужно было выработать самую методику датирования эпиграфических документов. Вся эта работа ясно отражена в статьях В. В. Латышева, относящихся ко времени подготовки первого издания сборника надписей. Однако никогда работа над подготовкой надписей к изданию не заслоняла для В. В. Латышева основной цели — использовать надписи как исторический источник: обрабатывая надписи для сборника, он тут же, в процессе этой обработки, пользовался надписями для специальных исторических исследований. Так появились первая из посвященных истории Северного Причерноморья работ В. В. Латышева — «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического», напечатанная в 1884 г., еще до издания I тома сборника надписей⁵, а через два года после выхода в свет I тома — и большая монография, посвященная Ольвии⁶, завершение которой только и могло быть осуществлено на основе вновь собранных, проверенных и изученных ольвийских надписей.

Тем же задачам и тому же направлению В. В. Латышев остался верен до конца своей необычайно продуктивной жизни. Продолжалось собрание и издание, — с всесторонним изучением, — надписей Северного Причерноморья; было осуществлено издание свода текстов греческих и латинских авторов «по Скифии и Кавказу»; наконец, проводилась связанная с двумя упомянутыми задачами, но имеющая вполне самостоятельное значение исследовательская работа, выразившаяся в большом количестве статей, и трудов крупного масштаба по истории и древней географии Северного Причерноморья.

Не ставя своей задачей дать характеристику всей обширной деятельности В. В. Латышева, остановимся лишь на наиболее важных вопросах.

Начнем с обзора трудов, связанных с задачей издания сборников надписей Северного Причерноморья. Как отмечалось, первое издание надписей в двух томах было завершено уже в 1890 г. Впервые надписи причерноморских городов, рассеянные по разным, иногда трудно доступным изданиям, были собраны, проверены, систематизированы; произведено и хронологическое определение их всех, причем большинство получило более или менее точные датировки. Если точно установить время надписей почему-либо оказывалось затруднительным, то они, во всяком случае, были отнесены к определенным периодам. Надписи снабжены переводом на русский язык и подробным комментарием, историческим и лингвистическим; даны ссылки на издания и литературу о каждом сколько-нибудь значительном памятнике, указаны разногласия в восстановлении текста; к обоим томам приложены разнообразные указатели. Достоинства этого труда были сразу высоко оценены и в русской, и в иностранной науке. Исследователи получили исключительно ценное издание, чрезвычайно облегчившее им изучение истории греческих городов Северного Причерноморья и остающееся до настоящего времени настольной книгой каждого, кто занимается древней историей нашего Юга.

⁵ См. ЖМНП, 1884, июль.

⁶ В. В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887.

Раскопки причерноморских городов продолжались, продолжал поступать в русские собрания и новый эпиграфический материал; к изданным двум томам оказывалось необходимым присоединять все новые и новые дополнения, систематически издававшиеся большей частью тоже В. В. Латышевым. В 1901 г. новые эпиграфические находки были объединены в IV том сборника⁷. В связи с дальнейшими поступлениями возникло намерение издать еще один том — пятый, в котором, как и в четвертом, были бы объединены надписи всех причерноморских городов — Ольвии, Тирры, Херсонеса, городов Боспора. Однако в процессе накопления и обработки новых надписей стала ясна большая целесообразность не дополнительного издания, а переиздания обоих вышедших томов, с включением в соответственные их разделы всех новых находок и с внесением дополнений, поправок и изменений также в старые надписи. Слишком много накопилось и новых памятников, и новых наблюдений.

В. В. Латышеву удалось осуществить выпуск в свет в 1916 г. второго издания I тома. Сравнение этого нового издания с первым показывает, что сборник был не только существенно дополнен, но и значительно усовершенствован. Гораздо выше стоит в нем воспроизведение надписей: наряду с «эпиграфическим шрифтом» мы встречаем здесь значительное количество хорошо воспроизведенных фотокопий, в других случаях — прорисовок с эстампажей. Пополнился комментарий: в нем читатель знакомится не только с историей изучения каждой надписи, но и с общим движением науки, имеющей отношение к изданным документам. Новые надписи не только тщательно изучены и изданы, но и сопоставлены с прежними, из которых многие получили уточненные датировки и — иногда — новое толкование.

Незадолго до выхода в свет I тома во втором издании В. В. Латышев опубликовал статью, в которой изложены и характер работы над этим изданием, и все то, что дают новые эпиграфические находки, пока для одного из причерноморских городов — для Ольвии⁸. Читая эту краткую, но в высшей степени содержательную статью, можно лишь поражаться, как много удалось сделать В. В. Латышеву не только при подготовке надписей к новому изданию, но и в исследовании их; остается очень пожалеть о том, что при жизни В. В. Латышева переиздан только один том, а переиздание второго, уже в значительной степени подготовленного В. В. Латышевым, не осуществлено до сих пор.

Как известно, громадную долю работы, связанной с подготовкой к изданию надписей, В. В. Латышев выполнял сам — снятие эстампажей, списывание, описание эпиграфических документов и т. д. В некрологе, помещенном в «Византийском временнике»⁹, С. А. Жебелев отмечает и сильные, и слабые стороны этой, как он выражается, «монополии» Латышева. Сильная сторона — обеспечение такой постановкой дела высокого качества работы: «Каждая вновь находимая надпись попадала в вполне надежные руки и опубликование ее не задерживалось»¹⁰. В том же некрологе С. А. Жебелев, характеризуя деятельность В. В. Латышева еще в молодые его годы, пишет: «Никто лучше его не умел тогда списывать надписи с оригиналов, делать с надписей эстампажи, транскрибировать, восстанавливать

⁷ В III том должны были войти надписи не на камне, а, главным образом, керамические. Этот том, издание которого было поручено не В. В. Латышеву, а Е. М. Придику, остался незавершенным и до сих пор не издан.

⁸ См. В. В. Л а т ы ш е в. Обзор ольвийской эпиграфики за последние 15 лет. «Гермес», 1915, № 20 (166), стр. 445 и сл.

⁹ С. А. Ж е б е л е в. Василий Васильевич Латышев (29 июля 1855 г. — 2 мая 1921 г.). Визант. врем., т. XXIV, 1926, стр. 105 и сл.

¹⁰ Ук. соч., стр. 108.

лакуны в них, объяснять надписи по всем правилам эпиграфической критики и экзегезы». Слабая же сторона, — что, работая один или почти один, В. В. Латышев не создал своей школы, не оставил после себя достойных преемников. Данная В. В. Латышеву характеристика в основном, очевидно, правильна. Однако следует прежде всего отметить, что в ряде случаев работа его протекала в тесном контакте с другими исследователями и что именно эта совместная работа оказалась очень плодотворной. Примером может служить постоянное привлечение М. И. Ростовцева для издания и исследования латинских надписей или надписей греческих, связанных с отношениями причерноморских городов и Рима: но, несомненно, привлекались сотрудники В. В. Латышевым с очень большим выбором. С другой стороны, нельзя не отметить, что, не создав школы, не имея учеников в прямом смысле этого слова, В. В. Латышев, как никто другой, самым характером своих эпиграфических трудов содействовал созданию кадров эпиграфистов. Каждый, кто работал над опубликованным В. В. Латышевым материалом, хорошо знает, как ясно отражена в этих трудах самая методика работы над эпиграфическими документами: работая над надписями, мы все идем по проложенным В. В. Латышевым путям, следуем его примерам, учимся у него, как надо и издавать, и исследовать эпиграфические источники.

Второй осуществленный В. В. Латышевым монументальный труд — это так называемое «*Scythica et Caucasia*» — сборник текстов греческих и латинских авторов со сведениями о «Скифии и Кавказе», т. е. о Северном и Восточном Причерноморье. Труд этот является необходимым дополнением к сборнику надписей и имеет не меньшее значение: оба издания вместе содержат собрание всех греческих и латинских письменных источников, позволяющих восстановить историю Северного Причерноморья в античную эпоху.

Необходимость в подобном издании сознавалась уже давно, во всяком случае с середины XIX столетия; были и попытки к частичному выполнению этой задачи, которые не могут быть признаны удачными¹¹. Дело двинулось, когда за него принялся В. В. Латышев. Собрание текстов античных писателей было издано в 1893—1906 гг. в Записках Русского археологического общества.

В силу ряда обстоятельств В. В. Латышев оказался вынужден ввести некоторые ограничения и уточнения в свой первоначальный план издания. Во-первых, пришлось отказаться от мысли об обширном комментарии; во-вторых, к работе по переводу текстов В. В. Латышев привлек целый ряд своих учеников из состава студентов старших курсов Историко-филологического института¹². Итак, здесь В. В. Латышев уже не являлся единственным автором. Им был выполнен ряд переводов, а главное, разработаны система и план сборника, проверены и отредактированы все переводы. Высокое научное качество труда тем самым было обеспечено и здесь.

В изданные два тома вошли тексты греческих и латинских писателей, относящиеся ко времени, кончая V в. н. э. Предполагалось издание следующих томов с текстами византийских писателей, но эту задачу В. В. Латышеву уже не удалось довести до конца.

«*Scythica et Caucasia*» в меньшей степени, чем сборник надписей, содержит результаты исследовательской обработки материала. Но круг поль-

¹¹ О них см. «Предисловие» к I тому рассматриваемого издания, стр. III—V.

¹² Все сотрудники, принимавшие участие в переводах, перечислены в «Предисловии» и «Послесловии» к I тому «*Scythica et Caucasia*».

зующихся этим трудом лиц, пожалуй, еще больше, поскольку последний включает сведения не только об античных городах Северного Причерноморья, но и о степных областях и населявших их племенах; русский перевод, русский текст дополнительных пояснений делают его широко доступным.

Кроме двух разобранных нами монументальных трудов, В. В. Латышевым выполнено еще значительное количество научных исследований, освещающих различные стороны древней истории и географии Северного Причерноморья. Рассмотреть эти исследования сколько-нибудь полно в данном очерке невозможно; ограничимся краткими сведениями о них.

Особого внимания заслуживает уже упоминавшаяся нами докторская диссертация В. В. Латышева об Ольвии. Несмотря на значительное время, истекшее после выхода в свет этого труда, он и сейчас входит в число важнейших работ, используемых специалистами по Северному Причерноморью, особенно по Ольвии.

Ольвию знали, ею интересовались и раньше; вспомним, например, Уварова. Но каждый, кто стремился извлечь из исторической и археологической литературы сколько-нибудь ясное представление об исторических судьбах Ольвии, неизбежно попадал в трудное положение. Важные и бесспорные исторические факты перемежались в этой литературе с совершенно фантастическими домыслами; хронология не была установлена; терялась возможность надлежащим образом использовать даже самые выдающиеся памятники ольвийской эпиграфики. Исследователю Ольвии необходимо было начинать с самой общей систематизации материала, чтобы получить возможность хотя бы поставить основные вехи.

В уже упоминавшейся мною речи, произнесенной перед защитой докторской диссертации, В. В. Латышев говорит о непосредственной и тесной связи между монографией об Ольвии и I томом надписей: «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» могли бы служить введением к самому значительному отделу этого тома. При ознакомлении с полученными результатами бросается в глаза опять-таки удивительная систематичность, с которой автор наметил важнейшие вопросы, ряд их по мере возможности решил и тем самым заложил фундамент для построения научной истории Ольвии.

Установление хронологии основных ольвийских надписей и сопоставление их с письменными источниками дали впервые представление об Ольвии в ее историческом развитии. Осталось много лакун, многое нуждалось в уточнении или проверке, но основа была создана. Отметим ряд главных моментов. Так, до В. В. Латышева высказывалось мнение о принадлежности всех известных ольвийских надписей только к периоду после гетского нашествия; В. В. Латышев доказал наличие среди них памятников V—IV вв. и следующих веков, предшествующих началу нашей эры. Важнейшая из ольвийских надписей — декрет в честь Протогена — датировалась исследователями самым различным образом, вследствие чего трудно было использовать все обильные содержащиеся в декрете сведения. После исследования В. В. Латышева стала, во всяком случае, несомненной принадлежность надписи эллинистическому периоду; различные предлагавшиеся историками Северного Причерноморья датировки теперь все укладывались в пределы сравнительно ограниченного отрезка времени. Укажу также на интересные страницы, посвященные отношениям Ольвии с Римом, где судьбы одного из причерноморских городов поставлены в общую связь с событиями истории древнего мира. Здесь выступает еще одна в высшей степени ценная особенность исследований В. В. Латышева. Хорошо зная ход исторических событий за пределами Причерноморья, он

умел осветить и Северное Причерноморье в общей системе античного мира, устраняя возможность ошибок, в которые впадают многие исследователи, изучая данную область слишком изолированно. Стремление рассматривать Ольвию в тесной связи с общей греко-римской историей выражено и в других частях монографии: условия возникновения Ольвии исследуются в связи с общей историей колонизации; тот же подход характеризует главы, относящиеся к первым векам жизни Ольвии, а также обширную вторую часть монографии, посвященную государственному строю Ольвии. Вместе с тем никак не игнорируются вопросы об окружавших Ольвию и различным образом участвовавших в ее жизни местных племенах, хотя, как отмечает сам автор, он сознательно ограничивается только тем, что непосредственно связано с жизнью Ольвии.

Издав специальную монографию об Ольвии, В. В. Латышев не переставал заниматься судьбами этого города и в дальнейшей своей работе. Очень интересны статьи, в которых разбираются некоторые надписи, найденные вне Северного Причерноморья, но содержащие данные, важные для истории Ольвии. Из таких работ отмечу очерк «К истории города Ольвии»¹³, где привлечен делосский декрет о проксении ольвиополиту Посидею, сыну Дионисия. Текст декрета дает возможность вновь вернуться к датировке декрета в честь Протогена: датировка В. В. Латышева получает новое подкрепление; вместе с тем устанавливается факт сношений Ольвии с Делосом. Не менее интересна статья, посвященная дионисопольскому декрету в честь Акорниона; декрет содержит сведения о гетском царе Биребисте, с которым связано нашествие гетов на Ольвию. Наконец, отметим целый ряд статей В. В. Латышева о новых ольвийских надписях. По своему научному значению эти краткие статьи далеко выходят за пределы обычных публикаций эпиграфических материалов.

Не обошел своим вниманием В. В. Латышев и другие области Северного Причерноморья. Им написан «Краткий очерк истории Боспорского царства», опубликованный и во II томе надписей и отдельным изданием¹⁴; в дальнейшем последовали специальные к нему дополнения. Еще в самом начале своей деятельности В. В. Латышев издал работу о Херсонесе под названием «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического»¹⁵, скоро, впрочем, потребовавшую поправок и дополнений в связи с новыми раскопками и находками. Наконец, он систематически издавал статьи о важнейших надписях Херсонеса и боспорских городов, представлявшие, как и статьи об ольвийских надписях, не только публикации памятников, но и специальные научные исследования. Важнейшие из статей В. В. Латышева, посвященных Северному Причерноморью, были объединены в сборнике «PONTIKA»¹⁶, вышедшем из печати в 1909 г., где приведен также полный список работ, не включенных почему-либо В. В. Латышевым в этот сборник. Издание «PONTIKA», освещающее различные стороны истории и географии Северного Причерноморья, занимает видное место среди публикаций, существенно помогающих изучению исторического прошлого юга СССР.

В период после издания сборника «PONTIKA» В. В. Латышев уделял особенно много внимания новой области — византийской агнографии.

¹³ ЖМНП, 1890, февраль, отдел классич. филологии, стр. 68 и сл.

¹⁴ См. Известия Таврической ученой архивной комиссии, 1893, № 17, стр. 1—66; отдельное издание Симферополь, 1893 и сборник «PONTIKA», стр. 60 и сл.

¹⁵ ЖМНП, 1884, июль.

¹⁶ Полное название: В. В. Л а т ы ш е в «PONTIKA». Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909.

В этой связи им были сделаны новые переводы многих «житий святых» и опубликован ряд статей, в которых проводится исследование агиографической литературы как исторического источника. Но он не прекращал также работы по систематической публикации и исследованию припонтийских надписей. Последние его статьи опубликованы в 1922 г. в «Известиях Российской академии истории материальной культуры»¹⁷.

Говоря о значении В. В. Латышева в области изучения Северного Причерноморья, нельзя не упомянуть о громадной организационной и редакционной работе, выполнявшейся им в Археологической комиссии. В течение длинного ряда лет он состоял в ней товарищем председателя: по его инициативе стали издаваться «Известия Археологической комиссии», которые, так же как и «Отчеты Археологической комиссии» постоянно редактировались им.

В нашем очерке мы старались осветить только одну, хотя и важнейшую область работы В. В. Латышева. Наряду с изучением истории Северного Причерноморья в античную эпоху, он работал, как уже отмечалось, и в области собственно греческой истории, особенно эпиграфики, и в области византиноведения. В этих областях, не имеющих непосредственного отношения к теме настоящей статьи, работа его была тоже весьма плодотворной.

Заслуги В. В. Латышева перед наукой, действительно, исключительны. Осознав очень рано, в возрасте почти юношеском, основные очередные задачи, стоявшие перед исследователями Северного Причерноморья, он всю жизнь успешно работал над их выполнением и создал ряд крупнейших трудов, находившихся в полном соответствии с намеченными задачами. Большой долг советских специалистов, занимающихся родственными отраслями науки, — продолжить и, где можно, завершить ряд начатых и далеко продвинутых трудов В. В. Латышева, чтобы и эти работы заняли достойное их место в нашей науке.

¹⁷ «Заметки по греческой эпиграфике» и «Неизданные боспорские надписи» — ИРАИМК, т. II, Пб., 1922, стр. 65—104.

А. И. Т Ю М Е Н Е В

В. В. ЛАТЫШЕВ И ИСТОРИЯ ХЕРСОНЕСА

В исследовании истории греческих городов Северного Причерноморья В. В. Латышеву принадлежит исключительное место. Не приходится говорить о том, в какой мере облегчает исследование изданный им свод литературных источников о Скифии и Кавказе. Несравненно большее значение имеет выполненное им издание полного собрания греческих и латинских надписей Северного Причерноморья. Издание это, к сожалению, осталось незавершенным. Собрание надписей Ольвии, Херсонеса, Тиря, вошедших в I том свода, было доведено во втором издании тома до 1916 г., собрание же боспорских надписей (во II томе и в дополнительном IV томе) ограничивается 1901 г. Издание и комментарии к боспорским надписям, открытым в последующее время, имеются только в систематических обзорах «Эпиграфических новостей из южной России», помещавшихся в Известиях Археологической комиссии.

Но если исключительно велика, таким образом, была заслуга В. В. Латышева в качестве собирателя и издателя основного литературного и, в особенности, эпиграфического материала по истории греческих городов Северного Причерноморья, то не меньшее значение имел и его труд как исследователя. Изданная в 1887 г. его докторская диссертация «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» до настоящего времени не утратила своего значения и остается основным трудом по истории государственного строя Ольвии. Второму тому свода надписей, содержащему боспорские надписи, был предпослан краткий очерк истории Боспорского царства. Этот очерк представлял собой введение, которое должно было ориентировать при пользовании содержащимися во II томе свода надписями.

В. В. Латышев не оставил монографического исследования, посвященного Херсонесу, но отнюдь не из-за отсутствия интереса к истории этого города. Достаточно указать, что первая же статья В. В. Латышева, после того как он приступил к собиранию и исследованию эпиграфических памятников городов Северного Причерноморья, была посвящена именно Херсонесу: я имею в виду его «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического»¹. За ней последовал ряд других статей, также по вопросам истории Херсонеса. Нередко комментарий к отдельным надписям разрастался в обширное исследование. Если результаты

¹ ЖМНП, 1884, июнь, отдел классич. филологии, стр. 35—77. То же на французском языке — ВСН, t. IX, 1885.

этих отдельных статей и исследований не были сведены в одну общую работу, то это было вызвано исключительно быстрым накоплением нового эпиграфического материала именно в Херсонесе. Показательно, как объяснял сам В. В. Латышев, отказ от включения в сборник «PONTIKA», изданный в 1909 г., своей ранней статьи о государственном устройстве Херсонеса. «Прежде всего,— говорит он в предисловии к этому сборнику,— я, хотя и с искренним прискорбисем, пришел к убеждению в невозможности перепечатать в сборнике ту статью, которую было положено начало моим работам в понтийской области, именно «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического», так как при систематических раскопках в Херсонесе открыто множество новых эпиграфических документов, пополняющих и исправляющих сведения, собранные мною в названной статье, так что она в настоящее время представляется устаревшею и, в случае переиздания, должна была бы подвергнуться коренной переработке, но для такой переработки, по моему мнению, не настала еще пора, ибо при раскопках в Херсонесе и по настоящее время ежегодно открываются новые эпиграфические памятники, подчас дающие весьма важные сведения о государственном устройстве этого города»².

Отказываясь, таким образом, от составления общего труда по истории Херсонеса и его учреждений, В. В. Латышев в то же время в своих статьях и комментариях к отдельным документам, освещающих различные стороны истории и жизни древнего Херсонеса, проделал обширную работу, предваряющую появление такого труда и облегчающую задачу будущего историка Херсонеса. Опытный и блестящий эпиграфист, В. В. Латышев не ограничивался восстановлением и изданием документов с определением их даты, но в своих комментариях нередко выходил за пределы первоначальной программы издания, требовавшей «ограничиваться кратким изложением существенно необходимого для понимания» издаваемых памятников и возможно точным установлением времени каждого из них и «не вдаваться в подробности относительно более общих вопросов, которые могут возникнуть по поводу того или другого документа, но не иметь ближайшего, непосредственного отношения к их объяснению»³.

Приступая к изданию надписей юга России, В. В. Латышев был уже опытным и высококвалифицированным эпиграфистом. Еще в студенческие годы в стенах Историко-филологического института он прошел хорошую школу под руководством Ф. Ф. Соколова и избрал своей специальностью эпиграфику. Вскоре по окончании института он вместе с В. К. Ернштедтом, по представлению Ф. Ф. Соколова, был командирован Министерством народного просвещения в Афины, где встречался с крупнейшими представителями эпиграфической науки. За время своей двухгодичной командировки и в ближайшие годы после нее В. В. Латышев написал ряд статей, посвященных исследованию эпиграфических памятников, изданию новых надписей и внесению поправок в толкование изданных ранее. Статьи эти помещались как в «Журнале Министерства народного просвещения», так и в иностранных журналах «Bulletin de correspondance hellénique», «Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Athenische Abteilung)». Собранный В. В. Латышевым за время пребывания в Греции эпиграфический материал лег также в основу его магистерской диссертации «О некоторых эолических и дорических календарях» (СПб., 1889).

² «PONTIKA», СПб., 1909, стр. VII—VIII.

³ В. В. Л а т ы ш е в. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. Труды VI AC, т. II, Одесса, 1887; «PONTIKA», стр. 17.

Русское археологическое общество, по предложению Ф. Ф. Соколова, поручило В. В. Латышеву, как опытному и признанному эпитафисту, предпринятое обществом издание свода греческих и латинских надписей южной России. С этого времени В. В. Латышев почти не писал статей относительно эпитафических документов греческой метрополии. Все внимание он сосредоточил исключительно на памятниках греческих городов Северного Причерноморья. Работу по собиранию материала для издания надписей В. В. Латышев начал со списывания и сличения памятников, хранившихся в Петербурге в Публичной библиотеке и в Эрмитаже. В 1883 г. он был командирован на один год в южные районы России для ознакомления с находившимися в местных музеях надписями. С этой целью он посетил Харьков (где хранились 4 ольвийские надписи), Керчь, Таманский полуостров, Феодосию, Херсонесский монастырь (где, между прочим, обследовал хранившуюся в то время там надпись в честь Диофанта), Одессу, затем частные собрания И. К. Суручана в Кишиневе и П. О. Бурачкова в Херсоне и в заключение — Исторический музей в Москве⁴. Так составилась основная фонд свода греческих и латинских надписей юга России. В 1885 г. вышел I том, содержащий надписи Ольвии, Херсонеса и немногочисленные эпитафические памятники Тиря, Керкинитиды, Неаполя скифского, Харакса. Всего в I том вошло 245 надписей, из которых Херсонесу принадлежало только 58.

Со времени издания I тома В. В. Латышев стал, по выражению С. А. Жебелева, «почти монопольным хозяином по изданию и объяснению греческих надписей, происходящих с юга России»⁵. Все вновь открывавшиеся с того времени надписи проходили через его руки и публиковались им с обстоятельными комментариями: надписи, открытые в 1881—1888 гг., — в Приложении к отчету Археологической комиссии за 1882—1888 гг.⁶; дополнения и поправки к изданным надписям — в «Записках Русского археологического общества» (т. IV, V, VII); надписи, открытые в 1888—1898 гг., — в «Материалах по археологии России» (вып. 9, 17, 23); за последующие годы по 1918 г. — в «Известиях Археологической комиссии» (вып. 2, 3, 10, 14, 18, 23, 27, 33, 37, 45, 58, 65); наконец, несколько надписей, подготовленных к изданию В. В. Латышевым, вышло после его смерти в «Известиях Российской академии истории материальной культуры» (вып. 1, 1921). Кроме того, исследованию более крупных и имевших более существенное значение надписей были посвящены специальные статьи в различных журналах — «Журнале Министерства народного просвещения», «Записках Одесского общества истории и древностей», «Известиях Археологической комиссии». Надписи, найденные в 1885—1900 гг., были собраны и изданы в дополнительном IV томе (1901 г.). В 1916 г. вышло подготовленное В. В. Латышевым второе издание I тома, в которое вошли как надписи первого издания и дополнительного IV тома, так и надписи Ольвии, Херсонеса и др., найденные в 1901—1916 гг. Вместо 245 надписей, как было в первом издании, в новое издание вошла 751 надпись.

Особенно быстро возросло число херсонесских надписей с началом систематических раскопок в Херсонесе (с 1888 г.). Как увеличивалось количество херсонесских надписей, могут показать следующие данные: из 140 надписей южной России, известных Беку в 20—30-х годах прошлого

⁴ В. В. Л а т ы ш е в Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. «ПОНТИКА», стр. 17—19.

⁵ С. А. Ж е б е л е в. Василий Васильевич Латышев (некролог). Визант. врем., XXIV, 1926, стр. 108.

⁶ СПб., 1891, стр. 1—28.

столетия, на Херсонес приходилось только 7; в изданном в 1885 г. I томе собрания надписей В. В. Латышева херсонесских надписей было 54; ко времени издания дополнительного IV тома, т. е. к 1901 г., число херсонесских надписей увеличилось до 180; наконец, ко времени выхода второго издания I тома количество херсонесских надписей более чем удвоилось и достигло 391, а по сравнению с первым изданием возросло более чем в 7 раз.

Уже по одному этому В. В. Латышеву чаще всего приходилось оставаться на херсонесских надписях. Но в то же время и содержание херсонесских надписей привлекало его преимущественное внимание. Именно найденным в Херсонесе надписям прежде всего посвящены, помимо общих обзоров, его специальные статьи; в то же время и в общих обзорах комментарии к херсонесским надписям, представлявшим особый интерес, носили характер настоящих исследований, например комментарий к надписи в честь Диофанта, к тексту херсонесской присяги.

Наибольшее внимание В. В. Латышев уделял исследованию государственного и общественного строя Херсонеса. Напомню, что первой статьей, посвященной изучению эпиграфического материала южной России, как уже отмечалось выше, была именно статья «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического». Несмотря на крайнюю скудость имевшегося в то время материала, В. В. Латышеву в этой статье не только удалось осветить основные черты государственного строя Херсонеса, но даже наметить его эволюцию. Исследование же позднее открытого материала внесло некоторые изменения в этот первоначальный очерк.

Из херсонесских эпиграфических данных нам известны по преимуществу лишь названия различных должностей, однако, путем аналогий с государственным устройством Мегар и их колоний — Халкедона, а также Византия — В. В. Латышев определил функции, связанные с этими должностями. Прежде всего В. В. Латышев установил характер государственного строя Херсонеса как строя демократического, причем на основании факта издания проксенических и почетных декретов от имени Совета и Демоса сделал заключение, что основными органами государственной власти, как и в остальных греческих демократических полисах, были Совет и Народное собрание. Совет вносил предложения, а Демос их утверждал.

В декрете в честь Диофанта в числе эпонимов, наряду с царем и секретарем, назван *προξισμύου* (согласно В. В. Латышеву, председатель эсимнетов); под эсимнетами, по аналогии с данными мегарских и халкедонских эпиграфических документов, разумеются члены Совета. В течение определенного срока (месячного) члены Совета — эсимнеты несли дежурство подобно афинским пританам. Это, быть может, несколько смелое предположение подкреплялось авторитетом таких прославленных эпиграфистов, как Бек и Диттенбергер, сделавших подобное же заключение на основании данных Халкедона. В настоящее время этот вывод ранней работы В. В. Латышева безоговорочно принят автором новейшей общей работы о Херсонесе Таврическом Г. Д. Беловым⁷. На основании двух относящихся к позднеримскому времени надписей В. В. Латышев высказал предположение, что «во времена римских императоров в конституции Херсонеса произошли некоторые изменения, причем в Совете место прежних эсимнетов заступили проэдры» (стр. 53). Предположение это вполне подтвердилось позднейшими данными. В декретах римской эпохи именно проэдры обычно выступают в качестве лиц, вносящих пред-

⁷ Г. Д. Белов — Херсонес Таврический., 1948, стр. 69.

ложения, притом не только в позднеимперское время, но начиная с правления императора Августа.

Одной из высших должностей в Херсонесском государстве была должность секретаря: в декрете в честь Диофанта секретарь, наряду с царем и проэсимнетом, называется в качестве эпонима, и по аналогии с Халкедоном В. В. Латышев сделал заключение, что это был секретарь, состоявший при Совете (стр. 54—56). Во время написания статьи должность секретаря, помимо декрета Диофанта, по другим херсонесским надписям еще не была известна. Но в документах, открытых позднее, эта должность встречается часто⁸, притом иногда именно как должность секретаря Совета *γραμματῆς τῆς βουλῆς*⁹. Этим вполне подтверждается высказанное в первой статье предположение.

Что касается функций, выполнявшихся лицом, носившим звание царя, то по аналогии с Мегарами, где это звание восходило к доисторическим временам, В. В. Латышев установил, что власть царя носила чисто религиозный характер и что царь, по всей вероятности, избирался по жребию, а не хейротонией (стр. 56). Также по аналогии с Мегарами и их колониями были определены функции остальных должностных лиц. Должность стратега, упоминаемая только в одном документе, именно в декрете на имя Агасикла, выполнявшего эту должность¹⁰, носила военный и политический характер и, как в Мегарах, была не единоличной, а коллективной, причем избирались стратеги хейротонией (стр. 59—60).

В римское время функции стратегов, как установлено далее в статье В. В. Латышева о государственном строе Херсонеса, перешли к коллегии архонтов. Об этом он заключил прежде всего на основании сообщения Константина Багрянородного, что в царствование Диоклетиана и Константина во главе правления Херсонеса стояло лицо, носившее звание *πρωτεύων*, которое В. В. Латышев расшифровал как *ἄρχων τῆν πρωτῆν ἀρχήν*. Этот *πρωτεύων* соединял в своих руках функции, принадлежавшие ранее царю и стратегам. Устанавливая, таким образом, для введения этого звания *terminus ante quem*, В. В. Латышев в то же время предположительно устанавливал и *terminus post quem*. Восстанавливая в почетном декрете¹¹ второй половины I в. н. э. в одном из званий чествуемого лица отсутствующее слово как *πρωτῶν* вместо предполагавшегося ранее *ἀρχῶν* и читая все звание как *τρίς δάμιον[γῆ]σαντι τῶν [πρωτῶν] ἀρχῆν*, т. е. «трижды выполнявшего должность первого архонта», он, таким образом, относил начало введения звания первого архонта, по крайней мере, ко времени не позднее первой половины I в. н. э.

Установление этого нового звания В. В. Латышев считал результатом реформы государственного строя в Херсонесе в римское время, характер которой он одновременно уточнил. «Вследствие упомянутой реформы (стр. 63), — говорит он, — конституция Херсонеса, как кажется, приняла более аристократический характер; по крайней мере, мы видели, что несколько должностей было теперь соединено в одних руках и архонты, по рассказу Константина, были избираемы из числа наиболее знатных и богатых людей, каким был, например, Ламах, отец Гикки». И все эти предположения В. В. Латышева, построенные, казалось бы, на недостаточном материале, нашли полное подтверждение во вновь найденных с тех пор надписях. Хотя коллегия архонтов существовала еще в III в. до н. э.¹²,

⁸ IOSPE, I², 352, 357, 360, 361, 402, 690.

⁹ Там же № 359, 363, 396.

¹⁰ Там же № 418₅.

¹¹ Там же № 420.

¹² Там же № 346.

но она особенно часто упоминается в документах римского времени¹³, звание же первого архонта появляется и часто встречается только в римское время¹⁴, возможно, с начала I в. н. э.¹⁵

Далее В. В. Латышев обстоятельно остановился на значении должности дамиургов (стр. 63—69), однако, рассмотрение этой широко распространенной в греческих городах должности не привело его ни к каким положительным результатам, поскольку функции дамиургов, как констатировал он в итоге своего обширного обзора, были различны в разных государствах. В данном случае могли бы иметь значение только эпиграфические памятники Мегар и их колоний, однако, и эти последние «не представляют никаких данных». Пришлось поэтому ограничиться констатированием факта, что «по всем признакам характер должности дамиургов, вопреки мнению Юргевича, был политический, а не религиозный» (стр. 67).

Относительно должности продика В. В. Латышев заметил, что, «судя по названию, должность эта должна была иметь юридический характер» (стр. 69). На функциях должностей номофилаков и агораномов, широко распространенных во всех греческих городах и хорошо известных, В. В. Латышев специально не остановился (стр. 70, 71). В почетном декрете на имя Аристона, сына Аттины в седьмом венке указана должность, обозначаемая глаголом *διοικεῖν* (*διοικήσας*), причем отмечается, что во время прохождения этой должности он «выяснил денежные средства города», т. е., вероятно, привел в порядок запущенные городские финансы. Из этого свидетельства надписи Аристона В. В. Латышев заключил о существовании в Херсонесе высшей финансовой должности, соответствовавшей афинскому *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*, причем специально отметил, что лицо, заведующее государственными финансами, не следует смешивать с назначениями храмовых сумм — *ταμίαις τῶν ἱερῶν* (стр. 71, 72). И, действительно, по данным позднее открытых херсонесских надписей, в Херсонесе существовали как должность *ὁ ἐπὶ τᾶς διοικήσεως*¹⁶, так и должность *ταμίαις τῶν ἱερῶν*¹⁷.

В конце своего обзора должностных лиц В. В. Латышев остановился на должности симмнаонов (стр. 72 и сл.), причем определить значение этой должности он затруднился, поскольку в херсонесских надписях она встречается впервые. Он отметил лишь, что в надписи в честь Диофанта коллегии симмнаонов поручалось сделать провозглашение во время праздника Парфений об увенчании Диофанта золотым венком. Аналогичные поручения симмнаонам об увенчании золотым венком чествуемого лица встречаются и в позднее открытых надписях, например, в декрете об увенчании золотым венком историка Сирикса¹⁸. В другой надписи о даровании посланцу Митридата проксении¹⁹ на симмнаонов возлагается обязанность позаботиться о занесении текста постановления на каменную плиту.

Сверх обычных магистратур в греческих городах, как известно, практиковались также литургии, возлагавшие на состоятельных граждан обязанности на собственный счет удовлетворять те или иные общественные и государственные нужды. В подтверждение существования литургий в

¹³ IOSPE, I², № 359, 363, 372, 392, 404₅₀.

¹⁴ *πρωταρχοντεῶν* — IOSPE, I², № 471 и *πρῶτος ἀρχων* — IOSPE, I², № 359, 361, 387, 388, 391, 420.

¹⁵ IOSPE, I², № 471; ср. MAP, № 17, 1895, стр. 12, 13, к № 9.

¹⁶ IOSPE, I², № 342, 343, 347, 351, 691.

¹⁷ IOSPE, I², № 344, 349, 352₅₅.

¹⁸ IOSPE, I², № 344.

¹⁹ IOSPE, I², № 349.

Херсонесе В. В. Латышев сослался на декрет в честь Демократа, в числе заслуг которого отмечается исправное выполнение им литургий²⁰.

В заключение своего очерка В. В. Латышев пришел к выводу, что «если не все, то большинство государственных учреждений херсонесцев не были выработаны ими самостоятельно, а были перенесены в готовом виде из Гераклеи, куда в свою очередь перешли из Мегар» (стр. 77).

Как показывает обзор содержания статьи о государственном устройстве Херсонеса, В. В. Латышев уже в то время на основании знакомства с немногочисленными еще херсонесскими надписями нарисовал картину государственного строя и государственных учреждений Херсонеса. Статья его вошла в основной фонд нашей науки и, как отмечалось выше, не утратила своего значения в настоящее время. Построенные им на основании скудного материала гипотезы в большинстве случаев, как уже сказано, оправдались. Если впоследствии В. В. Латышев не возвращался специально к вопросу о государственном строе Херсонеса, если со свойственной ему осторожностью он не считал возможным даже включить свою раннюю статью в сборник статей, посвященных Северному Причерноморью, то в своих комментариях ко вновь открываемым эпиграфическим документам он постоянно отмечал встречавшиеся в них новые данные, дополняя и исправляя с помощью этих данных выводы своего первоначального очерка.

Так, исследуя текст открытой во время раскопок 1890—1891 гг. херсонесской присяги, он имел возможность уточнить демократический характер херсонесской конституции. «Обращаясь теперь к рассмотрению тех сведений, которые имеются в тексте присяги относительно государственного устройства Херсонеса — говорит он в комментарии к этому новому памятнику²¹, — мы должны напомнить, что встречающиеся в херсонесских надписях данные о конституции этого города были собраны и по возможности, объяснены нами уже в 1884 г. в статье «Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического». Новый документ представляет лишь немногие дополнения к материалам, собранным в этой статье. Мы высказали там предположение, что в Херсонесе, по-видимому, с самого его основания установился демократический образ правления; и действительно, мы видим в присяге, что демократия представляет собою вполне установившуюся форму правления. Относительно неизвестного до сих пор состава Совета мы получаем сведение, что в члены его мог быть избираем всякий полноправный гражданин, так как всякий заранее клянется *βουλευεσιν τῶ ἄριστοι καὶ δικαιοτάτοι τῆ πόλει* (стк. 23)... Из строки 35 мы получаем сведение, что в Херсонесе существовал народный суд, в котором голоса подавались «камешками по законам» и в члены которого также мог быть избран всякий гражданин».

Мы видели, что в первоначальном очерке о государственном устройстве Херсонеса исследование вопроса о функциях дамиургов не привело ни к каким положительным результатам и что на основании имевшихся в то время данных можно было только констатировать, что должность эта была коллективной и имела политический, а не религиозный характер. Текст херсонесской присяги в этом отношении вносит известное уточнение. «Наш новый документ, — замечает В. В. Латышев, — вполне подтверждает высказанное мною мнение: мы видим, что дамиурги были верховные магистраты, обязанные пещись о демократии и преследовать лиц, стремящихся к ее ниспровержению, и вообще государственных изменников и предателей (стк. 17 и 4б). Должность эта была коллегиальная, но из скольких лиц

²⁰ IOSPE, I², № 425, стк. 12: *πάσαν λειτουργίαν τέλειαντα*.

²¹ MAP, 9, 1892, стр. 12 = «PONTIKA», стр. 157 и сл.

состояла коллегия, остается неизвестным; в должность дамиурга, как и Совет, имел право быть избранным всякий полноправный гражданин (стк. 22)»²².

На основании вновь открытых документов можно получить более определенное представление и относительно других должностных лиц. Так, если в первоначальном очерке число номофилаков — три — устанавливалось исключительно путем аналогии с их числом по надписям Халкедона, то впоследствии на основании данных ряда собственно херсонесских надписей В. В. Латышеву удалось установить, что число номофилаков в Херсонесе, действительно, равнялось трем²³. В найденных позже декретах обычно значатся три номофилака в качестве лиц, совместно с $\acute{o} \epsilon\pi\acute{i} \tau\acute{\alpha}\varsigma \delta\iota\omicron\iota\kappa\acute{\eta}\tau\epsilon\omicron\varsigma$ вносящих предложения²⁴. В документах римского времени встречаются также имена номофилаков, но не в начале — в связи с внесением предложений (предложения вносили, как мы знаем, теперь проэдры), — а в конце документа в числе лиц, скреплявших его своими печатями²⁵. Исходя из сопоставления декретов доримского и римского времени, В. В. Латышев специально отмечает, что «номофилаки имели право непосредственно выступать перед Народным собранием с проектами декретов, подобно тому как в римские времена это право принадлежало проэдрам»²⁶. Участие во внесении предложений совместно с номофилаками лица, носившего звание $\acute{o} \epsilon\pi\acute{i} \tau\acute{\alpha}\varsigma \delta\iota\omicron\iota\kappa\acute{\eta}\tau\epsilon\omicron\varsigma$, рассматривается В. В. Латышевым в комментарии к декрету об учреждении культа Девы²⁷. Звание это, наряду со званием номофилаков, упоминается также в ряде других декретов²⁸ — обстоятельство, являющееся блестящим подтверждением гипотетического реконструирования этой должности в первой статье В. В. Латышева. В декрете об учреждении культа Девы рядом с $\acute{o} \epsilon\pi\acute{i} \tau\acute{\alpha}\varsigma \delta\iota\omicron\iota\kappa\acute{\eta}\tau\epsilon\omicron\varsigma$ упоминается также особый казначей ($\tau\alpha\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$), на которого, вероятно, возлагалось заведывание казной вновь учреждаемого культа, что служит подтверждением и другого положения В. В. Латышева, что государственного казначея должно отличать от казначеев храмовых²⁹.

Уже в первой своей статье В. В. Латышев справедливо рассматривал введение новой формулы относительно внесения предложений проэдрами как результат реформы³⁰. На основании позднейших данных представилась возможность установить и дату этой реформы, а именно время введения новой эры, когда постановлено было считать Деву вечной царицей. Факт этот устанавливается на основании датировок позднейших надписей годами «царствования Девы» ($\text{Ζακλιζουοῦταξ Παρθένου}$)³¹. Связь признания

²² «PONTIKA», стр. 158.

²³ Первоначально на основании надписей IOSPE, I², № 342 и 347 В. В. Латышев предполагал число номофилаков равным пяти и даже шести (см. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 21—23, № 1; ИАК, вып. 14, 1905, стр. 101, 102, № 9). Такое толкование, однако, оказалось ошибочным; как показали данные позднее открытых надписей, в фрагментированных местах известных ранее документов должны были быть восстановлены не имена остальных (сверх трех) номофилаков, но звание $\acute{o} \epsilon\pi\acute{i} \tau\acute{\alpha}\varsigma \delta\iota\omicron\iota\kappa\acute{\eta}\tau\epsilon\omicron\varsigma$ с именем.

²⁴ IOSPE, I², № 343 (надпись найдена в 1906 г.) и 351 (найдена в 1908 г.).

²⁵ IOSPE, I², № 359 и 364.

²⁶ ИАК, вып. 3, 1902, стр. 22, № 1.

²⁷ IOSPE, I², № 343, ср. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 115, 116, № 23.

²⁸ IOSPE, I², № 343, 347, 351, 691.

²⁹ Храмовые казначеи встречаются и в других документах, см. выше, стр. 20, прим. 17.

³⁰ В то время еще не были известны более ранние установления, согласно которым предложения делала коллегия номофилаков, и потому, предполагая порядок внесения предложений членами Совета, В. В. Латышев, по-видимому, был неправ.

³¹ В 1884 г., в год написания статьи В. В. Латышева о государственном устройстве Херсонеса, документы, датированные царствованием Девы, еще не были известны. Известен был лишь найденный в 1877 г. обломок проксенического декрета с фрагменти-

царствования Девы с установлением новой эры была выявлена на основании датировки найденного в 1906 г. декрета в честь гераклеота Диа... сына Деметрия (декрет помечен 154 г. царствования Девы — βασιλευούσας Παρθένου ἕτας ρυθ').

Время же введения новой херсонесской эры, а именно 25/4 г. до н. э. удалось определить на основании позднейшего документа времени императора Зенона³². Именно этот год был годом признания царствования Девы, как показывает В. В. Латышев в комментариях к названному документу³³. Вместе с признанием царствования Девы исчезает и звание царя, которое в римскую эпоху более не встречается³⁴. С установлением факта введения эры царствования Девы разрешена была и загадка монет с легендой βασιλευούσας или с монограммой ПАР³⁵.

Время введения новой эры было также временем реформы, в результате которой в качестве лиц, вносящих предложения в Народное собрание, выступали уже не номофилаки, а проэдры. Это нетрудно установить путем сопоставления двух документов: один был внесен проэдрами и относится ко времени боспорской царицы Динамии³⁶; в качестве посла к ней выступало чествуемое лицо, что могло быть только в 17/16 г., единственном году, когда эта царица правила единолично; другой декрет — в честь К. Юлия Сатира, отправившего посольство к Юлию Цезарю в 46/45 г., где значится еще прежняя формула с внесением предложения от имени номофилаков³⁷.

В то же время, в первой половине I в. н. э., — а может быть, и ранее, — было проведено и другое антидемократическое мероприятие — введение должности первого архонта, на которого перешли функции стратегов и который сменил царя в качестве эпонима. В декретах римского времени в числе лиц, скреплявших эти декреты своими печатями, помимо первого архонта, значатся также имена других архонтов (трех или четырех)³⁸.

Далее В. В. Латышев специально отмечает еще одно нововведение римского времени, общее с другими греческими городами, а именно обыкновенные скреплять декреты, в удостоверение их подлинности и законности, печатями должностных лиц и других граждан³⁹. Более обстоятельно этот новый обычай рассматривается В. В. Латышевым в статье, посвященной декрету в честь гераклеота Диа...⁴⁰; в этом декрете список имен, скрепляющих документ своими печатями, сохранился полностью. «Мы видим, — говорит он здесь, — что все «приложившие печати» разделены на 3 στήχοι,

рованным словом. σίλευουσ. . . , которое могло быть прочтено только как βασιλευούσας — термин, представлявший в то время загадку: В. Н. Юргевич предлагал относить его к Риму βασιλευούσας Ρωμας (ЗООИД, XI, стр. 3); В. В. Латышев предполагал возможность получения звания царя и лицами женского пола («Эпиграфические данные. . .», стр. 57 и сл.). В декрете в честь амастрийца Фарнака, найденном в 1888 г., встречается более полная формула — βασιλευούσας Παρ, что могло быть прочтено только как βασιλευούσας Παρθένου; значение этой формулы, однако, как отмечал при издании этого документа В. В. Латышев, оставалось неясным (см. Приложение к отчету Археологической комиссии за 1882 — 1888 гг., стр. 25 и сл.).

³² Дата эта окончательно установлена А. Л. Бертье-Делагардом (ЗООИД, XVI, 1893, стр. 62), с чем согласился и В. В. Латышев (МАР, № 17, 1895, стр. 5).

³³ «PONTIKA», стр. 320.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 322 и сл.

³⁶ IOSPE, I², № 352.

³⁷ Там же, addenda, № 691.

³⁸ IOSPE, I², № 359, 361; ИАК, вып. 65, 1918, стр. 9, № 3.

³⁹ См. ИАК, вып. 14, 1905, стр. 105, 106, № 13 со ссылкой на книгу Н. S w o b o d a. Die griechische Volksbeschlüsse. Leipzig, 1890, стр. 212.

⁴⁰ ЖМНП, 1907, март, отдел классич. филологии, стр. 140—157; «PONTIKA», стр. 314—331.

под которыми скорее всего следует разуместь три столбца, в которых были расположены имена этих лиц на подлинном документе. В первом *στίχος* читается имя «богини царицы Девы», затем первого архонта и 5 граждан без обозначения магистратур, во 2-м — имена 8-ми таких же граждан и в 3-м — имена 9-ти должностных лиц, в числе коих названы: 4 архонта, 3 «стража законов», 1 *πρόδικος* и секретарь Совета. Всего, стало быть, кроме Девы, названы 23 лица: 10 лиц, занимавших в данном году разные должности в городе, и 13 лиц без обозначения магистратур»⁴¹. В последних 13 лицах, по предположению В. В. Латышева, «следует видеть именитых граждан, быть может, бывших магистратов, именно поэтому и поставленных выше магистратов данного года». Магистраты перечислялись при этом не все, но лишь те, которые имели более близкое отношение к составлению документа⁴². Аналогичные списки лиц, приложивших свои печати, встречаются и во многих других декретах, однако, в остальных случаях от декретов сохранились лишь небольшие фрагменты⁴³.

Замечу от себя, что это обыкновение скреплять декреты печатями представляет собой такое же, если не более реакционное мероприятие, чем остальные нововведения римской эпохи; оно показывает, что постановления Народного собрания нуждались теперь в скреплении печатями, т. е. в утверждении не только магистратами, но именитыми, т. е. наиболее состоятельными гражданами. Мало того, в числе граждан, скреплявших декрет в честь Диа..., значатся несколько лиц, принадлежащих к одной и той же влиятельной семье, которая к тому же усвоила римские *praenomina* и *nomina* Титов Флавиев, заимствованные от правящей императорской фамилии⁴⁴.

Своими комментариями к позднее открытым документам В. В. Латышев, как видим, не только уточнил, но и значительно дополнил тот очерк государственного строя древнего Херсонеса, какой он дал в своей ранней статье. Обнаружение тех перемен, которые внесло в херсонесскую конституцию римское владычество, составляет его несомненную заслугу.

Однако заслуги В. В. Латышева в историографии древнего Херсонеса не исчерпываются выяснением государственного устройства и происшедших в нем изменений. В комментариях к документам, связанным с теми или иными историческими событиями в жизни Херсонеса, обычно выясняются, факты, о которых идет речь, с приведением свидетельств литературных источников, а также с указанием посвященных этим вопросам работ современных исследователей.

Первым эпиграфическим памятником, освещающим внешнюю и внутреннюю историю Херсонеса, является знаменитая херсонесская присяга, составленная в первые десятилетия III в. до н. э. Этому исключительному по своему значению памятнику В. В. Латышев при его издании в 1892 г.

⁴¹ «ΠΟΝΤΙΚΑ», стр. 327.

⁴² Там же, стр. 327, 328.

⁴³ IOSPE, I², № 361, 364, 385—390, 701—703. Несколько лучше сохранился список лишь в одном документе, содержащем, по приблизительному подсчету, 25 имен. Это фрагмент с заключительной частью декрета, найденный в 1918 г. и также изданный с комментариями В. В. Латышевым в ИАК, вып. 65, 1918, стр. 9—12. Содержащийся в этом декрете список представляет, однако, некоторые отличия от рассмотренного в тексте. Здесь нет разделения на *στίχοι*. В отличие от других аналогичных документов, в списке отсутствует первый архонт, которого после имени Девы заменяет жрец *ιερέας*. Несколько изменен порядок перечисления должностных лиц.

⁴⁴ В той же статье, в которой В. В. Латышев рассматривает вопрос о лицах, скреплявших декреты своими печатями, он специально останавливается на членах семьи Титов Флавиев, устанавливая их родство между собой («ΠΟΝΤΙΚΑ», стр. 328 и сл.).

посвятил обширный комментарий и впоследствии не раз возвращался к этой надписи ⁴⁵. Херсонесскую присягу В. В. Латышев рассматривает как обычный распространенный во всех греческих городах тип присяги, дававшейся молодыми людьми по достижении ими совершеннолетия, примером чего может служить текст присяги афинских эфебов ⁴⁶. Такое понимание херсонесской присяги не получило, однако, признания. Все остальные исследователи, затрагивавшие специально или попутно вопрос о херсонесской присяге, видели в ней акт, вызванный какими-то событиями во внутренней политической жизни города. Так, уже вскоре после опубликования текста присяги А. Семенов высказывал предположение, что присяга возникла в результате победы демократических элементов над олигархами ⁴⁷. Ф. Ф. Соколов не согласился с мнением В. В. Латышева и также предполагал, что поводом к составлению присяги послужили «значительные внутренние потрясения, борьба партий, междоусобная война» ⁴⁸. На той же точке зрения много позднее стоял и академик С. А. Жебелев, предполагавший, что составлению присяги предшествовала «попытка совершить государственный переворот, направленный в сторону ниспровержения демократического строя и замены его иным строем», притом скорее тиранией, чем олигархией, поскольку тирания существовала в то время в метрополии Херсонеса — Гераклее ⁴⁹. К точке зрения С. А. Жебелева примыкают Е. И. Леви ⁵⁰ и Г. Д. Белов ⁵¹. В. В. Латышев, однако, возражая А. Семенову, остался при прежнем мнении ⁵² и не отказался от него много позднее — во втором издании I тома (стр. 356).

Вряд ли можно согласиться в данном случае с предположением В. В. Латышева о том, что херсонесская присяга представляла собой гражданскую присягу обычного типа. Против этого говорит самое содержание ее текста. Но, с другой стороны, в присяге не содержится никаких прямых указаний и относительно какого-либо предшествовавшего переворота или хотя бы попытки переворота, упоминание о чем, несомненно, должно было бы содержаться в тексте. Основное внимание в присяге направлено, напротив, не на внутренние политические события, а на сохранение внешних владений города.

До недавнего времени для решения вопроса о причинах составления присяги не имелось никаких данных. Теперь, в результате последних археологических открытий установлен факт существования эллинского города Керкинитиды уже с конца VI в. до н. э. и зависимости его от Херсонеса только с середины или даже, быть может, со второй половины IV в. до н. э. Благодаря этому можно полагать, что главной причиной, вызвавшей составление присяги, было расширение внешних владений Херсонеса — занятие Керкинитиды и основание Прекрасной Гавани на рубеже IV

⁴⁵ МАР, № 9, 1892, стр. 1—13 (см. «PONTIKA», стр. 142—160). Перепечатано в «Sitzungsberichte» Прусской академии за 1892 г., стр. 479 и сл.; IOSPE, IV, addenda, стр. 294; МАР, № 17, 1895, Дополнения и поправки, стр. 72—77 (см. «PONTIKA», стр. 160—167). Ср. популярное издание «Присяга граждан Херсонеса Таврического» (СПб., 1900): Во втором издании IOSPE комментарий отсутствует и делается ссылка на предшествовавшие издания.

⁴⁶ МАР, № 9, 1892, стр. 5; «PONTIKA», стр. 147, 148.

⁴⁷ A. S e m e n o f f. Zum Bürgereid der Chersonesiten. «Blätter für das Gymnasial-schulwesen», XXX, 1894, стр. 204.

⁴⁸ Рецензия на IV том IOSPE. «Труды», СПб., 1910, стр. 640.

⁴⁹ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. Известия Академии наук, Отд. обществ. наук, № 10, 1935, стр. 920 и сл.

⁵⁰ Е. И. Леви. К вопросу о датировке херсонесской присяги. «Советская археология», IX, 1947, стр. 89 и сл.

⁵¹ Г. Д. Белов. Ук. соч., стр. 67.

⁵² МАР, № 17, 1895, стр. 73; «PONTIKA», стр. 161.

и III вв. до н. э. Эти события приводили херсонесцев во враждебные отношения не только с местным скифским населением, но, возможно, и с эллинским населением Керкинитиды. Не останавливаясь на этом вопросе, решению которого посвящена моя статья, напечатанная в «Вестнике древней истории»⁵³, замечу лишь, что если неправы обе стороны, то объяснение, которое дает В. В. Латышев относительно позднему времени составления присяги — началу III в. до н. э., — а именно, что с «течением времени, с изменением условий жизни, форм правления, объема владений и т. п. изменялись и самые тексты»⁵⁴, — несомненно, ближе к истине.

Заслуга В. В. Латышева также и в том, что, говоря о внешних владениях Херсонеса, он решительно отмежевывается от распространенного в то время и сохранившегося отчасти до нашего времени в советской науке представления о двух Керкинитидях и с полной определенностью высказывается за тождество Керкинитиды, о которой говорят Гекатей и Геродот, с позднейшей исторической Керкинитидой⁵⁵. Точка зрения В. В. Латышева блестяще подтверждается результатами раскопок последнего времени в Евпатории. Наконец, положение В. В. Латышева о том, что целью запрещения вывоза хлеба с равнины куда-либо, помимо Херсонеса, была забота о прокормлении населения Херсонеса, — представляется более вероятным, чем высказывавшееся позднее предположение о воспрещении вывоза для монополизации хлебной торговли в руках государства⁵⁶.

Особое исследование посвятил В. В. Латышев и декрету об учреждении специального культа Девы в связи со спасением загородной процессии граждан с женами и детьми от внезапного нападения соседних варваров⁵⁷. Выяснив значение и обстоятельства учреждения культа, В. В. Латышев сопоставляет это постановление с изданным тогда же декретом в честь историка Сирииска, описавшего в своем историческом труде явления Девы, и обращает внимание на тождество имени лица, внесшего предложение об издании обоих декретов⁵⁸.

В отношении текста договора 179 г. с царем Понта Фарнаком, изданного с комментариями Р. Х. Лепером, В. В. Латышев также считает необходимым дать общую характеристику исторических условий, при которых происходило заключение этого договора⁵⁹.

Издание известной надписи в честь полководца Митридата Диофанта, найденной еще в 1878 г., также сопровождается обширным историческим комментарием с указанием и разбором литературы и с дополнениями и исправлениями, — например, о личности Диофанта и его отношения к Митридату, о местоположении основанной им крепости Евпатория и пр. Надпись в честь Диофанта В. В. Латышев сопоставляет с двумя относящимися к тому же времени надписями. Это, во-первых, составленная им из найденных в разное время трех фрагментов надпись с декретом, посвященным лицу, привезшему в Херсонес благоприятный ответ Митридата, очевидно, с обещанием помощи и принятием Херсонеса под свое покровительство⁶⁰; во-вторых, — декрет, имеющий совершенно тождественные с декретом в честь Диофанта начертание букв, расстояние между строками и пр., из чего можно заключить, что обе надписи выполнены одним и тем же резчи-

⁵³ А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. ВДИ, 1955, № 3, стр. 37 и сл.

⁵⁴ МАР, № 9, 1892, стр. 6; «PONTIKA», стр. 149.

⁵⁵ МАР, № 9, 1892, стр. 10; «PONTIKA», стр. 154, 155.

⁵⁶ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 926, 927.

⁵⁷ В. В. Латышев. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом. Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, 1914, стр. 206—211.

⁵⁸ IOSPE, I², стр. 286.

⁵⁹ IOSPE, I², № 402, стр. 359.

⁶⁰ IOSPE, I², № 349.

ком и притом одновременно. Восстановив содержание этого последнего, сильно фрагментированного документа, В. В. Латышев приходит к заключению, что захваченная скифами Прекрасная Гавань была освобождена не самим Диофантом, который осадил город, но затем был отвлечен угрозой со стороны скифского царя Палака, а стоявшими во главе херсонесского ополчения двумя чествуемыми в декрете гражданами Херсонеса ⁶¹. Благодаря такому сопоставлению получается более полная картина событий, начиная от предварительных сношений херсонесцев с Митридатом и кончая возвращением под власть Херсонеса Прекрасной Гавани, о чем умалчивает надпись с декретом в честь Диофанта.

В обстоятельном комментарии к декрету на имя Сатира выясняются условия посольства этого лица к Юлию Цезарю в 46/45 г. до н. э. и соответственно взаимоотношения Херсонеса с Римом в годы единоличного диктаторства Цезаря ⁶².

На основании декретов в честь Аминия, посланца боспорской царицы Динамии, единоличное правление которой приходится на 17/16 г. до н. э. ⁶³, и в честь гражданина, стоявшего во главе вспомогательного отряда, посланного царю Полемону ⁶⁴, выясняются взаимоотношения с Боспором в период продолжавшейся зависимости от боспорских царей, несмотря на провозглашение херсонесской эры с объявлением Девы вечной царицей Херсонеса. Правда, В. В. Латышев сомневается, к которому из двух боспорских царей, носивших имя Полемона, был отправлен херсонесцами вспомогательный отряд; однако с большей вероятностью можно полагать, что речь идет о первом Полемоне, посланном Агриппой против узурпировавшего власть на Боспоре Скрибония. При этом, естественно, и херсонесцы, находившиеся в то время под влиянием Рима, могли и должны были оказать содействие Полемону. Маловероятно, напротив, отношение этой надписи ко времени второго Полемона, который был поставлен царем Боспора Калигулой в 38 г. н. э. и, спустя три года, отозван Клавдием.

Такими же обстоятельными историческими комментариями снабжает В. В. Латышев и надписи римского времени. Так, он восстанавливает содержание одного чрезвычайно интересного, но сильно фрагментированного декрета времени императора Тиберия ⁶⁵. В этом декрете идет речь об ожесточенной классовой борьбе, происходившей в то время в Херсонесе (вероятно, в связи с реакционными переменами и с аристократизацией общественного строя, о чем выше шла речь), об установлении тирании и об изгнании тирана чествуемым лицом, о заботах об укреплении города и снабжении хлебом, о поездке этого лица в Рим на собственные средства, где он выхлопотал свободу городу, о попытке возвращения изгнанного тирана, вновь призванного своими сторонниками (обозначенными характерным термином *καὶ τερροῦσι*), и об окончательном освобождении от этой угрозы. Из восстановленного В. В. Латышевым текста декрета видно, что чествуемый гражданин принадлежал, очевидно, к имущим верхам, тогда как на стороне тирана стояли демократические массы населения ⁶⁶.

⁶¹ IOSPE, I², № 353; ср. МАР, № 23, 1899, стр. 4—6.

⁶² IOSPE, I², addenda, № 691, стр. 526, 527.

⁶³ IOSPE, I², № 354.

⁶⁴ IOSPE, I², № 419.

⁶⁵ IOSPE, I², № 355.

⁶⁶ В первоначальном комментарии к этому декрету (МАР, № 9, 1892, стр. 17, 18) В. В. Латышев вслед за В. Н. Юргевичем готов был связать получение этой «свободы» с установлением херсонесской эры, но затем отказался от этого ошибочного взгляда и в комментариях к IOSPE, I², № 355, его более не высказывал. Получение «свободы» именно в это время подтверждается и свидетельством Плиния (P l i n., N h., IV, 85).

Путем остроумного сопоставления двух декретов — на имя Аристона, сына Аттины ⁶⁷, и в честь «отцов гераклеотов» ⁶⁸ — В. В. Латышев удается установить факт охлаждения отношений с Римом, по-видимому, в результате попытки херсонесцев установить сношения с враждебным Риму боспорским царем Римиталком (131—154 г. н. э.), причем чествуемый в декрете гражданин, посланный в Рим «к богу Августу», в течение шести лет безуспешно ходатайствовал о «свободе» (очевидно, о восстановлении прав свободного города) и, возможно, скончался в Риме, после чего «отцы гераклеоты» вступились за свою колонию и со своей стороны направили в Рим посольство, увенчавшееся полным успехом.

В своих комментариях В. В. Латышев освещает, далек, отношения Херсонеса с наместниками провинции Мезии, от которых зависел город (до разделения Мезии на две провинции). Успешное посольство в Мезию к ее наместнику он сопоставляет с отправлением этой должности Тиберием Плавтием Сильваном Элианом в 55—69 г. н. э.; о последнем из других источников известно, что он освободил Херсонес от нападения скифов ⁶⁹. Другим свидетельством зависимости Херсонеса от наместника Мезии является декрет об установке статуи Секста Октавия Фронтоня, который, как выяснил В. В. Латышев, был наместником Мезии при Домициане около 92 г. н. э. ⁷⁰.

Анализом и сопоставлением сведений, которые дают комментируемые В. В. Латышевым надгробия римских солдат в Херсонесе, устанавливаются состав, время и размещение римского гарнизона ⁷¹. В одном документе идет речь, как предполагает В. В. Латышев, о границах размещения римского гарнизона ⁷². Наконец, комментарий к обширной надписи, содержащей переписку с правителем Мезии конца II в. н. э. по поводу сборов с публичных домов, показывает характер взаимоотношений между солдатами римского гарнизона и населением Херсонеса ⁷³.

В заключение можно назвать еще один декрет в честь гражданина, отразившего вражеское нападение. Враг называется *σαυρομάτα*, В. В. Латышев читает: *Σαυρομάτα*; он видит здесь боспорского царя Савромата II и относит надпись соответственно к 192 г. н. э. ⁷⁴, когда этот царь, действительно, вел войны в Таврике, хотя в то же время сам сознает, что по характеру письма надпись должна быть отнесена к более раннему времени. Вот почему, быть может, более прав в этом случае М. И. Ростовцев, читающий слово *σαυρομάτα* не как имя царя, а как название племени савроматов — *σαυρομάται* в родительном падеже множественного числа ⁷⁵.

Обратимся теперь к другим сторонам жизни древнего Херсонеса, которые В. В. Латышев также освещает в своих комментариях. Еще в самом начале своей работы над надписями Северного Причерноморья в докладе о ходе работ на VI Археологическом съезде 1884 г. В. В. Латышев так характеризовал значение и содержание подготовлявшегося собрания надписей: «В памятниках, которые войдут в состав сборника, историк найдет немало новых и интересных сведений, относящихся к политической исто-

⁶⁷ IOSPE, I², № 423.

⁶⁸ MAP, № 17, 1895, стр. 5 и сл., № 1; IOSPE, I², № 362.

⁶⁹ IOSPE, I², № 420.

⁷⁰ IOSPE, I², комментарий к № 422, и более подробно — «ПОНТИКА», стр. 50: «Древности», Труды Моск. археол. об-ва, т. II, вып. 3, 1887, стр. 65—69.

⁷¹ IOSPE, I², № 547—552 (Херсонес), 675 (Харакс), ср. №№ 417 и 748.

⁷² ИАК, вып. 27, 1908, стр. 25—27; IOSPE, I², комментарий к № 405.

⁷³ MAP, № 9, 1892, стр. 39—45 и комментарий к IOSPE, I², № 404.

⁷⁴ IOSPE, I², № 369.

⁷⁵ Г. Д. Белов (Ук. соч., стр. 100) соглашается с М. И. Ростовцевым и относит надпись к I в. н. э.

рии и государственному устройству эллинских поселенцев Черноморья, мифолог и историк религиозных древностей почерпнет сведения о новых культах божеств, их праздниках и обрядах, археолог — новые данные для более разностороннего изучения общественного и частного быта поселенцев, филолог ближе познакомится с языком, которым они говорили и излагали свои письменные документы, лингвист узнает массу новых негреческих имен, которые послужат ему, как уже служили прежде известные, материалом для исследований о происхождении и языках тех народов, среди которых жить и с которыми сталкиваться приходилось эллинским поселенцам северного побережья Евксинского Понта»⁷⁶.

И В. В. Латышев, как в специальных комментариях к отдельным документам, так и в общем собрании надписей не проходит мимо ни одного из указанных моментов. Наибольшее внимание, естественно, уделяется им вопросам государственного устройства и политической истории Херсонеса, но он специально останавливается также на данных, в той или иной мере способствующих освещению и других областей исторического знания. Так, в его комментариях можно найти немало замечаний, касающихся религиозных представлений херсонесцев. В комментарии к тексту присяги он обстоятельно рассматривает круг богов, почитавшихся в Херсонесе⁷⁷. Анализируя текст декрета о нападении варваров и об установлении культа Девы, В. В. Латышев восстанавливает картину загородной религиозной процессии с несением статуи Диониса и выясняет обстоятельства учреждения особого культа Девы⁷⁸. Относительно культа богини Девы у него можно найти ряд замечаний и в комментариях к другим документам. Так, на основании данных декрета в честь Диофанта он отмечает значение Девы как постоянной покровительницы города, указывая при этом, что алтарь ее находился рядом с алтарем обоготворенного города Херсонеса и что ей был посвящен специальный праздник Парфений. Он определяет далее связь установления новой херсонесской эры с признанием царствования Девы. В специальной статье уточняется вопрос о местонахождении храма Девы⁷⁹. По поводу стихотворного обращения к Гермесу отмечается значение этого божества как покровителя игр, палестр и гимнасиев⁸⁰. На основании краткой посвячительной надписи, содержащей лишь имя лица, которому принадлежит эта надпись, В. В. Латышев по мотивам орнамента, украшавшего надпись, устанавливает факт постройки храма Дионису в III в. до н. э.⁸¹ Далее он отмечает надпись, содержащую, по-видимому, текст обращения к оракулу, относящийся к позднееримскому времени⁸².

Большое внимание уделяет В. В. Латышев изучению календарей. Этим вопросом он интересовался уже с самого начала своей научной деятельности. Еще в 1882 г. появилась его статья «Календарь Мегар и их колоний»⁸³. Вопросу «О некоторых дорических и эолических календарях» посвящена была его магистерская диссертация, защищенная в 1883 г. На одном из заседаний VI Археологического съезда в Одессе В. В. Латышев прочел доклад «О календарях Ольвии, Тиря и Херсонеса Таврического»⁸⁴. Наименее

⁷⁶ «ПОНТИКА», стр. 23.

⁷⁷ МАР. № 9, 1892, стр. 12, 13; «ПОНТИКА», стр. 158, 159.

⁷⁸ IOSPE, I², комментарий к № 343, стр. 288.

⁷⁹ В статье «К Страбону, VII, 4, 1» — ЖМНП, 1892, апрель, стр. 1—9; «ПОНТИКА», стр. 129—137.

⁸⁰ «ПОНТИКА», стр. 311—313; IOSPE, I², комментарий к № 436.

⁸¹ МАР. № 9, 1892, стр. 25 и IOSPE, I², комментарий к № 414.

⁸² ИАК. вып. 18, 1906, стр. 119 и IOSPE, I², комментарий к № 576.

⁸³ ЖМНП, 1882, июнь.

⁸⁴ Напечатан в Трудах VI АС, Одесса, 1887, т. II, стр. 56—74; «ПОНТИКА», стр. 25—42.

полными были в то время сведения о месяцах херсонесского календаря: из надписи в честь Диофанта было известно название лишь одного месяца Дионисия, встречающегося также в календарях мегарских колоний Халкедона и Византия. Из позднее найденных надписей, сделались известны названия еще трех месяцев — $\Lambda\omicron\upsilon\beta\epsilon\omicron\varsigma$ $\text{E}\ddot{\upsilon}\kappa\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma$, $\text{H}\rho\acute{\alpha}\kappa\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma$. Из этих трех месяцев первые два встречаются и в других мегарских колониях; месяц же Гераклий, не известный в других календарях, был введен, как предполагает В. В. Латышев, в календарь Гераклеи взамен какого-нибудь другого в честь ее эпонима и оттуда перенесен в херсонесский календарь⁸⁵.

Вопросы общественного быта затрагиваются в комментариях к документу о продаже или сдаче земельных участков⁸⁶, затем — в комментариях к надписям со списком победителей на состязаниях, среди которых В. В. Латышев отмечает гимнические⁸⁷, мусические и поэтические⁸⁸. К частнобытовым фактам относятся отмечаемые В. В. Латышевым особые черты в характере захоронений, как, например, встречающиеся иногда случаи временного захоронения на определенное число лет, после чего небольшой саркофаг с обожженными костями заполнялся прахом другого покойника⁸⁹. Встречаются среди надгробий небольшие мраморные плитки с именем умершего, прикреплявшиеся непосредственно к урне или саркофагу⁹⁰.

В своем издании В. В. Латышев уделяет внимание также языку греческих надписей городов Северного Причерноморья. Издание снабжено обширными индексами, в которых отмечены особые грамматические формы и особенности орфографии (Индекс V, стр. 569—571), различные наиболее характерные формы слов и оборотов (Индекс VI, *Notabilia varia*, стр. 571—578), в том числе обороты поэтической речи в надгробных и хвалебных стихотворениях (стр. 577, 578).

В отношении языка херсонесских надписей в комментариях отмечается чисто дорический характер ранних надписей и позднейшие отступления от дорических форм в сторону общегреческого языка — $\kappa\omicron\iota\nu\eta$. Так, относительно языка текста присяги В. В. Латышев замечает, что чисто дорический характер его «не представляет таких слов и форм, которые не были бы уже известны из авторов или надписей»⁹¹. Однако, отмечая чисто дорический диалект текста присяги, В. В. Латышев отнюдь не был склонен к чрезмерной доризации языка при восстановлении фрагментированных слов. Так, он отклоняет поправку Ф. Г. Мищенко в одной проксенической надписи, предлагавшего читать $\xi\sigma\pi\lambda\omicron\upsilon\upsilon$ и $\chi\acute{\rho}\eta\mu\alpha\tau\iota$ (более дорические формы) вместо $\epsilon\acute{\iota}\sigma\pi\lambda\omicron\upsilon\upsilon$ и $\chi\acute{\rho}\eta\mu\alpha\tau\iota$, как значится в восстановленном В. В. Латышевым месте, потому что эти формы не чужды херсонесскому говору; В. В. Латышев ссылается при этом на декрет в честь Диофанта, где встречается форма $\epsilon\acute{\iota}\sigma\pi\lambda\omicron\upsilon\upsilon$, на дорическую надпись с формой $\chi\acute{\rho}\eta\mu\alpha\tau\alpha$, правда, относящуюся уже к римскому времени (IOSPE, I¹, № 189 = IOSPE, I², № 376)⁹². От себя могу добавить, что обе эти формы встречаются и в декретах доримского времени: в декрете на имя

⁸⁵ «ПОНТИКА» стр. 320.

⁸⁶ MAP, № 9, 1892, стр. 19 и сл. и исправленный комментарий к IOSPE, I², № 403.

⁸⁷ IOSPE, I², № 434 и 435.

⁸⁸ IOSPE, I², № 433.

⁸⁹ MAP, № 9, 1892, стр. 30; ср. IOSPE, I², № 513. Аналогичный случай захоронения обожженных костей в небольшом саркофаге, замененных впоследствии погребением младенца, см. ИАК, вып. 27, 1900, стр. 24, 25; IOSPE, I², № 542.

⁹⁰ IOSPE, I², № 466, 470 и мн. др. Ср. № 475 и 492, где эти таблички были вставлены в саркофаге.

⁹¹ MAP, № 9, 1892, стр. 39; «ПОНТИКА», стр. 159, 160.

⁹² ЗРАО, V, 1891, стр. 369.

Тимагора Родосского, относящемся еще к началу III в. до н. э. (εἰσπλοῦν)⁹³, и в декрете времени Диофанта (χρήμασι)⁹⁴.

Дорический диалект держался в Херсонесе до середины II в. н. э. Анализ языка двух относящихся к этому времени документов — декретов в честь «отцов гераклеотов» и гераклеота Диа... приводит В. В. Латышева к заключению, что если херсонесцы еще и писали в то время на дорическом диалекте, последний уже утратил свою чистоту. По поводу крайней непоследовательности и даже неправильности в применении дорического диалекта В. В. Латышев замечает, что «херсонесцы в римское время продолжали еще говорить на дорическом диалекте, но уже потеряли ясное представление о происхождении и образовании некоторых слов и употребляли в них α вместо γ, так сказать, понаслышке»⁹⁵. В другом документе дорические формы применяются вперемежку с формами общегреческого языка — κοινῆ⁹⁶. В результате сопоставления этих двух надписей В. В. Латышев приходит к заключению, что «в 1-й половине II в. н. э. дорический диалект в Херсонесе далеко уже не мог похвалиться надлежащей чистотой и что херсонесцы все более и более сбивались на формы τῆς κοινῆς»⁹⁷. Характерен в этом отношении пример упомянутого стихотворения в честь Гермеса, которому В. В. Латышев посвятил специальную статью⁹⁸. Херсонес назван здесь «славным городом Дора», из чего можно видеть, что херсонесцы помнили еще свое дорическое происхождение и гордились им, однако, в языке этого стихотворения можно отметить только три дорические формы (ἄνακτων, κλήδας и πλοῦτοδάταυ) рядом с формами τῆς κοινῆς и даже с чисто поническими формами (σοφίτης)⁹⁹.

В комментарии к документу о продаже или сдаче земель В. В. Латышев выясняет применявшуюся в Херсонесе систему обозначения чисел, сходную в обозначении некоторых чисел с халкедонской, но во многих случаях отличную от нее¹⁰⁰.

Просопографические данные в надписях служат одним из источников для разрешения вопроса об этническом окружении греческих городов Северного Причерноморья. Однако херсонесские надписи, при относительной замкнутости Херсонеса, естественно, не могли содержать такого богатого в этом отношении материала, как ольвийские или боспорские. В тех же немногих случаях, когда в надписях встречаются местные или редкие имена, В. В. Латышев всегда указывает на это в своих комментариях. Так, им отмечается необычное женское имя (nomen ignotum) Κυρίχα (№ 517). В комментарии к надгробию Φύλη Β'θιος γυνή (№ 523) указывается, что как имя самой умершей, так и имя ее мужа — Β'θος в херсонесских надгробных надписях более не встречаются и, напротив, обычны в боспорских надгробиях; В. В. Латышев обращает внимание, что надпись сделана не на дорическом диалекте, из чего заключает, что Психе не была уроженкой Херсонеса. Женское имя Νάνα, встречающееся в другом надгробии (№ 713), также было обычным на Боспоре. В надгробии № 493 отмечается мужское имя Скиф, образованное по этнику. В комментарии к надгробию «Таврической женщины» (γυνή ταυρικῆ) — № 528 — указывается, что покойница, судя по ее памятнику,

⁹³ IOSPE, I², № 340. Декрет этот является одним из наиболее ранних эпиграфических памятников Херсонеса.

⁹⁴ IOSPE, I², № 349.

⁹⁵ МАР, № 17, 1892, стр. 7.

⁹⁶ IOSPE, I², № 364.

⁹⁷ «ПОНТИКА», стр. 331.

⁹⁸ ЖМП, 1905, май стр. 261—264; «ПОНТИКА», стр. 311—313.

⁹⁹ «ПОНТИКА», стр. 313.

¹⁰⁰ МАР, № 9, 1892, стр. 20, 21, к № 5; ср. IOSPE, I², № 403, стр. 364.

очевидно, была состоятельной, но правами гражданства не пользовалась, почему и обозначена по своему этническому происхождению. Надгробия иноземцев выделены В. В. Латышевым в особый раздел (№ 542—546), так же как римских солдат и прочих римлян (№ 547—572).

Заканчивая на этом наш обзор того, что сделано В. В. Латышевым только в истории Херсонеса, мы видим, как велика была его заслуга и какой неизгладимый след оставил он лишь в одной этой области. Хотя сам он и не написал общей истории Херсонеса, как это было сделано им для Ольвии и Боспорского царства, но он собрал необходимый литературный и, в особенности, эпиграфический материал для будущих историков и продолжил пути дальнейшего исследования.

А. Л. ЕСИПЕНКО

В. В. ЛАТЫШЕВ В ОДЕССЕ

В 1882 г. Русское археологическое общество предложило В. В. Латышеву как лучшему знатоку эпиграфики издать все надписи на камнях, происходящие из южной России¹. Проект издания свода греческих надписей южной России возник в Одесском музее еще в 50-х годах XIX в., но не был приведен в исполнение².

Большая часть этих надписей находилась в лапидарии Одесского музея древностей³. Учитывая просьбу Русского археологического общества, руководство музея разрешило «магистру Латышеву пользоваться надписями, собранными в музеях Одесском и Феодосийском», как найденными в южной России, так и привезенными из других мест⁴.

В августе 1884 г. в Одессе происходил VI Археологический съезд; в числе делегатов прибыл и В. В. Латышев, который состоял тогда преподавателем греческого языка в Историко-филологическом институте в Петербурге⁵.

В. В. Латышев был избран съездом в состав Ученого комитета, руководившего ученой частью VI Археологического съезда, и секретарем отделения «Памятники языка и письма»⁶. Помимо этой организационной и редакторской работы, В. В. Латышев на съезде с успехом прочел рефераты «О календарях Тиры, Ольвии и Херсонеса Таврического» и «О государственном устройстве Херсонеса по эпиграфическим данным», а также сделал сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря⁷.

Работа над подготовкой к изданию древних надписей очень увлекла В. В. Латышева, который находил возможность уделять ей внимание даже во время съезда. В одном из отчетов музея имеется упоминание, что участникам этого съезда для обозрения были выставлены музейные кол-

¹ «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914 гг.)», т. II, М., 1915, стр. 195.

² А. М а р к о в. Одесское общество истории и древностей. (Обзор его деятельности за 1839—1888 гг.). «Вестник археологии и истории», VII, отд. 3, СПб., 1888, стр. 27.

³ Там же.

⁴ Отчет ООИД с 14 ноября 1882 г. по 14 ноября 1883 г. Одесса, 1884, стр. 13.

⁵ «Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования...», т. II, стр. 195.

⁶ Труды VI АС, т. I. Одесса, 1886, стр. XXII, 1.

⁷ Там же, стр. XV; Труды VI АС, т. II, Одесса, 1888, стр. 44—71; Отчет ООИД с 14 ноября 1883 г. по 14 ноября 1884 г. Одесса, 1885, стр. 30.

лекции и разрешено делать снимки с надписей и других экспонатов. «Этим дозволением» воспользовался В. В. Латышев, списавший надписи на камнях и ручках амфор для подготовлявшегося им издания сборника древних греческих надписей южной России»⁸.

В дни заседаний VI Археологического съезда — 23 августа 1884 г. — состоялось 219-е заседание Одесского общества истории и древностей, на котором было предложено избрать В. В. Латышева в действительные члены этого общества. Обыкновенно лица, рекомендованные в действительные члены общества, баллотировались только на следующем заседании. На этот раз было сделано исключение, и В. В. Латышев был избран единогласно в действительные члены общества на том же заседании⁹. С этих пор по 31 декабря 1912 г. имя В. В. Латышева встречается в прилагавшихся к ежегодным отчетам списках действительных членов Одесского общества истории и древностей¹⁰.

Работа В. В. Латышева в Одесском обществе истории и древностей, изучение эпиграфических памятников Одесского музея, участие его в печатных изданиях не прекращаются и в последующие годы. В 1885 г. он представил свою статью о новой надписи из Партенита. Она была обсуждена на заседании общества и передана в издательский комитет для помещения в XIV томе¹¹, вышедшем в 1886 г.¹²

В 1887 г. В. В. Латышев прислал в дар Одесскому музею свою книгу «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии», изданную в том же году в Петербурге, а также «Дополнения древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря». О подарках ученого было доложено на заседании общества, определившего передать книги в музейную библиотеку¹³. В 1890 г. В. В. Латышевым были принесены в дар Одесскому музею «Очерк греческих древностей» и другие его книги. Некоторые из этих работ с надписями, сделанными рукой автора, хранятся в музейной библиотеке и в настоящее время.

Исследования В. В. Латышева в области эпиграфики в 1889 г. увенчались новым успехом. Он написал работу «О загадочных ольвийских надписях». Три из них принадлежали Одесскому музею, а четвертая — одному из членов общества¹⁴. В этой статье В. В. Латышев пришел к выводу, что надписи составлены не на чисто греческом языке, а на «полугреческом — полуварварском жаргоне, на котором говорило население новой, восстановленной после гетского погрома Ольвии», на что имеются намеки у Диона Хрисостома. Ученый допускает, что этим жаргоном жители Ольвии пользовались в обыденной жизни, а затем на нем стали составлять и письменные документы, приспособив к нему греческий алфавит¹⁵. Эта статья была получена от В. В. Латышева музеем в 1889 г. и была напечатана в XV томе Записок¹⁶.

⁸ Отчет ООИД с 14 ноября 1883 г. по 14 ноября 1884 г. Одесса, 1885, стр. 8.

⁹ Протокол заседания ООИД № 219 от 23 августа 1884 г., стр. 8; Отчет ООИД с 14 ноября 1883 г. по 14 ноября 1884 г. Одесса, 1885, стр. 4.

¹⁰ Отчеты ООИД с 1884 г. по 1912 г.

¹¹ Протокол заседания ООИД № 224 от 16 мая 1885 г., стр. 1; Отчет ООИД с 14 ноября 1884 г. по 19 ноября 1885 г. Одесса, 1886, стр. 5.

¹² ООИД, т. XIV, 1886, стр. 58—65.

¹³ Протоколы заседаний ООИД № 232 и 246 от 28 мая 1887 г., стр. 4, и от 3 ноября 1889 г., стр. 6; Отчет ООИД с 14 ноября 1886 г. по 14 ноября 1887 г. Одесса, 1888, стр. 19, 23.

¹⁴ Протокол заседания ООИД № 244 от 16 мая 1889 г., стр. 1—2; Отчет ООИД с 14 ноября 1888 г. по 14 ноября 1889 г. Одесса, 1890, стр. 6.

¹⁵ Протокол заседания ООИД № 244 от 16 мая 1889 г., стр. 2; Отчет ООИД с 14 ноября 1888 г. по 14 ноября 1889 г. Одесса, 1890, стр. 6, 7.

¹⁶ ООИД, т. XV, 1889, стр. 498—502.

В 1889 г. Одесское общество истории и древностей отмечало пятидесятилетие своей деятельности¹⁷. Действительный член общества В. В. Латышев не смог принять личное участие в юбилейном заседании; он прислал приветственную телеграмму¹⁸.

Только в 1894 г. В. В. Латышеву удалось вторично побывать в Одесском музее; он там вел научные исследования, принимал живое участие в текущей работе музея, посетил заседания общества 29 апреля и 31 мая 1894 г.¹⁹

О внимательности и серьезности В. В. Латышева в разработке научных вопросов говорит не только большое количество ценных научных работ, но также и выявление ученым поддельных надписей. Его статья «О поддельных греческих надписях из южной России», написанная в 1895 г., была напечатана в XVIII томе «Записок Одесского общества истории и древностей»²⁰.

В 1900 г. В. В. Латышев посетил Одессу в третий раз. 9 мая того же года он присутствовал на заседании общества, посвященном столетию со дня смерти великого русского полководца А. В. Суворова.

Протоколы, отчеты и другие материалы общества и музея свидетельствуют о плодотворной деятельности ученого в Одессе также в начале XX в. В. В. Латышев принял участие в заседаниях общества 26 апреля и 30 мая 1902 г. На заседании 30 мая В. В. Латышев выступил с сообщением «Новые греческие надписи, найденные на юге России», вызвавшем заслуженный интерес и благодарность слушателей²¹.

В. В. Латышев интересовался не только надписями; его занимали и другие вопросы прошлого нашей страны, он также был любознательным археологом. В 80-х годах прошлого столетия появилась его статья «К истории археологических исследований в южной России», напечатанная в XV томе «Записок Одесского общества истории и древностей»²². Бывая на юге в начале XX в., он стремился посетить места археологических раскопок, принять участие в них, ознакомиться с условиями археологических находок и с применявшимися методами полевых исследований. Так, в конце мая 1902 г. В. В. Латышев посетил Ольвию и остров Березань. На этом острове были проведены «пробные раскопки», в которых он принял активное участие²³.

Таковы краткие сведения о научной деятельности выдающегося русского ученого — академика В. В. Латышева, связанной с Одесским музеем. Эта деятельность — важная страница не только в жизни ученого, но и в столетней истории Одесского государственного археологического музея.

¹⁷ Одесский государственный археологический музей (Одесский городской музей древностей) основан 21 августа 1825 г., Одесское общество истории и древностей — 13 апреля 1839 г.; в 1858 г. они были объединены.

¹⁸ Протокол заседаний ООИД № 248 от 4 октября 1889 г., стр. 13. Отчет ООИД с 14 ноября 1888 г. по 14 ноября 1889 г. Одесса, 1889, стр. 498—502.

¹⁹ Протоколы заседаний ООИД № 277 и 278 от 29 апреля и 31 мая 1894 г.

²⁰ Протокол заседания ООИД № 282 от 11 января 1895 г., стр. 2; Отчет ООИД за 1895 г. Одесса, 1896, стр. 6.

²¹ Протоколы заседаний ООИД № 342 и 343 от 26 апреля и 30 мая 1902 г., стр. 1, 7; Отчет ООИД за 1902 г. Одесса, 1903, стр. 5.

²² Протокол заседания ООИД № 238 от 23 мая 1888 г., стр. 1; Отчет ООИД с 14 ноября 1887 г. по 14 ноября 1888 г. Одесса, 1889, стр. 7, 9.

²³ Штерн. О пробных раскопках на о. Березани. ЗООИД, т. XXV, 1904, протоколы, стр. 97—100.

Н. А. ВИНБЕРГ

СПИСОК ТРУДОВ В. В. ЛАТЫШЕВА¹

1878

1. Харон или наблюдатели. Диалог Лукиана Самосатского. [Перевод с греческого с примечаниями].— ЖМНП, ноябрь, стр. 157—176. Подл. В. Л.

1880

2. Одна из вновь найденных афинских надписей. — ЖМНП, ноябрь, стр. 467—471. [Обработано вместе с В. К. Ернштедтом].

3. Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов. Часть I. Государственные и военные древности. Вильна. 288 стр.

Изд. 2-е и 3-е см. № 42 и 109.

Рец.: СПб. Вед., 18 марта 1880, № 77; ЦВ, № 18.

4. Эпиграфические этюды. I.— ЖМНП, ноябрь, стр. 441—466.

1881

5. К вопросу о культе Аммона в Афинах.— ЖМНП, январь, стр. 24—44.

6. Эпиграфические этюды. II.— ЖМНП, март, стр. 157—169; то же на франц. яз. — ВСН, t. V, стр. 250—263.

7. Эпиграфические этюды. III.— ЖМНП, июль, стр. 305—313; то же на франц. яз. — ВСН, t. V, стр. 452—461.

¹ Список составлен из 2 списков трудов В. В. Латышева: в первый («Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук», ч. I. Пгр., 1915, стр. 413—428) включены работы В. В. Латышева с 1878 г. по начало 1914 г., второй список (ВДИ, 1946, № 4, стр. 166, 167), являющийся продолжением первого, содержит работы после 1914 г. Указанные списки дополнены пятью отсутствовавшими в них работами В. В. Латышева [№ 94 (рец.), 215, 232, 236, 240], а также переизданиями его работ и статьями, посвященными В. В. Латышеву, которые вышли после 1946 г.

Материал расположен хронологически, внутри года — по алфавиту заглавий.

В список включены помимо оригинальных статей, рецензий и заметок В. В. Латышева, также выполненные им переводы (главным образом переводы с греческого «житий святых», которые были сделаны автором в связи с изучением византийской агнографии) и труды, в редактировании или печатании которых В. В. Латышев принимал участие.

1882

8. Археологические исследования в Хэронее в 1879 и 1880 годах.— ЖМНП, февраль, стр. 89—104.
9. Календарь Мегар и их колоний.— ЖМНП, июнь, стр. 245—254.
10. Несколько замечаний к вновь найденному Лампсакскому декрету.— ЖМНП, февраль, стр. 69—88.
11. Эпиграфические этюды. IV. Надписи из города Нарфакия.— ЖМНП, июль, стр. 271—310; то же на франц. яз.— ВСН, t. VI, стр. 356—387 и 580—590.
12. Die Festzeit der Pamvoiotien — Mitt. Archäol. Inst. Ath., Bd. VII, стр. 31—39.
13. Zur Epigraphik von Bötien und Lamia.— Там же, стр. 349—366.

1883

14. Кафинской эортологии.— ЖМНП, январь, стр. 1—23.
15. Новые хэронейские надписи о посвящении рабов.— ЖМНП, февраль, стр. 25—70. [Тексты надписей изданы также в ВСН, t. VIII, 1884, стр. 53—73].
16. О некоторых эолических и дорических календарях. Эпиграфические исследования. СПб., VIII, 196 стр. [Магистерская диссертация].
Рец.: М и щ е н к о Ф. Г.— Унив. изв., 1884, № 6; Iw.Müller's Jahresbericht, Bd. 44, 1886.
17. [Рецензия]: Стемповский Р. Исследование ряда вопросов по государственным древностям Афин. Варшава, 1882.— ЖМНП, август, стр. 278—323.
18. Inscriptions de Ténos — ВСН, t. VII, стр. 247—253.

1884

19. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсониса Таврического.— ЖМНП, июнь, стр. 35—77 [отд. отд., 1884]; то же на франц. яз. — ВСН, t. IX, 1885, стр. 265—300.
20. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften. — Mitt. Archäol. Inst. Ath., Bd. IX, стр. 209—231; Bd. X, стр. 113—130.
21. ΜΟΝΔΑΙΑ — Mitt. Archäol. Inst. Ath., Bd. VIII, стр. 381, 382.

1885

22. К истории города Оропа.— ЖМНП, ноябрь, стр. 533—547.
23. [Рецензия]: Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Часть I. Тифлис, 1884.— ЖМНП, май, стр. 96—119.
24. [Рецензия]: Haussoullier В.— La vie municipale en Attique. Paris, 1884.— ЖМНП, январь, стр. 140—156.
25. Эпиграфические этюды. V. Халкидонские надписи.— ЖМНП, июнь, стр. 297—324.
26. Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften.— Mitt. Archäol. Inst. Ath., X, стр. 113—130.
27. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Vol. primum. Petropoli. VIII, 244 стр.
Изд. 2-е см. № 228. Томы 2 и 4 см. № 53 и 140.
Рец.: ИВ, 1886, № 5; ЖМНП, 1885, № 12, стр. 255; Кулак-овский Ю.— ЖМНП, 1886, № 3, стр. 100—111; Модестов В. И.— «Новости», 1885, 12 июля, № 184; М[ищенко] — Одесс-

- кий вестник, 31 марта 1886, № 87; Гаркави А. Я. Заметка по поводу ольвийской надписи № 98 в сборнике г. Латышева.— ЗРАО, нов. сер., 1887, т. 2; Шеффер В. А. — Фил. обозр., 1891, т. I, кн. 2 [на 1 и 2 томы]; Reinsch Th.— Revue Critique, 1885, № 51; Dittenberger W. — Deutsche Litteraturzeitung, 1886, № 13; Reinsch—Revue Archéol., 1886, t. VII, стр. 170; Büchner, L.— Wochenschrift für class. Philologie, 1897, № 8; W. W.— Journal of Hell. studies, 1887, v. VIII, стр. 309.
28. Zu C. I. A. II, 605. (Brieffiche Mittheilung) — Mitt. Archäol. Inst. Ath., Bd. X, стр. 76

1886

29. Новая надпись из Партенита.— ЗООИД, т. XIV, стр. 58—65.
30. Zu Mittheil. X, S. 317, N 5 — Mitt. Archäol. Inst. Ath., Bd. XI, стр. 200—202. [Заметка об одной вновь изданной надписи из Варны].

1887

31. Афинские археологические издания в 1885 году [Обзор].— ЗРАО, нов. сер., т. 2, стр. 161—172. Подп. Л.
32. Еще о местонахождении Ипполаева мыса. Ответ г. Бурачкову.— ЖМНП, май, стр. 36—42.
33. Заметки о некоторых македонских надписях, изданных о. архимандритом Антонином.— ЗРАО, нов. сер., т. 2, стр. 101—117.
34. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, Спб., XII, 314 стр. [Из ЖМНП, январь — апрель 1887. [Докторская диссертация].
- Рец.: Отзыв проф. Ф. Ф. Соколова — Прот. засед. Совета имп. Спб. ун-та за 2-ю половину 1886—1887 акад. года, № 36; Бурачков П. О. Заметка по поводу мнения В. В. Латышева о местонахождении Ипполаева мыса. — ЖМНП, 1887, № 4, стр. 307—314; Модестов В.— «Новости», 19 мая 1887, № 135.
35. Кавказские памятники в Москве. — ЗРАО, нов. сер., т. 2, стр. 44—47.
36. Новая надпись из Херсониса Таврического.— Древности, т. XI, вып. 3, стр. 65—69. То же на франц. яз.— ВСН, t. XI, стр. 163—168.
37. Памятная книжка имп. С.-Петербургского историко-филологического института и гимназии при оном. Спб., 134 стр.
38. [Рецензия]: ЗООИД, т. XIV, Одесса, 1886.— ЗРАО, нов. сер., т. 2, стр. 355—358. Подп. В. Л.

1888

39. Афинские археологические издания в 1886 году.— ЗРАО, т. 3, стр. 161—181. Подп. Л.
40. Афинские археологические издания в 1887 году.— Там же, стр. 450—458. Подп. Л.
41. О календарях Тире, Ольвии и Херсониса Таврического.— Тр. VI АС, Одесса, т. II, стр. 56—71.
42. Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов. Часть I. Государственные и военные древности. Изд. 2-е, переработанное. Спб., XII, 356 стр.
- Рец.: ЖМНП, 1888, № 6, стр. 467; РМ, 1888, № 8; И. Б. — ИВ, 1888, № 10; Щукарев А. Н.— ЖМНП, 1889, февраль, стр. 409—423.

43. Сообщение о ходе работ по изданию общего сборника греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря.— Тр. VI АС, Одесса, т. II, стр. 44—55.

44. Règlement sacerdotal de Myconos.— ВСН, т. XII, стр. 459—463.

1889

45. Загадочные ольвийские надписи. — ЗООИД, т. XV, стр. 498—502.

46. К истории археологических исследований в южной России. Из переписки А. Н. Оленина.— ЗООИД, т. XV, стр. 61—115.

47. Неизданная рукопись Дюбрюкса. Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких Керченских курганах в 1817 и 1818 годах.— Там же, стр. 116—149 [франц. текст и перевод].

48. Неизданные надписи острова Хиоса, сообщенные г. Пападопуло-Керамевсом.— ЗРАО, нов. сер., т. IV, стр. 1—13.

49. Очерк греческих древностей. Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов. Часть 2. Богослужebные и сценические древности. СПб., VIII, 326 стр.

Изд. 2-е см. № 123.

Рец.: ЖМНП, 1889, № 6, стр. 511; Новосадский Н. И. — ЖМНП, 1890, № 3, стр. 182—199.

50. По поводу рецензии А. Н. Щукарева.— ЖМНП, март, стр. 225—232.

1890

51. Дополнения и поправки к собранию древних греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. I. — ЗРАО, т. IV, стр. 120—153.

Рец.: Мищенко Ф. Г. — Уч. зап. Каз. ун-та, 1891, кн. 4 и «Киев, старина», 1890, № 7, стр. 136—141.

52. К истории города Ольвии. — ЖМНП, февраль, стр. 68—71.

53. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Volumen secundum. Inscriptiones regni Bosporani continens. Accedunt tabulae duae geographicae. Petropoli, LVI, 352 стр.

Рец.: Кулаковский Ю. А. — ЖМНП, 1891, № 5, стр. 171—182; Мищенко Ф. Г. — Волжский В., 15 янв. 1891, № 13 и Уч. зап. Каз. ун-та, 1891, кн. 4; Миллер В. Ф. — Э. Обзор., 1891, № 1; Larfeld, W. — Berl. Philolog. Wochenschr., 1892, № 1.

54. Inscriptiones graecae in oris Bospori Cimmerii et Chersonesi Tauricae per annos 1881—1888 repertae. Iussu Consilii Caesarei Archaeologici ed. V. Latyshev. Petropoli, 29 стр. и Прилож. к Отч. ИАК за 1882—1888 гг. стр. 5—28.

Рец.: Мищенко Ф. — «Киев, старина», 1890, № 7, стр. 136—141.

1891

55. Из греческих поэтов. [Переводы из Феокрита и Мелеагра Гадарского].— Уч. зап. Каз. ун-та, кн. I, стр. 129—148 [отд. отт., Казань, 1891]. Подп. В. Л.

56. Из греческих поэтов. [Переводы из Солона, Эзопа, Демодока, из анакреонтических песен и из Феокрита].— Уч. зап. Каз. ун-та, кн. 2, стр. 63—74. Подп. В. Л.

57. Из стихотворений Мосха Сиракузского. [Стихотворный перевод с греческого].— ЖМНП, сентябрь, стр. 95, 96. Подп. В. Л.

58. Из стихотворений Тиртея. [Стихотворный перевод с греческого].— ЖМНП, декабрь, стр. 112—115. Подп. В. Л.

59. Из стихотворений Биона Смирнского. [Стихотворный перевод с греческого] — Там же, стр. 116—119. Подп. В. Л.

60. Из стихотворений Мосха Сиракузского. [Стихотворный перевод с греческого] — Там же, стр. 120—124. Подп. В. Л.

61. Избранные эпиграммы Марциала. [Стихотворный перевод с латинского] — Уч. зап. Каз. ун-та, кн. 6, стр. 17—26. Подп. В. Л.

62—63. [Рецензия]: Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года, СПб., 1891. МАР, № 6 — ЖМНП, декабрь, стр. 393—405.

64. [Рецензия]: «Таблицы для наглядного изучения и преподавания греческих и римских древностей», Ст. Цыбульского — Фил. обзор., т. I, кн. I, стр. 71—81.

1892

65. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1888—1891 годах. СПб., 65 стр. (МАР, № 9).

Рец.: Кулаковский Ю.— Фил. обзор., 1892, т. III, кн. 2; Ернштедт В. К надгробию Инанфы, дочери Главкия.— ЖМНП, 1892, № 9, стр. 147—148; В. Е. К присяге херсонесцев.— Там же, № 10; Ернштедт В. Об одной боспорской эпиграмме.— Там же, № 11.

66. Дополнения и поправки к собранию древних надписей северного побережья Черного моря. II.— ЗРАО, т. V, стр. 361—384.

67. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря и Крыма. I. К Страв., VII, 4,2. — ЖМНП, апрель, стр. 1—9.

68. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. II. К Стефану Византийскому.— ЖМНП, август, стр. 65—68.

69. Замечания о преподавании грамматики древних языков в гимназиях — Приложение к № 9 циркуляра по Казанскому учебному округу, стр. 1—15; перепечатано в Педагогическом еженедельнике, 1894, № 2, 3 и 4.

70. Итоги двадцатипятилетней деятельности имп. С.-Петербургского историко-филологического института. — Фил. обзор., т. III, стр. 200—205. Подп. Ст. Ст.

71. К надгробию Инанфы, дочери Главкия.— ЖМНП, ноябрь, стр. 62, 63.

72. Краткий очерк истории Боспорского царства. Перевод с латинского В. А. Михалевского, просмотренный автором.— Изв. Тавр. уч. арх. ком., № 17, стр. 1—66 (отд. отт., Симферополь, 1893).

73. [Рецензия]: Таблицы для наглядного преподавания и изучения греческих и римских древностей Ст. Цыбульского. Табл. XII и XIII. Царское Село, 1891.— Фил. обзор., т. III, кн. 1, стр. 19—23.

74. [Рецензия]: Dareste R., Haussoullier V., Reinach Th. Recueil des inscriptions juridiques grecques. 1 et 2 fascicules. Paris, 1891—1892.— Фил. обзор., т. III, кн. 2, стр. 102—105.

75. [Рецензия]: Memorabilia Xenophontis с объяснениями Я. Левенштейна.— «Гимназия», январь, 1892. Подп. В. Л.

76. Эпиграфическая заметка.— ЖМНП, январь, стр. 35, 36. Подп. В. Л.

77. Bürgereid der Chersonesiten.— Sitzungsberichte der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Jahrg. 1892, стр. 479—494.

78. Notae marginales ad inscriptiones aliquot metricas nuper repertas.— ВСН, т. XVI, стр. 302—304.

1893

79. Две библиографические заметки.— Фил. обзор., т. IV стр. 247. Подп. В. Л.

80. К надгробию Христы, дочери Александра.— ЖМНП, июнь, стр. 111—112.

81. Мусея Грамматика «История любви Леандра и Геро». [Стихотворный перевод с греческого].— Фил. обзор., т. IV, отд. 1, прил., стр. 1—10.

82. По поводу заметки проф. А. И. Сонни [«К вопросу о культуре египетских божеств на северном побережье Черного моря» в т. V Фил. обзор.].— Фил. обзор., т. V, отд. 2, стр. 140—142.

83. [Рецензия]: ЗООИД, т. XVI, Одесса, 1893.— Там же, стр. 103—105. Подп. Л.

84. Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus graecis et latinis collegit et cum versione rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. I. Scriptores graeci. Fasc. I. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. Вып. 1-й. СПб. VIII, 296 стр.

Рец.: Кулаковский Ю. А.— Фил. обзор., т. IV, отд. 2, стр. 165—168.

1894

85. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. III. К Диод., XX, 25.— ЖМНП, апрель, стр. 6—9.

86. К истории Боспорского царства.— Там же, июнь, стр. 81—85.

87. Население Херсонской губернии за 2400 лет до нашего времени.— «Одесские новости», 22 августа, № 3047.

88. Этюды по византийской эпиграфике. 1. Надпись времени императора Юстиниана, найденная на Таманском полуострове. 2. Вопрос о времени надписи Евпатерия.— Визант. врем., т. I, стр. 657—672.

89. Analecta epigraphica. 1—2.— Фил. обзор., т. VI, стр. 133, 134.

90. Inscriptiones duae musei Surutschaniani.— ВСН, т. XVIII, стр. 334, 335.

91. Inscriptiones graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) museo Surutschaniano, quod est Kischinevi, inlatae. Edid. I. Surutschan et V. Latyschew. Petropoli, IV, 29 стр.

Рец.: Никитский А.— Фил. обзор., т. VIII, отд. 2, стр. 161—165.

1895

92. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892—1894 годах. СПб., IV, 66 стр. (МАР, № 17).

Рец.: Кулаковский Ю. — Фил. обзор., т. IX, отд. 2, стр. 25—31; С. Ж. — ЗРАО, т. VIII, вып. 3—4, стр. 408—410.

93. Дополнения и поправки к древним надписям северного побережья Черного моря. Статья III.— ЗРАО, т. VII, стр. 73—93.

94. О поддельных греческих надписях из южной России.— ЗООИД, т. XVIII, стр. 1—18.

Отзыв: Штерн Э. Р.— Несколько замечаний по поводу статьи В. В. Латышева «О поддельных греческих надписях из южной России».— Там же, стр. 65—86.

95. [Рецензия]: ЗООИД, т. XVIII, 1895.— Фил. обозр., т. IX, стр. 91—94. Подп. Л.
96. Эпиграфические этюды. VI. Херсонесский декрет в честь Навклара Синопского.— ЖМНП, ноябрь, стр. 38—46.
97. Этюды по византийской эпиграфике. III. Надпись времени Исаака Комнина, найденная в Херсонесе.— Визант. врем., т. II, стр. 184—188.
98. Analecta epigraphica. 3—5.— Фил. обозр., т. VIII, стр. 149—152.
99. Inschriften aus dem Taurischen Chersonesos.— Sitzungsber. d. Kön. Preuss. Akad. d. Wissenschaften, Jahrg. 1895, стр. 505—522.

1896

100. Отзыв о сочинении А. Л. Бертье-Делагарда «Раскопки Херсониса», СПб., 1893. (МАР, № 12).— ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, Прил. к прот., стр. XLV—XLIX.
101. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1895 г. — Фил. обозр., т. X, стр. 163—172. Подп. Л.
102. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., VI, 143 стр.
- Рец.: Кулаковский Ю.— Визант. врем., т. IV, вып. 1, 1897, стр. 232—238.
103. Эпиграфические этюды. VII. Декрет из г. Дионисополя, сообщенный К. В. Шкорпиллом.— ЖМНП, январь, стр. 1—19.
104. Эпиграфические этюды. VIII. Агонистический каталог из Горгиии.— ЖМНП, март, стр. 113—127.
105. Scythica et Caucasica. Vol. I. Scriptores graeci. Fasc. 2. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. Вып. 2. СПб., стр. 297—600.
- Рец.: Кулаковский Ю.— Фил. обозр., т. XII, кн. 2, стр. 161—163; Мищенко Ф.— «Камско-Волжский край», 13 февр. 1897, № 339.

1897

106. Две заметки.— Изв. ОРЯСАН, т. II, кн. 4, стр. 1138—1142. Подп. В. Л.
107. Заметки к христианским надписям из Крыма.— ЗООИД, т. XX, стр. 149—162.
108. Из стихотворений Мосха Спракузского. Надгробная песнь Биону.— ЖМНП, октябрь, стр. 38—43. Подп. В. Л.
109. Очерк греческих древностей. Часть I. Государственные и военные древности. Изд. 3-е, пересмотр. А. Н. Шукаревым. СПб., X, 373 стр.
- Рец.: Мищенко Ф. Г.— «Камско-Волжский край», 10 окт. 1897, № 547; Фил. обозр., т. XV, кн. 1, стр. 25—37.
110. Юбилей Константина Васильевича Кедрова.— Фил. обозр., т. XII, стр. 147—152. Подп. Ст. Ст.

1898

111. Заметки к христианским надписям из Крыма. Новые сообщения Бертье-Делагарда (Продолжение статьи 20-го тома).— ЗООИД, т. XXI, стр. 225—254.

112. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. IV. О местоположении города Горгиппии.— ЖМНП, ноябрь, стр. 73—77.

113. К[Феокр.] ид., XXVII, ст. 49.— Фил. обозр., т. XV, стр. 45, 46. Подп. В. Л.

114. На досуге. Переводы из древних поэтов. СПб., VIII, 74 стр.

В этой книге перепечатаны с поправками переводы, перечисленные выше под № 55, 61, 81 и 108 с приложением нескольких эпиграмм Марциала.

Рец.: А.— Фил. обозр., т. XV, отд. 2, стр. 163—165

115. По поводу рецензии проф. Ф. Г. Мищенко [на 3-е изд. «Очерков греческих древностей»] — Фил. обозр., т. XV, стр. 180, 181.

116. Раскопки в Херсонисе Таврическом в 1897 г. — Там же, стр. 53—62. Подп. Л.

117. [Рецензия]: Dareste R., Haussoullier B., Reinach Th. Recueil des inscriptions juridiques grecques. 2 serie, 1 fasc. Paris, 1898.— Там же, отд. 2, стр. 44—47.

1899

118. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1895—1898 годах. СПб., 76 стр. (МАР, № 23).

Рец. Кулаковский Ю. А. — Фил. обозр., т. XVI, 1899, стр. 103—108.

119. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. V. Об острове св. Эферия.— ЖМНП, май, стр. 73—87.

120. Из Марциала (Перевод 16 эпиграмм). — ЖМНП, октябрь, стр. 19—21. Подп. В. Л.

121. К истории Боспорского царства. II.— ЖМНП, ноябрь, стр. 52—56.

122. О конкурсных экзаменах.— НВр., 13 авг., № 8426. Подп. Ехпедагог. Ср. НВр., 23 июля 1900, № 8767, где редакция газеты снова обращает внимание читателей на эту статью.

123. Очерк греческих древностей. Часть 2. Богослужebные и сценические древности. Изд. 2-е, испр. СПб., VIII, 328 стр.

Рец.: Х.— Фил. обозр., т. XVII, отд. 1, стр. 32; И. А.— ИВ, т. LXXIX.

124. Письмо в редакцию — НВр., 23 июля, № 8405 [О плагиате Ф. В. Ливанова]. Подп. В. Л.

125. По поводу «ответа» проф. Ю. А. Кулаковского.— Фил. обозр., т. XVII, отд. 2, стр. 129—133.

126. [Рецензия]: Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899.— Фил. обозр., т. XVI, отд. 2, стр. 89—98.

127. [Рецензия]: Bonnell. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, Bd. 2, St.-Petersburg, 1897.— ЖМНП, январь, стр. 208—232.

128. Эпиграфическая заметка.— Визант. врем., т. VI, стр. 144—146.

129. Этюды по византийской эпиграфике. IV—VI.— Там же, стр. 337—369.

1900

130. Забытый художественный памятник царю-освободителю,— НВр., 3 апреля, № 8657.

131. Присяга граждан города Херсониса Таврического. Греческий текст с русским переводом и кратким объяснением. СПб., 16 стр.

Рец. М с е р и а н ц Л. З. — Фил. обозр., т. XIX, кн. 1, стр. 38 (ср. также Фил. обозр., 1892, т. II, кн. 1, стр. 89); Л. М.— ИВ, т. LXXXIII; А.— М. Вед., № 41.

132. Эпиграфическая заметка. — ЗООИД, т. XXII, смесь, стр. 1.

133. *Scythica et Caucasica. Vol. I. Scriptores Graeci. Fasc. 3.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том 1. Греческие писатели. Вып. 3, СПб., стр. 601—946 + карта.

Рец. М с е р и а н ц Л. З. — М. Вед., 16 сент. 1900, № 256; Фил. обозр., т. XVIII, кн. 1, стр. 9, 10.

1901

134. Д. Ф. Беляев [некр.] — Изв. АН, т. XIV, стр. LXII—LXIV

135. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г.— ИАК, вып. 2, стр. 61—72.

136. Заметки к христианским надписям из Крыма.— ЗООИД, т. XXIII, стр. 74—78.

Продолжение. Начало см. № 107 и 111.

137. К церковной археологии Херсониса.— ЖМНП, октябрь, стр. 15—22.

138. Кое-что о классической филологии в России.— М. Вед., 27 и 28 ноября, № 327 и 328.

139. Надпись о постройке Херсонесской стены.— ИАК, вып. 1, стр. 56—59.

140. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Volumen quartum, supplementa continens per annos 1885—1900 collecta. Accessit tabula zyncotypica. Petropoli, X, 360 стр.*

Рец.: С о к о л о в Ф. Ф.— ЖМНП, 1902, № 11, стр. 225—231; М-н А.— ИВ, 1902, № 3.

1902

141. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г.— ИАК, вып. 3, стр. 21—57.

142. К вопросу об античной посуде со штемпелем KIPBEI.— ИАК, вып. 4, стр. 141. Подп. В. Л.

1903

143. Теодор Моммзен [некр.]— Изв. АН, т. 19, стр. [I—III].

1904

144. Дополнения и поправки к надписям, изданным в сборнике *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*, т. I, II и IV.— ИАК, вып. 10, стр. 92—97.

145. Заметки о кавказских надписях.— Там же, стр. 98—105.

146. Несколько слов об имп. С.-Петербургском историко-филологическом институте.— Прав. В., 18 ноября, № 247 (анонимно) (отд. отт., СПб., 1909).

147. Эпиграфические повести из южной России (находки 1901—1903 годов).— ИАК, вып. 10, стр. 1—91.

148. *Scythica et Caucasica. Vol. II. Scriptores latini. Fasc. 1.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том II, Латинские писатели. Вып. 1. СПб., стр. 1—272.

1905

149. Новый гимн в честь Гермеса.— ЖМНП, май, стр. 261—264.
 150. И. Л. Уссинг. [некр.].— Изв. АН, т. 23, стр. ОХІІІ — ОХІV.
 151. Эпиграфические новости из южной России (находки в 1903—1905 гг.).— ИАК, вып. 14, стр. 94—137.
 152. Inscriptions métriques de Panticapée.— Mélanges Nicole. Genève, стр. 301—311.

1906

153. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты. СПб., 82 стр. (Зап. АН по ист.-филолог. отд., т. VIII, № 3).
 Рец.: Сообщения имп. Правосл. Палест. об-ва, т. XVIII, 1907, вып. 1, стр. 199.; Жебелев С. А. — ЖМНП, 1907, сентябрь, стр. 234—238; Харлампович К. В.— Уч. зап. Каз. ун-та, 1908, кн. 2.
 154. Ф. Г. Мищенко [некр.].— Изв. АН, т. XXV, стр. ОХІІІ — ОХV.
 155. И. В. Помяловский [некр.] — Там же, стр. ОIХ—ОХІІ.
 156. Эпиграфические новости из южной России (находки 1905 г.).— ИАК, вып. 18, стр. 95 — 137.
 157. Scythica et Caucasica. Vol. II, fasc. 2. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том II, вып. 2, СПб., стр. 273—454, карта.
 Рец.: С. Г та.— ИВ, № 7.

1907

158. Дополнения и поправки к изданным надписям из южной России.— ИАК, вып. 23, стр. 49—65.
 159. Житие и страдание св. священномученика и чудотворца отца нашего Анастасия Перса. Перевод с греческого. СПб., 27 стр. (Палестинский Патерик, вып. 14).
 160. Из Марцнала (стихотворный перевод 5 эпиграмм).— «Гермес», т. 1, № 3, стр. 71.
 161. Мученичество св. славных мучеников христовых шестидесяти трех. Перевод с греческого. СПб., 36 стр. (Палестинский Патерик, вып. 13).
 162. Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 1. [Переводы 12 житий святых с греческих текстов, изданных А. И. Пападопуло-Карамевсом].— Правосл. Палест. сб., вып. 57, вторая половина, стр. 1—252.
 Рец.: Сообщ. имп. Правосл. Палест. об-ва, т. XIX, 1908, вып. 1, стр. 184—186.
 163. Сказание о мученичестве св. отцов, избитых варварами — сарацинами в великой лавре преп. Отца нашего Саввы в 797 г. Перевод с греческого. СПб., 46 стр. (Палестинский Патерик, вып. 12).
 164. Страдание св. священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними. (Перевод с греческого).— ИАК, вып. 23, стр. 108—112.
 165. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.).— ИАК, вып. 23, стр. 28—48.

166. Эпиграфические этюды. IX. Херсонесский почетный декрет.— ЖМНП, март, стр. 140—157.

1908

167. Адольф Кирхгоф. 1826—1908. [некр.].— Изв. АН, VI сер., т. II, № 6, стр. 473—475.

168. Гастон Буасье [некр.].— Там же, № 14, стр. 1111, 1112.

169. Два барельефа с надписями из села Знаменского-Губайлова.— Отч. имп. Росс. ист. музея за 1907 г., стр. 81—90.

170. Житие и мученичество св. апостола Иакова, брата Господня. Перевод с греческого. СПб., 23 стр. (Палестинский Патерик, вып. 15).

171. Житие и мученичество св. Прокопия и бывших с ним. СПб., 36 стр. (Палестинский Патерик, вып. 16).

172. Заметки к агиологическим текстам. I. К житию св. апостола Иакова, брата господня, написанному св. Андреем Критским.— Изв. ОРЯСАН, т. XIII, кн. 2, стр. 133—140.

173. То же. II. К житиям св. епископов Херсонских.— Там же, кн. 3, стр. 1—17.

174. Материалы для истории архиепископии Синайской горы. Перевод греческих текстов, изданных А. И. Пападопуло-Керамевсом. — Правосл. Палест. сб., вып. 58, 2-я половина, стр. 1—496.

Рец.: Сообщения имп. Правосл. Палест. об-ва, т. XX, 1909, вып. 3, стр. 464—466.

175. С. А. Селиванов [некр.].— «Гермес», т. III, № 20 (15 декабря).

176. Эпиграфические новости из южной России (находки 1907 г.).— ИАК, вып. 27, стр. 15—41.

1909

Гражданская присяга херсонисцев. См. в сб. «ПОНТИКА» (№ 178) и «Греческие и латинские надписи...» (№ 65), стр. 1—13.

177. Отзыв о книге В. П. Бузескула «История афинской демократии», СПб., 1909.— ЖМНП, июль, стр. 92—96.

178. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., XIII, 430 стр., 4 табл.

В сборнике перепечатаны с поправками статьи, перечисленные выше под № 24, 32, 36, 41, 43, 52, 63, 65 (часть), 67, 68, 72, 82, 85, 87, 88 (часть), 94, 96, 98, 100, 101, 103, 104, 112, 116, 119, 121, 125—127, 137, 149, 166. «Вместо введения» прибавлена неизданная речь, произнесенная пред защитой докторской диссертации.

179. Ф. Ф. Соколов [некр.].— Изв. АН, VI сер., т. III, стр. 949—954, и «Гермес», т. V, № 15, стр. 456—462.

180. Эпиграфические новости из южной России (находки 1908 г.).— ИАК, вып. 33, стр. 41—49.

1910

181. Две речи Фсодора Дафнопата, изданные со введением о жизни и литер. деятельности автора и с русским переводом. СПб., СХХ, 144 стр. (Правосл. Палест. сб., вып. 59).

Рец.: Шестаков С. П. — ЖМНП, 1910, июль, стр. 403—415; Н. D.— Analecta Bollandiana, t. 31, стр. 324.

182. Дополнение к IOSPE, II, № 313, — ИАК, вып. 37, стр. 11—13.
 183. Заметка к эпиграмме из Эль-Тегеня.— Там же, стр. 64. Подп. В. Л.
 184. Из Марциала (перевод 16 эпиграмм).— «Гермес», т. VI, № 7 (1 апр.), стр. 199—201.
 185. Мученичество св. Кириака, архиепископа Иерусалимского. [Перевод с греч.]. СПб., 14 стр. (Палестинский Патерик, вып. 18).
 186. Неизданные горгиппийские надписи.— ИАК, вып. 37, стр. 36—63.
 187. Новые надписи из деревни Шурю.— Изв. Таврич. уч. арх. ком., № 44, стр. 1—5.
 188. Страдание св. мученицы Акилины [Перевод с греч.]. СПб., 16 стр. (Палестинский Патерик, вып. 17).
 189. Эпиграфические заметки.— ИАК, вып. 37, стр. 76—80.
 190. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1909 и 1910 годов.— Там же, стр. 65—75.

1911

191. К житиям святых Феодора Стратилата и Феодора Тирона.— Изв. АН, VI сер., № 7, стр. 495—500.
 192. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря. — Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому. СПб., стр. 169—198.
 193. Страдание св. славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату и ныне впервые изданное (с русским переводом).— Правосл. Палест. сб., вып. 59 (окончание), VII, 76 стр.
 Рец.: Ш е с т а к о в С.— Визант. врем., т. XVIII, 1913, отд. 2, стр. 14—19.
 194. Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. Fasc. 1, menses Februarium et Martium continens. Petropoli, XII, 360 стр.
 Рец.: E h r h a r d A.— Byz. Zeitschr., Bd. XXI, стр. 239—246; H. D.— Analecta Bollandiana, t. 31, стр. 324.

1912

195. Две ольвийские посвячительные надписи.— ИАК, вып. 45, стр. 1—8.
 196. Житие и страдание св. преподобномученицы христовой Евдокии [Перевод с греч.]. СПб., 44 стр. (Палестинский Патерик, вып. 19).
 197. Заметки к херсонесским надписям, изданным Р. Х. Лепером.— ИАК, вып. 45, стр. 132—136.
 198. О житиях преп. Давида Солунского.— ЗООИД, т. XXX (Сборник в честь Э. Р. фон Штерна), стр. 217—251.
 Библиогр. зам.: А. Е.— Byz. Zeitschr., Bd. XXII, стр. 259; V. d. V — Analecta Bollandiana, t. 32, стр. 320.
 199. Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt. Fasc. 2, menses Junium, Julium, Augustum continens. Petropoli, XIV, 428 стр.
 Рец.: E h r h a r d A.— Byz. Zeitschr., Bd. XXIV, 1924, стр. 120, 121.

1913

200. Житие и подвизание препод. отца нашего Мартиана [Перевод с греч.]. СПб., 24 стр. (Палестинский Патерик, вып. 20).

201. Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее. Вступительная статья.— ИАК, вып. 49, стр. 75—83.
202. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом.— Сборник Харьк. ист.-филолог. об-ва в честь проф. В. П. Бузескула (отд. отт., Харьков, 8 стр.).
203. Памятная книжка имп. С.-Петербургского историко-филологического института за 1902—1912 годы. СПб., 58 стр.
204. Сборник палестинской и сирийской агиологии. Вып. 2. СПб., XXIII, 126 стр. (Правосл. Палест. сб, вып. 60).
- Рец.: Van de Vorst.— *Analecta Bollandiana*, t. XXXVIII, стр. 197.
205. Четырнадцать миней Иоанна Ксифилина. Предварительное сообщение.— Изв. АН, VI сер., № 4, стр. 231—240.
206. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1912 г. — ИАК, вып. 47, стр. 104—116.

1914

207. Византийская «царская минея», Пгр., 327 стр. (Зап. АН по ист.-филол. отд., сер. VIII, т. 12, № 7).
208. Заметки по палестинской и сирийской агиологии.— Сообщения имп. Правосл. Палест. об-ва, т. 25, вып. 1, стр. 6—30; вып. 2, стр. 149—168; вып. 3—4, стр. 305—325.
209. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом.— Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков, стр. 206—214.
210. Мученичество святые и славные великомученицы Фотины Самарянки и чад и сестер ее, с нею пострадавших. СПб., 38 стр. (Палестинский Патерик, вып. 21).
211. *Hagiographica Graeca inedita*. Неизданные греческие агиографические тексты. СПб., LVI, 152 стр. (Зап. АН по ист.-филол. отд., сер. VIII, т. 12, № 2).
212. Zu Roschers *Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*.— *Berliner Philol. Wochenschrift*, № 24, стр. 767.

1915

213. Житие преподобного Феодора Студита в Мюнхенской рукописи № 464.— *Визант. врем.*, т. 21, вып. 3—4, стр. 222—254.
214. *Vita S. Theodori Studitae. E codice Mosquiensi musei Rumianzoviani*, № 520.— Там же, стр. 255—304.
215. Заметки по палестинской и сирийской агиологии.— Сообщения имп. Правосл. Палест. об-ва, т. 26, вып. 1—2, стр. 11—27.
- Продолжение. Начало см. № 208.
216. К начальной истории гор. Мариуполя.— *ЗООИД*, т. 32, отд. 2, стр. 42—64 (отд. отт., Одесса, 1915).
217. ΜΑΡΤΥΡΙΟΝ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΕΥΣΙΓΝΙΟΥ (Житие св. великомученика Евсигния). [Греч. текст и примеч.]. — *ЖМНП*, февраль, стр. 81—91.
218. О житиях св. великомученика Евсигния.— Там же, стр. 65—80.
219. Обзор ольвийской эпиграфики за последние 15 лет.— «Гермес», т. 17, № 20, стр. 445—457.
220. Эпиграфические новости из южной России.— ИАК, вып. 58, стр. 28—39.

1916

221. Вновь найденные в Крыму христианские надписи.— Изв. Таврич. уч. арх. ком., № 53, стр. 1—6.
222. Заметка о родосской надписи I. G. I., I, 91.— Изв. АН, сер. VI, № 15, стр. 1409—1410.
223. Из Марциала [Перевод 3 эпиграмм].— «Гермес», т. 19, № 13—14, стр. 303.
224. К вопросу о литературной деятельности Константина Багрянородного.— Визант. врем., т. 22, вып. 1—2, стр. 13—20.
225. Памяти Петра Васильевича Никитина (Речь, произнесенная акад. В. В. Латышевым в общем собрании 9 мая 1916 года).— Изв. АН, сер. VI, № 12, стр. 921—936.
226. Пятнадцатая идиллия Феокрита [Перевод с греч. и примеч.].— «Гермес», т. 18, № 9, стр. 186—194.
227. Ad Nicetae David Paphlagonis laudationes ss. apostolorum.— Изв. АН, сер. VI, № 16, стр. 1505—1522.
228. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I. Iterum edidit Basilius Latyshev. [Изд. 2-е]. Petropoli, XII, 594 стр.

1917

229. Греческая литургическая рукопись библиотеки имп. Академии наук — Изв. АН, сер. VI, № 2, стр. 85, 86.

1918

230. Из агиографической литературы.— Изв. АН, сер. VI, № 15, стр. 1579—1590.
231. Мефодия патриарха константинопольского житие преп. Феофана Исповедника. По московской рукописи № 159. Пгр., XII, XI, 120 стр. (Зап. АН по ист.-филол. отд., сер. VIII, т. 13).
232. Новые христианские греческие надписи из Крыма.— Изв. Таврич. уч. арх. ком., № 54, стр. 33—46.
233. Эпиграфические новости из южной России.— ИАК, вып. 65, стр. 9—21.

1920

234. Критические заметки к письмам Феодора Дафнопата.— Изв. АН, сер. VI, т. 14, стр. 393—398.
- Рец.: Kurtz E. Hagiographische Lesefrüchte.— Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, 1921, стр. 277—281.

1921

235. Заметки по греческой эпиграфике.— ИРАИМК, т. I, стр. 17—29.
236. Список трудов Н. И. Веселовского.— Зап. Вост. отд. РАО, т. 25, стр. 387—398.

П о с м е р т н ы е и з д а н и я , п е р е и з д а н и я
и п у б л и к а ц и и м а т е р и а л о в
В . В . Л а т ы ш е в а

1922

237. Заметки по греческой эпиграфике.— ИРАИМК, т. 2, стр. 65—83.
238. Неизданные Боспорские надписи.— ИРАИМК, т. 2, стр. 84—104.

1926

239. Раскопки Н. И. Веселовского в 1916 и 1917 гг. (по черновым отчетам Н. И. Веселовского составлено покойным В. В. Латышевым).— Сообщения ГАИМК, т. I, стр. 200—206.

1934

240. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1. (Составлено по материалам В. В. Латышева). М.—Л., 73 стр. ИГАИМК, вып. 91).

1947—1950

241. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе [Вступ. статья: Мишулин А. В. Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР (К переизданию «*Scythica et Caucasica*» В. В. Латышева)].— ВДИ, 1947, № 1, стр. 253—316; № 2, стр. 247—332; № 3, стр. 233—315; № 4, стр. 171—289; 1948, № 1, стр. 221—315; № 2, стр. 213—314; № 3, стр. 215—330; № 4, стр. 223—298; 1949, № 1, стр. 185—293; № 2, стр. 269—356; № 3, стр. 203—308; № 4, стр. 227—305.

Указатели. М.—Л., 1950, 88 стр. (Прил. к № 4 ВДИ за 1950 г.).

1951

242. Болтунова А. И. Из черновигов В. В. Латышева.— ВДИ, 1951, № 2, стр. 120—126.

Труды под редакцией В. В. Латышева

1. Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Справочная книга, составл. по офиц. сведениям к 1 января 1895 г., с приложением двух карт. Изд. Департ. нар. просв., СПб., 1895.

2. Извлечения из всеподданнейших отчетов Министра народного просвещения за 1891—1893 годы, СПб.

3. К. К. Герц. Собрание сочинений, изданное имп. Академиею наук на средства капитала имени проф. К. К. Герца, 9 выпусков, СПб., 1898—1901.

4. Труды высочайше учрежденной Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Вып. V. Труды подкомиссии по вопросу о физическом воспитании учащихся в средней школе. СПб., 1900 (на правах рукописи).

5. Труды высочайше учрежденной Комиссии по преобразованию высших учебных заведений. 5 томов. СПб., 1903 (на правах рукописи).

6. Издания имп. Археологической комиссии (с 1901 г.): а) Отчеты Комиссии за 1898—1908 и 1909—1910 годы, 12 томов; б) Материалы по археологии России, 24—33, 10 томов; в) Известия императорской Археологической комиссии, вып. 1—50, 1901—1913 (с 24 Прибавлениями); г) Указатели к отчетам за 1882—1898 годы, 1903; д) Альбом рисунков, помещенных в отчетах за 1882—1898 годы; е) Каталог библиотеки Комиссии, 1904; 3 дополнения к нему, 1905, 1907 и 1910; ж) М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1913.

7. Систематический каталог библиотеки имп. Православного Палестинского общества, 2 тома, СПб., 1907; Дополнение к нему, СПб., 1913.

8. ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в имп. Археологической комиссии. 1886 — 1911. СПб., 1911.

9. Труды первого Всероссийского съезда преподавателей древних языков 28—31 декабря 1911 г. С приложением статьи проф. Т. В. Локтя «Мысли педагога о реформе школы». СПб., 1912 (с участием А. М. Ловягина).

10. Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института (1867—1917). Биографический словарь лиц, окончивших курс института. Часть I. Изд. под ред. В. В. Латышева. Пгр., 1917, IV, 410 стр.

Труды, изданные при участии В. В. Латышева или под его наблюдением

1. Пападопуло-Керамевс А. И. Палеографические заметки.— ЗРАО, нов. сер., т. II, 1887, стр. 133—142. [В. В. Латышеву принадлежат редакция русского перевода статьи и перевод с греческого приложенной к статье грамоты патриарха Исеремии 1811 г.].

2. Пападопуло-Керамевс А. И. Когда жил Даниил, митрополит Ефесский, автор «Хождения по св. местам»?— Там же, стр. 293—298. [Статья переведена В. В. Латышевым с французского языка. Им же сделан перевод с греческого приложенной к статье грамоты Даниила 1487 г.].

3. Селиванов С. Очерки древней топографии острова Родоса. Казань, 1892 [Напечатана под наблюдением В. В. Латышева].

4. Шейндлер Август. Методика преподавания грамматики греческого языка. Перевел, с изменениями и дополнениями применительно к русским гимназиям, преп. 3-й Казанской гимназии Н. Корнилов. Казань, 1893. [«Инициатива настоящей работы, руководящие советы, просмотр рукописи и даже первая корректура принадлежат В. В. Латышеву». (Из предисловия переводчика)].

5. Словарь русского языка, составл. Вторым отделением имп Академии наук. [В. В. Латышев участвовал в чтении корректур словаря, начиная со 2 тома].

6. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Сост. Герман Куликовский. СПб. 1898. [В. В. Латышев участвовал в чтении корректур и внес несколько слов или значений].

7. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского. Изд. имп. Академии наук под ред. П. А. Сырку. Том III, СПб., 1902. [Наблюдение за печатанием].

8. Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Изд. имп. Академии наук под ред. П. В. Безобразова, 2 тома. СПб., 1910. [Наблюдение за печатанием].

9. Труды Ф. Ф. Соколова. СПб., 1910. [Напечатаны под наблюдением С. А. Жебелева и В. В. Латышева].

10. Труды В. Г. Васильевского. Изд. имп. Академии наук. СПб., т. I, 1908; т. II, 1912. [Участие в чтении корректур].

11. Карл Карлович Герц (1820—1883). Биографический очерк, с портретом и двумя приложениями. Составил А. Маленин. Изд. имп. Академии наук, СПб., 1912. [Наблюдение за печатанием].

12. Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707—1709). Изд. под ред. С. П. Розанова.— Правосл. Палест. сб., вып. 61, 1914. [Наблюдение за печатанием].

Н. А. ВИНБЕРГ

МАТЕРИАЛЫ ПО БИОГРАФИИ
В. В. ЛАТЫШЕВА

1. Известия имп. Русского археологического общества, т. X, 1884, стр. 438—442; Протокол заседания 8 марта 1882 г., ст. VIII. [Предложение Ф. Ф. Соколова поручить В. В. Латышеву подготовительные работы по изданию сборника надписей южной России].
2. Сообщение В. В. Латышева о ходе работ по изданию названного сборника — см. выше в списке трудов № 43.
3. Газетные известия о магистерском диспуте (20 февраля 1883 г.): «Петерб. листок», 22 февраля, № 42; «Минута», 22 февраля, № 50; «Новости», 21 февраля, № 49.
4. Газетные известия о докторском диспуте (17 мая 1887 г.): «Петерб. газета», 18 мая, № 134; «Петерб. листок», 18 мая, № 134; «Новости», 18 мая, № 134; «Свет», 19 мая, № 104.
5. Памятные книжки имп. С.-Петербургского историко-филологического института, 1887, 1892, 1897 и 1902 [Списки печатных трудов].
6. «Казанский биржевой листок», 10 марта 1891 г. [Корреспонденции из Вятки о ревизии В. В. Латышевым местных учебных заведений].
7. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. Том I, СПб., 1896. [Краткая автобиография и список трудов до февраля 1894 г., стр. 371—380].
8. Альманах современных русских государственных деятелей. Изд. Г. А. Гольдберга. СПб., 1897, т. II, стр. 963—964. [Краткий перечень биографических данных, с портретом].
9. Василий Васильевич Латышев. Краткий очерк двадцатипятилетней литературной деятельности его. 1878 $\frac{1}{XI}$ 1903. (Издание «тесного кружка почитателей»). СПб., 1903, 31 стр. [Со списком трудов по 1902 г. и двумя портретами — 1878 и 1903 гг.].
10. «Гермес», 1 ноября 1908 г., № 17, стр. 454—456: В. В. Латышев. [К тридцатилетию его учено-литературной деятельности. С портретом].
11. Список трудов Василия Васильевича Латышева, составленный по поводу тридцатилетия его учено-литературной деятельности. 1878 $\frac{1}{XI}$ 1908. СПб., 1908, 22 стр. [С портретом, издание группы учеников].

12. Современники. Альбом биографий Н. И. Афанасьева. Том I, 1909, стр. 154—156. [Краткая биография].

13. Материалы для биографического словаря действительных членов имп. Академии наук. Часть I. Пгр., 1915, стр. 413—428. [Биографический очерк и список трудов до начала 1914 г.].

14. Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. 2. Биографический словарь членов общества. М., 1915, стр. 195, 196. [Краткий биографический очерк].

15. Пятидесятилетие Петроградского историко-филологического института. Биографический словарь лиц, окончивших курс Института. Изд. под ред. В. В. Латышева. Часть I, Пгр., 1917, стр. 91—107. [Автобиографический очерк и список трудов, составленный автором, до середины 1917 г.].

16. Жебелев С. А. Василий Васильевич Латышев (29 июля 1855 — 2 мая 1921).— Визант. врем., т. 24, 1926, стр. 105—110. [Очерк ученой деятельности].

17. Успенский Ф. И. Памяти академика В. В. Латышева.— Изв. АН СССР, т. 20, № 9, 1926, стр. 577—584.

18. Л. Е[льницкий]. Памяти академика В. В. Латышева.— ВДИ, 1946, № 4, стр. 166, 167. [К 25-летию со дня смерти].

19. Материалы к списку трудов академика В. В. Латышева.— ВДИ, 1946, № 4, стр. 167—169. [Список трудов после 1914 г. и дополнения к списку из «Материалов для биографического словаря действительных членов академии наук» (№ 13)].

20. Мишулин А. В. Источники о скифах и изучение культуры дославянского населения в истории СССР. [К переизданию «Scythica et Caucasica» В. В. Латышева].— ВДИ, 1947, № 1, стр. 255—262.

21. Шкляев Н. П. Выдающийся русский эпитафист академик В. В. Латышев.— Уч. зап. Казан. ун-та, т. 112, кн. 5, 1952, стр. 117—151, с портретом.

22. Значение работ академика В. В. Латышева для изучения античной истории (К 100-летию со дня рождения).— ВДИ, 1955, № 4, стр. 3—9.

23. Заседание, посвященное работам академика В. В. Латышева по истории Херсонеса.— Вестник АН СССР, 1955, № 12, стр. 79, 80. [Заседание в Отделении ист. наук 20 октября 1955 г., посвященное 100-летию со дня рождения В. В. Латышева].

В. И. АБАЕВ

САРМАТО-БОСПОРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ОТРАЖЕНИИ НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ

Идея привлечения современных, бытующих по сей день в народе сказаний для освящения событий и отношений далекого прошлого, в данном случае — скифо-сарматского времени, не может считаться слишком смелой или безрассудной. Давно признано, что фольклор — первоклассный исторический источник. Некоторые сомнения возникают в связи с огромными масштабами протекшего времени. Может ли народная память хранить отзвуки событий двухтысячелетней давности? 200, 300, 500 лет — вот нормальный срок, в пределах которого исторические события могут жить в памяти народа, в его песнях, легендах и преданиях, да и то зачастую в преображенном до неузнаваемости виде.

Но при особо благоприятных для «консервации» условиях непрерывная устная традиция может донести смутное воспоминание о героях и событиях значительно более отдаленного прошлого. Эти условия надо искать в исторических судьбах данного народа.

Нам приходилось отмечать, что условия исторической жизни осетинского народа в высокой степени благоприятствовали расцвету эпического творчества и созданию богатой и стойкой эпической традиции¹. Сарматский и аланский периоды, изобиловавшие военными предприятиями большого размаха, давали обильный материал для героической саги; со временем, после монгольского нашествия, когда остатки ранее большого и сильного народа оказались замкнутыми в ущельях центрального Кавказа, нартовские сказания, сохранявшие память о героях и подвигах далекого прошлого, стали основной частью культурного богатства народа, которое он бережно хранил и передавал от отцов к детям. При этом замкнутость старого горского быта особенно способствовала «консервации» эпического наследия. В этих условиях оказалось возможным «чудо»: сохранение путем устной передачи обширного эпического цикла, возраст которого исчисляется не столетиями, а тысячелетиями.

Уже первый исследователь нартовского эпоса академик Всеволод Миллер сумел доказать, что осетинские нартовские сказания донесли до наших дней в художественных образах и мотивах многое из того, что нам рассказывают о жизни скифов, сарматов и аланов Геродот и Аммиан

¹ Изв. Северо-Осетинск. научно-исслед. Ин-та, т. X, вып. 1, 1945, стр. 9, 10.

Марцеллин. В известной работе «Черты старины в сказаниях и быте осетин»², В. Миллер привел ряд убедительных параллелей между мотивами нартовского эпоса и некоторыми чертами скифского и аланского быта («Чаша геросов», «Шуба из скальпов» и др.).

Тем самым была доказана возможность и правомерность использования нартовских сказаний как источника для познания скифо-сарматской действительности. Идя этим же путем, Ж. Дюмезиль пополнил исследования В. Миллера новыми удачными скифо-нартовскими сопоставлениями³.

Исключительная ценность фольклорных памятников для воссоздания древнейших периодов истории народа подтвердилась не только на осетинской почве. Ирландские саги, в которых одно время готовы были видеть лишь мифы и сказки, теперь, при более углубленном знакомстве с историческим прошлым, расцениваются как первоклассный источник для древней истории ирландского народа.

Поразительная в некоторых случаях живучесть устной народно-поэтической традиции, живучесть, которой могут позавидовать письменные памятники и даже предметы из камня и металла, художественная правдивость и красочность фольклорной передачи исторического прошлого, по сравнению с сухими и нередко фальсифицированными данными исторических хроник, были по достоинству оценены не кем иным, как Байроном:

Teems not each ditty with the glorious tale?
 Ah! such, alas, the hero's amplest fate!
 When granite moulders and when records fail,
 A peasant's plaint prolongs his dubious date.
 Pride! bend thine eye from heaven to thine estate,
 See how the mighty shrink into a song!
 Can Volume, Pillar, Pile preserve the great?
 Or must thou trust Tradition's simple tongue,
 When Flattery sleeps with thee, and History does thee wrong?⁴

Гранит разрушается, летописи стираются, а народная песня продолжает хранить память о героях и событиях, хранить лучше, полнее, чем книги, колонны и здания, чем не всегда надежные исторические хроники,— такова мысль Байрона.

Само собой разумеется, для того, чтобы извлечь из народной песни и легенды историческую правду, надо уметь понимать «Tradition's simple tongue» — «бесхитростный язык предания». Особенность этого языка заключается в том, что он передает историю не в форме последовательного, логического изложения событий, а в художественных образах и обобщениях. Нужно эти образы расшифровать, чтобы увидеть скрытую за ними историческую реальность.

Ниже мы даем опыт исторического истолкования нескольких осетинских нартовских сказаний, героем которых является лицо с примечательным именем *Kāfty-Sār-Xujāndon-āldcar* «Глава-рыб-Владелец-пролива».

Этот алдар, т. е. владетель, князь, которого мы будем называть сокращенно *К а ф т ы с а р*, не принадлежит к Нартам. Его отношения к последним своеобразны. В некоторых сказаниях он рисуется как *в р а г* Нартов. Но чаще он оказывается *с о ю з н и к о м* одного из нартовских родов в его войне против другого нартовского рода.

² ЖМПП, 1882, август, стр. 191—207.

³ George D u m é z i l. Légendes sur les Nartes. 1930, стр. 151—166.

⁴ Паломничество Чайльд Гарольда, I, 36.

Выделяются, таким образом, два сюжета, в которых выступает Кафтысар. Мы будем называть их «сюжеты А и Б». Приведем типичные варианты каждого из этих сюжетов.

С ю ж е т А

ПОСЛЕДНИЙ БАЛЦ⁵ УРУЗМАГА

В а р и а н т 1⁶

Когда Урузмаг состарился и не мог больше участвовать в нартовских военных предприятиях, он велел зарезать своего коня и сделать из его кожи бурдюк. Затем он велел зашить себя в этот бурдюк и бросить в море. Море понесло бурдюк и принесло его прямо к рыбакам алдара Кафтысара. Рыбаки извлекли Урузмага из бурдюка и доставили его к алдару. Алдар сделал его пастухом своих больших табунов. По утрам Урузмаг приветствовал Кафтысара. Но гордый алдар не отвечал на приветствия Урузмага и даже не смотрел на него. Рассердился Урузмаг. «Да съедят отец мой и мать моя ослиц и собак, если я не снесу голову алдару вот этим моим мечом», — воскликнул он однажды в сердцах. Рабы Кафтысара услышали эту угрозу и передали о ней своему алдару. Алдар пришел в большое смятение, догадавшись, что он имеет дело не с простым стариком, а с представителем могучего племени Нартов. После этого он стал обходиться с ним ласково и вежливо. Но оскорбленный Урузмаг решил-таки проучить алдара. Он сделал вид, что посылает к Нартам за выкупом. Посланцам он наказал, чтобы они явились к его жене Шатане и сообщили ей, что Урузмаг находится в плену у Кафтысара и для его выкупа нужно послать сто сотен однорогих быков, сто сотен двурогих, столько же трехрогих и четырехрогих.

Проницательная Шатана догадалась, что Урузмаг просит не о выкупе, а о том, чтобы прислали против алдара войска разного вида вооружения («однорогих», «двурогих» и т. д.). Шатана так и сделала. Огромное нартовское войско вторглось во владения Кафтысара и опустошило их. Такова была последняя добыча Нарта Урузмага.

В а р и а н т 2⁷

В этом варианте враждебный Нартам владетель назван Малик (по-арабски «царь»), а его город — Гундты-Калак. Зашитый в шкуру буйвола, Урузмаг плывет по морю с прямым намерением опустошить город Малика. Дальше все идет, как в первом варианте: море выносит Урузмага на берег, его доставляют к Малпку; пожив некоторое время в плену, Урузмаг посылает к Нартам за «выкупом». Нарты приходят с большой военной силой, овладевают городом и, захватив много пленных и добычи, возвращаются домой.

В а р и а н т 3⁸

В этом варианте владетель называется Паддах, т. е. царь. Урузмага не зашивают в шкуру, а кладут в ковчег (чырын) и бросают в «Терек»,

⁵ Балц — экспедиция за добычей.

⁶ «Памятники народного творчества осетин», I. Владикавказ, 1925, стр. 33—40.

⁷ «Памятники юго-осетинского народного творчества», кн. I. Сказания о Нартах. Цхинвал, 1929, стр. 47—52.

⁸ Там же, стр. 55—58.

который и выносит его к владениям Падцаха. Падцах держит его в суровом заточении, пока Урузмаг не обещает за себя выкуп. «Выкуп», как и в предыдущих вариантах, оказывается обманом. Урузмаг призывает нартовское войско и, разгромив Падцаха, с богатой добычей возвращается к Нартам.

В а р и а н т 4⁹

Этот вариант весьма близок к предыдущему. Особенность его в том, что владетель, к которому попадает в плен Урузмаг и которого потом убивают Нарты, назван Sadendžyz-äldar, т. е. Черноморским алдаром.

Если снять элементы вымысла, то реальное зерно приведенных рассказов сводится к следующему.

Нарты знают некоего сильного и богатого владетеля, называемого «Глава-рыб-Владетель-пролива». Город последнего расположен у берега; Нартам приходится добираться до него водой. У Кафтысара много рыбаков, которые ловят для него рыбу. Он владеет также конскими табунами. Владения алдара бывают объектом военных экспедиций Нартов. Нартам случается попадать в плен к Кафтысару и служить у него в качестве рабочей силы («пастухами»). Когда в плен к Кафтысару попадает один из крупных нартовских вождей, Нарты снаряжают большое войско для его освобождения. При этом, по некоторым вариантам, гибнет и сам алдар.

Отметим, что полное имя алдара дает только вариант 1: Käftu-sär-Xujāndon-äldar. Варианты 2 и 3 называют его просто «царем» (Малик, Падцах). Вариант 4 называет его «Черноморским алдаром».

С ю ж е т В

БОРЬБА МЕЖДУ НАРТОВСКИМИ ФАМИЛИЯМИ АХСАРТАГГАТА И БОРАТА

В а р и а н т 1¹⁰

Между нартовскими родами Бората и Ахсартаггата вспыхнула вражда на почве кровной мести. Бората не могли отомстить за убийство Урузмагова сына, так как над ними тяготело проклятие: семь лет они были ссуждены влачить жизнь в бессилии и нищете. Урузмаг нанялся на это время в пастухи к Кафтысару. Алдар не отвечал на его приветствия, был заносчив и ни во что не ставил знаменитого Нарта. Но вот срок проклятия окончился. К Урузмагу вернулась прежняя сила. Одним ударом меча он рассек надвое наковальню. «Вот так же снесу я голову Кафтысару», — воскликнул он. Сын алдара видел эту сцену и сообщил отцу. Алдар сразу стал вежлив и внимателен. Урузмаг объяснил цель своего пребывания у Кафтысара: ему нужно войско, чтобы пойти войной на Ахсартаггата и отомстить им за смерть сына. Алдар охотно удовлетворяет просьбу Урузмага и предоставляет в его распоряжение военную силу. С помощью этого войска Бората истребляют весь род Ахсартаггата, оставив нетронутым только «квартал кузнецов» (kwyrđty sux).

⁹ В. Абаев. Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939, стр. 23—28.

¹⁰ «Памятники народного творчества осетин», I, стр. 81—86.

В а р и а н т 2¹¹

В этом варианте Нарты Оразмаг, Хамиц и Сослан приходят к алдару просить у него войска для борьбы со своими врагами из рода Бората¹². Проклятие тяготест над ними один год, в течение которого они живут в бесславии у алдара. После этого они получают от алдара просимое войско для борьбы со своими кровниками.

В а р и а н т 3¹³

Владелец, у которого работают в течение семи лет Нарты Урузмаг и Хамиц, назван в этом варианте *Kāfty-sār-Xujāndon radcah*, т. е. царь Кафтысар-Хуендон. Как и в предыдущих вариантах, Кафтысар оказывается союзником одного рода Нартов в его войне с другими Нартами.

Как видит читатель, различие между сюжетами А и Б заключается в том, что в сюжете А говорится только о враждебных отношениях и войне между Нартами и Кафтысаром, тогда как в сюжете Б Кафтысар оказывается союзником одной части Нартов в ее борьбе против другой части. Общей для обоих сюжетов является одна черта: некоторый период времени Нарты вынуждены пребывать у Кафтысара в слабости и унижении (в плену или в качестве рабочей силы).

*

Попытаемся теперь дать историческую интерпретацию приведенным сказаниям. По всем данным, они относятся к древнейшему слою эпоса. У других северокавказских народов, знающих нартовские сказания, данные сюжеты, насколько можно судить по опубликованным материалам, не встречаются. Это дает право относить их к основному сармато-аланскому ядру эпоса. «Нарты» здесь, как и в ряде других случаев, — псевдоним сармато-аланских племен.

Но если так, то кто же тот владелец или царь (Алдар, Падцах, Малик), с которыми эти племена оказываются то во враждебных, то в союзнических отношениях? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны первым делом проанализировать полное имя этого царя, как оно сохранено в лучших вариантах: *Kāfty-sār-Xujāndon-āldar*.

С лингвистической стороны это имя не представляет никаких трудностей, так как оно состоит из хорошо известных осетинских слов: *kāfty* — род. падеж множественного числа от *kāf* — «рыба»; *sār* — «голова»; *xujāndon* — сложное слово из *xujān* — «соединяющий» (от *xujun* — «сшивать», «соединять») и *don* — «вода», стало быть, — «соединяющая вода», т. е. «пролив»; *āldar* — «владелец», «князь». Таким образом, разобранное имя означает: «Глава-рыб-Владелец-пролива».

Какого же царя или владельца предки осетин, создавшие нартовские сказания, могли называть «Главой рыб» и «Владельцем пролива»?

Проследив мысленно исторические судьбы осетинского народа, мы найдем только одного «Владельца пролива», с которым предки осетин могли иметь сношения, — боспорского царя. К этому царю подходило, как нельзя лучше, и наименование «Глава рыб». Известно, что боспорские цари владели большими рыбными промыслами. Экспорт рыбы составлял значи-

¹¹ «Памятники народного творчества осетин», II, стр. 42—46.

¹² Алдар в этом варианте назван *Kānti-sār-Xujāndon-āldar*. Так как все другие варианты дают *Kāfti-sār-Xujāndon-āldar*, форму *Kānti-sār* надо рассматривать как искажение.

¹³ «Памятники юго-осетинского народного творчества», кн. 1, стр. 98—104.

тельную статью экономики Боспорского государства. На «варваров» эта огромная рыбная «промышленность» должна была производить сильное впечатление, и хозяин этого государства мог слыть у них за «Главу рыб». Представлению о правителе Боспора как о «рыбном царе» могло способствовать и то, что на некоторых боспорских монетах они могли видеть изображение рыбы¹⁴.

Если принять, что под Кафтысаром нартовских сказаний скрываются цари Боспора, то становятся понятны и некоторые другие детали сказаний.

Город Кафтысара расположен у берега. Пантикапей, столица Боспора, лежал на берегу Керченского (Боспорского) пролива. Нарт Урузмаг в своем последнем «балце» добирается до него водой. Сарматы и аланы с северокавказской равнины должны были добираться до Пантикапея через пролив, а со стороны Дона — по Азовскому морю. Наименование «Черноморский алдар» в применении к боспорским царям (сюжет А, вариант 4) также вполне на своем месте. Не удивительно, что первые, кого встречает Урузмаг у берегов владений Кафтысара, были рыбаки. Большие масштабы рыболовного дела в Боспорском государстве требовали содержания многочисленных рыбаков, что не могло не привлечь внимания прибывавших туда «варваров».

В ряде вариантов настойчиво повторяется, что Кафтысар владел большими конскими табунами и что Нарты служили у него в качестве табунщиков. Эта деталь также находит свое место в исторических реалиях. В Боспорском государстве коневодство играло значительную роль¹⁵.

Таким образом, и разбор имени Кафтысара, и ряд моментов в содержании сказаний согласно наводят на мысль, что в этих сказаниях до нас дошли отзвуки событий двухтысячелетней давности, и героями в них являются, с одной стороны, сарматы (Нарты), с другой, — боспорский царь («Глава-рыб-Владелец-пролива»).

В каких же чертах рисуются в отражении нартовских сказаний взаимоотношения между сарматами и Боспором?

1. Сарматы предпринимают против Боспора военные экспедиции (сюжет А).
2. Видные сарматские вожди попадают в плен к боспорскому царю (сюжет А).
3. Сарматам приходится служить у боспорского царя (сюжет А, вариант 1; сюжет Б).
4. Сарматам случается обращаться к боспорскому царю в своих междоусобных распрях (сюжет Б).
5. Боспорский царь охотно помогает одной группе сарматов в ее войне против другой (сюжет Б).

Все это, как нельзя лучше, согласуется с тем, что мы знаем о действительных отношениях между скифо-сарматами и Боспором. И военные столкновения, и служба скифов и сарматов у боспорских царей, и вмешательство последних во внутренние распри между скифо-сарматскими племенами, несомненно, имели место.

Особенно любопытна последняя черта: боспорский царь выступает как союзник одного сарматского рода в войне против другого.

Существование греческих городов Северного Причерноморья, их экономическая и политическая жизнь были тесно связаны с местным, «вар-

¹⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 83, табл. 1, 18, 23.

¹⁵ М. И. Р о с т о в ц е в. Эллинизмо и иранство на юге России. Пгр., 1918, стр. 182.

варским» населением. Прав был С. А. Жебелев, когда писал: «Безошибочно можно утверждать, что и Боспор, и Херсонес и Ольвия без тесных связей с туземным населением не могли бы существовать, поскольку они были зависимы от него в значительной степени по всем направлениям своей экономической жизни»¹⁶. В частности, Боспор находился в двойной зависимости от местного населения. С одной стороны, сарматы и другие туземные племена составляли значительную часть населения самого Боспорского государства, образуя постоянный резерв рабочей и военной силы; с другой, — те же сарматы и другие «варвары» были соседями Боспора, без торговли с которыми он был бы обречен на захирение. Поэтому благополучие и процветание Боспорского государства во многом зависели от умения наладить отношения как с «внутренними», так и с «внешними» скифами и сарматами. Можно сказать, что скифы и сарматы были для боспорских правителей важнейшей проблемой их внутренней и внешней политики. В данном случае тем труднее было отделить первую от второй, что «варвары», проживавшие внутри Боспорского государства, без сомнения, поддерживали связи со своими сородичами, жившими за пределами Боспора, и мирные или враждебные отношения с одними неизбежно отражались на отношениях с другими. В этих условиях от боспорских правителей требовалось немало политической и дипломатической ловкости, гибкости и умения.

Когда знакомишься с историей греческих государств Северного Причерноморья, не раз задаешь вопрос; как могли они существовать в окружении многочисленных воинственных «варварских» племен, для которых они могли быть, казалось бы, легкой добычей? И не только существовать, но расти и крепнуть, достигая высокого экономического и культурного расцвета. Рассказ о борьбе между двумя нартовскими родами — Бората и Ахсартаггата проливает, как кажется, некоторый свет на эту загадку: греческие государства, в том числе Боспор, умело использовали междоусобные распри среди скифов и сарматов, поддерживая одни группировки в их борьбе против других. Эта тактика и была одним из тех средств, с помощью которых греческие государства обеспечивали свою безопасность и процветание посреди «варварского» окружения. Даже сильнейшие греческие колонии не могли бы противопоставить скифам достаточную военную силу, ибо «нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если все они будут единодушны»¹⁷. Но вот единодушия-то не было и не могло быть в условиях племенной раздробленности, и на этом строили свою внешнюю политику греческие колонии.

Подобных примеров немало в истории греческих колоний Северного Причерноморья. Вот один из них, сохранный нам в рассказе Полиена. Во II в. до н. э. скифы стали угрожать Херсонесу. «Херсонесцы в интересах своей обороны использовали прежде всего враждебные отношения между скифами и сарматами. Вступив в союз с вождями сарматских племен, херсонесцы получили военную помощь от сарматов, что до некоторой степени временно ослабило нажим скифов»¹⁸.

Не исключена возможность, что в сюжете А до нас дошел смутный отзвук одного из важнейших событий в истории Боспора: захвата скифами-рабами во главе с Савмаком власти на Боспоре. Напомним содержание нартовского сюжета. Один из нартовских вождей — Урузмаг попадает к «Владетелю пролива». Некоторое время Урузмаг живет у царя,

¹⁶ С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 161.

¹⁷ Thuc., II, 97.

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 301.

по одним вариантам — в качестве пленника, по другим — в качестве работника. Но потом ему удается дать знать своим сородичам Нартам и поднять их против Кафтысара. Нарты овладевают городом и убивают алдара.

В херсонесском декрете в честь полководца Диофанта читаем: «...Скифы во главе с Савмаком совершили переворот и убили вскормившего его (или «их») боспорского царя Перисада...».

Много споров возникло о характере отношений между Перисадом и Савмаком в связи с выражением «вскормившего его» (или «их») ¹⁹. С. А. Жебелев полагал, что Савмак был «вскормленный» Перисадом раб, и все движение имело характер восстания рабов ²⁰. Привлечение нартовских материалов, в частности — приведенного выше сказания (сюжет А), открывает путь и для иного понимания: Савмак (Урузмаг) был одним из скифских вождей, находившимся у боспорского царя в качестве пленника или заложника ²¹.

Независимо от достоверности таких частных параллелей между осетинскими эпическими сюжетами и событиями сармато-боспорской истории (нельзя ожидать от сказаний точной передачи событий двухтысячелетней давности), не подлежит сомнению, что сношения сарматов с Боспорским государством нашли в нартовском эпосе определенное отражение.

Трудно думать, чтобы под именем «Главы-рыб-Владетеля-пролива» скрывался кто-нибудь другой, кроме владетелей Боспорского пролива. Нельзя также не признать, что своеобразные отношения между Нартами и «Владетелями пролива» соответствуют известным и исторически вероятным отношениям между сарматами и Боспором: военные столкновения, перемежающиеся с союзническими отношениями; служба сарматов у боспорского царя в период ослабления первых; участие боспорских царей в междоусобиях скифов и сарматов — все это в образной, художественной форме сохранили нам нартовские сказания. И когда мы пытаемся с привлечением всех доступных материалов восстановить древнейшие судьбы юга России и населявших его народов, среди других исторических источников должен занять свое место и осетинский нартовский эпос.

¹⁹ См. В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 23—40.

²⁰ С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ИГАИМК, вып. 70.

²¹ Последнее предположение высказывал М. И. Ростовцев (The social and economic history of the hellenistic world, III. 1941, стр. 1512).

Н. В. АНФИМОВ

ПЛЕМЕНА ПРИКУБАНЬЯ В САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Со II в. до н. э. и до гуннского нашествия основную роль на территории юга СССР играли многочисленные сарматские племена, ранее сложившиеся в задонских и волжско-уральских степях¹, а затем занявшие степи между Доном и Днепром и распространившиеся на Северный Кавказ и в Прикубанье вплоть до отрогов Кавказского хребта. Расселение сарматов на значительной территории привело к распространению сарматской культуры и сарматизации местного несарматского населения. Сарматизация сказалась также на культуре античных городов Северного Причерноморья, особенно Боспорского государства.

Но исторические последствия расселения сарматов для различных территорий были далеко не одинаковы. Если в Северном Причерноморье сарматы частично уничтожили, частично вытеснили скифов² и стали господствующим слоем, то совершенно иная картина наблюдалась на северо-западном Кавказе и, в частности, в Прикубанье. Основным населением здесь были меоты и родственные им горские племена, принадлежавшие к иберо-кавказской языковой группе. Соседями меотов на севере и северо-востоке являлись савроматы (сарматы), с которыми у них уже в раннюю эпоху установились межплеменные связи.

В III—II вв. до н. э., когда началось интенсивное продвижение сарматов на запад, новые сарматские элементы проникали и в Прикубанье в результате частичного движения к югу тех племен, которые обитали в степях к юго-востоку от Дона. Это отразилось в распространении некоторых предметов, характерных для сарматской культуры, например мечей с серповидным навершием³, а также в появлении новых черт в обряде погребения. В грунтовых могильниках Прикубанья это сказалось в распространении западной ориентировки покойников, которая в предшествовавшее время была отмечена только в единичных случаях; в появлении обычая класть кисть руки на таз; в перекрещивании ног в области голеней; в обычае обшивать ворот и рукава одежды мелкими бусами и бисером. Эти черты присущи в основном сарматским племенам, а западная

¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. «Вопросы скифо-сарматской археологии». Изд-во Академии наук СССР, 1955, стр. 212.

² Там же, стр. 209, 210.

³ Такие мечи известны из Буеровой могилы на Таманском полуострове, из кургана станицы Кореновской, из могильников станиц Елизаветинской, Псебайской и Даховской.

ориентировка не была свойственна прикубанским погребениям раннего времени. В сарматских погребениях по р. Манычу преобладает западная ориентировка, т. е. та, которая становится новой для Прикубанья, и в ряде случаев отмечается положение рук на тазовых костях ⁴.

Маныч принято отождествлять с древним Ахардеем, по которому, согласно Страбону, жили сираки. В долине Маныча-Ахардея, как предполагают некоторые исследователи (Л. А. Мацулевич, К. Ф. Смирнов), был центр сиракских племен ⁵. Таким образом, в конце III—II вв. до н. э. сираки не только кочевали в кубанских степях, но и частично оседали среди местного населения, переходя к земледельческо-скотоводческому хозяйству. Но совершенно неправильно было бы считать, что во II в. до н. э. происходила полная сарматизация местного населения.

В I в. до н. э. процессы сарматизации усилились, что было связано с дальнейшим продвижением и вклиниванием в меотскую среду сираков, о чем сообщает Страбон, отмечая, что сираки распространяются вплоть до отрогов Кавказских гор ⁶, т. е. занимают и закубанские степи. Подтверждение этому мы находим и в памятниках материальной культуры. К. Ф. Смирнов ⁷ относит к сиракам курганы так называемого зубовско-воздвиженского типа, занимающие, главным образом, левобережье Кубани и бассейн ее левых притоков; из них более ранние относятся еще к концу II в. до н. э., а наиболее поздние — к I в. н. э. Здесь господствует западная ориентировка; она начинает преобладать и в погребениях I в. до н. э.— III в. н. э. грунтовых могильников правобережья Кубани (Усть-Лабинско — Краснодарская группа).

Со второй половины I в. до н. э. широкое распространение на Кубани получили общесарматские предметы материальной культуры — оружие, украшения, некоторые формы сероглиняных сосудов, зеркала, фибулы. С I в. до н. э. стали появляться новые формы оружия. Трехгранные втульчатые наконечники стрел сменились трехлопастными черешковыми, получили распространение мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямой крестовиной. В I в. н. э. параллельно с ними появились узкие и длинные мечи без перекрестия и с черенком для деревянной рукоятки, которые ко II в. н. э. вытеснили первый тип меча. Распространились кольчатые панцири.

Некоторые изменения можно отметить и в керамике: во-первых, совершенно прекратилось изготовление некоторых форм сероглиняных сосудов (канфар, трехручных чаш); во вторых, у всех сероглиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, кольцеобразная ножка на дне, столь типичная для предшествовавшего периода, деградировала и превратилась в характерную для данного времени «ложнокольцевую» ножку, которая обозначается только с наружной стороны, снизу же не выделяется, и дно становится плоским. С I в. н. э. распространились кувшины с зооморфными ручками. Исчезли также зеркала прежней формы; их заменили небольшие зеркала с ручками-петельками, конусовидным возвышением в центре и валиком по краю или с геометрическим орнаментом на оборотной стороне. Появились привозная стеклянная и краснолаковая посуда, подвески и амулеты из египетской смальты. Многочисленны

⁴ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 305 и сл.

⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 106.

⁶ Страбон, XI, 5, 8.

⁷ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 14.

находки фибул. Во всем этом нашло отражение широкое распространение сарматской культуры, охватившее Северный Кавказ, Предкавказье и Северное Причерноморье. Но, отмечая эти изменения в материальной культуре, нельзя не учитывать процесс внутреннего развития местных племен.

В погребениях с I в. н. э. наблюдается появление мела, куски которого помещались в сосуд или клялись рядом с ним (посыпка дна могилы мелом в погребениях грунтовых могильников ни разу не наблюдалась). По-видимому, этот обычай был занесен на Кубань сарматами, у которых «белая глина, мел и известь на всех ступенях сарматской культуры Прикаспия хорошо представлены в погребальном ритуале. Скорее всего они играли очистительную роль»⁸. В первые века нашей эры продолжал существовать обычай укладывать руки покойника на область таза или верхние концы бедер; перекрещивание же голеней, считающееся одним из признаков сарматского обряда, стало постепенно исчезать. Несколько большее распространение, чем раньше, получили подбойные и камерные могилы. Этим в основном ограничиваются изменения материальной культуры племен Прикубанья в первые века нашей эры.

Однако это ни в коем случае не означает, что меотские племена были ассимилированы и растворились в какой-то новой волне пришлых племен, что произошло смена культуры, языка или даже населения. В первые века нашей эры в Прикубанье и Восточном Приазовье продолжала существовать и развиваться прежняя культура местных племен: и городища, и прилегающие к ним могильники свидетельствуют о непрерывности развития населения и продолжения жизни на тех же местах. Древние городища Прикубанья еще недостаточно изучены, но то, что нам известно на основании их обследования и частичных раскопок, а также исследований грунтовых могильников, показывает, что оседлое земледельческое население Прикубанья в первые века нашей эры занимало те же территории, что и в среднемеотский период. Культурные слои на городищах, достигающие значительной мощности в I—II вв. н. э., свидетельствуют об интенсивности жизни в то время. На грани нашей эры возникали новые городища, но, по-видимому, в незначительном количестве. К концу II в. н. э., как можно судить по некоторым данным, оседлое население в восточных областях правобережья Кубани сократилось, и жизнь на отдельных городищах замирала. Приблизительно в то же время возникали новые городища в Закубанье.

Основой производства у оседлых племен в ту пору оставались земледелие и скотоводство. Подтверждение этому мы находим в материалах городищ и грунтовых могильников. находки зерен пшеницы, ячменя, проса, бобовых растений (чины), земледельческих орудий, жерновов говорят о развитой земледельческой культуре⁹. К тому же времени относятся появление и распространение круглого жернова, более совершенного, чем прямоугольный жернов-толкач, а также серпа более совершенной формы¹⁰. Многочисленные зерновые ямы-хранилища, относящиеся к данному периоду, свидетельствуют о значительных запасах зернового хлеба, который шел также на экспорт. В связи с новым экономическим подъемом Боспорского государства в первые века нашей эры резко увеличился спрос

⁸ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 109.

⁹ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 144 и сл.

¹⁰ Н. В. Анфимов. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья стр. 149.

на зерновой хлеб. В скотоводстве, как и в предшествующее время, на первом месте стояло разведение крупного и мелкого рогатого скота, затем — свиноводство.

У оседлых племен продолжали существовать и развиваться различные ремесла. Найденные железные орудия труда — серпы, крюки, мотыкообразные орудия, ножички, кресала и др., — несомненно, выделывались кузнецами на месте. Здесь же изготовлялись основные виды вооружения. Развитие овцеводства давало не только мясную и молочную пищу, но и значительное количество шерсти. В каждой семье занимались прядением и ткачеством, о чем свидетельствуют многочисленные находки глиняных пряслиц от веретен, а также пирамидальных и конусовидных грузиков от ткацких станков.

Особенно широко было развито гончарное производство. Изделия из глины продолжали играть очень важную роль в хозяйственном и домашнем быту оседлого населения. Выделывались крупные сосуды, служившие тарой для хранения продуктов, а также столовая и кухонная посуда. Типы сосудов, оставаясь в основном прежними, в первые века нашей эры несколько видоизменились в деталях, приобретая характерные для того времени формы. Выше уже отмечалось, что один из отличительных признаков сосудов первых веков нашей эры — исчезновение низкой кольцеобразной ножки и плоское дно или перерождение ножки в «ложнокольцевую». С I в. н. э. распространились общесарматские формы посуды — одноручные кувшины с носиком или со сливом, кувшины с зооморфными ручками, большие плоские миски с гладким или желобчатым бортиком, иногда слегка загнутым внутрь. Отдельные формы сосудов, например кувшины с носиком, развились из более раннего типа кувшина с трехлепестковым горлом. Однотипные сероглиняные сосуды встречаются не только на Кубани, но на Северном Кавказе, в Подонье и Поволжье. Вероятно, Поволжье в сарматское время получало с Кубани ¹¹ сероглиняную керамику, изготовленную на гончарном круге. В I—III вв. н. э. сероглиняные сосуды (кувшины, миски, вазочки на высоких подставках, кружки и др.) в основном сохраняли прежние традиции меотской керамики, будучи генетически связанными с предшествовавшей эпохой. Из глины выделывалась не только посуда, но и различные хозяйственные предметы — рыболовные грузила, ткацкие грузики, пряслица для веретен и светильники.

Торговые связи в сарматское время расширились, о чем мы можем судить по находкам импортных вещей и в погребениях грунтовых могильников, и, особенно, в курганах. Прикубанье стало в первые века нашей эры обширным районом сбыта для боспорских купцов, поглощая большое количество ремесленных изделий — импортных и боспорских ¹². Через приморские города азиатской стороны Боспора поступали стеклянная и бронзовая посуда, краснолаковые сосуды, амулеты и подвески из египетской пасты, некоторые типы фибул и ювелирные украшения. Ремесленные мастерские самого Боспора поставляли отдельные виды вооружения, украшений, туалетных принадлежностей. Но торговые связи не ограничивались одним Боспором. Через степные пространства, заселенные сарматскими племенами (сираками и аорсами), шли торговые пути на Восток, а через кавказские перевалы — в Закавказье. Страбон сообщает, что аорсы «владели обширной страной, господствовали, можно сказать, над

¹¹ К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен..., стр. 204.

¹² В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 370.

наибольшей частью Каспийского побережья, так, что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян»¹³.

Через нижневожские и прикаспийские степи осуществлялась связь со Средней Азией, которая в свою очередь поддерживала сношения с Китаем. Многочисленные сердоликовые бусы, находимые в погребениях, а также некоторые другие из самоцветных камней (халцедоновые), по-видимому, были иранского происхождения. Возможно, что и янтарь доставлялся не с севера, а шел через Иран с Индийского океана¹⁴. Широко развитые торговые сношения усиливали у местных племен элемент товарного хозяйства. Наравне с войнами и грабительскими походами¹⁵, торговля вела к дальнейшему усилению имущественной дифференциации.

В общественном строе происходило дальнейшее углубление социальных различий, не ограничивавшееся выделением только родо-племенной знати из остальной массы общинников, как это было еще в ранний период, а охватывавшее все слои населения. Развитие производительных сил, довольно резкие социальные сдвиги у меото-сарматских племен Прикубанья, ускорившиеся развитием торговли и войнами, вклинивание и оседание среди земледельческого населения новых племен должны были привести к окончательному разложению родовой общины и переходу к сельской территориальной общине.

На грани нашей эры эти процессы еще более усилились. Имущественная дифференциация и социальное неравенство, хорошо прослеживаемые по погребальным памятникам, как выше было указано, пронизывали все тогдашнее общество, охватывали все слои населения. Уже в последние века до нашей эры в грунтовых могильниках Прикубанья появились богатые могилы, выделяющиеся из основной массы рядовых погребений (могильники Усть-Лабинский второй¹⁶ и Ладожский¹⁷). В первые века нашей эры эти явления сказывались еще резче. Не только количество инвентаря в могиле и наличие дорогостоящих импортных вещей, иногда золотых, но и форма погребального сооружения отражают социальные различия умерших. Так, камерные гробницы, как правило, все были богаты, а в Усть-Лабинском втором могильнике сопровождалась всегда захоронением туши животного (коровы или лошади). Вместе с тем имеются погребения с очень незначительным количеством инвентаря или с единичными предметами. В могильниках, относящихся к более крупным поселениям, имущественная дифференциация выступает заметнее: жилищного населения здесь было больше и богатые могилы встречаются чаще. В могильниках же, принадлежащих небольшим городищам (как например, могильники Пашковский второй, Темижбекский и Краснодарский за кожзаводами), погребения более однородны, представляя в основном захоронения рядовых общинников.

Но, кроме грунтовых могильников, погребальными памятниками являются и курганы. Проведенное сплошное обследование правобережья Кубани от станицы Марьянской до города Армавира показало, что курганы, как правило, группируются вокруг городищ, располагаясь за внешним рвом с северной и западной его сторон, иногда же окружая его. Далеко

¹³ S t r a b o, XI, 5, 8.

¹⁴ «История СССР» (макет), т. I, 1939, стр. 182.¹

¹⁵ В кургане у хутора Зубова была найдена серебряная чаша с надписью, принадлежавшая храму Аполлона в Фасисе, возможно, попавшая на Кубань в связи с грабительскими походами в Закавказье.

¹⁶ Н. В. А н ф и м о в. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА № 23, 1951, стр. 170.

¹⁷ Н. В. А н ф и м о в. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 154.

в степь курганы не заходят¹⁸. Это указывает на то, что курганы непосредственно связаны с городищами, составляя с поселениями и грунтовыми могильниками единый комплекс. Если грунтовые могильники являются некрополями рядового населения, то курганы, расположенные рядом с городищами,— это погребения богатых верхов прикубанских племен.

Подтверждение этому мнению мы находим в раскопках, произведенных Н. И. Веселовским на Кубани в дореволюционное время. В 1901—1903 гг. им было раскопано большое количество курганов между станциями Казанской и Воронежской¹⁹, на том участке правого берега Кубани, где наиболее густо расположены городища²⁰. По обряду погребения и общему облику культуры курганы идентичны одновременным им погребениям грунтовых могильников данного района, поэтому их нельзя относить к другому племени.

Разные формы погребальных памятников обусловлены здесь не этническими различиями, а социальными. Для этих курганов характерны та же форма камерных гробниц или могил с подбоем, которую мы видели в богатых погребениях грунтовых могильников и появление которой относится еще ко II в. до н. э., западная или южная ориентировка скелетов, тот же набор инвентаря, содержащий такую же сероглиняную местную посуду, оружие, украшения. Отличия в инвентаре заключаются только в количестве и богатстве вещей, клавшихся покойнику. Считать, что курганные погребения принадлежали пришлым кочевникам — аланам, выходцам из прикаспийских степей, не потерявшим связи с обширной алаано-аорской группой племен, как полагает К. Ф. Смирнов²¹,— вряд ли возможно.

Раскопанные Н. И. Веселовским курганы охватывают время с I в. до н. э. по II в. н. э. и принадлежат к одной культуре. Между тем сведения об аланах появляются в письменных источниках только со второй половины I в. н. э.; на грани II и III вв. н. э. аланы возглавляли крупный сармато-аланский союз племен²². Было бы естественно предполагать, что если курганы принадлежат аланам, то они должны были встречаться и в III в. н. э., когда аланы особенно усплились. Но наиболее поздней датой для отдельных курганов является II в. н. э.; курганов, относящихся к последующему времени, мы здесь не находим²³.

Мы уже указывали, что эти курганы теснейшим образом связаны с оседлым населением городищ. Нам кажется, что при рассмотрении вопроса о курганах сарматского времени правобережья Кубани необходимо в первую очередь исходить из тех социальных отношений, которые складывались в то время у меото-сарматских племен Прикубанья. Курганные погребения представляют захоронения знати, может быть, сиракских племен (с наличием некоторых аланских элементов, которые к тому времени смешались и частично ассимилировались с родственными им племенами). В основном это были имущие верхи прикубанских племен, полукочевая-полуоседлая знать, эксплуатировавшая рядовых свободных и, возможно, имевшая рабов. Судя по письменным источникам, не только была развита

¹⁸ Находящиеся в степи курганы, всегда вытянутые вдоль степных рек, принадлежат кочевникам.

¹⁹ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 341 и сл.

²⁰ Н. В. А н ф и м о в. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.

²¹ К. Ф. С м и р н о в. Основные пути развития меото-сарматской культуры..., стр. 16.

²² Л. А. М а ц у л е в и ч. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. «Советская этнография», т. VI—VII, 1947, стр. 138.

²³ М. И. Р о с т о в ц е в. Скифия и Боспор. М., 1925, стр. 573.

работоторговля, но, по-видимому, некоторое количество рабов могло использоваться на месте. Тацит²⁴, сообщая о борьбе за боспорский престол между Митридатом II и Котисом и описывая осаду римскими и боспорскими войсками сарматского городища Успы, говорит, что жители этого города предлагали осаждающим выдать 10 000 рабов. Цифра эта, приведенная Тацитом, несомненно, преувеличена, но все же она в какой-то мере отражает факт существования рабства в указанное время у сарматских племен. Несмотря на наличие некоторого количества рабов и далеко зашедшее социальное расслоение, основным производителем оставался еще свободный общинник. Косвенные указания на это мы находим в ряде грунтовых могильников Прикубанья, в которых земледелец всегда выступает перед нами как воин-копейщик и лучник.

Общественный строй у меото-сарматских племен нам представляется в форме военной демократии, косвенное подтверждение чему мы можем найти в письменных источниках. Выше было указано, что на грани нашей эры и в первые ее века племена степной полосы Прикубанья были объединены в мощный союз племен, возглавлявшийся сираками. Античные авторы неоднократно упоминают царьков, стоявших во главе племени. Достаточно вспомнить сообщение Тацита, который упоминает о царе сираков Зорсима и царе аорсов Евноне и об изгнании Митридатом II царя дандариев, а также свидетельства Плутарха²⁵, Аппиана²⁶ и др. Эти царьки выступали в качестве военачальников, стоявших во главе своего племени. Строй военной демократии, развивавшейся из органов родового строя представлял собой переходный этап от первобытно-общинного общества к классовому.

В то время складывались и крупные племенные объединения. В I—II вв. н. э. степные пространства Прикубанья — от предгорий Кавказа и до р. Маныча-Ахардея, включая и северные районы Восточного Приазовья, — были объединены в мощный союз племен, возглавлявшийся сираками. Возможно, что часть меотских племен Среднего Прикубанья входила в него. Меотские племена Западного Прикубанья и Восточного Приазовья продолжали оставаться в зависимости от Боспора. В надписи на каменном постаменте статуи царя Аспурга, правившего с 8 г. до н. э. по 38 г. н. э., говорится, что он царствует над всем Боспором и Феодосией, синдами, меотами, тарптами, торетами, жессами и танаитами²⁷. Сираки играли большую роль в политической жизни Боспора. Известно, что когда в 45 г. н. э. Митридат II, лишенный боспорского престола и изгнанный братом своим Котисом, бежал на азиатскую сторону Боспора, то он нашел поддержку у правителя сираков Зорсима. Митридат смог собрать из сираков и меотов большое войско и перейти в наступление против Котиса. Только вмешательство римлян, которым удалось склонить к наступлению против сираков соседнее сарматское племя аорсов, решило исход борьбы в пользу Котиса²⁸. Из танаисской надписи 193 г. н. э. мы узнаем о борьбе боспорского царя Савромата II с сираками и о победе над ними²⁹.

К концу II в. н. э. сираки потеряли господствующее положение в степях северо-западного Кавказа, уступив свое место аланам, которые на грани II и III вв. н. э. объединили сарматские племена в обширный алано-

²⁴ Tacit., Ann., XII, 16, 17.

²⁵ Plut., Luc., XVI.

²⁶ App., Mithr., 102.

²⁷ IOSPE, II, № 36.

²⁸ Tacit., Ann., XII, 15—17.

²⁹ IOSPE, II, № 423, стр. 229—231.

сарматский союз племен³⁰. Некоторыми исследователями (В. Ф. Гайдукевич, К. Ф. Смирнов) эта дата отодвигается на столетие раньше³¹. В письменных источниках имя аланов впервые появляется около середины I в. н. э.³² Иосиф Флавий в конце I в. н. э. говорит, что «племя аланов есть часть скифов, живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера»³³. Аммиан Марцелин помещает аланов рядом с амазонками, т. е. в Приазовье и в степях на восток от Азовского моря, — «близ поселений амазонок живут аланы, обращенные к востоку и расселенные между многочисленными и обширными племенами»³⁴. Источники, относящиеся к середине I в. н. э., упоминают аланов и на нижнем Дунае, и на Дону, и в центральных районах Северного Кавказа. По-видимому, со второй половины I в. и во II в. н. э. аланы начали проникать в восточные районы Прикубанья. Во II в. н. э. они установили тесные взаимоотношения с Боспором, свидетельством чего является плита Херака (208 г. н. э.), «главного аланского переводчика», найденная в станице Таманской³⁵. Во II в. н. э. аланы стали уже грозной силой и не раз совершали походы в Закавказье и Малую Азию, прорываясь через Дарьяльское ущелье и Каспийские ворота.

Проникновение на Кубань новых кочевнических элементов в лице аланов, которое все более усиливалось во II в. н. э., привело к постепенному уменьшению оседлого населения в восточных районах правобережья Кубани и захирению части поселений. Некоторое подтверждение этому можно видеть в том, что площадь отдельных городищ сократилась, а на прилегающих поселениях, где некогда протекала жизнь, сооружались курганы. Н. И. Вессловский в отчетах о раскопках курганов отмечает ряд таких случаев: курган № 9 на запад от станицы Казанской, курган № 13 близ той же станицы (толщина культурного слоя — 0,7 м)³⁶, курган № 21 там же («возведен на пепелище»)³⁷, курган № 40 между станицами Казанской и Тбилисской (прорезал культурный слой толщиной 0,7 м)³⁸.

В Усть-Лабинском втором могильнике количество погребений I—II вв. н. э. значительно меньше, чем погребений среднемеотского периода, причем уменьшение это относится к могилам II в. н. э., что может указывать на сокращение в то время оседлого населения. Усиление кочевников к началу III в. н. э. и установление гегемонии аланов в степях Приазовья и Северного Кавказа, возможно, привело к окончательному прекращению жизни на кубанских правобережных восточных городищах. К сожалению, ни одно из них не подвергалось раскопкам, поэтому мы не располагаем достаточными данными, но погребальные памятники как будто подтверждают высказанную мысль.

Известные в настоящее время курганы между станицами Казанской и Воронежской, тесно связанные с городищами, не выходят за рамки II в. н. э. То же следует сказать и о грунтовых могильниках: ни на одном из

³⁰ Л. А. М а д у л о в и ч. Ук. соч., стр. 136.

³¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Ук. соч., стр. 345; К. Ф. С м и р н о в. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 109.

³² Ю. А. К у л а к о в с к и й. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», кн. 13, 1899, стр. 102.

³³ I o s. F l a v., De bell. jud. VII, 7, 4.

³⁴ А т т. М а г с., XXXI, 2, 13.

³⁵ ИАК, вып. 40, 1911, № 28, стр. 112, 113.

³⁶ ОАК за 1901 г., стр. 74, 75.

³⁷ Там же, стр. 78.

³⁸ Там же, стр. 83.

этих могильников, расположенных восточнее станицы Усть-Лабинской, погребений позже II в. н. э. не обнаружено. Наиболее полно раскопанный Усть-Лабинский второй могильник также не содержал могил III в. н. э. В станице Воронежской в 1948 г. нами раскопано позднесарматское погребение конца III в. н. э., при устройстве которого была использована в качестве кургана возвышенная холмообразная центральная часть городища³⁹. Таким образом, жизнь на данном городище должна была прекратиться за несколько десятков лет до этого, площадь должна была сравняться и задерноваться. В Закубанье, на правом берегу р. Лабы в 1947 г. мною были исследованы 3 погребения, расположенные на территории городища № 2 станицы Ново-Лабинской, к югу от центральной части. В погребениях, кроме железной поясной пряжки, ничего не обнаружено, что затрудняет их датировку, но важно отметить, что черепа у погребенных были деформированы. Совершенно ясно, что захоронение было произведено после прекращения жизни на городище или на большей его части.

В западных районах Среднего Прикубанья, а также в низовьях Кубани оседлое население продолжало существовать и в III в. н. э. Свидетельством этому являются Пашковский второй могильник и Краснодарский могильник на бывш. Почтовой улице. Необходимо учесть, что во II в. и в первые десятилетия III в. н. э. Боспорское царство было еще достаточно сильным и, несомненно, сковывало в Приазовье и Прикубанье активность алано-сарматских племен⁴⁰. С середины III в. н. э. начался кризис рабовладельческого Боспорского государства, приведший к упадку его экономики и политической мощи. С третьей четверти III в. н. э. почти полностью прекратилась заморская торговля, а в связи с этим — и экспорт зерна. Это не могло не отразиться на состоянии оседлого земледельческого населения Прикубанья; с другой стороны, в степной полосе продолжалось усиление кочевнических племен. Все это должно было привести к постепенному замиранию жизни на городищах и сокращению оседлого населения. Напомним, что даже на территории Боспора во второй половине III в. н. э. многие боспорские города и поселения стали быстро хиреть. В. Ф. Гайдукевич, говоря об упадке Боспора, отмечает, что «такие боспорские города, как Нимфей, Мирмекий, Илурат и многие другие более мелкие поселения уже в начале IV в. обезлюдели и стали быстро замирать»⁴¹.

Таким образом, оседлое земледельческое население на правом берегу Кубани продолжало в основном существовать только до III в. — начала IV в. н. э., причем в восточных районах жизнь на городищах прекратилась, по-видимому, уже к III в. н. э. Считать, что меото-сарматское оседлое население Прикубанья только «в IV—V вв. н. э. покидает укрепленные городища и переходит на открытые селища», как утверждает К. Ф. Смирнов, нет никаких оснований; непонятными остаются в таком случае и причины, побудившие население покинуть хорошо укрепленные поселения. Выше нами были приведены данные, показывающие прекращение жизни на городищах в гораздо более раннее время. Кроме того, надо учитывать движение гуннов, южная волна которых прокатилась через северокавказские степи и привела к окончательному уничтожению остатков оседлого населения (если таковое еще оставалось) на правом берегу Кубани и в Восточном Приазовье.

Проведенное нами детальное обследование правой террасы р. Кубани

³⁹ Н. В. Анфимов. Позднесарматское погребение из Прикубанья. «Археология и история Боспора». Сборник статей. Симферополь, 1952, стр. 205 и сл.

⁴⁰ В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 451.

⁴¹ Там же, стр. 454.

не привело к обнаружению памятников (селищ, грунтовых могильников) оседлого населения IV—V вв. н. э. Сейчас можно уже говорить, что их здесь нет, так как не было оседлого населения, которое могло их оставить. Единственным исключением является Пашковский первый могильник, открытый М. В. Покровским и мной в 1928 г. ⁴². В основном он датируется V в. н. э., т. е. временем после гуннского нашествия. Генетически он связан с предшествующей эпохой, что прослеживается, например, в отдельных чертах обряда погребения (западная ориентировка, помещение кувшина в миску) и в некоторой общности матерьяльной культуры (форма мисок); но делать из этого вывод о непрерывности развития оседлой земледельческой культуры на Кубанском правобережье, созданной здесь в предшествовавшие столетия, и в позднесарматское время (IV—V вв. н. э.) — нет никаких оснований. Скорее можно объяснить появление Пашковского могильника на правобережье переходом после гуннского нашествия из Закубанья небольшой группы, поселившейся в данном районе.

Вернее всего, что оседлое, земледельческое население правобережья Кубани, покидая свои насиженные места под давлением воинственных кочевников, должно было переселяться в Закубанье, в менее плодородные и удобные для занятия земледелием территории, населенные родственными меотскими племенами. Здесь в лесостепной полосе Закубанья, со значительными массивами пойменных лесов, возникали новые укрепленные поселения. В этом отношении весьма интересные данные были получены Адыгейской экспедицией, работавшей в 1954—1955 гг. в Закубанье ⁴³. По течению небольших речек — Марты, Нового Пчаса, Пескупса, Дыша — обнаружены городища; одни из них возникли во II—III вв. н. э., другие — на грани III—IV вв. н. э., продолжая существовать и в период раннего средневековья (V—VI вв. н. э.). Найденный на поселениях материал типичен для меотских городищ правобережья Кубани. Особенно характерны в этом отношении находки глиняных плоских плиток (таблеток), часть которых орнаментирована. Это указывает на то, что данная территория была заселена одними и теми же племенами, передвинувшимися сюда с правобережья.

Разведочные раскопки, проведенные на некоторых из обнаруженных городищ, показали непрерывность и непосредственную преемственность в развитии культур позднемеотского периода и раннесредневекового времени. Таким образом, племена Прикубанья этого времени — меоты и частично ассимилировавшиеся сарматы (сираки) — приняли участие не «в создании общей для Северного Кавказа и Подонья так называемой аланской культуры раннего средневековья», как считают некоторые исследователи ⁴⁴, а заложили основы в формировании будущей адыгейской народности северо-западного Кавказа ⁴⁵.

⁴² М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, 1936, стр. 159—169; Н. В. Анфилов. Отчет о раскопках могильника № 1 станции Пашковской. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 217, 218; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 155—159.

⁴³ Экспедиция была организована Адыгейским научно-исследовательским институтом и Адыгейским областным музеем и проводилась под руководством автора настоящей статьи. В 1954 г. в работах принял участие Кабардинский научно-исследовательский институт.

⁴⁴ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры..., стр. 18.

⁴⁵ Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953, стр. 141 и сл.

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

О СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ В НОВОНАЙДЕННЫХ
ОЛЬВИЙСКИХ НАДПИСЯХ

Наряду с памятниками лапидарной эпиграфики новые раскопки на территории Северного Причерноморья знакомят с большим количеством керамических надписей, в частности, с так называемыми «граффити» на обломках сосудов. Среди прочих ценных исторических свидетельств эпиграфический материал (в особенности же керамические надписи) содержит множество личных собственных имен как древнегреческих (впоследствии — римских), так и написанных греческими буквами имен, этническая принадлежность которых отчасти устанавливается, а отчасти еще ждет определения¹.

Личные собственные имена представляют своеобразный материал, который при осторожном использовании оказывается ценным историческим источником для изучения этнических, социальных, идеологических и других сторон развития древнего общества. Методы анализа собственных имен древних эпиграфических памятников постепенно вырабатывались в исследованиях историков, палеографов, эпиграфистов и специалистов по истории языка, но многие вопросы в этой области нуждаются в дальнейшем изучении.

Общая цель нашей работы — обратить внимание читателей на историческую, филологическую и лингвистическую ценность из года в год возрастающего ономастического материала древних городов и селений Северного Причерноморья. Специальная же задача заключается в том, чтобы показать, что заслуживают особого исследования не только прежде не известные имена, негреческое происхождение которых доказывается этимологическими соображениями, но и уже известные и довольно распространенные древнегреческие имена новонайденных эпиграфических памятников.

1. ΕΥΦΡΟΝΗΣ

Имя «Эвфронес» читается на ольвийской псефизме, обнаруженной при раскопках 1951 г.²

Относительно этого имени автор публикации вполне обоснованно

¹ Из исследований нашего времени сошлемся на книгу: L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, 467 стр.

² См. Е. И. Л е в и. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 года. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177—183.

замечает: «Имя *Εὐφρόνης* было, очевидно, очень редким в Греции, поскольку оно не зарегистрировано ни в словаре Папе — Бензелера, ни у Бехтеля — Фика. Довольно обычно в Греции близкое ему имя *Εὐφρόνιος* и *Εὐφρων*. В надписях Северного Причерноморья имя *Εὐφρόνης*, насколько нам известно, также встречается впервые. До этого в ольвийском каталоге граждан имелось имя *Εὐφρόνιος* (IOSPE, I², № 201, 1, 34). Имя *Εὐφρων* упоминается среди имен горгиппийского списка (IOSPE, IV, № 43, A1, 44; B1, 35, 54). В Херсонесе и на Боспоре отсутствуют даже сходные имена»³.

Так же, как в псефизме в честь Дионисия, (сына) Тагона⁴, здесь речь идет о херсонеситах: отец — ΑΠ[ΟΛΛΩΝΙΟΣ]ΕΥΦΡΟΝΕΟΣ и сыновья — Α[ΠΟΛΛΟΔΩΡΟΣ], ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣ и ΕΥΦΡΟΝΗΣ.

На первый взгляд, имя *Εὐφρόνης* (род. падеж — *Εὐφρόνης*) не представляет ничего загадочного. С этимологической стороны оно вполне «прозрачно»: *Εὐ-φρόν-ης*. Ближе всего к нему известные мужские имена *Εὐφρων* и *Εὐφρόνιος*, женские *Εὐφρόνη* и («пейоративное») *Εὐφρόνιον*. Основа этого имени содержится в глаголе *εὐφραίνεῖν* и в прилагательном *εὐφρων*. Гомеровское причастие *εὐφρονέων* могло быть произведено от глагола **εὐφρονέειν* (= *εὐφρονεῖν*). Глагол *εὐφραίνω*, буд. вр. *εὐφρανῶ*, аор. *εὐφρανα* («радую», «веселю», «развлекаю» и т. п.) и прилагательное *εὐφρων*, *εὐφρον* («радостный», «веселый»; «радующий», «веселящий»; «доброжелательный», «благожелательный»; «любезный»; может быть, еще — «умный», «сообразительный») по своему смысловому содержанию представляли благодатную основу для производства собственных имен. В словарях мы находим большое количество мужских и женских имен, образованных от глагола *εὐφραίνεῖν*. Автор упомянутой публикации приводит в связи с прочими еще имя «Эвфроним» (*Εὐφρόνιος Μητροδώρου*).

Итак, основа имени *Εὐφρόνης* (независимо от предполагаемого прилагательного **εὐφρονής*) находится в уже известных *Εὐφρων*, *Εὐφροίλων*, *Εὐφρόνιος*, а его суффикс -ης (род. падеж = *εος*), типичный для *es*-основ, — в прилагательных вроде *εὐγενής*, *εὐσεβής* и многочисленных собственных именах.

Особенность, которая может обратить на себя внимание исследователя, заключается здесь не в основе и словообразовательном суффиксе, а в самом способе образования. Если связь имен *Εὐφρων* и *Εὐφρόνης* не подлежит сомнению, то естественно поинтересоваться, нет ли аналогии этой связи среди прочих имен.

Рядом с именем *Εὐφρων* следует поместить все составные имена, у которых второй (от начала) компонент представляет основу -φρων. Здесь можно указать на такие имена, как *Ἀλκίφρων*, *Ἀρίφρων*, *Σωφρων*, *Φιλόφρων*, *Χερσίφρων* (PB).

При наличии вторичных производных (например, *Λυκόφρων* — *Λυκοφρονίδης*, *Σώφρων* — *Σωφρόνη*) ни для одного из них не засвидетельствовано, насколько мы можем судить, вторичное с компонентом -φρονής. Следовательно, для отношения имен *Εὐφρων* — *Εὐφρόνης* нет прямых аналогий в известном нам запасе древнегреческих собственных имен.

Однако у имен со вторым компонентом -φρων могла существовать некоторая связь с именами, обнаруживающими суффикс -ης древних

³ Там же, стр. 178, 179. — Здесь мы должны исправить опечатку в цитированном тексте: вместо *Εὐφρόνης*, как правильно дано в транскрипции надписи, на стр. 178 дважды напечатано *Εὐφρονής*. Кроме того, имя *Εὐφρόνης* не следует в русском тексте передавать «Евфрон», т. е. так же, как *Εὐφρων* во избежание смешения различных имен.

⁴ См. ВДИ, 1951, № 1, стр. 142—149.

es-основ. Эту связь мы усматриваем, во-первых, в так называемых сравнительной и превосходной степенях (ср. например, εὐφρων — εὐφρονέστερος, εὐφρονέστατος). Эти формы степеней сравнения могли использоваться как собственные имена или как эмоционально окрашенные формы собственных имен (ср., например, Εὐτυχέστατος в качестве собственного имени наряду с Εὐτόχης, — РВ). Во-вторых, имена с компонентом-φρων могли сближаться с имеющими суффикс-ων, род. падеж-ωνος (ср., например, Ἄλκων—Ἄλκίφρων), или -ων, род. падеж -ωνος (ср., например, Ἀρίων — Ἀρίφρων). Эти последние обнаруживают некоторую связь с именами, содержащими es-основы (например, Εὐμαχῆς — Εὐμαχων, Εὐκλήης — Εὐκλέων).

Все это могло послужить основанием для образования вторичного Εὐφρόνης наряду с первичным Εὐφρων.

Так как носителями имени Εὐφρόνης в упомянутой здесь псефизме выступают граждане Херсонеса Таврического (Ἀπολλωνίος Εὐφρόνης и Εὐφρόνης Ἀπολλωνίου), то пока что естественно называть это новооткрытое имя херсонесским. Существовало ли оно и в других краях античного мира, — вот вопрос, на который еще не представляется возможным дать утвердительный ответ. Во всяком случае, возможность местных новообразований в древнегреческой ономастике не подлежит сомнению.

2. KONNAPIΩN

Среди многочисленных, еще не опубликованных, ольвийских керамических фрагментов есть один фрагмент чернолакового сосуда из раскопок 1951 г. (0/51 = 2373) с надписью (рис. 1): KONNAPIΩNO = KONNAPIΩNO[Σ], т. е. «Коннариона» [сосуд]. Это, еще не засвидетельствованное, насколько нам известно, мужское имя имеет, как мы попытаемся дальше доказать, очевидно, греческую этимологию.

Нацарапанное каким-то острым орудием на покрытой черным лаком поверхности сосуда (возможно, — чернолакового килика) имя «Коннарион» относится к классу так называемых «третичных» имен (ср. суффикс -αρ + ιων).

Среди этих имен трудно отделить имена со сложным суффиксом-αρίων от имен с суффиксом-ίων и составной частью основы -αρ-, за которой следует названный суффикс-ίων. Так, например, имена Βαρβαρίων⁵ и Ἰαρίων⁶, учитывая слова βάρβαρος и ἰαρός, можно признать обладающими суффиксом-ίων, а не -αρίων.

Аналогией для новонайденного Κονναρίων могут служить такие имена, как Γλοχαρίων и Ψυχαρίων, поскольку существуют прилагательное γλοχός, -εῖα, -ύ и существительное ψυχή.

Имя Ψυχαρίων, очевидно, было довольно распространенным, так как мы находим его на многих эпиграфических памятниках Северного Причерноморья⁷. По данным, которыми мы располагаем, это имя особенно было распространено на территории Боспорского государства. Не замечено оно еще на эпиграфических памятниках Ольвии.

Второе упомянутое здесь имя Γλοχαρίων, обнаруженное на той же территории, читается на двух памятниках: ΓΛΥΚΑΡΙΩΝ ΜΕΝΕΚΛΕΟΥΣ⁸ и ΓΛΥΚΑΡΙΩΝ ΨΥΧΑΡΙΩΝΟΣ⁹. В соответствии с мужским именем

⁵ Ср. IOSPE, II, № 29.

⁶ Ср. IOSPE, II, № 165; IOSPE, IV, № 208, 314.

⁷ См. IOSPE, II, № 29b bis, 29c, 65, 112, 113, 171, 210, 262, 405, 427, 434, 445, 447—449, 450, 451; IOSPE, VI, № 295, 435, 436a, 436b, 468 bis.

⁸ См. IOSPE, IV, № 238.

⁹ См. IOSPE, IV, № 295.

Рис. 1. Фрагмент чернолакового сосуда с граффито из раскопок 1951 г.

Рис. 2. Граффито на доньшке чернолакового сосуда из раскопок 1951 г.

Рис. 3. Граффито на ручке чернолакового сосуда из раскопок 1951 г.

Γλυχαρίων существовало и уменьшительное женское, которое читается на одной из боспорских надгробных надписей: ΓΛΥΚΑΡΙΟΝ¹⁰.

Итак, если на основании сказанного выше возможно в имени ΚΟΝΝΑΡΙΩΝ морфологическое членение Κοιν-αρίων, то остается еще объяснить, с чем связан компонент Κοιν-.

В литературных памятниках имеется упоминание о собственном имени Κόννος. Другая его форма (может быть, гипокористическая) — Κοινᾶς. В словаре Гесихия сообщается: Κοινᾶς· αὐλητῆς πενίαν ἔχων καίπερ ὦν ἄριστος. Этот Коннос или Коннас, сын Метробия, афинский музыкант, учитель Сократа, упоминается в комедии Аристофана «Осы», где Бделиклеонт говорит Филоклеонту (стих 675): σὲ μὲν ἡγοῦνται Κόννου ψῆφον, что приблизительно можно перевести: «они тебя ни во что не ставят» или «ты для них нуль». Кроме того, упоминание о нем же находим в диалоге Платона «Менексен». Полагаясь также на пояснения относительно этой особы схолиастов Аристофана и Платона и на соответственные упоминания этого имени у лексикографов, мы можем думать, что Коннос — это историческое лицо.

С именем «Коннос», очевидно, были связаны производные: Κόννιχος, Κοινίδας (у Гесихия — Κοινίδης Θεσείως παιδαγωγός), Κόννιος, Κόννις, может быть, также Κοινίβας (ср. ΡВ). Отношение к этой же основе имени Κοινναχόριξ, род. падеж — -ικος (правитель Гераклеи при Митридате) не представляется возможности выяснить. Собственное имя Κόνναρος могло быть связано с нарицательным κόνναρος (растение *Zizyphus Spina-Christi*).

От этого семейства имен, вероятно, надо отделить другое с основой Κοιν-, а не Κοιν-. Основу Κοин-можно усматривать в собственных именах Κόνος (вопреки ΡВ не следует связывать с Κῶνος и Κοῦνος) и Κόνων (имя хорошо известное из истории Греции).

Имя Κόνος читается на одной надписи из Горгиии¹¹, если правильно восстановление: Κόνο [ς].

По нашему мнению, имена Κόνος и Κόνων можно сблизить с нарицательными διάκονος (долгая α), ион. διήκονος (ср. διακονεῖν, ион. δισηκονεῖν)¹².

В словаре Гесихия с основой, о которой идет речь, связаны глоссы: κόνει· σπεῦδε, τρέχε; κονεῖν· ἐπείγασθαι, ἐνεργεῖν; ἐγκονέοντες· σπεύδοντες, ἐνεργοῦντες, ἐπείγμενοι; ἐγκόνως· ταχέως, ἐσπευ(σ)μένως; κονηταί· θεράποντες. В этом словаре с названной основой, возможно, смешивается другая, например, διακονήσαι· κατεργάσασθαι, ἀπολέσαι, βλάψαι; ср. глагол καίνω, аор. ἔκαον, перф. хέκονα; ср. особенно κοναί· φόνοι и κατακονά· διαφθορά.

Оценивая связи собственных имен с основой κοιν-, следует не упускать из вида и слова κόνις с его производными. Связь с этими последними возможна для таких имен, как Κόνιλος. Безусловной она является для мифологических Κόνιος¹³ и Κονίσσαλος (с долгой ι; у Гесихия — Κονίσσαλος· κονιορτός, σκίσησις σατυρική...).

Стоит упомянуть, что какое-то собственное имя с основой ΚΩΝΙ-читается на «беспаспортной» надгробной стеле белого мрамора с рельефом в Киевском государственном историческом музее:

1. Ε ΤΕΛΕΣΙΚΛΗΣ ΚΩΝΙΣ...
2. [ΑΠΟ]ΛΛΩΝΙΑΤΑΙ.

¹⁰ См. IOSPE, II, № 224.

¹¹ IOSPE, IV, № 434a, ст. 8.

¹² Объяснение наличия долгой α вместо первоначальной краткой в этих словах дано, например, в словаре Э. Бузака, DELG; здесь долгота — по аналогии с составными словами типа ◡—◡◡, ◡—◡—, ср. διγυμενος, διηλιφγς.

¹³ P a u s., I, 40, 6.

Однако нам совсем не известны собственные имена, произведенные от древнегреческого *κόννος* [ср., например, нарицательное *κωνίς·ὕδρισκη* (Гесихий)].

Проведя разграничение между основой имени *Κωνναρίων* и прочими похожими на нее основами, перейдем к установлению связей этого имени. Наиболее правдоподобной нам представляется его связь со словом *κόννος*, которое в словаре Гесихия истолковывается следующим образом: *κωννος·ὁ πώγων, ἡ ὑπήνη, ἡ χάρις*. Слова *πώγων* и *υπήνη* («борода») могут рассматриваться как синонимы [*υπήνη·τὸ γένειον, ἤτοι· πώγων, ἄλλοι μύσταξ, ἄλλοι ὑπήνη, ὅ ἐστι ὑπὸ τὴν ῥίνα τόπος* (Гесихий)].

Само собой разумеется, что слово *χάρις* здесь надо понимать не как абстрактное, а вполне конкретное. Намек на такое понимание мы видим в глоссе *χάρις·δωρὰ* (Гесихий), т. е. «подарок, драгоценность, украшение». Однако смысловое содержание этого слова не исчерпывается сравнением с нашими словами: 1) «борода» и 2) «украшение». Из глоссы Гесихия — *κωννοφόρων·σκολλοφόρων* — мы узнаем о существовании еще одного синонима этого *κόννος*, а именно *σκόλλος*. Он близок по содержанию к нашим «локон, кудря, прядь волос, чуб, коса». Это видно из следующей глоссы: *σκόλλος·χορυφή ἢ καταλελειμμένη τῶν τριχῶν, τινὲς δὲ μᾶλλον, πλόκαμον* (ср. *πλεκτήνη*), *συμπλοκή, κρώβυλος*). У лаконцев был еще интересный синоним того же: *ιέρωμα·τον κόννον Λάκωνες ἐν τινὲς μᾶλλον (ἢ) σκόλλων* (Гесихий).

В связи с таким пониманием слова *κόννος* («прядь волос» и т. п.) здесь следует вспомнить о латинских словах *cinnus* и *cincinnus*, содержание которых и фонетическое строение похожи на древнегреческое *κόννος*.

Если была установлена связь греческого *κόνις* («пыль», «порошок») с латинским *cinis*, род. падеж *cineris* («зола», «пепел»), то не менее правдоподобной представляется связь греческого *κόννος* со словом *κίκιννος*, будто бы заимствованным из греческого в латинский язык (*cincinnus*), хотя, возможно, здесь наличие соответственных слов двух — в конце концов — родственных языков. О предполагаемой связи с латинским 1) *tortio oris, inde dictus est cincinnus*, 2) *nutus (cinnavit — innuit, promisit)* — здесь не придется говорить¹⁴.

Возможно, что с основой *κόνις* (лат. *cinis*) связано *κόννα·σποδός* (Гесихий); т. е., «зола», «пепел».

Существовала ли связь между названием растения *κόνναρος*. (*Zizyphus Spina-Christi, Paliurus Spina-Christi, Zizyphus jujuba*), его плода *κόνναρον* и основой собственного имени *Κόννος*, а также нарицательного *κόννος*, — не представляется возможным определить, хотя существование ее кажется правдоподобным.

Отмеченные в словаре Гесихия *κοναρόν·εὐτραφή, πίονα, δραστήριον* и *κοναρότερον·δραστήκώτερον*, по-видимому, относились к производным основы глагола *κονεῖν*.

Упоминание в надписях *Κωνωνεύς* (из Тарента), *Κωνωνιάος* и *Κωνωνιανή* принадлежат к производным собственного *Κόνων*. Этимологические связи женского имени *Κωναλλίς* установить невозможно.

Остается еще упомянуть о существовании, наряду с глаголом *κονεῖν* (*διακονεῖν*), другого *κοννεῖν·συνιέναι, ἐπίστασθαι (αἰσθάνεσθαι)*; *κωννοῦσι·γινώσκουσι* (Гесихий) и еще *κοννέω·γινώσκω, οἶδα* (схолиаст Эсхила).

Из-за несоответствия греческого *κ* подобному же звуку германских языков сходство *κοννεῖν* с готским и древневерхненемецким *kunpan*

¹⁴ Ср. A. Ernout et A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1932.

(и прочими производными с тем же корнем) надо признать случайным.

Таким образом, рассмотренное здесь имя *Κωνναρίων* по своему происхождению может быть греческим именем, связанным с упомянутым нарицательным *κόννος*. Очевидно, что нарицательное (*προσηγορικόν*), названное здесь, употреблялось в качестве собственного (*Κύριον*).

В таком смысле мы можем сопоставить *Κόννος* и *Κωνναρίων* с римским *Cincinnatus*, известным *cognomen* в патрицианском роде Квинктиев (*Quinctii*), в котором, кстати, было еще близкое к нему по смысловому значению — *Crispinus* (ср. лат. *crispus* — нарицательное и собственное).

Трудно ответить на вопрос, когда именно на фрагменте сосуда было начарапано *Κωνναρίων[ς]*: до того, как этот сосуд оказался в Ольвии, или после того. Во всяком случае, представляется правдоподобным, что надпись сделана до того, как сосуд был фрагментирован, и указывала на принадлежность сосуда названному лицу (ср. *genetivus possessivus*).

3. ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ и ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ

На двух фрагментах черволаковых сосудов, обнаруженных во время раскопок 1951 г. в Ольвии, читаются два общеизвестных древнегреческих имени (граффити): Протагор и Пифагор.

На довышке (0/51-1514; рис. 2): ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ, на ручке (0/51-519; рис. 3): ...ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ ΔΙΟ... в зеркальном изображении.

Эти два собственных имени представляют для нас интерес прежде всего тем, что в их этимологической структуре до некоторой степени отразилась общественная жизнь древнегреческого полиса. Они относятся к той характерной группе древнегреческих имен, что и *Λαόςτιμος*, *Πειθόλαος* (ср. *Λαός*, *Λεώς*), *Δήμαρχος*, *Σωσιδίτης* (ср. *δῆμος*), *Βούλαρχος*, *Νικόβουλος* (ср. *βουλή*), *Δημόδικος*, *Φανόδικος* (ср. *δίκη*) и др.¹⁵

В обоих названных выше именах в качестве второй составной (или конечной) части обнаруживается основа *ἀγορά* или ионийское *ἀγορή* — центр общественной жизни древнегреческого города.

Такая основа наглядно выступает в собственных именах, в которых она является начальной составной частью, например, *Ἀγορακλῆς*, *Ἀγοράκριτος*, *Ἀγοράναξ* и др. Имя *Ἀγοραῖστος*, очевидно, связано с основами в *αἴσα*, *αἴσιος*. *Ἀγοράτος* может быть гаплогическим (ср. * *Ἀγοράρατος* наряду с *Νιχάρατος* и подобными). Имя *Ἀγοραστοκλῆς* является авторским нововведением (*Plautus*, *Roenilus*).

В нескольких случаях наблюдается полный параллелизм имен с одинаковыми основами, причем каждая из этих основ выступает как начальный, и как конечный компонент, например: *Ἀγορακλῆς* — *Κλεαγόρας*, *Ἀγοράναξ* — *Ἀναξαγόρας*, *Ἀγόρανδρος* — *Ἀνδραγόρας*, *Ἀγοράτιμος* — *Τιμαγόρας*¹⁶.

Отмеченное в списке горгиппийских граждан¹⁷ имя (ΠΑΠΑΣ ΜΥΦΑΓΟΡΑ ΚΟΣΣΟΥ), насколько нам известно, не встречается в других источниках. Можно думать, что Φ вырезано здесь по ошибке вместо Θ. На этом основании позволительно восстановить имя *Μυθαγόρας*. Однако не исключена возможность, что *Μυθαγόρας* является просто искажением известного греческого имени *Πυθαγόρας*.

В связи с приведенной надписью¹⁸ мы должны заметить, что не можем

¹⁵ SF, стр. 115.

¹⁶ *Ἀγοράτιμος* отсутствует в РВ и взято здесь из SF, стр. 115. Параллельными можно считать *Ἀγοράκριτος* и *Κριναγόρας*.

¹⁷ IOSPE, II, № 402, стк. 39.

¹⁸ Там же.

решительно отрицать принадлежность имени Κοσσοῦς, (род. падеж Κοσσοῦ) к древнегреческим именам. Существовало еще близкое к нему Κοσσοῦς, образованное по образцу уменьшительных древнегреческих имен¹⁹, например, Ἐρμογῆς и др.²⁰

Учитывая производство подобных этому Κοσσοῦς собственных имен Ἀγαθοῦς (<ἀγαθός) и Χρηστοῦς (<χρηστός — ΡВ), можно предполагать, что в основе имени Κοσσοῦς лежало какое-то простое нарицательное (ср. κόστος = κόλαφος, Κοσσοτρά — πεζος = παράσιτος τις и κόττος = ἀλεκτρούων; ἰχθῦς; κύβος; κόσσιβος — κότταβος).

Вернемся к именам с компонентом-αγόρας. Сомнительным остается существование имени Ἰατραγόρας²¹, от которого сохранилось только три первые буквы.

Среди многочисленных имен с основой ἀγορα- в опубликованных надписях Северного Причерноморья установлены следующие: Ἀθαναγόρας²², Ἀνα-αγόρας²³, Ἀρισταγόρας²⁴, Δημαγόρης²⁵, Ἐρμαγόρης²⁶, Μολπαγόρης²⁷, Μυφαγόρας²⁸, Νικαγόρας²⁹, Νομφαγόρας³⁰, Ὀρθαγόρας³¹, Πρωταγόρας³², Τιμαγόρας³³, Φαναγόρης³⁴.

Таким образом, среди имен этих надписей можно найти Πρωταγόρας или Πρωταγόρης, но здесь нет имени Πυθαγόρας или Πυθαγόρης.

Как мы видели, имен с начальной составной частью ἀγορα- было в древнегреческой ономастике сравнительно немного. Напротив, имена с конечной составной частью -αγόρας или -αγόρης (соответствующие женские — αγήρα или αγήρη) относились к весьма распространенным. В словаре ΡВ можно насчитать не менее шести десятков подобных имен.

С ними тесно связаны имена с конечным компонентом -άγορος, -ήγορος, -ώγορος: Εὐάγορος наряду с Εὐαγόρας, Λεώγορος наряду с Λεωγόρας, Τελεσ-ήγορος наряду с (*Τελεσηγόρας).

На керамических клеймах из Родоса можно отметить еще такие собственные имена, как Νικασαγόρας, а также соответственно именам Τιμησαγίρας и Τισαγίρας — Τιμασαγόρας и Τεισαγόρας³⁵.

Связь этих имен с упоминавшимися выше может быть двоякого рода: 1) либо они представляют непосредственные образования от основы глагола ἀγείρειν, 2) либо на них оказали влияние весьма распространенные имена с окончанием -ος (ο-основы).

Среди названных имен можно различить прежде всего группу так называемых теофорных имен: Ἀθηναγόρας, Ἀρτεμαγόρας, Ἐρμαγόρας, Ἡραγόρας, Θεαγόρας, Μηναγόρας, Μοιραγόρας, Νικαγόρας, Νομφαγόρας и (Πυθαγόρας). К этой группе мы еще вернемся ниже. Особое место здесь занимает имя

¹⁹ Ср. IOSPE, II, № 88, 192.

²⁰ SF, стр. 120, 121.

²¹ См. IOSPE, II, № 57.

²² Херсонес, IOSPE, I², № 709.

²³ Ольвия, IOSPE, I², № 35, 195.

²⁴ Боспор, Горгиппия, IOSPE, II, № 101 — с орфографией Αρισταγόρας IOSPE, IV, № 421, 432.

²⁵ Ольвия, IOSPE, I², № 195.

²⁶ Ольвия, IOSPE, I², № 212.

²⁷ Ольвия, Боспор, IOSPE, I², № 270; IOSPE, II, № 14.

²⁸ Горгиппия, IOSPE, II, № 402.

²⁹ Горгиппия, IOSPE, IV, № 432; родосец. IOSPE I², 340 IOSPE, IV, № 64.

³⁰ Горгиппия, IOSPE, II, № 401—403, 416; IOSPE, IV, № 434, 438, 440.

³¹ Горгиппия, IOSPE, IV, № 432, VII, 37, 39.

³² Боспор, IOSPE, II, № 195; IOSPE, IV, № 205, II, 15.

³³ Херсонес, IOSPE, I², № 577; редосец, IOSPE, I², № 340 — IOSPE, IV, № 64.

³⁴ Боспор, Фанагория, IOSPE, IV, № 418.

³⁵ См. П.

Ἐθβαγόρας (ср. Ἐθβη, Ἐθβαί). Мы склонны отнести его к уже названной группе, полагая, что оно связано с богиней — покровительницей города, не включенной в классический пантеон. Если это верно, то с Ἐθβαγόρας можно сравнить имя Ἀθηναγόρας.

Довольно заметной среди перечисленных имен является группа, содержащая суффиксные глагольные основы (типа имен действия): Ἀγησαγόρας — ἄγειν (ср. еще ἡγεῖσθαι), Ἀναξαγόρας.

Менее заметна группа, содержащая в качестве начального компонента глагольные (представленные в простых первичных глаголах) корни, как например: Ἀρχαγόρας — ἄρχεσθαι, ἀρχή; Βουλαγόρας — βούλεσθαι, βουλή.

Обширную группу составляют имена с основами первичных прилагательных в качестве начального компонента. Таковы: Ἀρισταγόρας, Εὐαγόρας (εὐ < εὐ — средн. род.), Πρωταγόρας.

Кроме уже названных тефорных имен, можно выделить группу имен с основами существительных, например: Ἀνδραγόρας, Ἴππαγόρας (см. выше), Τελεσταγόρας (ср. собственное Τελέστης и нарицательное τελεστής), Τιμαγόρας (τιμή > τιμᾶν), Χρυσάγορας. К ним же можно причислить и Λυκαγόρας (ср. собственное Λύκος, — кроме эллинского, также скифское имя). Основа λυκο-обнаруживается в составных именах: Λυκοδόρας, Λυκομήδης, Λυκωνίδης (ср. Λύκων) и др.

Женское имя Λυκαγόρη могло быть связано своей начальной основой с существительными λεία (добыча) или λέα, λεία (λᾶας, λᾶς — «камень»), но точнее определить его связи не представляется возможности.

Самую незначительную группу здесь составляют имена с наречиями — предлогами в качестве начального компонента: Ἀνταγόρας и Παραγόρας³⁶.

Как известно, способ образования двухосновных собственных имён у древних греков был довольно простой. Начальная составная часть, абстрагированная из соответственной группы имен, префигировалась к конечной составной части, которая, — в свою очередь абстрагированная из другой группы имен, — суффиксировалась к начальной части.

По древнему обычаю имя сына, если оно было двухосновным, повторяло одну из составных частей подобного же имени отца, например, Λυκοῦργος Λυκόφρωνος; Ἀρισταγόρης Μολπαγόρευ³⁷. Так образовывалось много новых собственных имен.

Среди перечисленных выше имен с конечным компонентом -αγόρας, -αγόρης (соответственно в женских именах — -αγόρα, -αγόρη) обратим внимание на уже упомянутую группу так называемых тефорных имен.

Наряду с несомненными тефорными именами, так например, Ἀθηναγόρας Ἀρταγόρας и пр., сюда можно отнести и такие, принадлежность которых к тефорным требует доказательств. К ним следует причислить имя Διαγόρας. Поставленное рядом с именами Ἀνταγόρας и Παραγόρας, имя Διαγόρας может показаться подобным этим именам в смысле образования. Однако мало правдоподобно, чтобы это имя возникло в результате сложения δια- (ср. например, Διαδρομής, Διαρτήνης) и -αγόρας. Очевидно, оно должно быть сближено с именами вроде Διογένης, Διόδοτος, Διόδωρος и т. п. О правильности такого сближения говорит долгота иоты в этом имени. Седьмой олимпийский эпиникий Пиндара посвящен родослу Диагору. Из этого эпиникия видно, что иота в имени «Диагор» была, несомненно долгой (например, стих 24: σὺν Διαγόρα, т. е. — — ∪ ∪ —). Следо-

³⁶ Имя «Диагор» было связано с корнем Ζεύς, род. падеж. Διός, и в таком случае должно быть отнесено к тефорным именам.

³⁷ Sf, стр. 118.

вательно, имя $\Delta\iota\alpha\gamma\acute{o}\rho\alpha\varsigma$ надо отнести к теофорным именам, так же как $\Delta\tau\omicron\varsigma$ и $\Delta\iota\omega\nu$.

Рядом с именами $\text{Μο:ραγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ и $\text{Νομφαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ мы склонны поставить и $\text{Νίχαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$. Так как Νίκη у древних эллинов была богиней, персонифицировавшей победу, то есть повод имена с соответственной основой относить тоже к теофорным.

Имя $\text{Μηναγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$, очевидно, было связано с именем лунного божества Μήν , культ которого происходит из Фригии³⁸. Из двухосновных, кроме $\text{Μηναγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$, можно назвать еще (по РВ) не менее двух десятков имен. Такое широкое распространение различных типов имен с названной основой заставляет нас ставить их в связь с культом божества Мена. Следовательно, есть основания полагать, что $\text{Μηναγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$, как и прочие, о которых говорилось выше, было теофорным именем.

Таким же можно считать и нацарапанное на ручке чернолакового сосуда из Ольвии ПΥΘΑΓΟΡΗΣ. Нет оснований сблизать начальный компонент имени $\text{Πυθαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ или $\text{Πυθαγ\acute{o}\rho\eta\varsigma}$ (с долгим υ) с основой глагола πυθάνομαι , аор. $\text{\acute{\epsilon}\piυθ\acute{o}\mu\eta\nu}$, буд. $\text{\acute{\pi}\acute{\epsilon}\upsilon\theta\omicron\mu\alpha\iota}$ и т. д., так как при существовании подобной связи гласный υ в собственном имени был бы кратким (в глаголе полная степень * $\acute{\pi}\acute{\epsilon}\upsilon\theta$ чередуется с нулевой степенью $\text{\acute{\pi}\acute{\upsilon}\theta}$). Напротив, связь этого имени $\text{Πυθαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ с дельфийскими культовыми именами и названиями $\text{Πυθ\acute{\omega}}$ или $\text{Πυθ\acute{\omega}\nu}$, Πύθων и т. п. представляется вполне вероятной.

Сложных суффиксных имен, образованных от этой основы, немного, например, Πύθων , род. падеж Πύθωνος , Πυθίων , Πυθέας ³⁹ (уменьшительное), Πυθείας (тоже), Πύθης .

Напротив, очень много двухосновных имен, подобных Πυθάρατος , Πύθαρχος , Πυθείδης , Πύθιππος и др. Конечно, может оказаться так, что в списке таких имен окажутся связанные с основой глагола πυθάνεσθαι , $\text{\acute{\pi}\acute{\upsilon}\theta\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota}$, $\text{\acute{\pi}\acute{\epsilon}\upsilon\theta\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota}$. Однако имя $\text{Πυθαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$, несомненно, надо отделить от них и поставить в один ряд с именами Πυθόδωρος , Πυθοκλής , Πυθόνικος и т. п.

Нет также сомнения о том, что имена $\text{A}\text{ρτεμαγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ и $\text{A}\text{ρτεμάγορος}$ следует связать с именем богини $\text{A}\text{ρτεμις}$, род. падеж $\text{A}\text{ρτέμιδος}$, а не с прилагательным $\text{\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\mu\acute{\eta}\varsigma}$ и существительным $\text{\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\mu\acute{o}\varsigma}$. Об этом свидетельствуют имена такого типа, как $\text{A}\text{ρτεμίδωρος}$ и $\text{A}\text{ρτεμίδωρα}$ (ср. суффиксные $\text{A}\text{ρτεμᾶς}$, $\text{A}\text{ρτεμῶ}$, $\text{A}\text{ρτέμων}$).

Теперь остановимся еще на имени с основой порядкового числительного в качестве начального компонента: $\text{Πρωταγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ или $\text{Πρωταγ\acute{o}\rho\eta\varsigma}$ (ср. производное Πρωταγορίδης).

Собственных имен с таким компонентом очень много: 1) простые — Πρώτη и Πρώτος , Πρᾶτος и Πρᾶτον (женское)⁴⁰; 2) сложные суффиксные: Πρωτᾶς , Πρωτέας , Πρωτεύς и т. д.; 3) двухосновные (кроме $\text{Πρωταγ\acute{o}\rho\alpha\varsigma}$ и близких к нему), например: Πρωταρχίδης , Πρωτογένεια , Πρωτογένης и пр. (см. РВ).

Мифологическое имя Πρωτεσίλαος , Πρωτεσίλαως , Πρωτεσίλας интересно своим начальным компонентом (Πρωτεσι-), напоминающим основы имен действия, например, $\text{A}\gamma\etaσίλαος$ — $\text{H}\gamma\etaσίλαος$ и т. д. (РВ; ср. еще возможное воздействие со стороны имен типа Τελεσίφρων и т. п.).

Таким образом, имена $\text{Πρωταγ\acute{o}\rho\eta\varsigma}$ и $\text{Πυθαγ\acute{o}\rho\eta\varsigma}$ связаны с тремя весьма

³⁸ RL, II, стр. 2687—2770.

³⁹ Последнее см. у П., а также Б. Н. Г р а к о в. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929, стр. 209.

⁴⁰ Относительно знака ударения в именах с α вместо ω надо сказать, что обличное ударение является здесь чисто условным; возможно, что в соответствии со сравнительно-исторической акцентологией должно стоять острое ударение.

распространенными типами древнегреческих имен, содержащих соответственные основы (πρωτος, Πρωδω, ἀγορά).

Как можно видеть из предыдущего, имя Πρωταγορης уже читалось на монументальных надписях Северного Причерноморья, но его еще не было среди опубликованных граффити⁴¹. Другое названное здесь имя Πωδαγορης еще не встречалось на опубликованных монументальных надписях, а также среди граффити этого же края⁴². Оба названных здесь имени по своей форме являются именами ионийского происхождения, что дает нам повод предполагать в их носителях жителей самой Ольвии.

Из палеографических особенностей следует отметить в граффито Πωδαγορης Διο[υσιου?]: 1) начертание от правой руки к левой, обычное в архаическую эпоху и сохранившееся до реформы алфавита в Афинах (404 до н. э.); 2) архаический характер знака Θ — ровное, средних размеров кольцо, перечеркнутое двумя прямыми линиями, пересекающими его под прямым углом друг к другу (крестом) и сравнительно далеко выходящими за его пределы (см. рис. 3). Еще заслуживает упоминания форма буквы Υ (как латинское V), которая также может считаться архаической (см. рис. 3).

В обоих граффити одинаковы буквы: Π (правая ножка вполовину короче левой), Ρ, Γ, Α, Η, Ο, Σ (первая сверху черточка параллельна третьей, вторая — четвертой), несмотря на различное направление букв.

Мы рассмотрели четыре собственных имени из нового эпиграфического материала, обнаруженного на месте древней Ольвии: ΕΥΦΡΟΝΗΣ, ΚΟΝΝΑΡΙΩΝ, ΠΡΩΤΑΓΟΡΗΣ, ΠΥΘΑΓΟΡΗΣ. Два первых должны дополнить собой список древнегреческих собственных имен (их нет в словарях). Нахождение новых собственных имен в эпиграфических памятниках наглядно доказывает нам простую истину: мы еще не приблизились к тому времени, когда список древнегреческих собственных имен, а также список иноплеменных собственных имен древнегреческих эпиграфических источников будет окончательно составлен и перестанет подвергаться пополнениям.

Установлены ли у нас надежные приемы исследования собственных имен древнегреческих эпиграфических памятников? Надо сказать, что нахождению новых собственных имен в грекоязычных эпиграфических памятниках у нас иногда придается неверное значение. В ту эпоху, которая открывается для нас первыми античными эпиграфическими памятниками, каждое собственное имя принадлежало не столько данному племени или вообще этнической группировке, не столько даже данному языку или диалекту, сколько данной культуре, а она могла выходить за пределы этнической группировки и свойственного ей языка. Можно ли утверждать, будто бы все лица, носившие эллинские собственные имена, непременно должны были являться эллинами? Мы считаем, что распространенные у нас приемы исследования собственных имен древних эпиграфических памятников, как например, ссылки на засвидетельствованные до настоящего времени этнически определенные собственные имена и этимологическая оценка нового ономастического материала на основании лексического запаса преимущественно литературных источников, — еще далеко не достаточны для достижения положительных результатов.

⁴¹ См. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953.

⁴² Нет его (в отличие от Πρωταγορας) и на керамических клеймах, обнаруженных на данной территории; ср. П.

З. А. БИЛИМОВИЧ

ГРАФФИТО НА ЧЕРНОЛАКОВОМ КИЛИКЕ

В 1908 г. был куплен происходящий из Ольвии чернолаковый килик с граффито, ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже. У килика профилированная ножка, плавно расширяющиеся кверху тонкие стенки и сильно изогнутые ручки. Внутри сосуда, на дне — штампованный орнамент, состоящий из поясов и трех пальметок, соединенных между собой дугами. На дне с нижней стороны, оставлены непокрытыми лаком узкое кольцо и кружок в центре¹.

Надпись вырезана на дне с нижней стороны сосуда. Первая часть ее расположена по окружности на кольцах черного лака. В одном кольце надпись не поместилась и последнее слово, за исключением начальной η, перенесено во второе кольцо. Надпись начертана крупными буквами, выведенными довольно тщательно и ровно. Вторая часть надписи в две строки расположена в средней части дна килика. Буквы этой надписи меньше по величине и небрежно исполнены (рис. 1).

Надпись читается так:

1. ΑΚΤΙΓΑΙΟΥΨΥΧΗΝΚΥΛΙΞΩΣΠΙΔΕΙΑΝ
ΔΥΠΥΤΟΣ
2. ΑΕΠΤΑΙ
ΥΠ

1. Ἀκτιγαίου (υ) ψυχὴ ἢ κύλιξ (εἰμί) σῶς ἦδεῖα ἡδύποτος².

Перевод: «Килик — душа Актигая, целый, приятный, сладкий для питья».

2. ἄεπται υῖι.

Перевод: «Родители — сыну».

В слове ἄεπται буква τ по отношению к другим буквам расположена значительно ниже, а конечный дифтонг αι написан мельче, чем предыдущие буквы.

В слове υῖι буква υ крупная, широкая, а две последние буквы меньше, но глубже врезаны. Все эти наблюдения, как нам кажется, свидетель-

¹ Килик разбит и склеен из многих кусков; часть мелких обломков утрачена. Лак черный, блестящий. Высота килика — 5,2 см, диаметр устья—13,2 см. Инв. № ОЛ 4328.

² В слове ἡδύποτος в надписи после буквы π мы видим ассимиляцию безударного слога под воздействием предшествующего ударного. См. об этом А. Т h u m b. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1909, стр. 377, § 329, № 2.

ствуем о том, что вторая часть надписи не входила в первоначальный замысел автора и добавлена позже, наспех. Автору, очевидно, хотелось разместить слова в светлом круге, но, не рассчитав место, он вынужден был дифтонг α : написать за кругом и начертал его более мелкими буквами.

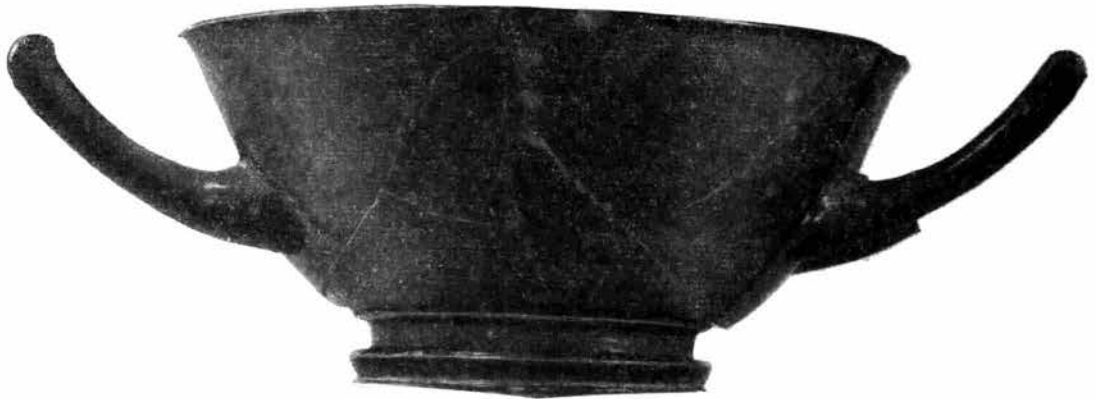

Рис. 2. Черноголаковый килик из Ольвии.

С точки зрения эпиграфики буквы рассматриваемого нами граффито находят аналогии в граффити конца V в. — начала IV в. до н. э. Буква А начертана так, что ее первая вертикальная хвоста имеет меньший наклон в сторону, чем вторая, благодаря чему вся буква имеет небольшой наклон влево. Последний же конец горизонтальной хвоста буквы А слегка опущен вниз. Подобное написание этой буквы неоднократно встречается в граффити V в. — начала IV в. до н. э.³ Буква Σ повторяется в надписи трижды. Она имеет острые углы в местах пересечения хвост, довольно длинные верхние и нижние хвосты, расположенные наклонно⁴. У Ω широкая, округлая средняя часть и горизонтально направленные боковые хвосты⁵.

Таким образом, палеографические особенности данного граффито указывают на принадлежность его к концу V в. — началу IV в. до н. э. Датировка килика по эпиграфическим данным подтверждается датировкой сосуда по его форме (рис. 2). Форма килика, сочетающаяся с подобным штампованным орнаментом, позволяет датировать его самым концом V в. до н. э.⁶

Первая часть надписи по своему характеру относится к числу бытовых где от лица сосуда указывается на его достоинства (целый, приятный, сладкий для питья) и на имя его владельца (килик — душа Актигая)⁷. По

³ П. П. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, № 78, 89, 144.

⁴ Там же, № 207 и 213.

⁵ Там же, № 44, 107, 161.

⁶ Аналогичные по форме килики со штампованным орнаментом см. Peter E. Sobbe et al. Attic pottery of the later fifth century from the Athenian Agora. «Hesperia», XVIII, 4, 1949, стр. 298, табл. 86, №. 146, 147 — последние четверть V в. до н. э.; Lucy Talcott. Attic black glazed stamped ware and other pottery from a fifth century well. «Hesperia», IV, 4, 1935, стр. 486, табл. 9, № 114 — последние годы V в. до н. э.

⁷ Надписи, сделанные от имени сосуда, встречаются и на других памятниках, например: на черноглаковом килике, V в. в Государственном Эрмитаже (инв. № ГК/П

Рис. 1. Граффито на чернолаковом килике из Ольвии.

надписи можно заключить, что Актигай был любителем вина и часто пользовался этим сосудом. Вторая часть граффито отличается от первой не только меньшей тщательностью в исполнении, но и своим содержанием. Родители Актигая, предназначив килик сыну, выразили это словами: «Родители — сыну».

К сожалению, нам неизвестны обстоятельства находки килика, но, возможно, он был обнаружен в могиле Актигая.

Близка по содержанию первой части рассматриваемого граффито надпись на килике из Ольвии, опубликованная Э. Р. Штерном⁸. По верхнему краю этого сосуда, с внешней стороны, начертана надпись Ἡδύποτος κίλιξ εἰμί φίλη πίνοντι τὸν οἶνον — «Приятный для питья (я есть) килик, возлюбленный тем, кто пьет вино». Э. Р. Штерн датировал сосуд примерно IV в. до н. э.

Описываемое нами граффито представляет большой интерес и с лингвистической точки зрения. Следует отметить употребление слова ἄεπται. Словарями засвидетельствовано прилагательное ἄεπτος, образованное от глагола ἔπομαι с отрицанием, в значении «слабый, не могущий следовать за кем-либо»⁹. Если предположить, что слово ἄεπται происходит от ἄεπτος, то невозможно объяснить здесь форму множественного числа женского рода. Вероятнее всего, что данное слово — существительное, образованное от основы мужского рода с окончанием на -ης, дающее в именительном падеже множественного числа окончание -αι, в значении «родители».

Небезынтересно написание слова ἡδύποτος в надписи, где после π мы видим ассимиляцию безударного слога под воздействием предшествующего ударного.

Следует отметить, что имя Ἀκτιγαῖος не засвидетельствовано словами Папе — Бензелера и Бехтеля — Фика, а также не встретилось мне в греческих надписях¹⁰.

74) — Εὐδομῆς εἰμί κίλιξ («Я — килик радости»). — И. И. Толстой. Ук. соч., № 108; на ножке чернолакового килика V в. до н. э. в Государственном Эрмитаже (инв. № Нф. 48—795) — Ἐλεγκωπίδος εἰμί («Принадлежу Геликопиде»). — И. И. Толстой. Ук. соч., № 107.

⁸ Э. Р. Штерн. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. ЗООИД. XXIII, 1901, стр. 26, № 26. Э. Р. Штерн не приводит точной прорисовки надписи, поэтому нельзя сравнить характер написания букв двух граффито. Исследователь считает неправильным употребление в надписи прилагательного ἡδύποτος в сочетании со словом κίλιξ. Действительно, у Гомера («Одиссея», II, 340; III, 390; XV, 507 и Гом. гимны, VII, 36) ἡδύποτος употребляется в сочетании с οἶνος, т. е. «сладкий для питья вина». У Афиняя (XI, 469) и у Поллукса (6,96) сосуды для питья вина, в том числе и килики, называются ἡδυπότιδες, т. е. сосуды, из которых сладко пить. Это дает основание Э. Р. Штерну утверждать, что употребление ἡδύποτος по отношению к κίλιξ в упомянутом граффито не обосновано. Это обстоятельство он объясняет тем, что в Ольвии было сильное влияние Гомера, побудившее автора граффито назвать килик ἡδύποτος. Мы не пытаемся преуменьшать влияния поэзии Гомера на ольвиополитов, — об этом с достаточной достоверностью свидетельствует рассказ Диона Хрисостома (см. В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 54, 55), — но хотим лишь заметить, что выражение ἡδύποτος κίλιξ не требует такого сложного объяснения. Сочетание ἡδύποτος с κίλιξ также правомочно, на что указывают и надпись на рассматриваемом килике, и надпись на килике, изданном Э. Р. Штерном. Об этой надписи говорит И. И. Толстой (ук. соч., № 108), приводя более точный перевод ее.

⁹ В таком значении это слово употребляется у Гомера (Илиада, I, 565) и у Эсхила (Агамемнон, 140).

¹⁰ Мною просмотрены выпуски SIG, CIA, Inscriptiones graecae insularum, где имя Ἀκτιγαῖος не встречается.

О. И. Б И Ч

АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ О СТАТУЯХ,
НАЙДЕННЫХ В КЕРЧИ В 1850 г.

Обстоятельством находки в Керчи в 1850 г. двух мраморных статуй — мужской и женской, — уже было уделено некоторое внимание в археологической литературе¹. В «Журнале Министерства внутренних дел» вскоре после открытия этих статуй было помещено сообщение². В 1908 г. в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» В. В. Шкорпил опубликовал статью Е. Е. Люценко «О находке двух древних статуй в Керчи», написанную на основании архивных матерпалов Керченского музея и по рассказам М. И. Щербины и К. Р. Бегичева³. В рукописном архиве ИИМК имеются дополнительные материалы, которые не были известны Е. Е. Люценко. Они содержат еще несколько любопытных подробностей относительно находки статуй⁴. Вкратце история их открытия такова. У проживавшего на Глинище керченского мещанина М. И. Щербины был сарай возле хаты. Сарай этот обвалился, и Щербина, желая его починить, а также несколько расширить принялся разрывать курган (рис. 1). Он наткнулся на что-то твердое и, осторожно отгребая землю, увидел голову и плечо «каменного человека». За такие находки полагалось вознаграждение, и Щербина немедленно, не отрывая статую целиком, дал знать в музей.

Директора музея А. Б. Ашика в то время в Керчи не было. Он находился в Одессе, оставив вместо себя своего родственника, медицинского чиновника Керченского карантин — А. М. Арпа. Последний, осмотрев статую, лежавшую в земле, сказал Щербине: «Это, Михайло, твое и мое счастье», затем приказал ему отрыть статую и доставить в музей, что тот и сделал с помощью соседей, сбжавшихся посмотреть на находку.

М. И. Щербина получил от А. М. Арпа полтора рубля серебром, которые тут же должен был отдать соседям за помощь и за наем подводы.

Вскоре после открытия статуи А. М. Арпа прислал рабочих. Они разрыли курган и нашли другую, женскую, статую, что, по словам Щербины, произошло при его содействии.

Таким образом, по закону Щербина имел все права на получение награды. Однако награды он добивался тщетно. А. М. Арпа, подавая

¹ Ю. Ю. М а р т и. Летопись музея. Керчь, 1926, стр. 63; М. М. К о б ы л и н а. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, рис. 3, 4; М. И. М а к с и м о в а и М. А. Н а л и в к и н а. Скульптура. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, рис. 29.

² ЖМВД, XXXVI, 1851, стр. 297—308.

³ Изв. Тавр. уч. арх. ком., 1908, № 42, стр. 56—63.

⁴ Архив ИИМК, ф. 6 (Мин. внутр. дел), д. N 164, лл. 26, 33—39.

официальный рапорт, приписал находку себе и предусмотрительно даже не упоминал нигде самого имени М. И. Щербины. А. Б. Ашик, узнав о находке, спешно выслал из Одессы своему родственнику письмо, в котором давал ряд указаний о том, какие именно курганы нужно разрывать и, между прочим, советовал непременно начать раскопки того

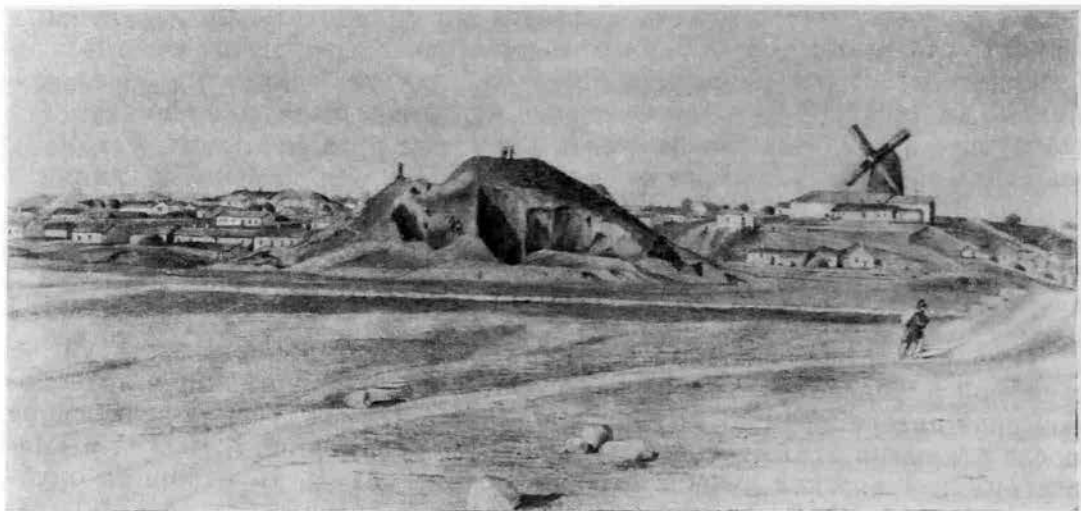

Рис. 1. Рисунок К. Р. Бегичева. 1858 г., где изображен «курган, в котором найдены две статуи в 1850 году».

самого кургана, где были найдены статуи. Письмо это он датировал задним числом, а именно пятым мая 1850 г., находка же была сделана 9 октября.

Письмо это было приобщено к делам Керченского музея, чтобы всякий мог убедиться, что статуи найдены благодаря исключительной прозорливости А. Б. Ашика. Затем А. Б. Ашик спешно издал в Одессе брошюру на французском языке с описанием статуй⁵. Об обстоятельствах их находки он писал следующее: «Среди курганов этой местности (Глиница) есть два, которые ввиду их величины как бы господствуют над остальными. Эти два кургана раскапывались несколько раз, сначала Дюбрюксом, затем Бларамбергом и, наконец, мною, но без всякого успеха. Однако я никогда не терял их из вида, и как только представился случай, исследования были возобновлены. Г-н Арпа производил работы в одном из этих курганов, по соседству с мельницей Аморетти, и собирался начать раскопки второго, возле которого находится домик одного из крестьян Глиница Михаила Щербины.

Последний пришел просить разрешения разрыть фундамент, чтобы расширить свое жилище. Это ему было позволено, так как на другой же день должны были начаться раскопки того самого кургана...

Принялись за работу при непосредственном надзоре г-на Арпа. После нескольких ударов заступом нашли обломки камней... Г-н Арпа счел нужным взять на себя труд продолжать раскопки. Счастливая и блестящая мысль, так как если бы предоставить раскопки крестьянину, статуя, которую там нашли..., была бы, конечно, повреждена».

Все это дело, конечно, могло заглухнуть, и Щербина так бы и не получил своей награды. С людьми его общественного положения тогда не считались.

А. Б. Ашик поднял большую шумиху вокруг находки, писал рапорт

⁵ A. A s c h i k. De la découverte de deux statues antiques à Kertch. Odessa, 1851.

за рапортом, испрашивая себе вознаграждение, и, наконец, сам поехал в Петербург, чтобы выхлопотать там награду. Но были некоторые обстоятельства, не благоприятные для А. Б. Ашика. В Керченском музее в должности рисовальщика и скульптора служил К. Р. Бегичев, стоявший как

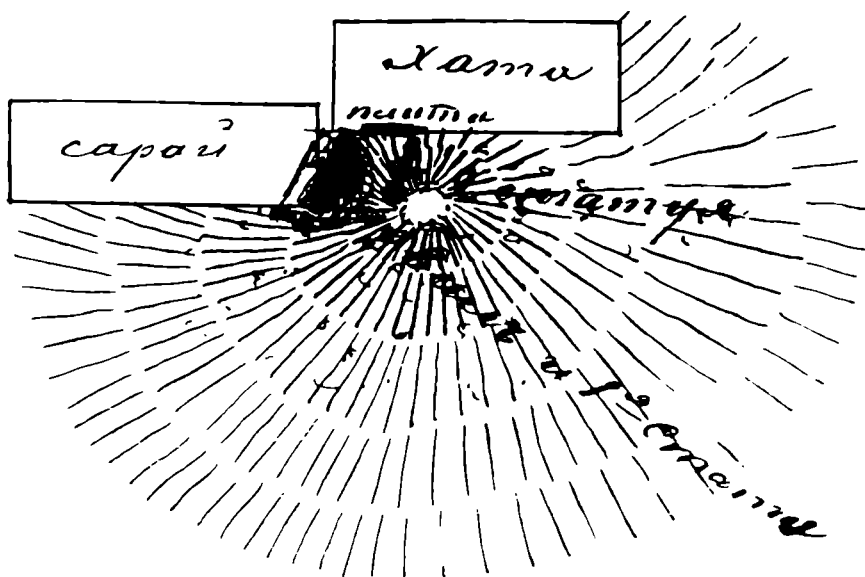

Рис. 2. Чертеж из «розыска» о находке двух статуй.

археолог несравненно выше А. Б. Ашика. Во время частых отлучек последнего К. Р. Бегичев фактически нес обязанности директора музея.

Летом 1851 г., когда министр внутренних дел Л. А. Перовский был проездом в Керчи, К. Р. Бегичев рассказал министру, кем были найдены статуи и что произошло после этого. Л. А. Перовский, как видно из переписки, хранящейся в архиве ИИМК, дал распоряжение керченскому градоначальнику лично опросить всех свидетелей, присутствовавших при находке статуй. Допрос был произведен 25 августа 1851 г., но протокол не удовлетворил Л. А. Перовского, потому что допрашиваемые говорили больше о сарае, чем о статуях. 19 сентября свидетели были допрошены вторично. На этот раз они, повторив свои первоначальные показания, прибавили кое-какие подробности относительно того, в каком положении находились статуи в момент находки. Прилагался даже небольшой чертсж, составленный на основании показаний (рис. 2).

Благодаря тому, что эти показания сохранились, обстоятельства находки двух статуй документированы гораздо подробнее, чем обычно документировались керченские находки того времени.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что статуи были, действительно, вырыты из кургана возле хаты Щербины на глазах у многочисленных свидетелей. Ниже мы приводим отдельные выдержки из рапорта керченского градоначальника Л. А. Перовскому, сообщающие новые, интересные для археолога, подробности открытия этих двух статуй.

«... До настоящего обстоятельства жил он [Михаил Щербина], как и теперь, в Керчи, на Глинище, в собственном доме, построенном с давнего времени землянкою, сбоку кургана, на яме, вырытой до него, при раскопке того кургана, и при землянке этой имел также несколько лет назад тому времени построенный, в подобно первой яме, сарай. Сарай этот осенью прошлого года завалился от обвала или от осадки части стены в яме, над

которой была поставлена крыша сарая; желая построить сарай тот на прежнем же месте, с тем, чтобы прибавить его в длину хоть на полсажени и сравнять его, таким образом, с углом землянки, он, Щербина, с тестем своим Матвеем Шкарбаном, начал расчищать отвалившуюся землю, имея намерение податься несколько в середину кургана, но, прочистивши земли от обвала не более полсажени в длину (т. е. к середине кургана), почувствовал под лопатую твердость и притом шероховатую, заключил, что открыл гробницу, оставил рыть землю и начал очищать ее осторожно, от чего вскоре заметил правое плечо и часть головы мраморной статуи, лежавшей в земле... спиной вверх, дал знать немедленно о находке чиновнику Арпе.

Когда была открыта статуя, то чиновник Арпа прислал для раскопки кургана несколько человек рабочих, но на то место, где найдена статуя, назначил только двух или трех: Рабаса, Логина и Григория Чобитько, которые, при перекопке места, на котором лежала статуя, нашли пустую земляную гробницу, но больше ни они, ни другие, копавшие курган в прочих местах, сами собою ничего не нашли до тех пор, пока он, Щербина, не сказал чиновнику Арпе, что внутри стены его землянки есть плита, которую он Щербина, при постройке своего жилья не трогал, а оставил как ее нашел: «Може и тут шо есть». По осмотре в землянке плиты чиновник Арпа полагал, что на плите должна быть надпись к статуе, а потому и приказал двум своим рабочим... рыть землю сверху кургана около хаты, расстоянием от хаты на сажень и вытащить плиту из стены сзади, чтобы не завалить или не повредить... внутри хату; но прежде чем рабочие докопались до плиты, около ее, на пути разработки своей, нашли другую статую женской уже фигуры, а потом подрывшись и под самую плиту, увидели, что на ней нет никакой надписи; по приказанию Арпы, лично осматривавшего плиту, она оставлена по-прежнему в стене и уже впоследствии вынута им, Щербиною, при разломке своего жилья. Приступая к постройке на прежнем месте завалившегося сарая с намерением увеличить его, он, Щербина, от чиновника Арпы и ни от кого не спрашивал позволения, а приступил к работе, потому что сарай несколько лет стоял на том месте, которое было уже исследовано чиновниками Дюбрюксом, Ашиком и Бларамбергом и тем более, что в новой раскопке Щербина не имел надобности, а только имел намерение очистить обвалившуюся землю в яме кургана, при котором был сарай следующего вида (рис. 1)⁶.

Дал же знать о находке чиновнику Арпе, зная это правило потому, что сам он, Щербина, в прежнее время занимался раскопкою курганов у чиновника Ашика. Но прежде открытия статуй он, Щербина, о них ничего не знал и что находку их приписывает не чему иному, как только случаю, потому что, не завалился сарай, то находки не были бы, тем более, что курган прежде занятия его постройкою Щербины был почти весь раскапываем и оставлен по предположению, что в нем ничего нет. Место же, где найдены статуи, оставалось, вероятно, не разработанным, потому что, может, было засыпано тою землею, которую выбрасывали рабочие с двух соседних около статуй ям, из которых на одной выстроен был сарай, а на другой — хата. Положение статуй при открытии их было следующее: мужская лежала несколько боком, а женская — совершенно лицом вниз, а ногами обе статуи — к концам плиты, находящейся в стене... Статуи эти находились в земле глубиною более сажени, но из нее две трети была свежая насыпь...».

⁶ Указанного рисунка в архиве не обнаружено.

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ГОРГИППИЙСКАЯ МАНУМИССИЯ 67 г. Н. Э.

Осенью 1940 г. В. Д. Блаватский, находясь проездом в Анапе, списал текст греческой надписи, поступившей незадолго до того в Анапский краеведческий музей. Копия была сделана наспех и отнюдь не предназначалась для опубликования: списывавший хотел только известить эпиграфистов о существовании этого памятника и привлечь их внимание к надписи. Добавим, что условия чтения текста были весьма неблагоприятными, так как плита стояла в углу и была плохо освещена. Последнее обстоятельство могло повлечь значительные неточности в копии. Учитывая это, списывавший передавал маюскулами менее ясные знаки. Во время войны 1941—1945 гг. плита погибла вместе с другими экспонатами музея. Таким образом, список В. Д. Блаватского, начертанный карандашом на тетрадном листке, оказался единственным, насколько нам известно, свидетельством о погибшем памятнике. Между тем текст надписи представляет некоторый интерес для истории Боспора, что и побуждает попытаться опубликовать его.

Камень, о котором идет речь, представлял сравнительно небольшую (высотой примерно около 0,5 м) плиту из мрамора или, быть может, мраморовидного известняка. Общий вид плиты не оставлял сомнений в том, что камень с надписью дошел до нас целиком. К сожалению, лицевая поверхность плиты в некоторых местах, особенно в середине, была сильно повреждена.

Текст надписи следующий:

- Θεῶν ὑψίστων παν(τα)τοκράτορι
 εὐλογητῶν, βασιλεύοντος βασιλέ-
 ως Ρησκουπόριδος, φιλοκαίσαρος
 καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους
 5. δξϛ', μηνος Δαεισίου.., Νεοκλής
 Ἀθηνοδώ[ρου ἀφίημι ἐλευθέρ]ους ὑπὸ
 Δία, Γῆν, Ἡλίον μου τρο-
φῆς
 [συνεπι] -
 10. νεύσαντος δὲ καὶ Ἀθ(η)νοδώρο[υ] Ἀθ[η]να[ίου]
 τοῦ πατρὸς μου, ε[φ'] ὧι ὡσιν ἀνέ[π]αφοι καὶ ἀ-
 νεπηρέαστοι ἀπο παντός κληρονόμου
 μου· τρ[έ]πεσ[θ]αι τε αὐτοὺς [ὄπ]-
 ου ἂν βούλωνται διὰ τὸ κύριο[ν]
 15. κελευθ(εωθ)ῆναι ὑπ' ἐμοῦ.

Строка 2. В копии стоит ΕΥΔΟΓΗΤΩΙ; видимо, состояние поверхности камня заставило здесь читать Δ вместо Λ.

Строка 5. В копии стоит ΔΕΤ. Второй знак сохранился так, что был прочтен как Ε, однако стоять здесь могло только Ξ, так как Рескупорид I (II?), ко времени которого относится памятник, правил с 365 г. (как было раньше известно) по 388 г. боспорской эры. Цифры же других десятков лет, которые можно было бы ожидать в надписи времени Рескупорида I (II?), (370-е годы — с цифрой Ο', 380-е годы — с цифрой Π'), совершенно отличны по своему начертанию от сохранившихся элементов второго знака.

Строка 6. Восстановление лакуны весьма затруднительно. Можно предположить, что буквы . . . ΟΥΣ являются окончанием прилагательного (асс. pl.), определяющего состояние отпускаемых лиц, которых отдавали под защиту Зевса, Земли и Солнца, так же как в одной из двух боспорских манумиссий, где употреблена формула ὑπὸ Δία, Γῆν, Ἥλιον¹. В то же время, по-видимому, здесь должно было стоять слово ἀρίστη, нередко ставившееся сразу после имени отпускающего, например, в IOSPE, № 52, 401.

Строки 7—9. В лакуне между словами Ἥλιον и σοῦ в строке 7 могло уместиться от 8 до 10 букв, потому что в предыдущих строках стояло по 25—27 букв. Восстановление как этого повреждения, так и утраченных частей строк 8 и 9 почти невозможно. По-видимому, здесь были вырезаны имена отпускаемых, которых было не менее двух, как видно из последующей части надписи. Ниже мы изложим некоторые соображения о возможных чтениях, хотя все эти толкования имеют гадательный характер. Слово τροφής может быть ген. sing. от ἡ τροφή «дети»², по-видимому, употребленным здесь вместо обычного термина σὺντροφός, которым обозначались отношения между детьми хозяина дома и его вскормленниками-рабами (θρεπτοί). В таком случае Неокл мог отпустить на волю родных своей свертницы-рабыни, а в утраченных строках можно читать:

6. Ἀθηνοδώ[ρου ἀρίστη ἐλευθέρ]ους ὑπὸ

7. Δία, Γῆν, Ἥλιον [ἀδελφούς τῆς] μου τρο-

8. φῆς[τῆς δεῖνος τον δεῖνα

9. καὶ τὸν δεῖνα, συνεπ[ι]-

по аналогии с отпускной Эльпия, являвшегося каким-то родственником «вскормленницы» хозяев³. Можно было бы высказать еще одно предположение: τροφής — это ном.plur. от τροφεύς, ἑως — «кормилец», «воспитатель». т. е. раб, вырастивший молодого хозяина. Конечно, в боспорской речи I в. н. э. трудно ожидать употребления этой древней формулы именительного падежа множественного числа на -ῆς. Однако полностью отбрасывать это предположение нельзя, так как известно, что в I в. н. э. в боспорских городах были хорошо известны произведения Гомера, Геспода, Тиртея и других ранних авторов⁴.

¹ IOSPE, II, № 54.

² H. G. Liddel—R. Scott (Greek-English Lexicon, s. v.) указывают на Sophocles, Oed. Tyr, 1 («... Κτῆμον τοῦ πλαινεία τροφή, . .»), как пример значения τροφή — то, что выкармливается, т. е. молодое поколение, дети.

³ Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 66—68, V.

⁴ В. В. Шкорпил («Боспорские надписи, найденные в 1913 году». ИАК, вып. 54, 1914, стр. 71—75, № 5) произвел интересный анализ стихотворной эпитафии Стратоника, отметив, как широко пользовался боспорский поэт древними образцами. Его наблюдения показывают большое сходство литературных интересов пантикапейцев и ольвополитов, а вкусы последних нам известны по красочному рассказу Диона Хрисостома.

Поэтому можно предполагать, что у боспорян могли сохраниться некоторые формы склонения, свойственные аттическому диалекту V в. до н. э. Кроме того, в боспорских надписях сарматского времени встречаются случаи написания η вместо ϵ , как отметил уже В. В. Латышев⁵. Высказывая эти соображения, должно, однако отметить, что понимание $\tau\rho\omicron\phi\eta\varsigma$ как *nom. plur.* не согласуется с предлагаемой в строке 6 конструкцией [$\dots\acute{\alpha}\phi\acute{\iota}\eta\mu\iota\ \acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\varsigma$].

Возможно и более простое понимание: $\tau\rho\omicron\phi\acute{\eta}$ — «воспитание», что подсказывает иной вариант чтения строк 6—9:

6. Ἀθηνοδώ[ρου ἀφίημι ἐλευθέρους ὑπὸ
7. Δία, Γῆν, Ἡλίον [μετὰ τελευτὴν τῆς ἐ]μοῦ τρο-
8. φῆς[τοῦς ἐμοῦς συντρόφους τὸν
9. δεῖνα καὶ τὸν δεῖνα, συνεπι]-.

Упоминание одного только отца Неокла в качестве родственника соглашающегося на отпуск рабов, может служить некоторым доводом в пользу данного варианта чтения строк: молодой Неокл еще не имел имущества, выделенного от отцовского.

Строка 10. Конец строки сохранился плохо; читаемые в копии буквы ΛΘΧΑ мы склонны понимать как начало имени Ἀθήναϊος, уже встречающегося на Боспоре⁶.

Строка 13. В текстах боспорских манумиссий можно наблюдать, что резчики в последних строках располагали гораздо меньшее количество букв, чем в начальных или в срединных строках⁷. Такая же закономерность наблюдается и в публикуемой надписи.

Строка 15. В копии стоит ΚΕΛΕΥΘΕΩΘΗΝΑΙ. Видимо, здесь имела место какая-то неточность резчика, работавшего довольно небрежно (см. строку 1 — ΠΑΝΤΑΤΟΚΡΑΤΟΡΙ); вообще исполнение боспорских отпускных не отличалось особенной тщательностью. Указанную группу букв можно понять лишь как $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega\theta\eta\gamma\alpha\iota$, т. е. испорченное написание $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\theta\eta\gamma\alpha\iota$ — *inf. aor. I pass.* от $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\omega$. Употребление здесь инфинитивной формы непонятно. Судя по тексту, следует ожидать причастия, определяющего существительное τὸ κῆριον, так что конец фразы должен был бы иметь следующий вид: $\delta\iota\acute{\alpha}\ \tau\acute{o}\ \kappa\acute{\eta}\rho\iota\omicron\nu\ \kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\sigma\theta\acute{\epsilon}\nu\ \pi\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$.

Перевод. «Богу всевышнему, вседержителю, благословенному, в царствование царя Рескупорида, друга кесарей и друга римлян, благочестивого, года 364, месяца Дансия... Неокл Афинодоров [отпускаю свободными] под [защитою] Зевса, Земли и Солнца [таких-то]... с согласия Афинодора Афинеева, отцамоего, с тем, чтобы они были неприкосновенны и не терпели обиды ни от одного из моих наследников; обращаться же им, где они захотят, согласно решению, [установленному] мною».

Публикуемый памятник интересен прежде всего тем, что, как уже отметил В. Д. Блаватский⁸, он является одним из сравнительно немногочисленных источников, отражающих уменьшение роли рабского труда в экономике Боспора сарматского времени. Помимо дополнений к этому важнейшему вопросу социально-экономической истории, надпись Неокла бросает свет на доселе не известный весьма значительный факт политической жизни

⁵ IOSPE, II, № 94 и 115.

⁶ IOSPE, II, № 217, 219, 366.

⁷ См., например, отпускную Филодеспота. И. И. Новосадский. Неизданная надпись Темрюкского музея. ДАН. 1930, сер. В, № 12, стр. 224 и сл.

⁸ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 186 и сл.

Боспора во второй половине I в. н. э. На основании текста новой надписи следует передвинуть начальную дату правления Рескупорида I (II?) с 365 г., как полагали раньше⁹, на 364 г. боспорской эры (67 г. н. э.). Указанное сведение важно не только тем, что оно сокращает на один год остающийся до сих пор неизвестным промежуток между годами правления Котиса I (45—62 гг.) и Рескупорида I (II?) (67—92 гг.). Новый памятник впервые указывает, что Рескупорид пришел к власти еще при жизни Нерона¹⁰. Данный факт позволяет заключить, что как бы Нерон ни усиливал контроль над Боспором¹¹, тем не менее это государство и после 63 г. н. э. формально сохраняло самостоятельность. Таким образом, создается несколько иное представление о характере римско-боспорских отношений в последние годы правления Нерона, чем казалось раньше. Синхронность нероновской реформы в боспорском денежном хозяйстве (62 г.) с превращением Понтийского царства в римскую провинцию (63 г.) и последующий перерыв в боспорском чекане до 68 г. н. э. позволяли предполагать, что Нерон намеревался, — а может быть, даже и пытался, — перевести Боспор на положение римской провинции¹². Новая надпись заставляет отнестись более осторожно к указанным предположениям. Вместе с тем воцарение Рескупорида I (II?) еще при Нероне, означавшее сохранение преемственности власти боспорской династии¹³, подтверждает предположение И. Миннза¹⁴ о том, что Котис I правил и после 62 г. н. э. По всей вероятности, Нерону, несмотря на желание низвести Боспор, как и Понтийское царство, на положение провинции, пришлось отказаться от этого намерения.

Публикуемая надпись интересна и как еще один частный юридический документ сарматского Боспора. Он имеет много черт сходства с уже известными боспорскими манускриптами¹⁵, отличаясь от них главным образом композицией и, особенно, подчеркнутым выражением власти хозяина (см. строки 14—15... *δὲ τὸ κέρου κτλ*). Видно, такие частные «установления», ограничивавшие свободу действий отпускаемого, имели боль-

⁹ О правлении Рескупорида в 68 г. н. э. стало известно лишь после опубликования Х. Гилем золотого статера с монограммой Рескупорида и с датой 365 г. боспорской эры (Х. Х. Гиль. Новые приобретения моего собрания. (ЗРАО, V, стр. 355 и сл.).

¹⁰ Вместе с этим отпадает предположение, что Рескупориду I (II?) царство было дано Веспасианом (В. В. Л а т ы ш е в. Краткий очерк истории Боспорского царства. «ПОНТИКА». СПб., 1909, стр. 112). Постановка царем статуи этому императору, вероятно, была следствием установления каких-то особенно выгодных для Боспора отношений с Римом. Видимо, Рескупорид I (II?), официально подчеркивая римское главенство (IOSPE, II, № 355), в то же время усиливал свою самостоятельность, как показывает его монетный чекан (А. Н. З о г р а ф. Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 200, 201).

¹¹ См. В. В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 110, 111; А. Н. З о г р а ф. Ук. соч., стр. 198 и сл.

¹² Уже М. И. Ростовцев («Эллинизм и иранство на юге России», Пгр., 1918, стр. 157) высказал мысль, что Котис I мог остаться царем Боспора только в качестве простого агента Нерона. А. Н. Зограф (ук. соч., стр. 198 и 200) склонен разделять это предположение. Однако отмечаемая А. Н. Зографом малочисленность нероновских боспорских монет свидетельствует о кратковременности этого чекана, несколько ослабляя уверенность в данной гипотезе.

¹³ В этой связи важно подчеркнуть, что Рескупорид I (II?) наследовал своему отцу, Котису I (В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 37. 1910, стр. 72).

¹⁴ E. N. M i n n s. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 590.

¹⁵ Свод и анализ документов об отпущенниках на Боспоре см. В. Д. Б л а в а т с к и й. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, XX, стр. 31 и сл.

шую силу на Боспоре, причем иногда они записывались и в отпускную, как позволяет заключить плохо сохранившийся текст одной манумиссии¹⁶, близкий по времени к документу Неокла.

Упоминание о специальном «установлении» Неокла находит некоторые аналогии в боспорских документах, обуславливающих освобождение рядом обязательств¹⁷. Другие надписи говорят только об отпуске на волю¹⁸. Поскольку большая часть боспорских манумиссий с особыми условиями имеет целью заставить будущих вольноотпущенников работать на храм пантикапейских евреев¹⁹, постольку можно заключить, что на Боспоре не существовало подробно выработанного государственного юридического статута для отпускаемых²⁰.

На свободу отпущенника могли посягать лишь наследники отпускающего (на этот случай почти во всех боспорских манумиссиях имеются специальные защитные формулы) или сам свобододатель ограничивал отпускаемого своими условиями, определявшимися личными пожеланиями или религиозными обязанностями. Изложенная публично, посредством постановки надписи, воля отпускающего была вполне достаточным правовым основанием для безопасности боспорских вольноотпущенников.

Новый памятник является третьей манумиссией, начинающейся с посвящения «богу всевышнему» или «высочайшему»²¹ и третьим документом, в котором эллинская триада — Зевс, Земля и Солнце — должны охранять отпущенного²². Тем самым надпись эта доставляет новые данные для выяснения сложного синкретического характера культа «бога высочайшего» на Боспоре, о котором обстоятельно писала Т. Н. Книпович²³. Упоминание эллинских богов, эллинские имена отпускающих и отсутствие указания на синагогу иудеев заставляют отнести новый документ к числу безусловно эллинских манумиссий Боспора. Одновременное обращение Неокла к «богу высочайшему» и эллинским богам Зевсу, Земле и Солнцу подтверждает заключение прежних исследователей, что в I в. н. э. культ «бога высочайшего» у боспорян был тесно связан с культом Зевса и других эллинских божеств²⁴. Иными словами боспорский «бог высочайший» принадлежит эллинскому пантеону. Культ его должно

¹⁶ IOSPE, II, № 53.

¹⁷ IOSPE, II, 52—54, 365; ИАК, вып. 27, стр. 38, № 34; ИАК, вып. 37, стр. 74, № 8; ИАК, вып. 49, стр. 64, № 2; ИГАИМК, вып. 104, стр. 66, V.

¹⁸ IOSPE, II, 400; Н. И. Новосадский, Ук. соч., стр. 224 и сл.

¹⁹ Б. И. Надэль. ВДИ, 1948, № 1, стр. 203—206.

²⁰ Специальные правила или законы об отпуске на волю существовали во многих государствах. См. A. Calderini. La manomissione e la condizione dei liberti in Grecia, Milano, 1908, стр. 105—106; M. Segre. Tituli Calymnii. «Annuario della Scuola archeologica di Atene e delle Missioni italiane in Oriente», XXII—XXIII, n. s. VI—VII (1944—45), Bergamo, 1952, №№ 167, 169, 176, 181, 189, 190, 196 (Каличчи, I в. н. э.); R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 BC — 640 AD, Warszawa, 1955, стр. 96—97 (уже со II в. до н. э. египетские власти выдавали разрешение на совершение манумиссии). Вместе с тем, как показал Кальдерини (Calderini, ук. соч., стр. 270—296) уже с эллинистического времени при отсутствии общих правил в текст манумиссий вводили различные условия, продиктованные исключительно волей отпускающего.

²¹ По времени она стоит между уже известными посвящениями IOSPE, II, №№ 400 и 401.

²² IOSPE, II, №№ 54 и 400. К этому кругу нужно добавить отпускную Филодеспота, посвященную Зевсу и Гере (Новосадский. Ук. соч., стр. 224 и сл.).

²³ Т. Н. Книпович. Танаис, М.—Л. 1949, стр. 103 и сл.

²⁴ Интересным свидетельством этому служат отмеченные Т. Н. Книпович (Ук. соч., стр. 110) изображения атрибутов Зевса на некоторых надписях почитателей «бога высочайшего» в Танаисе во II—III вв. н. э.

поставить в один ряд с мистическими культами именных и безименных божеств, широко распространенных в эллинистическом мире²⁵.

Несомненно, что позднее во II—III вв. н. э. культ этот испытал какие-то воздействия иудейских и христианских сект и верований, однако первоначально это было эллинское божество²⁶.

²⁵ Возможно, что прав М. И. Ростовцев (АДЖ, стр. 428—434), указывая на значительную роль фракийско-малоазиатских верований в возникновении боспорского культа «бога высочайшего», усиленную родственными связями между боспорскими и фракийскими династиями и давним общением населения Северного и Западного Понта. В Западном Причерноморье культ «Великого бога» был весьма почитаем. Новым интересным свидетельством этому является посвящение храма «богу Великому», которое сделал в III в. до н. э. в Истрии прибывший туда фаносец Писистрат (D. M. Pirpidi. BCH, LXXXII, 1958, стр. 335—350).

²⁶ Надпись Неокла еще раз указывает на ошибочность мнения А. Кальдерини (ук. соч., стр. 418—420), считавшего боспорского «бога высочайшего» иудейским божеством и полагавшего, что упоминание рядом с ним эллинской триады следует считать лишь данью традиционным религиозным верованиям на Боспоре. Сказанное относится и к Б. И. Надэлю, категорически определившему «бога высочайшего» в надписи IOSPE, II, 400 как еврейского бога (ВДИ, 1958, № 1, стр. 144). Следует иметь в виду, что взаимодействие различных этнических групп населения Боспора приводило к взаимовлияниям не только в области ономастики (см. обстоятельную работу L. Zgusta. Die Personennamen..., стр. 321, § 740 и стр. 331, §§ 754, 756, 757, отметившего примеры заимствований имен боспорскими евреями и эллинами друг у друга), но должно было проявляться и в области религиозных верований, отнюдь не означая немедленной смены одних культов другими. Следует согласиться с Т. Н. Книпович, полагающей, что «заключать по имени, а тем более по эпитету о действительном тождестве развивающихся в разных местах культов совершенно невозможно» (ук. соч., стр. 111).

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ПАНТИКАПЕЯ в IV—III вв. до н. э.

Доступные нам сведения об истории границ Пантикапея довольно скудны и отрывочны; тем не менее не подлежит сомнению, что в IV в. до н. э. город разросся, а может быть, и весьма значительно¹.

С расширением площади Пантикапея, разумеется, должно было быть связано увеличение числа населения города. Об этом наглядно свидетельствует и некрополь² Пантикапея. По сравнению с небольшим некрополем VI—V вв. до н. э. некрополь раннеспартокидского времени растягивается на значительной территории, и вместе с тем возрастает число могил. Следует отметить также еще один факт, косвенно подтверждающий увеличение числа погребений в IV в. до н. э., а именно в это время значительно возрастает число надгробий по сравнению с предшествовавшим столетием. Нам известно лишь небольшое число надгробных надписей V в. до н. э.³ из Пантикапея. В следующем столетии они насчитываются десятками⁴. Разумеется, здесь не может быть и речи о каком-либо опре-

¹ В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. План города. МИА, № 19, 1951, стр. 20.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 187 и сл.; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 68 и сл.

³ IOSPE, II, № 97; В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г. ИАК, вып. 2, 1902, стр. 30 и сл., № 3; е го ж е. Эпиграфические новости из южной России (находки 1903—1905 гг.). ИАК, вып. 14, 1905, стр. 123 и сл., № 46; е го ж е. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. II, 1932, стр. 70 и сл.

⁴ IOSPE, II, № 68, 69, 94, 105, 116, 122, 130, 134, 140, 144, 146, 164, 179, 183, 185, 195, 202, 206, 207, 217, 221, 244, 247, 248, 255, 291, 296, 300, 302, 303, 154¹, 191¹, 238¹, 286¹, 66² (IOSPE, IV, № 66²); IV, № 199, 215, 227, 273, 275, 287, 294, 299, 325, 326, 328, 335, 343, 345, 353, 358, 361, 376, 385, 387, 388, 400, 401, 403, 228¹, 128²; В. В. Латышев. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 45, № 12; е го ж е. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 70 и сл., № 75; стр. 77 и сл., № 87; стр. 83, № 96; е го ж е. Эпиграфические новости из южной России (находки 1905 г.). ИАК, вып. 18, 1906, стр. 130 и сл., № 47; е го ж е. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.). ИАК, вып. 23, 1907, стр. 43, № 27; В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 45 и сл., № 3; стр. 49 и сл., № 8; е го ж е. Боспорские надписи, найденные в 1909 г. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 4 и сл., № 3; е го ж е. Боспорские надписи, найденные в 1914 г. ИАК, вып. 58, 1915, стр. 20, № 4; стр. 21 и сл., № 6; Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 71 и сл., VIII.

деленном сопоставлении между этими числами. Тот или иной обычай, связанный с погребальным делом, может получить в различные времена иногда большее, а иногда меньшее распространение. К тому же немалую роль играет уровень материального достатка, позволяющий ставить подобные памятники. Но и при всех этих оговорках контраст столь велик, что о нем нельзя умолчать, говоря о показателях роста города и населения Пантикапея в IV в. до н. э.

Столь значительное увеличение народонаселения Пантикапея в раннеспартокидское время не могло быть только результатом естественного прироста. О притоке жителей извне говорят указания письменных источников и данные археологии.

Остановимся сначала на памятниках лапидарной эпиграфики — многочисленных надгробных (и отчасти иных) надписях. Большая часть имен, которые мы читаем на этих надписях, — чисто греческие. Они могли принадлежать к потомкам милетских первооселенцев, основавших Пантикапей, и более поздним выходцам из эллинской метрополии на Боспор.

Имеется, однако, ряд надписей, заключающих четкие указания на иноземное происхождение упомянутых лиц. Перечислим их:

1. Известняковое надгробие феодосийца Филоксена, сына Стратонакта, найденное в 1896 г. около дороги из Керчи к Новому Карантину. Надпись: Φιλόξενος Στρατόνακτος Θεοδοσιεύς ⁵.

2. Надгробие из известняка херсонесита Калликрата, сына Евкрита, найденное в 1877 г. В. В. Латышев полагал, что Калликрат, был гражданином Херсонеса Таврического. Надпись: Καλλικράτης Εὐκρίτου(υ) Χερσονησίτης ⁶.

3. Известняковое надгробие херсонесита Кефала, сына Кефалиона, впервые опубликованное в 1875 г. ⁷ Надпись: Κέφαλος Κεφαλίωνος Χερσονησίτης ⁸. По мнению В. В. Латышева, Кефал, так же как и Калликрат, был гражданином Херсонеса Таврического.

4. Надгробие из известняка кромнита Крония, сына Посейдония ⁹, найденное в 1878 г. на горе Митридата. Кроний, скорее всего, мог происходить из Кромны в Пафлагонии ¹⁰. Надпись: Κρόνιος Ποσειδωνίου(υ) Κρωονίτης.

5. Происходящее из Керчи надгробие из известняка Дросаниса или Дрисаниса, сына Левкона, пафлагонца, сражавшегося в стране маитов. Надпись: Δρόσανις Παφλαγών Λεύκωνος. Δρόσανις Λεύκωνος μαχόμενος ἐν Μαίταις ¹¹.

6. Найденное в 1873 г. на горе Митридата надгробие ¹² из известняка Фиса, сына Атотея. Прямого указания на ἐθνηκὸν покойного в надписи нет; однако, по вескому мнению В. В. Латышева, подкрепленному им ссылкой на Афинейя, имена Фис и Атотей следует считать пафлагонскими ¹³. Надпись: [Θ]ῆς Ἀτώττω.

7. Найденная в Керчи в 1821 г. мраморная база ¹⁴ с посвящением

IOSPE, IV, № 400.

IOSPE, II, № 302.

⁷ ОАК за 1875 г., стр. 89, № 3.

⁸ IOSPE, II, № 303.

⁹ IOSPE, II, № 291.

¹⁰ Ср. L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, стр. 351, § 855.

¹¹ IOSPE, II, № 296; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 352, § 869.

¹² IOSPE, II, № 164.

¹³ Л. Згуста относит эти имена к числу малоазийских (L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 298 и сл., § 596; стр. 326, § 746).

¹⁴ IOSPE, II, № 21; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 351, § 861 b.

Тейсия, сына Делоптиха, за своего брата Фрасидема Афродите, относимая В. В. Латышевым к концу IV в. до н. э. Надпись: [Τ]εϊσίας Δηλοπτίχου Βουζάντιος [ὁ] πῆρ τοῦ ἀδελφοῦ Φρασιδήμου Ἀφροδίτη.

8. Купленное в Керчи в 1891 г. надгробие из известняка Афенаис, уроженки Хисса. Надпись: Ἀθηναίς Χίτη¹⁵.

9. Мраморная база с надписью, упоминающей Пифарета, сына Иолея, колофонянина. Надпись: Πυθάρητος Ἰόλεω Κολοφώνιος¹⁶.

10. Известняковая плита, найденная на горе Митридата, с надгробной надписью Меласа, сына Сима, сиракузянина. Надпись: Μελας Σίμο(υ) Συρακόσιος¹⁷.

11. Надгробие Никасо, жены Дамона¹⁸, найденное в 1900 г. на Глинице недалеко от Собачьего кургана. Надпись датирована В. В. Латышевым не позднее IV в. до н. э. Оба имени — дорийские. Надпись: Νικασῶ Δάμωνος γυνή.

12. Найденный в 1899 г. в степи между Царским курганом и металлургическим заводом надгробный камень Аккаса, сына Афафоя. Надпись: Ἀκκας Ἀφαφίω. Форма родительного падежа на ω в имени отца покойного — дорийская и свидетельствует, следовательно, о том, что он был пришельцем извне¹⁹. Однако достойно внимания, что имя сына Ἀκκας (вероятно, укороченная форма имени Ἀκκας), нужно думать, — ираноязычное по происхождению («известный», «весть»)²⁰.

13. В отличие от перечисленных 12 надгробных памятников, надежно датированных IV в. до н. э., с меньшей определенностью можно отнести к раннеспартокидскому времени надгробие из известняка, найденное в 1832 г. в кургане под Керчью, раскопанном Корейшей. Надпись на нем упоминает Аристократа с острова Кипра²¹: Ἀριστοκράτης Κύπριος.

Помимо перемещения населения в Пантикапей из более или менее отдаленных центров, несомненно, имели место и переселения жителей ближайших городов Боспора. Об этом говорит найденное на северном склоне Митридата горы надгробие²² Феопомпа, сына Айантида, кепита, т. е. гражданина Кеп. Надпись: Θεόπομπος Αἰαντίδω Κηπίτης. Надпись датирована В. В. Латышевым первой половиной IV в. до н. э.

Таким образом, среди населения²³ Пантикапея мы находим уроженцев не только сравнительно близких городов — Феодосии и Херсонеса Таврического, но и пафлагонцев, обитателей более отдаленного южного побережья Черного моря; встречаются жители малоазийской Ионии (Хиос, Колофон) и даже далеких Сиракуз и Кипра.

¹⁵ IOSPE, IV, № 403; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 352, § 868.

¹⁶ IOSPE, IV, № 401; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 351, § 862.

¹⁷ IOSPE, II, № 300; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 352, § 867.

¹⁸ IOSPE, IV, № 385.

¹⁹ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1900 г., стр. 69, № 1.

²⁰ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 63, § 46.

²¹ IOSPE, II, № 292; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 351, § 863.

²² В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.), стр. 42 и сл., № 26.

²³ Надписи, обнаруженные в окрестностях Керчи, показывают, что приток населения из заморских городов в IV в. до н. э. не ограничивался Пантикапеем. Так, в малых боспорских городах известны находки надгробий уроженцев Гераклеи (IOSPE, II, № 288 и 399; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 350 и сл., § 853). Возможно, при бывшей извне на Боспор была флейтистка Пасафиликата (?), надгробие которой было найдено в 1906 г. около Мирмикии [В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России (находки 1906 г.), стр. 44, № 29]. Необычайность имени, более похожего на прозвище, побуждает предполагать, что эта мирмикиянка была вольноотпущенницей. В нашем каталоге рабов и вольноотпущенных (СА, XX, стр. 49 и сл.) мы, к сожалению, упустили это имя.

Уже упомянутое нами надгробие Дросаниса, сына Левкона, пафлагонца, подводит нас к вопросу о наемниках, появившихся в то время на Боспоре и, можно думать, частично стоявших в Пантикапее. Об этом позволяет заключить обломок мраморной плиты с надписью ²⁴, найденный в 1829 г. в Керчи (в Турецкой крепости). Надпись эта гласит:

Ἐδοξεν τοῖς Ἀρκάσιον Λευκωνα

[τὸν Σατύ]ρο(υ) Παντικαπαῖταν

Это—постановление от лица аркадян, видимо, наемников Левкона, представлявших собой, возможно, крупный военный отряд. Напомним о той роли, которую играли аркадяне в войске Кира Младшего ²⁵.

Афинский декрет 346 г. до н. э. в честь Спартока, Перисада и Аполлония, сыновей Левкона I, заключающий разрешение боспорским правителям вербовать в Афинах матросов, побуждает сделать вывод, что в Пантикапее в рассматриваемое время должно было обретаться немало афинян ²⁶. Несомненно, что столица Боспора была одной из самых больших стоянок флота. Должно вместе с тем отметить, что данный декрет свидетельствует о подтверждении с обеих сторон — боспорской и афинской — тех договорных отношений, которые имели место раньше между этими государствами, т. е. во времена правления Левкона I. В силу этого вполне вероятно предположение, что и раньше, т. е. еще при Левконе I, афинские матросы привлекались на боспорскую службу.

Наконец, по свидетельству Диодора Сицилийского ²⁷, во время междоусобной войны сыновей Перисада I в войске Сатира было не более 2000 эллинов-наемников (μισθοφόροι: Ἑλλήνηες) и столько же фракийцев (Θράκηες). Наличие такого числа наемников, хотя бы только временами и лишь частично стоявших в Пантикапее, также накладывало печать на состав населения боспорской столицы.

Помимо иностранцев, переселявшихся в Пантикапей надолго или даже на постоянное жительство, немало чужеземцев прибывало в боспорскую столицу на не столь продолжительное время, по большей части по торговым делам. Об этом свидетельствуют декреты боспорских правителей, к сожалению, дошедшие до нас в поврежденном состоянии.

Первый декрет ²⁸ от имени Перисада и его сыновей был издан в честь некоего пирейца, имя которого утрачено, а сохранилось только отчество — сын Дионисия; в декрете говорится о предоставлении проксении и беспешности, а также гарантируется вход и выход из гавани без какого-либо ущерба в военное и мирное время.

Второй декрет ²⁹, вероятно, тоже был опубликован от имени Перисада I и его сыновей. Однако должно отметить, что сохранность первой строки очень плохая: Παριτάδες καὶ παῖδες, поэтому отнесение надписи к Перисаду I, хотя и очень вероятно, но все же является предположением. Имена лиц, которым посвящен данный декрет, не сохранились, но ἐθνικόν может быть восстановлен: Χαλκ[ηδονίος, т. е. халкедонянин ³⁰.

Диодор Сицилийский ³¹, описывая деятельность Евмела, сообщает,

²⁴ IOSPE, II, № 4.

²⁵ Xenoph., Anab., I, 2, 1—4.

²⁶ О пребывании афинянина на Боспоре в конце V в. до н. э. см. Lus., XVI, 4.

²⁷ Dioid., XX, 22.

²⁸ IOSPE, II, № 1; L. Zgusta. Ук. соч., стр. 351, № 861 а.

²⁹ IOSPE, II, № 2.

³⁰ См. еще IOSPE, II, № 3. Обломок надписи IV в. до н. э., представляющий декрет о даровании проксении лицу или лицам, имена которых не сохранились. См. В. В. Латышев. Боспорские надписи, найденные в 1907 г., стр. 53 и сл., № 13.

³¹ Dioid., XX, 25.

что он постоянно оказывал услуги византийцам, синопцам и большинству других эллинов, обитавших по берегам Понта.

Следующее затем свидетельство Диодора о предоставлении клеров на Боспоре тысяче каллатийцев, конечно, не имеет прямого отношения к населению Пантикапея, но подчеркивает особенность политики Евмела и, вероятно, других Спартокидов в IV в. до н. э.: способствовать иммиграции эллинов метрополии и припонтйских городов на Боспор.

Из археологических источников прежде всего упомянем 2 арибаллических лекифа³² с краснофигурными и рельефными изображениями; один найден при раскопках 1837 г. кургана в Керченском городском саду, другой — в Змеином кургане. Оба сосуда имеют надписи гончара, их исполнившего: ΞΕΝΟΦΑΝΤΟΣ ΕΠΟΙΗΣΕΝ ΑΘΗΝΑΙΟΣ, т. е. Ксенофант, афинянин, выполнил. Обозначение ἐθνηκόν совершенно необычно для надписей афинских вазописцев и гончаров, дошедших в большом числе; поэтому нужно полагать, что указание на афинское происхождение Ксенофанта было вызвано особыми обстоятельствами. Подчеркивать свою принадлежность к афинянам Ксенофант скорее всего мог вне Афин, переселившись на жительство в иное место, скорее всего, — в Пантикапей. При таких обстоятельствах можно предполагать, что в IV в. до н. э. из Афин в Пантикапей переселялись не только матросы, но также и ремесленники.

Значительно сложнее исследовать некрополь Пантикапея, данные инвентаря и погребальных обрядов, которые могут пролить свет на этнический состав погребенных. Общий характер грунтового некрополя Пантикапея IV в. до н. э. — греческий³³; сильно выраженные эллинские черты, или хотя бы черты эллинизации, носят относящиеся к тому же времени курганные некрополи³⁴ на хребте Юз-Обы и в степи под Керчью. Однако все же в самых богатых курганных погребениях Пантикапея можно подметить некоторые особенности, имеющие известное значение и для вопроса об этническом составе населения боспорской столицы. В работе о происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями³⁵ мы отмечали, что строительная техника и архитектурное решение их — греческие, а тип этого погребального сооружения, несомненно, восходит к могильным сооружениям местных обитателей Причерноморья, в частности Прикубанья. Это, вероятно, вызвано тем обстоятельством, что подобные склепы служили усыпальницами для покойников сильно эллинизованной синдо-меотской знати, поселившейся в Пантикапее. Восприняв эллинскую культуру, она сохраняла отдельные обычаи и традиционные формы в заупокойном культе, что сказалось в некоторых особенностях погребальных сооружений, хотя последние и выполнялись в эллинской строительной технике и во многом приобрели античный облик³⁶. Сказанное приводит к выводу о наличии в Пантикапее синдо-меотской знати, вероятно, связанной с правящей династией Спартокидов.

Как уже и раньше отмечалось в специальной литературе, отдельные курганные захоронения пантикапейского некрополя позволяют предполагать, что в них были погребены покойники скифского происхождения. Таково

³² А. А. Передольская. Вазы Ксенофанта. ТОАМГЭ, I, Л., 1945, стр. 47 и сл.

³³ Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 72.

³⁴ М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 191 и сл.

³⁵ В. Д. Блаватский. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями. СА, XXIV, 1955, стр. 39 и сл., стр. 46 и сл., стр. 49 и сл.

³⁶ Мнения об известных взаимосвязях курганных погребений Азиатского Боспора с курганными некрополями боспорских городов высказывались и раньше, но вопрос этот ставился в несколько ином разрезе (М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 393).

прежде всего знаменитое погребение Куль-Обы. Мы уже высказывали предположение, что в этом кургане погребен один из скифских царей, возможно, эмигрировавший из Скифии в Пантикапей после объединения скифов под власть Атея.

Иной, более эллинизированный характер имеет погребение, обнаруженное в кургане на земле мирзы Кекуватского³⁷. Погребенный там покойник, очевидно, был представителем тесно связанной с Пантикапеем скифской знати, возможно, находившейся в родстве с высшими слоями боспорского общества.

С этими местными чертами некоторых погребений пантикапейского некрополя могут быть сопоставлены пантикапейские надгробные надписи IV в. до н. э., заключающие имена, вероятно, выходцев из соседивших с Боспором племен. Таковы ираноязычные имена на 5 надгробных памятниках из Пантикапея:

1. Надгробная надпись, найденная в 1874 г. на северном склоне горы Митридата, следующего содержания: Φάτακος ἸΑλδιος. В. В. Латышев³⁸ датировал ее не позднее, чем IV в. до н. э. Л. Згуста³⁹ считает второе имя ираноязычным, сопоставляя его с осетинским женским именем Aldi.

2. Надгробие из известняка, найденное в 1865 г. на северной окраине Керчи, с надписью: Μαζις Χόλο(υ) В. В. Латышев⁴⁰ датировал ее не позднее, чем IV в. до н. э. Л. Згуста⁴¹ считает имя Μαζις ираноязычным, сопоставляя его с авестийским maz — «великий», «имеющий исключительное значение».

3. То же имя Μαζις⁴² упоминается как имя мужа покойной: Κλειώ Μάζωτος υἱὴ на надгробии из Керчи, датированном В. В. Латышевым⁴³ не позднее, чем IV в. до н. э.

4. Надпись⁴⁴ на приобретенном в 1896 г. надгробном памятнике из мягкого известняка упоминает: [Τ?]ιρόνης Γότο(υ) υἱός. Она была датирована В. В. Латышевым IV в. до н. э., отнесшим оба имени к числу «варварских». Л. Згуста⁴⁵ полагает, что Τιρόνης — ираноязычное имя, сопоставляя его с tira — наименованием иранского божества (сравнивая с именем Τιριδάτης)⁴⁶.

5. Надпись, найденная в Керчи на Глинице, датированная также В. В. Латышевым⁴⁷ IV в. до н. э., гласит следующее: Νεομήγιος ἸΑπαμιδάριος. Отчество покойного представляет сложное иранское имя. Первая часть этого составного слова — aspa («лошадь») входит в ряд собственных ираноязычных имен обитателей Причерноморья⁴⁸. Значительно сложнее объяснить, что означает вторая часть имени. Как отмечает Л. Згуста⁴⁹, она может происходить от miθwaga («парный»), miθga («Мифра»), miθr («друг»). В. В. Латышев отнес это имя к персидским;

³⁷ М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 192 и сл.

³⁸ IOSPE, II, № 206.

³⁹ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 64, § 47.

⁴⁰ IOSPE, II, № 244.

⁴¹ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 112, § 138.

⁴² IOSPE, II, № 238¹.

⁴³ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 112, § 138.

⁴⁴ IOSPE, IV, № 345.

⁴⁵ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 152 и сл., § 230.

⁴⁶ О втором имени см. L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 308, № 631.

⁴⁷ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 году, стр. 42 и сл., № 7.

⁴⁸ В. И. А б а е в. Скифский язык. Сб. «Осетинский язык и фольклор», М.—Л., 1949, стр. 157, 191.

⁴⁹ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 74, § 65.

может быть, мы имеем дело с именем представителя одного из ирано-язычных племен, обитавшего в Северном Причерноморье.

Менее ясен для нас вопрос о местопроисхождении носителей труднее поддающихся определению неэллинских имен, которые могут быть отнесены к иранским или фракийским, а равно и имен фракийских по характеру. Они могли принадлежать уроженцам и северного, и западного побережья Понта.

Упомянем надпись на небольшой мраморной колонке: Βαττάκας Μόρδο(υ) или, может быть, Σμόρδο(υ). Как указал опубликовавший эту надпись В. В. Латышев⁵⁰, оба варианта имени Μόρδος и Σμόρδος не только не встречались в боспорской эпитафике, но и вообще в греческой ономастике. Первое имя, упомянутое в надписи, также нельзя считать греческим. Надпись относится к первой половине IV в. до н. э.

Л. Згуста⁵¹ сопоставляет имя Βαττάκας с иранскими корнями, а также с фракийскими именами. Что же касается второго имени Μόρδος, то в нем названный исследователь⁵² видит иранский термин, означающий «смертный», «человек», «муж».

Другая надпись⁵³ была найдена в 1878 г. при раскопках некрополя на южном склоне горы Митридата. Надпись была высечена на надгробии из известняка; текст ее: Δροβόλους (?) Δάδαλο(υ). Она датирована В. В. Латышевым IV в. до н. э. Л. Згуста⁵⁴ относит имя Δροβόλους к числу фракийских, отметив наличие в нем суффикса-ους, связанного с иранским кругом и свидетельствующего о древности этого наименования.

Наконец, в 1867 г. в одной из могил на горе Митридата была обнаружена известняковая надгробная плита с надписью: Δάρων Δάλατος, датированной В. В. Латышевым⁵⁵ IV в. до н. э. Л. Згуста⁵⁶ определил имя отца покойного как фракийское.

Еще менее определенно положение с надписью на надгробной плите из известняка, обнаруженной в 1886 г. на южном склоне Пирамидального холма, являющегося частью горы Митридата. Содержание этой надписи следующее: [Σ]αρία (?) Μάν[ε]ω γυνή, Νᾱ (?) Μάνεω (θ)υγάτη[ρ]. Предполагаемое восстановление надписи принадлежит В. В. Латышеву⁵⁷, который датировал этот памятник временем не позднее IV в. до н. э. Л. Згуста⁵⁸ отметил, что если восстановление имени [Σ]αρία правильно, то его можно сопоставить с осетинским словом sāg («голова»). Однако, как отмечает Л. Згуста, это имя можно восстановить и по-другому: [Κ]αρία или [Π]αρία, воспринимая его как ἐθνικόν.

Наконец, отметим, что обнаруженное в 1907 г. в Керчи между Карантинной и I Аджимушкайской улицами надгробие⁵⁹ IV в. до н. э. с надписью: Φιλόχομος Κόλχο(υ) вряд ли может быть внесено в наш список. Как это справедливо отмечает Л. Згуста⁶⁰, личное имя Κόλχος, хотя первоначально и обозначало ἐθνικόν, но в дальнейшем его применяли без какого-либо этнического значения.

⁵⁰ В. В. Л а т ы ш е в. Неизданные боспорские надписи. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 95, III.

⁵¹ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 84, § 83.

⁵² L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 119, § 150.

⁵³ IOSPE, II, № 144.

⁵⁴ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 288 и сл., § 580.

⁵⁵ IOSPE, II, № 146.

⁵⁶ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 280, § 559.

⁵⁷ IOSPE, II, № 116.

⁵⁸ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 203, § 326а.

⁵⁹ В. В. Ш к о р п и л. Боспорские надписи, найденные в 1907 году, стр. 52, № 11.

⁶⁰ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 392, § 1055.

Таковы доступные нам источники, помогающие уяснить состав населения Пантикапея в IV в. до н. э. Они достаточно ясно показывают, насколько разнородным в этническом отношении было население боспорской столицы в то время и что пестрота состава его поддерживалась новыми волнами иноземцев, прибывавших в Пантикапей. Там в ту пору, вероятно, создались очень благоприятные экономические условия, вызвавшие эту тягу на Боспор, местные же правители способствовали наплыву иноземцев, в иных случаях сами приглашали их, как например, матросов или наемных солдат.

Из приведенного перечисления видно, что в Пантикапее, помимо потомков ионийских первооселенцев, проживали более или менее эллинизованные представители местных племен, входивших в состав Боспорского государства или соседивших с ним, — синдов, меотов, скифов. Жили там уроженцы ближайших городов Крыма — Феодосии и Херсонеса Таврического. Проникали, нужно думать, туда в немалом числе обитатели западного и южного берегов Понта. Таковы были фракийские и пафлагонские наемники. Тесные связи с Синопой, Гераклеей Понтийской, Византием и Халкедоном должны были способствовать посещению Пантикапея гражданами этих полисов. Далее, в боспорскую столицу переселялись уроженцы Аттики, матросы и ремесленники; туда же переселились обитатели других берегов Эгейского моря — Хиоса и Колофона. Наконец, в этот поток были втянуты и более отдаленные Сиракузы, а вероятно, также и Кипр.

Изменение состава населения Пантикапея, связанное с ростом города, отражало новую роль боспорской столицы, ставшей центром греко-синдомеотского государства. Это государство, значительно усилив и расширив свои экономические связи с метрополией, приобрело заметно больший вес, чем раньше, и привлекало теперь гораздо больше внимания.

Отмеченный нами значительный приток населения извне в Пантикапей, видимо, имел место уже со времени правления Левкона I. Таким образом, значительный наплыв переселенцев из метрополии наблюдался на Боспоре несколько ранее, чем в эллинистических городах Восточного Средиземноморья.

Переходя к Пантикапею III в. до н. э., мы должны прежде всего отметить значительный рост территории боспорской столицы и в это время ⁶¹.

Нужно думать, что, так же как и в IV в. до н. э., рост территории Пантикапея в III в. до н. э. был тесно связан с увеличением населения боспорской столицы не столько вследствие естественного прироста, сколько в результате переселения туда обитателей других мест. Об этом мы можем заключить по тем же данным, что и для IV в. до н. э. — по лапидарным надписям, правда, к сожалению, более малочисленным. Трудно сказать, чем было вызвано резкое падение числа надгробных надписей в III в. до н. э., которое уменьшилось по сравнению с IV в. почти в десять раз. Это могло быть обусловлено и изменением обычаев, но, скорее, было связано с экономическими причинами — обеднением части населения Пантикапея в результате усиления имущественного неравенства. Однако при совсем небольшом общем числе надгробных надписей особенно резко выступает этнический состав погребенных.

Перечислим эти надписи:

1. Известняковая плита, приобретенная в 1891 г., с надгробной надписью: Баттас, сын Полидокса, родом херсонесит — Βάττας Πολυδόξου

⁶¹ В. Д. Блаватский. Новые данные о строительстве Пантикапея. СА XVII, 1952, стр. 163.

Χερσονησίτης γένος⁶². Скорее всего нужно думать, что покойник происходил из Херсонеса Таврического.

2. Найденная в 1877 г. в Керчи, около тюрьмы, известняковая плита с надгробной надписью Дифила, сына Мнесифонта, одесита. Надпись: Δίφιλος Μνησιφώντος Ὀδησίτης⁶³.

3. Обнаруженная в 1914 г. на северном склоне горы Митридата, недалеко от Стасовского склепа, надгробная плита из известняка с именем Демофонта, сына Горгия, каллатийца. Надпись: Δημοφῶν Γοργίου Καλλατιανός⁶⁴. Эта находка, относящаяся к III в. до н. э., перекликается со свидетельством Диодора⁶⁵ о тысяче каллатийцев, принятых Евмелом в конце предшествовавшего столетия в качестве поселенцев на Боспор.

4. Надпись на плите из сероватого мрамора, найденной в 1901 г., «за садом А. ди Пасквале на площади т. н. Собачьего кургана». Там называется имя покойной Майи, жены Каллия. Надпись: Μαῖα Καλλία γυνή⁶⁶. Дорийская форма родительного падежа имени мужа покойницы в этой надписи заставляет думать о дорийском происхождении ее мужа. Был ли он каллатийцем, или пришельцем из другого места, — разумеется, установить нельзя.

5. Известняковая плита, найденная в 1874 г. на южном склоне горы Митридата, — надгробие Мирсины, гераклеотки. Надпись: Μυρσίνη Γηρακλειτίς⁶⁷.

6. Приобретенное в 1892 г. надгробие Олгасиса, сына Сагария. Надпись: Ὀλγαστος Σαγάριος. Как отмечает В. В. Латышев⁶⁸ оба имени — «Олгасис» и «Сагарий» — нужно считать пафлагонскими⁶⁹.

7. Надгробие из известняка, приобретенное в 1892 г., с надписью: Τίβης ὁ υἱὸς Νάνα Τίβειο(υ) γυνή, согласно определению В. В. Латышева⁷⁰, относится, скорее всего, к III в. до н. э. Имя Τίβειος — фригийского или пафлагонского⁷¹ происхождения.

К данному списку покойных можно добавить 2 надписи, поставленные еще здравствовавшими в то время иноземцами:

8. Мраморная база, найденная в Пантикапее еще до 1837 г., с почитательной надписью⁷² всем богам, под статуей царя Перисада, сына Спартока, которую поставили Гиппокл, Дорией и Гиппократ, сыновья Агесларха, родосцы: Ἰππ[ο]κλῆς καὶ Δωριεὺς καὶ Ἰππ[ο]κράτης Ἀγησιάρχου Ρόδιοι.

9. Мраморный алтарь, найденный в 1868 г. на горе Митридата с почитательной надписью Бафилла, сына Деркия, Гекате, владычице Спарты, относящийся, по мнению В. В. Латышева, ко времени не позднее III в. до н. э.⁷³ (имя — Βάθυλλος Δέρκιος). Как это отметил еще Л. Стефани, Бафилл, вероятно, был спартанцем по происхождению.

⁶² IOSPE, IV, № 402; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 408, § 1130.

⁶³ IOSPE, II, № 295; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 351, § 857.

⁶⁴ В. В. Ш к о р п и л. Боспорские надписи, найденные в 1914 г., стр. 23, № 8.

⁶⁵ D i o d., XX, 25.

⁶⁶ В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г., стр. 47 и сл., № 14.

⁶⁷ IOSPE, II, № 289. L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 350, § 853.

⁶⁸ IOSPE, IV, № 329.

⁶⁹ Л. Згуста отнес имя «Олгасис» к числу иранских (L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 123, § 162). Что же касается имени «Сагарий», то его названный исследователь склонен, вернее всего, считать малоазийским по происхождению (L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 323, § 741).

⁷⁰ IOSPE, IV, № 261.

⁷¹ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 152, § 228.

⁷² IOSPE, II, № 35; L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 352, § 866.

⁷³ IOSPE, II, № 23.

Этому, сравнительно небольшому числу умерших или временно проживавших в Пантикапее уроженцев других припонтийских или средиземноморских мест отвечает совсем небольшое число надгробий с именами коренных пантикапейцев⁷⁴.

Конечно, при общем незначительном числе как тех, так и других соотношение количества пантикапейских уроженцев и пришельцев из заморских мест может быть совершенно случайным, и на нем крайне рискованно строить какие-либо выводы. Однако самый факт не прекращавшейся тяги в Пантикапей в III в. до н. э. жителей других припонтийских мест — Херсонеса, Одесса, Гераклеи, Пафлагонии — и связей со Средиземноморьем (Родосом, Спартой) вряд ли может оспариваться, и можно думать, что именно такие переселенцы в значительной мере способствовали росту территории боспорской столицы.

К сожалению, менее ясен вопрос о притоке населения в Пантикапей из прилегавших к Боспору территорий, заселенных местными племенами. О том, что он был, можно заключить хотя бы по найденному в 1869 г. около Керчи известняковому надгробию Нумения Спарофота, которое было датировано В. В. Латышевым⁷⁵ не позднее III в. до н. э. Надпись: *Νομίουτος Σπαροφότου*. Согласно мнению Л. Згусты⁷⁶, имя «Спарофот» — иранское, происходящее от слова *spara* («щит»).

Таких четких данных, какие дает курганный некрополь со склепами IV в. до н. э., мы не имеем для следующего столетия. Происхождение получивших в то время широкое распространение погребальных камер, вырубленных в скале или выкопанных в глине, до сего времени остается неясным. Так или иначе, трудно допустить, чтобы этот приток, хорошо засвидетельствованный и для предшествующего, и для последующего времени, не имел места в III—II вв. до н. э.⁷⁷ Вместе с тем следует отметить значительную степень эллинизации этих местных элементов, пополнявших население Пантикапея.

Все сказанное приводит нас к выводу о большой пестроте населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э. в результате значительного постоянного притока извне — как из городов Причерноморья и Средиземноморья, так и с территорий, примыкавших к Боспору. Это придавало Пантикапею некоторые характерные черты эллинистического города, получившие весьма своеобразное преломление в столице греко-синдо-меотского государства.

⁷⁴ IOSPE, II, № 68, 286; IOSPE, IV, № 305, 357; В. В. Л а т ы ш е в. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 году, стр. 36 и сл., № 4; е г о ж е. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.), стр. 68 и сл., стр. 75, № 88.

⁷⁵ IOSPE, II, № 184.

⁷⁶ L. Z g u s t a. Ук. соч., стр. 148, § 220.

⁷⁷ Примечательно также наличие, — хотя в сравнительно небольшом количестве, — негреческих имен, отмеченное В. В. Латышевым в каталоге граждан Нимфея III в. до н. э. (IOSPE, IV, № 205).

М. Ф. БОЛТЕНКО

КАНКИТ ОЛЬВИЙСКОГО ДЕКРЕТА
В ЧЕСТЬ ПРОТОГЕНА

Декрет Совета и народа Ольвии в честь Протогена¹ представляет собой перечень заслуг этого ольвиополита. Столбец А начинается с указания на ссуду Протогеном своему городу четырехсот золотых для царя саев Сайтафарна в виде «даров» за «прохождение мимо» (*τὴ δῶρα τῆς παρόδου*). Когда Сайтафарн явился в Канкит (*εἰς Κῆκχουτον*), расположенный, как принято думать, на восточном берегу Южного Буга, он обратился к ольвийским властям с требованием «даров», согласно установившимся к тому времени отношениям между вождями саев² и городом Ольвией.

В конце того же столбца А (строка 85) говорится о новом появлении по другую сторону Буга (*εἰς τὸ πέραν*) того же Сайтафарна, *ἐπὶ θεραπείαν*. В. В. Латышев³ переводит *ἐπὶ θεραπείαν* — «за дарами»⁴, что не вполне точно; вернее сказать — «за получением [должного] почтения», которое выражалось в торжественном поднесении соответствующих ценных даров. Однако в данном случае эти дары не удовлетворили Сайтафарна, но, напротив, привели его в сильнейшее негодование. Эта неудачная финансово-дипломатическая операция ольвийских архонтов опять потребовала от Протогена взноса в пустую ольвийскую казну, на этот раз уже девятисот золотых.

Обычно считается, что в строках 11—12, сообщающих о прибытии Сайтафарна в Канкит, уточнено место прибытия вождя саев на бугское Левобережье. Полагают, что речь идет об одном пункте приблизительно там, где теперь находится с. Кисляковка. А во втором упоминании — *εἰς τὸ πέραν* — «на ту сторону» Южного Буга (Гипаниса) — видят глухое указание на все бугское Левобережье в самом широком смысле слова.

Мы не видим в *εἰς Κῆκχουτον* указания на какой-либо ближайший к Ольвии конкретный пункт, расположенный на противоположном Ольвии берегу Буга. Сигнализация о грозящей Ольвии опасности появления в непосредственном соседстве с городом нежеланного гостя должна была быть заблаговременной, так как от Сайтафарна надо было откупаться,

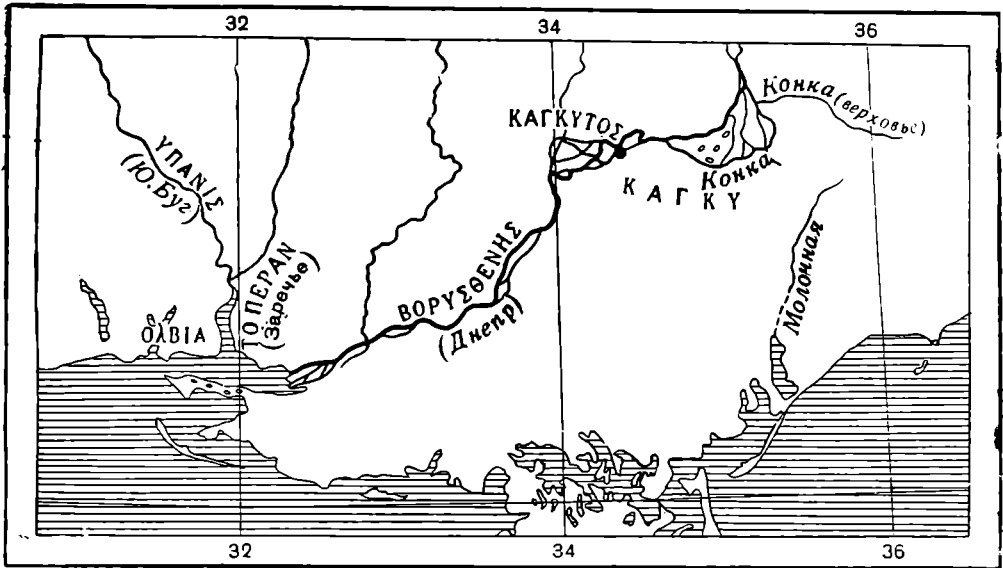
¹ IOSPE, I², № 32.

² Мы склонны вместе с М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым считать саев преемниками царских скифов.

³ IOSPE, I², № 32, стр. 55.

⁴ Такой же перевод см. Л. М. С л а в и н. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 92.

чтобы он, получив дары, прошел мимо. Между тем эти дары надо было еще предварительно подготовить, учитывая хроническое безденежье ольвийской казны. Сая Сайтафарна, очевидно, так же периодически прикочевывали к Ольвии, как в свое время царские скифы Ариапейта, Скила и Октамасада⁵.

Ольвия и Канкит.

Хотя крайние восточные пределы перекочевки скифов-саев времен Сайтафарна, откуда они направлялись по привычному, регулярному маршруту на приольвийский Запад, нам неизвестны, но, безусловно, они в то время до Дона уже не доходили, район же древнего Геродотова Герроса (Конка-Молочная)⁶ еще охватывали.

Скифские регулярные перекочевки в восточных районах не были тогда в непосредственном «поле зрения» Ольвии, которое начиналось, надо думать, только с местности нынешней Конки. В этом названии мы видим закономерное звуковое переживание древнего *Καγκιτων*. Появление саев Сайтафарна на Канките — Конке и в центре ее, нынешнем Каменском городище, исследованном раскопками Б. Н. Гракова 1937—1950 гг., видимо, было тем моментом, когда власти Ольвии были предупреждены о предстоящей царской прикочевке к Ольвии и неизбежно связанных с ней хлопотах.

Сигнал об очередной прикочевке саев в направлении Ольвии и необходимости готовить «дары» царю должен был, очевидно, даваться не тогда, когда сая Сайтафарна были уже в виду Ольвии, по ту сторону Буга, а из местности, откуда начинало ощущаться непосредственное воздействие Сайтафарна на Ольвию.

Хотя не исключена возможность существования особого скифского наименования ставки Сайтафарна по ее социальным функциям, на нее могло распространяться и географическое название той местности, центром которой она была, — нынешней Конки. Поэтому *εἰς Καγκιτων* декрета, мы думаем, обозначает ставку Сайтафарна в Нижнем Поднепровье при

⁵ Нег., IV, 78—80.

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днестре. МИА, № 36, 1954, стр. 170.

нынешней Конке, т. е. Каменское городище, а не Кисляковку или какой-нибудь другой пункт бугского левобережья близ Ольвии (см. рисунок).

Можно предположить, что в названии «Конка», — в его локально-географическом значении, относимом к долине нижнего Днепра, — имеет место легкая руссификация древнего *Kykto* декрета в честь Протогена.

Распространение названия «Конка» или «Конская» на степное верховье Конки в пределах нынешней Запорожской области УССР, в районе с совсем иными географическими условиями, — явление позднейшее, вторичное и учитываться здесь не может.

А. И. БОЛТУНОВА
 НАДПИСЬ ПОД СТАТУЕЙ
 ИЗ ГОРГИППИИ

Летом 1947 г. Н. В. Анфимов обнаружил в кладке фундамента недостроенной части нового здания гостиницы в г. Анапе белый мраморный блок с остатками древнегреческой надписи. Этот камень был извлечен из фундамента и передан на хранение в Анапский краеведческий музей. Высеченная на нем надпись до настоящего времени еще не издана (рис. 1). Камень является частью пьедестала статуи. На верхней его поверхности видны углубления, вероятно, служившие для установки статуи. Высота камня — 0,35 м, ширина — 0,27 м и толщина — 0,54 м. Правая и левая стороны надписи погибли при отеске камня для использования его в современной постройке. Лицевая сторона сохранившейся части камня с остатками надписи сильно побита. Сбиты, по-видимому, полностью две верхние строки, от третьей строки сохранилась лишь одна буква, от четвертой — две. Ниже пятой строки находится глубокий горизонтальный врез: по-видимому, делалась попытка перепилить камень в этом направлении. Сбиты также левая половина сохранившейся строки, расположенной ниже вреза, примерно треть предпоследней строки и не менее двух букв нижней строки. Высота букв в верхних строках — 0,03 м, в трех нижних строках — 0,025 м. Восстановить связный текст надписи по сохранившимся ее остаткам не представляется возможным. Поэтому мы вынуждены ограничиться дополнениями лишь немногих отдельных лакун и попыткой восстановить общий смысл надписи:

1.

	μ
	. . . ου
5. ἐπιμησα ἀνδριάν[τι	οινα . . .
	πρώτος ἐπὶ τῆς βασιλείας?
'Εν τῷ . . .	ἔτει καὶ μηνὶ Ἐανδικῶν . . .

Текст содержал, по-видимому, 8 строк. Судя по слову ἀνδριάν[τι, надпись относилась к разряду так называемых почетных и представляла подпись под статуей¹. Сохранившиеся остатки букв — Μ во второй строке

¹ ἀνδριάν[τι дополнено по аналогии с надписью (IOSPE, II, № 399), в которой слово ἀνδριάν[τι восстановлено В. В. Латышевым в дательном падеже в соответствии с конструкцией фразы в ольвийской надписи (IOSPE, I², № 200): ἀγάλματι ἀνέστῃσεν.

и ΟΥ в третьей строке — принадлежали, как видно, имени лица, которое почтили сооружением статуи. В третьей строке перед словом ἀνδρῶντι должен был стоять глагол ἐτίμησα, а после ἀνδρῶντι могло стоять τὸν

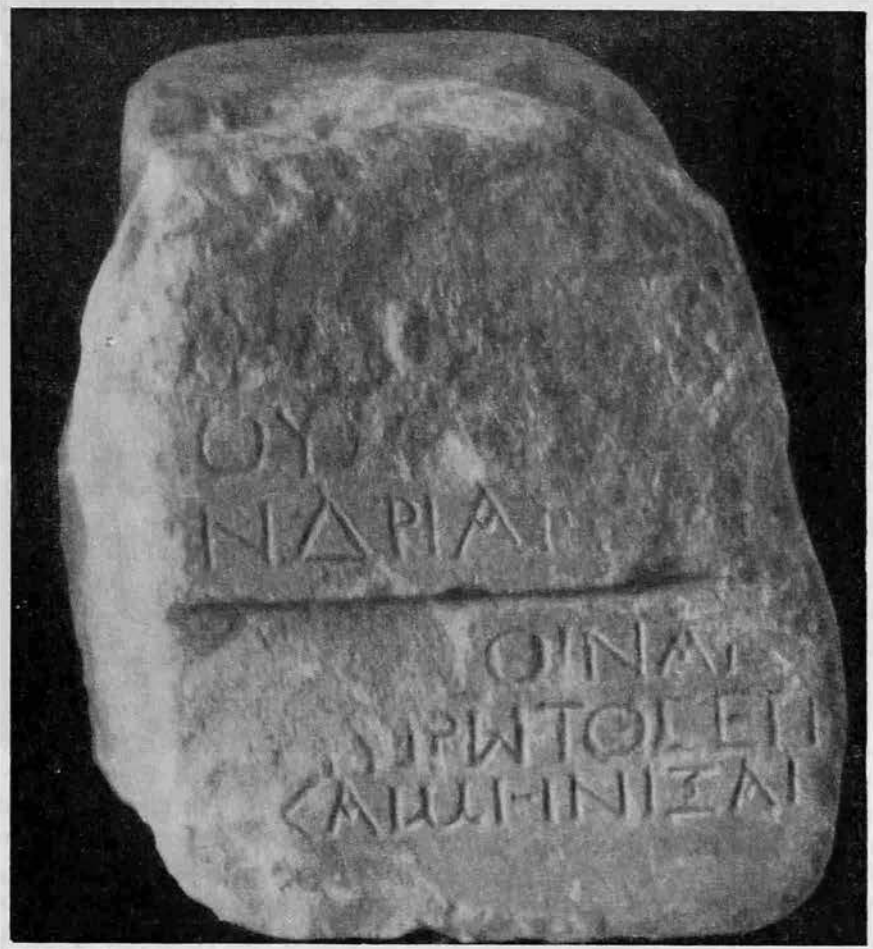

Рис. 1. Фрагмент надписи на pedestalе статуи из Горгиппии.

ἐαυτοῦ ζωτήρα καὶ δεσπότου или τὸν ἴδιον θεὸν καὶ εὐεργέτην². Далее, можно предполагать, следовали имя и отчество лица, воздвигшего статую, и, может быть, указание события, которое послужило для этого поводом. От всех этих слов сохранились лишь буквы ονα. Какому слову принадлежали эти буквы, — неясно. Восстановление κλοναί здесь невозможно потому, что сохранившиеся вверху и внизу строки остатки буквы перед ο не могли принадлежать букве κ, а скорее, — π. Я не вижу возможности предложить какое-либо восстановление утраченных здесь слов.

Остатки двух последних строк надписи дают некоторые основания для предположений относительно первоначальной длины строк. Ширина лицевой стороны камня внизу — 0,27 м; нижняя строка сохранила 10 букв; кроме того, слева две буквы ει от слова ἔτει сбиты. Следовательно, 12 букв размещены на 0,27 м. С левой стороны отпиленная часть

Ср., например, IOSPE, II, № 41 и 357.

камня содержала в этой строке 10 букв: ἐν τῶι...ἔτ. Для суждения о длине утраченной правой стороны строк следует принять во внимание длину не последней, а предпоследней строки, так как текст последней строки, в которой следует дополнить 7 букв — διχῶι., мог не доходить до края плиты. Для суждения о длине строк справа нужно исходить из дополнения предпоследней строки: πρῶτος ἐπ[ι τῆς βασιλείας. Если считать дополнение правильным, то отпиленная справа часть постамента содержала примерно 12—13 букв в строке. Следовательно, целая строка должна была содержать 30—33 буквы, для размещения которых длина камня должна была быть приблизительно 0,75 м.

Строка 7 содержала название должности того лица, от имени которого была воздвигнута статуя: πρῶτος ἐπ[ι. Названия многих высших должностных лиц на Боспоре, подобно должностным лицам других эллинистических государств, начинались с ὁ ἐπ[ι. На Боспоре это были начальники городов и областей: ὁ ἐπ[ι τῆς Γοργυπείας, ὁ ἐπ[ι τῆς Θεοδοσίας, ἐπ[ι τῆς νῆσου, ὁ ἐπ[ι τῶν Ἀσπουργιανῶν, а также лица, стоявшие во главе различных административных ведомств: ὁ ἐπ[ι τῶν ἱερῶν, ὁ ἐπ[ι τῶν λόγων, ὁ ἐπ[ι τῆς πινακίδος, ὁ ἐπ[ι τῆς αὐλῆς, ὁ ἐπ[ι τοῦ ἱππέδος.

Все они принадлежали к высшей боспорской знати, так называемым ἀριστοπολεῖται³, и, надо предполагать, имели подведомственный им аппарат. Однако из всех этих высших государственных должностей нам известна лишь одна документально засвидетельствованная должность, название которой начиналось со слова πρῶτος ἐπ[ι. Это πρῶτος ἐπ[ι τῆς βασιλείας в надписи так называемого фиаса навклеров из Горгиии⁴, что и явилось основанием дополнить утраченный конец строки 7 надписи: πρῶτος ἐπ[ι τῆς βασιλείας.

Если бы это дополнение оказалось правильным, то вряд ли можно было бы предположить, что столь высокое должностное лицо ставило статую кому-либо, занимавшему менее высокую должность, т. е. кому-либо из подданных царя. В таком случае следует думать, что речь идет о сооружении статуи царю Боспора как «благодетелю» или «спасителю» автора надписи.

Возникает вопрос о датировке надписи. Дата, начертанная на камне, не сохранилась. Поэтому единственным критерием для датировки является анализ особенностей шрифта надписи. Форма букв рассматриваемой нами надписи находит полную аналогию в почетной надписи из Горгиии⁵ (рис. 2).

Особенностью шрифта обеих надписей является сочетание в них квадратной σ и углового начертания ω с круглым ο, скорописным начертанием μ и характерным ломаным ξ. Квадратная форма σ и угловатая

³ IOSPE, II, № 29.

⁴ ИАК, вып. 37, 1910, стр. 38, № 2.

⁵ Издана впервые Ф. Бруном (ЗООИД, т. IX, 1875, стр. 422) в обычной транскрипции, переиздана И. В. Помяловским (Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881, стр. 35, № 57) маюскульным шрифтом с большими неточностями, затем в уточненном виде — В. В. Латышевым, также маюскулами (по фотографии И. В. Помяловского) — IOSPE, II, № 399. В 1928 г. она была вновь переиздана мной на основании сличения с камнем, но, к сожалению, также без приложения фотографии (А. И. А м и р а н а ш в и л и. Греческие надписи Музея Грузии. «Вестник Музея Грузии», IV, Тбилиси, 1928, стр. 197, 198); я ее датировала примерно III в. н. э. Недавно надпись была переиздана Т. С. Каухчишвили в сборнике «Греческие надписи Грузии» (Тбилиси, 1951, стр. 241, на грузинском языке), с очень неточной прорисовкой, совершенно искажающей подлинное начертание букв, и с неправильным дополнением — [μνγ]μῆς χάριν вместо [τε]μῆς χάριν, так как надпись эта не надгробная, а почетная, представляющая собой подпись под статуей.

ω появляются в надписях Танаиса с конца II в. н. э.⁶ Однако отмеченные формы μ и ξ заставляют относить надпись ко времени вряд ли ранее начала III в. Кроме того, шрифт горгиппийских надписей последней четверти II в. и начала III в., хорошо известный по многочисленным надписям Савромата II, отличается ярко выраженным своеобразием с несколько вычурным начертанием ω, ломаной σ с выступающими влево

Рис. 2. Фрагмент почетной надписи из Горгиппии.

концами горизонтальных линий, а главное, — всей его изящно выработанной лапидарной формой. Один из наиболее ярких примеров этого шрифта дает упомянутая надпись фиса навклеров из Горгиппии. Поэтому едва ли мы ошибемся, если отнесем данную надпись ко времени несколько более позднему, — к первой трети III в. н. э.

* * *

В связи с предложенным нами восстановлением конца строки 7 исследуемой надписи *πρωτος ἐπι τῆς βασιλείας* рассмотрим вопрос о том, чем ведало лицо, именовавшееся *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*. По мнению Августа Бека, это был чиновник, особо приближенный к царю, ему были доверены дела управления всем царством⁷ Следовательно, *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* должен был соответствовать примерно тому должностному лицу, которое при дворе Селевкидов называлось *ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων*. Л. Стефани предполагал, что *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας* управлял азиатскими владениями Боспора, исходя из того, что правители Боспора назывались царями этой части государства, между тем как Пантикапеем они правили в звании архонтов⁸. Не говоря о том, что документы, упоминающие *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, отно-

⁶ IOSPE, II, № 427 и 428.

⁷ Gesammelte Schriften, VI, стр. 464.

⁸ Ant. du Bosph. Cimn., II, 1854, стр. 219.

сятся к тому времени, когда правители Боспора уже не носили звания архонтов, необоснованность мнения Л. Стефани стала очевидной после находки надписи ⁹ времени царя Теира (275/276 — 278/279 гг. н. э.), в которой упомянут некий Μενέστρατος Γ[ο]τ[ε]μφλί[ου], совмещавший должность ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας с должностью ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας. Находки документов с упоминанием ὁ ἐπὶ τῆς νήσου и истолкование должности «наместника острова» как правителя Таманского полуострова окончательно опровергли точку зрения Л. Стефани ¹⁰. Упоминание лиц, «ранее бывших наместниками царства» (οἱ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας), дало В. В. Латышеву возможность впервые отметить, что должность эта не была пожизненной ¹¹, так же как и должность ὁ ἐπὶ τῆς νήσου, что видно и из недавно опубликованного фанагорийского надгробия ¹².

По вопросу о том, что входило в компетенцию ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας, т. е. что следует понимать под словом βασιλεία в номенклатуре должностных лиц, упоминаемых в эпиграфических памятниках Боспора, — в настоящее время среди специалистов существуют две точки зрения. Первая из них, высказанная еще В. В. Латышевым ¹³ и разделяемая В. Ф. Гайдукевичем ¹⁴, заключается в том, что эта «первая по рангу» из государственных должностей означала лишь наместника европейской части Боспора, т. е. «самой важной территории, где находилась царская резиденция, столица государства». Согласно второй точке зрения, высказанной С. А. Жебелевым, ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας означает не правителя европейской части Боспора, а правителя царской резиденции, т. е. Пантикапея ¹⁵. Эту мысль С. А. Жебелев высказывает в своей статье, посвященной анализу надписи фиаса навклеров, в связи с истолкованием упоминаемой там должности πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας, и по этому поводу добавляет: «Прибавка в надписи фиаса навклеров слова πρῶτος указывает, может быть, на то, что в Пантикапее как царской резиденции у градоначальника ее были помощники» ¹⁶.

Ранее писавший об этом В. В. Латышев отмечает, что это «магистрат», по всей вероятности, тождественный с упоминаемым в других документах ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας ¹⁷, т. е. считает его правителем европейской части царства.

Рассмотрим обе эти точки зрения. Обратим прежде всего внимание на то, что в танаисской надписи ¹⁸ упоминаются в числе эпонимов два лица: Юлий, сын Д...она, и Юлий, сын Родона, — οἱ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας. Следовательно, оба они занимали эту должность в прошлом. Из надписи неясно, занимали ли они ее последовательно, один за другим, или выполняли ее одновременно, т. е. принадлежали ли они оба одновременно к этой коллегии, которую по мнению С. А. Жебелева, возглавлял πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας. Если принять точку зрения С. А. Жебелева, то два бывших «помощника градоначальника Пантикапея» переселились после освобождения от своих полномочий в Танаис и играли затем какую-

⁹ IOSPE, II, № 29.

¹⁰ В. В. Л а т ы ш е в. «ПОНТИКА». СПб., 1909, стр. 125.

¹¹ Там же.

¹² Т. В. Б л а в а т с к а я. Надпись Агафа из Фанагории. ВДИ, 1948, № 4 стр. 77 и сл.

¹³ В. В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 125.

¹⁴ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 342. «Ср. Ан-тичные города Северного Причерноморья», М.— Л., 1955, стр. 141.

¹⁵ С. А. Ж е б е л е в. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 210.

¹⁶ Там же, стр. 211.

¹⁷ Невзданные горгиппийские надписи. ИАК, вып. 37, 1910, стр. 42.

¹⁸ IOSPE, II, № 423.

то видную роль в Танаисской общине. Если же встать на точку зрения В. В. Латышева и В. Ф. Гайдукевича, то окажется возможным предположить, во-первых, что европейской частью Боспора могли управлять одновременно два правителя, а во-вторых, что оба они затем переселились в Танаис.

Если вполне допустимо предполагать, что упоминаемый в пантикапейской надписи ¹⁹ ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας как правитель европейской части царства в силу каких-то особых обстоятельств вынужден был совместить и управление Феодосией с принадлежавшей ей территорией, то совсем странно выглядит упоминание должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας в танаисской надписи ²⁰, где лицо, проживавшее в Танаисе в качестве «царского» посланника (πρεσβευτῆς) ²¹, было одновременно и «наместником царской области» (перевод В. В. Латышева), т. е. европейской части царства, а тем более одним из помощников градоначальника Пантикапея. Еще более странным кажется упоминание «главноначальствующего города Пантикапея» или «главного начальника царской области» (подразумевая Керченский полуостров) πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας в горгиппийской надписи фиаса навклеров. Магистрат этот играл главную роль в объединении горгиппийских судовладельцев, так как исполнял там обязанности жреца. Это заставляет предполагать, что в то время, к которому относится надпись фиаса навклеров, он являлся постоянным жителем Горгиппии и, по всей вероятности, принадлежал к горгиппийской городской общине.

Все это говорит о том, что царские чиновники в должности ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας проживали в разных частях царства: в Пантикапее ²², Танаисе ²³ и Горгиппии ²⁴, причем в последней во времена Савромата II жил даже глава этой коллегии πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας. Это лицо, некий Афинодор, сын Селевка ²⁵, разделял руководство фиасом с наместником Горгиппии — Мойродором, сыном Неокла, исполнявшим обязанности синагога, и лицами, которые ведали сдававшимися на откуп податями (ἐγκυκλίων οἰκονόμοι). Та роль, которую играл в фиасе судовладельцев, т. е. экспортеров хлеба ²⁶, πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας, указывает на его материальную заинтересованность в торговле хлебом; в ней были заинтересованы также наместник Горгиппии, лица, ведавшие торговыми пошлинами, и городские стратеги, которые управляли снабжением городского населения продовольствием и надзирали за рынками ²⁷. Еще существеннее внимание

¹⁹ IOSPE, II, № 29.

²⁰ IOSPE, II, № 433.

²¹ Царского «легата» в Танаисе (πρεσβευτῆς τοῦ βασιλείως), занимавшего первое место среди должностных лиц Танаиса, как показала на основании Эпиграфических памятников Танаиса Т. Н. Книпович (Танаис. Л., 1949, стр. 93, 94), нельзя рассматривать как лицо, приезжавшее в Танаис время от времени для выполнения каких-то поручений царя Боспора. Скорее следует думать, что функции «царского посла», имя которого в надписях Танаиса стоит всегда на первом месте, были постоянными, и проживал он в Танаисе, пока его не сменяло на этом посту другое лицо по назначению царя.

²² IOSPE, II, № 29, 46, 187.

²³ IOSPE, II, № 433.

²⁴ ИАК, вып. 37, 1910, стр. 38, № 2.

²⁵ Отметим, кстати, что это чисто греческое имя в ономастике Боспора встречается особенно часто именно в надписях Горгиппии, отчасти — Танаиса и почти не встречается в других частях царства; это может быть подтверждением, что и данный его носитель был горгиппийцем.

²⁶ С. А. Жебелев весьма убедительно показал это, предложив дополнение [ἐξ]αγῶγιον вместо [εἰσαγῶγιον (ук. соч., стр. 207, 208), предложенного В. В. Латышевым, т. е. что царь, «почтил бога и фиас» правом беспошлинного вывоза тысячи артаб хлеба.

²⁷ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 211.

Савромата II к фиасу навклеров, из чего видно, что торговые интересы фиаса были дороги и царю. Это важно потому, что, как отметил С. А. Жебелев²⁸, «благосостояние Боспора и в императорскую эпоху, как и при Спартокидах, покоилось на его экспортной торговле, а последняя была тесно связана с навклерами».

Однако, чтобы объяснить заинтересованность Савромата II в деятельности горгиппийских судовладельцев, следует допустить, что поощрение их имело какую-то связь с материальными интересами самого царя. Объяснение этому может дать лишь предположение, что царские доходы могли состоять не из одних лишь торговых пошлин, но из непосредственных выгод от продажи судовладельцами хлеба, принадлежавшего лично царю. Он получал хлеб в виде урожая на землях царских имений или, — что для данной эпохи еще правильнее предположить, — в виде натуральной подати, взимаемой с издольщиков — пелатов, населявших, очевидно, те земли, которые и считались «царской областью» и доходы с которых шли в царскую казну.

В свете изложенного в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть предположение, что «начальники царской области», называвшиеся *οἱ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, управляли землями, доходы с которых составляли личную собственность царя. Такие земли могли быть расположены в разных частях Боспорского государства: в районе Горгиппии, на Керченском полуострове и даже, может быть, в районе Танаиса. При Савромате II основной их массив был, по-видимому, сосредоточен в районе Горгиппии. Вполне отдавая себе отчет, что данное предположение не может быть обосновано сколько-нибудь прочно при имеющихся скудных материалах источников, позволим себе надеяться, что находки новых эпиграфических документов на территории Боспора смогут в дальнейшем внести большую ясность в вопрос о земельной собственности на Боспоре и, в частности, о землях, принадлежавших царской династии.

В указанной связи нельзя считать случайным и то, что второй по счету документ, т. е. исследуемая надпись, в которой можно предложить восстановление названия должности *πρῶτος ἐπὶ τῆς βασιλείας*, происходит также из Горгиппии.

К какому времени относится учреждение на Боспоре должности *ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας*, — не вполне ясно. Наиболее раннее ее упоминание мы встречаем в пантикапейской надписи²⁹, относящейся ко времени Савромата I. Последнее из известных пока упоминаний — на фанагорийском надгробии 307 г. н. э.³⁰ Судя по тому, что должность «наместника острова» (*ὁ ἐπὶ τῆς νήσου*) известна уже из надписи в честь Аспурга³¹, можно предположить, что государственный аппарат на Боспоре, состоявший из наместников отдельных областей и начальников ведомств, сложился еще при Аспурге, но не исключена возможность более раннего его создания, как это предполагал В. В. Латышев.

²⁸ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 210.

²⁹ IOSPE, II, № 187.

³⁰ IOSPE, II, № 363.

³¹ IOSPE, II, № 36.

А. И. ВОЩНИНА

СТАТУЭТКА ДЕВОЧКИ ИЗ ОЛЬВИИ

Мраморная статуэтка девочки с птичкой — самый значительный памятник скульптуры, найденный за последние годы в Ольвии. Она хранится с 1946 г. в музее заповедника Ольвии. Статуэтка была случайно найдена в с. Парутино колхозником Г. И. Якушевым после окончания Великой Отечественной войны, в 2 км к северу от городища. Указанное место находится за пределами некрополя и вместе с тем там нет культурного слоя; таким образом, обстоятельства находки ничего не дают для истории памятника. Вопрос о датировке статуэтки, так же как и об истолковании ее назначения, приходится решать лишь на основании разбора ее стиля и сюжета.

Скульптура сильно повреждена: утрачены голова с шеей, ступни ног и база, кисть левой руки, обнимавшая птицу, головка и грудь птицы. Вся поверхность мрамора — в выбоинах и покрыта сероватым налетом; скульптурные формы несколько сглажены, камень обкатан. Видимо, статуэтка долго лежала заброшенной на поверхности до того, как была погребена под слоем земли.

Статуэтка изображает девочку лет пяти-шести в длинном ионийском хитончике без рукавов, поверх которого накинут плащ, окутывающий всю фигуру. Она стоит прямо, опираясь на одну ногу, слегка отставив назад и согнув в колене другую. Грациозным движением правой руки девочка придерживает на груди завернувшийся край плаща.левой рукой она прижимает к себе птицу.

Птичка изображена в живом движении: левой лапой она цепляется за плащ, а правую поднимает к груди ребенка. Судя по форме лап и хвоста,—это голубь (рис. 1).

Высота фрагмента — 0,48 см; скульптура в целом виде могла достигать 75 см. Она сделана из белого — с чуть сероватым оттенком — крупнозернистого мрамора. Статуэтка тщательно отделана спереди и с боков, суммарно и небрежно — с задней стороны.

Статуэтки, изображающие детей, держащих птиц или играющих с ними, широко распространены в античной скульптуре. Этот элемент жанра в греческом искусстве развивается еще в классический период. Он часто встречается в надгробной скульптуре и, особенно, на надгробных рельефах V — IV вв. до н. э. В период эллинизма, с расцветом жанрового сюжета, мотив ребенка, играющего с животными, становится излюбленным. Многочисленные мраморные и бронзовые статуи мальчиков и девочек, либо кормящих птицу, либо ласкающих или выпускающих ее, держа за крылышки, украшали сады и дворы богатых эллинистических и римских домов.

В этих картинках быта скульптор подчеркивал резвость детского характера, пухлое тельце здоровых детей, их полные щечки и наивную, беззаботную улыбку. Греческий скульптор Бозф из Калхедона, работавший во II в. до н. э., прославил себя как большой мастер в изображении детей, и имел, несомненно, много последователей.

Среди дошедших до нас изваяний детей эллинистического и римского времени ольвийская статуэтка не находит себе аналогий. Особая сдержанность в передаче жанрового мотива отличает эту скульптуру. При беглом взгляде на ольвийскую статуэтку (особенно в профиль) она представляется изображением женской фигуры, хотя пропорции тела и детские черты переданы очень правдиво: узкие и покатые плечи ребенка, округлый выступающий живот, пухлые руки. Но эти черты не подчеркнуты; жест, которым девочка обнимает птицу, — чисто детский, однако, весь облик ее лишен игривости детского характера; ее поза фронтальна и даже несколько торжественна, как в классических статуях. Эта скромная статуэтка, не рассчитанная на декоративный эффект, выделяется простотой облика. Она явно отличается от найденных в Ольвии и относящихся к первым векам нашей эры скульптурных изображений детей — статуи мальчика с кувшином (Государственный Эрмитаж)¹ и спящего Эрота (Одесский археологический музей)².

Новая ольвийская статуэтка — работа греческого мастера, воспитанного на памятниках классического искусства и полностью усвоившего его традиции. Постановка фигуры, характер одежды, жест, которым девочка придерживает край плаща, — имеют созвучные мотивы среди греческих статуй и надгробных рельефов, начиная с IV в. до н. э. По характеру постановки фигуры и расположению складок одежды эта статуэтка ближе всего примыкает к традиционному типу женских задрапированных в плащ фигур, созданных в мастерской Праксителя и получивших особенно широкое распространение в античном искусстве с конца IV в. до н. э.

К числу широко известных скульптур принадлежат статуя, обычно называемая «Большой Геркуланяной»³, и близкая ей статуя с о. Андроса, хранящаяся в Афинском Национальном музее⁴, с которыми, несмотря на различие темы, стилистически связана новая ольвийская статуэтка. Силуэт статуэтки, форма рук, закрытых плащом, линии складок плаща и хитона сближают ее с названными образцами греческой пластики IV в. до н. э. (рис. 2, 1). Некоторые детали описываемой нами статуэтки (например фигура голубя) по своей крайней простоте и строгости напоминают даже изображения V в. до н. э. Однако живость облика всей

¹ «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 306, рис. 18; O. Waldhaueг. Die antiken Skulpturen der Ermitage. Berlin, 1931, № 202, рис. 82; ОАК за 1905 г., стр. 15, 16.

² С. А. Жебелев. Памятники, хранящиеся в музее Одесского общества. ЗООИД, XXII, 1900, стр. 69, рис. 3.

³ Grunp - Вгускманп. Denkmäler der griechischen und römischen Skulptur, табл. 310. Относительно времени создания оригинала «Большой Геркуланянки» существуют разногласия среди исследователей. Некоторые считают ее работой самого Праксителя (Амелунг, Аридт), другие приписывают ее мастеру школы Праксителя и относят к концу IV в.— началу III в. до н. э. (Колянов, Вальдгауер). С. Рейнак относит ее к кругу Лизиппа.

⁴ M. Collignon. Les statues funéraires, 1911, стр. 155—173, рис. 97, 99—101; V Stais. Marbres et bronzes du Musée national d'Athènes. Athènes, 1907, № 219. Женская статуя была найдена в 1833 г. вместе с известной статуей Гермеса (№ 218) близ могилы, что не вызывает сомнений в определении этих статуй как надгробной скульптуры. Гермес (№ 218) принадлежит школе Праксителя, очевидно, так же как и женская статуя.

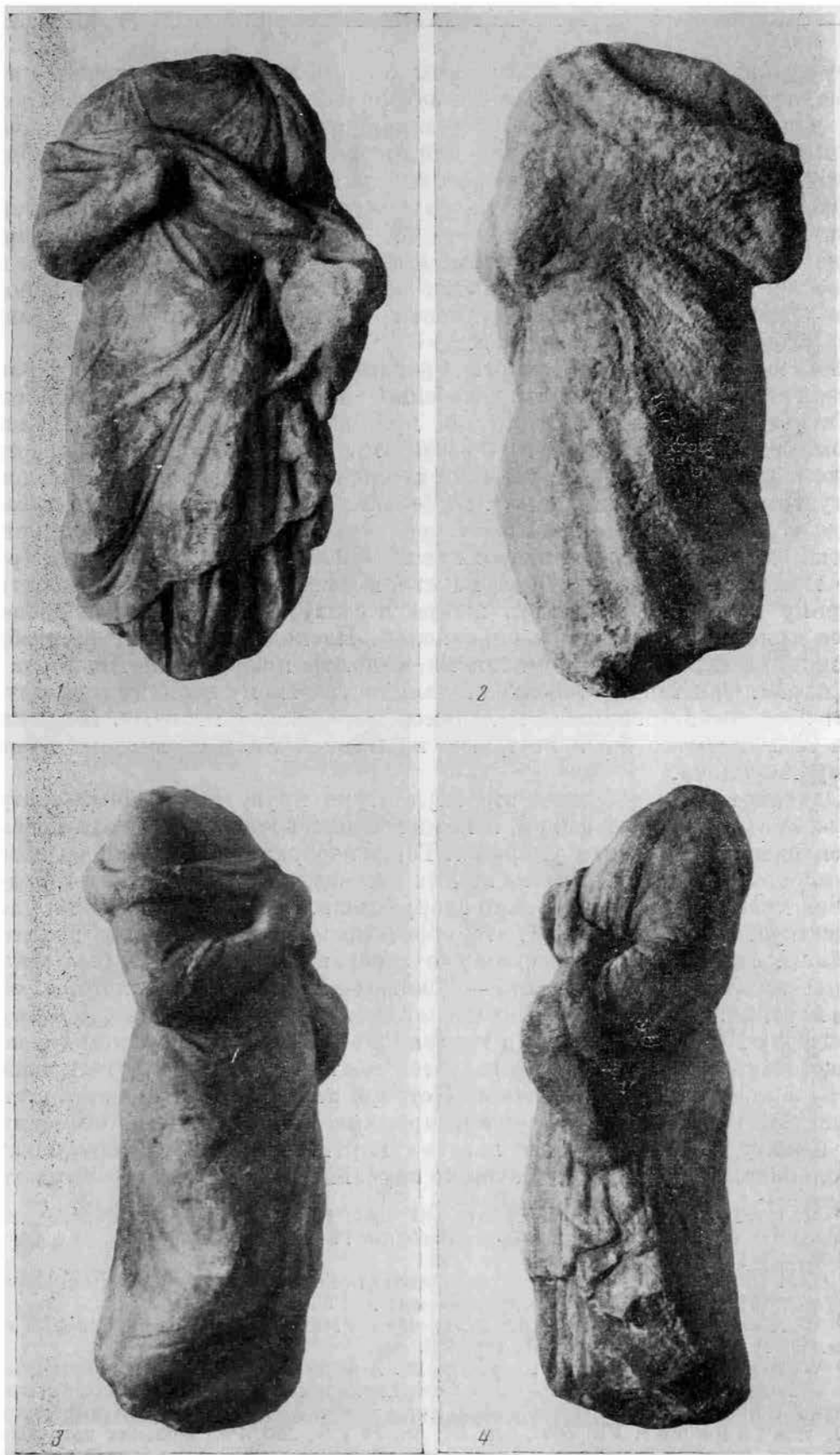

Рис. 1. Мраморная статуэтка девочки с птичкой, найденная в с. Парутино, близ Ольвии, в 1946 г.

фигуры в целом, свобода, с которой художник передает спадающий с плеч плащ, также как изображение его завернутого края, особенно характерное для эпохи эллинизма, — заставляют относить статуэтку к началу III в. до н. э. В пользу этой датировки говорит так же небрежная обработка спины, не свойственная греческой скульптуре раннего периода.

Рассматриваемая фигурка маленькой девочки необычна характером одежды: большая часть дошедших до нас статуэток девочек этого времени представлена в хитонах с рукавами и без плащей. Также не типичны для подобных скульптур III в. до н. э. некоторая строгость и величавость позы девочки. Это, видимо, исключает возможность считать данное изваяние декоративной скульптурой.

Во всех центрах античного Средиземноморья был распространен обычай посвящать в храмы, особенно богов врачевания — Асклепия и Гигиен, статуи детей. Это были приношения родителей, просивших богов о здравьи своих детей. Обычай этот имел наибольшее распространение в эллинистический и римский периоды. Отметим находки подобных статуэток в храмах Аполлона⁵. В Дельфах в святилище Аполлона была найдена статуэтка улыбающейся девочки, представленной в длинном хитоне; она стоит, придерживая левой рукой спустившийся плащ (рис. 2,2; музей в Дельфах⁶). Судя по стилю, фигурка может относиться к концу IV в. до н. э. Элемент жанра в статуэтке дельфийской девочки более ярко выражен, чем в ольвийской. Несколько скульптур, изображающих детей, играющих с птицами, открыты в святилище Аполлона на о. Кипре⁷. Они также относятся к эллинистическому периоду и представляют изображения сидящих мальчиков, играющих с птицами. Не исключена возможность, что и статуэтка из Ольвии была посвящена ольвийскому Аполлону.

Однако наиболее близка эта скульптура кругу надгробных статуй. Большинство женских фигур, о которых шла речь выше, — это идеализированные изображения умерших. Такие изображения далеко не всегда ставились на могилах. Многие из них помещались на площадях городов, вблизи храмов или в специально сооружавшихся героонах или эдикулах. Существует предположение⁸, что образ прекрасной женщины в хитоне и плаще, ставший каноническим для изображения умерших, был связан с образами хтонических божеств — Деметры и Кору, в царстве которых обитали мертвые. Иконография этих богинь чрезвычайно устойчива. Деметру и Персефону-Кору изображали в традиционной одежде — длинном хитоне и плаще; Персефона — божество растительности — держит в руке колосья.

Женские надгробные и votивные статуи нередко изображаются с этим атрибутом Персефоны⁹. Умершая, принимая облик богини, становится под защиту властительницы царства мертвых. Можно предположить, что ольвийская статуэтка девочки не случайно изображена именно в этой

⁵ M. Collignon. Ук. соч., стр. 193, 194; C. Hadaczek. Mädchenstatue mit Vogel im Vatican. Österreichische Jahreshefte, IV, 1901, стр. 210—211.

⁶ M. Collignon. Ук. соч., рис. 211.

⁷ C. J. L. Murgess. Handbook of the Cesnola Collection of antiquities from Cyprus. New-York, 1914, стр. 186, 187, воспроизведены под № 1205—1211.

⁸ W. Amelung. Die Basis des Praxiteles aus Mantinea, 1895, стр. 26, 28; об этом же см. E. Rohde. Psyche, 1907, стр. 226.

⁹ W. Amelung. Ук. соч., стр. 26—28. Автор считает «Большую Геркуланинку» и надгробную статую с о. Андроса изображениями Персефоны с колосьями в правой руке. Об изображениях Персефоны и Кору как надгробных и портретных статуях см. O. Waldhauer. Ук. соч., стр. 37, 38, № 179, 280. Ряд женских votивных и надгробных статуй и статуэток с надписями на пьедесталах, упоминающими имена Деметры или Кору, найдены на Родосе. Clara Rhodos, vol. V, 1931, Giulio Jaso. Monumenti di scultura di museo archeologico di Rhodi II.

Рис. 2.

1 — женская надгробная статуя с о. Андроса (мрамор); 2 — статуэтка девочки из храма Аполлона в Дельфах (мрамор, конец IV в. до н. э.); 3 — надгробный рельеф Филумены из Аттики (мрамор, IV в. до н. э.); 4 — надгробный рельеф Каллисии из Аттики (мрамор, IV в. до н. э.).

одежде и этой позе. В рассматриваемой статуэтке сохранены особенности детского возраста и вместе с тем в ней повторен тип женских заупокойных статуй, в своей основе восходящих к образу Коры.

Лицо ольвийской девочки носило, очевидно, черты идеализации, как на большинстве детских вотивных скульптур и надгробных рельефов, относящихся к этому периоду. Восстановить общий облик этой статуэтке можно по аналогии с надгробными мраморными рельефами из Аттики IV в. до н. э. На одном из них, с именем Филумены (рис. 2, 3; собрание Карапанос в Афинах)¹⁰, представлена девочка с птицей, которую она протягивает к стоящей цапле, на другом (рис. 2, 4) девочка, по имени Каллестия (Афинский Национальный музей)¹¹, держит утку.

Среди надписей из Ольвии, опубликованных В. В. Латышевым, особую группу составляют надписи на постаментах и базах от статуй¹². Из значительного количества статуй, украшавших древний город, большая часть носила официальный характер, т. е. была поставлена за государственные заслуги и другие гражданские доблести. Однако среди ольвийских скульптурных памятников некоторые были поставлены частными лицами, в честь их родственников, и, очевидно, представляли героизированные изображения умерших. На небольшом мраморном пьедестале от статуи имеется надпись III в. до н. э., сообщающая: «Аристомем, [сын] Дионисия, будучи гимназиархом, [посвятил статую] сына Дионисия Гермесу и Гераклу». Ниже сохранились отдельные слова стихотворного текста, говорящего о победах «молодого Дионисия» на играх¹³. Надпись II в. до н. э. на большом мраморном пьедестале сообщает нам имя стоявшей на нем фигуры и посвящение ее Артемиде: «Тимо, дочь Ипсикреонта, жена Епикрата. Епикрат, [сын] Никирата, посвятил жречествовавшую Артемиде»¹⁴. Пьедестал от другой статуи, поставленной, вероятно, тем же знатным гражданином Ольвии, гласит: «Евбиот, [сын] Аристана. Епикрат, сын Никирата, посвятил дядю, жречествовавшего, богам Самофракийским»¹⁵.

Таким образом, и рассматриваемая статуэтка могла быть «идеальным портретом» умершей дочери знатного ольвиополита, поставленным в городском храме или вблизи храма, а может быть, и в специальном надгробном сооружении. Отмеченные выше технические приемы обработки статуэтke со стороны спины указывают на то, что скульптура смотрелась лишь в фас и с боков и, следовательно, должна была стоять у стены.

Публикуемая нами находка — один из многих памятников греческой скульптуры раннего эллинизма, найденных в Ольвии; она еще раз свидетельствует о высоком уровне развития художественной культуры Ольвии в этот период.

Особенности трактовки формы ольвийской статуэтke дают основание предполагать ее связь с ионийской эллинистической пластикой. Отсутствие четкости скульптурных линий, особая мягкость переходов от света к тени в складках одежды и общая живописность стиля сближают ее с кругом скульптур из Приены, Магнезии на Меандре, Пергама, с островов Феры, Мелоса и, главным образом, Родоса. Оживленные сношения Ольвии с Родосом в период эллинизма подтверждаются археологическим материалом и эпиграфическими памятниками.

¹⁰ A. S o n z e. Die attischen Grabreliefs, В., 1913, № 811 (табл. CLV).

¹¹ Там же, № 878 (табл. CLXVII).

¹² IOSPE, I², № 186—200.

¹³ IOSPE, I², № 186.

¹⁴ IOSPE, I², № 190.

¹⁵ IOSPE, I², № 191; В. В. Л а т ы ш е в. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, 1904, стр. 8.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ
О БОСПОРСКИХ ЧЕРЕПИЧНЫХ ЭРГАСТЕРИЯХ

Клейма на боспорских кровельных черепицах представляют ценную группу эпиграфических документов, позволяющих осветить некоторые существенные вопросы материальной культуры и экономической истории Боспора V — II вв. до н. э. Двадцать два года назад нами был опубликован свод боспорских черепичных клейм, накопленных за более чем столетний период археологических исследований¹. Основное собрание этих клейм находилось тогда в Керченском музее, где было сосредоточено 570 полностью или фрагментарно сохранившихся клейм; часть их была представлена и на целых черепицах. Кроме того, 86 клейм хранилось в Государственном Эрмитаже.

Развернувшиеся с начала 30-х годов систематические раскопки боспорских городищ привели к значительному увеличению коллекции боспорских черепичных клейм. Так, раскопками в Мирмекии в 1934—1938 гг. и 1946—1950 гг. было обнаружено 99 клейм на боспорских черепицах. В Тиритаке за 1933—1940 гг. и 1946—1952 гг. найдены 33 таких клейма. При раскопках Порфмия в 1953 г. собрано 12 клейм. Очень много клейменных боспорских черепиц дали раскопки Пантикапейского городища, где лишь за пять сезонов полевых исследований (1945—1949 гг.) найдено 356 клейм. Раскопки в Фанагории в 1936—1940 гг. и 1947—1950 гг. дали 47 клейм². Но наиболее, пожалуй, примечательным является обилие находок боспорских черепичных клейм на территории сельской загородной усадьбы, раскопки которой ведутся Боспорской экспедицией с 1951 г. Здесь уже найдено 584 клейма, сохранившихся полностью или частично. Таким образом, даже неполный учет всех находок боспорских черепичных клейм показывает, что за последние два десятилетия количество известных и доступных для изучения клейм возросло почти в три раза по сравнению с наличием этого материала к началу 30-х годов.

В ряде публикаций, посвященных обзору керамических клейм из раскопок боспорских городищ, были отмечены некоторые, ранее не известные клейма на боспорских черепицах или новые варианты уже известных

¹ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 211 и сл.; одновременно была опубликована статья Б. Н. Гракова «Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее» — там же, стр. 202 и сл.

² О боспорских черепичных клеймах из Пантикапея и Фанагории см. Д. Б. Шелов в. К истории керамического производства на Боспоре. СА, XXI, 1954, стр. 120.

клейм³. В частности, нами было дополнительно опубликовано несколько клейм, в том числе два клейма, которыми прочно устанавливается существование производства кровельных черепиц в царских эргастериях Горгииппии⁴.

Ценный обзор боспорских черепичных клейм из раскопок Пантикапея и Фанагории недавно опубликовал Д. Б. Шелов⁵. Им отмечен ряд новых клейм, а главное, сделана интересная попытка выделить группу клейм, относящихся к фанагорийским черепичным эргастериям. Тем самым теперь выяснено существование во времена Спартоидов трех центров, в которых были эргастерии, занимавшиеся производством кровельных черепиц, снабжавшихся клеймами, — это Пантикапей, Фанагория и Горгииппия⁶.

В настоящей статье мы хотим издать серию новых боспорских черепичных клейм из числа добытых в последние годы при раскопках загородной сельской усадьбы, расположенной на полпути между Пантикапеем и Мирмекием.

Сельская усадьба, ныне в значительной части уже раскрытая, представляет собой в высокой степени интересный памятник культуры эллинистического Боспора. Раскопанные развалины усадьбы знакомят нас с устройством и жизнью рабовладельческого «имения», находившегося в окрестностях боспорской столицы. Обширный комплекс жилых и служебно-хозяйственных строений, образующих усадьбу, служил местом обитания владельцев «имения», а также их слуг и рабов, труд которых обеспечивал возможность ведения хозяйства. Основу последнего составляла эксплуатация примыкавших к усадьбе земельных угодий. На территории усадьбы в числе хозяйственных сооружений обнаружено несколько монументальных виноделен. Несомненно, главным элементом усадебного хозяйства были виноградарство и налаженное в крупных масштабах виноделие, что чрезвычайно показательное для развития сельского хозяйства Боспора в эллинистический период.

Усадьба существовала с III в. до середины I в. до н. э. На протяжении двух с половиной столетий она пережила свой рост, расцвет, а потом — упадок, завершившийся полным прекращением жизни. Первоначально усадьба, по-видимому, занимала сравнительно ограниченную территорию, но вскоре она была значительно расширена. В дальнейшем

³ Несколько новых боспорских черепичных клейм было отмечено в публикациях: Е. М. П р и д и к. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 193, № 200, 202, 203; Е. М. Ш т а е р м а н. Керамические клейма из раскопок Мирмекия — Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 383.

⁴ КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 22—27.

⁵ Д. Б. Ш е л о в. Ук. соч., стр. 119—130.

⁶ Не подлежит сомнению, что большая, — можно сказать, подавляющая, — часть клейменных боспорских черепиц эллинистического времени является продукцией Пантикапея, хотя вполне возможно, что самые «заводы» или некоторые из них располагались не в городе, а в его окрестностях. Как известно, боспорским черепицам IV—II вв. до н. э. присущи достаточно стойкие признаки, которые связаны и с характером глины (цвет, структура, примеси), и с конструкцией самих черепиц. Однако нельзя ожидать от такой керамической продукции, как кровельные черепицы, абсолютной однородности сырья, т. е. глины (в смысле структуры, состава примесей), а равным образом и технологии выработки, отражавшейся на цвете керамической массы. Последнее зависело от режима обжига, его продолжительности и т. д. Поэтому при наличии характерных признаков, свойственных основной массе черепиц (например пантикапейского производства), встречаются и довольно многочисленные отклонения от «стандарта». Поэтому никак нельзя согласиться с попыткой выделить по скрупулезно подмеченным внешним признакам глиняного теста «пантикапейскую группу», черепиц, относя к ней совершенно незначительное число клейм (см. И. Т. К р у г л и к о в а. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 28).

происходили перестройки, некоторые строения возводились заново, другие подвергались частичным переделкам или ремонтировались. Все это нашло отражение и в таком строительном материале, как кровельные черепицы. Очень большое разнообразие клейм на боспорских черепицах⁷, которые, как уже отмечалось, найдены на месте развалин усадьбы в громадном количестве, подтверждает разновременность закупок черепицы, производившихся по мере того, как в этом возникала необходимость в связи со строительными или ремонтными работами.

В целом комплекс кровельных черепиц усадьбы подтверждает большую продуктивность боспорского керамического производства, удовлетворявшего почти полностью местный спрос на кровельные черепицы в эллинистический период.

Если бы мы имели возможность в настоящее время дать настолько детализированную хронологию боспорских черепичных клейм, чтобы все они были распределены, скажем, по десятилетиям или даже хотя бы по четвертям каждого века, то обширная коллекция черепичных клейм усадьбы, вероятно, позволила бы нам довольно обстоятельно выяснить последовательный ход строительных работ, осуществлявшихся в разное время с III в. до I в. до н. э. Но такая хронологическая классификация еще не разработана. Однако и в пределах уже выясненных более общих, суммарных датировок показания черепичных клейм усадьбы весьма ценны. Они свидетельствуют, что основное строительство усадьбы протекало в первой половине III в. до н. э. Дело в том, что среди обилия разнообразных клейм выделяется одна группа клейм, которая на территории усадьбы преобладает, точнее, — подавляет своим количественным превосходством все остальные. Это клейма с именем Σατιρίωνος (рис. 1, I). Когда в 1935 г. издавался список боспорских черепичных клейм, в собрании Керченского музея насчитывалось всего два клейма Сатириона, причем оба были неполные. В Государственном Эрмитаже имелись три таких клейма. При раскопках усадьбы клейма Сатириона обнаружены в количестве около 300⁸.

Ясно, что самые крупные работы по застройке территории, занятой усадьбой, происходили в то время, когда действовал черепичный «завод» Сатириона, у которого и была закуплена наибольшая партия черепиц.

По характеру букв мы вправе отнести клейма Сатириона к первой половине III в. до н. э. Наиболее вероятно, что производство черепиц с этими клеймами относится ко времени Спартока III. Наряду с клеймами Сатириона и других частновладельческих эргастериев на усадьбе встречены и клейма царских «заводов». Наиболее многочисленна группа безымянных царских клейм βασιλική и βασιλικός, которые, по всей вероятности, должны датироваться временем царствования Перисада II. Таким образом, боспорские черепичные клейма служат веским свидетельством, что строительство усадьбы в основном проводилось в течение первой половины III в. до н. э. Этот вывод подкрепляют находки монет: наиболее ранние пантикапейские монеты, обнаруженные на усадьбе, относятся к первым десятилетиям III в. до н. э. Серия клейм архонта Гигиенонта показывает, что для строительных нужд усадьбы использовались новые партии черепиц в конце III в. до н. э. Есть черепицы с царскими именами Спартока и Перисада — II в. до н. э. Однако надо сказать, что клейм

—

⁷ Большинство черепиц, найденных на усадьбе, является продукцией боспорских черепичных эргастериев, главным образом, — пантикапейских. Лишь около 10% общего количества черепиц из раскопок усадьбы принадлежит привозным изделиям синопского производства, при этом клейменные синопские черепицы единичны.

⁸ В это число входят как целые клейма, так и фрагменты.

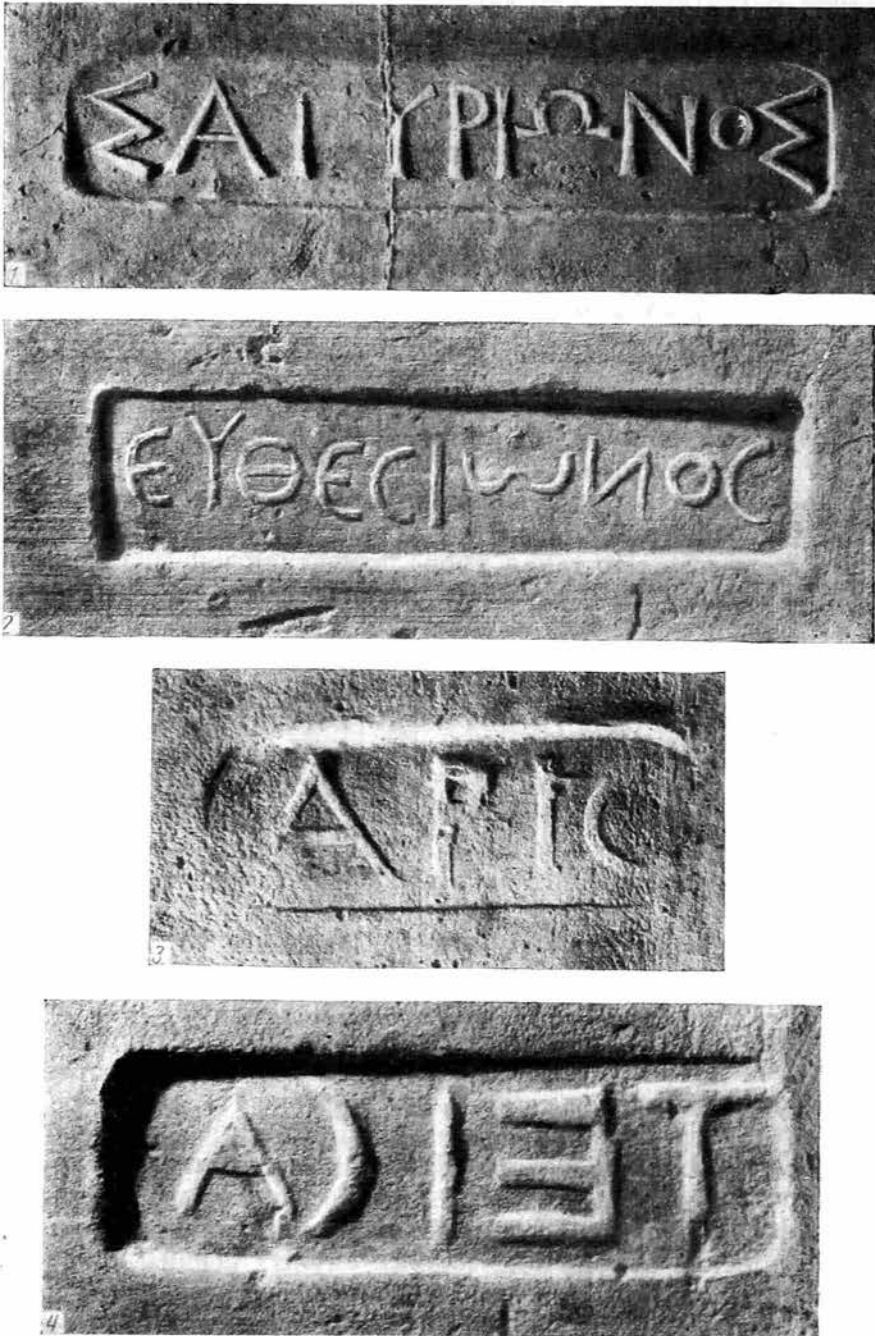

Рис. 1. Клейма на боспорских черепицах.

II в. в общем немного. Тем более заслуживает внимания находка самых поздних клейм с именем *Ευθεσίωνος* (рис. 1,2). Еще недавно не было известно ни одного клейма с этим именем. Впервые такое клеймо было обнаружено в 1949 г. в Мирмекии⁹. На усадьбе клейм Евфесиона найдено

⁹ Тогда же клеймо с именем Евфесиона было найдено и на пантикапейском городище; см. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 121.

несколько штук. Почти все они — на калиптерах, обычной граненой формы, лишь одно клеймо оттиснуто на керамиде. В числе букв клейм Евфесиона имеются лунарная ζ , лунарный ϵ , минускульная ω , а также Θ со сплошной поперечной чертой.

Известно, что боспорские черепичные клейма отличаются большой устойчивостью употребления букв лапидарных форм. Влияние рукописных форм на алфавит этих клейм в общем весьма незначительно. В этом отношении клейма Евфесиона — интересное исключение. Для выяснения их времени наиболее существенное значение имеет форма буквы Θ . Ознакомление с памятниками монументальной эпиграфики Северного Причерноморья показывает, что буква Θ со сплошной поперечной чертой стала применяться здесь довольно поздно. Среди памятников, поддающихся достаточно точной датировке и содержащих Θ интересующей нас формы, наиболее ранним является известная херсонесская надпись — декрет в честь Диофанта. Полагаем поэтому, что клейма Евфесиона надо отнести ко второй половине II в. до н. э. Вместе с тем мы обязаны внести поправку к сделанному ранее заключению, согласно которому клеймение черепиц на Боспоре якобы прекратилось, в первой половине II в. до н. э.¹⁰ Заметим, попутно, что имя Εὐφροσύνη принадлежит к числу редких — оно не засвидетельствовано ни разу ни в надписях Боспора, ни в надписях других городов Северного Причерноморья; его нет и в известном словаре греческих собственных имен Папе — Бензелера.

Коллекция боспорских черепичных клейм, найденных при раскопках усадьбы, а равным образом и обозрение всех имеющихся теперь в наличии такого рода клейм убеждает, что производство и выпуск на рынок кровельных черепиц во II в. до н. э. были гораздо менее значительными, чем в III в. до н. э. Клейм II в. до н. э. неизмеримо меньше, нежели клейм III в. до н. э. Очевидно, производство кровельных черепиц падало соответственно снижению спроса на них. Последнее же было связано с сокращением строительства в городах Боспора, что представлялось неизбежным следствием все более углублявшегося общего экономического и политического кризиса Боспорского государства, который принял особенно резко выраженный и быстро прогрессирующий характер во второй половине II в. до н. э.

Объяснить количественную ограниченность черепичных клейм II в. до н. э. прекращением традиции клеймения теперь уже нельзя. Клейма Евфесиона свидетельствуют, что сбычай клеймить черепицы продолжал существовать до второй половины II в. до н. э. включительно.

Ниже мы приведем в алфавитном порядке ряд новых боспорских черепичных клейм, найденных на территории усадьбы, которых нет в своде клейм, опубликованном в 1935 г.¹¹ Часть их представляет собой лишь варианты ранее известных клейм. В таких клеймах читаются те же имена владельцев черепичных эргастериев, но представлены они в большем или меньшем сокращении либо в несколько ином начертании. Такое явление легко объяснимо. При массовом производстве черепиц их клеймили в эргастерии нередко несколькими штемпелями, изготовляв-

¹⁰ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 266.

¹¹ Общий обзор всего материала по черепицам и черепичным клеймам из раскопок усадьбы мы предполагаем дать в монографической публикации итогов исследования усадьбы, по завершении ее раскопок. Заметим, что среди найденных на усадьбе черепиц боспорского производства есть экземпляры керамид, в конструктивных деталях которых допущены некоторые отклонения от обычного типа. Любопытно также, что, наряду с хорошо известной формой граненых калиптеров, встречены в довольно значительном количестве калиптеры полукруглой формы, несомненно, эллинистического времени и притом боспорского производства.

Рис. 2. Клейма на боспорских черепицах.

шимися к тому же в разное время и не одним резчиком. Отсюда неизбежно получалась «нестандартность» штемпелей. Имеются клейма и с ранее не известными именами владельцев эргастериев.

Наконец, в числе новых находок есть клейма, которые хотя и были известны раньше, но только теперь с должной уверенностью могут быть включены в разряд боспорских черепичных клейм и надлежащим образом осмыслены.

1. Клеймо (рис. 2, 1) с именем $\text{A}\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}[\lambda\omicron\upsilon]$ сохранилось не полностью, правая часть клейма отбита. В коллекции материалов из раскопок усадьбы имеется лишь один экземпляр такого клейма. По-видимому, впервые черепичное клеймо с именем Эсхила было обнаружено при раскопках на северном склоне горы Митридата, производившихся в 1924 г. Керченским музеем. В дневнике этих раскопок за 7 ноября было отмечено: «3-й штих, обилие черепицы, одна с клеймом $\text{A}\iota\sigma\chi\acute{\upsilon}\lambda\omicron\upsilon$; родосская ручка; чернолаковая керамика — матовая, с накладным узором»¹². Однако в начале 30-х годов этого клейма в музее обнаружить не удалось, и поэтому оно не могло быть включено в составлявшийся тогда список боспорских клейм на черепицах. Клеймо с именем Эсхила отмечено Д. Б. Шеловым в числе находок из новых раскопок на Пантикапейском городище¹³. Датировать клеймо надлежит III в. до н. э.

2. Клеймо (рис. 2, 2), содержащее три начальные буквы имени владельца эргастерия, написанные справа налево: ΥΛΑ . По-видимому, это вариант хорошо известных боспорских клейм $\text{Υ}\lambda\acute{\alpha}\mu(\omicron\upsilon)$ или $\text{Υ}\lambda\acute{\alpha}\mu(\acute{\alpha}\gamma\omicron\upsilon)$ ¹⁴.

3. Клеймо (рис. 2, 3) в виде монограммы, образованной из двух букв: А, П. Отличается от уже известных подобных клейм¹⁵ только тем, что в данном клейме монограмма обращена влево, а не вправо.

4. Клеймо (рис. 1, 3), состоящее из трех начальных букв имени АРΙ и знака сокращения. По всей вероятности, это клеймо принадлежит владельцу эргастерия — Аристагору, известному по клеймам¹⁶.

5. Клеймо (рис. 2, 4), оттиснутое не полностью, но поддающееся восстановлению, как это и показано на рисунке, является еще одним вариантом известных клейм $\text{Θ}\epsilon\upsilon(\delta\acute{\omega}\rho\omicron\upsilon)$ ¹⁷. Как и большая часть черепичных клейм, найденных на усадьбе, очевидно, относится к III в. до н. э.

6. Клеймо (рис. 2, 5) в виде монограммы, в которой соединены две буквы К и Р, причем первая дана в правильном положении, а вторая — в обратном, с поворотом полукругом влево. Вероятно, это вариант клейм Кратиппа, известных уже прежде в двух разновидностях¹⁸.

7. Клеймо (рис. 2, 6), заключающее три начальные буквы имени ΜΑΝ и знак сокращения. Принадлежит к числу редких боспорских черепичных клейм; в нашем списке клейм 1935 г. оно не фигурирует. Одно такое клеймо было найдено нами еще в 1934 г. при обследовании остатков древнего поселения на Змеином мысу. Несмотря на плохую сохранность, оно было прочтено Е. М. Придилом и упомянуто в изданном им перечне керамических клейм¹⁹. Е. М. Придик читал в этом клейме имя $\text{Μ}\acute{\alpha}\nu(\epsilon\omega)$, что вполне возможно. — имя $\text{Μ}\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ известно в боспорских латинских надписях; но может быть и $\text{Μ}\acute{\alpha}\nu\epsilon\varsigma$, и др. Найденный на усадьбе экземпляр клейма отличается хорошей сохранностью. Клеймо оттиснуто на керамиде, поверхность которой покрыта светлой кремовой обмазкой.

8. Клеймо (рис. 2, 7), передающее полное имя владельца — ΜΝΕΤΟΣ, которое до сих пор было известно по более сокращенным клеймам ΜΝΕΣ.

¹² Приводим это замечание по сохранившейся у нас выписке из дневника, находившегося в архиве Керченского музея и погибшего вместе с другими материалами архива во время последней войны.

¹³ СА, XXI, 1954, стр. 121.

¹⁴ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 301, № 4.

¹⁵ Там же, № 7.

¹⁶ Там же, стр. 301, № 10.

¹⁷ Там же, стр. 305, № 29 и 30.

¹⁸ Там же, стр. 307, № 43 и 44.

¹⁹ МИА № 4, 1941.

Находка данного клейма убеждает в правильности ранее предложенного восстановления Μῆστορος ²⁰. Весьма вероятно, что эти клейма (обоих вариантов — ΜΗΣΣ и ΜΗΣΤΟΣ) относятся еще к концу IV в. или к самому началу III в. до н. э. За это говорит строгая, изящная форма шрифта, близкого лапидарным надписям IV в. до н. э. Тем самым остается в силе высказывавшееся предположение, что Местор, имя которого обозначено на черепичных клеймах, является, возможно, тем же лицом, которое упоминается в качестве агонифета в посвятельной надписи времени Перисада I²¹.

9. Клеймо (рис. 2, 8) с двумя буквами, из которых первая дана в обратном положении: $\text{N}\Gamma$. Можно предположить, что настоящее клеймо — более сокращенный вариант клейма ΝΙΚΟΣ ²², полное и точное восстановление которых затруднено, так как допустимы разные дополнения Νίκο- ($\mu\acute{\alpha}\chiου$), Νίκο(στράτου) и т. д. Настаивать на том, что издаваемое клеймо непременно принадлежит тому же эргастерию, который выпускал черепицы с клеймами ΝΙΚΟΣ , все же нельзя. Эти последние отличаются гораздо более тщательным и изящным исполнением букв.

10. Клеймо (рис. 1, 4), ранее не известное; представлено пока только одним экземпляром. Читается справа налево. После букв TEI следует, несомненно, знак сокращения, напоминающий, как обычно на боспорских черепицах, лунарную сигму. далее изображена буква Λ . Очевидно, в клейме представлены два имени. Первое из них могло быть: Τει(μαχου) , Τει(σιου) и т. п. О втором имени, начинавшемся с буквы Λ , гадать бесполезно. До сих пор известно было только одно боспорское клеймо, в котором имена двух совладельцев черепичного эргастерия написаны в одну строку, с сильным сокращением каждого и со знаком сокращения посередине: ΕΡΜΟΣΠΑΙ ²³.

Особого внимания заслуживают следующие два клейма, к рассмотрению которых мы и переходим.

Среди клейм, найденных на усадьбе, имеется клеймо (рис. 3), в котором отчетливо читается: ΠΑΝΤΙ . Когда-то одно подобное клеймо находилось в коллекции Керченского музея, другое было известно по публикации А. В. Орешникова. Их упомянул в одной из своих статей В. В. Шкорпил, видевший в этих клеймах сокращенное обозначение слова Παντι(καπατεβυ) , как на некоторых группах монет, чеканеных в Пантикапее²⁴.

В начале 30-х годов, когда составлялся полный список боспорских черепичных клейм, упомянутого В. В. Шкорпилом клейма ΠΑΝΤΙ в Керченском музее обнаружить не удалось. По этой причине мы не смогли тогда ни включить его в список, ни дать его воспроизведение, а главное, не представлялось возможным вынести какое-либо собственное суждение относительно этих клейм. Теперь, когда имеются два подлинных клейма ΠΑΝΤΙ — одно из раскопок усадьбы, а другое из раскопок городища Пантикапея²⁵, можно без колебаний согласиться с выводом В. В. Шкорпила, прежде всего в том смысле, что эти клейма связаны, несомненно, с черепицами боспорского производства эллинистического времени. От-

²⁰ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 309, № 57

²¹ IOSPE, II, № 345.

²² ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 309, № 64.

²³ Там же, стр. 303, № 21.

²⁴ В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игзионта. СПб., 1911 (отдельный оттиск), стр. 4.

²⁵ Найден в 1949 г.; см. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 121 и сл. Фотоснимок клейма воспроизведен в статье П. Т. Кругликовой (ук. соч., стр. 28). Клеймо, найденное на усадьбе и публикуемое нами, оттиснуто другим штампом.

носительно датировки клейм ΠΑΝΤΙ можно сказать следующее. Наиболее показательна в палеографическом отношении здесь буква Π: у нее правая вертикальная линия лишь немного короче левой, а горизонтальная верхняя черта выходит за пределы вертикальных боковых линий. Такой формы Π уже встречается в известном ольвийском декрете в честь Протогена, который большинство исследователей относит к 30-м годам III в. до н. э. Примерно тогда же появляется подобное Π и в надписях на пантикапейских монетах²⁶, причем во II в. до н. э. буква Π данного

Рис. 3. Клеймо на пантикапейской черепице.

начертания становится очень употребительной в легендах этих монет. Таким образом, наиболее ранней датой клейм ΠΑΝΤΙ может быть конец III в. до н. э., но возможен и II в. в пределах его ранних десятилетий.

С первого взгляда, толкование клейм ΠΑΝΤΙ не вызывает никаких затруднений, поскольку аналогичные надписи известны на пантикапейских монетах, где они, безусловно, обозначают принадлежность монет чекану Пантикапея, точнее, «пантикапейцев», т. е. полису пантикапейцев. Однако если учесть всю традицию клеймения боспорских черепиц, то такое объяснение может натолкнуться и на законное сомнение. В самом деле, ведь клейма на черепицах боспорского производства обычно содержат собственные имена владельца черепичных «заводов», эргастериев. А разве клейма ΠΑΝΤΙ нельзя истолковать в подобном же значении? Стоит только вспомнить существование таких греческих имен, как Παντίας, Παντιμίδης, Πάλιππος, чтобы стала очевидной шаткость априорного объяснения клейм ΠΑΝΤΙ по аналогии с легендами пантикапейских монет. Следовательно, для утверждения, что черепичные клейма в развернутом виде обозначают ΠΑΝΤΙ(ΚΑΠΑΙΤΩΝ), необходимы какие-то дополнительные доказательства.

К числу таких доказательств относится известное положение, что на Боспоре, кроме частновладельческих именных клейм и клейм с именами боспорских правителей, принципиально не отличавшихся от первых, применялись клейма более общего характера, безыменные. Это известные клейма βασιλική и βασιλικός. В таких клеймах лишь указывалось, что черепичное предприятие было царской собственностью, но непосредст-

²⁶ К. В. Г о л е н к о. Датировка медных монет Пантикапея конца III в.— II в. до н. э. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 136, 137, рис. 56, а.

венно само имя владельца не сообщалось. Известную параллель этому могли представить клейма ΠΑΝΤΙ(ΚΑΠΑΙΤΩΝ) как обозначение принадлежности предприятия городу, т. е. органам городского самоуправления, органам полиса Пантикапея.

Известна многочисленная, происходящая из самых различных античных центров, серия черепичных клейм, которые содержат (нередко в сокращенном виде) слово *δημοσία* или *δημόσιος*, — в зависимости от типа черепиц, — как обозначение общественной, государственной собственности²⁷. Аналогичный смысл имеют и клейма с надписью *πίλωος*, которые известны на черепицах Приены. Все указанного характера клейма ставились обычно частновладельческими предприятиями при изготовлении тех партий керамического строительного материала, которые предназначались для общественных сооружений, выполнявшихся по заказу города, полиса. Подобные клейма имели целью предотвратить хищение ценного строительного материала. Незаконно присвоенные черепицы с такого рода клеймами ставили похитителя в весьма опасное положение, поскольку похищенное, благодаря наличию клейма, являлось неотвратимой уликой, изобличающей виновного.

Боспорские черепичные клейма ΠΑΝΤΙ(ΚΑΠΑΙΤΩΝ), очевидно, имели иной смысл. Они, подобно клеймам *βασιλική* и *βασιλικός*, фиксировали не собственника продукции, а изготовителя ее, владельца керамического эргастерия.

Показательно, что клеймо ΠΑΝΤΙ найдено в раскопках частной усадьбы, где обнаружено множество самых различных клейм с именами владельцев черепичных предприятий — частных лиц и боспорских правителей; здесь же оказалось немало клейм царских — безыменных. Это показывает, что хозяева усадьбы время от времени, в соответствии с возникшей потребностью в кровельном материале, покупали черепицы, изготовленные в разных эргастериях. Это обстоятельство тем более не позволяет толковать клейма ΠΑΝΤΙ иначе, чем это мы делаем в отношении остальных боспорских черепичных клейм.

Очевидно, нужно согласиться с тем, что клейма ΠΑΝΤΙ ставились на черепицы, производство которых велось на «заводе», принадлежавшем городу Пантикапею. Нельзя при этом не обратить внимания на относительно позднее появление черепиц с такими клеймами — не ранее конца III в. до н. э. В более раннее время черепицы выпускались или частновладельческими, или царскими эргастериями. В этой связи вполне закономерно возникает мысль, — и она уже была недавно высказана Д. Б. Шеловым²⁸, — что клейма ΠΑΝΤΙ являются отзвуком некоторой активизации пантикапейского полиса, усиления роли органов самоуправления гражданской общины Пантикапея в период ослабления на Боспоре царской власти.

Это предположение, как нам представляется, может быть подкреплено черепичными клеймами с надписью *ἐπί Γοργίου* (рис. 2, 9), которые до сих пор не привлекались при изучении боспорского керамического производства. Таких клейм при раскопках усадьбы найдено два. Они были известны и раньше. В начале 30-х годов в Керченском музее клейм с надписью *ἐπί Γοργίου* было несколько штук. Однако тогда полностью отсутствовали данные, которыми устанавливались бы место и условия находки хотя бы одного экземпляра этих клейм. Ввиду этого нам казалось целесообразным воздержаться от включения клейм с над-

²⁷ См. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 252 и сл. При раскопках Гермонассы недавно найден обломок синопской черепицы с клеймом *δημοσίης*; см. И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 117.

²⁸ Д. Б. Шелов. Уж. соч., стр. 123.

писью ἐπὶ Γοργίου в список боспорских клейм. Правда, они нами все же были упомянуты, но с оговоркой, что настоящая группа клейм «еще недостаточно ясна в смысле возможности ее происхождения из боспорских производственных центров»²⁹.

Такая осторожность в отношении клейм с надписью ἐπὶ Γοργίου была в немалой степени обусловлена необычностью типа клейма на общем фоне боспорской традиции клеймения черепиц. Общеизвестно, что в своей массе клейма на боспорских черепицах никак не связаны с обычаем передавать собственные имена с предлогом ἐπὶ, как это практиковалось в тех греческих центрах, где в клеймах обозначались имена магистратсв-эпонимов. Сейчас мы уже можем утверждать, что клейма с надписью ἐπὶ Γοργίου принадлежат черепицам боспорского и притом, очевидно, пантикапейского производства. Для нужд усадьбы, находившейся поблизости от Пантикапея, черепицы, конечно, приобретались в Пантикапее, а не в каких-либо отдаленных городах. Конструктивный тип и характер глины черепиц, имеющих клейма с надписью ἐπὶ Γοργίου не противоречат отнесению этих черепиц к пантикапейскому керамическому производству. Следовательно, мы вправе заключить, что на Боспоре, — точнее, в Пантикапее, — предпринималась попытка выпускать черепицы с клеймами, в которых содержалось имя магистрата. Такое толкование клейм с надписью ἐπὶ Γοργίου — единственно возможное, если принять во внимание громадное количество клейм других греческих центров, керамическая продукция которых клеймилась обозначением имен магистратов с тем же предлогом ἐπὶ.

К сожалению, в клеймах с надписью ἐπὶ Γοργίου нет таких показательных палеографических признаков, на основании которых можно было бы определить дату клейм в тех узких пределах, в каких это желательно. По общему впечатлению, характер шрифта клейм с надписью ἐπὶ Γοργίου — не раньше второй половины III в. до н. э. Применение в буквах Π и Γ длинных верхних горизонтальных линий (поэтому буквы выглядят очень широкими) заставляет вспомнить черепичные клейма «архонта Гигиенонта» (более крупный вариант клейма)³⁰. В них проявляется та же тенденция к сильному расширению некоторых букв за счет удлинения горизонталей, например, в буквах Γ и Σ. В силу сказанного мы считаем возможным датировать клейма с надписью ἐπὶ Γοργίου временем, близким рубежу III и II вв. до н. э.

Клейма ΠΑΝΤΙ и ΕΠΙ ΓΟΡΓΙΟΥ несомненно, отражают некоторые интересные явления внутренней социально-политической истории Боспора второй половины III в. — начала II в. до н. э. Есть ряд показателей (к числу их можно теперь отнести и указанные выше черепичные клейма), которые представляются глухим отзвуком происходившей на Боспоре борьбы за ограничение царской власти и расширение прав полиса, т. е. органов гражданского самоуправления пантикапейцев.

Наиболее ярким показателем являются монеты Гигиенонта, чеканенные в последней четверти III в. до н. э. Известно, что на этих монетах имя боспорского правителя сопровождается только титулом архонта, хотя уже с конца IV в. царский титул (βασιλεύς) стал обычным и единственным для членов династии Спартокидов. То, что Гигиенонт царским титулом не пользовался, подтверждают и черепичные клейма, на которых, как и на монетах, фигурирует такое же обозначение: ἄρχωντος Ὑγιώντος.

²⁹ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 302.

³⁰ Там же, стр. 314, № 92 и 98.

Почему же в конце III в. до н. э. правитель Боспора, вопреки уже прочно установившейся традиции, удовольствовался скромным титулом архонта и не прибегал к царскому титулу?

Очевидно, это было следствием каких-то весьма серьезных событий, происшедших на Боспоре во второй половине III в. до н. э. и о которых, к сожалению, в наших источниках не сохранилось никаких сведений. Мы не знаем, что именно в то время происходило, но по дошедшим до нас монетам и клеймам Гигиенонта вполне можно догадываться, в каком направлении развивался процесс внутренней социально-политической жизни Боспорского государства в рассматриваемый период; есть все основания предполагать резкую активизацию определенных слоев рабовладельческого общества Боспора, которые стремились возродить политические права полиса и одновременно лишить боспорских правителей прав на неограниченную власть.

Главной ареной, где разгоралась борьба, вероятно, была боспорская столица — Пантикапей. Весьма возможно, что дело даже дошло до временного отстранения Спартокидов от власти и что Гигиенонт был ставленником «пантикапейского гражданства»³¹.

На протяжении IV в. до н. э. права полисов на Боспоре, в том числе и в таком крупнейшем центре, как Пантикапей, были Спартокидами сведены фактически на нет. Опираясь на крупных землевладельцев и богатое купечество, которые составляли основной слой рабовладельцев, поддерживавших Спартокидов, представители последних с течением времени смогли почти полностью подавить реальную политическую жизнедеятельность гражданских органов власти, присущих греческим полисам. Сосредоточению всей политической власти в руках Спартокидов и полной централизации власти не в малой степени способствовало успешное осуществление Спартокидами внутренней и внешней политики Боспорского государства. Территориальное расширение государства путем захвата земель соседних «варваров», превращение Боспора в крупнейшего экспортера хлеба, что обеспечивало общий высокий подъем боспорской экономики, поддержание внутреннего политического равновесия, достигавшееся, в частности, установлением тесного контакта с местной племенной знатью, и т. д. — все это в целом отвечало интересам всех групп рабовладельческого класса. Тем самым его низовые, более демократические слои лишались стимулов к организованной борьбе за права полиса на автономию, за права гражданской общины свободного населения городов на сколько-нибудь действительное участие в государственном управлении, хотя бы в рамках полиса.

Роль экклесии, продолжавшей, видимо, существовать в Пантикапее еще в конце IV в. до н. э., была достаточно жалкой, насколько можно об этом судить по сохранившемуся у Диодора описанию событий, связанных с воцарением Евмела. Никакого влияния на ход событий пантикапейская экклесия оказать не могла. А главное, — нет ни одного эпиграфического документа, который исходил бы от органов полиса, на всем протяжении царствования Спартокидов. И это, конечно, не случайно. Очевидно, правовые функции полиса даже в самых крупных столичных городах Боспора были предельно ограничены. Единственное их реальное проявление — чеканка монет от имени города.

Однако по мере осложнения внешнего и внутреннего положения Боспора в течение III в. до н. э. приходили в движение те силы, которые не

³¹ Эту, безусловно заслуживающую внимания, мысль высказал в свое время М. И. Ростовцев; см. его «Эллинизма и иранство на юге России», Пгр., 1918, стр. 102.

желали мириться с ничем не ограниченной властью боспорских царей, оказавшихся к тому же, по-видимому, теперь не в состоянии столь успешно, как прежде, справляться со всеми затруднениями, возникавшими перед правительством, особенно в связи с неуклонно развивавшимся спадом хлебного экспорта, осложнявшим всю внутреннюю экономическую жизнь государства. Вряд ли не коснулись Боспора и те трудности в виде обострения взаимоотношений с местными племенами, которые выпали в последние десятилетия III в. до н. э. на долю Ольвии, о чем нам говорит декрет в честь Протогена.

По-видимому, к последней четверти III в. до н. э. внутренняя политическая обстановка на Боспоре достигла высокого напряжения. В результате остро протекавшей борьбы победу одержали те слои рабовладельческого общества, в чьих интересах была «демократизация» государственного строя Боспора, восстановление прав полиса и низведение боспорских правителей до ранга архонтов.

Отзвуком этих событий являются черепичные клейма ΠΑΝΤΙ и ΕΠΙΓΟΡΓΙΟΥ. В связи с имевшими место попытками возродить права пантикапейского полиса, по всей вероятности, и возникло «общественное» производство черепиц на предприятии, являвшемся собственностью органов городского самоуправления. В противовес черепичным клеймам βασιλική и βασιλικός, широко распространенным на Боспоре, были пущены в ход клейма ΠΑΝΤΙ(ΚΑΠΑΙΤΩΝ), возвещавшие о внедрении в промышленно-производственную деятельность полиса пантикапейцев. Подобно другим греческим полисам было предпринято клеймение черепиц именем городского магистрата. Отсюда — клейма с надписью ἐπὶ Γοργίου. Традиционные для спартокидовой династии имена боспорских правителей во II в. до н. э. (Спарток, Перисад), именовавшихся по-прежнему басилевсами, и сообщение Страбона о правлении Спартокидов (Левкокидов) вплоть до времени Митридата VI Евпатора, когда последний представитель этой династии — Перисад передал власть понтийскому царю, — заставляют сделать вывод о кратковременности успеха борьбы боспорцев за радикальное смягчение внутреннего политического режима в конце III в. до н. э. Во II в. до н. э. продолжала действовать на Боспоре царская власть старой династии, которую окончательно смели с исторической сцены только события конца II в.

Однако уроки событий рубежа III и II вв. до н. э., по-видимому, были учтены Спартокидами, что и нашло отражение во II в. до н. э. в их внутреннем политическом курсе, выражавшемся, между прочим, в предоставлении большой самостоятельности наиболее крупным городам Боспора. Последнее убедительно подтверждается показаниями нумизматического материала³².

Независимо от того, совпадает ли дата клейм с надписями Παντικαπαϊτῶν и ἐπὶ Γοργίου точно с периодом, когда во главе государственного управления оказался архонт Гигиенонт, или они, может быть, относятся к несколько более позднему времени, — существа дела это не меняет, — клейма отражают попытки хотя бы частично восстановить права пантикапейского полиса, узурпированные боспорской монархией.

³² К. В. Голенко. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 139 и сл.

А. М. ГИЛЕВИЧ

НОВЫЙ КЛАД МОНЕТ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХЕРСОНЕСА

В январе 1954 г. группа строителей принесла в Херсонесский музей две бронзовые херсонесские монеты и сообщила, что несколько десятков таких монет было найдено в глиняном кувшине при земляных работах.

По рассказам очевидцев, обстоятельства находки клада таковы: в ноябре 1953 г., при рытье котлована на южной окраине Севастополя, на Куликовом поле, лопатой был разбит небольшой красноглиняный кувшинчик, обнаруженный на глубине 0,8—1 м; из кувшинчика высыпались монеты, покрытые окисью. Эти монеты были разобраны строителями, а обломки сосуда выброшены. К моменту обследования места находки автором настоящей статьи строительные работы были почти закончены, и обломков сосуда, в котором хранился клад, найти не удалось. В выброшенной из котлована земле обнаружены два мелких красноглиняных обломка и обломок края лутерия. У строителей собрано всего 38 целых и одна разрубленная монета, включая две ранее принесенные в музей. Кроме того, установлено, что 4 монеты утеряны или увезены из Севастополя, и две разрублены с целью выяснения металла, а обломки их выброшены.

Таким образом, нам известно о наличии в кладе не менее 45 монет. Все они были покрыты окисью; часть монет до поступления в музей была очищена механическим путем, что привело к их повреждению.

Все монеты клада принадлежат к одному типу¹:

Л. с.: Дева в коротком хитоне, поражающая лань. За плечамп у нее колчан, в правой руке копье, в левой — лук. Ниже — легенда: ХЕР.

О. с.: Бодающий бык, влево; под ним — палица Геракла. Ниже — имя магистрата, а под ним — колчан.

На этих монетах встречаются 5 имен магистратов: ΔΙΑΓΟΡΑ (8 экземпляров), ΕΥΔΡΟΜΟΥ (4 экземпляра), ΘΕΟΧΑΡΕ (2 экземпляра), ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ (20 экземпляров), ΣΥΡΙΣΚΟΥ (5 экземпляров).

Вес монет колеблется от 7,49 до 5,75 г; средний вес их—6,53 г² (табл. I). Обращает на себя внимание очень хорошая сохранность монет. Из 39 монет, поступивших в музей, только на четырех заметны следы потертости от длительного обращения. Нечеткость изображений некоторых монет произошла в результате изношенности штемпелей, которыми

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXV, 24, 25.

² Вес монеты № 8 не принимается в расчет, так как она выптерблена, и вес ее неполный.

№ по порядку	Кладовые		Оборотная сторона		Размер, мм	Вес, гр	Соотношение осей	Примечание	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	Потерта		
	написан	сдвиг штекера	написан	сдвиг штекера																												
1	Х	↑	0	↑	21	7,37	⇄	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,80	
2	Х	↘	Х	↑	20	7,28	↑	Трещина	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,72	
3	Х	—	0	—	20	6,70	⇄	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,70	
4	Х	—	0	—	20	6,59	⇄	Трещина	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,63	
5	Х	↑	0	↑	21	6,55	↑	Выщерблена	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,62	
6	Х	↘	0	↘	20	6,49	↘	Гурт острый	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,50	
7	Х	—	0	—	20	6,16	⇄	Выщерблена	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,40	
8	Х	↓	Х	↓	20	5,12	⇄	Потерта, выщерблена	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,31	
9	Х	—	0	—	20	6,73	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,25	
10	Х	—	0	—	20	6,64	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,22	
11	Х	—	0	—	20	6,63	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,21	
12	Х	↘	Х	↘	20	5,75	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,10	
13	Х	—	Х	—	21	7,04	⇄	Гурт острый	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,15	
14	Х	—	Х	—	21	6,80	⇄	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,09	
15	Х	—	Х	—	20	7,49	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,05	
16	Х	↓	Х	↓	20	7,16	⇄	Потерта	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,85	
17	Х	—	Х	—	20	7,04	↑	—	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,49	
18	Х	—	0	—	22	6,96	⇄	Потерта, трещина	Х	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,78

Табл. 1. Основные данные монет из окрестностей Херсонеса (1953 г.).

производилась чеканка³. При общей прекрасной сохранности всех монет обратная сторона большинства из них — более четкая и с меньшим количеством изъянов, чем лицевая, что свидетельствует о более частой смене верхних штемпелей. К сожалению, небольшое число монет клада не дает возможности выявить частоту смены верхних штемпелей по отношению к нижним. Несомненно, верхний штемпель служил для чеканки оборотной стороны монеты. Это особенно хорошо видно на монетах № 9, 10, 23, 35 (табл. II). При ударе штемпель сдвинулся, и не захваченная им часть кружка выступила над поверхностью поля монеты. Подобные выступы на лицевой стороне не встречаются. Почти на всех монетах можно проследить выпуклость лицевой стороны и вогнутость оборотной. Лунка нижнего штемпеля была, вероятно, несколько шире монетного кружка, который мог быть в ней сдвинутым в ту или другую сторону. На многих монетах мы можем наблюдать сдвиг штемпеля лицевой стороны, из-за чего иногда на монету попадало не все изображение. Интересны монеты № 21 и 35, имеющие двойное изображение оборотной стороны. Вероятно, наложив верхний штемпель, монетчик ударил по нему два раза. Между двумя ударами кружок сдвинулся, и получилось двойное изображение.

Заготовками для монет служили бронзовые кружки. Формы для отливки кружков состояли из нескольких углублений, соединенных каналами. На многих монетах (№ 1, 4, 7, 15, 23, 24, 25, 36, 38) имеются литнички или следы их отлома. Кружки для монет были плоскими. Так, при чеканке монет № 34 и 35 из-за слабого удара металл не заполнил целиком углублений штемпеля, и туловища лани на лицевой и быка на оборотной сторонах получились плоские. Вероятно, для того чтобы устранить наплывы металла, после нанесения изображения край монет обтачивались: на монетах № 1, 14, 21, 32 (табл. II) заметны следы напильника. Штемпели не были соединены между собой, поэтому соотношение осей лицевой и оборотной сторон — самое различное.

Публикуемый клад является третьим кладом херсонесских монет, найденным на Гераклеийском полуострове в послевоенное время⁴. В отличие от двух предыдущих кладов — Камышевского и Стрелецкого — он гораздо меньше и содержит монеты только одного типа. Камышевский и Стрелецкий клады, наряду с другими, в том числе более поздними, содержат монеты и этого типа, однако там монеты сильнее изношены и имеют надчеканки в виде дельфина. Интересен еще один случай находки монет этого типа. При зачистках, проводившихся С. Ф. Стрелецким в 1938 г. на участке раскопок 1937 г. в северном прибрежном районе Херсонеса, во дворе жилого дома III⁵ была найдена стопочка монет в количестве 15 штук. Две из них распались при чистке, а остальные, хотя и сильно испорченные окисью, были определены Л. Н. Беловой; все они принадлежали к интересующей нас группе. Имена магистратов на этих монетах следующие: ΔΙΑΓΟΡΑ (3 экземпляра), ΕΥΔΡΟΜΟΥ (1 экземпляр), ΘΕΟΧΑΡΕ (1 экземпляр), ΚΛΕΜΥΤΑΔΑ (3 экземпляра), ΣΥΡΙΣΚΟΥ (2 экземпляра)⁶.

На 3 монетах имя магистрата прочитывать не удалось. Несмотря на плохую сохранность монет, видно, что они сравнительно мало были в обращении.

³ Например, монеты № 6, 13, 14, 38 (табл. 1) имеют не очень отчетливое изображение, в то время как гурт этих монет очень острый; следовательно, в обращении они были мало.

⁴ «Херсонесский сборник», вып. IV, Симферополь, 1948.

⁵ Г. Д. Белов и С. Ф. Стрелецкий. Кварталы XV и XVI. МИА № 34, 1953, стр. 62.

⁶ Фонды Херсонесского музея, инв. № 6703—6708.

Табл. II. Монеты клада из окрестностей Херсонеса (1953 г.).

Для монет этого типа известны всего 5 имен магистратов, названных выше: они имеются и на монетах описываемого нами клада, причем количественно преобладают монеты с именем КЛЕМУТАДА (табл. 1). Реже встречаются монеты с другими именами, особенно с именем ΘΕΟΧΑΡΕ⁷. Таким образом, при первом магистрате выпуск этих монет был, видимо, наиболее интенсивным.

Публикуемые монеты на основании стилистических данных датируются А. Н. Зографом 300—250 гг. до н. э.⁸ Обильный выпуск медной монеты, длившейся в течение почти полувека, был вызван развитием внутреннего рынка в Херсонесе. Малая изношенность монет клада свидетельствует о том, что он был зарыт не позднее середины III в. до н. э. Но монеты этого типа имели очень длительное хождение, так как их часто находят совместно с монетами второй половины III в. и II в. до н. э. Во II в. до н. э. право их обращения подтверждалось надчеканкой с дельфином.

⁷ Камышевский клад: КЛЕМУТАДА — 108 экземпляров, ΔΙΑΓΟΡΑ — 72 экземпляра, ΕΥΔΡΟΜΟΥ — 43 экземпляра, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 23 экземпляра. Стрелецкий клад: КЛЕМУТАДА — 10 экземпляров, ΣΥΔΡΟΜΟΥ — 6 экземпляров, ΔΙΑΓΟΡΑ — 2 экземпляра, ΣΥΡΙΣΚΟΥ — 2 экземпляра. Монет с именем ΘΕΟΧΑΡΕ эти клады не содержат.

⁸ А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 149.

А. И. ДОВАТУР

АРИСТОТЕЛЬ, ФРАГМЕНТ 611, 24

(*Поправка к тексту*)

Эксерпты из Политий Аристотеля, сделанные неким Гераклидом, вошли в сборник фрагментов Аристотеля¹ под № 611. Три параграфа этого фрагмента относятся к истории острова Тенедоса. В последнем из них речь идет об одном царе, издавшем закон, повелевавший тому, кто захватит прелюбодея на месте преступления, убить его секирой; когда был уличен сын царя и захвативший его человек спросил царя, как ему поступить, отец ответил: «Применить закон». Дальше — слова, на которых мы и останавливаем наше внимание: *καὶ διὰ τοῦτο τοῦ νομίσματος αὐτοῦ ἐπὶ θάτερα πέλεκυς χαρακτός, ἐπὶ θάτερα δὲ ἐξ ἑνὸς ἀρχένης, πρόσωπον ἀνδρὸς καὶ γυναικὸς* — «и поэтому на одной стороне его монеты начеканена секира, а на другой — лицо мужчины и женщины, вырастающие из одной шеи».

Нас интересует здесь не этиологическое сказание, а текст. Если читать его в том виде, в каком он до нас дошел, то окажется, что Аристотель ссылается здесь на монету, выбитую неким древним царем острова Тенедоса: *τοῦ νομίσματος αὐτοῦ* — «его монеты», т. е. монеты старинного тенедосского царя, о котором выше сказано *τινα τῶν βασιλέων*. В своих Политиях Аристотель не раз упоминал о деньгах; при этом речь шла либо об истории денежного дела вообще (fg. 481, 580, 611, 37), либо о реформах денежной системы (fg. 589. 'Αθ. π., 10), либо о современной монете, безотносительно к ее происхождению (fg. 476, 510, 529, 590), либо, наконец, о внешнем виде монеты, начиная с определенного времени, причем предполагается, что монета продолжает сохранять такой вид и дальше (fg. 528, 568). В рассматриваемом месте мы могли бы иметь любопытный случай использования Аристотелем старинной, согласно его мнению, вышедшей из употребления монеты.

Однако данные нумизматики убеждают нас в том, что Аристотель имеет в виду монету своего времени: на острове Тенедосе, по крайней мере, с середины VI в. вплоть до II—I вв. до н. э., имела хождение монета описанного Аристотелем типа², чего он, конечно, не мог не знать. Если так, то

¹ Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta collegit Valentinus Rose. Lipsiae, 1886.

² См. J. E s c k h e l. *Doctrina numorum veterum*, II. Vindobonae, 1794, стр. 488; A. d e B a r t h é l e m y. *Nouveau manuel de numismatique ancienne*. Paris, 1890, стр. 262; E. V a b e l o n. *Traité des monnaies grecques et romaines*, 2-me p., t. I, Paris, 1907, кол. 367 и сл.; t. II, Paris, 1910, кол. 1305 и сл.; 3-me p., *Album des planches*, Paris, 1910, табл. CLXVI, N 22—23; B. V. H e a d. *Historia numorum*. Oxford, 1911, стр. 550 и сл.

непонятно, почему Аристотель называет ее монетой древнего царя, а не просто тенеодосской монетой. Мы вправе задать себе вопрос: не была ли эта монета известна под именем того царя (пусть полумифического), которому приписывалось ее введение, и не думает ли Аристотель, упоминая о ней, об этом ее названии. Стоит нам, однако, всмотреться в текст Гераклида и в параллельные ему тексты, чтобы сразу же отказаться от такого предположения.

Монета не могла носить имя царя уже потому, что имя его не было известно. Гераклид говорит: *τινα τῶν βασιλέων*. Другие наши источники (fr. 593), ссылающиеся на Аристотеля или даже прямо на его Тенеодосскую Политию и, разумеется, не зависящие от Гераклида, выражаются таким образом: *φησὶν Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Τενεδίων πολιτεία ὅτι βασιλεὺς τις ἐν Τενέδῳ* eqs. (Steph. Byz. ethn. ep. s. Τένεδος); *Ἀριστοτέλης . . . ὅτι βασιλεὺς Τενέδιος . . . ἢ ὅτι βασιλεὺς τις* eqs. (Phot. s. Τενέδιος ξυνήγορος); *νόμον γὰρ τις ἔταξε παρ' αὐτοῖς* (Diogenianus, Proverbia VIII, 58)³.

У тех, кто пожелал бы во что бы то ни стало оправдать рукописное чтение *αὐτοῦ*, остается еще одна возможность: истолковать текст в том смысле, что автор фиксирует свое внимание на моменте возникновения монеты: «вот почему этот царь и начал чеканить монету с таким изображением».

Обратимся, однако, к самому рассказу о тенеодосском царе. Рассказ о суровом поступке тенеодосского царя находит аналогию в рассказе о жестокой расправе Гиппомена со своей дочерью и ее любовником в Афинской Политии (fr. 611, I fin.-fr. 8 Blass). Наши сведения об афинских сказаниях, касавшихся древних афинских царей, и об использовании этих сказаний античными историками показывают, для чего такие эпизоды включались в начальные главы Политий: скудость данных по ранней истории греческих государств заставляла историков изучать предания в надежде найти в них материал для своих построений. Сказание о Гиппомене было приведено в Афинской Политии Аристотеля в связи с историей царской власти или архонтата: оно иллюстрировало жестокость либо одного сурового архонта, либо последнего афинского царя⁴, либо, наконец, последнего представителя дома Медонтидов⁵. Надо думать, и предание о тенеодосском царе, казнившем собственного сына, было важно для Аристотеля не само по себе, а по своей связи с каким-то переломным моментом в истории царской власти. Что же касается изображения на монете, то упоминание о нем ни в коем случае не являлось самоцелью. Со времени нахождения Афинской Политии стало невозможным говорить о Политиях Аристотеля как об антикварных исследованиях, ставивших себе главной целью выяснение происхождения учреждений, должностей, монет, сказаний, поговорок, стандартных выражений и т. д. По этим вопросам Аристотель давал богатый материал, который, однако, играл у него всегда лишь подсобную роль иллюстрации, доказательства и т. п. Отсюда мы вправе сделать вывод, что фигура безыменного тенеодосского царя не могла занимать центрального места даже в маленьком отрезке Тенеодосской Политии, и не о «его» монете должен был говорить Аристотель.

Как обычно в аналогичных случаях выражается Аристотель? На всем протяжении его Политий большим подлежащим было название народа, граждан того государства, которому была посвящена каждая

³ *Paroemiographi graeci*, ed. Gaisford. Oxoniae, 1836.

⁴ U. v. Wilamowitz-Moellendorf. *Die lebenslänglichen Archonten Athens*. «Hermes», 33, 1898, стр. 123.

⁵ A. L. Edel. *Studien zur älteren athenischen Verfassungsgeschichte*. Heidelberg, 1914, стр. 200 и сл.

отдельная Полития. Политии носили названия: Ἀθηναίων πολιτεία (fr. 385), Διγινητῶν πολιτεία (fr. 472), Ἀχαρνάνων πολιτεία (fr. 474), Ἀκραγαντιῶν πολιτεία (fr. 476), κοινὴ Ἀρκάδων πολιτεία (fr. 483), Τενεδίων πολιτεία (fr. 593) и т. п. Встретив в схолиях к Аполлонию Родосскому название Σαμοθράκης πολιτεία (fr. 579), мы, ввиду единогласного свидетельства других источников, имеем право говорить об искажении названия Самофракийской Политии схолиастом. Если в эксцерптах Гераклида мы читаем τὴν Λακεδαιμόνα πολιτείαν (§ 9) и τὴν Κρητικὴν πολιτείαν (§ 14), то, как видно из контекста, это, во всяком случае, не отражение заглавия соответствующих Политий. В самой Афинской Политии мы можем насчитать несколько мест, где слово «афиняне» является либо грамматическим подлежащим, либо каким-нибудь другим членом предложения. Мы встречаем, с одной стороны, καὶ καλοῦσιν Ἀθηναῖοι (21,4), οἱ γὰρ Ἀθηναῖοι (22,4), καὶ ἐπολιτεύθησαν Ἀθηναῖοι καλῶς (23,2); с другой, — ἦσαν τοῖς Ἀθηναίοις (16,10), μετὰ τῶν Ἀθηναίων (19,5), παρέδωκαν. . . τοῖς Ἀθηναίοις (19,6), οἱ ἐθέλοντες Ἀθηναίων (29,4) и др.

Более важен с интересующей нас точки зрения тот факт, что ряд фраз (таких случаев — около шестидесяти) построен таким образом, что в них подлежащим является подразумеваемое слово «афиняне». Именно: τὰς μὲν ἀρχὰς καθίσταντο (scil. οἱ Ἀθηναῖοι; 3,1); ἤροῦντο δὲ (scil. οἱ Ἀθηναῖοι) τοὺς ἐννέα ἄρχοντας (4,2); τοῖς δὲ Δράκοντος θεσμοῖς ἐπαύσαντο χρώμενοι (scil. οἱ Ἀθηναῖοι). . . ἀναγράψαντες. . . ἔστησαν. . . ὄμοσαν (7,1) и т. д. (6,1; 13,1—3; 16,7; 20,3; 21,4; 22,2,3,5—8; 23,3; 24,2—4; 26,2,3; 28,3; 29,1; 33,1,2; 34,2,3; 40,2,3; 41,2,3; во второй части — 43,1,2,3,6; 44,4; 51,4; 52,1,2; 53,1; 54,1,3,4,8; 55, 1,3; 60,1; 61,1,3,4—7; 62,1). Афиняне же имеет в виду автор в нескольких местах, где мы встречаем местоимение αὐτοί: ἦν γὰρ αὐτῶν (i. e. τῶν Ἀθηναίων) ἡ πολιτεία (2,2); ἔδοξεν αὐτοῖς (i. e. τοῖς Ἀθηναίοις; 13,2) и др. (αὐτοῖς 13,3; φυλάξ δ' αὐτῶν — fr. 385).

Просмотр фрагментов утраченных Политий убеждает нас в том, что способ выражения в них был не иным, чем в Афинской Политии. Самые разнообразны авторы, пересказывавшие Аристотеля, сохраняют в ряде случаев прямое упоминание о народе, конституция которого описывалась в данной Политии, — о дельфийцах (fr. 487), об элейцах (fr. 492), о фессалийцах (fr. 499), коркирянах (fr. 513), кифнийцах (fr. 523), лакедемонянах (fr. 532, 541, 542, 543, 544), милетянах (fr. 556, 557), наксосцах (fr. 558), об орхоменянах (fr. 565), о самосцах (fr. 575), приенцах (fr. 576) и др.

Если бы после всего сказанного осталось какое-либо сомнение в том, что Аристотель говорил о монете тенеодосцев, а не о монете неизвестного тенеодосского царя, то оно должно исчезнуть после обращения к одному параллельному тексту: Стефан Византийский, передавая тенеодосский рассказ со ссылкой на Тенеодосскую Политию Аристотеля, прямо говорит: διὰ τοῦτο φησὶ (scil. ὁ Ἀριστοτέλης ἐν τῇ Τενεδίων πολιτεία) ἐπὶ τοῦ νομίσματος τῶν Τενεδίων eqs (fr. 593).

Таким образом мы приходим к заключению, что в соответствующем месте Тенеодосской Политии Аристотеля речь могла идти только о тенеодосцах, в форме τῶν Τενεδίων или просто αὐτῶν. В том и другом случае текст Тенеодосской Политии воспроизводил легенду тенеодосских монет: Τενεδίων⁶. Мы, думается, получаем право исправить в эксцерптах Гераклида рукописное αὐτοῦ на αὐτῶν. Ведь для нас важна мысль Аристотеля, а не искаженная передача ее в конспекте, сделанном чужой рукой.

⁶ На это обстоятельство обратил мое внимание профессор Б. В. Казанский.

Допустим, однако, что это наше положение ошибочно, что искажения, которым мог подвергнуться текст Аристотеля под руками Гераклида, имеют право претендовать на некоторую пенность. В таком случае перед нами — новая задача: найти доказательство в пользу того, что Гераклид в своих эксцерптах не отступал от манеры Аристотеля — говорить о народе. Обратимся к тексту Гераклида. Здесь мы найдем прямое упоминание о лакедемонянах (§ 11, 12), критянах (§ 15), тене-досцах (§ 24), эретрийцах (§ 40), магнетях (§ 50), коркирянах (§ 56), халкидянах (§ 62, 63), акрагантинцах (§ 69) и других. Иногда мы встречаем у Гераклида глагол, при котором подлежащим является подразумеваемое название народа: καθίστασι (scil. οἱ Ἀθηναῖοι — § 8; ср. такой же способ выражения в соответствующем месте Афинской Политии — 52,5), καθίστασι (scil. οἱ Λακεδαιμόνιοι — § 10); τρέφουσι. ἐθίζουσι... κολλάζουσι. μελετοῦσι. κομιζουσι. σιτοῦνται (scil. οἱ Λακεδαιμόνιοι — § 13) и др. Иногда мы встречаем местоимение αὐτοί, которое мы должны осмыслять как замену названия народа, хотя, строго говоря, грамматической опоры для такого понимания нет: ὅτι δὲ ἀρχαιοτάτη τῶν πολιτειῶν ἢ Κρητικῆ, ἐμφαίνε: καὶ Ὅμηρος λέγων τὰς πόλεις αὐτῶν (i. e. τῶν Κρητῶν, хотя нигде не сказано Κρήτες) eqs (§ 14); Παντολέων ἐβασίλευσεν ἐν τούτοις (i. e. τοῖς Πιπάταις — § 21); ἐτυράννησε δὲ αὐτῶν (i. e. τῶν Φηγιῶν, хотя регийцы упомянуты ниже, в самом конце параграфа — § 55) и др. Во всех этих местах отражается, как мы видим, способ выражения Аристотеля, и нет основания думать, что в одном лишь месте, в своей выписке из Тенедосской Политии, Гераклид допустил неточность, ошибочно написав αὐτοῦ⁷.

Для того, чтобы установить происхождение ошибки, мы должны вспомнить, что перед нами — не эксцерпты самого Гераклида, а чье-то сокращение этих эксцерптов. Действительно, мог ли человек, сделавший выписки из Афинской Политии и имевший перед глазами ее текст, приписать Эфиальту то, что сказано у Аристотеля в другом месте о Кимоне (Heracl. epit., § 5; Arist., Ἀθ. π., 25, 27, 3); сделать 30 олигархов прямыми продолжателями Клеона (epit., § 6); перечислить функции астиномов, не упомянув при этом о самих астиномах (§ 8, init.); поставить рядом с 9 архонтами 6 фесмофетов (§ 8, med.); приписать архонту-царю ведение военных дел (§ 8, fin.)? Попытки некоторых издателей сгладить наиболее грубые шероховатости расстановкой знаков препинания не спасают положения, так как в одном случае получается предложение без подлежащего (§ 5), а в другом от предложения отделяется бесформенный обрубок (§ 8, fin.). Перечисленные выше неспости мог допустить только тот, кто сокращал чужой конспект, в котором Кимон упоминался рядом с Эфиальтом, олигархи конца V в. — рядом с Клеоном, архонт-царь — рядом с архонтом-полемархом, а о принадлежности фесмофетов к коллегии 9 архонтов не было сказано вполне ясно и определенно. Перед нами — явно excerpta excerptorum, сделанные человеком, не державшим в руках

⁷ По этой же причине мы отвергаем возможность понимания слова αὐτοῦ в смысле наречия «здесь», «там» (с абсолютно неуместным здесь оттенком «в этом самом месте» — eo ipso loco) — как у Аристотеля, так и у Гераклида: такой способ выражения не засвидетельствован ни в Афинской Политии, ни во фрагментах Политий, ни в эпитомах Гераклида. Следует добавить, что слово αὐτοῦ в смысле местного наречия Аристотель вообще не употребляет; в его словаре имеются только наречия ἐκεῖ и ἐνταῦθα (см. Index Aristotelicus, составленный, как известно, до нахождения Афинской Политии). В Афинской Политии читаем: ἢ σύμμεξίς ἐνταῦθα γίνεται (3,5); καὶ πάλιν ἐκεῖ τὰ αὐτὰ ἀνύουσι (55,5 fin.). Наконец, по самому строго фразы αὐτοῦ может быть понято только как ближайшее определение к νομίσματος, т. е. как родительный падеж от αὐτός.

сочинения Аристотеля. Был ли этим человеком тот, кому принадлежит самая старая из дошедших до нас рукописей эксцерптов, или же кто-то другой, — сказать трудно, да этот вопрос и не имеет большого значения.

Важно то, что основная рукопись имеющихся у нас эксцерптов — Codex Vaticanus 997, ныне Parisinus, Supplementum graecum 352, с которой списаны две другие старые рукописи (Vaticanus 998, Parisinus 1657), относится к XIII в. и представляет собой копию (или сокращение) рукописи, написанной минускулами⁸, в которых переписчик (или эксцерптор) XIII в. не всегда хорошо разбирался⁹. Сделаем одно допущение: эта минускульная рукопись возникла не ранее IX в. и не позднее первой половины XI в.¹⁰ или, хотя и позднее, но имела несколько архаизирующий характер. Для окончаний родительного падежа -ου и -ων в минускульном письме известны следующие аббревиатуры¹¹: вместо -ου писали над предшествующей буквой маленькую, обращенную концами кверху дугу, в сущности — Ϸ, причем это сокращение получило широкое распространение, начиная с IX в.; вместо -ων, писали, начиная с того же времени, дугу, тоже маленькую, но обращенную вогнутой стороной книзу; ударение, если оно падало на последний слог, сначала никак не обозначалось, а затем, с конца X в., стало обозначаться знаком циркумфлекса или некоторым его

⁸ Датировка рукописи см. Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta..., стр. 370, а также H. O m o n t. Inventaire-sommaire des manuscrits du Supplément grec de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1883, N 352, стр. 42 и сл.; H. O m o n t. Inventaire-sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, 3-me p., Paris, 1888, стр. 252 и сл. К концу XII в. или началу XIII в. относит рукопись (в которой имеется написанный той же рукой текст произведений Элиана) R. Hercher — см. A e l i a n u s, De natura animalium. Varia historia... rec. R. Hercher. Parisiis, 1858, Praefatio, стр. X. В издании Афинской Политии G. Mathieu и V. Haussoullier (стр. 77) указан VIII в., но это результат простого недосмотра. О признаках зависимости Ватиканского кодекса 997 от рукописи, написанной минускулами, см. A e l i a n u s. Ук. изд., стр. X и Aristotelis qui feribantur librorum fragmenta..., стр. 370. Против установленной V. Rose филиации имеющихся у нас рукописей (Vaticanus 998, Parisinus 1657 зависят от Vaticanus 997) высказались только Kaibel и Wilamowitz в своем издании Афинской Политии: Ватиканский кодекс 997 в некоторых местах обнаруживает такие погрешности, которых нет в двух других кодексах, и уже по одному этому не может считаться отцом этих других кодексов — minime ceterorum pater. Однако, так или иначе, все три кодекса, содержащие большое количество одинаковых, нередко очень грубых ошибок, безусловно, состоят в близком родстве между собой и имеют общего предка. В крайнем случае все то, что сказано у прежних исследователей о Ватиканском кодексе 997, могло бы быть отнесено к ближайшему общему предку (конца XI в. или XII в.) всех трех кодексов.

⁹ A e l i a n u s. Ук. изд., стр. IX; Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta..., стр. 370.

¹⁰ R. Hercher (A e l i a n u s. Ук. изд., стр. X) относит рукопись, с которой списан Vaticanus 997, предположительно к XI в.

¹¹ См. Г Ц е р е т е л и. Сокращения в греческих рукописях, преимущественно по датированным рукописям Санктпетербурга и Москвы. 2-е изд. СПб., 1904, стр. 104, 131 и сл., табл. VIII, X—XI. Без хронологических подробностей—E. M. Th o m p s o n. Handbook of greek and latin palaeography. London, 1893, стр. 95; е г о ж е. An introduction to greek and latin palaeography. Oxford, 1912, стр. 83; H. O m o n t. La Grande Encyclopédie, t. I, стр. 128, s. v. «Abréviation». Примеры сокращений, о которых у нас идет речь, можно найти в следующих изданиях; G. W a t t e n b a c h. Schrifttafeln zur griechischen Schrift und zum Studium der griechischen Palaeographie, Abt. 2. Berlin, 1877, табл. 31 и 39; G. W a t t e n b a c h et A. v. V e l s e n. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum. Heidelbergae, 1878, табл. 7 и 46; G. W a t t e n b a c h. Scripturae graecae specimina in usum scholarum. Berolini 1883, табл. XIX и XXVIII; H. O m o n t. Fac-similés des plus anciens manuscrits grecs en onciale et en minuscule de la Bibliothèque Nationale du IV-e au XII-e siècle. Paris. 1892, табл. XXXIX, XLI, XLIV; G. C e r e t e l i et S. S o b o l e v s k i. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum, II. Mosquae, 1913, табл. 6.

подобием, стоявшим рядом с аббревиатурой (для $\omega\upsilon$) или над ней (как для $\omega\upsilon$, так и для $\omega\upsilon$).

Сходство этих аббревиатур иногда вводило в заблуждение и ученых нового времени¹². Тем более понятно смещение их недостаточно искусным или небрежным (как видно из большого количества сделанных им ошибок) переписчиком XIII в. У последнего было еще одно основание путать эти сокращения. Дело в том, что описанный выше знак для слога- $\omega\upsilon$ со второй половины XI в. становится шире и начинает покрывать собой две, три и больше букв¹³, причем иногда правый конец слегка загибается кверху, а в некоторых случаях знак превращается в большую изогнутую линию. Именно эти формы аббревиатур для $\omega\upsilon$ были преобладающими в XIII в., и ими пользовался переписчик¹⁴. Для него характерным признаком аббревиатуры $\omega\upsilon$ был большой ее размер, тогда как маленькая дуга была привычным сокращением для $\omega\upsilon$. Когда внимание его ослабевало, он легко мог спутать два одинаковой формы знака, отличавшихся один от другого только своим положением, особенно если смысл фразы не предостерегал против такого смещения. Примеры этого встречаются и в переписанном его же рукой (в том же кодексе) трактате Элиана «О природе животных»¹⁵.

Таким образом, ошибка может быть поставлена в счет последнему переписчику: это он превратил в $\alpha\upsilon\tau\omega$ первоначальное $\alpha\upsilon\tau\omega$ Аристотеля и Гераклида.

¹² См. Fr. Jac. B a s t. Commentatio palaeographica в издании Gregorii Corinthii et aliorum grammaticorum libri de dialectis linguae graecae, rec. et... ed. G. H. Schaefer. Lipsiae, 1811, стр. 774: In Scholiasta Homericо Villoisonus saepius confudit $\omega\upsilon$ cum $\omega\upsilon$... quod certam notam discriminis horum compendiorum animo informatam non haberet...; стр. 778; Hoc $\omega\upsilon$ ita comparatum est, ut, si inverteris, notam syllabae $\omega\upsilon$ videre tibi videaris. Itaque Villoisonus, qui discrimen ambarum notarum parum haberet cognitum, saepius alteram cum altera confudit.

¹³ См. Г Ц е р е т е л и. Ук. соч., стр. 132; Fr. Jac. B a s t. Ук. соч., стр. 778. Примеры: H. O m o n t. Fac-similés des manuscrits grecs datés de la Bibliothèque Nationale du IX-e au XIV-e siècle. Paris, 1891, табл. XXVII, XXX, LX, LXIII.

¹⁴ См. аббревиатуры в критическом аппарате издания «Aristotelis qui forebantur librorum fragmenta...» в словах: Πάνδων (стр. 371), ἰσμων (стр. 377), σπαρτιαδῶν (стр. 381), ἱελλῶτων (стр. 382), τρίτων (стр. 386).

¹⁵ См. критический аппарат — A e l i a n u s. Ук. изд., XIV, 9, med., где в рукописи — ἐξ αὔτου вместо первоначального ἐξ αὔτων; обратный случай — IV, 34, init., где рукописное ἐξ ὀστέων издатель исправляет в ἐξ ὀστέου.

Л. Н. КАЗАМАНОВА

К ВОПРОСУ О «КОТЛАХ» И «ТРЕНОЖНИКАХ» В КРИТСКИХ АРХАИЧЕСКИХ НАДПИСЯХ

Для выяснения многих вопросов социально-экономической истории критских полисов в архаическую эпоху необходимо изучение разнообразных источников — литературных, археологических и, особенно, эпиграфических и нумизматических.

Первые письменные документы, освещающие историю критских городов, относятся к VII — VI вв. до н. э. Это фрагменты надписей, содержащие законодательство городов Гортины и Элевферны. К сожалению, надписи сохранились в сильно фрагментированном виде и с трудом поддаются восстановлению. Насколько позволяют судить отрывки, содержание древних законов было очень разнообразно и обширно; во многих случаях оно, видимо, совпадало с последующим сводом законов города Гортины, зафиксированным в начале V в. до н. э. и явившимся переработкой и дополнением древнейшего архаического критского законодательства.

Последние исследователи критских надписей датируют архаическое критское законодательство VII — VI вв. до н. э. Основанием для такой датировки служат характер языка, палеографические данные и само содержание надписей¹.

В этой связи интересно остановиться на одном вопросе, довольно широко обсуждавшемся в специальной литературе, неправильное решение которого ставит под сомнение эту датировку фрагментов надписей, содержащих древнейшие критские законы.

Речь идет о «котлах» (λέβητες) и «треножниках» (τρίποδες), упоминающихся в этих надписях в качестве штрафа, уплачиваемого осужденным за то или иное преступление. Точка зрения, высказанная по этому поводу известным нумизматом И. Н. Свороносом², была принята в лекциях по античной нумизматике А. К. Марковым³. В общих чертах она сводится к следующему.

Своронос считает, что «котлы» и «треножники» гортинских надписей — это названия монет, носящих изображения котла или треножника. Пред-

¹ M. G u a r d u c c i. Inscriptiones Creticae, v. I, II, Roma, 1935, 1939. Датировка отрывков раннего критского законодательства, которую дал в первых изданиях Компаретти — VII—VI вв. до н. э., — в общем принята всеми исследователями Крита. Пендлбери также датирует эти надписи началом VI в. до н. э. См. Дж. П е н д л б е р и. Археология Крита. М., 1950, стр. 351.

² См. ВСН, XII, 1888, стр. 405—408.

³ А. К. М а р к о в. Древняя нумизматика. СПб., 1901.

положение это могло бы быть вполне правдоподобным, ибо мы знаем, что афинские тетрадрахмы и драхмы с изображением совы, эгинские статеры с изображением черепахи или коринфские статеры с изображением Пегаса назывались в обиходе $\gamma\lambda\alpha\upsilon\beta\eta\varsigma$, $\chi\epsilon\lambda\upsilon\gamma\alpha\iota$, $\pi\acute{\alpha}\lambda\omicron\iota$.

Но в данном конкретном случае с критскими «котлами» и «треножниками» возникает ряд затруднений. Прежде всего, надписи относятся к тому времени, когда критские города еще не чеканили монеты; во-вторых, на критских серебряных статерах изображение котла или треножника встречается крайне редко, а на монетах Гортины и вовсе не встречается. Вместе с тем для возникновения обычая называть монету по изображению на ней необходимы прежде всего наличие очень постоянного монетного типа (с котлом и треножником — в данном случае), прочно существующего в течение столетий, и широкое распространение монет этого типа, как это было в Аттике, на Эгине, в Коринфе.

И. Н. Своронос привлекает монеты городов Крита — Аптеры, Кносса, Кидонии, Гортины, Элевферны, Литта, Мода, Прианса и др. с надчеканками, изображающими непонятный предмет в виде круглого углубления. Исследователь высказывает предположение, что эта надчеканка на критских монетах V—IV вв. до н. э. изображает котел или треножник en face и что монеты с этими надчеканками носили на Крите название «котлов» и «треножников». Далее автор приходит к выводу, что появление этой надчеканки на монетах различных критских городов объясняется существованием общего трибунала — $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\nu$, куда платили штраф лица, приговоренные судом, а трибунал накладывал на монету свою надчеканку.

Надо сказать, что эти догадки свидетельствуют о фантазии и остроумии автора, но они не решают в какой-либо степени убедительно затронутого им вопроса. Прежде всего — как согласовать датировку архаических критских надписей VII—VI вв. до н. э. и появление монет хотя бы и с надчеканкой в критских полисах в начале V в. до н. э.? И. Н. Своронос объявляет, что первый издатель критских надписей Д. Компаретти был не прав, датируя фрагменты архаических законов временем до появления монет на Крите. Однако у нас нет никаких оснований пересматривать датировку Компаретти, принятую и другими авторами.

Сомнительной кажется трактовка изображения надчеканки как котла en face. Изображение котлов и треножников на монетах различных греческих городов было весьма распространено, но нигде они не изображались en face, т. е. сверху. Натянутым следует признать и объяснение причин, вызвавших появление этой надчеканки.

Дело в том, что самые ранние монеты критских городов относятся к началу V в. до н. э. Это монеты Гортины и Феста с изображением Европы и быка и с аналогичными надписями: $\Gamma\omicron\rho\tau\upsilon\nu\omicron\varsigma\ \tau\omicron\ \kappa\alpha\tau\upsilon\mu\alpha$ и $\Phi\alpha\iota\sigma\tau\acute{\iota}\omega\nu\ \tau\omicron\ \kappa\alpha\tau\upsilon\mu\alpha$ ⁴. Для городов Крита, особенно для Кносса, Гортины и Феста, характерна высокая техника чеканки, что свидетельствует о значительном развитии ремесла и торговли в V в. до н. э. В этом столетии чеканят монету города Кносс, Гортина, Элевферна, Итан, Литт, Фест, Прианс. В IV в. до н. э. появляются монеты во многих городах, в том числе в Аптере, Аксе, Кидонии, Элirii, Исрапитне, Гиртакине, Полирении, Ретимне, Тилиссе и др. На некоторых монетах чеканятся имена мастеров, резавших штемпель. Так, известны имена Пифодора из Аптеры и Неанта из Кидонии. Характерны на монетах Крита изображения быка, лабиринта, Европы, сидящей на дереве или на быке, свидетельствующие о влиянии

⁴ В. H. e. a. d. Historia numorum. Oxford, 1911, стр. 465, 466.

легендарной критской традиции. Распространение на Крите эгинской весовой системы было обусловлено в то время торговыми связями острова, прежде всего — с прилегающими островами. Такой расцвет монетного дела именно в V—IV вв. до н. э. в критских полисах был вызван развитием внутренней и внешней торговли, увеличением числа портовых городов, усилением посреднической торговли.

По корпусу монет критских городов⁵ можно проследить смену изображений на монетах городов Крита. Важно отметить, что изображения котлов и треножников встречаются на серебряных монетах (в которых мог вестись счет в надписях) только трех городов; из них одна Кидония имела большое политическое и экономическое значение. Все эти монеты относятся к IV в. до н. э. На монетах Гортины, которой принадлежат надписи с упоминанием котлов и треножников, таких изображений не имеется вовсе на протяжении всего периода ее чеканки.

Предположение Свороноса относительно надчеканки котла или треножника, даже если отбросить его спорность, не решает вопроса, так как влечет за собой необходимость датировки архаических надписей временем не ранее V в. до н. э. Разрешение исследуемого вопроса о котлах и треножниках тесно связано с вопросом о развитии торговых связей и обмена на Крите в архаическую эпоху. Ибо только развитие торговли может создать необходимые предпосылки для появления на острове собственной монеты. Между тем до VI в. до н. э. торговая роль острова представляется довольно незначительной, а торговля сильно сокращенной по сравнению с предшествующей эпохой. Такое сокращение торговли острова не могло стимулировать раннее появление монеты в критских городах, поэтому естественно, что первые критские монеты чеканятся только в V в. до н. э.

Чем же являлись в таком случае «котлы» и «треножники» — в VII—VI вв. до н. э., о которых упоминается в надписях из Гортины?

В надписях из Гортины с виновного взыскивается самое разнообразное количество «котлов»⁶ (1, 3, 5, 6, 10, 12, 20, 30, 50, 100). «Треножник» — упоминается только один раз и при том в количестве одного экземпляра. Вот архаические надписи из Гортины⁶:

№ 4962 . πέντε λέβητας

τριάνκοντα []

. ἑκατὸν λέβητας

№ 4965 . ἑκατὸν λέβητας

№ 4967 . . F[κ[α]τι λέβητ[ας]

№ 4968 . πενήκοντα λ[έβητας]

[Fί]κατι λέβητας

πεντήκοντα λέβητας

№ 4969 . τριποδα ἕνα

. δι[ε]κα или δι[ωδε]κα λεβήτων

№ 4972 . πέντε λέβητας

№ 4979 . πενήκοντα λέβητας

Первый издатель и комментатор этих надписей итальянский археолог Компаретти считал, что в архаическом гортинском законодательстве котлы и треножники служили непосредственным средством обмена и что уплата всех штрафов производилась действительно котлами и треножниками⁷. Такой же точки зрения придерживается и исследователь архео-

⁵ I. N. S v o r o n o s. Numismatique de la Crète ancienne, t. I, 1890, Аггера — табл. I, 3; Акс — табл. II, 32, 33, табл. III, 1, 2; Кидония — табл. IX, 1, табл. XXX, 26.

⁶ Цитирую по S. G. D., I. Bd. III, H. II.

⁷ D. C o m p a r e t t i. Iscrizioni archaiche cretesi. Mon. Ant. III, Roma, 1893.

логии Крита Дж. Пендлбери, который писал, что применяемый в надписях алфавит, совпадающий за исключением некоторых отличий с алфавитом Феры и Мелоса, позволяет датировать их самым началом VI в. до н. э., и из этих надписей «видно, что денежными единицами для исчисления штрафов были котлы и треножники»⁸.

Однако в данном случае скорее прав Своронос, который возражал Компаретти, указывая на то, что вряд ли возможен реальный случай выплаты в суд осужденным 50 или даже 100 котлов. Это неизбежно затрудняло бы обмен. Мы знаем, что в более ранний период в Греции котлы и треножники были довольно широко распространены в качестве первоначального средства обмена. Их применяли в качестве эквивалента стоимости товаров. По поэмам Гомера можно проследить, как первоначальный эквивалент стоимости — скот — постепенно вытесняется металлическими предметами. Так, в «Илиаде»⁹ говорится о том, что ахейцы в лагере под Троей покупают лемносское вино, отдавая за него медь, кожи, быков и рабов. Здесь перечислены все наиболее ходовые товары: медь, скот, рабы. Далее прямо указывается на то, что медные треножники и котлы представляют большую ценность. Ахилл восклицает: «Все можно взять грабежом — быков, тучных овец, металлические котлы и золотые гривы коней». Котлы и треножники — первый приз в состязаниях. Стоимость одного треножника приравнивается к стоимости 12 быков, что свидетельствует о большой ценности этих предметов, τῶ μὲν νικῆσαντι μέγα τρίποδ' ἐμπυρίβητον, τον δὲ δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τῶν Ἀχαιοί¹⁰.

Возможно, что на Крите в VII—VI вв. до н. э. роль котлов и треножников в обращении сводилась к тому, что они (чаще — котлы или котлы с треножниками вместе) служили выражением (эквивалентом) стоимости других товаров, скорее являлись счетной единицей, чем непосредственно принимали участие в обмене. К стоимости котлов приравнивалась стоимость других товаров, а в чем выражалась уплата штрафов — решить за неимением сведений трудно. Может быть, это были слитки серебра или какие-нибудь другие предшественники монеты, стоимость которых измерялась по старому обычаю, в счете котлов или треножников. О том, что котлы и треножники в VIII—VI вв. до н. э. на Крите представляли большую ценность, свидетельствуют многочисленные находки этих предметов в слоях VIII—VI вв. до н. э.¹¹ В слое V в. до н. э. такие находки уже не встречаются, что очень показательно. Нет и упоминаний о «котлах» и «треножниках» в критских надписях V в. до н. э.¹²

В «Гортинской правде» все штрафы взыскиваются в статерах и драмах. Так, за самовольный увод свободного полагался штраф в 10 статеров, раба — 5 статеров; за задержку свободного вопреки решению суда — 50 статеров, раба — 10 статеров. Наибольшая сумма штрафа по гортинскому законодательству V в. до н. э. равняется 100 статерам¹³. В законодательстве упоминаются штрафы в 5, 10, 50 и 100 статеров. Таким образом, в архаическом гортинском законодательстве система счета на котлы была значительно более дифференцированной.

⁸ Дж. Пендлбери. Археология Крита. М., 1950 г., стр. 351.

⁹ II, VIII, 472—475.

¹⁰ См. II, IX, 123—124; II, XXIV, 233; Od., XIII, 217; Od., XV, 84; II, XVIII, 373; Od., IV, 128; Od., XIII, 13; II, VIII, 290; II, XXII, 164. Очень важны упоминания в Илиаде — II, XXIII, 264; XXIII, 702.

¹¹ См. Athenische Mitteilungen, X, 63; Musco italiano di antichità, II, 742.

¹² См. D. Comparetti. Ук. соч.; M. Guarducci, Ук. соч., т. I и II.

¹³ SGDI, Bd. III, N. II, N 4991, IX, 24—54.

Загадкой является одна надпись из Кносса, относящаяся к IV в. до н. э., где счет идет на статеры и на котлы одновременно. К сожалению, надпись сильно повреждена и не поддается восстановлению; в ней говорится о нанесении вреда животным и штрафах, которые за это налагаются на виновного. Один столбец содержит упоминание о штрафе за причинение вреда крупному рогатому скоту (*κατὰ πον*) в 20 статеров и в 70 статеров¹⁴. Другой столбец за нанесение вреда быку указывает штраф в 5 котлов (*πέντε λέβητας*). Трудно сказать, что означает это двойное обозначение штрафа, и взимается ли он в данном случае за одно и то же преступление. Очень заманчиво, во всяком случае, считать эту надпись декретом, устанавливающим переход от одной системы счета к другой, к установлению твердого монетного курса. Но это является только предположением.

¹⁴ SGDI, Bd. III, H. II, N 5072.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

УТЕРЯННАЯ ОЛЬВИЙСКАЯ НАДПИСЬ

Просматривая в библиотеке Одесского государственного университета старинные археологические издания, я обнаружил заметки, сделанные на внутренней стороне задней крышки переплета 1-го тома Записок Академии наук по отделению гуманитарных дисциплин за 1832 г.¹

По своему содержанию записи², выполненные одной рукой, но, вероятно, не в один прием, распадаются на две группы. В верхней части исписанного пространства помещены мелкие сноски к статье акад. Кёлера о рыбном хозяйстве античного Причерноморья, воспроизведенные на рис. 1.³ Они указывают параллельные тексты источников, а в одном случае исправляют понимание одного места Марциала. О компетентности автора заметок свидетельствует выраженное им сомнение в правильности мнения Кёлера, считавшего известных ольвийских «рыбок» осетрами или стерлядями. Ниже этих строк помещена новая запись, которую позволяем себе воспроизвести в точности:

Новые мраморы ольвийские.

№ I. 8½ — 7½ в.

Ι Γ Ε Ρ Ι Φ Α Ρ Ν Α Γ Ο Ν
Υ Ρ Ι Σ Π Ι Ν Δ Ι Α Λ Ο Σ
Ο Σ · Ι Α Ν Γ Ε Λ Ο Υ
Σ Ξ Μ Α Χ Ο Σ Σ Α Τ Τ Α
Ο Υ Α Ν Ε Θ Κ Α Ν Σ Ε Φ Α Ν Ο Ν
Σ Ε Α Ν Ε Ν Ψ Η Φ Ο Ν Υ Γ Ε Ρ
Σ Ξ Ψ Ρ Ι Α Σ Κ Α Ι Α Ν
Ε Ψ Ε Ν Ε Υ Α Ρ Ι Σ Τ Ε
Τ Ρ Α Τ Η Γ Ε Α Ν Α Σ
Ε Φ Α Ν Ω

№ II. 3 — 2½ в.

Ι Α Ρ Χ Ο
Ι Ο Υ Α Α Ρ Χ Ο
Σ Φ Ε Ν Ο Υ Σ Υ Ε Ε Ι Δ
Α Ν Ε Σ Κ Ε Υ Α Σ Ε Ν
Ρ Ο Υ Δ Ι Σ Τ Ε Τ Α Π Ο
Ε Θ Η Κ Ε Ν

¹ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de S.-Petersbourg 6-ème série, sciences politiques, histoire et philosophie, t. I. СПб., 1832; шифр 216/34-с, инв. номер П. 408908.

² Ветчина подлинника записи 260 × 208 мм; ввиду слабости карандашных линий фотографии выполнена с прориски на кальку.

³ П. К. Kochler. ΤΑΡΙΧΟΣ ou recherches sur l'histoire et antiquités des pêcheries de la Russie méridionale, стр. 347—490.

№ 3. $5\frac{2}{3}$ — $4\frac{1}{3}$.

Α ΓΑΘΗΤΥΧΗ
 ΒΙΟΠΟΛΙΤΑΙΕΔ ΚΑΝ.
 ΕΟΔΟΤΩΙΔΙΟΝ ΞΙΟΥ
 ΞΤΡΙΑΝΩΙΑΥΤ ΙΚΑΙ
 ΕΓΓΟΝΟΙΞΡΟ ΕΝΙΑΙ
 ΠΟΛΙΤΕΙΑΝΠΡΣ ΔΡΙΑ
 ΑΤΕΛΕΙΑΝΓΑΙ ΓΩΝΧΡ
 ΑΤΩΝΩΝΑΝ ΥΤΟΞ
 ΕΞΑ ΗΠΠ
 ΟΙΞΚΟΙ

№ 4. $5\frac{2}{4}$ — $4\frac{3}{4}$.

ΑΝΙ
 ΤΩΝΩΝΟΝΑΙΙΟΞ
 ΕΙΞΑΓΗΗΕΞΑΓΗΙ
 ΗΓΑΙΔΕΞΗΘΕΡΑΓΟΝ
 ΤΕΞΚΑΙΕΙΞΠΛΟΥΝΚΑΙ
 ΕΚΚΠΛΟΥΝΚΑΙΕΜΠ
 ΛΕΜΩΙΚΑΙΕ

Перед нами копии четырех греческих надписей из Ольвии, над каждой из них указаны ее размеры. Две из них хранятся в настоящее время в Одесском государственном археологическом музее (№№ II и 4), третья — в Государственном историческом музее в Москве (№ 1), а четвертая не попала, как можно полагать, в музей и осталась неизданной. Остальные были опубликованы в 1863 г. В. Н. Юргевичем в статье «Три отрывка ольвийских надписей», помещенной в 5-м томе Записок Одесского общества истории и древностей, а затем повторены акад. В. В. Латышевым в его сборнике⁴. При сравнении карандашных набросков с текстами, воспроизведенными В. Н. Юргевичем и В. В. Латышевым, нетрудно установить тесную их близость и в то же время ясные доказательства того, что эти наброски были списаны с оригиналов непосредственно по камням, оттискам или фотографиям. В противном случае пришлось бы допустить, что они нанесены на переплет после издания IOSPE, что не представляется вероятным, поскольку тогда следовало бы ожидать большей близости записанных на переплете текстов к изданию В. В. Латышева. К тому же трудно допустить, что уже после 1916 г. кому бы то ни было могла прийти в голову мысль переписать надписи, объединенные механически лишь первой публикацией, сверив их с обоими изданиями I тома IOSPE и снабдив заголовком «новые». Ввиду этого остается предполагать, что тексты списаны с оригиналов (или с надежных копий) и не связаны с публикациями В. В. Латышева⁵. Именно это и заставляет с полным вниманием отнестись к копии четвертой надписи.

Прежде, однако, чем перейти к ее разбору, следует попытаться определить время составления разбираемых заметок. Первая из плит найдена в Ольвии в мае 1862 г.⁶; следовательно, запись не старше этого времени. С другой стороны, вряд ли можно думать, что тексты списаны в том порядке, в каком они расположены в первой публикации, отсутствующая же там надпись оказалась вклиненной между ними. Поэтому представляется вероятным, что запись выполнена до выхода в свет статьи В. Н. Юргевича. Цензурное разрешение на выход V тома Записок Одесского общества исто-

⁴ Надпись № I — ЗООНД, т. 5, 1863, стр. 589, № 1 — IOSPE, I, № 68—IOSPE, I², № 107; надпись № II — ЗООИД, т. 5, 1863, стр. 591, № 2 — IOSPE, I, № 104 — IOSPE, I², № 185; надпись № 4 — ЗООНД, т. 5, 1863, стр. 592, № 3 — IOSPE, I, № 9 — IOSPE, I², № 23.

⁵ Об этом говорят и размеры, приведенные везде только в двух направлениях и в вершках.

⁶ IOSPE, I², № 107.

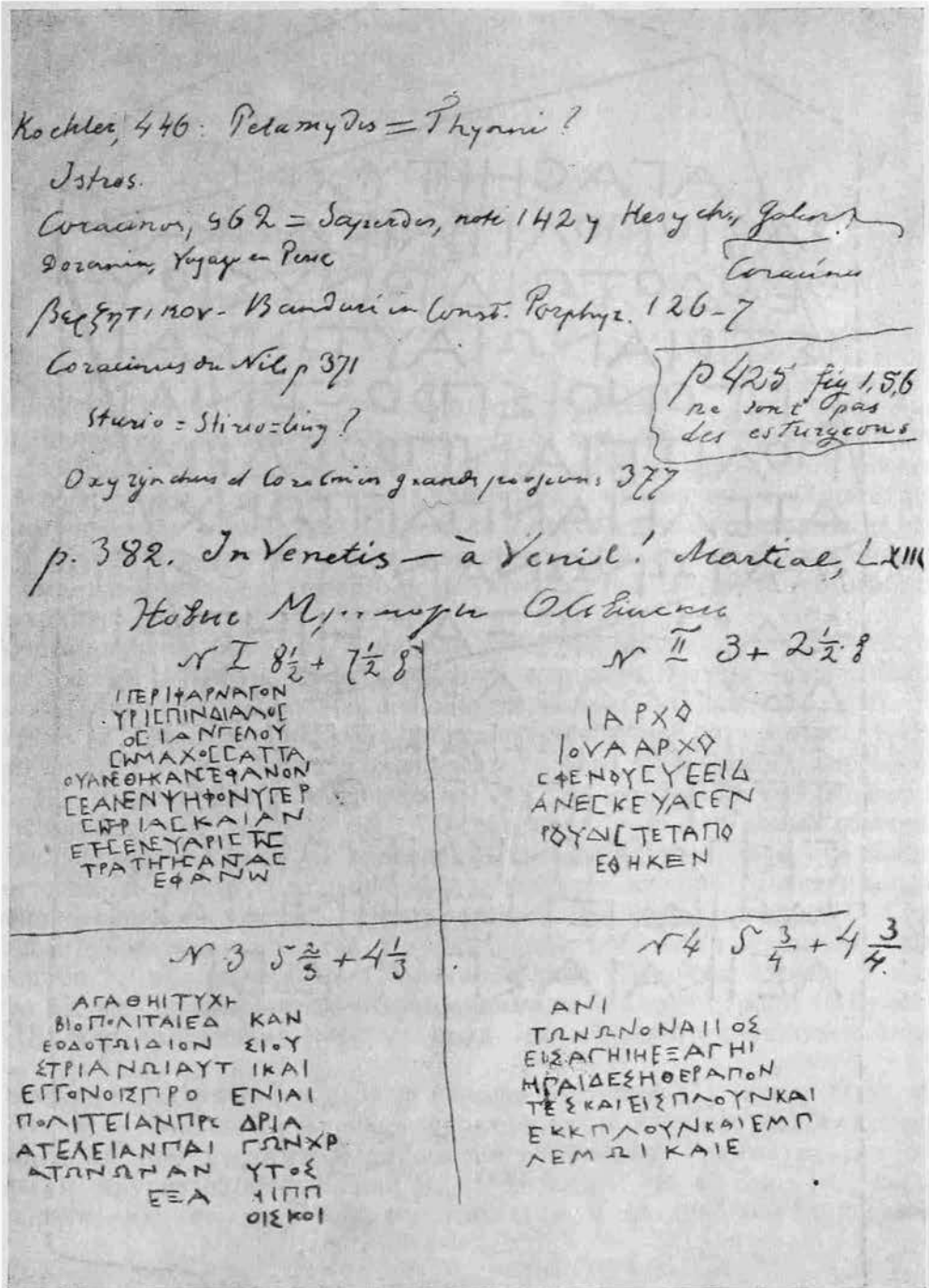

Рис. 1. Запись утерянной ольвийской надписи.

рии и древностей помечено 10 апреля 1863 г., поэтому именно в период между маем 1862 г. и апрелем 1863 г. интересующая нас запись была, надо полагать, нанесена на переплет. Настоящая статья посвящена публикации неизданной и, вероятно, навсегда утраченной надписи.

В карандашной копии видны остатки 128 букв, расположенных в 10 строках греческой надписи, представляющей обычный текст постановле-

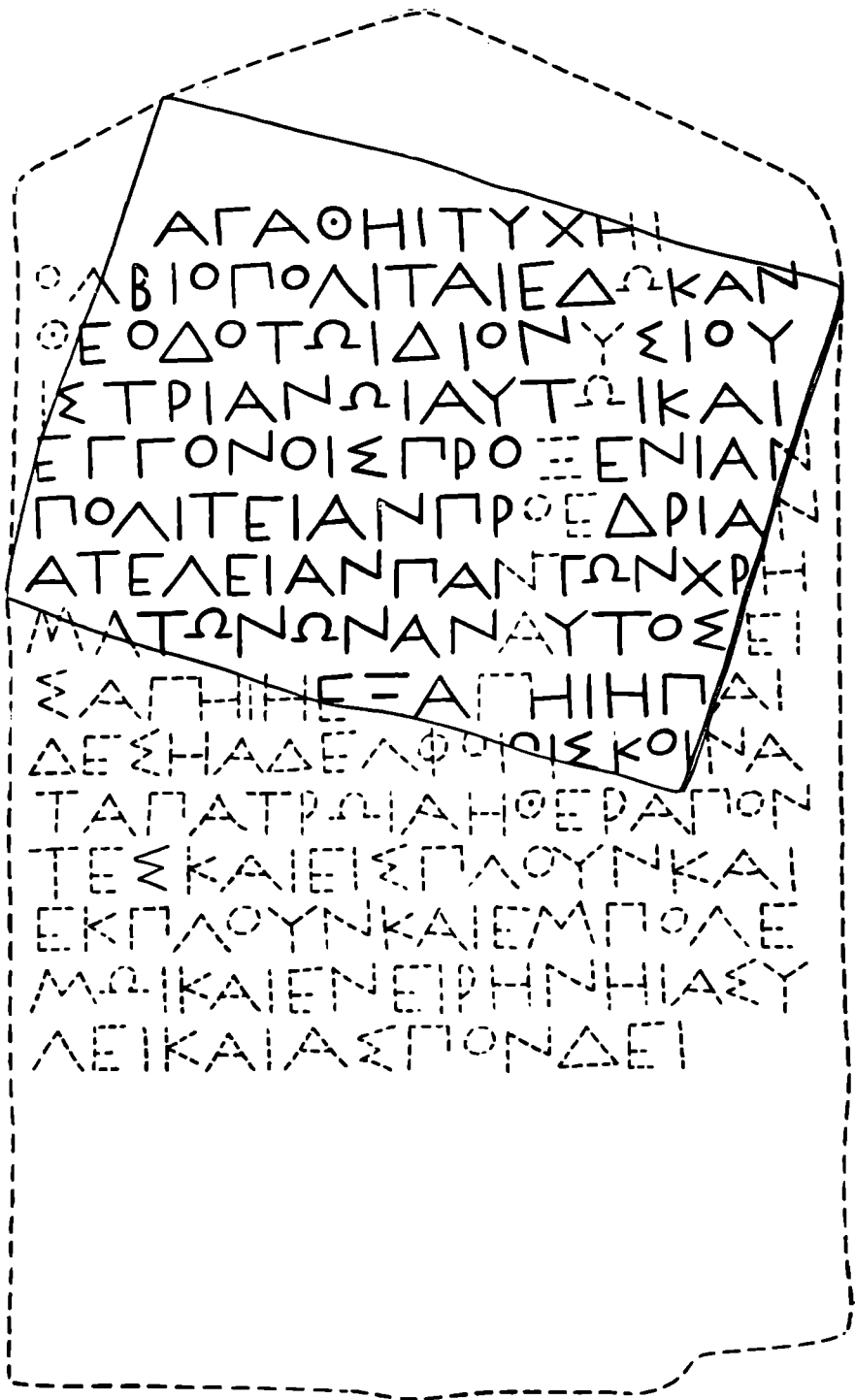

Рис. 2. Утерянная ольвийская надпись.

ния о прокесении. Документ сохранился хорошо, хотя нет ни одной полностью уцелевшей строки. Надпись списана точно (единственная опска — ΠΠ вместо ΗΠ в конце строки 9) и восстанавливается с надежной точностью в следующем виде (рис. 2):

1 Ἀγαθὴ τύχη|ι.
Ὀλβιοπολιταὶ ἐδ[ω]καν

11
18

	Θεοδότῳ Διονυσίῳ	17
	Ἰστριανῶι αὐτῶι καὶ	17
5	ἐγγόνοις προ[ε]νίαν,	17
	πολιτεῖαν, προ[ε]δρία[ν,	18
	ἀτέλειαν πάντων χρ[η-	17
	μ]άτων, ὧν ἂν [α]ὐτος [εἰ-	16
	σαγγη ἢ] ἐξά[γ]η, ἢ π[αῖ-	16
10	δες, ἢ ἀδελφοί] οἷς κοί[νῃ	19
	[τὰ πατρῷα, ἢ θερῶπον-]	(17)
	[τες καὶ εἰσπλου καὶ]	(17)
	[ἔκπλου καὶ ἐμ πολέ-]	(16)
	[μῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ ἄσυ-]	(18)
	[15]λαὶ καὶ ἀσπονδαί.]	(14)

Перевод: «В добрый час. Ольвиополиты даровали Теодоту, сыну Дионисия, истриянцу, самому и потомкам [его] проксению, права гражданства, проедрию, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввез либо вывез он сам, или дети [его], или братья, владеющие сообща отцовским имуществом, или слуги: [даровали также] и права выходить и входить [в гавань] и во время войны, и во время мира, и неприкосновенность [его самого и принадлежащего ему имущества] без [заключения особого] перемирия».

Восстановление букв ОА в начале строки 2 не может вызывать сомнений; таким образом, принадлежность надписи Ольвии доказывается надежно. Легко дополняются небольшие лакуны в строках 1 и 3—8⁷. В строке 5 обращает на себя внимание необычное начертание ἐγγόνος вместо ἐχγόνος; такая форма засвидетельствована для Ольвии лишь в начале III в. н. э.⁸ Впрочем, уже в IV в. до н. э. встречается ἐκπλοῦ под влиянием следующего καὶ⁹. В строке 6 и далее, кроме обычного для Ольвии предоставления проксении, гражданских прав и освобождения от пошлин вместе с разрешением свободного входа в гавань в мирное и военное время¹⁰, находим и дарование чествуемому проедрии¹¹. Строки 9 и 10 восстанавливаются на основании проксении Херигена, сына Метродора¹², с исправлением предпоследней буквы в строке 9 на Η вместо Π; это доказывается сохранившимися в конце строки 10 буквами ΟΙΕΚΟΙ, для дополнения которых вряд ли можно предложить что-либо иное.

Окончание надписи (со второй половины строки 11) может быть восстановлено с большой степенью вероятности в соответствии с другими ольвийскими документами о даровании проксении. Грамматически возможны и другие варианты, например, ἢ θερῶπον, καὶ εἰσπλου καὶ ἐκπλου καὶ εἰρήνης καὶ πολέμου, как это читается в недавно опубликованных

⁷ Ср. IOSPE, I², № 20 и 21.

⁸ См. постановление в честь Агафокла, строка 12 (С. С. Дложевский и Новин ольвийский декрет на честь Агатокла-эвоката. Зб. ИФВ ВУАН, № 51, 1927, стр. 310, 311); ср. SEG, II⁷, 2, 1929, № 584.

⁹ См. IOSPE, I², № 22.

¹⁰ Ср. IOSPE, I², № 20, 21, 28.

¹¹ Заметим, что это может рассматриваться как одно из доказательств того, что данный текст был знаком В. Н. Юргевичу: при восстановлении однотипного памятника (№ 4; IOSPE, I², № 23; ср. ЗОИИД, т. 5, 1863, стр. 592) он предлагает дополнение [δεδοσθαι αὐτῷ πολιτεῖαν, проедρία, ἀτέλειαν [πάντων χρημάτων κτλ, в то время как ни в одной ольвийской проксении не содержится упоминания о даровании чествуемому проедрии, и публикуемый памятник является единственным случаем такого рода.

¹² IOSPE, I², № 20.

обломках новонайденной проксении IV в. до н. э.¹³ Мы предпочитаем, однако, форму множественного числа $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\pi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ (строки 11—12), как в IOSPE, I², № 21 и 23, а не $\theta\epsilon\rho\acute{\alpha}\pi\omega\nu$, как в IOSPE, I², № 20, и оборот $\epsilon\mu\ \pi\omicron\lambda\epsilon\mu\omega\iota\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\nu\ \epsilon\iota\rho\acute{\iota}\gamma\eta\iota$ (IOSPE, I², № 20, 23, 27, 28) вместо беспредложной конструкции, которую находим в IOSPE, I², № 22 и в упоминавшемся позднем декрете в честь Агафокла-эвоката¹⁴. Разумеется, не может быть безусловной уверенности в предлагаемом чтении полностью утраченных строк 11—15, но общий смысл их можно считать восстановленным правильно¹⁵.

Остановимся на вопросе о форме и внешнем виде камня. После долгих попыток уложить сохранившиеся буквы в пределы указанных в заголовке размеров ($5\frac{2}{3}$ на $4\frac{1}{3}$ вершков, как видно из сравнения с № I, II и 4 и со статьей В. Н. Юргевича), и условно принимая, что форма обломка приближалась к прямоугольной, мы в конце концов остановились на предположении, что уцелевшая часть надписи представляла собой со всех сторон обитую плиту, параллельно правому краю которой проходил излом (см. реконструкцию памятника на рис. 2). При таком предположении, — разумеется, гипотетическом, — получаем, что исписанная часть плиты должна была составлять примерно площадь $0,31 \times 0,27$ м, высота букв — около 0,015 м, расстояние между строками — около 0,005 м. Это довольно близко сходится с соответствующими размерами аналогичных памятников¹⁶.

Переходя к попытке определения времени утерянной надписи, нужно остановиться на следующих соображениях. Она отличается краткой формулировкой прескрипта — $\text{Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν}$, типичной для наиболее ранних документов такого содержания, относящихся еще к IV в. до н. э., примером чего может служить проксения Херигена месембрийца или Дионисия, найденная в Херсонесе¹⁷. Между тем аналогичные документы, уже начиная с III в. до н. э. открываются формулой $\text{ἔδοξε τῷ βουλευτῇ καὶ τοῖς δήμῳ}$, за которой следует упоминание об архонтах «Семи» или лицах, внесших данное предложение. Таковы, например, декрет в честь неизвестного, оказывавшего услуги приезжавшим на остров Левку ольвиополитам¹⁸, надпись в честь Навтима каллатийца¹⁹, новонайденные постановления в честь херсонесита Дионисия²⁰, в честь сыновей другого херсонесского гражданина Аполлония²¹, а также обломки подобных документов²². Этому времени (т. е. IV в. до н. э.) вполне соответствует и содержание документа, подробно перечисляющего дарованные проксену права, но не заключающего никаких сведений о его заслугах, об

¹³ Е. И. Леви. Ольвийская агора, МИА СССР, № 50, 1956, стр. 107—108, № 7

¹⁴ С. С. Дложевский. Ук. соч., стр. 310, 311; SEG, III, 2, № 584.

¹⁵ Тем самым устанавливается и количество строк. В уцелевшей части, не считая строки 1, содержащей обычную формулу ἀγαθῆς τύχης , находим в двух случаях по 18, в четырех — по 17, в двух — по 16 букв. Для строки 10 наиболее вероятное число букв — 19. В таком случае, распределяя восстанавливаемый текст от слов ἡ θερᾶποντες и далее, получаем, согласно предполагаемой реконструкции, для строк 11 и 12 по 17 букв, для строк 13—16 букв, для строки 14—18 букв и для последней, неполной (как и во всех опубликованных надписях этого рода, см. IOSPE, I², № 20—23) строки — 14 букв. Трудно представить себе, чтобы текст мог быть втиснут в 14 или растянут на 16 строк.

¹⁶ Ср. IOSPE, I², № 20—23.

¹⁷ IOSPE, I², № 20 и 21.

¹⁸ IOSPE, I², № 26.

¹⁹ Там же, № 27.

²⁰ Е. И. Леви. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. ВДИ, 1951, № 1, стр. 142—149.

²¹ Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177—183.

²² IOSPE, I², № 29 и 31.

объявлении ему благодарности от лица граждан, о месте постановки плиты с текстом документа²³. Наконец, с таким хронологическим определением вполне согласуются, — правда, довольно шаткие, — палеографические указания, содержащиеся в копии, которые можно рассматривать как косвенное подтверждение датировки документа второй половиной IV в. до н. э. Мы имеем в виду формы букв: σ , γ , π , ω и др.

Сравнительно немного можно сказать о собственных именах надписи. Звали чествусмого гражданина Истрии — Феодот, сын Дионисия. Имя $\Thetaεοδοτος$ засвидетельствовано в Ольвии лишь однажды как отчество упоминаемого в одном из ранних надгробий Апатурия²⁴. Близкое по образованию и значению $\Thetaεοδωρος$ также редко для Ольвии (можно указать лишь в римское время Феодора, сына Тумбага, стратега, участвовавшего в постановке посвященных надписей Аполлону Простату и Ахиллу Понтарху²⁵). Зато для Истрии Феодот — достаточно известное имя. В IV в. до н. э. находим, например, жрецов-эпонимов Гипполоха и Гегесагора, сыновей Феодота²⁶. Что касается имени отца чествусмого, Дионисия, то оно было настолько распространено в эллинском мире, в том числе в Ольвии и в Истрии, что не нуждается в комментариях²⁷.

По содержанию восстанавливаемый декрет о проксении довольно трафаретен, но все же некоторые особенности заслуживают внимания. Прежде всего Феодот, сын Дионисия, получил от ольвиополитов, наряду с проксенией, гражданскими правами, освобождением от пошлин, правом свободного входа в гавань в мирное и военное время, также и проедрию, т. е. право занимать почетное место во время празднеств, игр, театральных зрелищ, общественных собраний и т. п.²⁸ При всей ограниченности реального содержания этого почетного преимущества, оно должно быть выделено, так как встречается в первый раз и в изданных и в неизданных памятниках ольвийской эпиграфики. Правда, известный договор ольвиополитов и милетян об исополитии, относимый ко времени около 330 г. до н. э., предусматривает взаимное предоставление гражданам каждого из государств на территории другого права на проедрию²⁹. Кроме того, ольвийские граждане имели порой права проедров в других полисах эллинского мира. «Борисфенит» Дионисий, сын Дионисия, упоминается в 263—260 гг. до н. э. в числе тех, кому дельфийцы даровали „ $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma$ και $\acute{\epsilon}\kappa\gamma\acute{\omicron}\nu\omicron\iota\varsigma$ $\pi\rho\acute{\omicron}\xi\epsilon\nu\lambda\alpha\nu$, $\pi\rho\omicron\alpha\nu\tau\epsilon\iota\alpha\nu$, $\pi\rho\omicron\delta\iota\chi\iota\alpha\nu$, $\pi\rho\omicron\epsilon\delta\rho\iota\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\sigma\upsilon\lambda\iota\alpha\nu$, $\theta\epsilon\alpha\rho\omicron\delta\omicron\kappa\iota\alpha\nu$, $\acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\alpha\nu$ $\pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ και $\tau\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$ $\acute{\omicron}\sigma\alpha$ και $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\varsigma$ $\pi\rho\acute{\omicron}\xi\epsilon\nu\omicron\iota\varsigma$ και $\epsilon\upsilon\epsilon\rho\gamma\epsilon\tau\alpha\iota\varsigma$ ”³⁰.

По всей вероятности, ольвиополиты Посидей, сын Дионисия, и Диодор, сын Агрота, получившие в начале II в. до н. э. проксению «и все остальное, что дано остальным проксенам и благодетелям святилища и делос-

²³ В. В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 233; Е. И. Л е в и. Ольвийский декрет..., стр. 144. Заметим кстати, что было бы опрометчиво делать на основании употребления краткой или полной формы прескрипта заключение об изменениях в государственном строе Ольвии: уже в первой половине IV в. встречается и развернутая форма прескрипта, но в документе иного содержания (IOSPE, I², № 24).

²⁴ IOSPE, I², № 208.

²⁵ IOSPE, I², № 94, 136.

²⁶ Т. В. Б л а в а т с к а я. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М. 1952, Приложение, стр. 242, № 1—3 (ср. стр. 71).

²⁷ Ср. IOSPE, I², стр. 559.

²⁸ В. В. Л а т ы ш е в. Очерк греческих древностей, ч. I³, СПб., 1897, стр. 75, 213, 312, 313; ср. е г о ж е. Исследования..., стр. 51, 52, 218—226.

²⁹ Б. Н. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 264, 265, № 35; ср. С. А. Ж е б е л е в. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 38—47.

³⁰ Б. Н. Г р а к о в. Ук. соч., стр. 247, 248, № 12. Наряду с ольвиополитом в этом документе упоминаются каллатиец, херсонесит и «буспорит».

цев», были в свою очередь проедрами Делоса³¹. Однако при всем том в постановлениях Ольвии и вообще Северного Причерноморья проедрия представляется чуждому иноземцу впервые в данном документе³².

Не лишено, наконец, известного значения и то, что права беспопытной торговли и свободного въезда, дарованные Феодоту, распространяются не только на его детей или доверенных слуг, но и на братьев, владеющих нераздельно с Феодотом унаследованным от отца имуществом (τὰ πατρῶια). Подобное преимущество было предоставлено незадолго до этого и месембрийцу Херигену. Вполне вероятно, что это свидетельствует об особой интенсивности торговых операций, которые вела семья Феодота с Ольвией³³. Если учесть, что оба известных из опубликованных надписей случая предоставления подобных прав ольвийским проксенам относятся к гражданам городов Западного Причерноморья — Месембрии и Истрии, — можно полагать, что в IV в. до н. э. Ольвия поддерживала тесные торговые и политические связи со своими западными соседями, на смену чему в III—II вв. пришли тесные связи с Херсонесом³⁴.

Итак, утерянная надпись принадлежала к числу ранних ольвийских декретов о проксении и является, насколько нам известно, четырнадцатым памятником этого рода, относящимся к IV в. до н. э.³⁵ Значение ее трудно переоценить: она входит в ряд подобных документов и иных эпиграфических источников, связывающих Ольвию с городами «левого Понта». До настоящего времени известны два аналогичных памятника: декрет в честь месембрийца Херигена, сына Метродора, IV в. до н. э.³⁶ и относящееся к следующему столетию постановление в честь каллатийца Навтима, сына Пасиада³⁷. Имеются, правда и некоторые другие эпиграфические документы, иллюстрирующие связи Ольвии с побережьем Малой Скифии и Фракии в эллинистическое время, — это надгробие III в. до н. э., принадлежавшее месембрийцу Сатпру, сыну Дионисия, похороненному в Ольвии³⁸, и упоминание о купцах-томитянах, которые останавливались в Тире на пути к Ольвии; последнее заключается в декрете города Тома в честь тиранца Нила, относящемся ко II—I вв. до н. э.³⁹

Немногим больше таких указаний и для последующего времени. Некий уроженец Никоидии, получивший права гражданства в Томах, выступал в Ольвии в качестве архитектора, выстроившего в 198 г. н. э. «баню со штучным полом»⁴⁰; в Томах найдено надгробие примерно того же времени, поставленное ольвиополитом Понтиком, сыном Никия, над могилой сына Сатира⁴¹; города Западного Понта перечислены среди

³¹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 257, 258, № 23, 24. Προεδρία ἐν τοῖς ἀγῶσιν οἷς Δῆλοι τετέκων была дана полувеком ранее пантикапейлу Койрану (там же, стр. 255, 256, № 21).

³² На основании дарования Феодоту прав проедра можно было бы при желании заключать и о наличии в ту пору в Ольвии театра; ср. IOSPE, I², № 25, а также Е. И. Леви, Новая ольвийская надпись..., стр. 182.

³³ Ср. Т. В. Блаватская. Ук. соч., стр. 77.

³⁴ Е. И. Леви. Ольвийский декрет..., стр. 147—149; е е ж е. Новая ольвийская надпись..., стр. 181—183.

³⁵ IOSPE, I², № 20—23; Е. И. Леви. Ольвийская агора..., стр. 108, рис. 69. Кроме того, в последние годы найдены еще два целых декрета и шесть обломанных (они нам известны по докладам Е. И. Леви на Пленумах ИИМК в 1955—58 гг.). Наличие четырнадцати подобных документов, относящихся к одному времени, несомненно, следует рассматривать как свидетельство о значительном размахе внешней торговли и связей Ольвии с эллинистическим миром в IV в. до н. э.

³⁶ IOSPE, I², № 20.

³⁷ IOSPE, I², № 27.

³⁸ IOSPE, I², № 688.

³⁹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 310, 311, Дополнение 2.

⁴⁰ IOSPE, I², № 174; ср. В. В. Латышев. Исследования..., стр. 171, 195, 196.

⁴¹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 314, Дополнение 4. Понтик, сын Никия, извест-

других, увенчавших в конце II в. или начале III в. н. э. ольвийского гражданина Фсокла, сына Сатира⁴². Здесь упоминаются, наряду с тиранцами, томиянами, каллатийцами⁴³ и одесситами, также истрийцы — Ἰστρῆαῖοι.

Таким образом, восстанавливаемая надпись позволяет говорить о не отмечавшихся прежде торговых и дружественных отношениях между Ольвией и Истрией еще в IV в. до н. э. и является первым известным нам документом о проксении, связывающей эти города.

Значение публикуемого памятника станет еще более ясным, если принять во внимание другие факты, свидетельствующие о тесных связях между Ольвией и Истрией, двумя ионийскими колониями, возникшими по соседству почти в одно время и занимавшими примерно одинаковое положение по отношению к двум главнейшим водным и торговым артериям Причерноморья — Борисфену и Истру. Раскопки археологов Румынской Народной Республики установили близкое сходство строительных приемов истрийцев и ольвиополитов⁴⁴, не говоря уже об одновременном поступлении в оба города однотипной привозной керамики и т. п.⁴⁵ О сходстве социально-экономических условий, в которых развивались оба города (а равно и всего северо-западного побережья Понта), красноречиво свидетельствуют данные нумизматики, начиная с древнейшей поры. Так, известные ольвийские денжные знаки в форме дельфинов находят себе разительную аналогию в одновременных литых медных монетах-стрелках, обращавшихся у фракийских племен⁴⁶. В дальнейшем круглые литые монеты из меди известны не только в Ольвии, но и в Истрии, хотя в последней они никогда не достигали размеров даже самых малых ольвийских «ассов»⁴⁷.

тен как стратег и первый архонт (IOSPE, I², № 82, 128). В. В. Л а т ы ш е в относит время его жизни к концу II в. или началу III в. до н. э. «Исследования...», стр. 166, 167, 255.

⁴² IOSPE, I², № 40.

⁴³ Каллатийцы упомянуты, по всей вероятности, и в обломке другого подобного документа (IOSPE, I², № 41).

⁴⁴ См. в особенности материалы из раскопок Истрии в секторе X, где обнаружены типично ольвийские субструкции, датируемые 350—150 гг. до н. э. Ср. E. S o n d u g a s h i, S. D i m i t r i u — «Histria». Monografie arheologică, v. I, 1954, стр. 205—231, рис. 77, 78 и планы XXV—XXVII, а также русское резюме, стр. 578—579.

⁴⁵ Там же, стр. 363—451.

⁴⁶ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 121, 122, 124; ср. Т. В. Б л а в а т с к а я. Ук. соч., стр. 40, 41; Т. Г е р а с и м о в. Ськровища от бронзови стрели-монети. ИБАИ, т. XII, № 2, 1938, стр. 424—427. Подобные стрелки-монеты проникали до самой Ольвии (см. В. В. Г о л у б ц о в. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. ИАК, вып. 51, 1914, табл. II, 5, стр. 96, № 16; В. М. Скуднова, Монеты-стрелки из Ольвии, СГЭ, вып. 9, 1956, стр. 38—39) и ее окрестностей (см. И. В. Ф а б р и ц и у с. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР, вып. 1, Киев, 1951, табл. XXI, рис. 1 и 3; ср. Т. В. Б л а в а т с к а я. Ук. соч., стр. 41, прим.).

⁴⁷ Мы имеем в виду мелкие монеты с типом колеса на лицевой стороне и буквами ΙΣΤ на обороте (А. Н. З о г р а ф. Ук. соч., табл. XXЖ, 5, 6). А. В. Орешников («Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья». ИС, т. III, 1915, стр. 25, 26) и вслед за ним А. Н. Зограф (ук. соч., стр. 122—123) по месту находок считали эти монеты ольвийскими и возражали Б. Пику, который относил их к Гавани Истриан, существовавшей якобы на месте современной Одессы (В. P i c k. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, Bd. I. H. I, Berlin, 1898, стр. 180—182). В настоящее время румынские нумизматы и археологи считают этот вопрос окончательно решенным в пользу Истрии (ср., например, рецензию С. Preda на труд А. Н. Зографа — SCIV, anul. IV, 1953, № 3—4, стр. 806—807), с чем нельзя не согласиться. В самом деле, в 1949—1952 гг. обнаружено 35 таких монет из общего числа 129 монетных находок («Histria», v. I, 1954, стр. 464—467), т. е. 27%. Для примера укажем, что в Ольвии в 1935—1936 гг. они составляли 0,7% от числа найденных монет (4 экземпляра из 559, ср. А. Н. З о г р а ф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 211—256). О том, что такое соотношение не является

Об особой роли меди в денежном обращении всего этого района говорит и наличие в Томах во II в. до н. э. медных драхм, правда, в качестве счетных единиц, а не реально обращающихся монет⁴⁸. Весьма близкими были и органы финансового управления в Ольвии и Истрии, причем это сходство нельзя возвести к соответствующим учреждениям их общей метрополии — Милета⁴⁹.

Примечательно также сходство монетных типов Ольвии и западнопонтийских городов, не привлекающее, к сожалению, внимания нумизматов. Вряд ли следует считать случайностью соответствие горгонейону на ольвийских «ассах», близких по трактовке и эволюционирующих в одном направлении, фасовых изображений Горгоны на ранних серебряных монетах Аполлонии⁵⁰, а колесу с четырьмя спицами на «ассах» — такого же колеса с начальными буквами имени города на одновременных монетах Месембрии⁵¹. На монетах обоих последних городов встречается и близкое по трактовке профильное изображение Паллады в шлеме⁵². Сходство некоторых типов монет Истрии и Ольвии в IV в. до н. э. общеизвестно⁵³. В особенности близки некоторые изображения орла, держащего в когтях дельфина, так что монеты обоих городов иногда различаются лишь легендой; показательна и редкая устойчивость этого сюжета в нумизматике обоих центров⁵⁴.

Много общих черт можно отыскать и в истории Истрии и Ольвии, насколько она известна в VI—I вв. до н. э. Еще в V в. Истрия, подобно Ольвии, была тесно связана со скифами, как это показывает рассказ Геродота⁵⁵ о Скиле, сыне истриянки, «питавшем склонность к эллинским обычаям» и много раз подолгу проживавшем в Ольвии, где у него была и семья⁵⁶. Весьма показательны, что археологические памятники, которые позволяют догадываться об исторической реальности геродотового Скила, обнаружены как в окрестностях Истрии, так и в Ольвии⁵⁷. Веком

случайным, свидетельствуют и материалы раскопок Б. В. Фармаковского в 1902—1903 гг.; при этих раскопках встретились только одна такая монета, хотя всего монет было найдено более сотни, в том числе 6 ассов (см. Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 231—237).

⁴⁸ E. V a b e l o n. *Traité des monnaies grecques et romaines*, p. 1, t. I. Paris, 1901, стр. 410—411.

⁴⁹ Т. В. Блаватская. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 57, 58.

⁵⁰ Например, А. Н. Зограф. *Античные монеты*, табл. XXXI, 1, 2, 5 и Т. В. Блаватская. *Западнопонтийские города...*, рис. 9, 2, 4.

⁵¹ Например, А. Н. Зограф. *Античные монеты*, табл. XXX, 3; XXXI, 2, 3 и Т. В. Блаватская. *Западнопонтийские города...*, рис. 31, 22—25.

⁵² А. Н. Зограф. *Античные монеты*, табл. XXX, 3, 4, и Т. В. Блаватская. *Западнопонтийские города...*, рис. 31, 25.

⁵³ Б. Н. Граков. *Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов*. М., 1928, стр. 22—25; ср. рецензию А. Н. Зографа—ZfN., т. XL, 1930, стр. 174—175.

⁵⁴ В. Риск. *Ук. соч.*, табл. II, 20—26 табл. III, 4 и табл. IX, 3, 4; Т. В. Блаватская. *Западнопонтийские города...*, рис. 31, 1—11 (Истрия); А. Н. Зограф. *Античные монеты*, табл. XXXII, 11—13. Монеты последнего типа обильно представлены на табл. XVI—XXVI, приложенных к ук. соч. В. В. Голубцова.

⁵⁵ Herod., IV, 78—80.

⁵⁶ В. В. Латышев. *Исследования...*, стр. 41—45; ср. Т. В. Блаватская. *Западнопонтийские города...*, стр. 47, 48, а также Б. Н. Граков. *Скифы*. Київ, 1947, стр. 24 и 30.

⁵⁷ Историческое существование Скила и его связь с Истрией подтверждаются находкой у с. Карахарман (в 10 км к югу от Истрии) золотого перстня V в. до н. э. со щитком, на котором изображена сидящая богиня и вырезано имя ΣΚΥΛΕΩ (V S a n a g a s h e. *Monetele scitilor din Dobrogea*, SCIV, anul. I, 1950, N 1—2, стр. 216, 217; упоминаемая автором статья Д. Аностолиди осталась нам недоступной). Мраморный грифон или сфинкс Одесского археологического музея, происходящий из Ольвии и относящийся к середине V в. до н. э. (Б. В. Фармаковский—

позже ольвиополиты и истрианцы, отразив нашествие Зопириона, направленное против их соседей — гетов и скифов⁵⁸, заключают или возобновляют договоры об исополитии с метрополией⁵⁹. Столетие спустя оба города оказываются, как можно судить по надписям, в весьма сходных социально-экономических условиях, переживая серьезные затруднения⁶⁰. Затем оба города подпадают под власть скифских царей, о чем свидетельствуют монеты последних⁶¹. Наконец, в I в. до н. э. и Ольвия, и города Западного Понта входят в державу Митридата⁶², а затем подвергаются разрушительному нашествию гетов⁶³. Впрочем, изучение каждого из перечисленных вопросов должно быть предметом особого исследования.

Подведем итоги. Утраченная ольвийская надпись должна рассматриваться как документ, подтверждающий наличие интенсивных торговых и политических связей Ольвии и Истрии в конце IV в. до н. э. Она помогает поставить ряд вопросов, связанных с мало изученной проблемой взаимоотношений двух крупных полисов Северо-Западного Причерноморья — проблемой, которая, надо надеяться, привлечет внимание как советских ученых, так и ученых Румынской Народной Республики.

«Древний мир на юге России», М., 1918, стр. 39, рис. 34), невольно вызывает в памяти слова Геродота о доме Скилав Ольвии, вокруг которого стояли «беломраморные сфинксы и грифоны» (Herod., IV, 79).

⁵⁸ Iust., XII, 2, 16; Curt., Hist. Alex. M., X, 1, 43.

⁵⁹ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 264, 265, № 35; С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 38—47; Т. В. Блаватская. Западнопонтские города..., Приложение, ст. 249, № 5 (ср. там же, стр. 103, 104).

⁶⁰ Очень ценно было бы сопоставить данные декрета в честь Протогена и особенно надписи в честь сыновей херсонесца Аполлония (ВДИ, 1953, № 1, стр. 177) с постановлением истрийцев в честь каллатийца Гефестиона, сына Матрия, отношение которого к Истрии представляет разительную параллель отношению Апполлодора, Аполлония младшего и Эвфрона к Ольвии. См. O. M. Piripidi — «Histria», v. I, 1954, стр. 487—494, № 2; ср. там же надпись истрийцев в честь Диогена, сына Диогена, стр. 476—487, № 1.

⁶¹ А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 137; А. В. Орешников. Ук. соч., стр. 1—23; Т. В. Блаватская. Западнопонтские города..., стр. 144—146; V. Sapagache. Ук. соч., стр. 213—217.

⁶² С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 275—290; Т. В. Блаватская. Западнопонтские города..., стр. 162—170.

⁶³ В. В. Латышев. Исследования..., стр. 145—160; его же. «PONTIKA». СПб., 1909, стр. 239—241; В. Д. Блаватский. Северопонтские города в конце II—I вв. до н. э., «Вестник МГУ», 1949, № 7, стр. 57, 58; Т. Д. Златковская. Племенной союз гетов под руководством Биребисты. ВДИ, 1955, № 2, стр. 53, 88—90.

Т. Н. КНИПОВИЧ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ИЗ РАСКОПОК ОЛЬВИИ 1920—1954 гг.

Для исследователя, работающего над вопросами истории Ольвии, эпиграфический материал всегда является основным источником. Сведения об Ольвии в текстах греческих и латинских авторов исключительно скудны: Геродот для V в. до н. э., XXXVI «Борисфенитская» речь Диона Хрисостома для периода с I в. до н. э. до конца I в. н. э. представляют единственные содержательные источники; в остальном мы имеем дело лишь с самыми фрагментарными сообщениями. Между тем уже к моменту опубликования В. В. Латышевым второго издания I тома IOSPE было учтено 309 ольвийских надписей. Этот список был не совсем полным уже тогда; в советский период количество эпиграфических памятников Ольвии значительно возросло. Но ценность этого материала определяется, конечно, не столько количеством экземпляров, сколько присутствием в нем памятников, содержащих исторические сведения первостепенного значения.

Образцовое издание В. В. Латышева, охватившее, во всяком случае, подавляющее большинство надписей, найденных до 1916 г., избавляет меня от необходимости задерживаться на характеристике ольвийской эпиграфики. Напомню самые основные ее особенности. В классификации В. В. Латышева надписи разбиты на 5 крупных разделов (*classis*): декреты; посвятельные надписи разных категорий; почетные надписи, особенно надписи на пьедесталах статуй; каталоги; надгробные надписи; шестой раздел — *varia* — состоит, за немногими исключениями, из надписей, не поддающихся определению из-за их очень большой фрагментарности.

По значению, которое они имеют, надписи очень различны. Есть документы исключительной ценности. К их числу принадлежит, прежде всего, знаменитый декрет в честь Протогена¹, занимающий видное место не только в надписях Северного Причерноморья, но и вообще в античной эпиграфике; для представления об Ольвии эллинистического времени, ее экономическом состоянии, отношениях со степными племенами, государственном устройстве и о многих других сторонах ее жизни памятник этот является историческим источником первостепенного значения. Сре-

¹ IOSPE, I², № 32.

ди других ольвийских надписей нет ни одной сколько-нибудь равноценной декрету в честь Протогена. Однако имеются и отдельные важные документы, и серии однотипных надписей, позволяющие сделать интересные наблюдения именно при изучении их во всей их совокупности.

К первой категории относятся многие декреты — назовем, например, декрет первой половины I в. н. э. в честь Оронта², декрет II в. н. э. в честь Карзоаза³, декрет конца II в. или начала III в. н. э. в честь Феокла⁴. Из серий надписей следует отметить широко представленные в Ольвии посвященные надписи коллегий магистратов, содержащие сведения о некоторых распространенных в Ольвии религиозных культах и вместе с тем о важнейших городских магистратурах; не менее важна серия латинских надписей, знакомящих с особой прослойкой в составе ольвийского населения — с воинами стоявших в Ольвии гарнизонов и членами их семейств.

Обилие и, главное, содержательность эпиграфического материала обусловили факт появления уже в очень давнее время публикаций, основанных именно на данной категории источников. В 1887 г. вышла из печати монография В. В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии». Книга эта, составленная крупнейшим русским эпиграфистом, явилась в свое время настоящим событием в науке по истории Северного Причерноморья в античную эпоху и не потеряла своего значения до наших дней. Однако уже давно чувствуется необходимость дополнить ее работой или работами, соответствующими уровню наших знаний.

За тот срок, который отделяет нас от времени издания монографии В. В. Латышева, в составе источников наших сведений об историческом прошлом Ольвии произошли коренные изменения, обусловленные организацией систематических археологических исследований этого города. В результате раскопок Ольвии значительно увеличилось количество известных нам эпиграфических памятников, в число которых вошли целые новые группы надписей, проливающих свет на некоторые участки истории Ольвии, ранее остававшиеся совершенно неясными. Вместе с тем появились и новые группы источников, в момент составления монографии В. В. Латышева фактически отсутствовавшие, — источников уже чисто археологических: они важны сами по себе, в сочетании с ними могут быть лучше использованы и эпиграфические памятники. В итоге заметно сокращается количество тех лакун в наших сведениях об истории Ольвии, указания на которые неоднократно встречаются в книге В. В. Латышева.

Наличие коренного сдвига в наших представлениях об Ольвии стало заметно уже к тому времени, которому принадлежит второе издание ольвийских надписей. Новой монографии об Ольвии не написал ни сам В. В. Латышев, ни другие исследователи Ольвии. Но во второе издание I тома, существенно дополненное и снабженное обширным комментарием, вошли также результаты исследования ольвийских надписей, осуществленные другими учеными: оно как бы подвело итоги и собиранию, и исследованию надписей за все время, предшествующее советскому периоду.

Переходим к основной теме — об ольвийских эпиграфических находках, поступавших в наши собрания в советское время. Как видно будет из дальнейшего, общее количество новых поступлений довольно

² IOSPE, I², № 79.

³ IOSPE, I², № 39.

⁴ IOSPE, I², № 40.

значительно, причем в их состав входят надписи, представляющие большой интерес. Уже назрело время для издания нового сборника ольвийских надписей, дополняющего второе издание I тома сборника В. В. Латышева. Настоящая статья, конечно, никак не может явиться таким дополнением — она имеет целью лишь дать общее представление о новых эпиграфических находках из Ольвии и о их значении для историков Северного Причерноморья.

Находки новых ольвийских надписей начали появляться уже в первые годы советского периода и продолжали поступать в наши собрания и в дальнейшем, до самых последних лет. Но интенсивность новых поступлений была в течение всего этого времени неравномерной, и это явление не случайное. По характеру поступлений мы можем разбить интересующий нас сейчас период на две части: 1) до 1946 г. — за все годы 18 надписей; 2) за 1946—1954 гг. — 49 надписей. Всего, таким образом, на учет нами взято 67 надписей; это те находки, происхождение которых нам известно. К ним прибавляется еще ряд надписей из тех, которые в различных музеях числятся как происходящие из Ольвии, но обстоятельства находки которых выяснить не удалось. Даже если первая выделенная нами группа увеличится за счет этих надписей, факт значительного роста эпиграфических находок в 1946—1954 гг. останется в силе.

Среди находок, относящихся к первой части рассматриваемого нами периода, некоторые, безусловно, интересны. К их числу относится декрет в честь Дадага, сына Падага⁵. Сохранилась большая часть надписи (25 строк), в которую вошел основной текст документа. Обычный по форме, декрет содержит ряд деталей, заслуживающих внимания. Необычно то, что выполнял высшие государственные должности и ответственные поручения юноша, *νεαλίας*, т. е. во всяком случае очень молодой человек. В перечне его заслуг особенно интересно участие в посольстве к властителям, *ἡγεμόνας*, которыми издатель считает, очевидно, правильно Септимия Севера и Каракалла: в результате этой поездки Дадаг добился защиты прав города, *τῆ δίκαια*. Даже при учете того, что все факты деятельности Дадага излагаются в выражениях крайне общих и неопределенных, декрет следует признать важным историческим документом.

Отметим, далее, найденную в том же 1920 г. при раскопках ольвийского некрополя надгробную стелу афинянина Аркефона, сына Кефисодота, III в. до н. э.⁶: она представляет второе найденное в Ольвии надгробие афинского гражданина⁷.

Две заслуживающие внимания эпиграфические находки были сделаны в Ольвии и близком к Ольвии районе в 1937 г. Из них особенно интересен фрагмент мраморной базы статуи с частью греческой надписи, обнаруженный во время работы Ольвийской археологической экспедиции 1937 г. на территории так называемого Нижнего города (рис. 1).

Фрагментарное состояние памятника не дает возможности полностью восстановить надпись и оставляет открытыми многие важные вопросы. Однако ряд наблюдений кардинального значения может быть сделан уже и на основании этого фрагмента, что ясно показано издавшим надпись А. А. Белецким⁸. Большая часть сохранившегося текста представляет

⁵ Декрет издан О. О. Крюгером — «Эпиграфические мелочи». ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 81 и сл. Плита с декретом представляет случайную находку на территории ольвийского некрополя, где она обнаружена в 1920 г.

⁶ О. О. Крюгер. Ук. соч., стр. 81.

⁷ Первая надпись афинянина издана в IOSPE, I², № 232.

⁸ А. А. Белецкий и др. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии. ВДИ, 1955, № 2, стр. 180—191.

список имен ольвиополитов; слова *ιερεῖς* во второй строке и *διαίται* в третьей строке свидетельствуют о том, что перечисленные граждане были жрецами и членами какого-то религиозного объединения. Уже это говорит о важном значении документа, поскольку до сих пор не было прямых данных о фиасах в Ольвии. Еще интереснее становится указанный факт в связи с ранней датой надписи: палеографические особенности

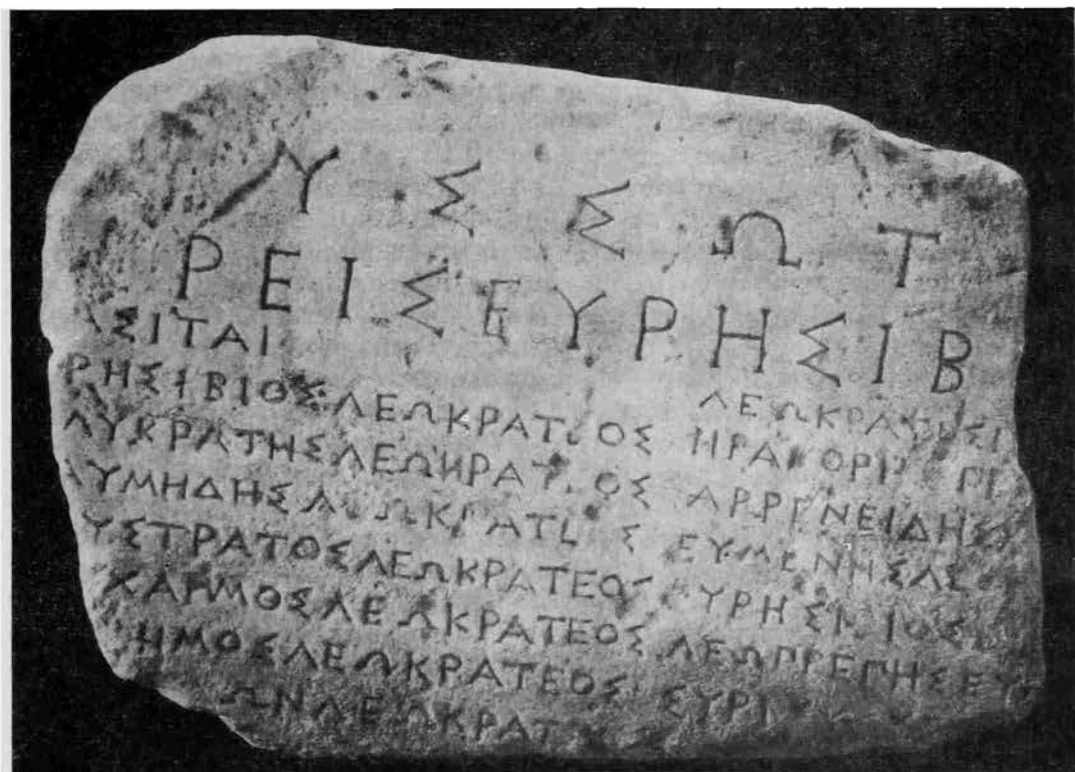

Рис. 1. Греческая надпись на базе статуи из раскопок Ольвии 1937 г. с упоминанием жрецов и фиаситов (III в. до н. э.).

говорят о принадлежности ее еще III в. до н. э., между тем как большинство известных нам в северном Причерноморье религиозных союзов относится уже к первым векам нашей эры.

В своей очень содержательной статье о данной надписи А. А. Белецкий касается, пока в виде предположений, ряда вопросов, освещающих обстановку социальной и религиозной жизни Ольвии III в. до н. э., иногда и выходящих за пределы этого периода. Из них отметим наблюдения, касающиеся имен участвующих в организации граждан. Особенно интересны замечания о значении в Ольвии имени Еврисивий или Гевресибий. Весьма убедительное восстановление *ιερεῖς* *Ευρησιβ[ιάδα]* заставляет автора предположить наличие в Ольвии жреческого рода, ведущего начало от какого-то исторического или мифического героя Гевресибия, что, в свою очередь, может объяснить распространение данного имени в Ольвии на все время ее существования. Анализируя имена фиаситов, сопоставляя их с именами, встречающимися в других ольвийских надписях, А. А. Белецкий высказывает предположение о том, что здесь налицо замкнутая аристократическая организация, самое существование которой подтверждает факт обострения социального антагонизма

в Ольвии раннеэллинистического периода. Большое историческое значение найденной в 1937 г. надписи — вне сомнений; она существенно дополняет наши сведения об Ольвии эллинистического времени.

Менее значительна вторая эпиграфическая находка 1937 г. Это мраморная плита с почитательной надписью архонтов Ахиллу Понтарху; найдена она, как и большая часть подобного рода документов, не в самой Ольвии, а в недалеком от нее районе — в с. Малый Бейкуш, в 2,5 км от Очакова. Памятник — целый, прекрасной сохранности. Все особенности надписи совпадают с особенностями хорошо известной серии посвящений архонтов Ахиллу Понтарху⁹; существенно новой надписи не вносит ничего: она важна как новое пополнение обильной группы надписей, содержащих списки ольвийских должностных лиц, особенно архонтов. Списки эти ясно отражают типичный для времени надписи (II в. н. э.) этнически смешанный состав населения, в частности верхних правящих групп; это было отмечено и издателем надписи М. Ф. Болтенко¹⁰.

В противоположность четырем упомянутым надписям, все остальные известные мне эпиграфические находки 1920—1945 гг. не представляют чего-либо значительного. Все они фрагментарны; по большей части это совсем маленькие обломки с немногими словами или даже буквами: там, где можно предполагать принадлежность фрагмента какому-либо интересному памятнику, требуется большая работа для восстановления утраченного текста. Наиболее интересен ряд случаев, где могут быть установлены упоминания граждан городов Южного Причерноморья и Пропонтиды — Синопы, Гераклея, Прусы¹¹, Византия: все содержащие такие упоминания надписи принадлежат II и III вв. н. э. Они не сообщают нам, следовательно, новых сведений, но вновь и вновь подтверждают факт интенсивных торговых связей Ольвии с Южным Причерноморьем в первые века нашей эры.

Перейдем к эпиграфическим находкам 1946—1954 гг.

Раскопки Ольвии этого времени отмечены крупными успехами. Впервые за многие годы исследований античных городов Северного Причерноморья была открыта агора — центр политической, экономической и религиозной жизни древнего города¹². Открыты часть городской площади и ряд остатков находившихся на ней и около нее интересных сооружений, собрано большое количество показательных находок. В числе последних — необычайное для раскопок Ольвии обилие эпиграфических памятников. Как уже отмечалось, явление это не может считаться случайным. В 1951—1954 гг. исследованию подверглась северо-восточная часть агоры, расположенная вблизи того места, где с севера входит на площадь главная улица. Обнаруженные здесь остатки монументальных культовых сооружений свидетельствуют о важном значении данной части агоры. Здесь же были сделаны и многочисленные эпиграфические находки, что заставляет предположить наличие того (известного из декретов) места, где находились особо значительные надписи, прославившие наиболее отличившихся перед «городом ольвинополитов» лиц.

На это самое место напали, очевидно, исследователи ольвийской агоры в 1954 г.: на небольшом участке за короткий срок обнаружено 15 над-

⁹ См. IOSPE, I², стр. 153 и сл.

¹⁰ М. Ф. Болтенко. Новая надпись в честь Ахилла Понтарха. ВДИ, 1953, № 4, стр. 130 и сл.

¹¹ Одна из надписей, представляющая фрагмент декрета в честь гражданина или гражданина Прусы, издана в сборнике «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 263, табл. XLVIII, 3.

¹² Об исследованиях Ольвийской агоры — см. Е. И. Левин. К вопросу об ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 319 и сл.

писей, среди которых оказался ряд однотипных и близких по времени декретов о проксениях, явившихся источником важнейших сведений о прошлом Ольвии.

Всего на территории агоры за время с 1946 г. по 1954 г. было найдено 38 надписей, целых и обломков; они принадлежат не менее, чем 30 памятникам. Все эти надписи являются предметом специального исследования. Здесь представим краткий их обзор.

Не все надписи поддаются определению — среди них есть слишком фрагментарные. Но подавляющее большинство их сохранилось удовлетворительно; имеется значительное количество крупных частей документов, несколько плит с надписями уцелело полностью. Преобладают декреты. Из них отметим два, представляющие почетные постановления в честь граждан Херсонеса. Оба декрета изданы, вследствие чего возможно ограничиться краткой их характеристикой.

Первая из этих надписей найдена в 1949 г.¹³ Сохранилась большая, верхняя часть мраморной плиты с надписью, относящейся к одному из особо распространенных типов декретов в честь иностранцев, с указанием заслуг в самой общей и трафаретной формулировке. Вместе с тем надпись отличается некоторыми определенными деталями; из них главная — обозначение года в начале текста по жрецу-эпониму. Основной ее интерес — подтверждение связей Ольвии с Херсонесом. Декрет датируется концом III в. до н. э. Имеющаяся часть плиты отличается прекрасной сохранностью.

Вторая надпись, найденная в 1951 г. (рис. 2)¹⁴ по содержанию богаче. Из нее мы узнаем о заслугах перед Ольвией уже не одного, а целой семьи херсонесцев — отца Аполлония и сыновей, двух или трех¹⁵. В мотивировку постановления введено указание на более определенные действия; можно предполагать военную помощь в трудное для города время. К сожалению, отсутствует именно очень важная часть текста, где идет речь о конкретных действиях сыновей Аполлония; восстановление ее слишком проблематично. Надпись принадлежит первой половине III в. до н. э. В связи с этим интересно упоминание в ней синедров — должности, в прежних ольвийских надписях встречавшейся не ранее конца II в. н. э.

Основное значение обеих надписей — твердо установленный ими факт сношений Ольвии с Херсонесом в III в. до н. э., ранее засвидетельствованных тремя найденными в Херсонесе надписями; из них две представляют собой незначительные фрагменты, третья повреждена и поэтому тоже вызывала сомнения¹⁶.

Существенно дополняет наше представление о торговле Ольвии в IV и III вв. до н. э. уже упомянутая серия надписей, обнаруженных на агоре в 1954 г.

Отметим прежде всего 3 надписи, относящиеся к числу декретов о проксениях и притом совершенно однородные как по оформлению плит, так и по типу надписи. У всех трех мы встречаем ту формулу, которая ранее была в Ольвии представлена проксеней месембрийца Херигена, сына Метродора¹⁷, и найденной в Херсонесе копией ольвийской проксении¹⁸. Отличительные черты данного типа сводятся к следующему:

¹³ Е. И. Левин. Ольвийский декрет из раскопок 1949 г. ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 и сл.

¹⁴ Е. И. Левин. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 и сл.

¹⁵ В сохранившейся части текста неясно, идет ли речь о двух или о трех сыновьях.

¹⁶ Об этом см. Е. И. Левин. Ольвийский декрет..., стр. 147, 148.

¹⁷ IOSPE, I², № 20.

¹⁸ IOSPE, I², № 21.

текст начинается словами 'Ολβιοπολίται: ἔδωκαν, а не ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ; в тексте отсутствует перечисление заслуг награжденных лиц, говорится только о даровании проксении, права гражданства и прочих льгот. Описанный тип свойственен более раннему времени; сравнительно ранним временем, — скорее всего, второй половиной IV в. до н. э., — датируются и 3 надписи, найденные на территории агоры в 1954 г.

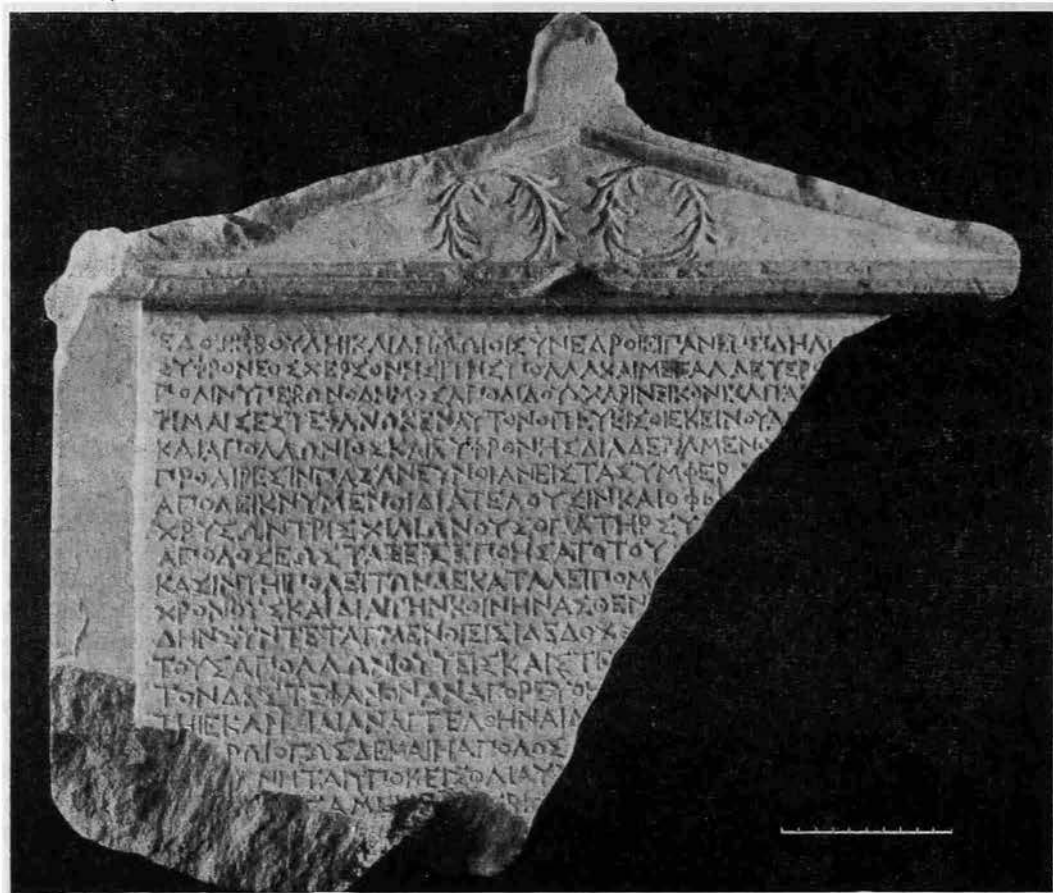

Рис. 2. Ольвийский декрет в честь сыновей херсонесца Аполлония (III в. до н. э.).

Отличаются друг от друга рассматриваемые надписи по происхождению чествуемых лиц: одна из них представляет проксению византийцу, другая — двум гераклеотам, третья — двум афинянам. Для истории торговли Ольвии особенно интересны две первые надписи. Сношения Ольвии с Афинами — факт, хорошо известный, засвидетельствованный как эпиграфическими памятниками, так и большим количеством поступавших в Ольвию аттических изделий, особенно керамики. В ином положении — Гераклея и особенно Византий. Сведения о сношениях Ольвии с Византием встречались до сих пор только в поздних ольвийских надписях, не ранее I в. н. э. Что касается Гераклея, то вообще факт ее сношений с Ольвией в IV и III вв. до н. э. не нов. Хорошо известна группа остродонных амфор с так называемыми энглифическими клеймами, гераклейское происхождение которой, установленное Б. Н. Граковым, является в настоящее время признанным; распространенность этих амфор в Ольвии — бесспорное свидетельство торговых сношений Ольвии с Гераклеей. Новая оль-

вийская надпись с упоминанием гераклеотов представляет яркое подтверждение правильности выводов, основанных на данных керамической эпиграфики.

Следует отметить, что подтверждающая в общем хорошо известный факт оживленных сношений Ольвии с Афинами новая надпись с упоминанием афинян представляет и специальный интерес, поскольку в ней указываются демы, к которым принадлежали эти афиняне. Четвертая почетная надпись из раскопок 1954 г. говорит о наградах и льготах, предоставляемых родосцу; вновь подтверждающая хорошо известный факт сношений Ольвии с Родосом¹⁹, последняя надпись интересна своим оформлением.

Рис. 3. Фрагмент мраморной плиты с посвятельной надписью Аполлону Дельфинию (V в. до н. э.).

Говоря об ольвийских почетных декретах, найденных в 1954 г., нельзя не подчеркнуть особо исключительной сохранности некоторых из них. Две только что упоминавшиеся надписи — в честь гераклеотов и в честь афинян — сохранились целиком, от проксении византийцу дошла верхняя часть, дающая ясное представление обо всем типе плиты; также верхняя и наиболее интересная часть имеется и от надписи в честь родосца. Есть и другие крупные части декретов, требующих еще специального изучения. В общем собрание ольвийских декретов, — и именно ранних, — существенно пополнилось в результате исследования агоры.

Следует отметить, что найденные при раскопках агоры декреты, внося существенные дополнения в наши сведения о торговых сношениях Ольвии, освещают и иные стороны ее жизни. Так, в 1951 г. была найдена часть декрета сравнительно позднего времени (едва ли раньше II в. до н. э.) с повторным упоминанием храма Аполлона²⁰; очевидно, речь идет о помещении данной надписи в храм Аполлона. В изучении ольвийской агоры и ее сооружений это указание имеет большую важность.

¹⁹ Этот факт отражен и в надписях — см. IOSPE, I², № 30.

²⁰ См. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 115.

Второй заслуживающей внимания группой надписей ольвийской агоры являются посвятительные. Их меньше, все они представляют фрагменты: но среди них есть экземпляры, прекрасные по своему оформлению. Упомяну найденную в 1947 г. сравнительно позднюю надпись, поставленную неким Полимедом «за брата» — $\epsilon\lambda\iota\theta\ \chi\alpha\delta\epsilon\iota[\tau\omicron\upsilon\sigma\iota]$. Наиболее же интересен фрагмент надписи V в. до н. э. с ярко выраженными особенностями эпиграфики данного времени, что сказывается и в расположении

Рис. 4. Мраморный фрагмент с надписью, посвященной стратегам Аполлону Простату (II в. н. э.).

букв «стойхедон», и в самом характере шрифта (рис. 3). Надпись представляла посвящение Аполлону Дельфинию, что интересно в связи с другими находками — эпитет «Дельфиний» сохранился в граффито на сосуде, найденном на агоре в том же 1954 г.

Из эпиграфических находок на других участках ольвийского городища следует выделить 8 надписей, обнаруженных на территории так называемой римской цитадели — южной части города, особо укрепленной в римское время. С 1951 г. возобновились раскопки этой части городища, давшие важные результаты²¹. Все найденные при этих раскопках надписи принадлежат первым векам нашей эры; семь из них представляют фрагменты греческих надписей, на восьмом фрагменте сохранилось несколько латинских букв. Во всех случаях мы имеем дело с небольшими обломками значительных памятников: пять из них представляли декреты, один — посвятительную надпись с именем Аполлона Простата.

На последнем упомянутом фрагменте (рис. 4) следует остановиться особо. Сохранились первые строки надписи, посвященной Аполлону Простату, очень распространенного в Ольвии типа²². Легко восстанавли-

²¹ Т. Н. Книпович. Перистильный двор первых веков нашей эры на территории римской цитадели в Ольвии. ВДИ, 1953, № 1, стр. 183 и сл.; КСИМК, вып. 51, 1953, стр. 112 и сл.

²² IOSPE, I², стр. 112, 113 и сл.

вается обычное начало 'Αγ[αθῆ ἰσχυ] 'Απόλλ[ων]. Προ]στατη, затем идут имена посвятивших надпись должностных лиц. Но надпись представляет и специальный интерес. Легко убедиться, что здесь мы имеем дело с левой половиной верхней части той надписи, от которой правая половина верхней части была найдена в 1905 г., издана и дополнена В. В. Латышевым²³. Интересно, что буквы, сохранившиеся на обломке, полностью соответствуют тому восстановлению, которое предложил около 50 лет назад В. В. Латышев.

Сделанное наблюдение дает возможность составить более ясное представление и о самом памятнике. Это столб того же типа, какие встречались с посвятельными надписями Аполлону Простату и раньше²⁴.

Надписи, найденные в то же время на других участках, немногочисленны и являются небольшими фрагментами. Поддающиеся определению представляют части декретов. Следует особо отметить наличие среди этого материала отдельных экземпляров, датирующихся ранним временем. Ярким примером может служить фрагмент, найденный в центральной части города (участок А), с характерным ранним шрифтом, с расположением в той же системе «стойхедон».

II

Ниже мы рассмотрим 3 фрагмента греческих надписей из Ольвии, хранящиеся в собрании музея города Николаева. Публикуемые фрагменты привлекли мое внимание еще в 1937 г., когда мне пришлось просматривать материал, собранный сотрудниками музея на поверхности ольвийского городища в 1934 г. В этом материале оказалось, между прочим, 6 обломков плит из мрамора и известняка с остатками греческих надписей. На 3 обломках сохранились лишь отдельные буквы, не дающие возможности восстановить хотя бы одно слово. Небольшие части надписей имеются и на тех 3 обломках, которые рассматриваются в настоящей статье; однако каждый из них чем-либо интересен, что и побуждает меня к их включению в наш обзор, основанный на материале из раскопок.

К сожалению, мне не удалось получить в музее удовлетворительных фотоснимков издаваемых надписей; воспроизвожу их по прорисовкам со сделанных мной эстампажей.

1. Обломок плиты из мелкозернистого мрамора, в изломе белого, на поверхности желтоватого цвета. Толщина плиты — 0,06 м, общие размеры — 0,098 × 0,085 м. Сохранились части 3 строк греческой надписи. Тщательно вырезанные по линейкам ровные буквы имеют высоту 1,8—2 см. Надпись (рис. 5) в сохранившейся ее части читается вполне ясно, не вызывает, на мой взгляд, сомнений и дополнение слов.

Мы встречаем на рассматриваемом нами фрагменте стоящие одно под другим названия обитателей трех крупных и хорошо известных городов — Гераклеи (конечно, Понтийской), Византии, Прусы. Такое перечисление граждан различных городов заставляет нас вспомнить две другие, ранее опубликованные ольвийские надписи²⁵. Из них первая, — знаменитый декрет в честь ольвиополита Феокла, — сохранилась полностью, от другой остался только фрагмент верхней части; в обоих случаях надписи представляли почетные декреты, начинавшиеся с перечня городов, увенчавших чествуемого гражданина золотыми венками. Текст декрета в честь Феокла содержит указание на то, что постановление при-

²³ IOSPE, I², № 90.

²⁴ Например, IOSPE, I², № 95, стр. 128.

²⁵ IOSPE, I², № 40 и 41.

нято ольвийским советом, народным собранием и городами, из которых происходили иностранцы, пребывавшие в Ольвии; приблизительно такое же указание имелось, надо думать, и во второй надписи.

Ἡρα|κλεῶτα[ι:
Βυ|ζάντιο[ι:
Πο|ρουσε[ῖς

Рис 5. Фрагмент мраморной плиты с частью декрета (III в. н. э.).

0 5 см

В обоих изданных В. В. Латышевым документах перечислены, за одним лишь исключением (исключение это представляет Милет), города Причерноморья — Северного, Западного, Южного, причем сохранившиеся в фрагменте № 41²⁶ названия все имеются и в № 40²⁷. Но, как это было отмечено и В. В. Латышевым, города стоят в двух надписях в разной последовательности; различно их размещение — в декрете в честь Теокла названия образуют 6 столбиков, разделенных пустыми промежутками, между тем как во второй надписи столбиков нет, текст сплошной, но каждое слово отделено от соседних листочками плюща. Отметим, что начало слова не всегда совпадает с началом строки: строка 3 начинается частью слова ΚΑΕΙΣ, — очевидно, продолжением начатого на предыдущей строке ΝΕΙ/ΚΑΕΙΣ.

Возвращаемся к фрагменту Николаевского музея. Тот факт, что на нем сохранились одно под другим названия гераклеотов, византийцев и прусийцев, т. е. обитателей тех городов, которые имеются в обоих упоминавшихся нами декретах, позволяет с большой вероятностью считать, что эта надпись представляла собой нечто подобное двум ранее изданным. Видимо, и здесь мы имеем дело с частью декрета, в котором содержится перечень городов, почтивших какого-либо ольвиополита. Можно сделать некоторые наблюдения и о композиции надписи. Если восстановить не сохранившиеся на фрагменте первые буквы каждого из 3 названий, мы убедимся, что все 3 слова начинаются точно или почти точно одно под другим. Вероятно, здесь был или край надписи, или граница одного из столбиков; во всяком случае, размещение названий более сходно с декретом в честь Феокла, чем с другой ольвийской надписью²⁸.

В. В. Латышев относил декрет в честь Феокла ко второй половине II в. или началу III в. н. э., опираясь на значительное сходство его формулы с формулой надписи²⁹, время которой (начало III в. н. э.) может быть точно определено. Приблизительно тому же времени (конец II в. — начало III в. н. э.) принадлежит, несомненно, и другая упомянутая выше

²⁶ IOSPE, I², № 41.

²⁷ IOSPE, I², № 40.

²⁸ IOSPE, I², № 41.

²⁹ IOSPE, I², № 42.

надпись ³⁰. Палеографические особенности рассматриваемого фрагмента заставляют датировать его несколько более поздним временем. Шрифт надписи отличается прямолинейными очертаниями букв; особенно характерны омикрон ромбической формы и прямолинейно очерченные сигма и омега. Все эти особенности говорят за III в. н. э., причем уже не за самое начало его.

Из многочисленных аналогий такому шрифту для нас, конечно, особенно интересны те, которые сами по себе точно датированы. Такие надписи мы найдем прежде всего в эпиграфике Боспора, где, как известно, особенно часто встречается указание правящего царя, иногда и точный год по боспорской эре. Датированных надписей, подобных по шрифту исследуемому фрагменту, мы можем назвать довольно много. Особенно близки ему надписи из Танаиса ³¹, где все буквы имеют такие же очертания, как и в описываемом нами фрагменте, и еще 2 надписи ³², где единственным отличием является излом поперечной черточки у альфы. Танаисская надпись № 430 обозначена 517 г. боспорской эры (220 г. н. э.); времени того же царя (211/212 — 228/229 гг. н. э.) принадлежит также надпись № 431 bis, а надписи № 433 и 434 относятся ко времени правления царя Иннифимея (234/235—239/240 гг. н. э.). Совершенно те же особенности шрифта отличают фрагмент надписи из Танаиса, изданный А. И. Болтуновой³³ и относящийся также ко времени правления боспорского царя Иннифимея, о чем свидетельствует сохранившаяся часть именного знака этого царя.

Из ольвийских надписей наиболее близки рассматриваемому фрагменту две ³⁴. При сходстве общих очертаний букв — таком же, какое мы отмечали уже при сравнении исследуемой надписи с боспорскими, — упомянутые ольвийские надписи имеют еще одну, общую с издаваемой надписью, деталь — поперечную черточку, отделяющую верхнюю часть буквы У. Надпись № 184 принадлежит к числу немногих датированных ольвийских надписей — она посвящена Александру Северу; надпись № 185 совпадает с ней во всех деталях (не только шрифта, но и оформления плиты) и, очевидно, относится к тому же времени.

Все приведенные сопоставления свидетельствуют о принадлежности изучаемой надписи первой половине III в. н. э., но не самому началу века: большинство аналогий относится ко времени между 220 и 235 гг., может быть, и 240 г. н. э. Итак, декрет, частью которого является рассматриваемый фрагмент, издан, очевидно, несколько позднее ольвийских надписей, опубликованных в IOSPE, I², № 40 и 41; по материалу (мрамор, а не известняк), а также по распределению названий городов он ближе к декрету в честь Феокла.

Значение декрета в честь Феокла (а вместе с ним, конечно, и надписи, которой принадлежал обломок, опубликованный в IOSPE, I², № 41) для представления о внешней торговле Ольвии в первые века нашей эры оценено уже давно ³⁵. Издаваемый нами фрагмент является еще одним документом, подтверждающим распространенность обычая предоставлять особые почести ольвиополитам, известным своей деятельностью в области налаживания торговых связей. Присуждались эти почести не только

³⁰ IOSPE, I², № 41.

³¹ IOSPE, II, № 430 и 431 bis.

³² IOSPE, II, № 433 и 434.

³³ А. И. Болтунова. Из черновиков В. В. Латышева. ВДИ, 1951, № 2, стр. 120 и сл.; рис. 3 на стр. 123.

³⁴ IOSPE, I², № 184 и 185.

³⁵ См. В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 225.

ольвийскими властями, но и городами, связанными с Ольвией торговлей. Основной интерес всех этих, — теперь уже трех, — документов, состоит в том, что в них ясно отражено сосредоточение торговли именно в области Причерноморья — Северного, Южного с Пропонтидой, Западного. Исследуемый фрагмент дополняет представление о периоде, в течение которого издавались подобного рода документы, поскольку он принадлежит более позднему времени, чем две ранее опубликованные надписи.

2. Фрагмент, изображенный на рис. 6, представляет собой часть плиты из известняка, размером 0,22 м × 0,138 м, толщиной 0,098 м. Сохранились остатки трех рядов греческой надписи. В среднем ряду вполне отчетливо читается слово ΣΙΝΩΠ / Π; ΕΥ [Σ = Σινωπ <π> εὐς]. Четыре буквы ΣΙΟΥ в верхнем ряду — это, вероятно, окончание имени в родительном падеже, т. е. отчества упоминаемого здесь лица, возможно, например, Διονύσιου. Части двух букв в нижнем ряду, скорее всего, являлись окончанием заключавшего надпись слова χαῖρε. Буквы имеют не вполне одинаковую высоту до 3 см, вырезаны вполне отчетливо и образуют правильные строки.

Если наше восстановление правильно, надпись следует считать надгробием умершего в Ольвии гражданина Синопы. Толкованию надписи как надгробия вполне соответствует и значительная величина букв — надгробные надписи выполнялись обычно сравнительно крупным шрифтом.

Что касается даты фрагмента, то палеографические признаки указывают на время не ранее II в. н. э. Ряд особенностей (форма омеги; сигма с горизонтальными черточками, концы которых выходят за линию пересечения этих черточек с косыми) сближает шрифт рассматриваемой надписи с некоторыми датированными боспорскими надписями. Укажем на надпись, найденную в 1903 г. в одном из разрушенных пантикапейских склепов и изданную В. В. Латышевым³⁶: надпись эта содержит указание даты по боспорской эре 437 = 140 г. н. э. Насколько мне известен боспорский эпиграфический материал, последняя надпись принадлежит к числу ранних документов, выполненных в таком шрифте; сходный шрифт держался и позднее, он, бесспорно, характерен для горгиппийских надписей времени Савромата II (174—210 г. н. э.)³⁷.

Воспроизводим получающийся остаток надписи:

Рис. 6. Фрагмент надгробия из известняка с упоминанием жителя Синопы (II в. н. э.)

³⁶ ИАК, вып. 10, СПб., 1904, стр. 65.

³⁷ Например, ИАК, вып. 37, 1910, стр. 38 и сл., табл. II.

Итак, данный фрагмент был, по-видимому, частью надгробия гражданина Синопы, жившего и умершего в Ольвии во II в. н. э.; отметим, что это первое в Ольвии надгробие синопца. Историческое значение рассматриваемого фрагмента — в том, что мы знакомимся с новым документом, касающимся сношений Ольвии с городами южного Причерноморья, в частности с Синопой.

3. Фрагмент мраморной плиты (?) размером 0,175 × 0,067 м изображен на рис. 7. Толщина плиты не может быть определена, так как вся задняя ее сторона сбита. Мрамор бледно-серый, мелкозернистый.

Рис 7 Фрагмент мраморной плиты с частью греческой надписи (I в. н. э.).

Сохранились ряд букв одной строки и верхние части нескольких букв строки, расположенной ниже. Буквы ровные, имеют высоту до 2 см, вырезаны тщательно. В верхней строке — 11 букв: ΚΑΤΡΑΛΙΣΔΙΟ. Несмотря на фрагментарный и отрывочный характер этой надписи, можно, как мне кажется, предложить восстановление, во всяком случае, одного из слов, часть которого здесь сохранилась. Среди имеющихся 11 букв выделяется сочетание ΤΡΑΛΙΣ: это хорошо известный элемент, входящий во многие, притом особенно употребительные фракийские имена, как Μουκάτραλις, Αἰλοῦτραλις, Διζάτραλις и т. д.³⁸

Если пытаться продолжить восстановление, то наиболее вероятно предположить здесь имя Μουκάτραλις. Как уже отмечалось, оно принадлежит к числу особенно распространенных во Фракии имен³⁹; оно встречается и в ольвийских надписях, правда, в латинской транскрипции: Valerius Mucatralis вместе с женой поставили надгробную плиту с латинской надписью своим умершим детям⁴⁰. Латинский текст надписи и, с другой стороны, родовое имя Валерий уже давно дали основание для предположения, что упоминаемое лицо — «римский гражданин фракийского происхождения»; он или кто-то из его предков входил в состав римского отряда, находившегося в Ольвии и состоявшего из фракийцев⁴¹.

На исследуемом фрагменте мы имеем дело, вероятно, с лицом иной, общественной группы. Буквы ΔΙΟ, следующие за именем Μουκάτραλις, являются, скорее всего, началом следующего имени: это, может быть,

³⁸ См. W. T o m a s c h e k. Die alten Thraker, II, 2. — Die Personennamen Sitzungs-Ber. Akad., CXXXI, Wien, 1894, стр. 38 и ранее, особенно стр. 25.

³⁹ См., например, E. K a l i n k a. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906 (Schriften d. Balkankommission, Antiquarische Abteilung, IV), стр. 424.

⁴⁰ IOSPE, I², № 237.

⁴¹ См. ИАК вып. 10, 1904, стр. 13, 14.

отчество Мукатралиса, а может быть, имя другого лица, если надпись имела перечень одних лишь личных имен, без отчеств ⁴².

О частях букв в нижней строке говорить не будем, они слишком незначительны.

Что представляла собой надпись, — сказать на основании сохранившейся ее части, конечно, невозможно. Шрифт, даже размеры букв сходны со многими надписями, посвящавшимися ольвийскими коллегиями магистратов Ахиллу Понтарху или Аполлону Простату ⁴³. Но, разумеется, имя с отчеством могло стоять и в документе какой-либо иной группы.

Время надписи, очевидно, раньше, чем обеих предыдущих; она относилась, вероятно, не позднее чем к I в. н. э.

Итак, все, что дает нам третий издаваемый фрагмент, сводится лишь к предположительному восстановлению имени. Если я все же уделяю ему внимание, то потому, что имя это следует считать, бесспорно, фракийским. Тот факт, что в составе имен, встречающихся в ольвийских надписях первых веков нашей эры, значителен процент местных, известен уже давно; во всяком случае, намечаются некоторые этнические группы, засвидетельствованные этими именами. После работ В. Ф. Миллера ⁴⁴, в недавнее время дополненных исследованиями В. И. Абаева ⁴⁵, представляется несомненным наличие среди местных элементов значительной ираноязычной группы, в состав которой входят, очевидно, поздние скифы или сарматы. Наряду с этой группой четко прослеживается группа фракийская. По количеству встречающихся в ольвийских надписях фракийских имен, — тем более по количеству носителей фракийских имен, — эта группа значительно уступает ираноязычной; но все же и она насчитывает более 30 имен, среди которых имеются весьма характерные фракийские, как, особенно, $\Delta\iota\zeta\acute{\alpha}\lambda\epsilon\mu\iota\varsigma$ $\Sigma\epsilon\acute{\upsilon}\theta\omicron\upsilon$ ⁴⁶, как $\Delta\iota\zeta\eta\varsigma$, один из архонтов в посвяtitельной надписи коллегии архонтов Ахиллу Понтарху ⁴⁷, как $\Delta\rho\epsilon\iota\beta\alpha\lambda\iota\varsigma$ с отчеством $\text{Ῥαπαχέου}\varsigma$ в посвяtitельной надписи стратега Аполлону Простату ⁴⁸, как, например, ряд имен в латинских надписях (Vithus ⁴⁹, Mucatralis в соединении с родовым именем Valerius ⁵⁰ и т. д.). Ряд имен, принадлежащих воинам стоявшим в Ольвии гарнизонов, не может, очевидно, рассматриваться как имена бесспорных и коренных ольвиополитов — воины-фракийцы были здесь элементом пришлым. Тем больший интерес приобретают типичные имена, с характерными фракийскими суффиксами (например, $\Delta\rho\epsilon\iota\beta\alpha\lambda\iota\varsigma$), упоминаемые в греческих ольвийских надписях и принадлежавшие представителям правящих групп города. Весьма вероятно, что к их числу относился и то лицо, имя которого тоже содержало характерный фракийский суффикс, случайно сохранившийся на рассмотренном нами незначительном фрагменте.

⁴² Такой перечень одних лишь личных имен, при этом имен ольвийских архонтов, содержит надпись, посвященная Ахиллу Понтарху, — IOSPE, I², № 133.

⁴³ Отмечу из надписей с сходным шрифтом: IOSPE, I², № 80, 95, 99, 105 и др.

⁴⁴ В. Ф. Миллер. Эпиграфические следы иранства на юге России. ЖМНП, 1886, ч. ССXLVII, отд. 2, стр. 232—283; «Осетинские этюды», т. III, 1887, стр. 127 и сл.; «Этнографическое обозрение», 1891, стр. 188 и сл.; ИАК, вып. 47, 1913, стр. 80 и сл.

⁴⁵ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 147 и сл. Ladislav Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955.

⁴⁶ IOSPE, I², № 222.

⁴⁷ IOSPE, I², № 33.

⁴⁸ IOSPE, I², № 80.

⁴⁹ IOSPE, I², № 67.

⁵⁰ IOSPE, I², № 237.

* * *

Подведем итоги обзору эпиграфических находок из Ольвии, поступивших в наши собрания в советский период.

Обильные эпиграфические находки, сделанные в период с 1920 г. по 1954 г., имеют существенное значение. Особенно плодотворными оказались систематические исследования ольвийской агоры, в результате которых были получены серии интересных надписей, значительно пополнивших некоторые разделы ольвийской эпиграфики, слабо представленные прежними находками; эти серии дали возможность сделать ряд важных наблюдений, главным образом, по вопросу о торговых сношениях Ольвии с Южным Причерноморьем и некоторыми городами Северного Причерноморья. Среди новых поступлений следует отметить ряд надписей раннего времени (частично — V в. до н. э.), недостаточно представленных в прежних коллекциях ольвийской эпиграфики. Значительно увеличилась группа декретов о проксениях, прежде насчитывавшая всего несколько экземпляров.

Особенно интересную находку представляет надпись на базе статуи с упоминанием жрецов-еврисивиадов и фиаситов: эта надпись знакомит нас с до сих пор не известными чертами жизни Ольвии эллинистического периода.

Надписи того периода, когда Ольвия была включена в состав римских владений, были хорошо представлены во время опубликования В. В. Латышевым второго издания IOSPE. Однако и здесь в советское время появились ценные пополнения: декрет в честь Дадага, сына Падага, содержит ряд важных сведений, делающих его историческим документом первостепенного значения.

Продолжающиеся систематические исследования важнейших участков Ольвии, особенно ольвийской агоры, а также территории римской цитадели, дают все основания рассчитывать на дальнейшее пополнение коллекции ольвийских надписей.

М. М. КОБЫЛНА

МАСТЕРСКАЯ КОРОПЛАСТА В ПАНТИКАПЕЕ

В каждом крупном античном городе Средиземноморья, наряду с гончарами, изготовлявшими сосуды, были и коропласты. Терракоты наиболее прославленных мастерских опубликованы и изучены, как например, терракоты Этрурии, Родоса, Беотии, Афин, Олинфа, Танагры, Мирины, Александрии и многих других городов.

Терракотовые статуэтки нередко изображали те же мифологические персонажи, что и греческая скульптура. Однако если монументальная скульптура прежде всего служила задачам, которые ставила общественная жизнь, то терракоты связаны в большей мере с частной жизнью грека; поэтому в них уже в VI в. до н. э. встречаются сюжеты из повседневной жизни. Например, в беотийской терракоте VI в. до н. э. имеются изображения повара, парикмахера, прачки и т. п.¹ В V—IV вв. до н. э., наряду с изображениями божеств, создавались статуэтки бытового содержания, комические статуэтки магического и охранительного значения. Для эллинистического периода характерна жанровая трактовка мифологических сюжетов и изображений божеств. Поэтому изучение терракот очень важно для понимания и общественной, и частной жизни, а также культуры того или иного государства или города.

Выяснение вопроса об отличиях отдельных центров изготовления терракот встречается с затруднениями, связанными с особенностями античного искусства вообще и спецификой коропластики в частности. Близость культуры греческих государств, основанных на рабовладельческом способе производства, их общение между собой приводили к тому, что достижения в области искусства (например, определенная трактовка образа божества или мифологического героя) быстро становились известными в различных местах. Так создавалась общность целого ряда типов в греческом изобразительном искусстве, особенно в древнейший период². Более всего это наблюдается в коропластике, ибо формы терракот использовались не только на месте, но и вывозились³. Так, коропласты Александрии в III в. до н. э. пользовались формами танагрских статуэток.

Техника изготовления терракот в различных мастерских имеет некоторые отличия и в глине, и в формовке, и в деталях отделки. Особенности

¹ А. К ö s t e r. Die griechischen Terrakotten. Berlin, 1926, табл. 9; I. S. S c h n e i d e r - L e n g y e l. Griechische Terrakotten. München, 1936, табл. 16, 19.

² E. L ö w y. Typenwanderung. Österreichische Jahreshefte, XII, 1909, стр. 260.

³ Типы терракот с их вариантами приведены в исследовании: Fr. W i n t e r. Die Typen der figürlichen Terrakotten. Berlin — Stuttgart, 1903.

отдельной мастерской сказываются также в популярности тех или иных видов терракот (масок, протом, статуэток, больших статуй, рельефов, подвесных фигур и т. п.), в стилистических различиях и даже в таких деталях статуэток, как форма постамента или отверстия на оборотной стороне.

Мастерская терракот, открытая в Керчи в 1949 г., позволяет сделать ряд выводов о коропластике I в. до н. э. в боспорской столице. Изучение прочих терракот Пантикапея приводит к заключению, что производство терракот началось там в VI в. до н. э., и позволяет проследить его развитие, а также осветить новые стороны культуры города.

Мастерская коропласта, открытая в 1949 г., ломает старые представления о низком уровне производства боспорских терракот; она включает образцы высокого качества исполнения, демонстрирует разнообразие технических приемов, дает представление о различных сортах пантикапейской глины.

Формы для изготовления терракот, свидетельствующие о существовании мастерских коропластов, обнаружены в различных городах Северного Причерноморья: в Херсонесе⁴, Дип-Тиритаке⁵, Нимфее⁶, Фанагории⁷, Ольвии⁸.

Большое количество обломков терракотовых статуэток было открыто в Керчи в 1879 г. против западной ограды городского кладбища, рядом с камнем в виде ступки, в котором было выдолблено круглое углубление, наполненное толченым черепком; камень был окружен слоем измельченных черепков⁹.

В 1949 г. в Пантикапее, на Верхне-Митридатском раскопе, в слое I в. до н. э. были открыты 2 обжигательные печи, а около них — формы для оттискивания терракот и фрагменты статуэток; на некотором расстоянии от печей обнаружены скопления терракот, представляющие собой выброс мастерской коропласта. В 1953 г., при продолжении работ, найдены новые терракоты, относящиеся к этой же мастерской.

Обжигательные печи обнаружены на участке, огражденном стенами с севера (стена 7) и с востока (кладка 26). От обеих печей остались только развалины. Лучше сохранившаяся печь (№ 27) имела овальную форму. Она была сооружена на глинобитном массиве: ее под (толщина — до 0,12 м) был выстлан мелкими раковистого известняка. Стенки печи (толщина — до 0,3 м, высота — 0,27 — 0,31 м) были глинобитные и обложены обломками соленов и небольших камней. Топочное отверстие, от которого сохранился прямоугольный выступ, было обращено к северо-востоку; наибольший диаметр печи — 2 м¹⁰.

Другая печь, — худшей сохранности, — по размерам, устройству и назначению близка первой.

Обнаруженные около печи части форм для изготовления терракот сделаны из боспорской оранжево-коричневой глины с известковыми, песчаными и слюдяными включениями. В изломе эта глина имеет черно-

⁴ МИА, № 34, 1953, стр. 117, рис. 8; МАР, № 7, 1892, стр. 1 и сл.

⁵ МИА, № 4, 1941, стр. 26—31, рис. 26—28, 30, 30б.

⁶ СА, XVI, 1953, стр. 254, рис. 15.

⁷ ВДИ, 1949, № 2, стр. 107.

⁸ В Ольвии в 1955 г. в слое III—II вв. до н. э. найдено 1014 обломков терракот, среди которых было много форм для изготовления статуэток Кибелы, Эрота, Силены и др.

⁹ ОАК за 1880 г., стр. XVI—XVII.

¹⁰ В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1949 г. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 213, рис. 70; Архив ИИМК — В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1949 г., стр. 19.

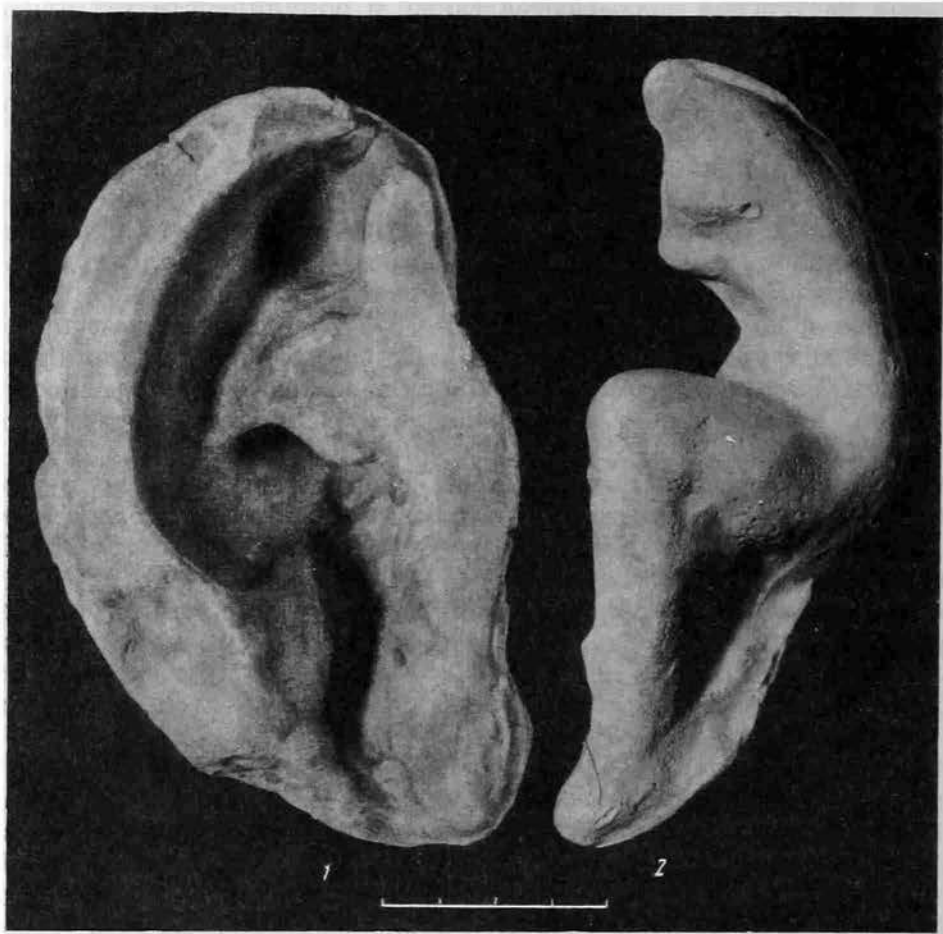

Рис. 1. Форма (1) и гипсовый отлив (2) к ней с изображением женской фигуры.

серый цвет. Формы служили для оттискивания или одной стороны целых фигур, или же только их частей. Края форм гладко срезаны для того, чтобы эти формы можно было соединить с другими.

Особенно важна для изучения пантикапейской коропластики полностью сохранившаяся форма М. 49 IX/6 № 1540 (высота — 0,14 м; рис. 1, 1), Толщина стенок различна: в углубленных частях меньше — 1 см, в других местах — до 4 см. Гипсовый отлив в форме представляет горельефную фигуру девушки, упавшей на одно колено; верхняя часть тела повернута влево, нижняя — вправо, спина и живот видны в ракурсе; на левой ноге показаны складки одежды; голова и руки отсутствуют. Определение сюжета затруднительно. Фигура напоминает изображения ниобид-дочерей¹¹.

Терракотовые и гипсовые фигуры пантикапейских ниобид были приспособлены для украшения стенок саркофагов; они сохраняли основные мотивы и выразительность движения прототипов монументальной скульптуры, но их фигуры развернуты по плоскости: дата их — I в. н. э.

По характеру движения фигура, изготовлявшаяся в форме, найденной в 1949 г., близка терракоте, изображавшей ниобид-сына, упавшего во

¹¹ С. А. Жебелев. Пантикапейские ниобиды. МАР, № 24, 1901, стр. 1—57; ИАК, вып. 9, 1904, стр. 163.

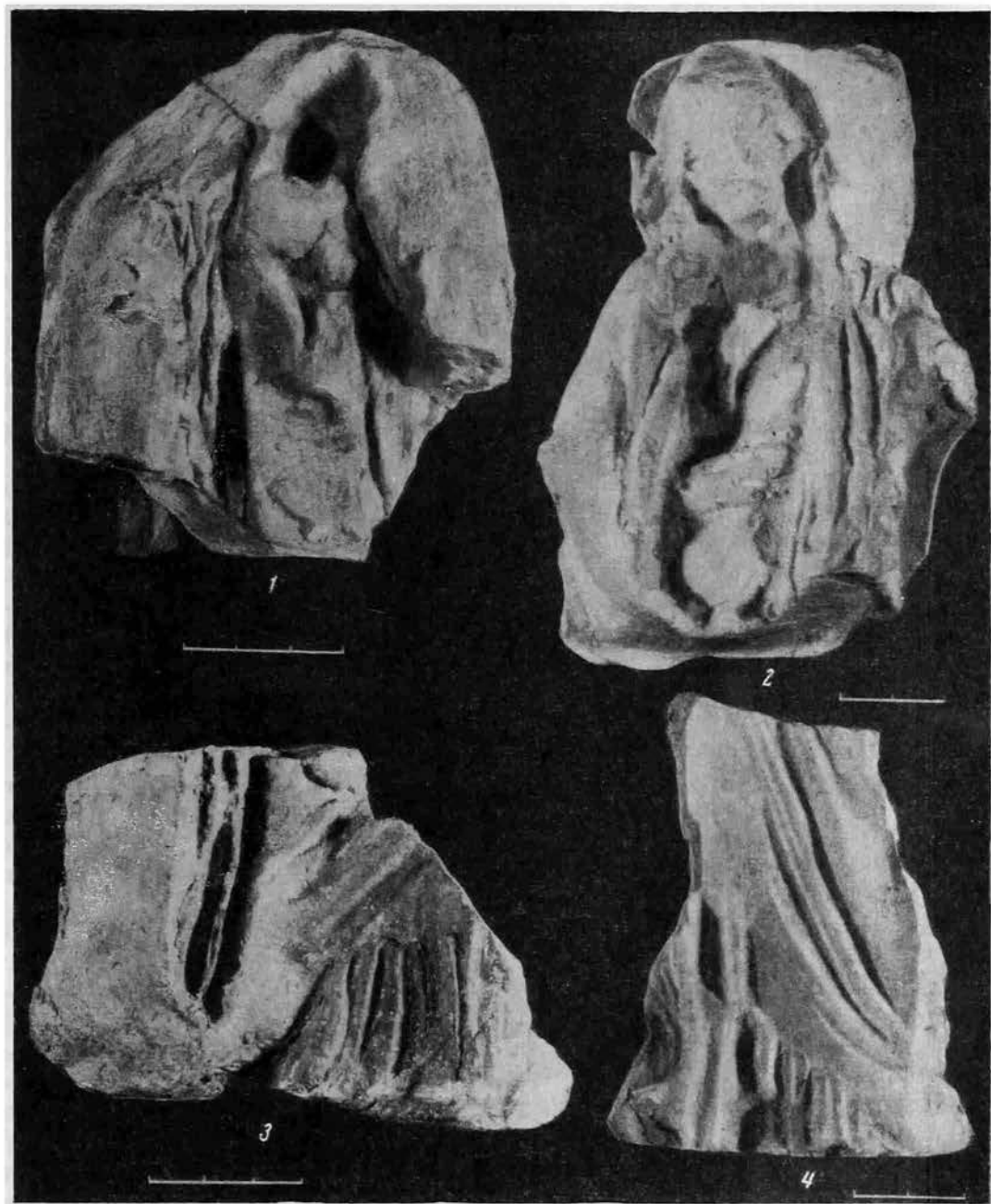

Рис. 2.

1, 2 — часть формы и гипсового отлива в ней с изображением женской фигуры; 3, 4 — части форм для приготовления женских фигур.

время бега на одно колено и запрокинувшего назад голову; плащ его спустился, окутывая ноги¹². По полным аналогий найденной форме не помещается ни среди пантикапейских ниобид, ни на рельефах мраморных саркофагов с изображением гибели ниобид¹³, ни в статуях ниобид флорентий-

¹² С. А. Жебелев. Ук. соч., рис. 6; ДБК, XL, табл. VII, 5; ОАК за 1863 г., табл. IV, 5; ОАК за 1868 г., табл. VI, 5.

¹³ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 23.

ской группы¹⁴, ни на рельефе Государственного Эрмитажа¹⁵, — во всех этих произведениях скульптуры ниобиды-дочери изображены одетыми, тогда как рассматриваемая фигура полуобнажена.

Одна из статуй V в. до н. э. допускает предположение, что исследуемый памятник восходит к какому-то не сохранившемуся произведению монументального искусства¹⁶. По стилю это изображение отличается также от пантикапейских ниобид I в. н. э. Фигура девушки гибка и грациозна. Смелый поворот верхней части тела влево, а нижней вправо заставляет вспомнить лучшие произведения эллинистической скульптуры.

Форма, найденная в 1949 г., позволяет говорить о сложном процессе изготовления: для исполнения некоторых частей (рук, головы), очевидно, служили другие формы; ниже колена видны объемно выступающие складки гиматия, однако его краев не видно; вероятно, одежда была моделирована стеклой и затем окрашена, а нижняя часть гиматия, — видимо развевавшаяся позади фигуры, — была оттиснута в другой форме.

Вторая форма (М. 49 X Бр. № 8083), от которой сохранилась только верхняя часть высотой 0,1 м, предназначалась для формовки лицевой стороны женской фигуры, по-видимому, стоящей с печально склоненной головой; ее правая рука придерживает края тяжелого покрывала, спадающего с головы; между краями гиматия видны поперечные складки, пересекающие хитон (рис. 2, 1, 2). Вынуть из такой сложной формы глиняный оттиск было трудно; после выемки из формы требовалось исправить детали оттиска.

Среди известных терракотовых групп ниобид имеется одна аналогичная фигура¹⁷, близкая по технике исполнения¹⁸.

Третья форма (М. 49 XI/9 № 1621), от которой сохранился фрагмент высотой 0,08 м, в оттиске дает нижнюю часть женской фигуры, одетой в длинный хитон и гиматий; выделен широкий, спадающий вниз, конец гиматия (рис. 2, 3). Судя по этому фрагменту, женщина была изображена спокойно стоящей.

Вариант такой же формы представляет фрагмент М. IX/9 № 1623 (рис. 2, 4).

Следующие 4 формы интересны тем, что служили для изготовления фигур значительно большего размера. Обломок формы М. 49 IX/8 № 1593 со сколами со всех сторон (высота — 0,1 м) сохраняет изображение немного согнутой в колене ноги стоящей фигуры и конца гиматия с отгибающимися зигзагообразно краями. Высота всей статуэтки могла быть до 0,4 м (рис. 3, 3).

Форма М. 49 IX/9 № 1639 могла служить для изготовления лица большой фигуры; сохранилась лишь нижняя часть формы (высота — 0,07 м; рис. 3, 1).

Форма М. 49 IX/9 № 1625 предназначалась для оттискивания статуэтки юноши (рис. 3, 4). Верхняя часть этой формы обломана, но нижняя полностью сохранилась и показывает, что в этой форме отливалась только часть статуэтки; ноги ниже колен делались в другой форме. Очевидно,

¹⁴ S. R e i n a c h. Repertoire de la statuaire, I. Paris, 1906, стр. 312—315.

¹⁵ О. Ф. В а л ь д г а у э р. Античная скульптура. Пгр., 1924, стр. 142, № 352.

¹⁶ А. Н а h г. Bewegungsgestalten in der griechischen Skulptur. Strassburg, 1917, рис. 18.

¹⁷ ОАК за 1863 г., табл. III, 5; А. В. Д е р е в и ц к и й, А. А. П а в л о в - с к и й, Э. Р. Ш т е р в. Терракоты Одесского музея, т. II. Одесса, 1898, табл. VI 1, 4; С. А. Ж е б е л е в. Ук. соч., рис. 21.

¹⁸ ОАК за 1863 г., стр. 164; С. А. Ж е б е л е в. Ук. соч., стр. 16.

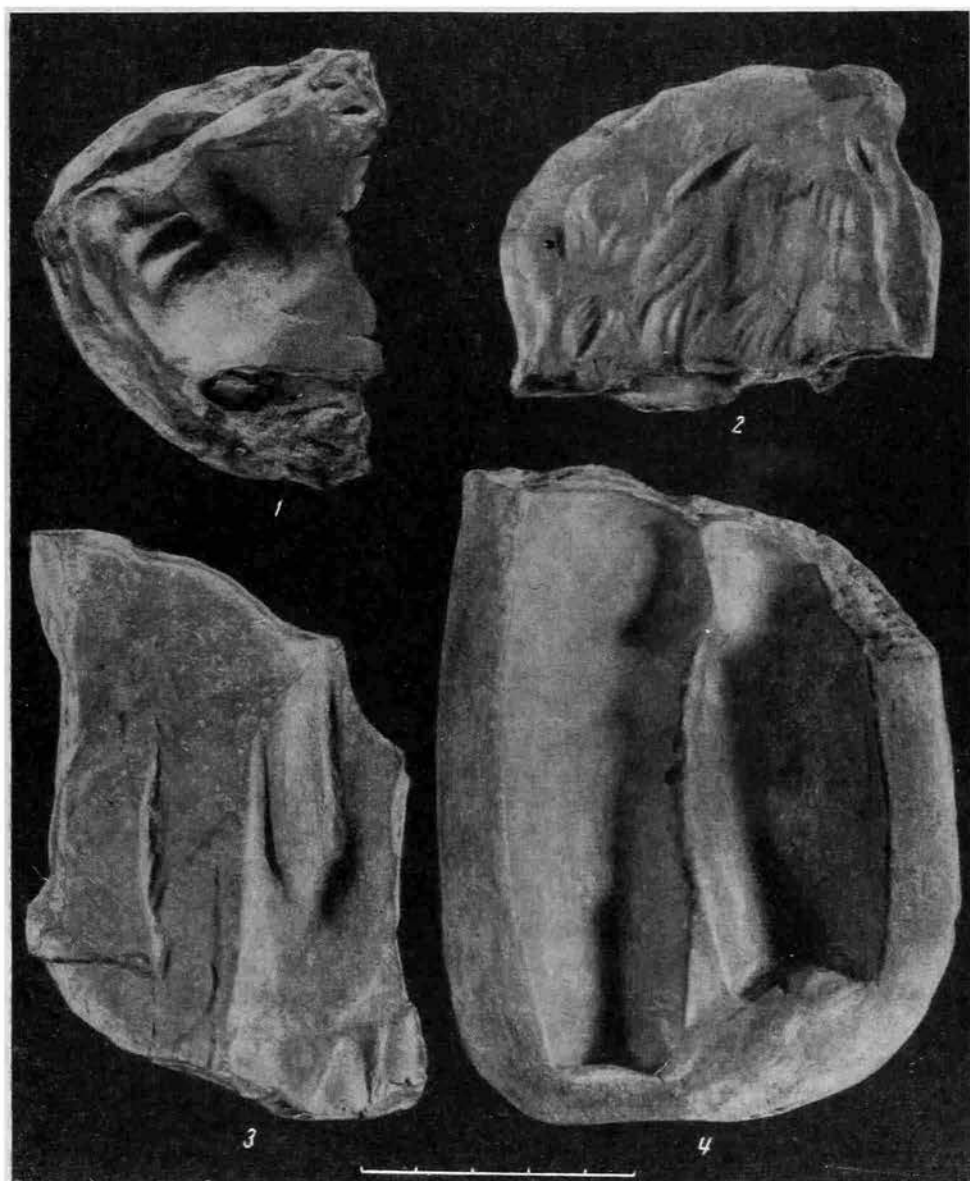

Рис. 3.

1 — фрагмент формы с изображением лица; 2 — фрагмент формы с изображением головы; 3 — фрагмент формы для изготовления женской фигуры; 4 — форма для изготовления части обнаженной мужской фигуры.

статуэтка изготовлялась в нескольких формах. Судя по размеру сохранившейся части фигуры, вся статуэтка могла иметь высоту до 0,4 м. Хорошо сформованная задняя сторона указывает на то, что статуэтка была рассчитана на рассматривание со всех сторон.

Форма М. 49 X № 2099 размером 0,072 × 0,055 м предназначалась для отливки верхней части большой головы или маски (рис. 3, 2).

Около печей были найдены не только фрагменты форм для изготовления статуэток больших размеров, но и обломки таких статуэток. Сохранилась часть большой женской фигуры, эффектно задрапированной в гиматий, переброшенный через правое плечо (М. 49 IX/9 № 1616; рис. 4,

1—3). Аналогичный мотив встречается среди эллинистических терракот особенно Танагры и Малой Азии (Мирины, Приены)¹⁹, но полностью совпадающих аналогий нам неизвестно. По-видимому, статуэтка — местной работы. Она сделана из светло-коричневой, хорошо промытой глины,

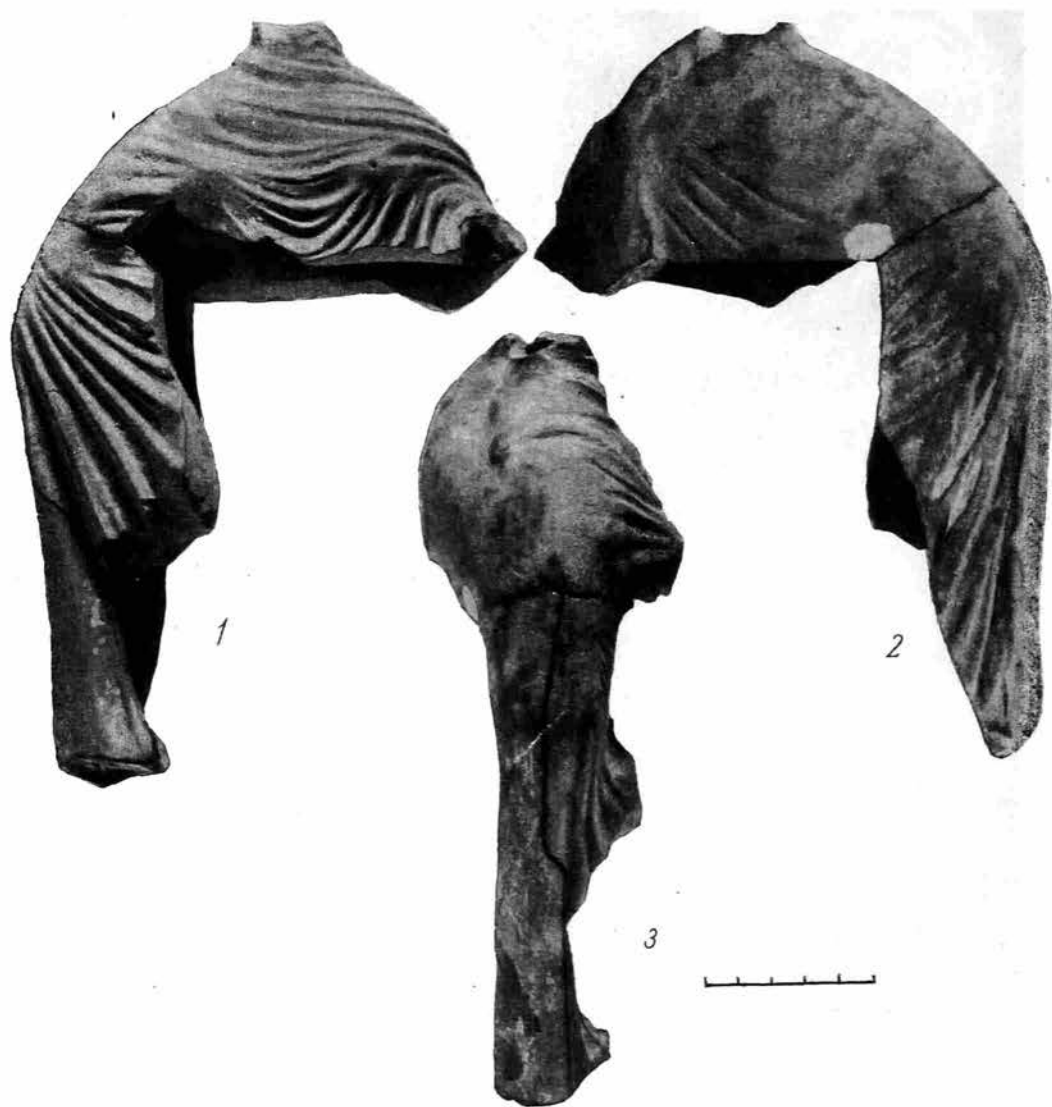

Рис. 4.

1—3 — фрагменты статуэтки женщины в гиматии

совершенно такой же, как и терракота — брак производства (М. 49 IX/9 № 1617; см. ниже). У этой статуэтки толстые (1 см) стенки. Сохранившаяся часть сделана в двух формах, голова и левая рука были изготовлены отдельно. Швы хорошо заделаны, складки гиматия спереди обработаны стеской. На поверхности сохранилась светлая обмазка; сзади — четырехугольное отверстие шириной 6,5 см. Обратная сторона совершенно плоская, что придает статуэтке рельефный характер.

¹⁹ Fr. Winter. Ук. соч., т. II, стр. 27, 1; 22, 2.

В музеях хранятся отдельные фрагменты найденных в Керчи терракотовых статуэток большего, чем обычно, размера. Так, в Государственном Эрмитаже находится фрагмент статуэтки Афродиты (П. 1896 № 12): обнаженная правая нога с двумя браслетами, справа около ноги изображен дельфин; высота ноги — 0,12 м; статуэтка имеет довольно высокую базу (около 0,025 м).

В Керченском музее хранится обломок очень большой терракотовой маски с изображением пышных волос и повязки (ширина фрагмента — 0,07 м).

Из других находок описываемой мастерской весьма оригинальны 2 фрагмента терракот, сделанных от руки. Один из них (М. 49 IX/9 № 1624) — часть ноги от бедра до колена, длиной 0,095 м, тщательно обработанная со всех сторон. Вероятно, это фрагмент фигуры юноши, опиравшегося ногой на выступ скалы. Глина несколько отличается от обычной пантикапейской глины — в ней золотистые блестки, цвет ее темнее. Как показывают находки фрагментов терракот, являвшихся производственным браком, это один из сортов пантикапейских глин.

Среди пантикапейских терракот эта находка не единична. Нам известны два аналогичных памятника из Керчи. Один из них (П—41/243, инв. № К 2552), более грубой работы, находится в Керченском музее, другой — в Государственном Эрмитаже (К 380).

Следующий фрагмент, заслуживающий внимания, — это кисть руки, сделанная без применения формы; длина от запястья до среднего сустава пальцев — 0,05 м (концы пальцев обломаны). Рука принадлежала небольшой статуе; об этом свидетельствуют изображение ее в движении и след прикрепления к ней какого-то предмета; на ладони есть отверстие для вставки стерженька.

Пантикапейские мастерские терракоты должны занять в истории античного художественного ремесла столь же почетное место, как тарентские, канозские, коринфские, мегарские, олимпийские, где изготовлялись, наряду с обычными терракотовыми статуэтками, фигуры большого размера²⁰.

В районе печей в 1949 г. обнаружен ряд терракотовых фигурок обычного размера. Разнообразие их типов и многочисленные аналогии среди ранее найденных статуэток делают эту находку чрезвычайно ценной для суждения об особенностях творчества пантикапейских коропластов I в. до н. э. Среди фигурок встречаются изображения Афродиты, Деметры, Мена и других божеств, а также фрагменты статуэток с бытовыми сюжетами.

Как изображения Афродиты Урании-Апатуры можно выделить целый ряд женских голов в высоком уборе. Такова голова (М. 49 XI/6 № 2292) прекрасной работы, из тонкой, хорошо отмученной, пантикапейской глины, отбитая от статуэтки (высота—0,025 м). Лицевая сторона ее была отлита в форме, а тыльная — сделана от руки. Над пышными волосами поднимаются стефана и два расходящихся выступа (рис. 5, 1).

К группе терракот, относящихся к культу Афродиты, принадлежит и фрагмент М. 49 XI/2 № 2213 — передняя сторона верхней части женской фигуры, держашей лиру в левой руке; головной убор ее с двумя выступами совершенно такой же, как у статуэток, связанных

²⁰ P. I. Riis. Etruscan statuary terrakottas. From the collections of the Ny-Carlsberg glyptothek, 1942; G. Richter. Two greek statues. AJA, XLVIII, 1944, № 3, табл. 230; A. Furtwängler. Collection Sabouroff. Berlin, 1883—1887, табл. XLII—XLVIII; AJA, 1953, № 4, табл. 81.

с культом Афродиты Урании-Апатуры из Фанагории²¹ и из комплекса святилища богини Великой Матери под Пергамом²².

К этому же кругу изображений нужно отнести 2 статуэткі, открытые в районе того же эргастерия. Одна из них (М. 53 XIII/6 № 38), высотой 0,135 м, изображает молодую женщину в тонком хитоне с короткими рукавами, подпоясанном под грудью. Она спокойно стоит с голубем в левой и виноградной кистью в правой руке (рис. 5, 3). Вытянутые пропорции фигуры характерны для скульптуры II—I вв. до н. э. Голова статуэтки не сохранилась; возможно, на ней был головной убор с двумя высокими выступами, подобно описанным выше головкам. Аналогиями могут служить статуэтки Государственного Эрмитажа комплекса 1882 г. (II. 1882 № 16—19; особенно — II. 1882 № 19, с такими же атрибутами).

Другая статуэтка (М. 53 XIII/6 № 37), высотой 0,14 м, изображает кифаристку (рис. 5, 4). Голова не сохранилась. Стенки статуэтки очень тонкие; база отлита вместе с фигурой. На оборотной стороне — круглое отверстие. Статуэтка покрыта светлой обмазкой; сохранилась краска: розовая и голубая — на гиматии, черная — на столбике, черная и коричневая — на кифаре. Полуобнаженная фигура с покрывалом, спустившимся на бедра, с браслетами на руках, напоминает образ Афродиты Капуанской и Афродиты Мелосской, а композиция грациозной фигуры и общий силуэт восходят к статуям Праксителя.

Обе статуэтки с горы Митридата сделаны из хорошо промытой керченской глины. В них с особенной яркостью выступают черты стиля пантикапейской короoplastики эллинистического периода: при общей близости эллинистической скульптуре, — в композиции, пропорциях, свободной трактовке ткани, — наблюдаются простота, отсутствие погони за эффектом, а также известная компактность целого (например, в статуэтке с лирой нет свободного пространства между фигурой и столбиком — оно заполнено зигзагообразной складкой плаща). Сочетание этой компактности с простотой часто придает статуэткам из Пантикапея монументальность, обычно не свойственную эллинистическим терракотам. То же самое нужно сказать и о статуэтках пантикапейнок, о которых говорилось выше.

Описанные статуэтки из пантикапейской мастерской не имеют полных аналогий в терракотах других мастерских. По-видимому, происхождение мотивов этих терракот связано с популярностью на Боспоре культа Афродиты (рис. 5, 2). Девушка в хитоне изображена с голубем — птицей, посвященной Афродите. Терракотовые голуби встречались при раскопках городища Пантикапея и Фанагории. Небольшой голубь (высота — 0,035 м) найден и в 1949 г. (М. 49 X/16 № 2057). Изображение полуобнаженной Афродиты очень часто встречается в эллинистической короoplastике²³, но мотив Афродиты, играющей на кифаре, оригинален. Аналогия нам известна только среди пантикапейских же терракотовых фигурок²⁴.

Спутник Афродиты — Эрот представлен в рассматриваемом комплексе лишь одним фрагментом пухлой детской фигурки. Эрот сидит, скрестив ноги, на большой круглой, сверху профилированной подставке.

К изображениям Деметры относятся фрагменты протом. Лучше сохранилась терракота М. 49 X/14 № 2040; с головы, увенчанной калафом

²¹ М. М. К о б ы л и н а. Терракоты Фанагории местного производства. ВДИ, 1949, № 2, стр. 107, рис. 1.

²² A. C o n s e et P. S c h a z m a n. Mamurthe-Kale, ein Tempel der Göttermutter umseit Pergamon. Berlin, 1911, табл. XI—XII.

²³ A. K ö s t e r. Ук. соч., табл. 88, 89; Fr. W i n t e r. Ук. соч., т. II, стр. 96—103.

²⁴ Comptes rendus...1871, табл. I, 4.

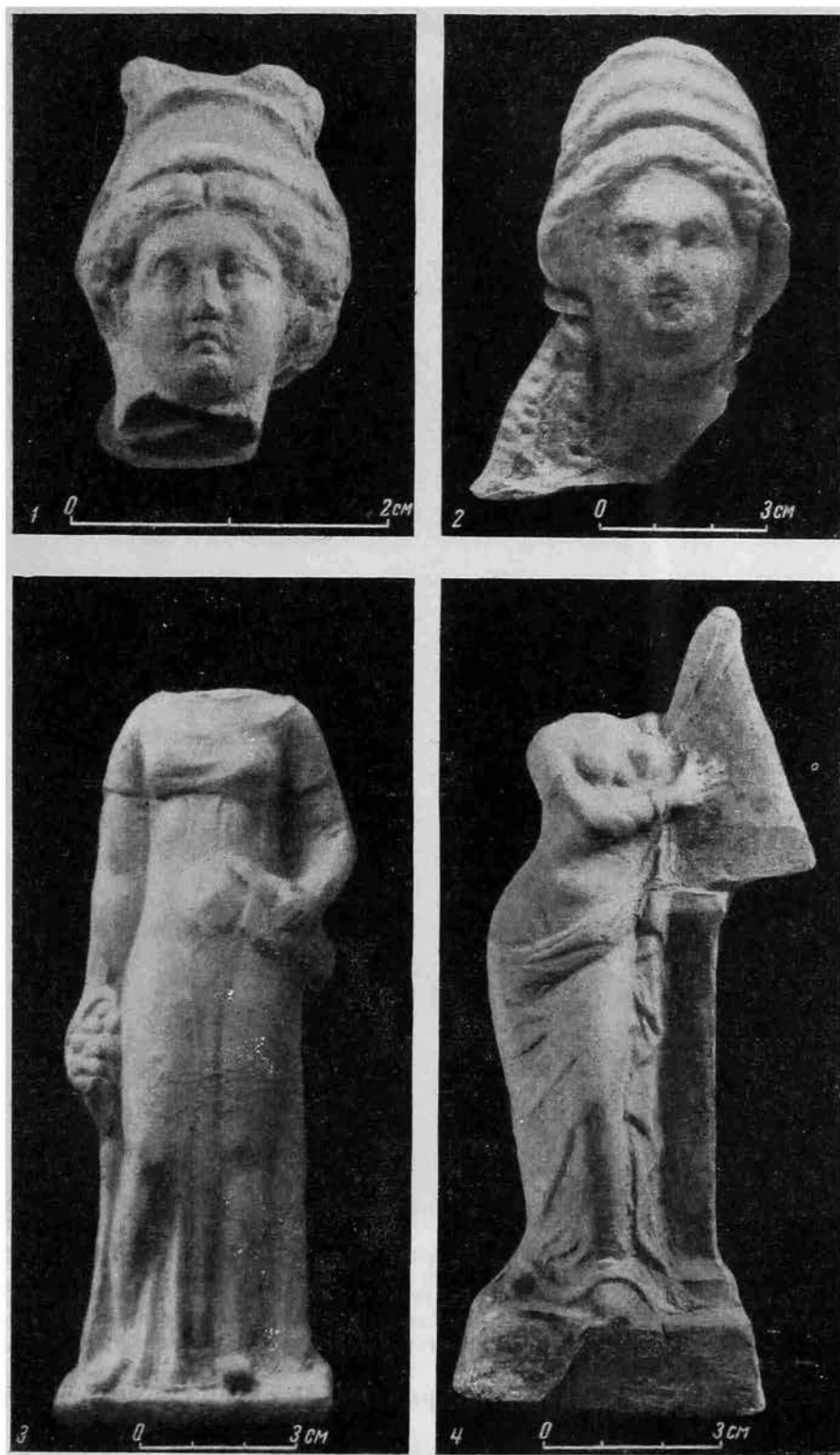

Рис 5.

1 — голова Афродиты; — голова Афродиты; 3 — статуэтка девушки с голубем; 4 — статуэтка лиристки

Рис. 6.

1 — голова Деметры; 2 — статуэтка Геракла; 3 — статуэтка Мена; 4 — статуэтка Митры в костюме Аттиса; 5 — фрагмент статуэтки всадника; 6 — фрагмент статуэтки девушки в хитоне

(высота — 0,065 м), спускается покрывало. Черты лица строгие, спокойные (рис. 6, 1).

Много статуэток относится к культу Геракла, Мена, Митры и Аттиса (рис. 6, 2—4). Они весьма обычного типа и имеют многочисленные аналогии среди находок в Керчи ²⁵.

²⁵ ОАК за 1868 г., табл. I, 12, стр. 70; А. В. Деревницкий, А. А. Павловский, Э. Р. Шгерн. Ук. соч., табл. V, рис. 1, стр. 10; табл. V, рис. 3; ОАК за 1880 г., табл. VI, 6.

В выбросе мастерской найдено 5 терракот, представляющих бога Мена. Божество изображено в виде полубнаженной детской фигурки, сидящей боком на петухе; кафтан с рукавами на груди застегнут, на голове — башлык; детское лицо обрамлено пышными волосами. В правой руке Мен держит огромную кисть винограда (рис. 6, 3).

Среди остальных терракот заслуживает внимания статуэтка Митры в костюме Аттиса (сохранилась вся фигура, кроме головы и ног; рис. 6, 4). Фигура восстанавливается по аналогии с хорошо сохранившейся статуэткой Одесского музея, найденной в Пантикапес на Глинище, высотой 0,199 м. Размеры статуэток совпадают²⁶.

Одесская статуэтка изображает Митру в костюме Аттиса, как и на рассматриваемом нами фрагменте, убивающим быка. Действие показано свободно и выразительно.

Среди статуэток I в. до н. э. имеются фрагменты статуэток всадников. Изображение всадника в кочевнической одежде, скачущего с копьем наперевес, сидящего по-сарматски²⁷, является отражением начавшейся сарматизации Боспора.

В числе фрагментов терракот с Верхне-Митридатского раскопа есть 2 варианта статуэток всадников. Один из вариантов представлен фрагментом М. 49 № 2212 (высота — 0,06 м). От статуэтки сохранилась голова всадника в остроконечном башлыке, с миниатюрным круглым лицом; частично уцелела оборотная сторона. К такой же точно статуэтке, — может быть, к той же самой, — относится фрагмент головы и часть груди лошади (М. 49 XI/2 № 2224), высотой 0,04 м. Шея лошади круто изогнута.

Полную аналогию представляет статуэтка Государственного Эрмитажа (II. 1832 = 7 № 867), высотой 0,13 м, изображающая всадника на скачущей галопом лошади. Голова лошади круто изогнута, туловище украшено фаларами. Всадник одет в длинные штаны и кафтан, на голове его — башлык. На правом плече застегнут плащ (застежка — с круглым щитком); правая рука, держащая копьё, поднята. Между ногами лошади в низком рельефе изображена собака, преследующая зайца²⁸.

В комплексе 1949 г. есть фрагменты статуэток всадника (М. 49 IX/8 1951 и М. 49 VIII/3 № 1289), которые относятся к другому варианту. Хорошо сохранившаяся статуэтка Государственного Эрмитажа (II. 1913 № 5) позволяет восстановить целое: лошадь представлена скачущей, вытянув голову, плащ всадника перекинут на груди. Среди этих статуэток всадников особое место занимает фрагмент (М. 49 VIII/3 № 1289) статуэтки значительно больших размеров и очень тонкой работы (рис. 6, 5). От статуэтки сохранилась только средняя часть. Торс лошади накрыт попоной, складки одежды на ноге всадника показаны весьма четко и мягко. Этот тип всадника пока невозможно полностью реконструировать, так как целой статуэтки еще не найдено.

В точности такой же фрагмент всадника имеется в ГМИИ среди находок на горе Митридата в 1947 г. (инв. № 158). Аналогичный обломок статуэтки находится в Керченском музее (инв. № 302). В 1947 г.

²⁶ А. В. Деревницкий, А. А. Павловский, Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. V, рис. 1.

²⁷ В. Д. Блаватский. О боспорской коннице. КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 96—99.

²⁸ Fr. Winter. Ук. соч., стр. 299, рис. 2; см. также ОАК за 1871—1872 гг., табл. III, 7, 8; А. В. Деревницкий, А. А. Павловский и Э. Р. Штерн. Ук. соч., табл. XI, рис. 1 и 3.

в Фанагории был найден фрагмент такой же статуэтки всадника, выполненной из фанагорийской глины.

Среди выброса пантикапейской мастерской имеются фрагменты женских задрапированных фигур, например обломок (М. 49 IX/9 № 1617) передней стороны женской фигуры (от плеча до середины бедра) в тонком подпоясанном хитоне. Этот фрагмент (высота — 0,09 м, толщина стенок — 0,06 см) представляет собой неудавшийся экземпляр с неопределенно расчлененными на груди складками хитона. Глина, из которой эта терракота сделана, — тонкая, тщательно отмученная, светло-коричневая.

Аналогией этой статуэтки является терракота Керченского музея (№ 1603 Н/38/117); ее размеры и вся сохранившаяся часть полностью совпадают с описываемым фрагментом. Перед нами — явно два оттиска, сделанные в одной и той же форме, но на экземпляре Керченского музея детализировано все, что смазано и неясно в экземпляре 1949 г.: ожерелье с крупными удлиненными подвесками, складки тонкого хитона. Терракота отличается тщательным исполнением. В складках хитона сохранилась розовая краска с лиловатым оттенком.

Заслуживает внимания торс небольшой женской фигуры из обычной пантикапейской глины (М. 49 XIII/4 № 2407). Высота — 0,065 м. Хитон подпоясан под грудью; формы тела мастерски показаны под тонкой тканью, местами собирающейся складками. На хитоне сохранились остатки сиреневой краски. Столь же хорошо исполнена из пантикапейской глины с золотистыми блестками статуэтка М. 49 XI/2 № 2218, от которой сохранилась верхняя часть торса высотой 0,035 м. Хитон без рукавов скреплен на плечах; пластично передана мягкая, как бы прозрачная ткань хитона. Статуэтка внутри полая, стенки очень тонкие; на хитоне сохранились остатки лиловой краски (рис. 6, б). Терракота М. 49 XI/2 № 2229 (высота — 0,025 м) — такого же качества исполнения. Сохранились женский торс, обтянутый складками ткани, и рука, держащая кифару. К этой же группе тонко исполненных терракот относится фрагмент сидящей женской фигуры (М. 49 XII/2 № 2217). Под массой складок гиматия обрисовывается нога. Высота фрагмента — 0,06 м. Глина статуэтки пантикапейская, с блестками.

Фрагмент статуэтки М. 49 III/6 № 362 выполнен из лиловато-оранжевой глины с золотистыми блестками. Этот фрагмент, как и ряд предыдущих, доказывает бесспорно, что найденные в Пантикапее статуэтки из глины с золотистыми блестками, без белых включений, — т. е. более хорошо отмученной, — могли быть исполнены в пантикапейской мастерской. Высота фрагмента — 0,065 м. Он представляет собой нижнюю часть женской фигуры на постаменте, спереди плоском, сзади округлом.

Статуэтка петуха (М. 49 IX/10), высотой 0,05 м, является детской игрушкой или приношением божеству. Сделана она из пантикапейской глины, от руки. Детали, вероятно, были показаны краской, так как поверхность не расчленена.

Ряд статуэток и их фрагментов показывает, что базы пантикапейских терракот были весьма разнообразны: коропласт придавал им форму, наиболее соответствовавшую фигуре; чаще всего встречается база, спереди вертикально срезанная, сзади закругленная, а внутри полая. Но есть и другие типы баз.

У терракоты М. 49 XI/2 № 1132 база четырехугольной формы, с вертикальными гранями, без профилировки. База М. 49 XIII, II № 2400 имеет такую же четырехугольную форму, но стороны немного скошены, а не вертикальны.

Встречались круглые базы. Фрагмент М. 49 XI/2 № 2226 представляет обломок круглой базы, сильно расширяющейся книзу; нижний край базы профилирован. У статуэтки М. 49 XI/2 № 2222 база цилиндрическая, профилированная сверху и внизу, окрашенная в розовый цвет. Аналогии имеются среди других статуэток Пантикапея, главным образом, изображающих детские фигуры с животными²⁹.

Терракоты 1949 г. представляют собой яркие образцы изделий мастерской коропласта в Пантикапее I в. до н. э. Они связаны с темами, наиболее характерными для Пантикапея того времени. Обнаружен также ряд новых, ранее не известных вариантов типов терракот.

Находки 1949 г. дают представление о технике пантикапейской мастерской I в. до н. э., открывают богатство и разнообразие пантикапейских глин и их обработки, освещают процесс изготовления терракот. Пользуясь этими данными, следует заново пересмотреть терракоты, открытые в Пантикапее, и многие статуэтки, считавшиеся привозными, признать пантикапейскими.

Судя по этим находкам, производство терракот в Пантикапее стояло на высоком уровне еще в I в. до н. э.

Становится очевидным, что для терракот Пантикапея применялась глина различного качества, в разной степени обработанная: обычная красновато-оранжевая, в некоторых случаях с лиловатым оттенком, с небольшими белыми включениями, или лучше отмученная, без них, иногда — с большим или меньшим количеством блесков. Наряду с этой глиной, наиболее характерной, встречается прекрасно отмытая, совершенно тонкая, светло-коричневая глина.

В Пантикапее изготавливались довольно больше по размерам терракотовые статуэтки, состоявшие из нескольких частей, отлитых в отдельных формах. У статуэток более или менее хорошо обработана оборотная сторона и прекрасно заделаны швы; передняя сторона отделана стеклой. Среди находок были также маленькие статуи, вылепленные от руки, — возможно, модели.

Формы, открытые около гончарных печей, дают представление и о другом типе терракот Пантикапея — односторонних и рельефно исполненных фигурах. Форма, в которой отливали лицо больших размеров, могла служить также для изготовления маски или большой протомы.

В общем терракоты, найденные в 1949 г., и по содержанию, и по стилю аналогичны статуэткам II—I вв. до н. э. из других городов Средиземноморья, более всего — малоазийских. Фигуры объемны, переданы в свободном движении. Встречаются мифологические и бытовые сюжеты, а также жанровая трактовка мифологических персонажей.

Изучение терракот, обнаруженных в Пантикапее, их сопоставление с комплексом 1949 г. позволяет установить наличие мастерских коропластов в Пантикапее уже с VI в. до н. э., а расцвет производства терракотовых фигурок отнести к IV в. до н. э. — I в. до н. э.; с I в. н. э. начинается упадок коропластики. С усилением сарматизации и распадом античного рабовладельческого общества исчезает и коропластика. Терракотовые статуэтки, правда, встречаются и в III в., но это уже иные, не античные терракоты, а однотипные схематические изображения женского божества и сделанные от руки грубые статуэтки с подвесными ногами.

Терракотовые статуэтки, подобные находкам 1949 г., являются одним из созданий античной культуры и исчезают вместе с ней.

²⁹ ОАК за 1880 г., табл. V рис. 2.

Можно отметить некоторые черты, присущие пантикапейским терракотам рассматриваемого периода. В противоположность сложным композициям малоазийских терракотовых статуэток, часто рассчитанных на декоративный эффект, в лучших статуэтках Пантикапея наблюдаются простота и правдивость (женские фигуры, всадники, дети и пр.). При сохранении основных черт античной скульптуры (хастического построения тела и пластичности исполнения) в терракотах Пантикапея отмечаются известная собранность и компактность массы. Особую роль в пантикапейских терракотах играет краска. Рисунок краской очень часто заменяет объемно исполненные детали. Эта черта хорошо корреспондирует с особым развитием декоративной живописи на Боспоре и с живописностью, наблюдаемой в других разделах пантикапейского искусства.

К. М. КОЛОВОВА

К ВОПРОСУ О НАГРАЖДЕНИИ ПАНТИКАПЕЙЦА ЗОЛОТЫМ КОЛЬЦОМ

История стелы, датируемой началом I в. н. э., с надгробной надписью Теофила, сына Онесима и его матери Феодоры¹ заслуживает самого пристального внимания.

Как это отмечалось в литературе, применение стелы в качестве надгробия было вторичным использованием. Первоначально на этой же стеле был вырезан декрет совета и народа (пантикапейцев) о награждении золотым кольцом какого-то пантикапейского гражданина². И декрет и надгробная надпись были написаны в одной и той же боспорской мастерской и, по-видимому, одним и тем же резчиком, так что между временем написания и аннулирования постановления прошел очень незначительный срок³.

На основе анализа материала самой плиты (местный известняк) Г. Кизерицкий и К. Ватцингер пришли к выводу, что к этой же мастерской, кроме интересующей нас надписи, относятся и другие надписи того же времени⁴, все — начала I в. н. э.

Для вторичного использования плиты в качестве надгробия прежде написанное постановление было тщательно сбито. Остатки первой надписи сохранились лишь на фронтоне, вверху рельефа, и в самом конце плиты, где они не могли быть видны, так как при постановке надгробия конец плиты засыпался землей. Все это отчетливо видно и на самой надписи, и даже на фотографии (см. рисунок).

Немногочисленные следы надписи, сохранившейся на фронтоне, Г. Кизерицкий и К. Ватцингер читали так:

.υ. ρου
.δορ
ΑΘ] ηναιο
ε]παίνου καί πλείεττης ἀποδοχῆς ὑποστῆσα [ι.

¹ IOSPE, II, № 5.

² Ср. В. В. Латышев — ИАК, вып. 23, 1907, стр. 52; G. V. Kieseritzky u. C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, № 401; К. М. Коловова. Дополнение к статье «Положение городов в Боспорском государстве». ВДИ, 1954, № 4, стр. 84, 85.

³ Именно один и тот же характер буквы способ написания первоначально позволили В. В. Латышеву считать, что родственники Теофила сделали выписку из ранее вынесенного почетного постановления. Ср. комм. к IOSPE, II, № 5.

⁴ IOSPE, II, № 268, 196, add. 79¹.

В конце плиты сохранившиеся 4 строки читаются следующим образом:

[Δεδόχ]θαι τῆι βουλῆι καὶ τῶι δήμῳ: [ἐπαίνεσαι
[ἐπι τοῦ] τοῖς τὸν δηλοῦμενον καὶ [τιμῆσαι?
[χρυσῶ]ι δακτυλίῳ: χάριν τῆς εἰς τὴν πόλιν ἀρεσκείας.

Поскольку резчик при работе везде сохранял между строками один и тот же интервал (строка надписи, строка пропуска), можно предположить, что на данной плите было не менее 40 строк постановления. Таким образом, если декрет был нанесен только на одной плите, то все же он был довольно длинным и, видимо, лицо, чествуемое в нем, оказало городу какую-то важную услугу или ряд услуг.

В единственной сохранившейся целиком строке начальной части декрета чествуемое лицо, имя которого остается нам неизвестным⁵, получает похвалу и *πλείστη ἀποδοχή*. *Ἡ ἀποδοχή* в данном случае обозначает «одобрение», вызванное признательностью за оказанные услуги.

Аналогичное выражение мы встречаем в двух постановлениях Приены I в. до н. э. в честь Мосхиона, сына Кидима, и Герода⁶. Оба эти лица выполняли (один — после 129 г. до н. э., другой — около 120 г. до н. э.) обязанности стефанофора — высшей магистратуры города. Оба они принадлежали к знатнейшим и богатейшим гражданам Приены. Состояние Мосхиона и его брата Афенополида было настолько значительным, что они в течение более 30 лет оказывали материальную помощь и городу, и его населению. Мосхион пожертвовал 3000 драхм на восстановление гимнасия и 1000 александровых драхм на восстановление святилища Александра, принес в дар городу 1105 драхм и уплатил проценты по городскому долгу в размере 2158 драхм и 4 обол. Герод истратил немалые суммы на организацию религиозных празднеств и процессий, а кроме того, во время женитьбы пригласил на свой свадебный пир население почти всего города. Во время его похорон, как отмечается в постановлении, весь город оплакивал его смерть.

Кроме того, оба эти гражданина были участниками важных для Приены дипломатических посольств, среди которых следует особенно обратить внимание на участие обоих в посольстве в Пергам к М. Перперне с поздравлениями Риму после победы над Аристоником.

И тот, и другой были удостоены «высшего одобрения» (*ἡ μεγίστη ἀποδοχή*). При этом отмечается, что и другие [граждане], видя, что такие мужи *ἐν ἀποδοχῆι τῆι μεγίστηι γινόμενοι*, сами должны стараться сделать со своей стороны полезное для города.

Таким образом, *μεγίστη* (герср. *πλείστη*) *ἀποδοχή*, кроме одобрения, является одновременно выражением высшего доверия к людям на основе чувства большой признательности за оказанные городу beneficia.

Употребление *ἡ πλείστη ἀποδοχή* в начале пантикапейского постановления уже само по себе свидетельствует о том, что чествуемое лицо оказало городу какие-то очень значительные услуги. Сохранившиеся в конце декрета 4 строки в переводе В. В. Латышева гласят: «Да постановит совет и народ похвалить за это [выше] показанного и почтить золотым перстнем за угождение городу».

Поскольку В. В. Латышев дал этот перевод в то время, когда считал эти строки выпиской из почетного декрета, мы позволим себе внести

⁵ Сохранившееся в верхней части постановления имя ²Αθ]ηναῖος или ²Αθ]ηναῖος, может быть, указывает либо на имя, либо на происхождение чествуемого.

⁶ Inschriften von Priene, herausgegeben von Hiller v. Gaertringen, Berlin, 1906, № 108, 109.

некоторые, как нам кажется, необходимые коррективы: «Совет и народ постановили похвалить за это [так] проявившего себя (τὸν δηλούμενον)⁷ и почтить золотым перстнем за угождение городу (τῆς εἰς τὴν πόλιν ἀρεσκείας)».

Термин ἡ ἀρεσκεία в эпитафических памятниках, кроме рассматриваемого нами, встречается лишь один раз, но в той же формулировке. Во втором почетном постановлении Приены в честь [Авла Эмилия] Зосимы, при перечислении различных его услуг, говорится: «Когда обещанное ранее получило у него завершение, укрепляя ежегодную власть [стефанофора], остающееся после этого время было им употреблено для угождения народу (πρὸς τὴν εἰς τὸ πλῆθος ἀρεσκείαν); он не допустил, чтобы и последующее время оставалось [у него] без хорегий, но сделал и народные, и всеобщие празднества еще более торжественными для радости людей и удвоил благодеяния принимающим в них [празднествах] участие, предоставляя во время их в дар омовения и гражданам всем, и парекам, и катекам, и ксемам, и римлянам, и рабам их, доставляя в баню и масло, и благовония»⁸.

Биография Зосимы представляет для нас также некоторый интерес. Его отец был, по-видимому, вольноотпущенником, и Зосиме гражданские права Приены были предоставлены особым постановлением. Будучи очень богатым и стремясь всеми способами заслужить популярность как у граждан Приены, так и у римлян, он добился того, что занимал в городе ряд важных магистратур, вплоть до стефанофора. Он справил при вступлении в должность общественный праздник с угощением всего народа — не только граждан; он украсил гимнасий, улучшил бани и ежедневно отпускал масло для натирания, а по праздникам — масло, пропитанное благовониями. Будучи секретарем совета, он впервые стал употреблять для большей сохранности архива пергамент вместо папируса, много внимания уделял культам города и религиозным праздникам.

Таким образом, деятельность Зосимы, направленная на снискание своими «благодеяниями» благосклонности и популярности у граждан, очень хорошо характеризует значение выражения ἡ ἀρεσκεία.

В. В. Латышев хорошо передал этот греческий термин русским словом «угождение»; однако термином ἡ ἀρεσκεία передается чаще всего результат деятельности: в результате различных материальных услуг, направленных на приобретение расположения города или горожан, они отвечают ему благосклонностью⁹. В начале деятельности Зосимы в Пергаме он получил, в результате своего заискивания перед городом, сперва гражданские права, а затем и доступ в высшие круги.

Чествуемый в рассматриваемом постановлении человек в результате каких-то дел, приятных городу, получил право ношения золотого кольца.

Обычай ношения колец и золотых, и с драгоценными камнями был широко распространен в Греции. Мы знаем о кольце Поликрата, о кольце

⁷ Выражение ὁ δηλούμενος следует понимать, как «проявивший себя», «показавший себя на деле». В том значении, как его понимал В. В. Латышев, — «[выше] показанный» (т. е. «упомянутый»), по-гречески следовало бы употребить πρὸς τὸν δηλούμενον или ὁ δηλωθεὶς. Ср. Euseb. Hist. eccles.. II, 13: Σίμωνα τὸν πρῶτον δεδλωμένον.

⁸ Inschriften von Priene, № 113, 70—78.

⁹ В рассказе Диодора Сицилийского о похоровах Гефестиона, любимца Александра Македонского, говорится (XVII, 115): «Из полководцев и друзей [Александра] каждый, стремясь к тому, чтобы добиться расположения царя (ἐκαστος στοχάζομενος τῆς τοῦ βασιλέως ἀρεσκείας), стал сооружать статуи из слоновой кости и золота и многое другое, возбуждающее изумление у людей». В том же значении ἀρεσκεία встречается и у Полибия — ср. VI, 2, 12: Εὐθέως ἤρμισατο πρὸς τὴν τοῦ βασιλέως ἀρεσκείαν.

Александра Македонского, снятого Пердиккой с руки покойного или умирающего царя. Этим перстнем Александр пользовался одновременно как печатью, и передача его Пердикке дала последнему основание утверждать, что царь именно его назначил преемником своей власти¹⁰.

В письме Иофонта к Эрастону, у Алкифрона, земледелец Иофонт описывает своему другу прекрасный сон, который ему приснился, но был прерван некстати пением петуха. Ему снилось, что он очень богат и знатен и что за ним следуют рабы, как это обычно бывает у экономов и диойкетов. Пальцы на руках его унизаны кольцами и стоящими много талантов драгоценными камнями. В театре афинский народ, приветствуя его появление, избирает его в стратеги¹¹.

Таким образом, ношение драгоценных колец и в древности связывалось с представлениями о богатстве и знатности. Однако только в Риме ношение золотых колец стало привилегией, отличающей одно сословие от другого. Дион Кассий говорит: «Никому из древних римлян... не разрешалось пользоваться золотыми кольцами, кроме сенаторов и всадников¹²».

Т. Моммзен предполагает, что право ношения золотого кольца, ранее присвоенное сенаторам, исполнявшим курульные должности, с гракханского времени было предоставлено также и всадникам¹³. Во времена поздней республики и принципата золотое кольцо стало отличием богатой рабовладельческой верхушки от рядовых граждан¹⁴.

Согласно Плинию, в 23 г. н. э. при императоре Тиберии специальный закон регулировал право ношения колец (*ius anulorum*). Это право предоставлялось при условии, что не только отец, но и дед были свободнорожденными людьми, что состояние этого человека — не менее 40 000 сестерций и что он пользовался правом сидеть в театре не далее 14-го ряда¹⁵.

Этот закон объяснялся, очевидно, тем, что в период поздней республики ряд вольноотпущенников получил всаднические права. Так, например, согласно Макробию¹⁶, Сулла, будучи диктатором, наградил своего любимого актера Росция золотым кольцом.

Награждение золотым кольцом в пантикапейском декрете можно понять только в освещении приведенных выше римских источников. Несомненно, что чествуемое лицо получило не золотое кольцо, но право на ношение золотого кольца, т. е. тем самым право доступа в ряды пантикапейской знати.

Термин $\eta \acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\chi\epsilon\iota\alpha$ связан в исследуемом тексте, как и во втором почетном постановлении города Приены в честь Зосимы, со стремлением данного пантикапейца выслужиться перед знатью¹⁷ города какими-то, оставшимися нам неизвестными, действиями. В свое время Зосима путем такой же $\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\chi\epsilon\iota\alpha$ получил право гражданства в Пергаме, а позже был включен в ряды пергамской знати.

¹⁰ Curt. X, 6, 5.

¹¹ Alchifron., Ep. II, 2.

¹² Dio Cass., XLVIII, 45, 8.

¹³ Th. Mommsen. Römische Staatsrecht, Bd. III, T. I. Leipzig. 1887, стр. 514—519.

¹⁴ Th. Mommsen. Ук. соч., Plin. HN, XXXIII, 1, 10.

¹⁵ Plin., HN, XXXIII, 8, 1.

¹⁶ Macrob. Sat., III, 13, 13: honoris causa dono datus.

¹⁷ Зосима ко времени второго постановления был уже стефанофором; его $\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\chi\epsilon\iota\alpha$ была направлена на все слои городского населения Приены (ср. $\eta \epsilon\iota\varsigma \tau\omicron \nu \pi\lambda\eta\theta\omicron\varsigma \acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\chi\epsilon\iota\alpha$). Чествуемое лицо в изучаемом нами декрете добивается расположения лишь полиса ($\eta \epsilon\iota\varsigma \tau\eta\nu \pi\acute{o}\lambda\iota\nu \acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\chi\epsilon\iota\alpha$).

Стела с надгробной надписью Феофила, сына Опесима, и его матери Феодоры.

Богатство данного пантикапейца, бывшего, несомненно, уже гражданином города, его материальные затраты снискали ему расположение совета настолько большое, что ему было дано право ношения перстня.

Насколько мне известно, это первый в греческой эпиграфике случай предоставления такого права неримлянину и не сенатом Рима, а советом города. Аналогичных этому памятников мы не знаем.

Вполне вероятно, что пантикапейская знать в период римского влияния на Боспор также носила золотые перстни как знак своего сословного достоинства. Чествуемое лицо не принадлежало к знати по праву происхождения и должно было добиваться этого всеми способами, ему доступными. Наконец, ему удалось достигнуть этой чести.

Однако вскоре же вынесенное советом и народом постановление было аннулировано; все строки декрета были тщательно выскоблены, и остались лишь незначительные следы, видные зрителю на фронте плиты. Но и та строка, которая читается вверху декрета, настолько стереотипна, что могла быть отнесена к любому случаю.

Конечно, мы не можем удовлетворительно объяснить, не имея никаких материалов, столь быструю отмену принятого постановления. Все эти события происходили в начале I в. н. э., поэтому всего вероятнее связать их с колебаниями римского влияния на Боспоре, с борьбой римской и антиримской партий. Несомненно лишь то, что в силу каких-то внезапных, вероятно, политических изменений только что предоставленная почесть была отменена, а чествуемое лицо навлекло на себя опалу, может быть, новых властей города.

Значение этого постановления трудно переоценить. Это пока первый и единственный пример постановления, принятого советом и народом города¹⁸, т. е. первый документ, подтверждающий наличие в Пантикапее обычных городских органов самоуправления. Во-вторых, обычай ношения золотых колец как отличительного признака боспорской знати, может быть, под римским влиянием стал знаком правового и сословного отличия аристократии Пантикапея. Насколько он укоренился в жизни боспорской знати, — до находки новых эпиграфических документов решить трудно.

¹⁸ Ср. мои работы о городах в Боспорском царстве: ВДИ, 1953, № 4, стр. 52 и сл.; ВДИ, 1954, № 4, стр. 84, 85.

В. В. КРОПОТКИН

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

(Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы)

Русские ученые XIX в. и начала XX в. провели большую работу по собиранию, переводу на отечественный язык и тщательному изучению сохранившихся разрозненных свидетельств средневековых авторов. Большие заслуги в этой области имеют выдающиеся исследователи византист В. Г. Васильевский и крупнейший русский эпиграфист, историк Северного Причерноморья В. В. Латышев.

Занимаясь историей античного мира на юге России, В. В. Латышев издал ряд важных средневековых текстов и средневековые надписи, найденные в Причерноморье¹. В. В. Латышев уделил также много внимания изучению исторической географии Северного Причерноморья.

Археологические исследования средневековых памятников в Крыму и на Тамани, развернувшиеся в последние годы, дали ценные материалы, которые в сопоставлении с письменными источниками позволяют пересмотреть или уточнить некоторые запутанные вопросы истории крымского средневековья. Одним из них является вопрос о местонахождении города Фуллы.

Античные города Таврики в результате готского, а затем гуннского вторжения были почти полностью разрушены за исключением Херсонеса, называвшегося в средние века Херсоном или Корсунью. На смену разрушенным античным городам, по мере формирования феодальных отношений в VI—VIII вв. н. э., появлялись феодальные города, которые нередко находились на месте старых античных поселений, но в результате этнических передвижений древние названия их были забыты, и они получили новые имена.

Большой интерес для историков и археологов имеют еще мало исследованные остатки так называемых пещерных городов в юго-западной части полуострова. Основанные в V—VI вв. н. э. на почти неприступных

¹ В. В. Л а т ы ш е в. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896; е г о ж е. Заметки к христианским надписям Крыма. ЗООИД, XX, 1897, стр. 149—162; XXI, 1898, стр. 225—254; е г о ж е. Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. Записки Академии наук, т. VIII, № 3, СПб., 1906, е г о ж е. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1901 г. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 21—57; е г о ж е. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 95—137; е г о ж е. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 23, 1907, стр. 28—48; е г о ж е. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 27, 1908, стр. 15—41; е г о ж е. Вновь найденные в Крыму христианские надписи. Изв. Тавр. уч. арх. ком., № 53, 1916, стр. 1—6; е г о ж е. К надписи Евпатория. «PONTIKA», СПб., 1909, стр. 201—217.

скалистых высотах, они обносились высокими стенами с башнями и въездными арочными воротами, кладка которых совершенно тождественна кладке многочисленных византийских построек в Таврике, на Дунае и в других районах византийского лимеса, созданного в эпоху Юстиниана I². Очевидно, эти крепости строились с помощью византийских мастеров и инженеров, как это было позднее в Саркеле на нижнем Дону^{2а}.

По всей видимости, пещерные города первоначально являлись византийскими крепостями, где возводились христианские базилики и другие постройки, связанные с пребыванием в V—VI вв. н. э. византийских гарнизонов. Иными словами, пещерные города были наряду с Херсоном и Боспором центрами византийского господства в Таврике.

Средневековые документы сохранили наименования некоторых пещерных городов и монастырей. Административный и религиозный центр Готии — средневековый Дорос (Дори или Феодоро), упоминаемый Присцианом, Прокопием Кесарийским и другими, более поздними авторами, точно локализуется на месте пещерного города Мангуп, находящегося в 18 км от Бахчисарая³.

Средневековая Каламита находилась на месте современного Инкермана в районе Севастополя⁴. Счастливые находки строительных надписей или надгробных памятников, где упоминались средневековые названия Таманского городища, Мангупа, Инкермана и некоторых других поселений Крыма и Таманского полуострова позволили ученым с полной достоверностью отождествить исчезнувшие ныне города и монастыри с современными остатками этих поселений.

Но многие средневековые города, замки и монастыри (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Сюрень, Бакла, Морское, Планерское, Аршинцево и др.) не сохранили свой средневековый наименования и при современном состоянии науки их отождествление с известными нам по письменным источникам географическими центрами сопряжено с большими трудностями. Так, например, по вопросу о локализации города Фуллы, который упоминается в византийских источниках VIII—IX вв., высказано множество соображений. Анализируя одни и те же источники, ученые приходили к совершенно противоположным выводам, при этом большая часть историков помещала Фуллы в Крыму, но в разных частях полуострова, другие исследователи искали Фуллы в Западном Причерноморье, а некоторые — даже на Тамани. Остановлюсь на работах В. Г. Васильевского, Ю. А. Кулаковского и А. Л. Бертье-Делагарда, которые выдвинули наиболее обоснованные гипотезы.

В. Г. Васильевский и Ю. А. Кулаковский помещали Фуллы в восточной части Таврики, в области, смежной с владениями хотциров (или хозиров) и территорией Сугдейской епархии⁵.

² Procopii, De aedificiis, III, 7; De bell. pers., I, 12.

^{2а} Const. Porphyg., De administrando imperio, 42.

³ Priscianus Grammaticus, Institutiones grammaticae, VI, 1; Procopii, De aedificiis, III, 7 (изд. Наугу, III, стр. 101); А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Изв. Тавр. уч. арх. ком., № 51, 1920, стр. 1—135; М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 319—333.

⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. ЗООИД, XIV, 1888, стр. 166—279; е го ж е. Каламита и Феодоро. Изв. Тавр. уч. арх. ком., № 55, 1918, стр. 1—46.

⁵ В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. CLXIV, CLXV; Ю. А. Кулаковский. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. ЖМНП, 1898, февраль, стр. 173—202; е го ж е. Прошлое Тавриды, изд. 2-е, Киев, 1914, стр. 70, 71.

Ю. А. Кулаковский предположительно локализовал Фуллы на месте города Старый Крым, к западу от Феодосии (средневековой Кафы) ⁶.

А. Л. Бертье-Делагард утверждал, что город Фуллы находился не в восточной, а в юго-западной части Таврики, на месте известного пещерного города Чуфут-Кале, расположенного в окрестностях Бахчисарая.

Если не учитывать испорченного места у Менавдра ⁷ о византийском посольстве, отправленном в 576 г. из Константинополя к тюркским племенам Приазовья, где упомянуты по пути следования посольства Синопа, Херсон, Апатура и затем следуют слова «ἔτι τε καὶ διὰ φούλων» ⁸, то древнейшее упоминание о Фуллах содержится в Notitia episcopatuum, составленной, по мнению ее издателя де Боора, в эпоху иконоборцев до VII Вселенского собора 787 г. ⁹ На 38-м месте в списке приведен состав готской епархии:

λή. Ἐπαρχία Γοτθίας.
 α. Δόρος μητρόπολις. β. ὁ Χοτζήρων.
 γ. ὁ Ἀστὴλ. δ. ὁ Χουάλης. εἰ. ὁ Ὀνο-
 γούρων. ς. ὁ Ῥετέγ. ζ. ὁ Οὐννων. η. ὁ
 Τυμάταρχα.

В конце документа сделана приписка:

λζ. Ἐπαρχία Γοτθίας.
 α. ὁ Χοτζήρων σύνεγγυς Φούλων καὶ τοῦ
 Χαρασιῶν ἐν ᾧ λέγεται το
 μάβρον
 ναῖρων.
 β. ὁ Ἀστὴλ ἐν ᾧ
 λέγεται ὁ Ἀστὴλ
 ὁ
 ποταμὸς
 τῆς Χαζαρίας, ἔστιν δὲ κάστρον.

Анализ этого документа, произведенный Ю. А. Кулаковским ¹⁰ и А. А. Васильевым, позволил последнему сделать вывод, что «епископ хозирский (хазарский) или, лучше сказать, епископия хозирская (хазарская) находилась по данному списку в восточной части Крыма, к северо-востоку от Крымских гор. Нотии Х в. покажут, что местопребыванием епископа хозиров был именно город Фуллы» ¹¹.

⁶ Ю. А. Кулаковский. К истории готской епархии в Крыму в VIII в., стр. 198 и сл.

⁷ M e n a p d r i, fr. 45 (Hist., изд. Диндорфа, II, 90). Этот отрывок вызвал различные толкования, но из текста Менавдра следует, что посольство Валентина из Херсона отправилось вдоль берега Таврики к Таманскому полуострову, где находилось известное святилище Афродиты Апатуры (в районе Фанагории); поэтому, если в этом отрывке и упоминались загадочные Фуллы, то искать их надо не в горной части Таврики, а на побережье между Херсоном и Боспором (Жерчью). В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского. Труды, т. II, вып. 2, СПб., 1912, стр. 386; А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, т. V, 1927, стр. 184.

⁸ С. Дестунис. Византийские историки. СПб., 1861, стр. 417, прим. 75.

⁹ C. de Vogt. Nachträge zu den Notitia episcopatuum. Zeitschrift für Kirchengeschichte, XII, 1891, стр. 519.

¹⁰ Ю. А. Кулаковский. К истории готской епархии в Крыму в VIII в., стр. 197 и сл.

¹¹ А. А. Васильев. Ук. соч., стр. 212. В. А. Мошин также помещает Фуллы в восточной части Крыма; см. В. А. Мошин. Николай, епископ Тмутараканский. «Seminarium Kondakovianum», т. V, Прага, 1932, стр. 51; е г о ж е. «Ἐπαρχία Γοτθίας в Хазарии в VIII веке». Труды IV съезда русских академических организаций за границей, ч. II. Белград, 1919, стр. 149—156.

А. Л. Бертье-Делагард, вопреки мнению Ю. А. Кулаковского, считал, что нотиция, изданная де Боором в 1891 г., и приписка к ней составлены не в VIII в., как ее датировали де Боор и другие исследователи, а значительно позже, «лицом, вероятно, близко знакомым с Тавридой и в особенности с Готской епархией, может быть, тамошним уроженцем». А. Л. Бертье-Делагард полагал, что до тщательного разбора всего состава списка делать какие-либо выводы о Готской епархии преждевременно. После работы А. Л. Бертье-Делагарда этот интересный документ был внимательно проанализирован А. А. Васильевым, который вернулся к датировке, предложенной де Боором, а затем поддержанной В. Дворником¹².

Краткое упоминание о Фуллах содержится в житии Иоанна Готского, которое было составлено анонимным автором в первой половине IX в.¹³ После неудачного восстания против хазарского владычества в 787 г. при участии правителя Готии, его властей и «всего народа» (ἀὐτῶ τῷ Κυρῶ Γοτθίας καὶ τοῖς Ἀρχούσι αὐτοῦ καὶ παντὶ τῷ λαῶ) епископ Готии Иоанн, выданный Хагану в одном местечке (χωρίον), находился в заключении у хазар в Фуллах, откуда ему удалось бежать за море в Амастриду¹⁴.

Внимательное изучение текста жития позволяет высказать два положения: 1) Фуллы находились не в пределах Готии, а в области, которая была в более прочной зависимости от хазар, вдали от центра восстания, в восточной части Крымского полуострова; 2) Фуллы следует, скорее всего, искать не в области северных предгорий, а на южном побережье Таврики, откуда было легко совершить морем побег в Амастриду. Поэтому мало вероятно предположение А. Л. Бертье-Делагарда, что Фуллы находились в Чуфут-Кале недалеко от Дороса (Мангупа), где поднято было восстание против хазарского гарнизона и где положение было очень тревожно.

Интересные, но крайне неопределенные сведения о населении Таврики и о местонахождении Фулл можно извлечь из Панновского жития Константина (Кирилла) Философа¹⁵. Упоминание «фулльского языка» в тексте жития находится после описания путешествия Константина в Хазарию (около 860 г.). Константин выехал из Херсона (Корсуни) на корабле, что упомянуто составителем жития; обратный путь из Хазарии в Херсон в пределах Хазарского каганата сначала проходил по суше, а затем по морю. Естественно предположить, что Константин возвращался уже известной ему дорогой вдоль южного берега Крыма. Этот путь в тех условиях был значительно легче и безопаснее. В житии к тому же нет никаких намеков на то, что Константин Философ занимался проповедью христианства где-то во внутренних частях Таврики. Где же находился «фулльский язык», т. е. небольшая область, обитатели которой в IX в. сохраняли пережитки язычества, поклоняясь священному дубу и принося под ним свои жертвы («требы дѣахоу»)? А. Л. Бертье-Делагард считал, что Фуллы находились недалеко от Херсона, так как в житии эпизод о миссионерской деятельности Константина в «фулльском языке» находится после упоминания о том, что Константин возвратился в Корсунь¹⁶. Но вряд ли место краткого рассказа о Фуллах в тек-

¹² V. D v o r n i k. Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle. Paris, 1926, стр. 143, 144.

¹³ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Житие Иоанна Готского, стр. 351—427.

¹⁴ Там же, стр. 397, 398; А. Н и к и т с к и й. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии. ЗООИД, XIII, 1883, стр. 26, 27.

¹⁵ П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 25.

¹⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование..., стр. 72—74.

сте жития может служить надежным основанием для установления хронологии и локализации этих событий.

Путешествие в Хазарию Константин совершил морем, пройдя вдоль берега Таврики от Херсона до Таматархи (Фанагории). Поэтому нет оснований считать, что Фулльская область находилась где-то на северных склонах Крымских гор; ее нужно искать на южном берегу Крыма, на пути следования посольства Константина Философа.

Предложенная А. Л. Бертье-Делагардом локализация Фулл в Чуфут-Кале к тому же совершенно произвольна, так как с таким же правом этот город можно помещать на месте любого безыменного пещерного города в юго-западной части Таврики (Эски-Кермен, Тепе-Кермен, Бахла и др.).

Эта гипотеза А. Л. Бертье-Делагарда не учитывает и не объясняет самого главного: Фулльская епархия в XII в. слилась не с Херсонской или Готской епархиями, расположенными в юго-западной части полуострова, а с Сугдейской епархией, граничившей на западе с Херсонской и Готской епархиями. Очевидно, Фуллы, Сугдея и Кафа являлись ближайшими соседями; именно так понимали сохранившиеся средневековые документы выдающиеся русские византилисты В. Г. Васильевский, Ю. А. Кулаковский и др.

В. Г. Васильевский отождествлял фулльский язык с готским языком, но никаких доказательств этому он не привел¹⁷. Ю. А. Кулаковский полагал, что Фуллы находились в области, где жили аланские племена¹⁸, но аланы, как показывает анализ археологических данных и письменных источников, в VI—XIII вв. обитали как в восточной, так и юго-западной части Таврики¹⁹.

В конце IX в. в Фуллах была основана христианская епархия, сведения о которой сохранились в многочисленных описях, составлявших в Константинополе. Первое упоминание о Фулльской епархии содержится в описи конца IX — начала X в. (Notitia Leo). В XII в. Фулльская епархия была включена в Сугдейскую епархию и объединенная епархия называлась Сугдо-Фулльской (табл. 1).

Последний раз Сугдо-Фулльская епархия упоминается в 1410 г. но, по-видимому, города Фуллы, в это время уже не существовало, так как никаких известий об этом городе в источниках XII—XV вв. нет²⁰. Во второй половине XV в. была создана особая униатская Фулльская епархия с центром в Кафе, а с начала XVII в. в документах есть упоминания о Кафо-Фулльской епархии, очевидно, созданной вместо упраздненной Сугдо-Фулльской епархии²¹.

Таким образом, разбор исторических и географических данных приводит нас к выводу, что Фуллы находились в восточной части Таврики, и их нужно разыскивать поблизости от Сугдеи и Кафы.

Если мы обратимся к археологическим материалам и попытаемся сопоставить их с выводами, полученными из рассмотрения письменных

¹⁷ В. Г. Васильевский. Житие Иоанна Готского, стр. 388.

¹⁸ Ю. А. Кулаковский. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в., стр. 199.

¹⁹ В. В. Кропоткин. Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья. Автореферат диссертации. М., 1953.

²⁰ П. К. Кокоев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 3—44, рис. 14; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики СА, XXI, 1954, стр. 159, прим. 1.

²¹ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование..., стр. 78.

Христианские епархии Крыма и Кавказа по данным Notitia episcopatum

Not. VII 1. Конец VII — начало VIII в.	24* Херсон (арх.)	25 Боспор (арх.)	—	—	—	—
2. Not. de Boora середина VIII в.	28 Херсон (арх.)	29 Боспор (арх.)	37 Готия (митр.)	30 Сугдея (арх.)	Ходир- ская (в Фуллах?)	Таматар- ха
3. Not. VI Parthey начало IX в.	25 Херсон (арх.)	26 Боспор (арх.)	—	—	—	—
4. Not. Basilii 1-я половина IX в.	Херсон (арх.)	Боспор (арх.)	—	—	—	—
5. Not. Leo начало X в.	19 Херсон (арх.)	37 Боспор (арх.)	44 Готия (арх.)	45 Сугдея (арх.)	46 Фуллы (арх.)	Таматар- ха
6. Not. Nova Tactica середина X в.	21 Херсон (арх.)	39 Боспор (арх.)	46 Готия (арх.)	47 Сугдея (арх.)	48 Фуллы (арх.)	61 Роспя?
7. Notitia 70-е годы X в.	22 Херсон (арх.)	39 Боспор (арх.)	45 Готия (арх.)	43 Сугдея (арх.)	46 Фуллы (арх.)	39 Метраха (арх.)
8. Notitia после 1084 г.	16 Херсон (арх.)	29 Боспор (арх.)	34 Готия (арх.)	35 Сугдея (арх.)	36 Фуллы (арх.)	39 Метраха (арх.)
9. Notitia конец XI в.	15 Херсон (арх.)	26 Боспор (арх.)	34 Готия (арх.)	35 Сугдея (арх.)	36 Фуллы (арх.)	40 Метраха (арх.)
10. Not. X начало XII в.	13 Херсон (арх.)	26 Боспор (арх.)	30 Готия (арх.)	31 Сугдея (арх.)	33 Фуллы (арх.)	60 Росия (арх.)
11. Not. Nil. Dox. середина XII в.	11 Херсон (арх.)	22 Боспор (арх.)	28 Готия (арх.)	29 Сугдея (арх.)	30 Фуллы (арх.)	—
12. Not. XI конец XIII в.	93 Херсон (митр.)	94 Боспор (митр.)	83 Готия (митр.)	96 Сугдо-Фуль- ская — с 1156 г. (митр.)	—	—
13. Not. XII. начало XIV в.	97 Херсон (митр.)	98 Боспор (митр.)	86 Готия (митр.)	99 Сугдо-Фуль- ская (митр.)	—	—

* Цифра над названием епархии означает ее порядковый номер в описи. Арх. — архиепископия, митр. — митрополия.

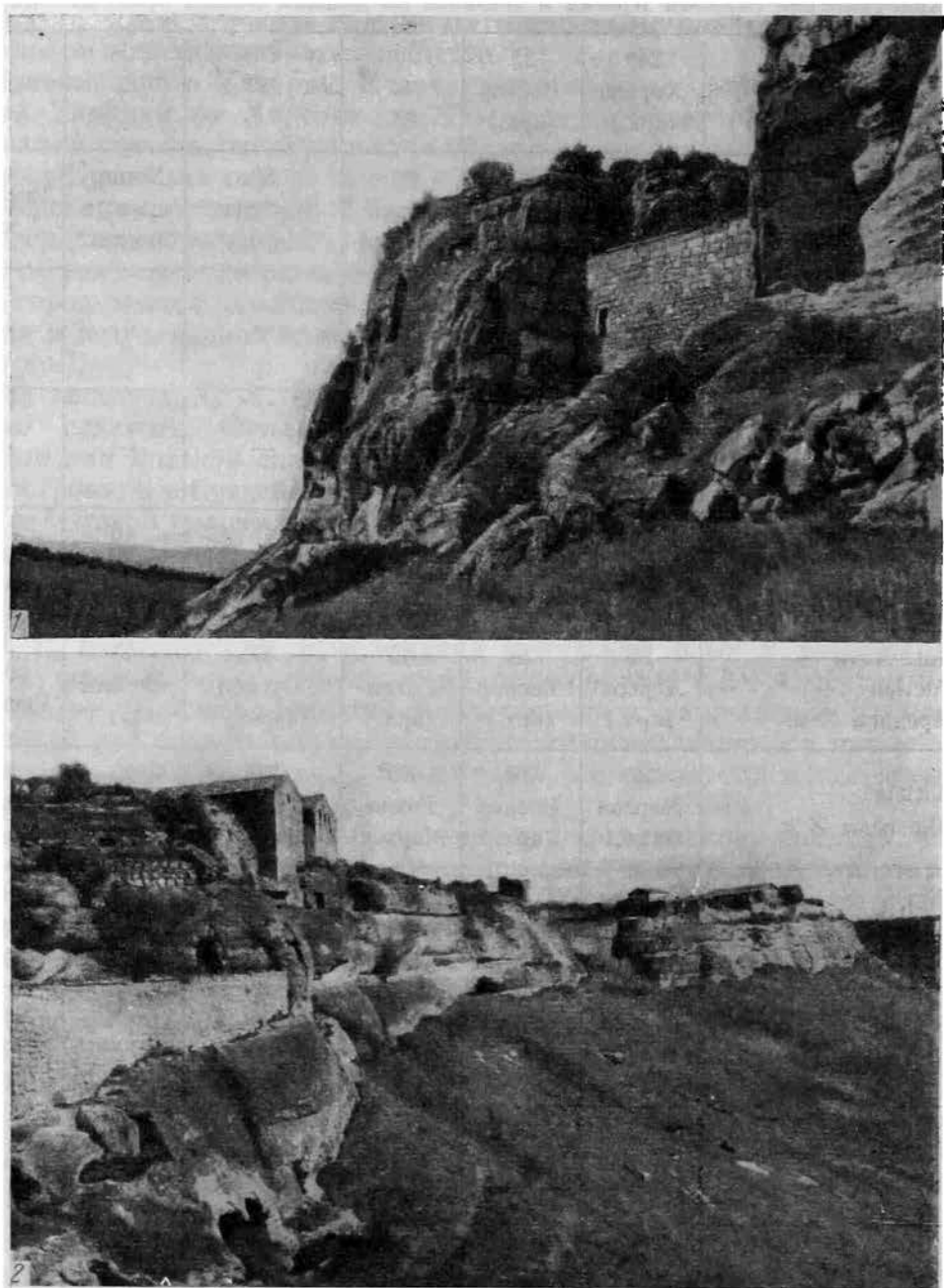

Рис. 1. Чуфут-Кале.

1 — юго-западный склон; 2 — общий вид Чуфут-Кале с юго-востока

источников, то увидим, что никаких оснований, которые позволяли бы локализовать Фуллы в Чуфут-Кале, у нас нет.

Рассмотрим имеющиеся в распоряжении науки факты.

Пещерный город Чуфут-Кале находится в окрестностях Бахчисарая, недалеко от дер. Староселье на неприступном скалистом отроге, перегороженном в самом узком месте древней монументальной оборонительной стеной с арочными воротами. Эта стена, сложенная из крупных каменных блоков на растворе, отделяет древнюю западную часть города от восточ-

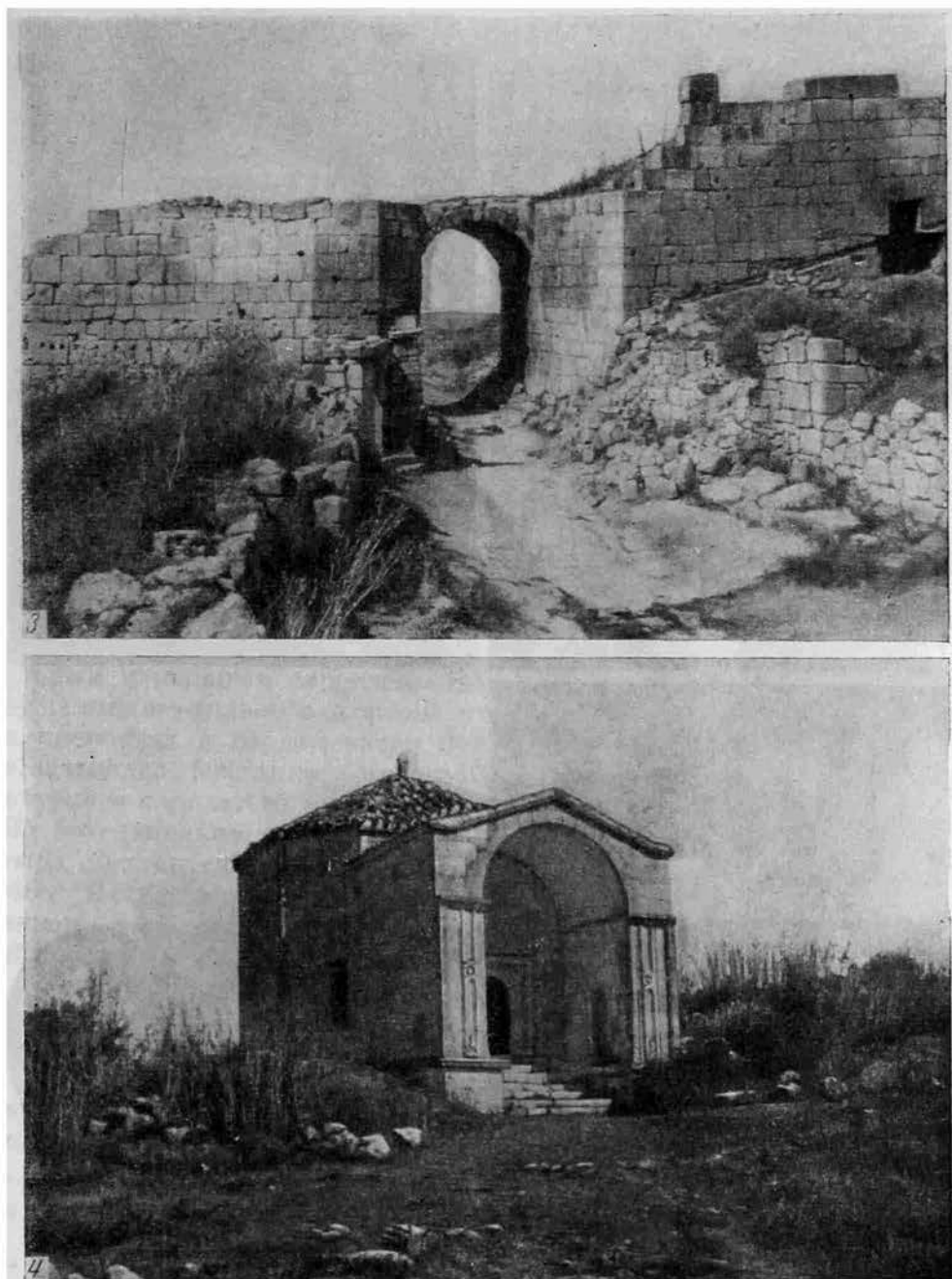

Рис. 1а. Чуфут-Кале.

3 — средняя оборонительная стена с арочными воротами (вид с востока);

4 — мавзолей XV в.

ной его части, возникновение которой относится к более позднему времени (XIV—XV вв. н. э.; рис. 1: рис. 2, 1, 2). Древняя оборонительная стена в Чуфут-Кале была построена в эпоху византийского господства в Таврике, но, по-видимому, не ранее IX—X вв. н. э., а затем перестраивалась, что объясняет ее хорошую сохранность в настоящее время. А. Л. Якобсон по характеру строительной техники сопоставлял ее

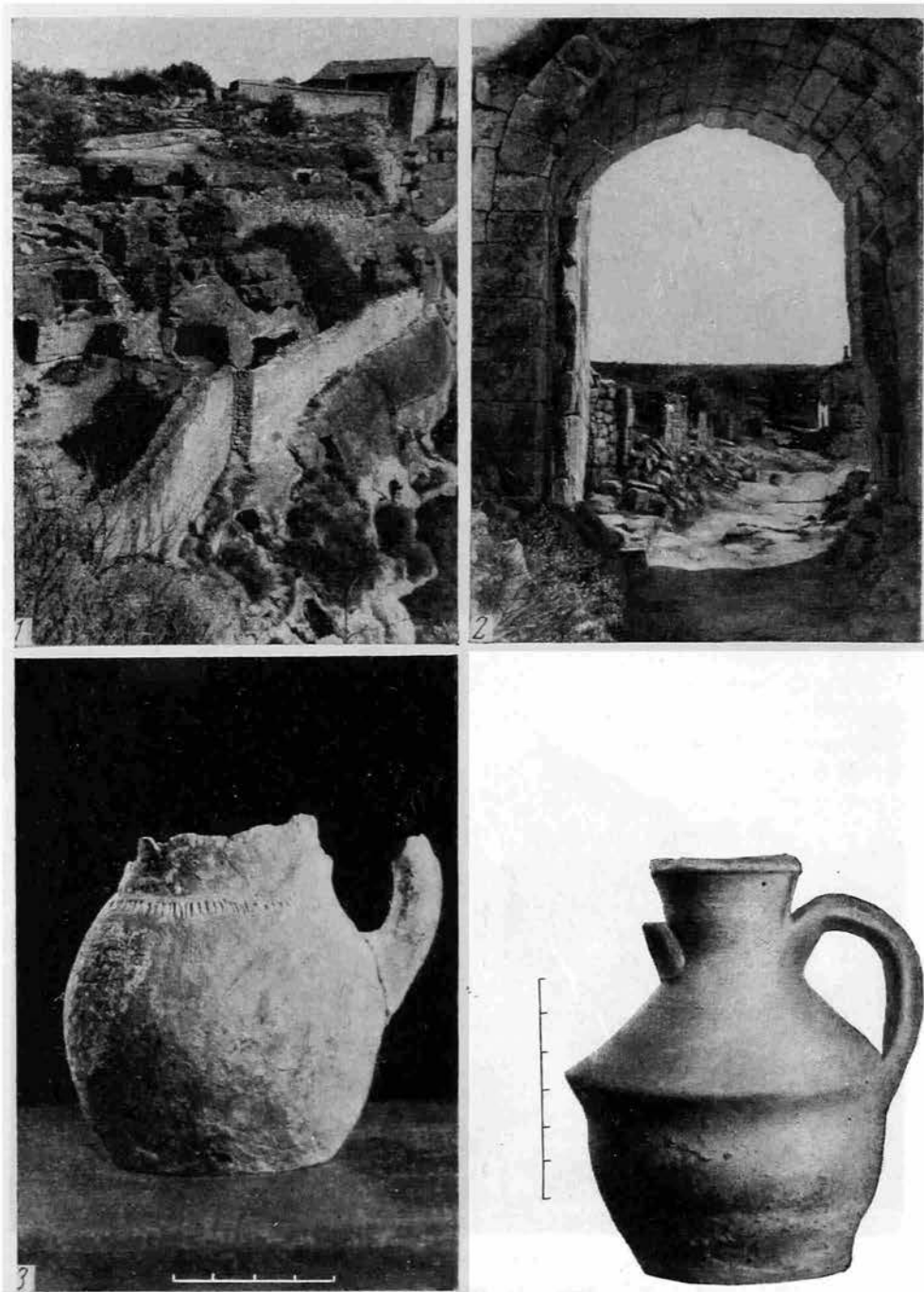

Рис. 2. Чуфут-Кале.

1 — пещеры у южных ворот; 2 — арочные ворота древней [оборонительной] стены (вид с запада); 3 — левый кувшин (склеп № 7); 4 — кувшин (склеп № 13).

с раннесредневековыми стенами Мангупа и Херсона (башня Зенона)²². В. Ф. Гайдукевич относит время сооружения стены к XI—XII вв., срав-

²² А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 63.

нивая ее кладку с характером кладки церкви в с. Лаках и так называемой базилики Леонтия-Лаврентия в Херсоне ²³.

А. Л. Бертъе-Делагард высказал свое мнение по этому вопросу очень острожно, отмечая, что стена является византийской постройкой и была возведена не позже XII в., но, может быть, и раньше ²⁴. Новые археологические исследования в Чуфут-Кале позволяют уточнить время возникновения поселения. Так, на одном из камней в северной части древней оборонительной стены в 1952 г. была обнаружена характерная аланская тамга в виде круга с двумя рогами в верхней части. Эта высеченная на торцовой стороне камня аланская тамга может быть сопоставлена с аналогичными знаками на боспорских надгробиях первых веков нашей эры ²⁵.

К раннему времени существования пещерского города Чуфут-Кале относятся также две мраморные византийские капители VI в., найденные в кладке фонтана у южного подножья Чуфут-Кале в 1927 г. ²⁶ Эти капители из проконесского мрамора происходят, вероятно, из разрушенной христианской базилики, существовавшей в древней части города, на месте мечети, так как там были найдены обломки аналогичных капителей с листьями аканфа и каменная плита с крестом. Эту плиту по форме креста исследователи относили к XI—XII вв., но такие кресты появляются еще в раннем средневековье.

Византийское господство в Крыму в V—VI вв. н. э., как известно, сопровождалось усиленной христианизацией местного населения и значительным церковным строительством. Христианские базилики в VI в. сооружались не только в Херсоне и на Боспоре, но и в новых византийских крепостях в горной части полуострова — Мангупе и Эски-Кермене. Очевидно, базилика в Чуфут-Кале была сооружена в VI в. н. э., хотя культурного слоя этого времени на городище не обнаружено.

На юго-западном склоне Чуфут-Кале недалеко от б. Успенского монастыря находится большой средневековый могильник, обнаруженный в 1946 г. Исследование могильника в 1946—1947 гг. производил П. П. Бабенчиков, раскопавший 10 склепов. Большинство склепов оказалось ограбленным, но в одном из них (№ 7) были сделаны интересные находки: на дне камеры под завалом обнаружены две большие серебряные пряжки, украшенные красными и зелеными цветными стеклами (рис. 3, 1—2). Пряжка с треугольным щитком аналогична пряжкам из случайных находок на территории могильника Суук-Су и Артека ²⁷, а вторая пряжка с соколиной головой близка к пряжкам, найденным в Суук-Су, Кореизе, Артеке ²⁸ и где-то в районе Никополя ²⁹. В камере вместе

²³ В. Ф. Гайдукевич. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия. МИА, № 34, 1953, стр. 311, 312.

²⁴ А. Л. Бертъе-Делагард. Исследование..., стр. 66.

²⁵ В окрестностях Бахчисарая, на краю ущелья, в котором находится дер. Староселье, обнаружено поселение II—IV вв. н. э. Наряду с местной лепной керамикой с коричневым или красноватым лощением на поселении найдено много обломков привозной античной посуды: амфор с широким горлом и массивными ручками, светлоглиняных узкогорлых амфор, сероглиняных и краснолаковых сосудов. Обломки стенок некоторых красноглиняных амфор имеют глубокое рифление, которое уже не характерно для античной керамики. Очевидно, что поселение дожило до рубежа античности и средневековья.

²⁶ У. А. Бодавинской и Б. Н. Засыпкина. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928—1929 гг.) ИТОИАЭ, т. III (60), 1929, стр. 173—175.

²⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I, ИАК, вып. 19, табл. VIII, 2, 6 и рис. 42.

²⁸ Там же, табл. VIII, 5; Н. И. Репников. Ук. соч., ч. II. ЗООИД, т. XXVII, 1907, табл. XIV, 2.

²⁹ А. G ö t z e. Gotische Schnallen. Berlin, 1909, Табл. XI, № 33.

Рис. 3. Чуфут-Кале.

1 — серебряная пряжка (склеп № 7); 2 — серебряная пряжка с соколиной головой (склеп № 7);
 3 — серебряная пряжка (подбойная могила № 21); 4 — серебряная пряжка (склеп № 41,
 погребение 4).

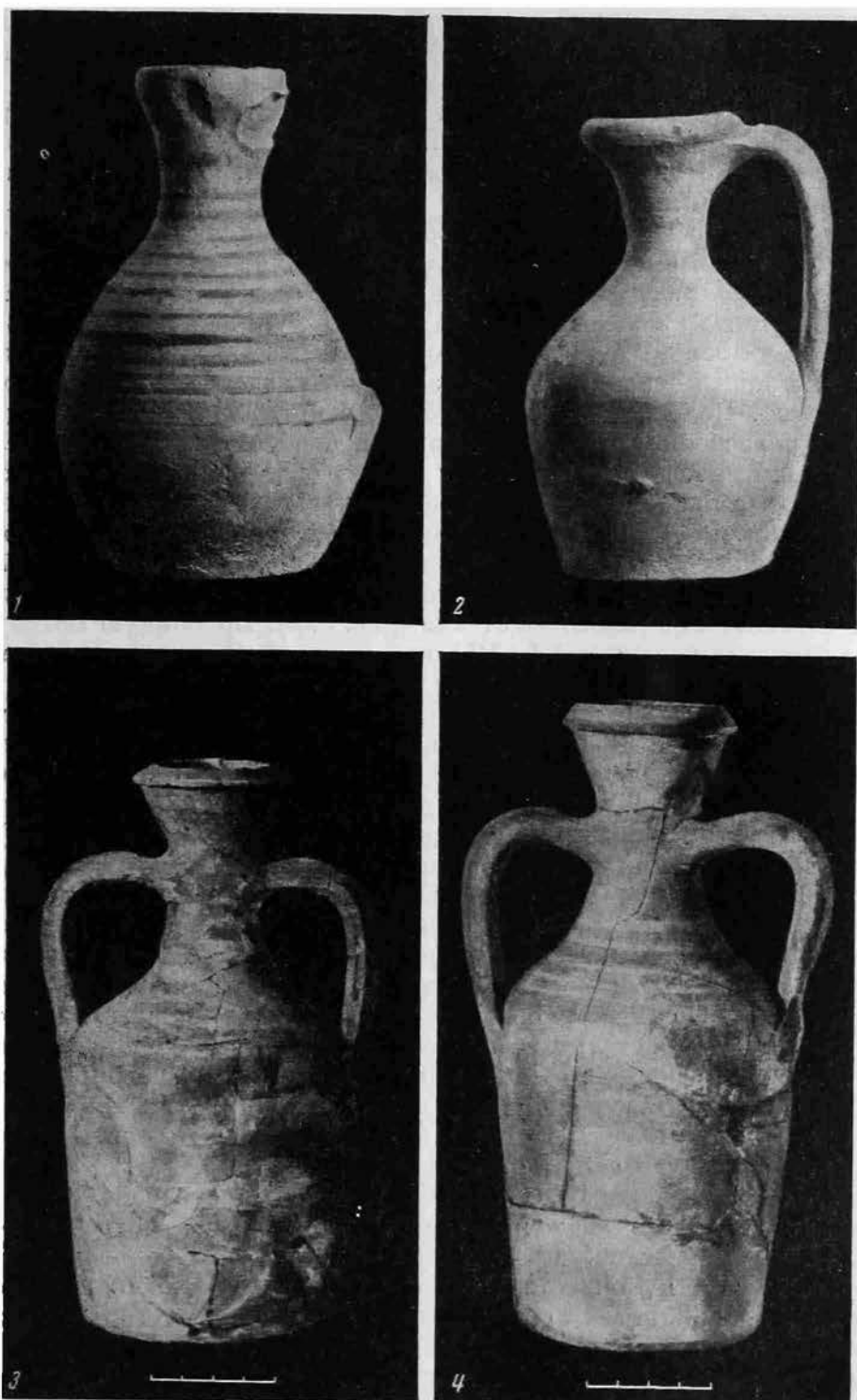

Рис. 4. Чуфут-Кале. Кувшины.
1, 2 — из склепа № 13; 3, 4 — из склепа № 34.

с пряжками найден лепной кувшинчик грубой выделки, орнаментированный прямыми насечками (рис. 2, 3). Близкая форма кувшина ³⁰ встречена в Борисовском могильнике среди случайных находок.

В 1948 г. раскопки могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале были продолжены Е. В. Веймарном, который исследовал 9 погребальных сооружений — 3 подбойные могилы и 6 склепов. Все погребения оказались ограбленными, но некоторые вещи грабители оставили на месте; так в склепе № 13 обнаружены 3 небольших кувшинчика (рис. 2, 4 и 4, 1, 2). На тулове одного кувшина — коричневые горизонтальные полосы, нанесенные ангобом. В камере найдены также железные и бронзовые предметы, в частности железная фибула и много бус.

В 1952 и 1954—1957 гг. исследование могильника производилось автором настоящей статьи, который за 5 лет раскопал 8 подбойных могил и 53 склепа. Подбойная могила № 21, открытая в 1952 г., содержала женское погребение с деформированным черепом. Подбой был заложен двумя рядами известняковых плит; костяк был ориентирован головой на юго-запад. На правом плече лежала небольшая серебряная пластинчатая фибула с полукруглым щитком, имеющим 3 отростка. На поясе находилась серебряная позолоченная пряжка, массивное кольцо которой украшено двумя вставками из красного стекла, а прямоугольный щиток — пятью вставками из такого же стекла (рис. 3, 3). Подбойную могилу № 21 можно относить к концу VI—VII вв. н. э., так как она врѣзалась в склеп, который датирован золотой субэратной монетой с двумя отверстиями для привешивания (рис. 5, 1). Монета — плохой сохранности. По типу оборотной стороны ее можно отнести ко времени Юстиниана I (527—565 гг.). В склепе № 34 перед закладной плитой лежали обломки двух небольших кувшинов с расширяющимся горлом; сосуды украшены горизонтальными полосами, нанесенными ангобом (рис. 4, 3—4). Аналогичные кувшины встречены в Борисовском и Агойском могильниках на Северном Кавказе. В камере найдено много различных украшений, среди которых отмечу целый поясной набор из бронзовых бляшек и наконечников из мужского погребения (рис. 5а), а также обломок широкого железного лезвия, вероятно, от однолезвийного меча или большого кинжала. В склепе № 38 (раскопки 1954 г.) под завалом свода камеры сохранились остатки нескольких погребений. При расчистке найдены обломки кувшина с одной ручкой, серебряный браслет с утолщенными концами, бронзовая пряжка и наконечник стрелы IV—III вв. до н. э. Серебряная монета Ираклия (610—641 гг.) с отверстием для подвешивания датирует склеп серединой VII в. н. э.

Склеп № 41, раскопанный в 1955 г., не был ограблен и закладная плита находилась *in situ*; в камере обнаружены 4 погребения — три взрослых и одно детское. Все костяки были положены головами ко входу, что прослежено и в других ограбленных склепах. В женском погребении на поясе найдена большая серебряная пряжка с прямоугольным щитком, на котором оттиснут большой равноконечный крест; на углах находятся шляпки от заклепок. С внутренней стороны пряжки сохранились остатки грубой льняной ткани (рис. 3, 4). На мужском костяке обнаружен поясной набор из прорезных бронзовых и серебряных наконечников, бляшек и бронзовой пряжечки. Инвентарь детского погребения состоял из бронзового проволочного браслета и серебряной пронизки. В подбойной могиле № 42, раскопанной в 1955 г., найдено христианское антропоморф-

³⁰ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 137, рис. 25, 2.

ное надгробие с крестом, высеченное из местного известняка. В подбое находились 2 погребения — мужское и женское. Мужской костяк сохранился плохо, кости ног были сдвинуты в угол могилы. Вторичное женское погребение с хорошо сохранившимся деформированным черепом почти не содержало инвентаря; обнаружены обломки лепного сосуда, медная пряжка с железным язычком и 2 железных ножа.

В камере склепа № 44, которая была ограблена в древности, найдены положенные у входа 4 надгробия из местного известняка. На двух антропоморфных надгробиях — кресты различной формы, а третье с одной стороны имеет обычный равноконечный крест, вписанный в круг, а с другой стороны — полукруглый выступ в виде небольшой апсиды.

На могильнике Чуфут-Кале раскопано 40 склепов и 9 подбойных могил. Раскопки некрополя позволяют сделать некоторые выводы об этнической принадлежности и культуре местного населения. Небольшие земляные склепы, вырубленные в плотном материковом известняке, были семейными усыпальницами. Следы инструмента, которым вырубались склепы, сохранились на потолках и стенах камер. Покойников клали в склепах в вытянутом положении, на спине, ориентируя головой ко входу. Большинство склепов было ограблено, по-видимому, еще в древности, и количество погребений установить трудно. В небольших склепах находят, судя по обнаруженным черепам, не более 4—5 погребений, в больших — остатки 7—9 костяков. В склепах оказались как нормальные, так и деформированные черепа. Среди последних преобладают мужские.

В подбойных могилах Чуфут-Кале находится обычно одно погребение. Все черепа в подбойных могилах сильно деформированы (так называемая лобно-затылочная деформация, распространенная в средневековом Крыму). Обычай деформации мужских и женских черепов существовал в Чуфут-Кале и в христианскую эпоху. Если сопоставить погребальные обряды могильника Чуфут-Кале с погребальными обрядами других крымских могильников позднеантичного и раннесредневекового времени (табл. 2), то по своему характеру могильник Чуфут-Кале ближе всего к некрополю пещерного города Эски-Кермен и могильнику Узень-Баш.

Инвентарь погребений в склепах и подбойных могилах позволяет относить могильник к VI—VII вв. Большие серебряные пряжки, украшенные красными или зелеными вставками и позолотой, железные бронзовые и серебряные фибулы (рис. 5, 3), височные кольца аланского типа (рис. 5, 8), браслеты с расширенными концами (рис. 5, 4), перстни, янтарные, хрустальные и сердоликовые бусы, поясные наборы и другие вещи имеют близкие аналогии в известном могильнике Суук-Су близ Гурзуфа, в Эски-Кермене, Артеке, Инкермане (могильник у Сахарной Головы) и других раннесредневековых некрополях юго-западного Крыма³¹. В погребениях часто встречается грубая лепная посуда плохого обжига; наряду с ней найдены красноглиняные кувшины и горшки, изготовленные на гончарном круге. Гончарные сосуды имеют близкие аналогии в Херсонесе, в Борисовском и Агойском могильниках на Кавказе³².

Могильник Чуфут-Кале принадлежал смешанному алано-готскому населению горного Крыма. Археологические материалы свидетельствуют

³¹ Н. И. Репников. Ук. соч., ч. I, стр. 1—80, табл. I—XII; ч. II, стр. 101—148; е г о ж е. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 99—126; е г о ж е. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1923—1929 гг.; «Готский сборник». Изв. ГАИМК, т. 12, вып. 1—8, 1932, стр. 153—180; В. В. Кропоткин. Ук. соч., стр. 4 и сл.

³² В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 75—219, рис. 25; А. Миллер. Разведки на черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, 1909, стр. 92, рис. 19, 7.

Погребальные обряды

№ п.п.	Тип погребений	Могиль									
		Харакс		Черноречье		Бельбек I		Инкерман		Неаполь Скифский	
		количество погребений	%	количество погребений	%	количество погребений	%	количество погребений	%	количество погребений	%
1	Трупосожжение в амфорах	16	48,5	33	33	—	—	—	—	—	—
2	Трупосожжение в урнах	6	18,1	12	12	—	—	—	—	—	—
3	Трупосожжение в могиле	7	21,2	—	—	3	13,6	3	6,5	—	—
4	Захоронение в амфорах	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1,
5	Склепы (камеры)	—	—	7	7	—	—	5	10,9	31	46,
6	Подбойные могилы	—	—	38	38	—	—	20	43,5	27	40,
7	Грунтовые » . . .	2	6	8	8	2	9,2	18	39,1	1	1,
8	Грунтовые могилы с покрытием . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Плитовые могилы	—	—	—	—	17	77,2	—	—	—	—
10	Конские погребения .	—	—	2	2	—	—	—	—	6	9

о распространении христианства в «Готии» в VI—VIII вв., которое усиленно насаждалось Византией. Находки известняковых антропоморфных надгробий с крестами, закладной плиты с прочерченным крестом (рис. 5, 2) и бронзовых нательных крестиков (рис. 5, 7) в склепах и подбойных могилах Чуфут-Кале убеждают нас в том, что местное население уже приняло христианство, но новая религия уживалась первое время с сильными пережитками язычества, о чем свидетельствуют богатый погребальный инвентарь в могилах VI—VII вв., юго-западная ориентировка и другие данные.

В период хазарского господства в Таврике христианское население Чуфут-Кале, по-видимому, было вытеснено караимами.

Со времени монгольского завоевания Крыма Чуфут-Кале фигурирует в источниках под именем Кыркора. Архитектурные памятники XIV—XVIII вв., когда основное население города составляли караимы и татары, представлены мавзолеем, руинами мечети и двумя караимскими молельнями, так называемыми кенассами. Таким образом, все известные нам факты не позволяют локализовать город Фуллы — центр христианской епархии с конца IX в. — на месте Чуфут-Кале, так как там не обнаружено никаких христианских памятников IX—XII вв. и более позднего времени. Разведочные раскопки в древней части пещерного города Чуфут-Кале, произведенные нами в 1952 г. обнаружили тощий культурный слой с обломками поливной посуды XV—XVIII вв.

Придя к выводу о том, что Фуллы находились на побережье восточного Крыма, и пытаясь локализовать их более точно, следует обратить внимание на поселение у с. Планерское (б. Коктебель), расположенное между Судакком и Феодосией в 23 км западнее последней³³. Раскопки, произведенные

³³ Р. А. Орбели писал в одной из своих работ: «Коктебель представлял собой приморский портовый центр, связанный со всем черноморским побережьем. В раннее средневековье это крупнейший порт между Судакком и Феодосией. Я решаюсь выставить предположение: Коктебель — Фуллы». Р. А. Орбели. Исследования и изыскания. М.—Л., 1947, стр. 64.

Таблица 2

по данным крымских могильников

ники															
Бельбек II		Сахарная Голова		Суук-Су		Чуфут-Кале		Эски-Кермен		Узень-Баш		Боспор		Агойский аул	
оли- ство огре- зний		коли- чество огре- бений	%	коли- чество погре- бений	%	коли- чество погре- бений	%	коли- чество погре- бений	%	коли- чество погре- бений	%	коли- чество погре- бений	%	коли- чество погре- бений	%
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	1	0,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	1	1,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	21	28,3	8	4	67	85	58	55,2	4	80	—	—	—	—
—	—	48	64,8	3	1,5	11	15	10	9,5	—	—	1	2,5	—	—
4	100	4	5,6	88	44	—	—	34	32,4	1	20	18	41,8	24	106
—	—	—	—	6	3	—	—	3	3,3	—	—	5	11,6	—	—
—	—	—	—	94	47	—	—	—	—	—	—	19	44,1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

на этом городище Н. С. Барсамовым в 1929—1931 гг. и В. П. Бабенчиковым в 1949—1952 гг. обнаружили остатки двух разновременных христианских базилик и небольшого трехапсидного четырехстолпного храма³⁴. Большая базилика, построенная в VIII или IX в. на месте разобранный небольшой базилики, является выдающимся церковным сооружением в Таврике. По своим размерам она уступает только знаменитой Уваровской базилике в Херсонесе. Длина ее равна 37,6 м, а ширина — 21 м (рис. 6). Гробницы, раскопанные внутри базилики, почти не содержат инвентаря. В погребениях найдены 2 золотые византийские монеты VIII в. (Льва III Исавра и Константина V Копронима), золотой анонимный динар Мансура 138 г. х. (755/756 гг. н. э.) и небольшие золотые серьги аланского типа. Среди камней, из которых сложены плитовые могилы, оказались христианские надгробия с вписанным в круг крестом. Аналогичные надгробия были найдены в могильнике Суук-Су и в Инкермане. Трехапсидный четырехстолпный храм, раскопанный Н. С. Барсамовым, имеет в длину 16,4 м, в ширину — 12,4 м. По аналогии с дневнерусскими крестовокупольными постройками XII в. (Псков, Старая Ладога) исследователь датировал коктебельский храм XI—XII вв.³⁵ (рис. 7). Конечно, этот тип храма появляется в Причерноморье раньше, чем в русских княжествах. Близкие по формам и размерам сооружения известны на Северном Кавказе (Зеленчук), в Тмутаракани и в Крыму (церковь Иоанна Предтечи в Керчи). Названные храмы можно приблизительно относить к VIII—XI вв. Поэтому с датировкой Н. С. Барсамова согласиться нельзя.

На городище обнаружены также остатки каменных построек, большое количество битой черепицы, обломки амфор и горшков с линейно-волнистым орнаментом, которые типичны для поселений салтово-маяцкой куль-

³⁴ Н. С. Барсамов. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, стр. 6, табл. X; В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское (раскопки 1949—1951 гг.). КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 104—116.

³⁵ Н. С. Барсамов. Ук. соч., стр. 8 и сл.

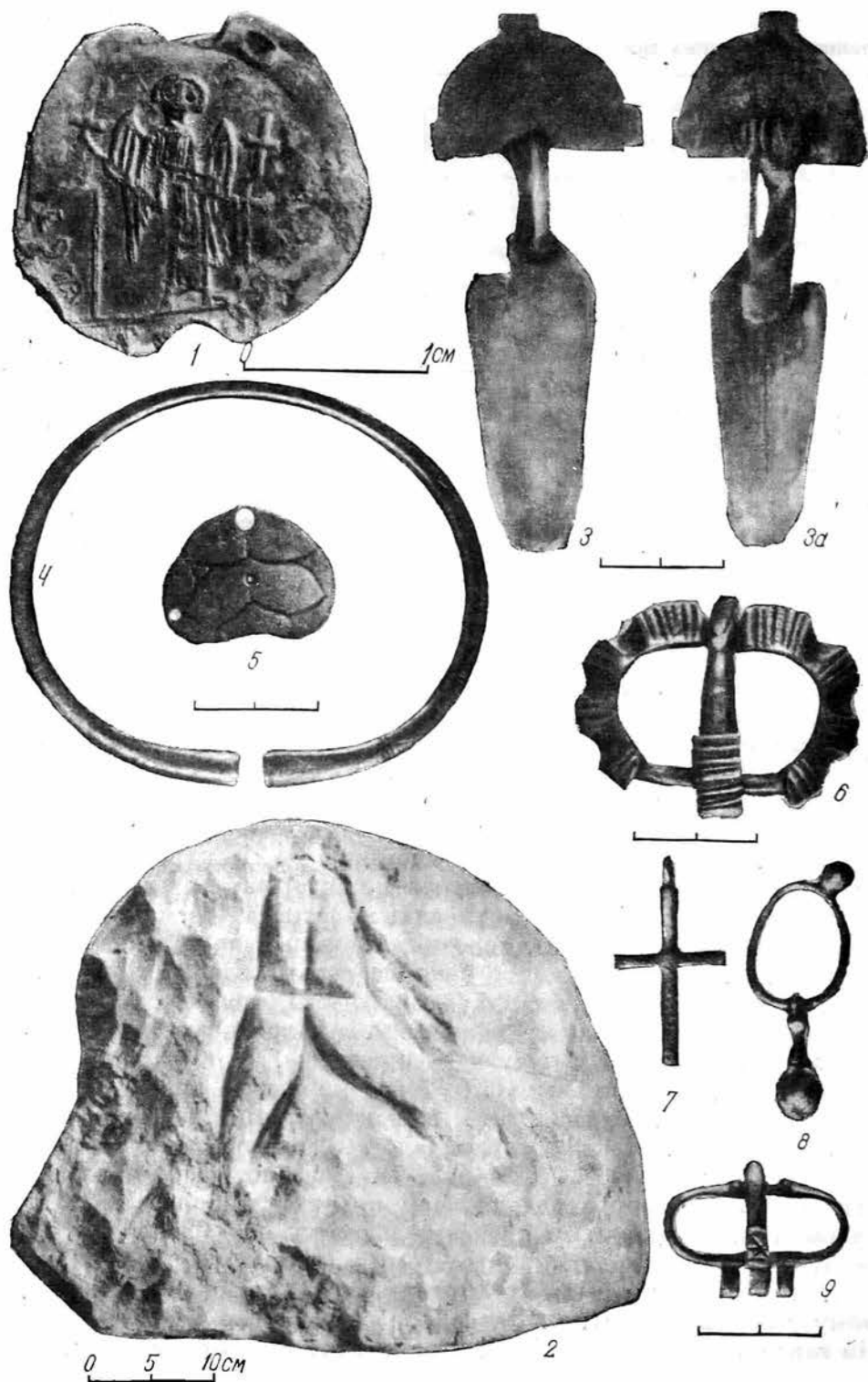

Рис. 5. Чуфут Кале.

1 — золотая субэрагная монета Юстиниана I (склеп № 34); 2 — вкладная плита (склеп № 4); 3 и 3а — серебряная фьбула (подбойная могила № 21); 4 — серебряный браслет (склеп № 38); 5 — бронзовая бляшка (склеп № 29); 6 — бронзовая пряжка (склеп № 31); 7 — бронзовый крест (склеп № 37); 8 — бронзовое височное кольцо (склеп № 37); 9 — бронзовая пряжка (склеп № 35).

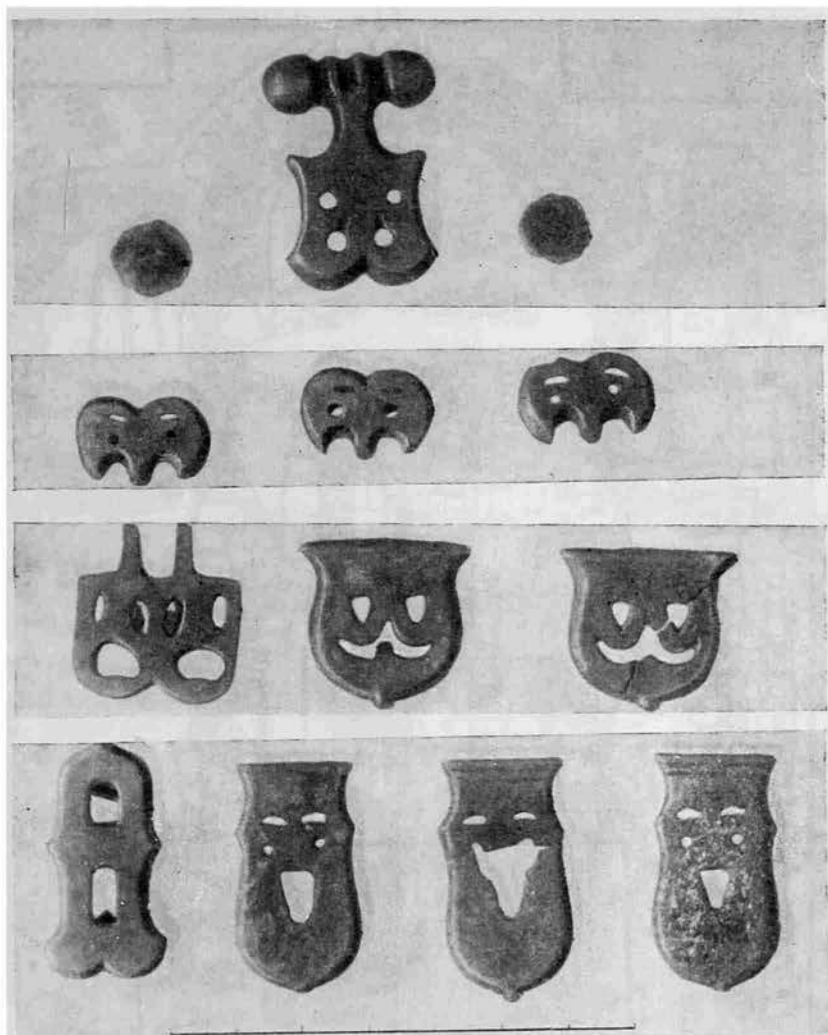

Рис. 5а. Чуфут-Кале.
Бронзовый поясной набор (склеп № 34).

туры. Особенно интересны обломки черепицы с клеймом ΘЄΟΔΟΡΑΚΗΝΟ. Аналогичные клейма на средневековой черепице обнаружены раскопками И. Е. Забелина в 1872 г. и В. Д. Блаватского в 1940 г. в Фанагории, в Алуште и Партените. Наряду с керамикой салтово-маяцкой культуры, найдены фрагменты поливной посуды, по-видимому, более позднего времени (XIV—XV вв.). В делах Археологической комиссии сохранились сведения о находке в Коктебеле бронзового энколпиона³⁶ XII в., что указывает на существование города после X в. н. э.

Приведенные данные позволяют нам утверждать, что средневековое поселение у с. Планерское существовало длительное время и являлось по-видимому, каким-то значительным церковным центром. По мнению В. П. Бабенчикова и А. Л. Якобсона, это поселение прекратило свое существование во второй половине X в., но находки стеклянных браслетов, поливной посуды с геометрическим орнаментом и бронзового энколпиона датируются

³⁶ ДАК, 1887, № 7, лл. 17—23. При раскопке земли для добывания камня в 1886 г. найден крест-складень с чернью. Крест доставлен в Археологическую комиссию, а затем передан в Государственный Исторический музей (инв. № 17553). О находках крестов в Коктебеле см. Н. С. Барсамов. Ук. соч., стр. 5. В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля. СА, 1957, № 2, стр. 257—258, рис. 1.

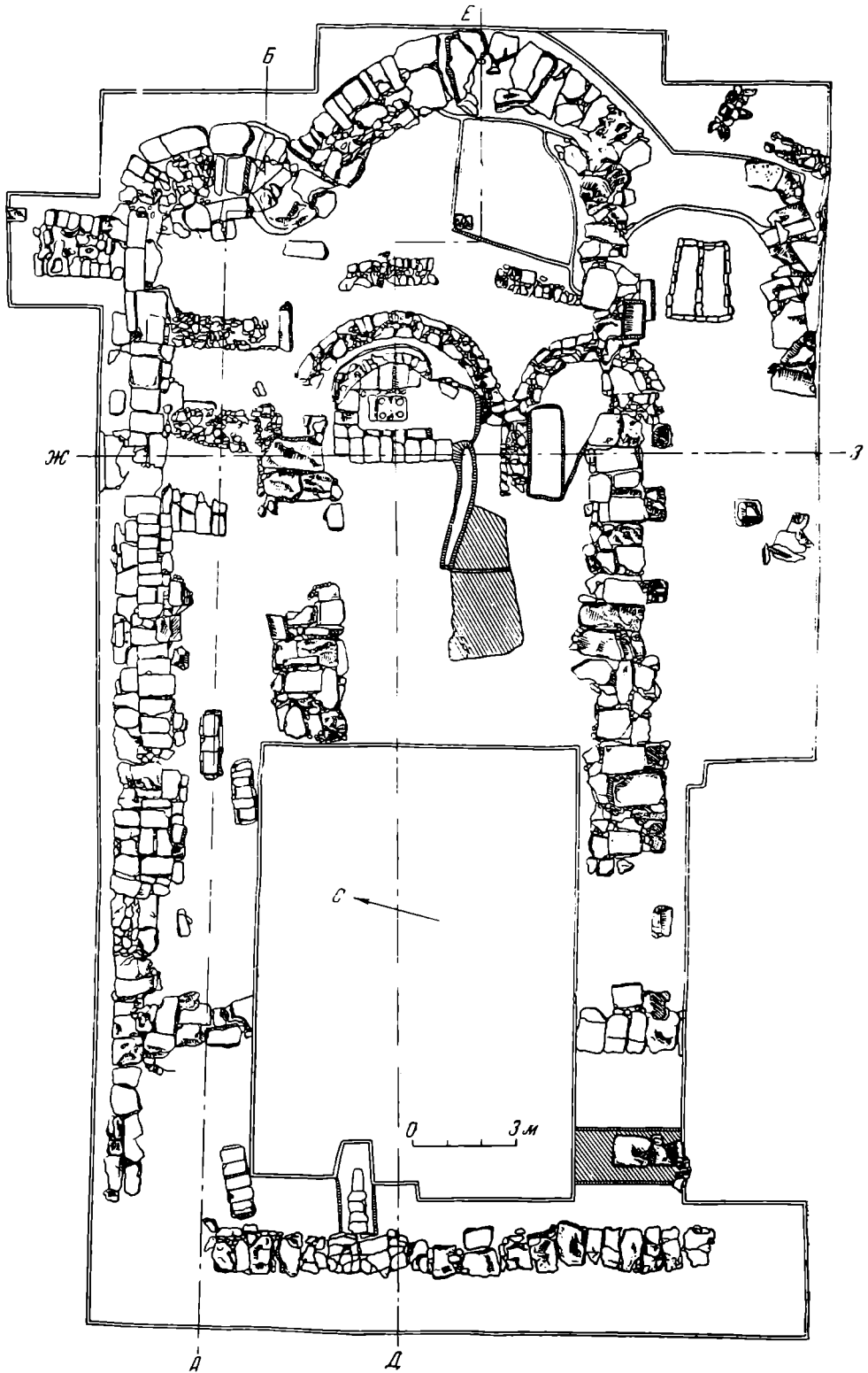

Рис. 6. Поселение у с. Планерское. План базилики (по В. П. Бабенчикову).

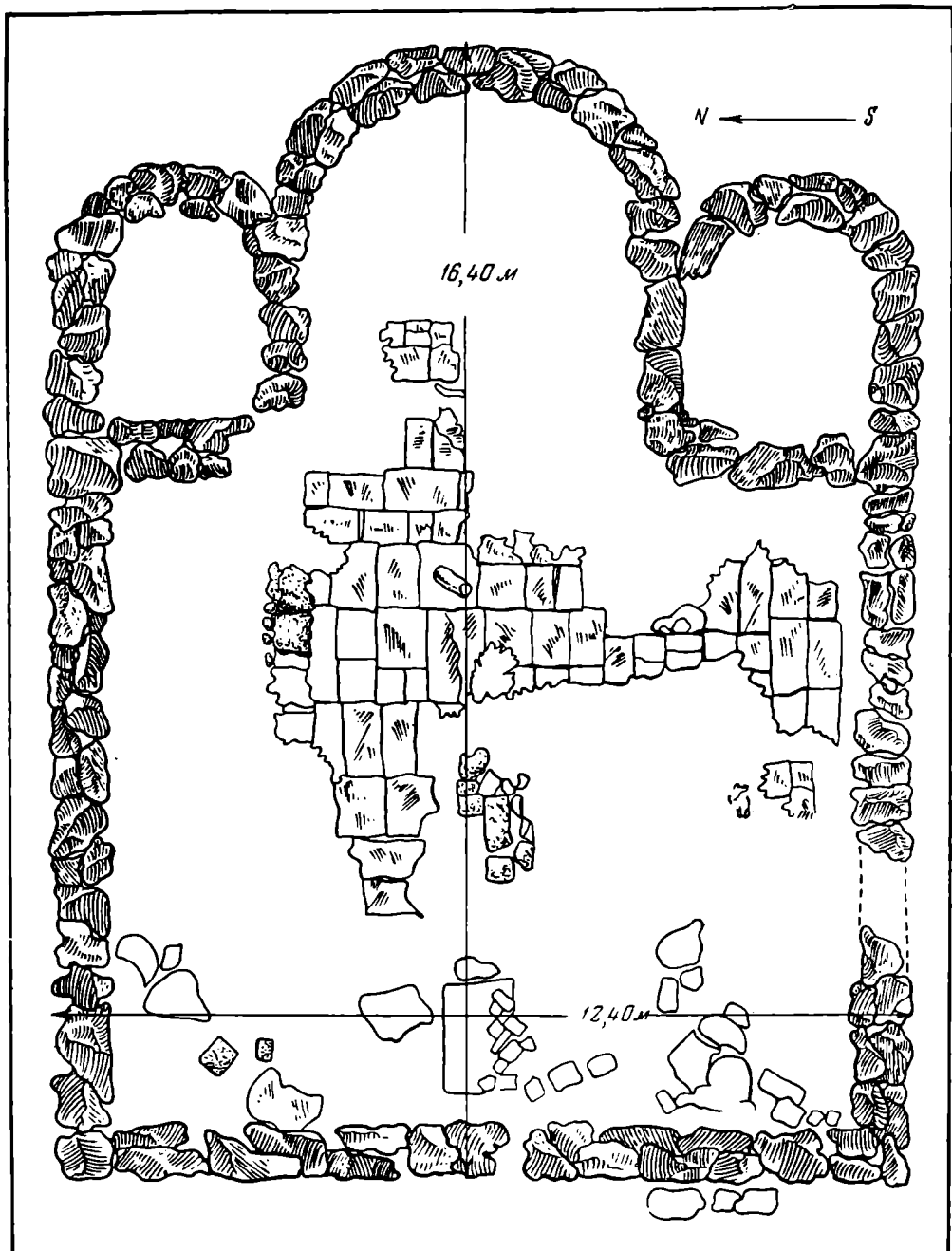

Рис. 7 Поселение у с. Планерское. План трехапсидного храма (по Н. С. Барсамову).

явно более поздним временем. А. Л. Якобсон выдвинул предположение, что гибель ряда поселений на южном берегу и в восточной части Таврики в конце IX в. или начале X в. связана с печенежскими набегами. «Так или иначе, — писал А. Л. Якобсон, — мы пока не знаем там поселений, продолжавших существовать после X в. Об этом ясно свидетельствует археологический материал из указанных поселений восточного Крыма»³⁷.

Письменные источники не сохранили никаких сведений о печенежском погроме в Крыму и на Тамани. Столь важное событие в политичес-

³⁷ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 159.

ской жизни Северного Причерноморья вряд ли бы прошло совсем незамеченным. Нам известно, что в Саркеле и Самкерце в X в. стояли хазарские гарнизоны. С другой стороны, предположение Якобсона совершенно не учитывает русской активности на Черном море.

Археологическое изучение Фанагории, Тмутаракани и поселений восточного Крыма не обнаружило следов внезапного насильственного разрушения, которое последовало бы в результате вторжения печенегов в конце IX в. Наконец, византийские писатели, в частности Константин Багрянородный, неоднократно подчеркивали, что печенеги, как и другие кочевники, вели широкую торговлю с причерноморскими городами и ни в какой мере не были заинтересованы подрывать основы этой торговли, уничтожая города и земледельческие поселения Крыма и Тамани ^{37a}.

Значительные разрушения в Херсонесе и Партените, прекращение жизни средневековой Фанагории, следы большого пожара в Тмутаракани датируются серединой и второй половиной X в., что можно связывать с походами русских дружин на берега Черного моря. Русские походы в Причерноморье в VIII—IX вв., победоносные войны Святослава и Владимира против Хазарии и Византии, подготовили почву для возникновения в X в. Тмутараканского княжества. Раскопки в Партените, произведенные Н. И. Репниковым в 1907—1908 гг., обнаружили остатки базилики, которая погибла от пожара в конце X в. В слое пожара найдены монеты византийского императора Иоанна Цимисхия (969—976 гг.) ³⁸.

Окончательное решение вопроса о времени прекращения жизни на поселении у с. Планерское возможно только в результате систематических исследований этого замечательного памятника. Мы не знаем исторических предпосылок возникновения объединенной Сугдо-Фулльской епархии в восточном Крыму в XII в., но, возможно, новая политическая обстановка и постепенный упадок средневекового поселения у с. Планерское (предполагаемые Фуллы) были между собой исторически связаны.

Средневековый город Фуллы, по-видимому, прекратил свое существование до середины XII в., так как письменные источники этого времени, как мы говорили уже выше, не упоминают его. Наименование христианской епархии восточного Крыма — Сугдо-Фулльской — вплоть до XVII в. можно легко объяснить тем, что церковная номенклатура отличается крайней консервативностью и живучестью. Так, например, название готской митрополии и церковно-географический термин «Готия» дожили до XVIII в., когда о существовании готов в Крыму не могло быть и речи. Фулльская епархия могла существовать и после разрушения религиозного центра этой епископии в середине X в., как это было, например, в Киеве, после монгольского нашествия XIII в., когда город лежал в развалинах, а киевская митрополия, тем не менее, не была перенесена в другое место.

Таким образом, письменные источники не позволяют окончательно решить интересующий нас вопрос о локализации средневековых Фулл, упоминаемых в документах VIII—IX вв. Новые же археологические материалы, добытые советскими археологами в Чуфут-Кале и на плато Тепсень у с. Планерское, не давая бесспорного решения, указывают на средневековое поселение у с. Планерское как на более вероятный пункт в области крымских предгорий, где находились загадочные Фуллы.

^{37a} Const. Porphyg., De administrando imperio, 6.

³⁸ Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, 1909, стр. 96. Партенитская базилика, построенная в конце VIII в., по своему плану очень близка большой базилике на плато Тепсень у с. Планерское, что позволит отнести их к одному времени.

И. Т. КРУГЛИКОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ КРЫМСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АЗОВСКОГО МОРЯ

Русская дореволюционная и особенно советская историческая наука достигла значительных успехов в изучении истории, экономики и культуры Боспора, одного из древнейших государственных образований на территории нашей страны.

В результате работы историков и археологов удалось восстановить в общих чертах картину жизни населения этого своеобразного объединения греческих городов и местного автохтонного населения плодородных земледельческих районов. Однако имеются еще очень значительные пробелы в наших знаниях, особенно о жизни местного сельского населения Европейского Боспора. Белым пятном на археологической карте Европейского Боспора продолжает оставаться крымское побережье Азовского моря.

На карте, приложенной В. В. Латышевым ко II тому корпуса надписей¹, изданному в 1901 г., на берегу Азовского моря указано только одно античное поселение в районе мыса Зюк. В течение следующего пятидесятилетия сведения о заселении Азовского побережья не увеличивались. В сводном труде В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», опубликованном в 1949 г., на Азовском побережье также названо только одно городище, лежащее к северо-востоку от дер. Мамá у мыса Зюк², о котором известно из сообщения А. А. Дирина (местного помещика)³ и Ю. А. Кулаковского⁴, производивших там раскопки в 1894—1895 гг.

Этот интереснейший в археологическом отношении район оставался вне поля зрения археологов вплоть до последних лет, когда там начала производить разведочные работы экспедиция ИИМК под руководством В. Д. Блаватского⁵. Эти разведки дали много нового материала, позволившего, вместе с тем, использовать отрывочные сведения А. А. Дирина об

¹ IOSPE, II, карта.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 191. На карте (стр. 156) обозначен еще один населенный пункт, по-видимому, в районе б. дер. Сююрташ, известный из сообщения А. А. Дирина, но в изложении он не упоминается.

³ ЗООИД, т. XIX, стр. 212 и сл.

⁴ ОАК за 1894 г., стр. 9.

⁵ Работы производились Восточно-Крымским отрядом Причерноморской экспедиции в 1953—1955 гг. Начальник отряда — И. Т. Кругликова. В состав отряда входили: от ИИМК — Т. М. Арсеньева, Т. Г. Оболдуева, Д. Б. Шелов, О. Д. Дашевская; от Государственного Керченского историко-археологического музея — В. И. Цехмистренко; от Феодосийского краеведческого музея — И. П. Приходько.

его раскопках, ведшихся без должной фиксации и этим в значительной степени обесцененных.

В дошедших до нас сочинениях античных авторов нет ни описаний интересующего нас района, ни перечня обитавших там племен. Только Птолемей указывает 3 города на берегу Меотийского озера: Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий⁶. Последний помещается Страбоном вблизи Мирмекия⁷; Парфений же Страбон называет деревней (*χώμη*) и локализует

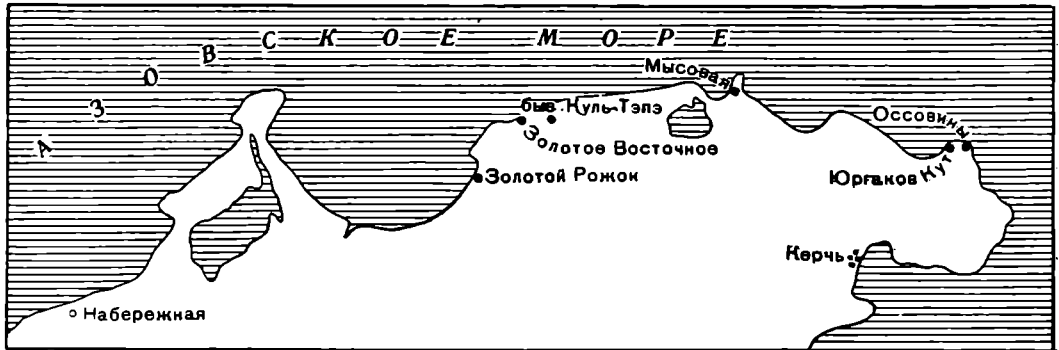

Рис. 1. Карта расположения поселений IV—III вв. до н.э. (по данным на 1955 г.)

у самого узкого места Керченского пролива, а европейское побережье Меотиды, т. е. интересующую нас территорию, он называет пустынной (*ὄβτος μὲν οὖν ὁ παράπλους ἔρημος πᾶς ἔ παρά τήν Εὐρώπην*)⁸ и не указывает на ней каких-либо населенных пунктов.

Восточно-Крымским отрядом было обнаружено на берегу Азовского моря более 25 поселений, из которых в литературе упоминаются лишь четыре. По полученным данным, — пока неполным, ибо некоторые части побережья еще не обследованы, — на данной территории поселения существовали уже в IV—III вв. до н.э. Они находились в районе деревень Набережной, Семеновки, Мысовки и далее на восток в 3 км к западу от дер. Золотое, вблизи развалин деревень Сюрташ и Куль-Тэпэ, на мысе Зюк (у дер. Мысовая) и у поселков Юрганов Кут и Оссовины (рис. 1).

Наиболее детальному обследованию подверглось поселение, расположенное на высоком плато у берегового обрыва, к северу от развалин дер. Сюрташ на расстоянии около 5 км к северо-востоку от современной дер. Золотое. Это поселение, которое будем впредь именовать «Золотое Восточное»⁹ занимало площадь около 1,5 га; оно было обнесено мощными оборонительными стенами с востока, юга и запада (рис. 2). Даже в настоящее время эти стены отчетливо прослеживаются на поверхности почвы (рис. 3, 1). Стены двухпанцирные, с бутом посередине, сложены из огромных каменных плит неправильных очертаний, хорошо подогнанных друг к другу. Толща стен — 2,5 м (рис. 3, 2). В западной части городища, по-видимому, находились ворота. Южная и юго-восточная стены имеют выступающие вперед башни.

С севера стен не обнаружено; здесь границей городища является обрывистый берег моря, неприступный для врага. С юга и запада подножье

⁶ Ptol., III, 6,4.

⁷ Strabo, XI, 2, 6.

⁸ Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 6.

⁹ И. Т. Кругликова. Поселение Золотое Восточное. КСИМК, вып. 70, 1957, стр. 130 и сл. В 1956—1958 гг. Восточно-Крымский отряд детально обследовал поселение у дер. Семеновки, существовавшее с IV в. до н.э. по III в. н.э.

городища омывалось речкой, в настоящее время почти высохшей. Плато, на котором расположено городище, имело в северной части небольшой склон к береговому обрыву. Там, возможно в результате длительного намыва почвы с городища, скопилось большое количество золы и обломков керамики.

В южной и юго-восточной частях городища к внутренним сторонам оборонительных стен примыкали помещения, по-видимому, хозяйственного и жилого назначения (рис. 3, 3). Четыре таких помещения обнаружены раскопками 1955 г. В одном из них оказались следы очага (рис. 3, 4),

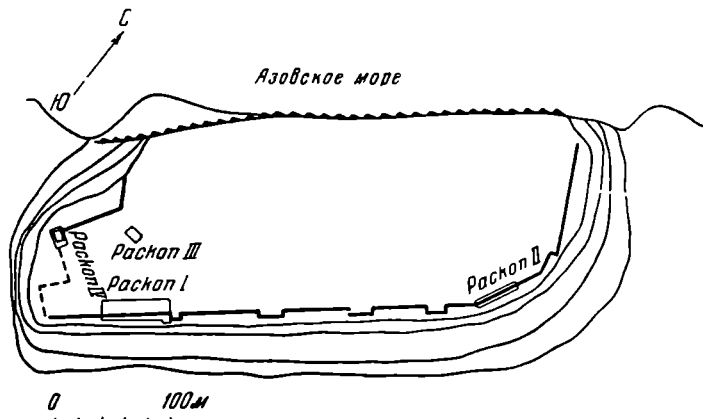

Рис. 2. План оборонительных стен Золотого Восточного городища

в другом на некотором расстоянии от стены поставлена каменная плита (рис. 3, 5). Такие загородки, — вероятно, для хранения продуктов — были известны на поселениях Боспора еще в V в. до н. э. Подобные, поставленные на ребро, плиты были найдены в Киммерике (в поселении на холме А), во дворике, примыкавшем к помещению А¹⁰. В более позднее время они были широко распространены в Илурате¹¹. Судя по обломкам черепицы и кускам сырца, применялись черепичные крыши и сырцовые стены на каменных фундаментах.

Городище существовало немногим более 200 лет. Его культурный слой содержал большое количество обломков керамики, датируемой от конца IV в. до н. э. до начала I в. до н. э. Среди них преобладают обломки амфор, главным образом синопских и родосских; есть также гераклейские и некоторых неизвестных центров. Соотношение амфорного материала примерно следующее: на более чем 1500 обломков амфорных стенок приходится 28 ножек (из них синопских — 21, родосских — 3, херсонесских — 1, неизвестных центров — 3), 165 ручек (из них синопских — 104, родосских — 37, гераклейских — 1, из коричневой глины — 2, неизвестных центров — 21), 32 венца (из них синопских — 18, родосских — 9, неизвестных центров — 6). Найдено 13 клейм на ручках синопских амфор¹², 10 — на ручках родосских и 1 — на горле гераклейской амфоры.

¹⁰ И. Т. Кругликова. Раскопки древнего Киммерика. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 65.

¹¹ В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 96 и сл.

¹² Клейма хорошо читаются и были определены В. И. Цехмистренко. Они относятся главным образом к V и VI хронологическим группам Б. Н. Гракова (к VI группе — 8 экземпляров, к V группе — 4 экземпляра; возможно, одно неясное клеймо относится к IV группе), т. е. датируются периодом примерно от 180 до 70 гг. до н. э. (Б. Н. Граков. Древнегреческие клейма с именами астиномов. М., 1929).

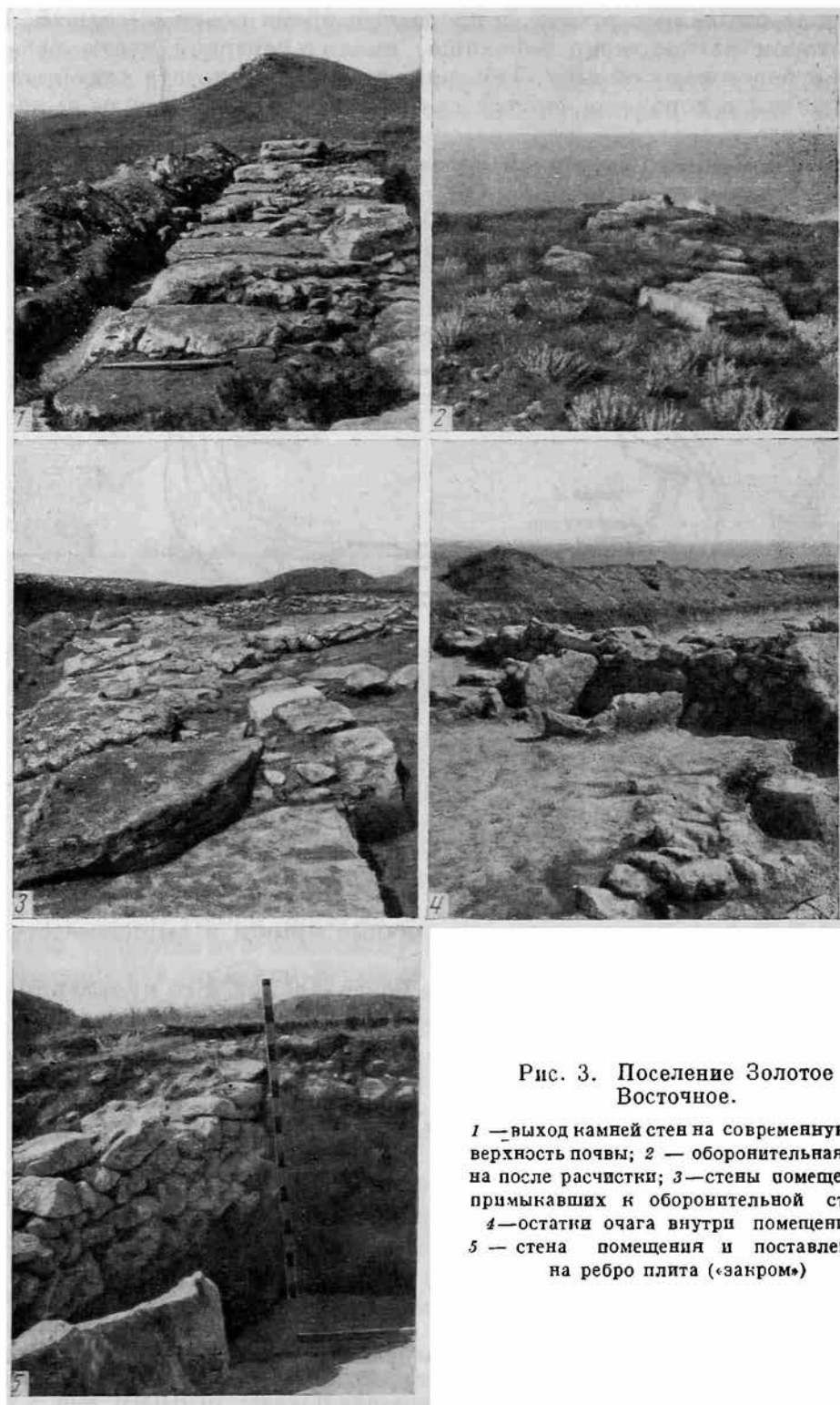

Рис. 3. Поселение Золотое Восточное.

- 1 — выход камней стен на современную поверхность почвы; 2 — оборонительная стена после расчистки; 3 — стены помещений, примыкавших к оборонительной стене; 4 — остатки очага внутри помещения; 5 — стена помещения и поставленная на ребро плита («закром»)

Встречены обломки простых сосудов (мисок, кувшинов, кастрюль, флаконов, лутериев, рыбных блюд), лепных, рельефных (типа «мегарских чаш»), расписных эллинистических, чернолаковых (конца IV—III вв. до н. э.) и покрытых коричневым и красным лаком эллинистического времени. Обнаружены также пряслица, обломки терракот, костяная поделка, одна бронзовая монета плохой сохранности.

Кроме находок античного времени, около оборонительной стены, в нижней части культурного слоя оказались обломок бронзового одноушного кельта типа известных ранее кельтов времени поздней бронзы, найденных на нашем Юге, которые были связаны В. А. Городцовым с киммерийской культурой¹³ (рис. 4), а также обломки большого чернолощеного сосуда с резным орнаментом в виде треугольников, заполненных углублениями, вдавленными заостренной палочкой. Подобный орнамент встречается на керамике, собранной О. Д. Дашевской в 1951 г. на Симферопольском поселении, относящемся к кизил-кобинской культуре¹⁴. Сходные приемы орнаментации, но не тождественные по рисунку, встречены на керамике многих поселений времени поздней бронзы в Крыму¹⁵ и на Северном Кавказе¹⁶.

Привлекает внимание близкое сходство характера кладки оборонительных стен данного поселения и укреплений на горе Опук в районе Киммерика. К сожалению, надлежащих раскопок на горе Опук не производилось, а небольшие зачистки стен не дали находок ранее рубежа нашей эры¹⁷. Нельзя не отметить также общих черт в расположении укреплений Золотого Восточного городища и горы Опук. При взгляде на карту бросается в глаза, что оба района укреплений расположены примерно на одинаковом расстоянии от противоположных концов Узунларского вала, на одной и той же долготе. Оба находятся на плато, возвышающемся над окружающей местностью.

В Киммерике, кроме укреплений на плато Опук, есть еще ряд оборонительных стен на восточном склоне горы, образующих укрепленный район. Подобно этому к западу от укреплений Золотого Восточного городища прослеживаются земляные валы, создающие впечатление существования и здесь системы оборонительных сооружений, огораживавших примыкавший к плато район.

Близкое сходство способов кладки и характера строительного материала оборонительных стен Золотого Восточного городища и на плато Опук, казалось бы, следует объяснять одновременностью сооружения этих укреплений. Но, судя по находкам, поселения внутри этих укреплений

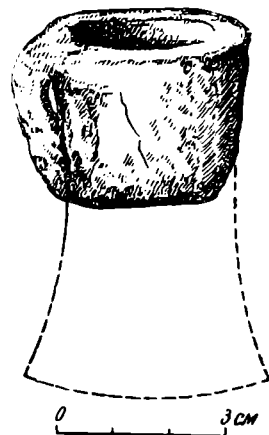

Рис. 4. Обломок бронзового кельта с Золотого Восточного поселения (нат. вел.).

¹³ В. А. Г о р о д ц о в. К вопросу о киммерийской культуре. РАНИОН, Труды секции археологии, М., 1928, стр. 55 и сл., рис. 12, 27—29 и др.

¹⁴ Находки хранятся в областном Симферопольском музее (инв. № СП-51, ПМ-9).

¹⁵ Близки приемы орнаментации на nelloщенных сосудах из Киммерика (Керченский музей — инв. № К50, № Б28), из Щebetовки (Феодосийский музей — инв. № 989; ГИМ — инв. № 61/245), на лощеных сосудах из поселка Нейзад (Государственный Эрмитаж — инв. № 4248-80 и 54) и из раскопок С. Ф. Стржелецкого на поселке Уч-Баш (Херсонесский музей).

¹⁶ Из Кобякова городища (Государственный Эрмитаж — инв. № 411-2516 и 2071; 410-3991) и из поселка Красный Яр (Государственный Эрмитаж — инв. № ЯК 2047).

¹⁷ И. Б. Зеест. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг. ВДИ, 1949, № 3, стр. 94, рис. 2.

ний разновременны. На Золотом Восточном поселении нет следов культурного слоя II—III вв. н. э., характерного для горы Опук. Остается предположить, что обе группы оборонительных сооружений принадлежат к более ранней поре, но слоев, относящихся ко времени их сооружения, еще не найдено, возможно, в силу небольших размеров раскопов. Можно также допустить, что укрепления первоначально принадлежали убежищам, не содержащим постоянных жилых сооружений, поэтому и отложения культурного слоя времени их сооружения незначительны. Поселения же античной эпохи были вторичными и использовали уже готовые укрепленные пункты. Это предположение может быть подтверждено или опровергнуто при последующих раскопках, однако, заметим, что и в районе горы Опук обнаружены следы населения, обитавшего там в период бронзы¹⁸, и на Золотом Восточном поселении найдены часть бронзового кельта и обломки догреческой керамики; кроме того, в окрестностях этого поселения имеются погребения в каменных ящиках, часть которых относится, возможно, к доантичной эпохе.

Заслуживает внимания, что как в окрестностях этого поселения, так и в глубинной части Керченского полуострова нашими разведками обнаружена целая серия неукрепленных сельских поселений, которые существовали, судя по находкам фрагментов чернолаковой посуды и клейм на синопских и гераклейских амфорах, в IV—III вв. до н. э. Во II в. до н. э. жизнь на них прекратилась. Не исключена возможность, что разрушение этих поселений связано с наступлением врагов, может быть, скифов или сарматов. В связи с этим особенно интересно, что укрепленное Золотое Восточное поселение продолжало существовать в течение всего II в. до н. э.; лишь в I в. до н. э. оно было разрушено, и жизнь на нем больше не возобновлялась.

Второе открытое экспедицией поселение IV—III вв. до н. э., находящееся в 5 км к востоку от развалин дер. Куль-Тэпэ, не подвергалось раскопкам. На существование его указывают многочисленные обломки синопских и гераклейских амфор, вымываемые из зolistого грунта, по которому проходит современная дорога, а также раскопанные А. А. Дириним каменные гробницы (типа «каменных ящиков»), находящиеся на вершине небольшой горы¹⁹ в одной версте к югу от бывшей дер. Куль-Тэпэ. Своеобразное устройство этих гробниц, сложенных из дикарных плит и накрытых такими же плитами, а кругом обнесенных диким камнем, свидетельствует о существовании в этом районе местного, негреческого населения, которое, судя по наличию в гробницах греческих изделий, имело тесные торговые связи с греческими городами Боспора. В каждой из гробниц, как пишет А. А. Дирин, были полированные сосуды, во многих рассыпаны медные стрелы, в одной найдены куски маленького сосуда из так называемой финикийской массы²⁰.

Изображения найденных в гробницах сосудов (чернолаковых — IV в. до н. э.²¹ и расписного лекифа — первой половины V в. до н. э.²²) датируют могильник первой половиной V—IV вв. до н. э. По-видимому, этот могильник относился к поселению, существовавшему в то время. Без раскопок на месте поселения, обнаруженного нашей экспедицией, нельзя устано-

¹⁸ И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 108 и сл.

¹⁹ А. А. Дирин. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, т. XIX, 1896, стр. 128.

²⁰ А. А. Дирин. Ук. соч., стр. 129.

²¹ Там же, табл. V, 1, 8.

²² Там же, табл. VI, 18.

вить, к нему ли относился этот могильник. Вероятнее ожидать, что вблизи могильника находилось еще одно поселение, однако не исключена возможность, что между могильником и поселением было некоторое расстояние (1 км), а несовпадение во времени существования окажется опровергнутым последующими находками на поселении. Следов укреплений у этого поселения не обнаружено, да и весь рельеф местности плохо согласуется с возможностью их существования. Все это заставляет отнести поселение к серии неукрепленных поселений, которые для IV—III вв. до н. э. известны и в районе побережья Азовского моря и вдали от него. Судя по отчетам о раскопках, проводившихся А. А. Дириним²³ и Ю. А. Кулаковским²⁴, поселение у мыса Зюк (около нынешней дер. Мысовая), где найдены монеты IV—III вв. до н. э., следует поставить в один ряд с этими поселениями. Однако данное поселение благодаря расположению на скалистом мысу, укрепленном самой природой²⁵, продолжало существовать и позднее, вплоть до IV в. н. э. Что же касается поселений I—III вв. н. э., обнаруженных на берегу бухты к западу от Золотого Восточного и к северу от бывшей дер. Куль-Тэпэ, то они находились, хотя и поблизости от поселений IV—III вв. до н. э., но на других, более укрытых природой местах.

Из неукрепленных поселений сельского типа IV—III вв. до н. э. на побережье Азовского моря раскапывалось только поселение Золотой Рожок к западу от дер. Золотое. Здесь, на месте нынешних огородов, менее чем в 1 км от моря, обнаружены остатки поселения, состоявшего, вероятно, из нескольких небольших домов, расположенных, примерно, в 30—50 м один от другого. Дома были сложены из камней и сырца; ввиду того, что культурный слой был очень неглубоким, постройки плохо сохранились. Крупные камни были вынуты, вероятно, при пахоте участка, и свалены в вырытую здесь же яму; не препятствовавшие пахоте мелкие камни сохранились, но большей частью были сдвинуты со своих первоначальных мест. Поэтому план жилой постройки установить не удалось, но место и примерные размеры ее легко выясняются по остаткам очага, глиняной обмазки пола и мусорным ямкам, в которых найдены створки мидий, по фрагментам раздавленной остродонной амфоры (вероятно, ранее врытой в пол помещения) и, наконец, по остаткам глинобитной стены. Углубленный в землю очаг был обмазан глиной.

Среди находок преобладали обломки остродонных амфор, в том числе 4 энглифических клейма на горлах гераклейских амфор, 2 клейма на ручках синопских амфор и 2 клейма на ручках фасосских амфор. Кроме обломков амфор, встречались, но в значительно меньшем количестве, обломки простой посуды (кувшинов, кастрюль, мисок и т. д.), лепных сосудов (горшков, мисок), чернолаковых сосудов, сетчатых лекифов (рис. 5, 1), терракот (в том числе — фигуры сидящей богини; рис. 5, 2), поделки из кости и т. д. Были также найдены бронзовый перстень со щитком, на котором вырезано изображение скачущей лошади (рис. 5, 3), и ложило, сделанное из амфорной ручки. Рядом с постройкой находился вымощенный камнями дворик, от которого сохранилась только часть вымостки; с противоположной стороны дома была мусорная свалка, в которой оказалось

²³ Там же, стр. 121.

²⁴ ОАК за 1894 г., стр. 93 и сл.

²⁵ Вряд ли оборонительная стена, которая была сложена, как пишет А. А. Дирин, «из твердого и мягкого камня (известняка), большей частью обтесанного, тщательно залита известью, смешанной с песком и обожженной глиной (ясного розового тона)», относится к IV—III вв. до н. э. Вероятно, ее надо связывать с поселением, которое было на этом же месте в I—IV вв. н. э.

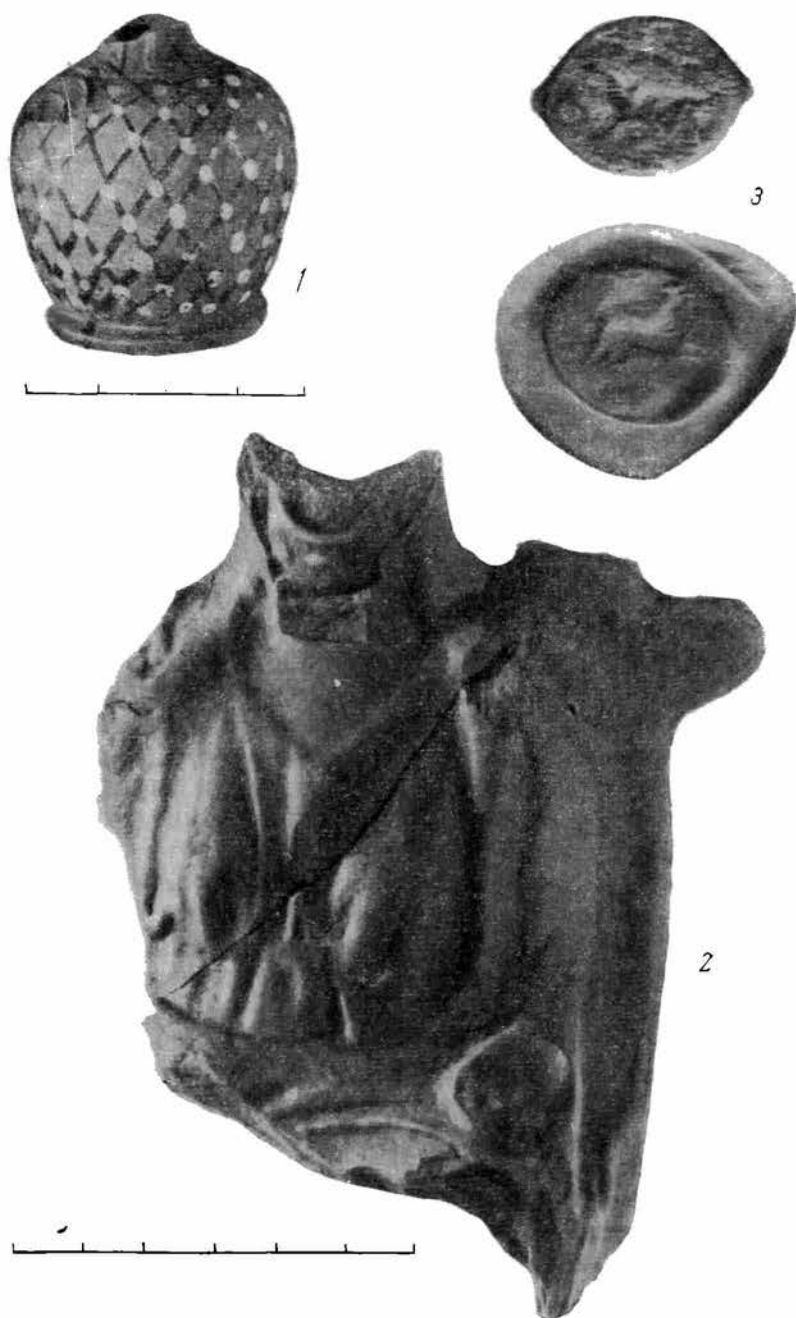

Рис. 5. Находки с поселения Золотой Рожок.

1 — сетчатый лекиф; 2 — фрагмент статуэтки сидящей богини (терракота);
3 — бронзовый перстень и его оттиск.

много золы и битой керамики. Не найдено ни одного обломка черепицы по-видимому, крыши были соломенными или земляными.

Судя по подъемному материалу, поселения у дер. Набрешная и у поселков Югаков Кут и Оссовины ²⁶ были аналогичны поселению Золотой

²⁶ В районе поселка Оссовины, по-видимому, было 2 поселения. Одно из них — на мысе Варзовка, — возможно, было укрепленным, другое, неукрепленное, находилось примерно в 700 м к северо-западу от него.

Рожок. Они имеют близкие аналогии в глубинной части Керченского полуострова, где нами раскапывались такие же неукрепленные поселения IV — III вв. до н. э. у деревень Сазоновка и Слюсарово, а также Марфовка Восточная, Марфовка Западная. Все эти поселения прекратили свое существование на рубеже III и II вв. до н. э., что, возможно, надо связать с нападением внешних врагов — скифских или сарматских племен. По-видимому, в этот период жизнь в неукрепленных поселениях стала опасной. Единичные находки II в. до н. э. встречались в слоях III в. н. э. на поселениях у деревень Золотое и Ново-Отрадное. Это может быть

Рис. 6. Карта расположения поселений I—III вв. н. э.

объяснено наличием поблизости от них каких-то поселений, пока нами не обнаруженных, которые существовали во II в. до н. э. Возможно, это были небольшие поселения на побережье Азовского моря, вновь основанные населением, бежавшим из степных неукрепленных сельских поселков. Вероятно, эти сначала небольшие поселения послужили ячейками, из которых выросли более крупные поселки I—III вв. н. э., раскапывавшиеся экспедицией в 1953 г.

Поселения I—III вв. н. э. были открыты на мысе Казантип у дер. Афанасьевка и в 3 км к северо-западу от нее у деревень Семеновка, Ново-Отрадное, Золотое²⁷, на берегу бухты к западу от Золотого Восточного поселения, у бывшей дер. Куль-Тэпэ, на мысе Зюк, между мысом Зюк и дер. Юргаков Кут²⁸, около дер. Оссовины (рис. 6).

В большей мере раскапывались поселения у Ново-Отрадного, Семеновки и Мысовки, находки из них опубликованы²⁹. В 1955 г. проводились раскопки жилища III—IV вв. н. э. в поселении, расположенном поблизости от описанного выше населенного пункта Золотое Восточное. Последнее, как отмечалось, в I в. до н. э. было покинуто жителями, но удобный для жизни район не был полностью заброшен, и в первые века нашей эры там вновь возникло поселение, но уже на новом месте. По каким-то, — вероятно, стратегическим, — соображениям место для нового поселения было выбрано не на вершине холма, а в бухте, укрытой с запада, юга и востока грядой холмов и только с севера открытой к морю. Поселение находилось на расстоянии примерно 0,5 км к западу от Золотого Восточного и, по предварительным данным, существовало с I в. по III—IV вв. н. э. Оно

²⁷ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения на крымском берегу Азовского моря. СА, XXV, 1956, стр. 236.

²⁸ Сведения об этом поселении нам сообщил инженер В. В. Веселов, археолог-любитель из г. Керчи.

²⁹ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения..., стр. 236 и сл.

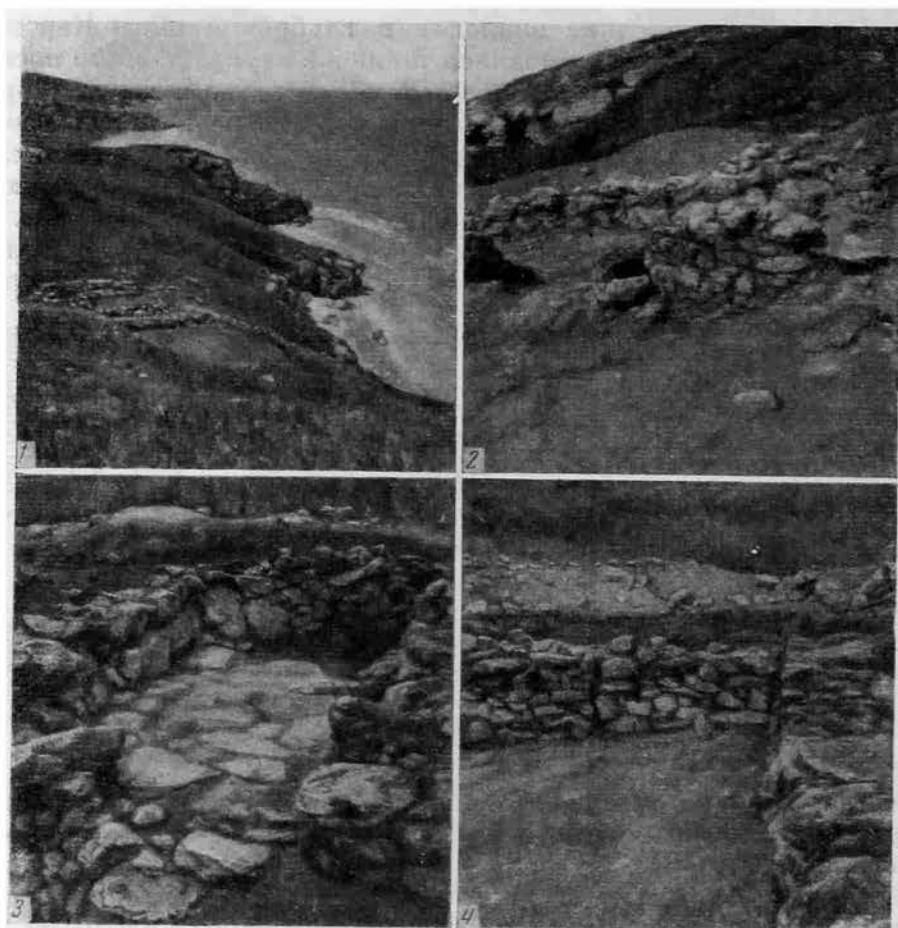

Рис. 7. Поселение на берегу бухты к западу от Золотого Восточного поселения.

1 — вид на раскоп; 2 — разбитая каменная ступа у дверного проема; 3 — остатки хозяйственной постройки с закругляющейся стеной; 4 — кладка стены.

было известно А. А. Дирину, раскапывавшему некрополь этого поселения в 1895 г.³⁰ А. А. Дирин отмечал наличие на этом поселении построек из дикого камня, зерновых ям, цистерн для воды и, кроме того, «на отлогом берегу моря груды золы, в которой много черепков, обломков статуэток и битого стекла»³¹.

Небольшой раскоп, заложенный на склоне у бухты, обнаружил небольшую постройку из двух помещений (рис. 7, 1). Там находились остатки глинобитной печи, разбитой каменной ступы, стоящей около дверного проема (рис. 7, 2), который вел из большого прямоугольного помещения в небольшую, вероятно, хозяйственную пристройку с закругляющейся стеной (рис. 7, 3). Стены помещений были сложены из дикарных камней, положенных в два ряда с забутовкой между ними (рис. 7, 4). Среди находок преобладали обломки реберчатых амфор; встречались черепки простой посуды, краснолаковых мисок, пифосов, лепных сосудов, светильников, стеклянных сосудов, черепицы, а также пирамидальные грузила, пряслица, бронзовый браслет и другие вещи.

³⁰ А. А. Дирин. Ук. соч., стр. 126 и сл.

³¹ Там же.

Раскапывавшиеся помещения, вероятно, относились к какому-то комплексу III в. н. э., сильно поврежденному оползнями. Мусорный грунт, подстилающий помещения и содержащий небольшое количество керамики I—II вв. н. э., указывает на то, что здесь было поселение с первых веков нашей эры. О довольно продолжительном времени существования поселения свидетельствует его обширный некрополь с различными типами могил. Некрополь расположен над поселением на гряде холмов на расстоянии 0,5 км от берега моря. А. А. Дириным вскрыто около 40 гробниц, высеченных в известковой скале. Все они были вытянуты с востока на запад и покрыты грубо обтесанными плитами³².

Судя по инвентарю, сопровождавшему погребенных, гробницы относились к первым векам нашей эры. В состоявшейся из 22 гробниц западной группе погребальный инвентарь был беднее, чем в восточной группе (из 15—20 гробниц), заключавшей, по-видимому, более богатые погребения³³. Между восточной и западной группами высеченных в скале гробниц находилась группа могил другой конструкции — подбойных, ориентированных с севера на юг.

А. А. Дириным вскрыто около 20 таких могил. Они также датируются первыми веками нашей эры и отличаются от первой группы могил не только своей конструкцией, но и инвентарем. В противоположность первой группе, здесь встречаются пряжки и мечи. Один сосуд из этих могил близко напоминает сарматские горшочки с резным орнаментом³⁴, известные в сарматских погребениях Поволжья и Южного Приуралья³⁵, а также и на Боспоре, где они относятся к III в. н. э.³⁶ Вместе с тем в большинстве могил этой группы встречались сосуды такого же типа, как и в гробницах первой группы³⁷. По-видимому, в одной из этих могил была найдена боспорская монета Рескупорида V (262/263—275/276 гг. н. э.), которая позволяет датировать эту группу могил III в. н. э., чему не противоречат и найденные в других могилах золотые кольца, со вставленными круглыми сердоликовыми камнями, стеклянные позолоченные бусы и керамика.

Рядом с группой подбойных могил, только ниже их по уровню, находилось несколько десятков «катакомб», т. е. склепов, относящихся, по-видимому, к раннему средневековью.

Описанное поселение по своему характеру близко поселениям III в. н. э., обнаруженным экспедицией в других частях Азовского побережья, а именно около поселений Золотое, Ново-Отрадное, Семеновка, Афанасьевка³⁸, где встречались находки I—II вв. н. э., иногда даже и более раннего времени. Судя по одинаковым строительным приемам и характеру керамики, все эти поселения принадлежали родственным, сильно сарматизованным обитателям. Между поселением Золотое Восточное и поселением у бухты расстояние — менее 0,5 км, но по своему характеру они совсем различны. И это различие подтверждает предположение о гибели укрепленного поселения Золотое Восточное в результате нападения врагов — степных сарматских племен — и о включении сарматского

³² А. А. Дириным. Ук. соч., стр. 126 и сл.

³³ Там же, стр. 128.

³⁴ А. А. Дириным. Ук. соч., табл. V, рис. 14.

³⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 84.

³⁶ И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея. МИА, № 33, 1954, стр. 108, рис. 7, 1.

³⁷ А. А. Дириным. Ук. соч., стр. 128.

³⁸ И. Т. Кругликова. Позднеантичные поселения..., стр. 236 и сл.

элемента в состав населения вновь основанных поселений. Этот вывод подтверждается и раскопками на поселении у бывшей дер. Куль-Тэпэ. Последнее поселение было известно еще А. А. Дирину, который писал: «Против деревни Куль-Тэпэ, раскинувшейся недалеко от моря и прилегающей к южной стороне скалистой гряды, тянувшейся над морем, среди скал лежат большие холмы пепла, в которых много черепков (попадают куски, покрытые черным лаком), битых стеклянных сосудов, по рассказам, монет. Холмы эти высотой от 2 до 6 сажен»³⁹.

Это поселение осталось неисследованным, ибо А. А. Дирин интересовался только некрополи, а могильника данного поселения ему найти не удалось⁴⁰. Обследуя этот район, мы обнаружили 3 огромных зольных холма, образовавшихся или в результате сброса золы и мусора с более высокого места на нижележащие холмы, которые в дальнейшем оказались полностью засыпанными золой, битой посудой и мусором, или же вследствие длительного сноса золы в одно и то же место, почему в конце концов и возникли высокие холмы (рис. 8, 1). Интересно, что подобное явление было обнаружено на поселении у Афанасьевки (мыс Казантип⁴¹). Там 2 высоких зольных холма находились в стороне от поселения, остатки которого обнаружены на берегу моря, между тем зольники оказались расположенными вдали от моря, ближе к горе. Такое их расположение заставляет предполагать, что зольники имели какое-то особое значение, возможно, связанное с культом, ибо в противном случае было бы проще сбрасывать золу и мусор с обрывистого берега в море.

Мощный зольник обнаружен также у поселения Золотое, где зола сбрасывалась с расположенного на возвышенном плато поселения вниз, в сторону берега моря, хотя до самого берега моря зольник не доходил. Имелся зольник и на поселении у бухты к западу от Золотого Восточного. Там зола сбрасывалась с холма вниз по откосу. Но в обоих случаях значительных зольных холмов, как в Афанасьевке или у дер. Куль-Тэпэ, не наблюдалось. Раскоп, заложенный на склоне одного из зольников в Куль-Тэпэ, показал, что зольник представляет собой типичную мусорную свалку, аналогичную по характеру найденной там керамике зольнику в Афанасьевке. Зола не исследовалась, но по внешнему виду напоминает золу от сгоревшего кизяка. Среди находок преобладают обломки реберчатых амфор III в. н. э. и лепных сосудов. Много черепков простой керамики, краснолаковых сосудов; есть обломки пифосов и кости животных.

Поблизости от зольника, на возвышенности обнаружены следы культурного слоя III в. н. э. и остатки каменных кладок. В 500 м к западу, ближе к берегу моря, западнее высохшей речки, на высоком обрывающемся к морю плато (рис. 8, 2), в канавах заметны остатки каменных кладок и культурного слоя, тоже III в. н. э. Еще далее к западу сохранился колодец, выложенный камнем и, по-видимому, тоже относившийся к античному времени. Это поселение требует тщательного обследования. Но уже разведки выявили его своеобразный характер, а именно отсутствие сконцентрированного в одном месте укрепленного природой или человеком поселения типа античных городов. Здесь наблюдаются как бы отдельные усадьбы — владения больших семей, гнездящихся неподалеку одна от другой, возможно, в силу существовавших между ними родственных

³⁹ А. А. Д и р и н. Ук. соч., стр. 126.

⁴⁰ Уже после Великой Октябрьской социалистической революции этот некрополь был найден крестьянами дер. Куль-Тэпэ, и место его указано экспедиции жителем дер. Золотое Алексеем Кукурзаком, который участвовал еще в раскопках, проводившихся А. А. Дириним.

⁴¹ И. Т. К р у г л и к о в а. Позднеантичные поселения..., стр. 253.

связей. Можно предполагать, что здесь мы видим результаты разрастания одной семьи, к которой некогда принадлежали владельцы отдельных домов. Видимо, такая же картина была и на поселении у бухты к западу

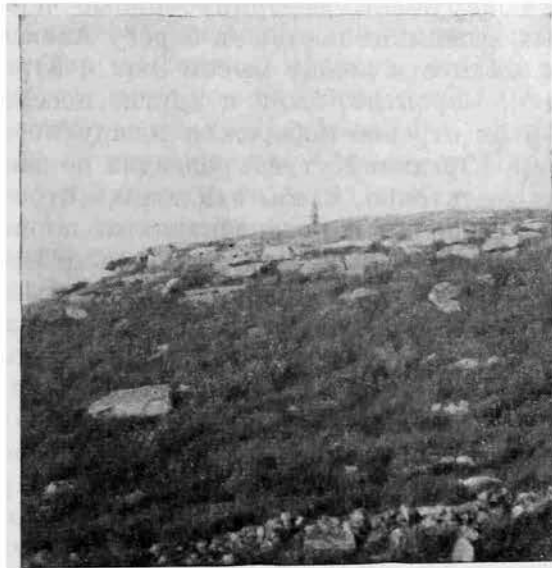

Рис. 8. Поселение у бывшей дер. Куль-Тэпэ.
1 — золотой холм; — вид на поселение с запада.

от Золотого Восточного, где постройки распнуты на значительном пространстве у смежных бухт, насколько можно проследить при беглом наблюдении без надлежащих раскопок.

Что касается поселений у дер. Афанасьевка (мыс Казантип)⁴² или у дер. Мысовая (мыс Зюк), то может быть, из-за особенностей их географического положения эти поселения были в большей мере сконцентри-

⁴² См. Н. Т. Кургулова. Позднеантичные поселения...

рованы и производят впечатление более крупных (хотя и занимают меньшую площадь). Систематических раскопок поселения у дер. Мысовая (мыс Зюк) еще не производилось. Небольшие раскопки Ю. А. Кулаковского не дают представления о стратиграфии городища. Жителями близлежащей деревни, а также Ю. А. Кулаковским и А. А. Дириным были найдены вещи IV—II вв. до н. э. и первых веков нашей эры. Монеты боспорских царей с I по IV вв. н. э. свидетельствуют о непрерывном существовании поселения в то время⁴³. Известно о находке там надписи фиаса, по-видимому, II или III в. н. э.

Разведки 1955 г. обнаружили на западном и восточном склонах мыса Зюк мусорный слой I—III вв. н. э., в котором было много створок мидий, обломков амфор (синопских и реберчатых), краснолаковой посуды и простых боспорских сосудов. В 1895 г. А. А. Дириным был обнаружен курганный могильник на плоской вершине горы Таш-Аллах на расстоянии около 4 верст к юго-западу от мыса Зюк⁴⁴. Судя по опубликованным А. А. Дириным иллюстрациям, могильник относился к I—II вв. н. э., хотя В. В. Шкорпил, по-видимому, считал его более древним⁴⁵. Возможно, этот могильник принадлежал какому-то неизвестному поселению, ибо могильник поселения на мысе Зюк уже обнаружен; в нем найдены каменные гробницы, простые земляные и подбойные могилы⁴⁶. В могильнике, расположенном всего в одной версте от мыса, оказались земляные гробницы, покрытые дикарными каменными плитами, со специально поставленными в ногах обтесанными плитками, и земляной склеп (А. А. Дирин назвал его «катакомбой»), где обнаружены деформированные черепа⁴⁷.

Кроме описанных выше поселений, на берегу Азовского моря существовали и другие, в частности между мысом Зюк и Юраковым Кутом⁴⁸ и у дер. Оссовины⁴⁹. Вероятно, были и другие поселения, пока еще не известные, например на отрезке побережья между поселением у бывшей дер. Куль-Тэпэ и дер. Юраков Кут, где разведки не закончены. Но имеющихся сведений уже достаточно, чтобы заключить, что эта часть азовского побережья Боспора, особенно в позднеантичный период, была заселена не меньше, чем черноморское побережье, и удельный вес этих поселений в экономической жизни Боспора был, вероятно, немалым. Систематические раскопки должны объяснить, почему Страбон называет это побережье пустынным, когда нам известны поселения там в дострабоновское время. Основываясь только на результатах раскопок поселений Золотое Восточное и Золотой Рожок, можно высказать предположение о больших разрушениях и опустошениях, произведенных в этом районе нашествием врагов во II—I вв. до н. э. Возможно, во времена Страбона старые поселения еще не успели полностью восстановиться, а новые — окрепнуть, но пока это предположение носит характер лишь рабочей гипотезы.

Историческое осмысление тех археологических материалов, которые дала экспедиция, невозможно без сопоставления их с письменными источниками, в частности с данными Птолемея. Если распределить на карте пункты, названные Птолемеем, согласно указанной им градусной сетке и сопоставить их с известными нам наиболее крупными населенными пунк-

⁴³ ОАК за 1894 г., стр. 95.

⁴⁴ А. А. Дирин. Ук. соч., стр. 125.

⁴⁵ См. письмо В. В. Шкорпила — ЗООИД, т. XIX, 1896, 289-е заседание, стр. 24.

⁴⁶ А. А. Дирин. Ук. соч., стр. 123.

⁴⁷ Там же, стр. 124.

⁴⁸ Открыто В. В. Веселовым. (Его статья будет опубликована в следующем томе С.А).

⁴⁹ Описано П. Дюбрюком — ЗООИД, т. IV, 1860, ч. 1, стр. 7 и сл.

тами по берегам Азовского моря, существовавшими во II в. н. э., то названное Птолемеем поселение Парфений, возможно, следует локализовать у дер. Оссовины, Зенонов Херсонес — у дер. Мысовая на мысе Зюк⁵⁰, а Гераклий — около мыса Казантип, у дер. Афанасьевка (Мысовка)⁵¹. То обстоятельство, что Страбон локализует Гераклий вблизи Мирмеккиа, не должно служить основанием для недоверия к данным Птолемея.

Прежде всего следует учесть длительный период, отделяющий написание Страбоном его «Географии» (начало I в. н. э.) от времени Птолемея (вторая половина II в. н. э.). Помня, что в ряде случаев Страбон мог пользоваться значительно более ранними источниками, мы вполне можем предположить, что некоторые из пунктов, названных Страбоном, могли ко времени Птолемея уже прекратить свое существование и, наоборот, могли возникнуть новые, о которых Страбон не знал. Во всяком случае, не ясно, что имел в виду Страбон, говоря о Гераклии, который находился вблизи Мирмеккиа, — поселение или что-то иное⁵². Кроме того, могли существовать два поселения, носившие одинаковые названия. И, наконец, если даже предположить, что Птолемей ошибочно назвал «Гераклием» поселение, находившееся на берегу Азовского моря, к западу от Зенонова Херсонеса, то факт существования такого поселения, известного даже средиземноморским географам, отрицать нельзя.

Зенонов Херсонес Птолемей помещает севернее всех соседних поселений, как бы на выступающем в море мысу, что вполне соответствует положению мыса Зюк. Поскольку Птолемей называет Парфений в числе поселений по Меотийскому озеру и помещает его восточнее двух других, вполне закономерна попытка связать с ним поселение на высоком холме, выступающем в море, вблизи дер. Оссовины. Правда, это не самое узкое место Керченского пролива, где, судя по описанию Страбона, находилась деревня или небольшое селение (ἡ κώμη) Парфений⁵³. Изыскания последних лет позволяют связать с упоминаемым Страбоном Парфением другое поселение⁵⁴. Но можно предположить, что Страбон и Птолемей говорят о разных поселениях. И даже если ἡ κώμη Страбона надо отождествить с Парфением Птолемея, остается неоспоримым факт, что Птолемеев было известно какое-то поселение на берегу Меотиды, ранее не известное источникам Страбона.

⁵⁰ Здесь его локализует Ю. А. Кулаковский (ОАК за 1894 г., стр. 96), тогда как В. В. Латышев считает, что здесь находился Гераклий (см. IOSPE, II, карта, и IV, стр. 123).

⁵¹ Cf. P t o l., Geogr. Ed. C. Müller. Paris, 1883, t. I, стр. 416 и 439.

⁵² И. П. Б л а р а м б е р г. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды. ЗООИД, т. II, 1848, стр. 14.

⁵³ S t r a b o, VII, 4, 5.

⁵⁴ См. В. В. В е с е л о в. Древние городища в районе Снягино. Сб. «История и археология Боспора». Симферополь, 1952, стр. 227 и сл.

Е. И. ЛЕВИ

К ИСТОРИИ ТОРГОВЛИ ОЛЬВИИ В IV—III вв.

До н. э.

(По эпиграфическим памятникам агоры)

Наряду с известиями древних писателей эпиграфические памятники являются одним из основных источников, повествующих о международных отношениях античных городов. С этой точки зрения, новые надписи из раскопок ольвийской агоры существенно пополняют данные по эпиграфике Северного Причерноморья.

Как известно, с началом исследования ольвийской агоры и особенно той ее части, которая входила в пределы священной округи, количество эпиграфических памятников, находимых в Ольвии, стало значительно возрастать. Достаточно упомянуть, что в результате раскопок агоры (до 1955 г.) найдены 45 обломков надписей и два целых декрета. Правда, не все надписи имеют одинаковое значение; большое количество из них сохранилось в виде мелких обломков. Однако даже несколько сохранившихся букв дают иногда возможность определить характер надписи. Так, например, остатки слова... $\gamma\mu\omega$..., т. е. $\delta] \eta \mu \omega$, свидетельствуют о том, что на плите было вырезано постановление народного собрания. Несколько букв первой строки надписи... $\mu\beta\rho\omega$.., вырезанные довольно крупным шрифтом, заставляют предполагать, что памятник был посвятителем надписью некоего Клеомброта, имя которого хорошо известно по ранее найденным надписям Ольвии¹.

Наиболее ранней надписью, относящейся к V в. до н. э., является фрагмент посвящения Аполлону Дельфинию². В первой строке сохранилась часть слова... $\text{NE}\Theta\text{E}$ и начало Σ , т. е. $\acute{\alpha} \nu \acute{\epsilon} \theta \epsilon [\tau \alpha \nu$; часть слова второй строки $\Phi \text{I} \text{N} \text{I} \dots$, вне сомнения, должна быть восстановлена как $\Delta \epsilon \lambda \phi \rho \nu \acute{\iota} [\omega \dots$. Надпись исполнена в характерной для раннего времени манере письма стойхедон, когда буквы располагаются строго по вертикали, одна под другой. Каждая буква, тщательно вырезанная, заключена в специально очерченный квадрат. Этот обломок является одним из немногих образцов подобного рода письма в Северном Причерноморье. Чрезвычайно близок ему осколок надписи случайного происхождения, опубликованный В. В. Ла-

¹ IOSPE, I², № 179; 180; 201, I, 40; IOSPE, II, 5.

² См. рис. 3 в статье Т. Н. Книпович «Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг.» в настоящем сборнике.

тышевым под рубрикой «Varia»³: совпадают не только начертания букв, но и их размеры.

Большинство эпитафических памятников агоры датируется IV—III вв. до н. э. Для наиболее поздних надписей характерно употребление курсивных форм ε, ο, σ, ω (табл. II, 1). Они очень близки по шрифту списку ольвийских граждан⁴. В. В. Латышев отмечал, что палеографические особенности побуждают относить список ко II в. до н. э., но, исходя из сопоставления имен, был склонен датировать его III в. до н. э.⁵ До раскопок агоры список граждан стоял особняком среди эпитафических памятников Ольвии догетского периода; в настоящее время насчитывается уже несколько надписей подобного типа, которые по шрифту должны быть датированы не ранее II в. до н. э. Они свидетельствуют о распространенности в Ольвии письма с употреблением курсивных форм уже в позднеэллинистический период.

По содержанию все надписи делятся на две группы: 1) посвящения и 2) государственные постановления. Среди последних значительную часть составляют декреты о проксении, по-новому освещающие экономические связи Ольвии в IV—III вв. до н. э.

Один из таких декретов был найден на дне общественного водоема. Сохранилась верхняя часть надписи в честь херсонесца Дионисия, сына Тагона, конца III в. до н. э.⁶ Декрет в честь сыновей херсонесца Аполлония, также происходящий из раскопок агоры, подтверждает дружественные взаимоотношения между Ольвией и Херсонесом в III в. до н. э.⁷

Особый интерес представляет серия декретов о проксении, найденных в 1954—1955 гг. Два из них — декреты в честь афинян и гераклеотов — дошли до нас полностью. Они были найдены к востоку от храма IV в. до н. э. на глубине 0,6 м. Декрет в честь афинян⁸ высечен на плите из плотного мелкозернистого белого мрамора. Эта плита слегка расширяется книзу; сверху она была украшена рельефным фронтоном с тремя акротериями (табл. 1, 1). Фронтон частично сбит. Нижняя часть плиты также сбитая, но текст декрета сохранился полностью. Местами имеются мелкие выбоины.

Размеры: высота плиты с фронтоном — 53 см, высота поля с надписью — 45,5 см; ширина поля с надписью сверху — 24 см, внизу — 29 см; толщина плиты сверху — 7 см, внизу — 5 см; ширина фронтона: сохранившаяся — 21,5 см, восстанавливаемая — 27 см; фронтон на 13 мм выступает над полем плиты и боковыми сторонами; высота букв — 12 мм.

Задняя сторона обработана грубыми сколами, свидетельствующими о том, что плита была вставлена в кладку или нишу. Боковые стороны и верхняя поверхность несут следы сглаживающего инструмента; лицевая часть плиты тщательно отшлифована.

Надпись, состоящая из 18 строк, вырезана очень четко; буквы сильно углублены в мрамор.

Текст

1. Ἀγαθεῖ τῶχει.
Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν
Ἐανθίππωι Ἀριστο-

³ IOSPE, I², № 307

⁴ IOSPE, I², № 201.

⁵ В. В. Л а т ы ш е в. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 130; см. также комментарии к IOSPE, I², № 201.

⁶ ВДИ, 1951, № 1, стр. 142 и сл.

ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 и сл.

⁸ Ивв. № 2269, 0 54.

- φῶντος Ἐρχίει,
 5. Φιλοπόλιδι Φιλοπόλιδος
 Δειραδιώτει Ἀθηναίοις
 αὐτοῖς καὶ τοῖς ἐγγόνοις
 προξενίαν, πολιτείαν,
 ἁτέλειαν, πάντων
 10. χρημάτων, ὧν ἂν αὐτοὶ
 εἰσάγωσιν ἢ ἐξάγωσιν
 ἢ παῖδες, ἢ ἀδελφοὶ
 οἷς κοινὰ τὰ πατρῷα,
 ἢ θεράποντες καὶ
 15. εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν
 καὶ ἐν εἰρήνῃ καὶ ἐμ πο-
 λέμῳ ἀσυλεῖ καὶ
 ἀσπονδεῖ.

Перевод

«С добрым счастьем! Ольвиополиты дали Ксантишпу, сыну Аристофонта, Ерхийцу, Филополиду, сыну Филополида, Дейрадиоту — афинянам, им самим и потомкам их проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы ни ввезли или не вывезли они сами, или [их] дети, или братья, у которых отцовское имущество общее, или слуги, и [дали] право входа [в гавань] и выхода, как в мирное, так и в военное время, неприкосновенно и беспрепятственно»⁹.

Содержание надписи дает некоторые указания для решения вопроса о времени ее обнаружения. Она представляет почти точную копию декрета о проксении в честь Херигена, сына Метродора. В. В. Латышев был склонен первоначально относить этот декрет к V в. или первым десятилетиям IV в. до н. э.¹⁰, затем более определенно датировал первыми десятилетиями IV в. до н. э.¹¹ Обращает на себя внимание краткость формулировок; постановление не содержит перечисления заслуг чествуемого лица, что характерно для проксений этого времени. Начиная с III в. до н. э., всегда упоминалось лицо, выступавшее с докладом о заслугах того или иного гражданина (такой-то εἶπεν), и лишь после более или менее развернутой мотивировки принятого решения шел перечень наград или привилегий¹². Также следует отметить, что постановление дается только от лица народа (Ὀλβιοπολίται ἐδωκαν); начиная с III в. до н. э., решение всегда выносилось советом и народом (ἔδοξε βουλῆ καὶ δήμῳ).

Большой интерес представляют указания на происхождение чествуемых лиц. П. Фукар, посвятивший афинским декретам IV в. до н. э. специальную статью, отмечает, что во всех афинских декретах, предшествующих времени Евклида и после Евклида до 353 г. до н. э. к имени оратора никогда не прибавлялось ни имени отца, ни наименования дема, а начиная с 349 г., эти указания обязательны¹³. В подтверждение своего наблюдения П. Фукар приводил пример, когда в декрете 347/346 г. докладчик упомянут как Στέφανος Ἀντιδωρίδου Ἐ[ροιάδης], а тот же докладчик в декрете 368/367 г. именуется просто Στέφανος. Таким образом,

⁹ Более точный перевод — «без разграбления и без договора».

¹⁰ В. В. Л а т ы ш е в. Ук. соч., стр. 219.

¹¹ IOSPE, I², № 20.

¹² IOSPE, I², № 27.

¹³ P. F o u c a r t. Décrets athéniens du IV siècle. BCH, 1888, XII, стр. 175 и сл.

Таблица I.

1 — декрет о проксении в честь афинян; 2 — декрет о проксении в честь гераклеотов.

само содержание декрета в честь афинян указывает, что он должен быть датирован IV в. до н. э., причем не ранее середины этого века.

Эпиграфические данные не противоречат этому выводу. В надписях IV в. до н. э. постоянно встречается Σ аналогичной формы с раскосыми чертами, Γ с укороченной правой вертикалью и с горизонталью, не выходящей за пределы боковых черточек, Μ с раскосыми чертами и др. Следует отметить выдержанную форму Ε, у которого верхняя горизонталь везде довольно сильно выступает за линию нижних¹⁴. Буквы Ο, Θ, Ω мельче остальных. Общий стиль письма выдержан, четок. Характерно также то, что резчик старался, по возможности, не членить отдельные слова, вследствие этого не все строки доходят до правого края плиты; иногда размеры свободного пространства довольно значительны, как например, в 4, 14 и 17-й строках. Вместе с тем наблюдается известная небрежность в написании отдельных букв¹⁵. Вначале резчик писал без предварительной разметки строк, поэтому не везде строго выдержано их горизонтальное положение: замечается тенденция некоторого повышения строк к правому краю, отчетливо выступающая, например, в 9-й строке. Отдельные буквы выходят из общей линии строки. Очевидно, заметив этот недочет, резчик пытался выпрямить текст и, начиная с 13-й строки, провел едва заметные горизонтальные линии. В начале 7-й строки он ошибся при написании слова αἰτός и на ходу исправил ошибку.

Учитывая все изложенное, следует признать, что новый декрет в честь афинян моложе декрета в честь месембрийца Херигена и должен быть датирован не ранее середины IV в. до н. э. Отметим также, что, в отличие от проксении в честь Херигена, здесь мы имеем полнсе окончание в словах ἀσυλεῖ, ἀσπονδεῖ, тогда как в декрете в честь Херигена сохраняется архаическая форма: ἀσυλέ, ἀσπονδέ.

Обращает на себя внимание необычная для надписей Северного Причерноморья, — как в раннее, так и в позднее время, — замена ηι—εῖ в написании Ἀρχαῖη τῶν ἡ, а также замена κ—γ в слове ἐκγόνοις¹⁶.

Чисто греческие имена Ξάνθιππος, Ἀριστοφῶν, Φιλόπολις, не характерные для Северного Причерноморья, встречаются в его надписях впервые. притом среди имен иностранцев. Имя Ξάνθιππος в Греции очень распространено; имена Ἀριστοφῶν и Φιλόπολις довольно редки¹⁷.

Дем Ерхия (Ἐρχεῖος), входивший в состав срединного округа, является одним из больших демов Аттики, родиной Ксенофонта и Псократа. Дем Дейрада (Δειράδης), принадлежавший к береговому округу, имел меньшее значение¹⁸.

¹⁴ Аналогичную этой форме мы нашли только в одной ольвийской надписи III в. до н. э., недавно опубликованной А. А. Белецким в статье «Греческая надпись на базе статуи из Ольвии» (ВДИ, 1955, № 2, стр. 180 и сл.). На стр. 181 автор дает описание пропорций этой буквы. Однако форма Ε в указанной надписи не всегда строго выдержана.

¹⁵ Ср., например, Σ в 3 и 17-й строках, Ν в 10 и 11-й строках и др.

¹⁶ Пример замены ηι—εῖ имеется в одной ольвийской надписи IV в. до н. э. (IOSPE, I², № 25) в слове ἀφαιρήμεν. П. Шантрон отмечает, что в аттических надписях, начиная с IV в. до н. э., встречается εῖ вместо ηι (П. Шантрон. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 36). К. Мейстерханс, разбирая аттические надписи, указывает, что наиболее ранний пример замены ηι—εῖ относится к 372 г., но в IV в. до н. э. преобладает правописание через ηι (К. Meisterhans. Grammatik der attischen Inschriften. Berlin, 1885, стр. 18).

¹⁷ Сошлемся на РВ.

¹⁸ В свете новых данных декрета в честь афинян встает вопрос, — не следует ли пересмотреть объяснение места происхождения чествуемого лица в боспорском декрете Перисада и его сыновей (IOSPE, II, № 4). Указание, что проксения была дана...сыну Дионисия; пирейцу (...Διονυσίου Πειραιῆ), обычно трактуется из сопоставления

Богатый вещественный материал аттического производства, находящийся в Ольвии, свидетельствовал и ранее, что Ольвия, для которой торговля была основой экономического благополучия, имела торговые сношения с Афинами, начиная еще с VI в. до н. э. Однако если для Боспора торговые связи с Афинами, кроме археологических находок, засвидетельствованы и в речах Исократ и Демосфена, а также в афинских декретах, сношения Ольвии с Афинами не нашли отражения в письменных источниках, кроме упоминаний афинян в ольвийских надгробиях и на базе статуи¹⁹. Это дало основание М. И. Ростовцеву утверждать, что Ольвия со второй половины V в. до н. э. была в стороне от интересов Афин, переключивших все свое внимание на Боспор²⁰. Между тем вещественный материал из раскопок Ольвии указывает, что если в первой половине V в. до н. э. наблюдается известное снижение аттического импорта, то со второй половины V в. и особенно в IV в. до н. э. среди привозной чернолаковой керамики большой процент принадлежит посуде аттического производства. С этой точки зрения, новая проксения в честь Ксантиппа и Филополида, являющаяся документальным свидетельством связей Ольвии с Афинами в IV в. до н. э., представляется весьма существенной. Не указывает ли новая проксения, что если Боспор и был в IV в. до н. э. главным поставщиком хлеба в Афины, немаловажное значение для Афин имела также и пшеница, доставлявшаяся с полей ольвийской хоры? Вторая половина IV в. до н. э. была как раз временем, когда вокруг Ольвии возник целый ряд новых земледельческих поселений. Во всяком случае, положение М. И. Ростовцева следует окончательно отвергнуть.

Большой научный интерес представляет также декрет в честь гераклеотов, исключительный по своей сохранности.

Декрет в честь гераклеотов высечен на плите, которая по размерам и форме почти полностью совпадает с проксениями месембрийцу и афинянам; почти дословно совпадают и тексты постановлений (табл. I, 2). Это подтверждает, что стандартные декреты о проксении вырезались на плитах стандартных размеров.

Размеры: высота плиты с фронтоном—66,5 см; высота поля с надписью—56,7 см; высота поля, занимаемого текстом,—3,3 см; ширина плиты сверху—26,5 см, внизу—30 см; толщина плиты—от 4,5 до 7 см; ширина фронтона—28,8 см; фронтоны на 8 мм выступают над полем плиты и ее боковыми поверхностями; высота букв—13 мм.

Лицевая поверхность плиты тщательно обработана; на боковых и верхней поверхностях заметны следы инструмента. Задняя сторона грубо отесана.

Текст

1. Ἀγαθῆ: τῶχη:.
᾽Ολβ:οπολίται: ἔδωκαν
τοῖς Ἡεροπόου καίσιν

Пирея с Амисом; надпись рассматривают как проксению в честь жителя последнего. Подобное толкование было вызвано тем, что к слову Πειρασί, которое мы склонны толковать как демотикон по аналогии с ольвийским декретом в честь афинян, не было прибавлено ἐθυσίον. Нам кажется, что если для афинян, происходивших из второстепенных демов Ерхия и Дейрады, указание на ἐθυσίον было необходимым, для уроженца Пирея этого не требовалось. Главная гавань Афин—Пирей была хорошо известна в Северном Причерноморье и на Боспоре в особенности. В честь того же Перисада и Спартака афинянами был поставлен в Пирее почетный декрет, который должен был стоять «возле плиты Сатира и Левкона» (IG, II², № 212; Syll.³, 206). Копии этих декретов стояли в Пантикапее. Не было надобности подчеркивать, что пиреец являлся афинянином.

¹⁹ IOSPE, I², № 232, 271; ИРАИМК, IV, стр. 81 и сл.

²⁰ M. R o s t o v t z e f f. Bosphoran Kingdom. САН, VIII, стр. 566 и сл.

- Θεοφάνει καὶ Ἀρίστῃ
 5. Ἡρακλεώταις αὐτοῖς
 καὶ ἐκγόνοις προξενίαν, πολιτείαν,
 ἁτέλειαν πάντων
 10. χρημάτων ὧν ἂν αὐτοὶ
 εἰσάγωσιν ἢ ἐξάγωσιν ἢ θεράποντες
 καὶ εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν καὶ ἐμ-
 λέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ
 15. ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ.

Перевод

«С добрым счастьем! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Теофану и Аристу, гераклеотам, им самим и потомкам их проскению, права гражданства, освобождение от пошлин за все товары, какие бы ни ввезли или не вывезли они сами, или слуги, и [дали] право входа [в гавань] и выхода как в военное, так и в мирное время, неприкосновенно и беспрепятственно».

Как уже отмечалось, само содержание декрета — краткость формулировки — указывает, что он должен быть отнесен ко времени не позднее IV в. до н. э.

Эпиграфические особенности надписи не противоречат этому. Характерны для IV в. до н. э. формы Σ, Π, Μ и др. Как и в декрете в честь афинян, Ο, Θ, Ω мельче остальных букв. Обращает на себя внимание, что и здесь резчик старался, по возможности, не членить отдельные слова, вследствие чего некоторые строки оказались недоведенными до края плиты. Вначале он также писал, очевидно, без предварительной разметки строк; постепенно сбиваясь от прямолинейности, резчик пытается выправить ошибку и, начиная с 10-й строки, проводит едва заметные линии. Надпись очень четкая, но в целом вырезана небрежнее, чем декрет в честь афинян²¹. Буквы менее глубоко вдаются в мрамор, линии их местами изломаны, например, Ε в 14-й строке, Τ в 9-й строке и др. Все это, как нам кажется, свидетельствует что декрет в честь гераклеотов должен быть несколько позднее декрета в честь афинян и, скорее всего, был вырезан в последней четверти IV в. до н. э.

Имя Θεόπροπος не встречается в Северном Причерноморье, за исключением одной из ольвийских надписей первых веков нашей эры²². В Греции это имя было довольно распространенным. Характерно, что имя одного из сыновей — Θεοφάνης, которое не встречается в Ольвии, известно на херсонесских надгробиях III в. до н. э.²³ и в более позднем декрете Херсонеса²⁴. Необычно имя второго сына, которое в дательном падеже имеет форму Ἀρίστῃ²⁵. Впервые в надписях Ольвии IV в. до н. э. упоминается Гераклея.

²¹ Ср., например, Ν в 8 и 9-й строках, Σ, у которой иногда нижняя черта почти прямая (15-я строка), различное написание Ε и др.

²² IOSPE, I², № 231.

²³ IOSPE, I², № 510, 581.

²⁴ IOSPE, I², № 710.

²⁵ Вероятно, следует допустить сделанную резчиком ошибку — пропуск ε в окончании падежа, — считая, что это имя — Ἀρίστης. Или это — дорическое имя Ἀρίστας, которое в родительном падеже оканчивается на α? В РВ имя Ἀρίστας отмечено как встреченное у Павсания и в Смирне. В Северном Причерноморье оно встречается впервые, но имена на -ας с родительным падежом на α имеются в надписях Ольвии, Херсонеса, Боспора и среди амфорных клейм. Так, например, среди местных

До сего времени основным источником для установления наличия связей Ольвии с Гераклеей в IV в. до н. э.²⁶ служили амфоры с энглифическими клеймами, центр производства которых был установлен Б. Н. Граковым²⁷. Для более позднего времени имелись данные лапидарной эпиграфики, говорящие об этих связях во II—III вв. н. э.²⁸

То же следует отметить и в отношении нового декрета в честь Делоптиха, сына Мениска, жителя города Византия²⁹ (табл. II, 2). Сохранилась верхняя часть декрета, найденная на глубине 0,65 м в культурном слое, связанном с разрушением агоры. Здесь же было обнаружено 5 мелких осколков от венчавшего декрет фронтона.

Мрамор — белый, с серыми прожилками, среднезернистый, плотный. Книзу плита слегка расширяется. Скол идет справа налево, начиная от 3-й строки.

Размеры: сохранившаяся высота плиты с фронтоном — 27,5 см; высота поля с надписью — 15 см; ширина поля с надписью — 24 см; толщина плиты 5,5 см слева и 7 см справа; ширина фронтона (сохранившаяся) — 26 см; фронтон выступает над полем плиты на 7 мм; высота букв — 10—12 мм.

Задняя сторона обработана неравномерными, грубыми сколами, вследствие чего толщина плиты неодинакова. Верхняя поверхность также обработана суммарно и лишь по переднему краю ее идет узкая отесанная полоска. На боковых сторонах видны следы инструмента. На лицевой, гладко отшлифованной поверхности также заметны следы сглаживавшего инструмента, в виде тонких линий, идущих в различных направлениях.

Сохранились частично 6 строк надписи и начальная буква седьмой строки. Надпись вырезана четко.

Текст

1. Ἀγαθῆι τῶχηι.
Ὀλβιοπολίται ἔδωκαν
Δηλοπτίχῳ Μενίσκῳ]
Βυζάντιῳ αὐτῶι καὶ]
5. ἐκγόνοις [προῖενίαν]
πολιτείαν, ἀτέλειαν]
π[άντων χρημάτων]

Перевод

«С добрым счастьем! Ольвиополиты дали Делоптиху, сыну Мениска, византийцу, ему самому и потомкам [проксению], право гражданства...»

По содержанию этот декрет примыкает к группе проксений IV в. до

имен Ольвии позднего времени имеется имя Γελας (IOSPE, I², № 83, 99); в Херсонесе часто встречается имя Ἡρακλείδης (там же, № 343 и др.); см. также Ῥινίας (№ 403, A₁₁), Σχόθης (№ 403, A_{9,10}) и др. Имена на -ας с родительным падежом на α имеются в клеймах не только Гераклеи, но и Синопы. Среди родосских клейм есть имя Ἀρίστας (F. Hiller v. Gaertringen — P.-W., Suppl. V, Rhodos).

²⁶ Наблюдения последних лет говорят о значительном ввозе продукции Гераклеи в Ольвию в IV в. до н. э.; укажем, например, погреб-яму, открытую в 1947 г., в которой оказалось 59 целых амфор, среди них подавляющее большинство — гераклеийского производства. Т. Н. Кн и п о в и ч. Ольвийская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 21—29.

²⁷ Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Труды ГИМ, вып. I, 1926, стр. 165 и сл.

²⁸ В почетном ольвийском декрете в честь Феокла, сына Сатира, в числе городов, увенчавших Феокла золотым венком, указана Гераклея Понтийская (IOSPE, I², № 40).

²⁹ Инв. № 2824, 0/54.

Таблица II.

1 — фрагмент почетного декрета II в. до н. э.; 2 — фрагмент декрета о провсении в честь византийца; 3 — фрагмент декрета о провсении в честь архоменца; 4 — фрагмент почетного декрета в родосца.

н. э. и может быть легко восстановлен по их образцу. Палеографические данные не противоречат этому определению; формы П, М, Ν, Σ постоянно встречаются в надписях IV в. до н. э.; характерно и отсутствие украшений на концах букв. Как и в декрете в честь афинян, верхняя горизонталь Ε местами длиннее нижних. Однако общий стиль письма, известная небрежность в написании отдельных букв (например, Ε во 2-й и 5-й строках, Ω — во 2-й, 3-й и 4-й строках) свидетельствуют, что декрет, в честь византийца, скорее всего, следует относить ко времени не ранее последней четверти IV в. до н. э.

Найденная на агоре надпись показывает, что торговые связи между Ольвией и Византием установились значительно раньше I—II вв. н. э., как это можно было думать на основании найденной в Ольвии копии декрета, поставленного в I в. н. э. византийцами в честь ольвиополита Оронта, сына Абабы³⁰, и упоминания Византия в декрете в честь Феокла (II—III вв. н. э.)³¹. В IV в. до н. э. Византий являлся центром транзитной торговли, IV—III вв. до н. э. были периодом его особенного расцвета³². Возможно, что Ольвия была заинтересована в Византии и как в центре транзитной торговли, например, для вывоза хлеба в Афины. Но за неимением твердых данных решать этот вопрос не представляется возможным.

Привлекает внимание имя Делоптиха, довольно редкое, встречающееся в немногих надписях Греции. Интересно, что среди боспорских посвященных надписей IV—III вв. до н. э. имеется посвящение Афродите за брата, принесенное Тейсием, сыном Делоптиха, византийца³³. Такое совпадение редкого имени с одним и тем же ἐθνηκόη в двух близких по времени надписях Северного Причерноморья вряд ли случайно. Возможно, что Тейсий был сыном того Делоптиха, который был проксом Ольвии. Начав торговую деятельность с северо-западного побережья, эта семья распространила ее затем и на восточную часть Понта.

Совершенно новые сведения дает проксения в честь жителя Орхомен, найденная в 1955 г. на дне цистерны глубиной 8 м. Сохранилась верхняя часть плиты, украшенная фронтоном с тремя акротериями. Скол идет наискось, слева направо, начиная от 4-й строки (табл. II, 3)³⁴. Мрамор — крупнозернистый, не очень плотный, с большим количеством блесков на отшлифованной лицевой поверхности; возможно, мрамор — фасосского происхождения. Плита была, очевидно, в огне, следы которого отчетливо выступают на левом акротерии.

Размеры: высота плиты с фронтоном — 22,5 см; высота поля с надписью — 13,5 см; ширина поля вверху — 22,2 см, внизу — 22,5 см; ширина фронтона — 26 см; толщина плиты — 7 см; фронтоны на 15 мм выступают над полем надписи и боковыми сторонами; высота букв — 14 мм.

Задняя сторона плиты обработана грубыми сколами, подобно другим декретам о проксении; вверху сколы слегка сглажены. На верхней и боковых поверхностях отчетливо выступают следы инструмента, лицевая — тщательно отшлифована.

Надпись вырезана очень четко, аккуратно. Буквы глубоко вдаются в мрамор. Сохранилось 6 строк, из них полностью — только 3 верхние строки.

³⁰ IOSPE, I², № 79, см. также № 41.

³¹ IOSPE, I², № 40.

³² В. П. Невская. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, стр. 128.

³³ IOSPE, II, № 21.

³⁴ Инв. № 2563, 0/55.

Текст

1. Ὀλβιοπολίται
 Ἀριστάνδρῳ
 Μελίσσου
 Ὀρχομενίῳ
5. [ἐξ Ἀρ]καδίας
 [ἔδωκαν] προξενίαν

Перевод

«С добрым счастьем! Ольвиополиты Аристандру, сыну Мелисса, орхоменцу Аркадии, [дали] проксению...»

Начало 3-й строки мы восстанавливаем Ἀρ]καδίας; основанием для этого восстановления служит окончание καδίας; количество восстанавливаемых букв соответствует имеющемуся пространству. В Греции, помимо более известного Орхомена в Беотии, был другой одноименный город в Аркадии. Указанием Аркадии хотели подчеркнуть ἐθνικόν чествуемого лица.

Опять перед нами краткая формулировка предоставленных привилегий без указания заслуг чествуемого лица. Трафаретность содержания позволяет легко восстановить текст по образцу декретов в честь мессембрийца, афинян, гераклеотов. Небольшая разница заключается в порядке фраз. Обычно вначале указывается, что ольвиополиты дали такому-то проксению и т. д., здесь же после Ὀλβιοπολίται: сперва следует имя и ἐθνικόν чествуемого лица, а затем уже глагол ἔδωκαν.

Надпись вырезана очень тщательно, по линейкам, подчеркивающим начало и конец каждой строки. Стремление не членить отдельные слова привело к тому, что 3-я строка отступает от края плиты на расстояние, равное количеству 4—5 букв³⁵. Вместе с тем слово προξενίαν, не умещавшееся в 6-й строке, было к концу сильно сжато. Все буквы — одинаковой величины, в отличие от разобранных выше декретов. Надпись настолько аккуратно вырезана, что отдельные буквы совершенно идентичны, например две Σ в 3-й строке, Ο и др. Общий стиль надписи заставляет считать ее одной из наиболее ранних проксений агоры и относить еще к первой половине IV в. до н. э.

Обращает на себя также внимание очень четкая профилировка карниза, которая имеется и на боковых сторонах. Фронтон довольно сильно выступает над полем плиты и боковыми поверхностями (15 мм). Наблюдение над профилировкой плит проксений IV—III вв. до н. э. показывает, что чем декрет моложе, тем менее четки профилировка карниза и выступ фронтона. Так, в декрете в честь афинян фронтон выступает на 13 мм, в декрете в честь гераклеотов — на 8 мм, в проксении в честь византийца — на 7 мм, а в проксении конца III в. до н. э. в честь Дионисия — всего на 4 мм. Очевидно, меньшая четкость профилировки карниза и менее значительный вынос фронтона над полем с надписью являются одним из признаков более позднего времени.

Имя Ἀριστάνδρος в надписях Северного Причерноморья встречается впервые. Довольно редко оно было в употреблении и в Греции. Интересно, что это имя носит еще один орхоменец³⁶. Имя Μελίσσος встречается в греческих городах очень часто; в надписях Северного Причерноморья оно отсутствует.

³⁵ Сохранились следы 4-х букв, затем выскобленных; вместо Ο вырезана Υ.

³⁶ См. РВ.

Декрет в честь Аристандра указывает на установление сношений Ольвии с Аркадией в первой половине IV в. до н. э. Очевидно, торговые связи Ольвии в этот период были уже достаточно широки.

Упоминание аркадян в надписях Северного Причерноморья встречалось и ранее. Так, в одном из декретов Боспора, который В. В. Латышев датировал 369 г. до н. э., речь идет о постановлении аркадян в честь Левкона, сына Сатира³⁷. Новая ольвийская проксения говорит о том, что роль экономических сношений с Аркадией была, очевидно, не столь незначительна, как это представлялось до настоящего времени, и связи с Аркадией распространялись не только на восточную, но и на западную область Северного Причерноморья. Характерно, что обе надписи относятся примерно к одному и тому же времени.

Несколько выпадает из общего стиля рассмотренных выше декретов почетный декрет в честь жителя Родоса. Разница замечается не только в тексте постановления, но и в его внешнем облике (табл. II, 4).

Плита высечена из белого мелкозернистого мрамора средней плотности. Сохранилась верхняя левая часть плиты с неполными 8 строками текста. Местами имеются мелкие сколы. Плита была украшена по краям пилястрами, а сверху — плоской рамкой, выступающей на 16 мм над полем надписи. Надпись начинается на расстоянии 9 см от края обрамления. В центре свободного пространства (13,5 см от левого пилястра), в квадратном углублении (8 × 8 см) помещено рельефное изображение человеческого лица в фас.

Размеры: высота плиты с обрамлением — 27 см; высота рамки — 4,3 см; ширина плиты с пилястрами — 24,5 см; ширина пилястра — 4,5 см; размер букв — 12 мм; рельеф углублен в мрамор на 12 мм.

Задняя и верхняя поверхности обработаны мелкими сколами, боковая — отесана более тщательно. На лицевой отшлифованной поверхности заметны тонкие линии — следы сглаживавшего инструмента (рашпиля?).

Надпись четкая, буквы довольно глубоко врезаются в мрамор. Текст несколько поврежден, но читается довольно свободно.

Размеры плиты легко восстанавливаются, так как нам известна ее середина, линия которой должна проходить по середине лица. Отсюда легко восстановить размеры поля с надписью и определить примерное количество букв в строке. В сохранившейся левой половине количество букв колеблется от 10 до 11; следовательно, в среднем, в строке могло быть от 20 до 22 букв. Основываясь на текстах почетных декретов III в. до н. э. и исходя из того, что в строке не могло быть более 24 букв, даем следующее предварительное восстановление:

Текст

1. Ἐδοξε βουλῆ: καὶ δήμῳ
Ἀκάρδινο(ς) Μηνί[σκου εἶ-]
πεν. Ἐπειδὴ Ἀγῆ[σαρχος Ἀγῆ-]
σάνδρου Ρό[διος.]
5. ὧν εὐνοῦς[διατελεῖ τῆ: πόλει]
καὶ τοῖς [ἐντυγχάνουσιν αὐτῶ:]
τῶν πολ[ιτῶν.]
χρείας παρ[έχεται.]

³⁷ IOSPE, II, № 4.

Перевод

«Совет и народ постановил. Акадин, сын Мени[ска], предложил. Так как Аге[сарх, сын Аге]сандра, родосец... пребывает благосклонным к городу и обращающимся к нему гражданам... услуги оказывает...»

Мы восстанавливаем ἐθνικόν по отчетливо сохранившимся буквам ΡΟ и частично дошедшим Δ и Ι. Имя чествуемого лица — Ἀγήταρχος или Ἀγήταρχος — восстанавливается нами чисто условно, как и имя отца — Ἀγήτανδρος. Имя Ἀγήταρχος в надписях Северного Причерноморья не встречается. В одной из посвященных надписей Боспора упоминаются 3 брата, родосцы, сыновья Агесиарха (Ἀγητάρχου)³⁸. Имя Ἀγήτανδρος довольно обычно в Греции, в частности, на Родосе. Любопытно, что среди скульпторов Родоса известен Ἀγήτανδρος Ἀγητάνδρου, принимавший участие в создании Лаокоона³⁹.

Имя Ἀκίδιμος встречается впервые в надписях Северного Причерноморья; его нет и в ΡΒ. Безусловно, это имя — местное, представляющее большой интерес⁴⁰. Имя отца Μητίσχος среди изданных надписей Северного Причерноморья имеется только в боспорском надгробии, поставленном в I в. н. э. гражданке города Амиса — Клеопатре, дочери Мениска (Μητίσχου)⁴¹. В Греции это имя встречается редко, но то же имя с вместо η (Μετίσχος) — довольно часто.

По содержанию декрет в честь родосца сближается с декретами III в. до н. э., в которых, как мы отмечали, указывается лицо, внесшее предложение, и приводится мотивировка постановления. Постановление выносятся уже не от имени народа, а от лица совета и народа.

Палеографические данные также говорят в пользу отнесения декрета в честь родосца к III в. до н. э. Характер буквы Μ, вертикали которой более прямолинейны, чем в декрете IV в. до н. э., и буквы Ε с укороченной средней горизонталью, некоторое стремление приукрасить буквы, правда, еще не очень четко выраженное, говорят в пользу датировки декрета временем не ранее III в. до н. э. Следует отметить также употребление лунарной сигмы. Той же формы сигма имеется в ольвийской надписи Клеомброта III в. до н. э., в которой говорится о постройке пилона и прясла стены⁴².

Новым для надписей Северного Причерноморья является помещение рельефа на почетном декрете. В квадратной рамке изображена мужская голова впрямь; вьющиеся волосы обрамляют довольно спокойное, молодое лицо. Нос сильно поврежден. Обращает на себя внимание передача слегка опущенных век; углы рта подчеркнуты буравчиком. Стилль рельефа не противоречит отнесению декрета к III в. до н. э.

Портретные изображения, как например, на афинском декрете в честь сыновей Левкона, обычно помещались лишь при особо выдающихся заслугах чествуемых лиц; большей частью изображения на плитах принадлежат богам. Вероятнее всего, что рельефная голова на вновь найденном декрете, носящая черты идеализации, представляет собой не портрет, а изображение божества, в данном случае — Гелиоса, который является одной из эмблем Родоса и постоянно встречается на монетах этого города и на клеймах амфорных ручек.

³⁸ IOSPE, II, № 35.

³⁹ Полагаем, что резчик допустил ошибку в написании имени Ἀκίδιμος, вырезав ο вместо ζ.

⁴⁰ В ΡΒ отмечено только близкое имя Ἀκίδας, с родительным падежом на α.

⁴¹ IOSPE, II, № 286.

⁴² IOSPE, I², № 180

Надпись в честь родосца еще раз подчеркивает широкие торговые связи Ольвии с Родосом в III в. до н. э., хорошо известные и по ранее найденным эпиграфическим памятникам⁴³, и по большому количеству родосских амфор. Особый интерес надписи заключается в том, что она дает чрезвычайно ценный материал для изучения местной скульптуры Ольвии эпохи эллинизма.

Итак, декреты о проксении, найденные за последние годы, расширили наши представления об экономических связях Ольвии с городами Черного и Средиземного морей. В надписях догетской эпохи, известных до раскопок ольвийской агоры, иностранцы упоминаются довольно редко. Это 4 проксении IV в. до н. э. и 2 проксении III в. до н. э.⁴⁴ В одной из них идет речь о месембрийце Херигене, сыне Метродора⁴⁵. Проксения IV в. до н. э., предоставленная ольвиополитами сыну Дионисия, которая была найдена в Херсонесе с выскобленным еще в древности ἐδύκον, дает основание считать ее копией декрета, стоявшего в Ольвии⁴⁶. В декретах III в. до н. э. упоминаются житель Каллатии Навтим, сын Пасиады, и родосец Елланик⁴⁷.

Косвенным доказательством связей Ольвии с отдельными городами служат также имена иностранцев, встречающиеся на другого рода памятниках Ольвии. Так, например, афиняне упоминаются в надгробиях дважды: в V—IV вв. до н. э. — Сосий, сын Кефала⁴⁸, в надписи III в. до н. э. — Аркефон, сын Кефисодота⁴⁹; на базе статуи (?) IV в. до н. э. — Пракситель⁵⁰. В надгробии III в. до н. э. упоминается также Сатир, сын Дионисия, месембриец⁵¹. В значительно более поздней надписи времен Митридата идет речь о жителе Амиса⁵². Таким образом, до исследования ольвийской агоры в надписях V—I вв. до н. э. имелось всего 9 имен иностранцев. В настоящее время этот небольшой список пополнился 11 новыми именами, среди них: афиняне Ксантип, сын Аристофонта, и Филополид, сын Филополида; гераклеоты Арист и Феопроп, сыновья Феогена; византиец Делоптих, сын Мениска; орхоменец из Аркадии Аристандр, сын Мелисса; херсонесцы Дионисий, сын Тагона⁵³, Аполлоний и Ефрон, сыновья Аполлония Ефронова⁵⁴; родосец Агесарх, сын Агесандра.

Сопоставив все данные, мы получили следующую картину (см. таблицу).

В надписях V—IV вв. до н. э. упоминаются 1 афинянин, в надписях IV в. до н. э. — 3 афинянина, 1 орхоменец, 2 гераклеота, 1 месембриец, 1 византиец, 1 херсонесец, в надписях III в. до н. э. — 1 афинянин, 1 месембриец, 1 каллатиец, 2 родосца, 4 херсонесца, в надписях I в. до н. э. — 1 амисенец.

Таким образом, изучение эпиграфических памятников дает возможность пополнить наши знания о связях Ольвии с Афинами с конца V в.

⁴³ IOSPE, I², № 30.

⁴⁴ В новейшей литературе краткую характеристику ольвийских проксений, в разрезе их сопоставления с проксениями Херсонеса, дает академик А. И. Тюменев в «Херсонесских этюдах» — ВДИ, 1950, № 4.

⁴⁵ IOSPE, I², № 20. От других проксений этого времени (там же, № 22 и 23) дошли лишь трафаретные формулировки заключительных фраз постановлений.

⁴⁶ IOSPE, I², № 21.

⁴⁷ IOSPE, I², № 27 и 30.

⁴⁸ IOSPE, I², № 232.

⁴⁹ О. Крюгер. Эпиграфические мелочи. ИРАИМК, IV, стр. 81

⁵⁰ IOSPE, I², № 271.

⁵¹ IOSPE, I², № 688.

⁵² IOSPE, I², № 35.

⁵³ ВДИ, 1951, № 1, стр. 142.

⁵⁴ ВДИ, 1953, № 1, стр. 177

Список имен иностранцев, упоминаемых в надписях Ольвии догетского периода

№ по порядку	Имя и отчество	Εθνικόν	Характер надписи	Датировка	Место издания
1	Σωσίας Κεφάλου	'Αθηναῖος	Надгробие	V—IV вв. до н. э.	IOSPE, I ² , № 232
2	Π[ρ]αξιτέλης	'Αθηναῖος]	База статуи (?)	IV в. до н. э.	IOSPE, I ² , № 271
3	*Εάνθιππος 'Αριστοφώντος, 'Ερχιεύς	'Αθηναῖος	Декрет о про- ксии	То же	—
4	*Φιλόπολις Φιλοπυλίδος, Δεραδιώτης	'Αθηναῖος	То же	» »	—
5	*'Αρίστανδρος Μελίδδου	['Ο]ρχομένιος	» »	» »	IOSPE, I ² , № 20
6	Χαιριγένης Μητροδώρου	Μεσημβριανός	» »	» »	—
7	*Θεοφάνης Θεσπρίτου	'Ηρακλεώτης	» »	» »	—
8	*'Αρίστα(ς?) Θεσπρίτου	'Ηρακλεώτης	» »	» »	—
9	*Δηλέπτιχος Μενίσκου	Βυζάντιος	» »	» »	IOSPE, I ² , № 21
10	Δι[ο]νυσίου	Χερσονησίτης	» »	» »	ИРАИМК, IV, стр. 81
11	'Αρχερών Κερσιόδοτου	'Αθηναῖος	Надгробие	III в. до п. э.	IOSPE, I ² , № 27
12	Ναύτιμος Πασιάδα	Καλλατανός	Декрет о про- ксии	То же	IOSPE, I ² , № 688
13	Σάτυρος Διονυσίου	Μεσημβριανός	Надгробие	» »	—
14	*'Απολλώνιος Εύφρονεος	Χερσονησίτης	Почетный дек- рет	» »	ВДИ, 1953, № 1
15	*Εύφρονης 'Απολλωνίου	Χερσονησίτης	То же	» »	Там же
16	*'Απολλώνιος 'Απολλωνίου	Χερσονησίτης	» »	» »	» »
17	*Διονύσιος Θαγώνος	Χερσονησίτης	Декрет о про- ксии	» »	—
18	'Ελλά[ν]χος]	['Ρ]οδῖος	Почетный дек- рет	» »	ВДИ, 1951, № 1
19	*'Αγγ[σ]αρχος 'Αγη[σ]άνδρου	'Ρό[δ]ος]	То же	» »	IOSPE, I ² , № 30
20	Φιλοκράτο[υ]	'Αμισσηός	» »	» »	—
			» »	I в. до н. э.	IOSPE, I ² , № 35

Примечание. Звездочкой отмечены имена в надписях агоры.

до н. э. до III в. до н. э. включительно, с западным побережьем — с начала IV в. до н. э. и в III в. до н. э. (с Месембрией и Каллатией). В IV в. до н. э. Ольвия имела торговые сношения с Орхоменом в Аркадии, во второй половине этого века — с Гераклеей и Византием. Надписи III в. до н. э. свидетельствуют, что установившиеся еще в IV в. до н. э. связи с Херсонесом особенно упрочились в III в.; в это время, как явствует из эпиграфического материала, существенное значение приобрели связи с Родосом. Амис впервые упоминается в более позднее время.

История торговых сношений Ольвии в IV—III вв. до н. э. рисуется значительно полнее, если обратиться к другим источникам — нумизматическим, керамическим, — которые дают указания на целый ряд городов и местностей, не нашедших отражения в лапидарных надписях, как например, Фасос, Синоп, Книд и др., не говоря о торговле с внутренними областями Северного Причерноморья. Однако это выходит за рамки данной статьи, задачей которой было изучение вопроса о торговых сношениях Ольвии в IV—III вв. до н. э. по материалам новых эпиграфических находок.

М. П. МАКСИМОВА

ФРАГМЕНТ КОСТЯНОГО ПЕРСТНЯ ИЗ ОЛЬВИИ

В 1948 г. при раскопках Ольвии был найден щиток от костяного перст-
ян с изображением женской головы в профиль¹ (см. рисунок). Овальный,

Щиток от костяного перстня с изображением
женской головы в профиль (Ольвия).

с помощью малого резца было вырезано изображение в овале и от-
полировано. С внутренней стороны перстень срезан и обработан абра-
зивом.

почти круглый щиток перстня (диаметр — 32 — 35 мм) хорошо сохранился, но шинка перстня отломана почти у самого основания. Относительно материала и техники изготовления перстня С. А. Семенов дал следующее заключение: «Материал — трубчатая кость крупного домашнего животного (лошади или осла). Об этом свидетельствует характерная микроструктура костной ткани, отличающаяся наличием пор, расположенных вдоль оси трубчатой кости. Техника изготовления рисуется в такой последовательности. Вначале из трубчатой кости был выпилен сегмент, представлявший собой заготовку в виде короткого, полого цилиндра. Затем

¹ Обстоятельства находки этого памятника, согласно сообщению Л. М. Славина, следующие: щиток перстня найден в 1948 г. на участке Д в центральной части верхнего города Ольвии. Культурный слой на этом участке относится к догетскому времени. Щиток найден в зольной яме с обильным материалом, почти целиком относящимся к эллинистическому периоду, в том числе с обломками кровельной черепицы и остродонных амфор. Инвентарный номер щитка — 621-1948.

Есть основание предполагать, что весь перстень (щиток и шинка) вначале был изготовлен как одно целое. Но тонкая шинка сломалась, после чего, возможно, перстень носили на пальце, приделав к нему металлическую шинку, о чем свидетельствуют следы сверления на уцелевших отрезках костяной шинки»².

По всей вероятности, починка перстня была произведена кустарным, домашним способом, о чем говорит характер упомянутого выше сверления³. Интересно отметить, что у немногочисленных, дошедших до нас античных костяных перстней той же формы шинки неизменно бывают сломаны, даже в том случае, когда материалом служит не трубчатая, а слоновая кость.

Тонкая костяная шинка, очевидно, слишком хрупка. Между тем ольвийский перстень, видимо, находился в употреблении довольно долго, так как поверхность изображения, особенно на нижних валиках волос, сильно потерта.

Античных костяных перстней сохранилось немного⁴. Кость как материал для изготовления перстней играла в древности гораздо более скромную роль, чем металл, камень и даже стекло. Тем не менее можно установить употребление перстней из кости в течение весьма длительного периода. Сохранились экземпляры, относящиеся к эпохе раннего эллинизма и последующим векам — вплоть до II—III вв. н. э. Надо полагать, что изготовление перстней из кости сопутствовало производству перстней из более стойких материалов в течение всей античной эпохи, и незначительное количество сохранившихся памятников этого рода объясняется главным образом хрупкостью материала.

Когда же был изготовлен перстень, фрагмент которого найден в Ольвии?

Как известно, форма перстней эволюционирует в течение всего античного периода, благодаря чему памятники этого рода довольно хорошо датируются. Фрагмент перстня из Ольвии не составляет в этом отношении исключения. Дата перстня определяется прежде всего формой его щитка и шинки, а затем деталями прически изображенной на щитке женской головы и стилистическими особенностями.

Перстни с большим овальным щитком, края которого часто выдаются над основанием вырастающей непосредственно из оборотной стороны щитка кольцевидной шинки, выпуклой снаружи, а внутри плоской (последнее — для удобства ношения на пальце), — появляются в период раннего

² Можно отметить еще ряд мелких особенностей технических приемов мастера. Так, бросается в глаза резко очерченная линия контура, особенно у нижней части лица и у шеи. Здесь местами линия раздваивается. Надо полагать, что мастер сперва наметил контур изображения на щитке и снял верхние слои фона. Затем он перешел к обработке головы, и в тех случаях, когда линия контура не совпадала с очертанием законченных форм лица, он не затруднял себя удалением первоначальной линии контура. Во многих местах, но особенно ясно над теменем, виден ряд мелких точек, тянувшийся параллельно верхнему очертанию головы. Это следы острого инструмента, которым мастер делал поперечные нарезки на верхнем валике волос. Эти точки также не были удалены при окончательной отделке изделия. Очень небрежно сглажена (вернее сказать, — соскоблена) поверхность части шеи от мочки уха к спине.

³ На большом отростке шинки просверлены два сквозных углубления — одно (снаружи) большего, другое (внутри) меньшего диаметра. Короткий отросток был просверлен насквозь, но вкось, а не прямо.

⁴ В большом собрании Британского музея на 1654 античных перстня приходится всего 7 костяных (F. H. M a r s h a l l. British Museum. Catalogue of finger rings greek, etruscan and roman. London, 1907, № 1619—1625). В каталоге римских перстней из Рейнских провинций (F. H e n k e l. Die römischen Fingerringe der Rheinlande. Berlin, 1913), где описаны 2243 перстня, упомянуто только 28 перстней из кости.

эллинизма, сменяя гораздо более скромные по размерам и по форме перстни классического времени⁵.

Здесь не место говорить подробно о причинах возникновения в эпоху раннего эллинизма новой формы перстня. Скажем кратко, что это изменение в конечном счете было вызвано рядом причин — расширением торговых связей с Востоком (наплыв ценных пород цветных камней), социальными сдвигами (накопление крупных богатств в руках представителей верхних слоев общества) и развитием ювелирной техники (соединение в одном изделии резного камня и металлической перстневой оправы). В моду вошли массивные, тяжелые перстни с таким большим щитком, что он не умещался на пальце, для которого предназначался перстень, и задевал соседние пальцы. К этой категории принадлежит и фрагмент ольвийского костяного перстня, причем по ряду признаков он тесно смыкается с особой группой металлических перстней, получившей в то время чрезвычайно широкое распространение.

Сохраняя описанную выше форму, металлические перстни эпохи раннего эллинизма разделяются по материалу (золото, серебро, бронза) и способу украшения щитка с вырезанными вглубь или рельефными изображениями. Перстни с углубленными изображениями служили печатями. Рельефные щитки, по всей вероятности, делались в подражание начинавшим тогда входить в моду камням, которые также иногда вставлялись в перстни⁶.

Следует отметить, что среди изображений на этих перстнях доминирует портрет. Конечно, и эта особенность целиком связана с эпохой и со свойственным ей интересом к передаче индивидуальных черт лица. На перстнях портрет собственника печати или могущественного его покровителя, — например царя, — заменил прежние эмблемы богов — процесс, сходный с тем, который происходил в то время с эмблемами монет. Некоторые из подобных портретов, вырезанных на перстнях, достигают поразительной силы реализма, как например, золотой перстень из собрания Государственного Эрмитажа с портретом молодой женщины⁷, золотой перстень в Лувре с портретом одного из Птолемеев⁸, золотой перстень с портретом неизвестного римлянина, найденный в Капуе, подписанный мастером Гераклидом⁹. Замечательный мужской портрет вырезан на серебряном перстне из Малой Азии, подписанном мастером Филоном¹⁰. Среди портретов на бронзовых перстнях также встречаются выдающиеся произведения искусства¹¹.

⁵ Указываем на ряд опубликованных перстней этой формы, оговариваясь, что этот список ни в какой мере не претендует на полноту: F. H. Marshall. Ук. соч., № 366, 367, табл. XI (золото со вставной геммой); № 1275, 1280, 1290, табл. XXXI, № 1314, табл. XXXII (бронза); № 1562, 1568, табл. XXXIV (стекло); F. Henckel. Ук. соч., № 1875, табл. LXX.

⁶ См., например, камю с изображением Эрота и бабочки, найденную в Артюховском кургане — ОАК за 1880 г., табл. 3, 9; A. Furtwängler. Antike Gemmen. Berlin—Leipzig, 1900, Bd. III, стр. 152, рис. 106. Интересно, что эта камя просверлена в направлении продольной оси; следовательно, первоначально она предназначалась для ношения на подвижной шпинке, а затем, согласно новой моде, ее вставили в золотой перстень.

⁷ A. Furtwängler. Ук. соч., табл. XXXII, 33.

⁸ Там же, табл. XXXII, 26.

⁹ Там же, табл. XXXIII, 15 = Kleine Schriften, II, München, 1912, стр. 199 и сл., табл. 26, 12. По палеографическим данным А. Фуртвенглер датирует этот перстень III—II в. до н. э.

¹⁰ A. Furtwängler. Ук. соч., табл. XXXIII, 13 = Kleine Schriften, II, стр. 198 и сл., табл. 26, 11.

¹¹ См. например, F. H. Marshall. Ук. соч., табл. XXI, № 1279.

Сравнительно обильные находки показывают, что бронзовые перстни этого типа были предметом широкого потребления, а остатки позолоты на некоторых из них ¹² намекают на стремление придать бронзе вид золота ¹³.

Особенно близки к ольвийскому фрагменту бронзовые перстни той же группы, но с рельефными изображениями. Здесь опять-таки доминируют головы портретного характера, изображенные в профиль ¹⁴, но иногда встречаются также головы и бюсты, переданные впрямь ¹⁵.

В Государственном Эрмитаже хранится один подобный литой бронзовый перстень (инв. № II. 1837. 26), найденный в одной из земляных гробниц на горе Митридата. Изображен на нем бюст женщины с накинутым на голову покрывалом. Черты ее лица носят ярко выраженный, индивидуальный, негреческий характер.

Прямые аналогии разбираемому костяному щитку перстня, т. е. остатки перстней той же формы и из того же материала, как было указано, очень редки. Мне известен лишь щиток из слоновой кости, найденный близ Александрии, описанный, но не изданный в каталоге Ф. Маршалла под № 1619. Изображенную на нем женскую голову Ф. Маршалл сравнивает с портретами Береники II на ее монетах, что как будто определяет датировку перстня III в. до н. э. и портретный характер головы. В каталоге Ф. Генкеля издан еще один щиток перстня из слоновой кости, найденный в Кёльне ¹⁶. По изданию трудно судить о форме перстня, но тип женской головы и ее прическа допускают отнесение перстня к периоду эллинизма.

При датировке ольвийского памятника приходится, таким образом, основываться на близости его по форме с типом перстня, возникшим в период раннего эллинизма, особенно же с группой металлических перстней того времени. К датировке его III в. до н. э. приводит нас и изучение прически изображенной на щитке женской головы.

Эта прическа представляет собой разновидность волнистой прически. Волосы разделялись на пряди, каждая прядь скручивалась и укладывалась затем параллельно соседней в горизонтальном направлении, от лица к затылку; здесь пряди охватывались обручем или повязкой и обычно собирались в один узел. Это наиболее простая и наиболее распространенная форма такой прически, но существовали различные ее варианты, в том числе и очень сложные, как например, у женщины на упоминавшемся выше золотом эрмитажном перстне. Не совсем обычна также волнистая прическа у женщины и на ольвийском перстне: скрученные пряди пере-

¹² См., например, F. H. Marshall. Ук. соч., № 1280.

¹³ Из бронзовых перстней этой категории, найденных в Северном Причерноморье и хранящихся в Государственном Эрмитаже, можно назвать 2 экземпляра с женскими и один с мужским портретами. Последний (ДБК, XVIII, 12) был найден А. Б. Ашиком в кургане у дороги в Чурубаш. Среди вещей, происходящих из той же гробницы, имеется пелика с изображением головы амазонки, относящаяся, по определению Л. Ф. Силантьевой, к последней четверти IV в. до н. э. Женские портреты на двух других перстнях, очень сходные между собой, сильно потерты от длительного употребления. Один из этих перстней (инв. № П.1908. 103) происходит из могилы на Глинище (см. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 88 и сл.), в которой среди прочих предметов был найден глиняный бальзамарий эллинистической эпохи; другой перстень (инв. № П. 1867. 27) найден в одной из земляных гробниц на горе Митридата, инвентарь которых перечислен в ОАК за 1867 г., стр. VIII и сл., без распределения по отдельным могилам. В коллекции Британского музея к данной категории эллинистических металлических перстней относятся по каталогу Ф. Маршалла № 1269, 1273, 1275, 1278—1280.

¹⁴ F. H. Marshall. Ук. соч., № 1266—1261 и 1275, 1277

¹⁵ Там же, № 1280 и 1290.

¹⁶ F. Henckel. Ук. соч., табл. XIII, № 1683.

хвачены на затылке двойной повязкой и свободно свисают затем вниз в виде пучка уже не скрученных, а только вьющихся прядей, образуя своего рода *κρόβυλος*, только не на темени, как это обычно для подобных пучков, а на затылке. Кроме того, другая повязка наложена поверх скрученных прядей и охватывает всю голову от затылка к макушке.

Волнистая прическа была в употреблении в древнем мире в течение весьма длительного времени — с конца V в. до периода римской империи¹⁷. Большой популярностью пользовалась она в IV—III вв. до н. э., как это видно, между прочим, по изображениям Арсинои и Береники II на их монетах¹⁸.

Карло Анти в названной работе излагает результаты сделанного им наблюдения, согласно которому волнистые пряди этой прически с течением времени становятся более крупными, в соответствии с чем число их уменьшается. По подсчетам К. Анти в V в. до н. э. бывает 14 прядей, в первой половине IV в. до н. э. — 12, во второй его половине — 10, в III в. до н. э. — от 10 до 8, а во II в. до н. э. и позже наблюдается уже всего 6 прядей. К. Анти, а с ним и Эд. Шмидт¹⁹ придают этому выводу большое значение для датировки памятников. Однако сам К. Анти оговаривается, что его наблюдение приложимо только к оригиналам и первоклассным скульптурным произведениям; что же касается подражаний и массовой продукции, то тут царствует произвол, и датировать эти памятники по данному признаку нельзя.

Эта оговорка тем более законна, когда речь идет не о монументальной скульптуре, а о произведениях художественного ремесла. Может быть, мода в действительной жизни и изменялась согласно наблюдениям К. Анти, но мастера, изготавливавшие художественные изделия, с этим мало считались. В этом легко убедиться, взглянув, например, на таблицы труда «*Antike Gemmen*» А. Фуртвенглера, где собраны лучшие образцы портретов эллинистической эпохи на геммах²⁰. Исключений здесь чуть ли не больше, чем нормальных, — по теории К. Анти, — случаев. Таким образом, мы вправе при датировке рассматриваемого фрагмента игнорировать данные К. Анти, а в таком случае форма прически женской головы на костяном фрагменте подтвердит уже высказанный нами вывод.

Единственная, известная мне, полная аналогия для соединения в одной прическе волнистых прядей с кробюлосом на затылке, как это наблюдается на исследуемом памятнике, встречается на крышке круглого бронзового зеркала, хранящегося в Государственном Эрмитаже и датированного концом IV в. или первой половиной III в. до н. э.²¹ Здесь налицо те же горизонтальные ряды прядей, которые перетянуты на затылке перевязью и дальше образуют пучок свободно вьющихся, ниспадающих локонов.

Как уже отмечалось, этот кробюлос на темени или на затылке очень часто встречается на памятниках, начиная со второй половины V в. до н. э. и кончая периодом эллинизма. Редким является только его соединение с волнообразной прической; при этом оказывается, что приведенная выше точная и ряд других довольно близких аналогий, где пряди уложе-

¹⁷ RE, s. v. Haartracht, Sp. 2126 и сл. (Steininger); Carlo A n t i. Ein Porträt der Berenike aus Kyrene. «Die Antike», Bd. 5, 1929, стр. 6—22.

¹⁸ British Museum. Catalogue of greek coins. Ptolemaic Kings. London, 1883. табл. VIII, XIII.

¹⁹ JDAI, № 47, 1932, стр. 281, прим. 4.

²⁰ Например, табл. XXXII, № 33—20 валиков, № 36—14 валиков; табл. XXXIII, № 1 и 2 — по 14 валиков.

²¹ W Z ü s h n e r. Griechische Klappspiegel. Berlin, 1942, рис. 72, стр. 149. В. Цюхнер считает это зеркало этрусской работой, исполненной по греческому образцу.

ны на голове не столь регулярно ²², датируются временем раннего эллинизма, точнее — первой половиной III в. до н. э. ²³

Таким образом, анализ прически женщины, изображенной на ольвийском фрагменте, подтверждает выводы о дате последнего, полученные при анализе формы перстня, и даже несколько их уточняет: с большей долей вероятности можно датировать изучаемый памятник первой половиной III в. до н. э. Добавим еще, что весь художественный стиль изображения с его широкой, несколько суммарной трактовкой форм никоим образом не противоречит этой датировке.

Второй вопрос, встающий при изучении ольвийского фрагмента, — о месте его производства. Был ли этот перстень сделан в самой Ольвии, или перед нами предмет, импортированный из заморских стран? Нам кажется, что и на этот вопрос можно дать определенный ответ, исходя как из общих соображений, так и из некоторых признаков, свойственных изучаемому памятнику.

Ряд опубликованных за последнее время работ советских ученых бесспорно установил существование во многих греческих городах Северного Причерноморья мастерских, изготавливавших различные бытовые, а также художественные изделия из кости ²⁴. Как показывают находки в ряде греческих поселений Северного Причерноморья деятельность мастерских не ограничивалась изготовлением несложных поделок в роде игл, ложечек и проколов, но включала и художественные изделия; в частности, в Ольвии были найдены заготовки для костяных художественных изделий и незаконченные работы этого рода, датируемые IV—III вв. до н. э. ²⁵ Это обстоятельство допускает предположение об изготовлении изучаемого памятника на месте, в Ольвии. Но, кроме того, в самом изделии можно установить ряд признаков, свидетельствующих в пользу этого вывода.

Не говоря уже о том, сколь мало вероятен привоз из дальних стран поделок из такого простого материала, как трубчатая кость, следует указать на ряд особенностей резьбы и художественного стиля женской головы,

²² См., например, бронзовое зеркало в Афинах, изданное у В. Цюхнера (ук. соч., рис. 85, стр. 172). Кроболюс перетянут здесь, по-видимому, не лентой, а отдельной прядью волос. См. также бронзовый рельеф Британского музея, изданный у Х. Б. Уолтерса (H. B. Walters. *British Museum. Catalogue of bronzes*, London, 1898, № 304, рис. 105=W. Züchner. Ук. соч., рис. 113, № 4, 8—11).

²³ См. также W. Züchner. Ук. соч., рис. 107, стр. 114 и коринфские драхмы, сопоставленные у В. Цюхнера (ук. соч., рис. 113, № 4, 8—11).

²⁴ См. М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории. ВДИ, 1933, № 2, стр. 349; Т. Н. Княпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритак. МИА, № 4, 1941, стр. 44; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекии. МИА, № 4, 1941, стр. 112; М. А. Наливкина. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 187—203; И. Г. Пидопличко. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг. Там же, стр. 203—209; И. Т. Кругликов. Костяная фигурка Эрота в Керчи. ВДИ, 1949, № 2, стр. 100 и сл. А. П. Ивановой принадлежит обобщающая статья о костяных (преимущественно художественных) изделиях, найденных в разных пунктах Северного Причерноморья, — в сб. «Античные города Северного Причерноморья». М.—Л., 1955, стр. 427—436.

²⁵ М. А. Наливкина. Ук. соч., стр. 198 и сл., табл. XLV и XLVI. В Ольвии были найдены маленькая статуэтка из кости, изображающая сидящую женщину и относящаяся, по-видимому, к IV—III вв. до н. э. (ОАК за 1907 г., стр. 57, рис. 47), и костяная пиксида с рельефным изображением эротов, вероятно, эллинистического времени (ОАК за 1904 г., стр. 39, рис. 7, а, в = ИАК, вып. 33, 1910, стр. 132, рис. 57, 58). Материалом для обоих изделий служит трубчатая кость. Б. В. Фармаковский высказал предположение об александрийском происхождении пиксиды. Более правильно, по нашему мнению, считать оба памятника местными ольвийскими изделиями, о чем, помимо материала, свидетельствует и стиль изображения.

которые характеризуют автора изделия как мастера, безусловно, владевшего техникой резьбы по кости и обладавшего художественным дарованием, но не всегда уделявшего достаточно внимания деталям изображения, воспроизводившегося им с какого-то образца. Здесь прежде всего бросается в глаза передача прически. Для образования крбюлоса на затылке при сохранении скрученности прядей волос, лежавших на голове, необходимо было очень туго перевязать эти пряди в том месте, где они переходили в крбюлос, что и заметно во всех случаях, которые мы привели выше в качестве примеров подобной прически. На ольвийском фрагменте этого нет. Двойная повязка не стягивает, а свободно облегает пряди волос на затылке, и поэтому непонятно, как может сохраниться скрученность отдельных, лежащих на голове прядей. Вторая явная неполадка касается одежды женщины. По-видимому мастер имел в виду передать изображение хитона и гиматия. Последний скреплен на плече крупной пряжкой. От хитона же виден только верхний борт, проходящий в горизонтальном направлении по предплечью и перекрываемый на груди гиматием. Однако над этим бортом выдается нагое плечо женщины и совершенно непонятно, каким образом хитон удерживается на месте и не сползает вниз. Имеются также отклонения от нормы в передаче глаза и подбородка. Последний неестественно подрезан снизу, а чрезмерно растянутый в ширину миндалевидный глаз передан, скорее, в три четверти, чем в профиль. Наконец, обращают на себя внимание те технические неполадки, о которых упоминалось выше, и крайне упрощенная трактовка шейных мускулов в виде трех коротких параллельных линий. Все эти отдельные черты выдают мастера, недостаточно внимательного к обработке деталей. В противоположность мастерам, работавшим в главных центрах процветания греческого искусства, он, видимо, не придавал этим деталям большого значения и заботился только об общем впечатлении от его работы в целом.

Впрочем, если в том, что касается ошибок в передаче прически и одежды, нельзя не усмотреть недостаточной продуманности со стороны мастера, то в отклонениях от норм античного искусства при изображении отдельных черт лица, может быть, следует видеть не простую небрежность, а сознательное стремление мастера придать лицу женщины индивидуальные черты. Допуская такую возможность, мы подходим к третьему вопросу, возникшему при изучении памятника, — о том, следует ли видеть в женской голове на перстне портрет или же идеальный образ.

Дать определенный ответ на этот вопрос вряд ли, как мне кажется, возможно, ибо, с одной стороны, в лице женщины на костяном перстне отсутствуют такие ярко выраженные индивидуальные черты, как скажем, у неоднократно привлекавшегося женского портрета на золотом перстне в собрании Государственного Эрмитажа; но, с другой стороны, здесь нет и атрибутов, характеризующих то или иное божество. Все же следует учесть тот факт, что огромное большинство перстней, к категории которых принадлежат ольвийский фрагмент, украшалось именно портретами, видимо, в соответствии с широко распространенной в то время модой; при этом, наряду с реалистическими портретами, на перстнях встречаются и портреты идеализированные, как, впрочем и на современных им монетах (ср. портрет Александра Македонского на монетах Лисимаха или портреты цариц из дома Птолемея на их монетах). Исходя из этого, мы вправе предположить, что мастер, изготовивший ольвийский перстень, намеревался передать пусть идеализированный, но все же портрет какой-то в действительности существовавшей женщины. Вероятно, мастер имел перед глазами образец, возможно, — камею с изображением идеальной женской головы. Копируя этот образец, он отклонился от него, желая придать своей работе

индивидуальные черты: резко очерченный подбородок, глаза с тяжелыми веками и складки на шее — признаки зрелого возраста, не совместимые, по представлениям греков, с идеально прекрасным женским образом. Настаивать на таком именно толковании стилистических особенностей женской головы на ольвийском перстне, может быть, было бы неосторожно, поскольку мы еще очень мало знакомы с особенностями художественного стиля Ольвии эллинистического времени, но все же данное предположение представляется весьма вероятным.

Во всяком случае щиток костяного перстня из Ольвии заслуживает внимания по целому ряду причин. Во-первых, подобные памятники вообще редки, и не только в пределах Северного Причерноморья. Во-вторых, этот щиток — выдающийся образчик художественного ремесла Ольвии эллинистического времени, характерный для направления этого искусства. Мы видим, что это ремесло в основном следовало за греческим искусством и греческой модой своего времени; обслуживая местный спрос собственными силами и средствами, ольвийские косторезы обнаруживали высокий уровень технического и художественного мастерства, а также (если правильно наше толкование портретных черт лица) стремление к самостоятельным исканиям, а не механической передаче модели

И. Л. М А Я К

О ЗАПРЕЩЕНИИ ВАКХАНАЛИЙ В РИМЕ

Характер вакхического культа в Риме и запрещение его привлекали внимание многих исследователей. На событиях 186 г. до н. э. историки останавливались как в общих, так и в специальных работах, начиная от Т. Моммзена и вплоть до настоящего времени. Можно выделить две основные проблемы, которые обычно находятся в центре внимания всех ученых, занимающихся изучением вакханалий: 1) характер источников, содержащих изложение событий 186 г. до н. э.; 2) причина запрещения культа.

О вакхическом культе в Риме сохранились свидетельства античных авторов — Тита Ливия¹, Цицерона², Валерия Максима³, Августина⁴, Тертуллиана⁵. Важнейшее значение для изучения событий 186 г. до н. э. в Риме и по всей Италии имеют данные XXXIX книги Тита Ливия, а также надпись на медной доске, содержащая постановление сената о запрещении вакханалий в 186 г. до н. э. (*Senatus Consultum de Bacchanalibus*), обнаруженная в XVII в. в Тириоли, в Калабрии⁶. Наибольший интерес вызывает именно этот эпиграфический источник. По мнению П. Н. Бодянского⁷, И. Кейля и А. Брюля⁸, надпись представляет собой предписание консулов, составленное на основании *Senatus Consultum* и относящееся исключительно к союзникам.

Однако анализ надписи и указания Ливия позволяют думать, что в ней зафиксировано сообщение консулов о постановлении сената, сделанное для всей Италии, включая и Рим. В самом деле в *Senatus Consultum*⁹ говорится: «...Пусть не присутствует никто, будь то римский гражданин, будь то латинский или другой какой-нибудь союзник, кроме городского претора, и пусть он (т. е. претор) на основании мнения сената, при условии, что сенаторов будет не менее 100 человек, прикажет...». Приведенное место

¹ Liv., XXXIX, 8—19.² Cic., De leg., II, 15.³ Val. Max., I, 3; VI, 3.⁴ Aug., De civ. Dei, 6, 9.⁵ Tert., Apolog., VI.⁶ E. Fraenkel. *Senatus Consultum de Bacchanalibus*. «Hermes», Bd. 67, H. 4, Berlin, 1932; J. Keil. *Das sogenannte Senatus Consultum de Bacchanalibus*. «Hermes», Bd. 68, H. 3, Berlin, 1933.⁷ П. Н. Бодянский. Римские вакханалии и преследования их в VI в. от основания Рима. Киев, 1882.⁸ A. Gruhl. *Liber Pater. Origine et expansion du culte dionysiaque à Rome et dans le monde romain*. Paris, 1953, стр. 103.⁹ G. G. Grunz. *Fontes iuris Romani antiqui*. Ed. V Friburgi in Brisgavia, 1887, стр. 151—152.

свидетельствует о том, что постановление касается всех, включая и римских граждан, причем не оговорено, что лишь тех, кто проживает вне Рима. Кроме того, в надписи сообщается, что сенат предписал предоставить постановление о вакханалиях для всеобщего осведомления, записав его на медных таблицах. Текст, найденный в Тириоли, обрывается словами: «In agro Teurano»¹⁰. Упоминание Тевранской области, находящейся в Бруттии, указывает на то, что данный текст предназначался не только для Калабрии. Ливий тоже определенно указывает: «должно объявить в Риме и разослать эдикт по всей Италии»¹¹. Ливий говорит об одном эдикте, а не о различных для италийцев и города Рима. Все это убеждает нас в том, что нет достаточных данных, чтобы утверждать, что для города Рима был издан какой-либо другой текст, отличный от рассматриваемого. При этом следует отметить, что в любом случае надпись представляет чрезвычайный интерес как подлинный государственный документ.

При чтении Ливия обнаруживается, что автор не жалеет красок для обрисовки самых мрачных сторон вакхического культа. Он уделяет больше всего места изложению занимательных перипетий раскрытия вакхических сборищ, связанных с романтической историей Эбутия, обманутого отчимом и спасаемого своей возлюбленной. Пьянство, распутство, доносы, лжесвидетельства, насилия и убийства, очагом которых были вакхические союзы, вызвали, согласно Ливию, их запрещение.

Особое внимание Ливия к темным сторонам вакхического культа, к сложным переплетениям судьбы Эбутия и Гиспалы Фецени с судьбой вакхического союза, обусловлено характерным для Ливия стремлением к занимательности и поучительности. Однако сравнение надписи с рассказом Ливия в XXXIX книге его истории показывает, что Ливий знал текст *Senatus Consultum* и пользовался им в качестве источника. Ливий очень точно передает его содержание, особенно в той части, где говорится об условиях, допускающих отправление культа. Это обстоятельство позволяет считать сведения Ливия по интересующему нас вопросу заслуживающими внимания и доверия. Вопрос о запрещении вакханалий, естественно, связывается в научной литературе с характеристикой вакхического культа.

Большинство ученых рассматривает вакханалии в первую очередь с точки зрения нравственности, обращая особое внимание на оргиастический характер культа. При этом во всех работах отмечается преимущественное участие низших слоев населения в вакханалиях. Так, например, К. В. Нич¹² определяет вакхический культ как «одичание римских нравов, которому с неслыханным распутством предаются средние и низшие классы». Т. Моммзен¹³, Г. Ферреро¹⁴, П. Н. Бодянский¹⁵ и Франц Альтгейм¹⁶ отмечают, что приверженцами культа были средние горожане и городские низы.

Однако социальный состав приверженцев вакханалий был более сложным. Гиспала Фецения, возлюбленная Эбутия, вовлеченная в вакхический союз, рассказывая о происхождении вакхического культа, сообщила консулу, что первоначально посвящались в него только женщины, причем обязанности жриц поочередно исполняли матроны¹⁷. Это говорит об участии

¹⁰ Там же, стр. 152, стк. 30.

¹¹ Liv., XXXIX, 14.

¹² К. В. Нич. История Римской республики. М., 1908, стр. 246.

¹³ Т. Моммзен. История Рима, т. I. М., 1936, стр. 820 и сл.

¹⁴ Г. Ферреро. Величие и падение Рима, т. I. М., 1915, стр. 28.

¹⁵ П. Н. Бодянский. Ук. соч., стр. 59.

¹⁶ F. Altheim. Römische Religionsgeschichte. Berlin — Leipzig, 1932, стр. 144.

¹⁷ Liv., XXXIX, 13, 8.

в вакханалиях представительниц знати. Согласно показаниям Гиспалы, со временем приобщались к культуре другие знатные римляне и италийцы, как женщины, так и мужчины¹⁸. Среди руководителей тайного союза Ливий называет кампанца Миния Церриния, сына Покуллы Аннии, видимо, знатного человека, если его мать была в числе матрон, дежурных жриц на священнодействиях во славу Вакха¹⁹. Вместе с тем вакханалии были известны в среде таких незначительных плебеев, как Семпроний Рутилы, приобщиться к ним мог такой небогатый римлянин, как Эбутий, отец которого нес службу на казенном коне²⁰. Наконец, допускались к ним даже рабы, как это видно на примере Гиспалы Фецении. Таким образом, в числе посвященных Вакху были представители самых различных слоев населения, включая и самые низшие.

Приходится отметить, что даже в тех работах, где обращается внимание на социальный состав вакхантов, отсутствует попытка вскрыть социальные основы запрещения вакханалий. Наиболее отчетливо это выступает в книге П. Н. Бодянского. Он называет вакханалии «темным пятном VI века от основания Рима», не видя в них ни «шага вперед по пути более гуманных общественных отношений», ни «благородной реакции чувства, не удовлетворяющегося холодной обрядностью римской религии». Первое утверждение П. Н. Бодянский аргументирует тем, что «отсутствие полов и классов уже имело место в римской религии», а именно в Сатурналиях, второе (направленное против представлений Инэ²¹ о вакханалиях) — разнузданным характером их. П. Н. Бодянский решительно отвергает возможность объяснить вакханалии проявлением «борьбы знати с чернью» и считает преследования поклонников Вакха протестом против оргиастического характера, который приняли вакханалии, а не против самого культа. С таким решением вопроса согласиться нельзя.

В новых работах, посвященных римской религии, преследование вакханалий ставится в связь с реакцией консервативных групп римского нобилитета против чужеземных, восточных культурных влияний. В этом смысле весьма характерна книга Роберта Шиллинга²². Распространение иностранных верований по всей Италии во II в. до н. э., а также недовольство этим явлением со стороны сената сомнений не вызывают. Однако констатация этих фактов не достаточна для объяснения причин запрещения вакханалий.

Значительно более интересно ставится вопрос о вакханалиях в книге Адриана Брюля²³. Считая запрещение вакханалий столкновением римской религиозной концепции с мистическими и индивидуалистическими греко-восточными тенденциями, он отмечает, что действия сената были обусловлены переплетением морального, религиозного и социального факторов²⁴. В представлении А. Брюля и «заговор пастухов» в Апулии²⁵, и дело об отравителях²⁶ являются эпизодами борьбы вакхантов против Рима. На наш взгляд, связь между этими событиями и запрещением вакханалий имеется, но не такая непосредственная, как это кажется А. Брюлю.

Для того чтобы правильно оценить процесс о вакханалиях, необходимо

¹⁸ Liv., XXXIX, 13, 8.

¹⁹ Liv., XXXIX, 13, 9; 17, 6.

²⁰ Liv., XXXIX, 9, 2.

²¹ W. Ihne. Römische Geschichte, T. IV. Leipzig, 1876, стр. 216—222.

²² R. Schilling. La religion romaine de Vénus depuis les origines jusqu'au temps

²³ A. Bruhl. Ук. соч.

²⁴ Там же, стр. 116.

²⁵ Там же, стр. 109.

²⁶ Там же, стр. 111.

рассмотреть ту социально-политическую обстановку, которая сложилась в первом двадцатилетии II в. до н. э. в Риме и Италии.

И в рассказе Ливия, и в постановлении сената содержатся данные, свидетельствующие о том, что вакханалии расценивались римским правительством как нежелательные не только с точки зрения моральной, но и с политической, что было уже отмечено в исторической литературе, в частности Т. Моммзенем, Ж. Вальцтингом²⁷ и П. Н. Бодянским.

Рассказывая о запрещении вакханалий, Ливий вкладывает в уста консула 186 г. до н. э., Квинта Постумия, речь, обращенную к народу. Речь эту, конечно, нельзя считать подлинной. Она, как и прочие речи в книгах Ливия, является блестящим риторическим украшением его произведения, но, как показывает *Senatus Consultum*, верно передает настроения, господствовавшие этот период среди правящей группы общества. Квинт Постумий предупреждает граждан о том, что тайный союз этот пока еще не имеет сил, но рост их увеличивается, и их со дня на день становится все больше²⁸. При этом консул подчеркивает, что, если теперь злодеяния направлены против отдельных лиц, то в скором времени они станут опасными и для государства, потому что «ночная сходка может сравниться с законным собранием, созванным консулом»²⁹.

Опасение перед этими тайными собраниями Постумий высказывает на протяжении своей речи несколько раз, напоминая, что предки римлян не допускали никаких собраний в отсутствие законных магистратов³⁰. Беспокойство властей вполне подтверждается и текстом сенатского постановления 186 г. до н. э., которое предписывает всем, считающим для своей совести необходимым принимать участие в священнодействиях, посвященных Вакху, зарегистрироваться у городского претора и совершать эти священнодействия только с санкции сената: «... Мужчина и женщина должны исполнять священнодействия так, чтобы всего было не более 5 человек, чтобы среди них мужчин было не более двух, а женщин не более трех, кроме как по решению городского претора на основании мнения сената...»³¹.

В *Senatus Consultum* специально оговаривается запрещение иметь жрецов, должностных лиц и общую кассу для посвященных в культ Вакха, равно как и давать обеты и клятвы верности друг другу³² т. е. воспрепятствовано создание какой бы то ни было тайной организации.

Сенатским постановлением предписывалось против не подчинившихся возбуждать уголовное дело³³. Ливий сообщает, что курульным эдилам было поручено схватить всех жрецов, а плебейским эдилам — следить за тем, чтобы не происходило никаких ночных священнодействий, членам же коллегии триумвиров по уголовным делам — принять меры предосторожности против пожаров и не допускать никаких ночных собраний³⁴.

Конкретные меры, принятые к пресечению собраний приверженцев культа Вакха, свидетельствуют о беспокойстве римского сената о том, что под видом священнодействий скрываются тайные союзы, тайные организации, направленные на подрыв устоев как самого Рима, так и всей

²⁷ J. P. W a l t z i n g. *Études historiques sur les corporations professionnelles chez les romains...* T. I. Louvain, 1895, стр. 80.

²⁸ L i v., XXXIX, 15, 10.

²⁹ L i v., XXXIX, 16, 3, 4.

³⁰ L i v., XXXIX, 12.

³¹ G. G. В г у н с. Ук. соч., стр. 152, стк. 19—22; ср. L i v., XXXIX, 18.

³² G. G. В г у н с. Ук. соч., стр. 152, стк. 10—15.

³³ G. G. В г у н с. Ук. соч., стр. 152, стк. 25, 26.

³⁴ L i v., XXXIX, 14, 9—10.

системы италийского союза. В пользу этого утверждения говорит сложность этнического состава вакхантов. Среди них Ливий называет римлян Эбутия, Атиниев, кампанцев Церриниев, фалиска Опитерния, т. е. людей, принадлежавших разным италийским народностям. И Ливий, и текст сенатского постановления, как мы видели, показывают, что вакханалии были распространены в различных частях Апеннинского полуострова. Это подтверждается и данными раскопок 1947 г. в Помпеях, где был обнаружен древний храм, посвященный Дионису, являвшийся центром местных почитателей культа Вакха³⁵.

Сложность социального и этнического состава вакхантов, массовый характер вакхического движения, опасения властей перед ним позволяют думать, что вакханалии были выражением недовольства широких общественных слоев существовавшим порядком в Риме и по всей Италии. Это соображение получает подтверждение при рассмотрении всей совокупности событий первого двадцатилетия II в. до н. э.

В 198 г. до н. э. вспыхнуло восстание рабов в Лациуме³⁶ и приняло массовый характер, если учесть, что только те, кого удалось схватить и казнить из остатка уже разгромленного в основном заговора, составили около 500 человек³⁷. На значительные размеры восстания указывает И. Вейцковский³⁸, который приходит к выводу, о том, что движение 198 г. до н. э. было исключительно рабским. Однако у нас нет оснований игнорировать сообщение Ливия о том, что заговор был раскрыт благодаря доносу, с которым доносчики обратились прямо в Рим, причем один из доносчиков был свободным³⁹. И. Вейцковский ставит свидетельство Ливия об этом свободном доносчике под сомнение на том основании, что один раз, говоря о доносчиках, Ливий называет двух, а второй раз — трех. Весьма вероятно, что первое утверждение — просто обмолвка Ливия. Иначе стоило ли бы ему столь подробно останавливаться в дальнейшем рассказе на той награде, которую получил доносчик из свободных. Согласно Ливию, магистраты латинских городов, где готовилось восстание, не организовали никакого сопротивления рабам, и набор отрядов был произведен римским претором Луцием Корнелием Мерулою при полной неосведомленности о целях вербовки со стороны латинян⁴⁰, в Лациуме ничего о предстоящем мятеже известно не было.

Тот факт, что этот свободный не обратился с доносом к своим, латинским властям, позволяет думать, что он не принадлежал к высшему слою латинских рабовладельцев. Это предположение подтверждается той наградой, которую получил доносчик. Ему было дано 100 000 ассов без воздания каких бы то ни было почестей, без дарования ему прав римского гражданства. Известно, что некто Онесим, знатный македонянин, перешедший на сторону римлян во время войны с Македонией, был отблагодарен 200 югеров земли, домом в Таренте и званием римского союзника⁴¹. Услуга донесшего на рабов, с точки зрения рабовладельца, не могла считаться меньшей, чем услуга македонского перебежчика. Столь скромное вознаграждение было обусловлено, очевидно, незнатностью и бедностью не известного нам по имени латинянина, видимо, причастного к заговору рабов.

³⁵ AJA, 1948, № 4, стр. 509.

³⁶ Liv., XXXII, 26, 4—8; Z o n a g a, IX, 16.

³⁷ Liv., XXXII, 26, 16.

³⁸ И. Вейцковский. До истории повстання рабів 198 року до н. е. в Лациумі. Уч. зап. Львовського гос. ун-та ім. Франко. Серія історическая, т. I, вып. 2, 1946, стр. 142—167.

³⁹ Liv., XXXIX, 26, 14.

⁴⁰ Liv., XXXIX, 26, 11—12.

⁴¹ Liv., XLIV, 16, 7.

Более точных свидетельств участия свободной бедноты в рабском мятеже в нашем распоряжении нет, но указанный случай говорит в пользу такой возможности.

В 196 г. до н. э. возник заговор рабов по всей Этрурии⁴². Восстание было подавлено, но, судя по тому, что против рабов был выставлен легион, движение рабов в Этрурии представляло собой внушительную силу.

В 187 г. до н. э. началось волнение рабов в Апулии, которое фигурирует у Ливия в качестве «заговора пастухов»⁴³. Уже в самом начале расследования заговора, — иначе говоря, подавления восстания, — претору Луцию Постумию удалось захватить до 7000 рабов, что свидетельствует о большом количестве участников восстания.

180 г. до н. э. был ознаменован смертью претора Тиберия Минуция, консула Гаю Кальпурния и многих других, «выдающихся представителей всех сословий» от отравления⁴⁴. Расследование дела было поручено преторам: вновь избранному Гаю Клавдию — в Риме, и Гаю Манию — за его пределами. Вскоре этому последнему удалось обнаружить 3000 отравителей, число которых было, по-видимому, значительно больше, поскольку следствие этим не кончилось, а продолжало разрастаться в силу множества доносов⁴⁵. Многочисленность отравителей доказывается также тем, что городскому претору следующего 179 г. до н. э. снова было поручено дело об отравлениях.

Ливий передает, что в деле об отравлениях были замешаны знатные персоны, жена отравленного консула, Кварта Гостилия, и сын ее, Квинт Фульвий Флакк⁴⁶. Таким образом, дело об отравителях объясняется у Ливия кознями одних представителей высшего римского общества против других, истолковывается как борьба внутри господствующего слоя рабовладельцев. Конечно, борьба отдельных представителей знати за почетные и выгодные должности, за видное положение в государстве могла иметь место. Однако трудно себе представить, чтобы все, причастные к этому делу, были чьими-то сторонниками или соперниками в домогательстве высших магистратур, либо были подкупленными той или иной стороной. Движение, судя по многочисленности его участников и по тому, что оно не ограничивалось Римом, — было значительно шире. Вполне возможно, что начатая господствующей верхушкой политиканская борьба привлекла к себе более низкие общественные слои, которые примкнули к ней, выражая этим свой протест против существующего социального порядка. Рассмотренные события первого двадцатилетия II в. до н. э., как показывают источники, не были частью вакхического движения, как думает А. Брюль, но они свидетельствуют о напряженности социально-политической атмосферы в Италии. Классовые противоречия в римско-италийском обществе в этот период достигают большой остроты; они выливаются в первые восстания рабов против рабовладельцев, в брожение среди мелкого люда и италийцев, которые легко используют любой предлог и любые формы для выражения своего недовольства.

Учитывая все усложнявшуюся социально-политическую обстановку в Италии начала II в. до н. э., запрещенные вакханалии следует рассматривать в общем ряду событий как проявление борьбы правящей группы римских рабовладельцев против движения угнетенных масс римского народа и неполноправного союзнического населения.

⁴² L. v. XXXIII, 36, 1—3.

⁴³ L. v., XXXIX, 29, 8.

⁴⁴ L. v., XL, 37, 4.

⁴⁵ L. v., XL, 43, 3.

⁴⁶ L. v., XL, 37, 5—6.

Н. П. РОЗАНОВА

ЭЛЛИНСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РАСКОПОК ПАТРЭЯ 1949 г.

В 1949 г. при раскопках Патрэя был найден маленький фрагмент беломраморной плиты, со всех сторон обитой, на которой сохранилось несколько букв. Фрагмент хранится в кабинете археологии Московского городского педагогического института¹.

Материал плиты, начертание сохранившихся букв и, особенно, точно установленные формулы титулатуры боспорских царей в надписях Северного Причерноморья, собранные и исследованные В. В. Латышевым в IOSPE, а также другими русскими эпиграфистами, — дают возможность, даже при таких незначительных остатках, приблизительно восстановить текст начала надписи. Высота фрагмента — 8,4 см, ширина — 6—8 см, толщина — 3,2—3,5 см (рис. 1).

Буквы тщательно вырезаны по тонким горизонтальным линиям; кроме того, сохранились 3 вертикальные линии, показывающие, что резчик перед тем как сделать надпись, разлиневал плиту и нанес сетку, чтобы ровнее вырезать буквы. Размеры букв: высота — 2,5—2,8 см, ширина — 2—2,5 см. Расстояние между строками — 1 см.

Сохранились остатки 2 строк надписи, состоящие всего из 5 1/2 букв и 6 арисес букв 1-й и 3-й строк. Две буквы 3-й строки окрашены в красную краску.

Надпись следующая:

ΙΥΟ

ΥΙΟΥ/

В 1-й строке перед Υ сохранился след вертикальной *hasta* от буквы типа Ι, Υ, или Τ, в данном случае, — по-видимому, от буквы Τ; затем идут буквы Υ и Ο, сверху наискось отбитая. Во 2-й строке совершенно ясно читается слово ΥΙΟΥ/ — «сына», причем после Υ сохранилась в изломе плиты наклонная *hasta* левой стороны буквы типа Α, Λ или Μ, в данном случае, — по-видимому, Μ; в 3-й строке — только верхние арисес 3 букв, которые дальше постараемся реконструировать.

Начертание букв, особенно характерное начертание χ (с перекладишкой посередине), в сочетании с именем и титулатурой боспорского царя, побуж-

¹ Профессору А. С. Башкирову и доценту Ю. С. Крушкю автор приносит благодарность за разрешение опубликовать надпись; см. А. С. Башкиров. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг..., «Уч. зап. Ярославского пед. ин-та», вып. XXII (XXXII), 1957, стр. 315—316. ст. Ю. С. Крушкю л. Раскопки древнего Патрэя 1949 г. ВДИ, 1950, № 2, стр. 231—234; е г о ж е. Раскопки древнего Патрэя за 1948—1949 гг. Труды Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1949.

дают датировать надпись II в. н. э., хотя χ с перекладиной посередине бытует и в III в. н. э.²

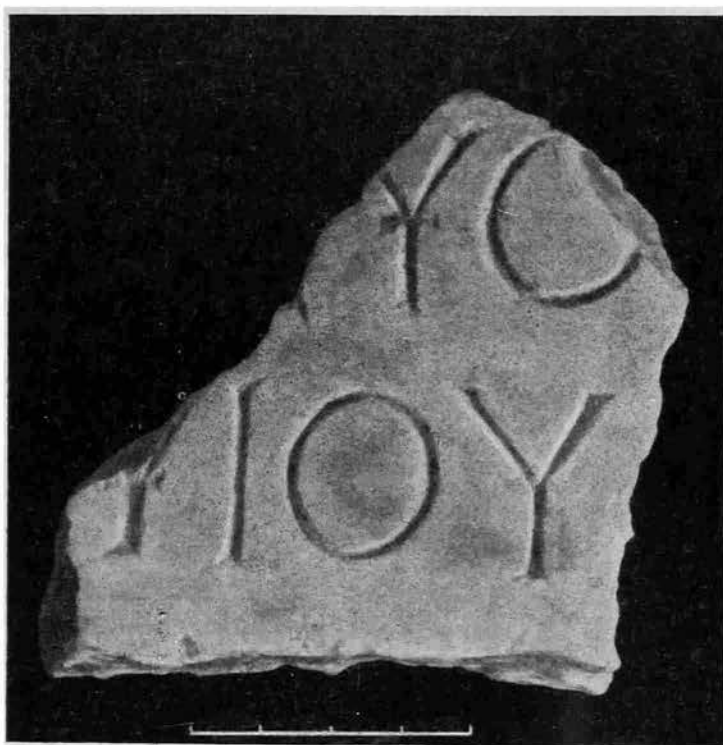

Рис. 1. Фрагмент с греческой надписью.

Слово $\upsilon\iota\omicron\upsilon$ 2-й строки своим падежом (родительный падеж единственного числа) указывает на отчество и на разряд, к которому может быть отнесена надпись. Слово $\upsilon\iota\varsigma$ в родительном³, дательном⁴ и винительном⁵ падежах (именительный падеж употребляется реже⁶) встречается

² IOSPE, I², № 2 (II в. н. э.), 45, 46, 52 (II—III вв. н. э.), 91, 107, 128, 184, 185 (III в. н. э.); IOSPE, II, № 437, 438, 442 (II в. н. э.), 440 (II—III вв. н. э.); 452 (III в. н. э.); IOSPE, IV, № 72, 73, 203, 448 (II в. н. э.), 26 (III в. н. э.) и др. Родительный падеж ($\upsilon\iota\omicron\upsilon$) в царской титулатуре Боспора — IOSPE, IV, № 203 и др.

³ Родительный падеж отчества в надписях Херсонеса, Ольвии и, может быть, других городов нашего Юга, где не было царей, встречается у людей знатного рода, несущих административные или сакральные обязанности, как например, в почетных надписях Херсонеса (IOSPE, I², № 431, 432). В. В. Латышев в надписи № 432 (на стр. 398) говорит, что братья Т. Флавий Архистон, Т. Флавий Аттина и Лаодика, их сестра, принадлежали к одному и тому же роду, члены которого выполняли обязанности первого архонта (IOSPE, I², № 359, 22) и жреца (IOSPE, I², № 358). В комментарии к надписи № 359 на стр. 322 В. В. Латышев говорит следующее об употреблении слова $\upsilon\iota\varsigma$ в родительном падеже для обозначения отчества: «*Interest enotare singularia quaedam in horum nominum compositione, quae maximi sunt momenti ad alios Chersonesitarum titulos recte supplendos. Primum enim, a n t e patris nomen ponitur $\upsilon\iota\varsigma$ (ut latine filius), quae vox in meris nominibus graecis non additur.*»

⁴ Дательный падеж ($\upsilon\iota\phi$) в царской титулатуре — IOSPE, II, № 430, 431 [дательный падеж ($\upsilon\iota\phi$) см. также в мемориальных надписях в Tituli — singulorum virogum, IOSPE, I², № 204].

⁵ Винительный падеж ($\upsilon\iota\upsilon$) в царской титулатуре — IOSPE, II, № 38, 39, 41, 43, 358.

⁶ Именительный падеж ($\upsilon\iota\varsigma$) в царской титулатуре — IOSPE, IV, № 46; IOSPE, II, № 254.

обычно в титулатуре боспорских царей; следовательно, эта надпись может относиться или к разряду надписей посвячительных (*tituli dedicatorii*), или к коллегиальным надписям (*tituli conlegiorum*), или, вернее всего, к надписям о постройке зданий (*tituli aedificiorum*), т. е. к тем, которые носят в себе титулатуру боспорских царей. К надписям надгробным⁷ (*tituli sepulcrales*) и надписям религиозных обществ ее отнести нельзя. так

Рис. 2. Реконструкция надписи.

как в надгробной формуле слово «сын» обычно употребляется в именительном либо звательном падежах или в родительном падеже отчества; в списках же фиасотов⁸ слово «сын» вообще не встречается, ибо «сын такого-то» обычно выражается просто родительным падежом имени отца, например: Ἀχχας Θάβωνος, Ἀπολλώνιος Πρσμήδου.

Первая строка надписи, содержащая две буквы — У и О и предполагаемую нами перед У букву Т, включает, по-видимому, имя одного из боспорских царей II в. н. э. Из тех имен боспорских царей II в. н. э., в которых есть слог *uo*, приходит на память имя боспорского царя Котиса — *Κότις*, в родительном падеже — *Κότιος*.

Из эпиграфических данных, подтвержденных данными нумизматики, мы знаем, что боспорских царей, носивших это имя, было три: Котис I (45—62 гг. н. э.), Котис II (123/124—131/132 гг. н. э.) и Котис III (227/228—233/234 гг. н. э.).

⁷ Родительный падеж отчества в надписях надгробных — IOSPE, II, № 117, 119, 120, 122, 126 и др.; звательный падеж (*νίε, νιοί*) в надписях надгробных — IOSPE, I², № 203; IOSPE, II, № 127, 128, 374; IOSPE, IV, № 213, 214, 216, 218, 219.

⁸ Родительный падеж отчества в надписях религиозных обществ и в каталогах — IOSPE, II, № 443; IOSPE, IV, № 205, 432, 436.

В IOSPE имеется 2 надписи⁹ в честь Котиса I, найденные в Пантикапее. Титулатура Котиса I, а также данные эпиграфики (квадратное O и Y — без перекладинки, отсутствие arices) не позволяют датировать рассматриваемую надпись временем его царствования.

Надписей Котиса II найдено до сего времени три: пантикапейская, датированная 123 г. н. э., поставленная навархом Трифоном Аполлониевым в честь царя Тиберия Юлия Котиса за победу, одержанную над скифами¹⁰; titulus conlegioium, найденный в Тамани¹¹, и посвятельная надпись, по-видимому, в честь римского императорского дома, найденная тоже в Пантикапее¹². Последняя надпись по шрифту наиболее близка к исследуемой нами.

Известны 4 надписи Котиса III¹³; все они происходят из Танаиса. Титулатура боспорского царя обычна и также подходит для восстановления изучаемой надписи, однако начертание букв — более небрежное, приближающееся отчасти к курсиву. Это заставляет датировать надпись из Патрэя временем Котиса II.

Судя по титулатуре царя, данная надпись относилась, по-видимому, к разряду tituli conlegioium или к tituli aedificioium. Начиналась она с формулы Ἀγαθῆ τῶχη и была расположена в два столбца на мраморной плите (рис. 2).

На расположение надписи в 2 столбца указывают три рядом стоящие слова титулатуры боспорского царя Котиса II: Κότ]υο[ς] и υἱοῦ [μεγάλου], расположенные на плите столбиком, одно под другим; следовательно, исследуемая надпись может быть восстановлена приблизительно следующим образом:

[Ἀγαθῆ]	τῶχη]
[Βασιλεύ]	[σιλέως]
[οντος βα-]	[Σαυρομά-]
[σιλέως]	[του φιλο-]
[Τιβερίου]	[καίσαρος]
[Ἰουλίου]	[καὶ φιλο-]
[Κότ]υο[ς]	[ρωμαίου]
υἱοῦ [με-]	[εὐσεβοῦς]
[γάλου βα-]	

«С добрым счастьем. В царствование царя Тиберия Юлия Котиса, сына великого царя Савромата, друга цезаря и римлян, благочестивого и т. д.»¹⁴

Хочется верить, что раскопки будущих лет в городе Патрэе откроют недостающие фрагменты надписи и дополнят лакуны нашего предварительного восстановления.

⁹ IOSPE, II, № 32 и 37.

¹⁰ IOSPE, II, № 27.

¹¹ IOSPE, IV, № 421.

¹² IOSPE, IV, № 203.

¹³ IOSPE, II, № 432, 452, 453, 455.

¹⁴ Такие примеры расположения надписей уже встречались раньше, например, — известная присяга херсонесцев (IOSPE, I², № 401) или танаисская надпись Рескупориды, сына Савромата, III в. н. э. (IOSPE, II, № 431). Такое расположение текста вызвано, может быть, тем, что между двумя столбцами надпись красовалась монограмма Котиса II, которая до сих пор в надписях еще не встречалась. Изображение монограммы Котиса II на монетах см. В. Ф. Га й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 588, табл. V, 78.

А. М. РЕМЕННИКОВ

АНТИЧНЫЕ И ВИЗАНТИЙСКИЕ АВТОРЫ О ВОЙНАХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С РИМОМ В III в. н. э.

Для племен Северного Причерноморья III в. н. э. был временем ожесточенной борьбы с рабовладельческим Римом. Войны этих племен против Римской империи явились важнейшим этапом тех многочисленных битв и походов, которыми заполнена история трехвековой наступательной борьбы «варваров» с разлагавшейся мировой державой. Изучение военных событий III в. н. э. содействует уяснению как социально-экономических причин вторжений «варваров» в пределы Римской империи, так и всемирно-исторической роли, которую сыграли в сокрушении Рима племена, некогда населявшие юг нашей страны.

Между тем в исследовании этих войн сделаны только первые шаги. Дальнейшее изучение событий III в. н. э. требует глубокого осмысления с позиций марксизма-ленинизма тех исторических свидетельств по истории «скифских войн»¹, которые сохранились до нашего времени.

Вопрос об источниках «скифских войн» с Римом — один из наименее исследованных. Нет ни одной работы, посвященной специально этой теме; очень беглый и сухой обзор имеется лишь в труде Б. Рапппорта²; частично данной проблемы касаются авторы некоторых источниковедческих работ³. В силу этого в настоящей статье рассматриваются лишь самые основные вопросы, связанные с исторической традицией о войнах «варваров» Причерноморья с Римом в период 230—270 гг. н. э.

Уже давно высказано предположение, что почти все сохранившиеся сведения о войнах III в. н. э. исходят главным образом от Публия Геренния Дексиппа, современника и участника этих войн. Геренний Дексипп, живший во времена правления Галлиена, Клавдия и Проба, был выдающимся государственным деятелем, оратором и историком⁴. Во время на-

¹ Военные события III в. н. э., связанные с нападениями причерноморских племен на Рим, часто называют «скифскими войнами»; в основном они относятся к 230—270 гг. н. э.

² Вг. Р а п п р о р т. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 1 и сл.

³ К. К р у м б а с е r. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches. München, 1897; Н. P e t e r. Die geschichtliche Literatur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius und ihre Quellen. Leipzig, 1897.

⁴ Vita Gallieni, XIII, 8.

падения на Грецию причерноморского племени герулов (267 г. н. э.) Дексипп, возглавив отряд афинян, не без успеха повел борьбу с отрядами «варваров» и нанес им существенный урон.

Перу Дексиппа принадлежат несколько исторических трудов, в том числе «Хроника» и «Скифские войны». «Хроника» освещала события, предшествовавшие воцарению императора Клавдия Готского. «Скифские войны» посвящены описанию войн римлян с народами Северного Причерноморья. И «Скифские войны», и соответствующие разделы «Хроники» написаны Дексиппом преимущественно как очевидцем, а то и участником событий.

Военные действия Дексипп описывал чрезвычайно детально, повествуя о ходе отдельных битв, вооружении и тактике «скифов». Понятно поэтому, что исчезновение трудов Дексиппа, от которых сохранились лишь отдельные фрагменты⁵, представляет для науки невозместимую потерю. Таким образом, основная работа по восстановлению картины, нарисованной историком, возможна лишь путем максимального использования произведений тех авторов, в распоряжении которых были труды Дексиппа.

В этом отношении первостепенное значение имеют «Scriptores Historiae Augustae» — сборник биографий императоров от Адриана до Нумериана. О происхождении и времени составления сборника много лет продолжалась дискуссия между учеными различных направлений.

Согласно первоначальной точке зрения, сборник был написан во времена Диоклетиана и Константина шестью авторами⁶; впоследствии ряд ученых стал защищать гипотезу о более позднем происхождении этих биографий⁷. При современном состоянии вопроса трудно решительно стать на ту или иную точку зрения; во всяком случае, если сборник и был составлен в начале IV в. н. э., то во второй половине этого века он подвергся серьезной переработке.

«Scriptores Historiae Augustae» — источник, очень трудный для использования. Изложение носит в высокой степени риторический характер; в погоне за занимательностью авторы биографий не останавливались перед преувеличениями и фальсификациями. Основное внимание уделялось личности императора, его привычкам и вкусам.

Однако следует отметить, что в распоряжении авторов биографий были порой довольно ценные исторические источники. Установлено, что основой для биографий императоров II в. н. э. послужил труд продолжателя Светония — Мариа Максима; для жизнеописаний императоров более позднего времени использовались произведения Геродиана, Дексиппа, анонимная императорская хроника и, наконец, отдельные, более мелкие биографические труды⁸.

Разумеется, традиция, дошедшая в передаче авторов биографий, нуждается в тщательной проверке посредством других источников; основная задача сводится здесь к выделению подлинного исторического ядра из наслоений, относящихся в значительной степени к творчеству самих Scriptores.

Для изучения войн III в. н. э. важны биографии Максимиана, Гордиана III, Галлиена и Клавдия Готского. Первые две биографии принадлежат, по-видимому, Капитолину; биографии Галлиена и Клавдия составлялись

⁵ FHG, t. III, Dexippus, fr. 18—24.

⁶ Th. Mommsen. Die Scriptores Historiae Augustae. «Hermes», Bd. XXV, 1890, стр. 243 и сл.

⁷ E. Hohl. Zur Historia Augusta Forschung. «Klio», XXVII, 1934, стр. 163.

⁸ Ch. Lécrivain. Études sur l'histoire Auguste. Paris, 1904, стр. 399 и сл.

Требеллием Поллионом. Источниками Юлия Капитолина являются «Истории» Геродиана, Дексиппа и «Императорская хроника»⁹. Требеллий Поллион использовал, главным образом, труды Дексиппа, прежде всего его «Хронику», тогда как «Скифские войны» привлечены им лишь частично. Использование обоими авторами трудов Дексиппа совершенно неоспоримо. Мы встречаем у них цитаты из Дексиппа и ссылки на него¹⁰, причем заимствование у Дексиппа подтверждено сходными местами у Зосимы и других, более поздних авторов. Наименование в ряде случаев народов Причерноморья «скифами», частные переходы к анналистической форме изложения ведут к тому же Дексиппу.

Однако не только в биографиях, написанных Капитолином, но и Поллионом, сведения Дексиппа сильно переработаны, сокращены, а иногда и искажены¹¹. Все это объясняется не только тем, что *Scriptores* были второстепенными авторами, но также и тем, что они жили в иной исторической обстановке. Для них годы 250—260-х годов были уже историей, утратившей во многом интерес и часто трудной для понимания; во взаимоотношениях Рима с «варварами» Причерноморья тогда наступил новый этап; положение на Дунае частично стабилизировалось, изменилось значительно и расселение племен. Эти факты оказали влияние на описание у *Scriptores* знаменитых «скифских войн» III в. н. э. Одним из наиболее важных вопросов в этой связи является вопрос о том, какие же собственно племена Причерноморья, согласно *Scriptores*, нападали на империю в III в. н. э. Подходя к биографиям с этой точки зрения, находим, что они говорят то о «скифах»¹², то о «готах»¹³, то о тех и других. Этой двойственностью в терминологии и часто встречающимися упоминаниями о готах немецкие буржуазные ученые пользуются для доказательства ведущей роли готов в войнах III в. н. э. Даже в тех случаях, когда биографы говорят о «скифах», немецкие ученые произвольно заменяют термин «скиф» термином «гот».

Самое беглое ознакомление с сохранившимися фрагментами Дексиппа показывает, что здесь имеет место вольное обращение авторов биографий с их первоисточником. Дело в том, что Дексипп, который по войнам III в. н. э. был основным, если не единственным, источником для этих авторов, готов почти совершенно не знает. Врагов империи, приходивших из-за Дуная, он называет «скифами», «варварами», «неприятелями», но не «готами»¹⁴. И, как можно заметить по *Vita Claudii*, «скифы» для него были обобщающим термином для всех причерноморских народов, в который включалось и племенное название готов наряду с герулами, карпами, бастарнами и другими племенами Причерноморья¹⁵: все они «*Scytharum diversarum populorum*». Об этом же ярко свидетельствует и оценка Евагрия, которую он дал произведениям Дексиппа. В своей «Церковной истории» Евагрий говорит, что Дексипп описывает нашествие карпов и других «варварских» народов на Элладу, Фракию и Ионию¹⁶.

Чем все же объяснить эту несогласованность терминов, столь типичную для *Scriptores*? Наиболее вероятным представляется следующее объясне-

⁹ Th. Mommsen. Ук. соч., стр. 261.

¹⁰ *Vita Alexandri*, LIX; *Vita Max. et Balb.*, XVI.

¹¹ Ch. Lécrivain. Ук. соч., стр. 323 и сл.

¹² *Vita Gallieni*, XIII, 6; *Vita Claudii*, VI, 2.

¹³ *Vita Claudii*, VI, 1.

¹⁴ *Dexipp.*, fr. 18—20.

¹⁵ *Vita Claudii*, VI, 2.

¹⁶ Evar., *Hist. eccl.*, V, 24.

ние. Во времена *Scriptores* готы после своего утверждения в Дакии, особенно после территориальных уступок Аврелиана¹⁷, стали непосредственными соседями Рима. Они во все большем количестве служили в римской армии, проникали в государственный аппарат; с готскими областями развивалась активная торговля; происходили и местные войны¹⁸. В силу этих причин термин «гот» стал постепенно вытеснять из употребления термин «скиф» и «сармат», выступая, подобно этим последним, не только как отдельное племенное имя, но и как обобщающее название для всех причерноморских племен.

Конечно, подобная замена потребовала довольно значительного времени, но в период деятельности *Scriptores* она уже зашла, по-видимому, очень далеко. Этот процесс и нашел, вероятно, свое отражение у биографов, которые сплошь и рядом «исправляли» Дексиппа, заменяя малопонятный термин «скиф» более распространенным и употребительным термином «гот». Отсюда проистекла и путаница в наименованиях. Когда биограф следовал Дексиппу буквально, он вместе с ним говорил о «скифах»; вступая на путь сокращений и исправлений, он применял и новую терминологию. Разумеется, подобная «редакторская» работа создает большие дополнительные трудности при определении этнического состава коалиций племен, борющихся с Римом.

Первая группа интересующих нас биографий — жизнеописания Максимиана, Максима и Бальбина, Гордиана III — сообщает о начальном этапе борьбы «варваров» (30-е и начало 40-х годов III в. н. э.). Правда, сведения эти очень скудны, часть их к тому же заимствована из Геродиана, труд которого полностью сохранился. Но, поскольку данные, сообщаемые Капитолином, являются в отдельных случаях единственными о войнах тех лет, то пренебречь ими не представляется возможным. О подготовке Максимином похода на сарматов (236 г. н. э.) сообщает беглая заметка в биографии Максимиана¹⁹; отрывок из биографии Максима и Бальбина рассказывает о новом наступлении варваров на Мезию и разгроме города Истрии (238 г. н. э.²⁰).

Большое количество сведений о войнах на Дунае имеется в жизнеописании Гордиана III. Особенно важны замечания биографа о столкновении римлян с «варварами» в период персидского похода (242 г. н. э.²¹). Правда, свои краткие сообщения о войне 242 г. н. э. Капитолин дает в несколько риторическом стиле; нападение «царя скифов» Аргунта отнесено им ко временам Гордиана явно ошибочно. Но в своих рассказах Капитолин следовал здесь, безусловно, за Дексиппом, а данные археологии и нумизматики определенно свидетельствуют о напряженном положении, сложившемся тогда на Дунае, и о предпринятых в связи с этим мерах.

Особенно важны биографии Галлиена и Клавдия, приписываемые другому автору данной серии — Требеллию Поллиону. Биография Галлиена касается почти всех войн, происходивших в 258—267 гг. н. э., причем по ряду походов биография заключает ценнейшие сведения, которые нельзя найти ни в каком другом источнике; так, очень важные сведения имеются о походе 264 г. н. э.²², о «скифском» вторжении в Малую Азию в 266 г. н. э. Однако больше всего внимания в биографии Галлиена уделено описанию вторжения в Грецию в 267 г. н. э.; там изложен ход военных действий,

¹⁷ *Vita Aureliani*, XXXIX, 7; *Eutrop.*, IX, 15.

¹⁸ *V. R a p p a r o r t.* Ук. соч., стр. 108 и сл.

¹⁹ *Vita Maximini*, XIII, 3, 4.

²⁰ *Vita Max. et Balb.*, XVI.

²¹ *Vita Gordiani*, XXVI, 4; XXXIV, 4.

²² *Vita Gallieni*, XI, 1, 2.

названы имена римских полководцев, боровшихся с «варварами», сообщается маршрут «скифского» отступления.

Биография Клавдия — основной источник по самой большой войне римлян с племенами Причерноморья — 269—270 гг. н. э.²³ Автор биографии перечисляет народы, принявшие участие в походе, подробно повествует о ходе войны, сообщает данные о численности «скифского» войска и размерах флота.

Наряду со «Scriptores Historiae Augustae» очень важные сведения о войнах III в. н. э. сообщает Зосима²⁴. Труд Зосимы появился, по-видимому, вскоре после 501 г. По словам самого автора «Новой истории», целью его было показать упадок Римской империи, подобно тому как некогда Полибий описал возникновение и расцвет римской мировой державы. В обращении с источниками Зосима выступает как типичный компилятор, следующий в каждой отдельной части своего труда одному определенному автору.

Основным источником Зосимы была «История» Евнапия; большая часть первой книги написана на основании трудов Геренния Дексиппа. Правда, ученые расходятся во мнениях относительно того, какое же именно произведение Дексиппа использовал Зосима: «Хронику» или «Скифские войны». Принимая во внимание, что до нас дошли лишь небольшие отрывки «Скифских войн», а «Хроника» сохранилась только в изложении более поздних писателей, — трудно с определенностью отдать предпочтение той или другой точке зрения.

В каком же виде, однако, выступает у Зосимы традиция о войнах III в. н. э.? Качества Зосимы как историка в немалой степени предопределяют ответ на этот вопрос. Его изложение войн порой слишком небрежно; неточность Зосимы в вопросах хронологии создает большие трудности, например в датировке первых морских походов. Осторожного отношения к себе требует терминология Зосимы, например употребление терминов «скифский», «скифы». Для Зосимы причина «варварских» нападений на империю состоит исключительно в жажде «варваров» к грабежу и добыче, их стремлении воспользоваться в целях наживы смутами, терзающими империю²⁵.

Но, несмотря на все это, Зосима дает наиболее яркую картину войн III в. н. э. Дело, как кажется, объясняется не только тем, что Зосима широко использует труд современника этих войн — Дексиппа. Автор, живший в эпоху, когда крушение Западной Римской империи стало уже совершившимся фактом, и поставивший своей целью описать причины ее упадка, имел, по-видимому, живой интерес именно к военной стороне событий III в. н. э. и особенно к столкновениям Рима с «варварами» Причерноморья.

Ведь именно из стран Причерноморья были нанесены империи смертельные удары; первые волны этого натиска не могли не привлечь внимание Зосимы. Возможность бросить ретроспективный взгляд, сравнить события недавнего прошлого с войнами III в. н. э. определили большую глубину и многосторонность их изложения. Зосима отчетливо видит огромную мощь «варварских» вторжений, их губительные последствия для благосостояния провинций²⁶; он сообщает разительные факты разложения в лагере римлян, активной помощи «варварам» со стороны народных масс²⁷.

²³ Vita Claudii, VI, VIII и сл.

²⁴ Z o s i m. Historia nova. Lipsiae, 1887. Praefatio von E. Mendelssohn.

²⁵ Z o s i m., I, 26, 29, 31 и сл.

²⁶ Z o s i m., I, 26.

²⁷ Z o s i m., I, 32, 34.

Для Зосимы, как и для Дексиппа, войны с Римом — дело целого ряда племен Причерноморья. Он не раз отмечает постоянный характер их нападений; готы для него — лишь одно из «скифских» племен²⁸. Только один Зосима дает более или менее ясное представление о ходе двух крупнейших битв III в. н. э. — при Абритте и под Нейссей, которые явились переломными моментами в войнах «скифов» с Римом. Правда, изложение Зосимой истории войн носит очень неравномерный характер, он останавливается, — и то не в одинаковой мере, — лишь на важнейших перипетиях борьбы.

Первая война, о которой сообщает Зосима, это война Филиппа Араба с карпами (245—247 гг. н. э.), точнее, — ее заключительные стадии, когда борьба была перенесена на территорию самих «варваров». Заметка Зосимы кратка, но очень важна, так как это — единственное письменное свидетельство о войне 245—247 гг. н. э. Опустив военные события 248 г. н. э., Зосима прямо переходит к изложению хода войны 250—251 гг. н. э. Но если военные действия 250 г. н. э. освещены у него очень кратко и не совсем верно, то события 251 г. н. э. описаны ярко и подробно²⁹. Стратегический план римлян, битва при Абритте, мир Галла с «варварами» известны, главным образом, из повествования Зосимы.

Но наибольшее внимание уделяет Зосима войнам 50—60-х годов и особенно морским походам. Рассказав о борьбе на Дунае в 253—254 гг. н. э., Зосима³⁰ затем предпосылает введение новому этапу военных действий, важнейшей чертой которого было развертывание «морских походов». В этой же главе он сообщает интереснейшие сведения о действиях «варваров» на территории Боспора и о внутренней борьбе в нем, облегчившей задачу «варваров»³¹. Затем Зосима переходит к описанию морских походов. О первых двух морских экспедициях он рассказывает в главах 32 и 33 книги I; знаменитый поход 258 г. н. э. подробно изложен в 34 и 35 главах. Последующие морские походы описаны у Зосимы довольно бегло, некоторые из них совершенно опущены, другие упомянуты мельком. Однако генеральное наступление «варваров» на империю (269—270 гг. н. э.), шедшее с моря и суши, нашло в нем своего главного историка. Зосима рассказывает о подготовке «варваров» к походу, перечисляет его главных участников, описывает ход военных действий, начиная от вторжения «варваров» на римскую территорию и кончая гибелью их остатков в теснинах Балканских гор.

Таким образом, при всей беглости изложения Зосимой истории «скифских войн», крупнейшие события войн отражены у него полнее, чем у ряда других историков (войны 250—251 и 269—270 гг. н. э.). Немало света проливает Зосима и на историю морских походов, сыгравших значительную роль в борьбе «варваров» с Римом.

Упоминания о войнах III в. н. э. встречаются у многих византийских писателей: Ионна Антиохийского, Кедрена, Малала, Синкелла, Зонары и др.³² Правда, у большинства они носят столь беглый и часто путавый характер, что использование этих данных почти невозможно.

Однако труды византийских авторов Синкелла и Зонары содержат ценнейшие сведения о военных столкновениях Рима с племенами Северного Причерноморья. Это объясняется тем, что Синкелл и Зонара в несравненно большей степени, чем их современники, обратились к использованию

²⁸ Zosim., I, 42, 1.

²⁹ Zosim., I, 23.

³⁰ Zosim., I, 39.

³¹ Zosim., I, 31, 2, 3.

³² В. В а р р а р о г т. Ук. соч., стр. 3 и сл.

произведений не только своих непосредственных предшественников, но и более ранних авторов, а отчасти и первоисточников³³.

Конечно, Синкелл и Зонара очень плохо понимают события многовековой давности, но оба они довольно точны в передаче своих источников, хотя и сильно их сокращают; они не были заинтересованы в сознательном извращении или приукрашивании событий тех лет.

Первый из этих писателей, Георгий Синкелл, был тайным секретарем патриарха Тарасия (784—806 гг. н. э.³⁴). Оставшись не у дел, он удалился в монастырь, где и написал свой труд «Хронография», охватывавший период от «сотворения мира» до вступления на престол императора Диоклетиана.

Источники Синкелла немногочисленны³⁵. Установлено, что для истории императорского периода в основе его труда лежат, с одной стороны, труд Евсевия (церковная история), с другой — «Хроника» Дексиппа (светская история). У Синкелла встречаются и прямые ссылки на Дексиппа, и отдельные отрывки, по-видимому, выдержки из «Хроники». Однако мало вероятно, чтобы Синкелл непосредственно использовал «Хронику», как считает Б. Раппапорт; он, видимо, нашел этот материал у своих предшественников — александрийских хронистов Панодора и Анниана, в свою очередь экцерпировавших произведение Дексиппа.

Синкелл мало интересовался событиями светской истории, что отразилось в полной мере и на описании «скифских войн». Он почти совсем не упоминает о войнах на дунайской границе в период 30—40-х годов и лишь кратко повествует о войне 250—251 гг. н. э. и о событиях 253 г. н. э. Конечно, даже и эти беглые замечания Синкелла не лишены ценности: так, Синкелл определенно свидетельствует о поражении «варваров» под Никополем (250 г. н. э.) и сообщает цифру их потерь³⁶.

Но Синкелл важен для нас прежде всего своим описанием морских походов. Правда, ряд походов он вообще опускает, мимоходом упомянув о них лишь в общем обзоре «морских войн»; однако сведения, сообщаемые им о войнах 266 г. и, особенно, 267 г. н. э., исключительно ценны. Почти единственный из авторов, он повествует о нападении «варваров» на Вифинию и Азию в 266 г. н. э., причем приводит интереснейший факт выступления в поход на них Одената, владыки Пальмирского государства³⁷. Неоценимы сведения Синкелла о морском походе 267 г. н. э. Он последовательно излагает ход военных действий, называет места сражений и приводит даже имя одного из герульских вождей, который в ходе войны перешел на сторону Галлиена³⁸. В изложении войны 269—270 гг. Синкелл вновь слишком краток, но и здесь есть ценное упоминание о племенном составе напавших на империю «варваров».

Немалое значение имеет для истории войн III в. н. э. труд другого византийского хрониста, Зонары — «Epitome historiarum»³⁹.

Зонара заметно возвышается над общим уровнем историографии своей эпохи. Его заслуга состоит в том, что он вновь обратился к использованию источников, правда, одних лишь греческих. Однако и то, что он сохранил, имеет немаловажное значение.

³³ C. Wachsmut. Einleitung in das Studium der alten Geschichte. Leipzig. 1895, стр. 180; Н. Peter. Ук. соч., стр. 173 и сл.

³⁴ Laqueur. Synkellos. P.—W., кол. 1389.

³⁵ Н. Gelzer. Sextus Julius Africanus und die byzantinische Chronographie, II. Leipzig, 1885, стр. 185 и сл.

³⁶ Sincell., стр. 705.

³⁷ Sincell., стр. 717.

³⁸ Там же.

³⁹ Joannis Zonaras. Epitome historiarum. Ed. Dindorfius. Lipsiae, 1868.

Диапазон источников, использованных Зонарой, довольно широк. Для времени республики и ранней империи он взял за основу «Жизнеописание» Плутарха и «Римскую историю» Диона Кассия. Более сложен вопрос об источниках книги XII Зонары, в которой заключены события периода от Александра Севера до Константина. Церковная история этого периода написана, конечно, по Евсевию, но для изложения светской истории Зонара использовал труд какого-то неизвестного автора. Уже давно было высказано предположение, что, скорее всего, это был труд анонимного продолжателя Диона Кассия, так называемый *Anonimus post Dionem* или *Continuator Dionis*. Этот взгляд и получил в науке довольно широкое распространение. Однако впоследствии появилась новая гипотеза, по которой Зонара использовал произведения не Анонима, а какую-то византийскую историю, возникшую не позднее начала VII в.⁴⁰

Традиционная точка зрения кажется более состоятельной. Между сохранившимися отрывками произведения Анонима и соответствующими местами труда Зонары имеется большое сходство; если под Анонимом можно подразумевать одного из крупнейших представителей ранневизантийской историографии, то истории совершенно неизвестен какой-то таинственный автор, труд которого во многом превосходит произведения других византийских писателей. Как это было давно доказано, *Anonimus post Dionem*, использованный Зонарой, идентичен с Петром Патрицием⁴¹, а отрывки труда, приписываемого Анониму, являются фрагментами «Историй» этого писателя.

Петр Патриций, государственный деятель времен Юстиниана, написал историю Римской империи, широко использовав труды Диона Кассия, Геродиана, Дексиппа и Евнапия⁴². Таким образом, компилируя Петра Патриция, Зонара имел в своем распоряжении, хотя и не первоисточники, но, во всяком случае, отнюдь не плохую традицию, повествующую о событиях императорского периода. Это относится и к истории III в. н. э., сведения о которой восходят к Геродиану, Дексиппу и Евнапию, из которых двое первых были современниками событий.

Займствованная из Дексиппа можно выделить в целом ряде разделов книги XII Зонары⁴³. Важно отметить, что сторонники мнения об использовании Зонарой какого-то неизвестного хрониста, жившего не позже VII в., также подчеркивают наличие у последнего хорошей традиции о «скифских войнах» III в. н. э. и выводят ее непосредственно от того же Дексиппа. Таким образом, труд Зонары должен занять свое место в ряду источников по войнам Рима с причерноморскими племенами.

К сожалению, у Зонары нет систематического изложения истории этих войн; беглость и краткость его в вопросах военной истории приводят иногда к тому, что ту или иную войну он описывает двумя-тремя короткими фразами. Порой Зонара⁴⁴ путает события; так, взятие герулами Афин в 267 г. н. э. он ошибочно относит к 269 г. н. э. Встречаются у него и искажения имен: византийские полководцы Афиней и Клеодам, оборонявшие Византию в 264 г. н. э., выступают у него как одно лицо «Клеодам Афинянин»⁴⁵.

Внимание Зонары привлекла война 250—251 гг. н. э., и именно решающий этап войны. Зонара рассказывает о стратегическом плане римлян

⁴⁰ S c h w a r t z. Dexippos. P.—W., кол. 290.

⁴¹ C. de Boor. Römische Kaisergeschichte in byzantinischer Fassung. «Byz. Zeitschr.», 1892, I, стр. 13—33.

⁴² К. К у м б а с х е г. Ук. соч., стр. 238.

⁴³ Z o n a r a s, XII, 23, стр. 139—140; XII, 26, стр. 151.

⁴⁴ Z o n a r a s, XII, 26, стр. 150.

⁴⁵ Там же.

251 г. н. э., приводит данные о переговорах «варваров» с римлянами перед битвой при Абритте. Один из немногих, он дает краткое описание самой битвы.

Очень важен рассказ Зонары о войне 253 г. н. э.⁴⁶ Следует отметить, что в описании ее он более беспристрастен, чем другой источник — Зосима. Существенное значение имеют и сведения, сообщаемые им о войне 269—270 гг. н. э. Правда, изложение Зонары здесь особенно кратко и сухо, но имеются данные, способствующие уяснению хода военных действий.

Произведения Синкелла и Зонары не могут, очевидно, претендовать на ведущее место в качестве источника войн III в. н. э. Но скудность источников заставляет с большим вниманием отнестись и к тем немногим данным, которые сообщают эти авторы. В отдельных случаях сведения Синкелла и Зонары являются единственными, но чаще они пополняют уже имеющиеся данные.

Наряду с рассмотренными выше произведениями римских и византийских историков крупное значение для исследования войн III в. н. э. имеет труд Иордана «De origine Gotorum» или «Getica»⁴⁷. Иордан — единственный готский историк, произведения которого дошли до наших дней⁴⁸. Главными трудами Иордана являются «Romana», посвященная римской истории, и «Getica», излагающая историю готов. Оба произведения появились, как считают, примерно в одно и то же время (551 г.).

В аспекте изучения истории «скифских войн» заслуживает внимания лишь «Getica». Она представляет собой эксерпт, сделанный Иорданом из двенадцатитомной «Готской истории» Магна Аврелия Кассиодора⁴⁹. Кассиодор, римский придворный Теодориха, написал свой труд с определенной политической целью: показать римлянам славные деяния готов, примирить их с готским господством. Во исполнение этой задачи Кассиодор совершил сознательно ряд фальсификаций; труд его отличался крайней тенденциозностью. Тем не менее Кассиодор использовал труды многих римских и греческих авторов, в том числе Аммиана Марцеллина.

Иордан с большой поспешностью переработал труд Кассиодора, сделал некоторые дополнения из других авторов, но в целом источники Иордана — это источники Кассиодора.

События III в. н. э. занимают в книге Иордана сравнительно небольшое место. Источниками по этому периоду для Иордана, — а вернее, Кассиодора, — служили труд Аммиана Марцеллина и готская история Аблабия. Судя по всему, первоисточником Аммиана Марцеллина был Дексипп. Сведения, восходящие к Аблабию, составляют наименее ценную часть повествования Иордана, ибо Аблабий широко использовал готские сказания, в которых причудливо сочетались вымысел и действительность.

В изложении Иордана войны племен Причерноморья с Римом выступают исключительно лишь как предприятия готов и готских королей; при описании походов Иордан непомерно преувеличивает численность «готских армий», старательно обходит неудачные для них сражения и войны.

В описании войн III в. н. э. Иордан останавливается более или менее подробно на трех войнах: 248, 250—251 и 263 гг. Особенно интересны сведения Иордана о войне 250—251 гг.; довольно подробно описаны движение

⁴⁶ Z o n a r a s, XII, 21, стр. 137

⁴⁷ «Monumenta Germaniae Historica». Auctorum antiquissimorum, t. V, I. Jordanis Romana et Getica. Prooemium von Th. Mommsen.

⁴⁸ W a t t e n b a c h - L e v i s o n. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, I. Weimar, 1952, стр. 75, 76.

⁴⁹ «Monumenta Germaniae Historica»..., Prooemium, стр. VII и сл.

враждебных армий, битвы при Никополе и Бера, осада Филиппополя⁵⁰. Все это заставляет сделать вывод, что при условии строгой исторической критики данные Иордана могут найти свое место в воссоздании картины «скифских войн» III в. н. э.

В предшествующем изложении дана краткая характеристика основных источников по истории римско-скифских войн III в. н. э. Однако сведения об этих войнах встречаются и в ряде других произведений. Правда, они носят очень отрывочный характер, но иногда касаются событий, слабо освещенных главными источниками. Необходимо отметить далее, что среди авторов этих второстепенных произведений есть и современники событий, и лица, пользовавшиеся утраченными трудами.

Одним из таких авторов является Геродиан, современник войн III в. н. э.⁵¹, сообщивший в своей «Истории» краткие, но ценные известия о начале «скифских» вторжений в империю. Интересны «Послания» епископа Новой Цезарии Григория, очевидца морского похода 257 г. н. э.⁵² Эти «Послания» дают представление о сочувствии и поддержке «варварам» со стороны угнетенных масс Римской империи.

О «скифских войнах» имеются беглые сведения и у латинских писателей IV в. н. э., авторов кратких очерков римской истории — Аврелия Виктора и Евтропия. История III в. н. э. написана ими на основе какой-то анонимной истории цезарей, составленной во времена Диоклетиана.

Таким образом, источники по истории войн III в. н. э. отличаются многообразием и сложностью. Они нередко носят фрагментарный характер, страдают порой большой тенденциозностью. Однако все эти трудности не являются непреодолимыми. Традиция о «скифских войнах» у большинства авторов восходит в основном к писателям III в. н. э., из которых важнейшим был Дексипп. Сохранились частично и свидетельства очевидцев войн. Поэтому, суммируя и подвергая критике все имеющиеся факты, можно в какой-то степени воссоздать картину войн причерноморских племен с Римом. Конечно, в деле критики и осмысления литературных источников огромную роль призваны сыграть материалы археологии и данные эпиграфики.

⁵⁰ *Getica*, XVIII, 101—103.

⁵¹ D o p p. Herodianus. P.—W., кол. 954 и сл.

⁵² M i g n e. *Patrologiae cursus completus*, т. X, стр. 1037 и сл.

Л. М. С Л А В И Н

ОЛЬВИЯ КАК ГОРОД В VI—I вв. до н. э.

1887 г. был очень важной вехой в изучении Ольвии: вышла в свет работа В. В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии». Это был первый научный труд об Ольвии, написанный на основании всех доступных в то время письменных источников и нумизматических находок. Характер использованных В. В. Латышевым источников не позволил ему исследовать вопросы об устройстве города, его ремеслах, торговле, искусстве, религии и т. д. Осветить эти стороны жизни Ольвии стало возможно лишь после многолетних систематических раскопок, начавшихся в 1901 г., позволивших накопить необходимые археологические материалы.

Самой блестящей страницей изучения Ольвии после книги В. В. Латышева явилось археологическое изучение планировки города, его застройки и благоустройства. Открытия в этой области связаны с именем Б. В. Фармаковского, возглавлявшего археологические исследования Ольвии в 1896, 1901—1915 и 1924—1926 гг.¹ Раскопки Б. В. Фармаковского проводились по заранее намеченному и строго продуманному плану. Работы Б. В. Фармаковского в Ольвии являлись образцом научно поставленных археологических исследований древнего города. Они составили целую эпоху в истории нашей отечественной археологии. Около половины открытых к настоящему времени руин Ольвии было раскопано экспедициями Б. В. Фармаковского.

Другая часть выявленных в Ольвии памятников городского строительства была открыта после смерти Б. В. Фармаковского группой его учеников и сотрудников в 1927—1930, 1932, 1935—1940, 1946—1957 гг.²

¹ Б. В. Фармаковский, ОАК за 1896, 1901, 1902, 1903, 1904, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909—1910, 1911, 1912, 1913—1915 гг.; ИАК, вып. 8, 13, 33 и др.; е го ж е. Розкопування Ольвії р. 1926. Одея, 1929; е го ж е. Отчеты о раскопках в Ольвии в 1924 и 1925 гг. Сообщения РАИМК, т. I, 1926.

² Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940; Т. Н. К н и п о в и ч. Ольвийская экспедиция КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 21—30; е е ж е. Основные итоги ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 97—106; Е. И. Л е в и. Итоги ольвийской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 173—184; е е ж е. К вопросу об ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 319 и сл.; Л. М. С л а в и н. Раскопки Ольвии в 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. II, 1949, стр. 7 и сл.; е го ж е. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947—1948 рр. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV, 1952, стр. 43—58; е го ж е. Основные итоги исследований Ольвии за последние годы. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». Киев, 1953, стр. 119 и сл.; «Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху», МИА, № 50, 1956.

Ими были поставлены новые задачи — открытие городских ремесел, выяснение социального и этнического состава городского населения, изучение взаимодействий Ольвии с окружающим ее коренным населением Днепро-Днестровского района.

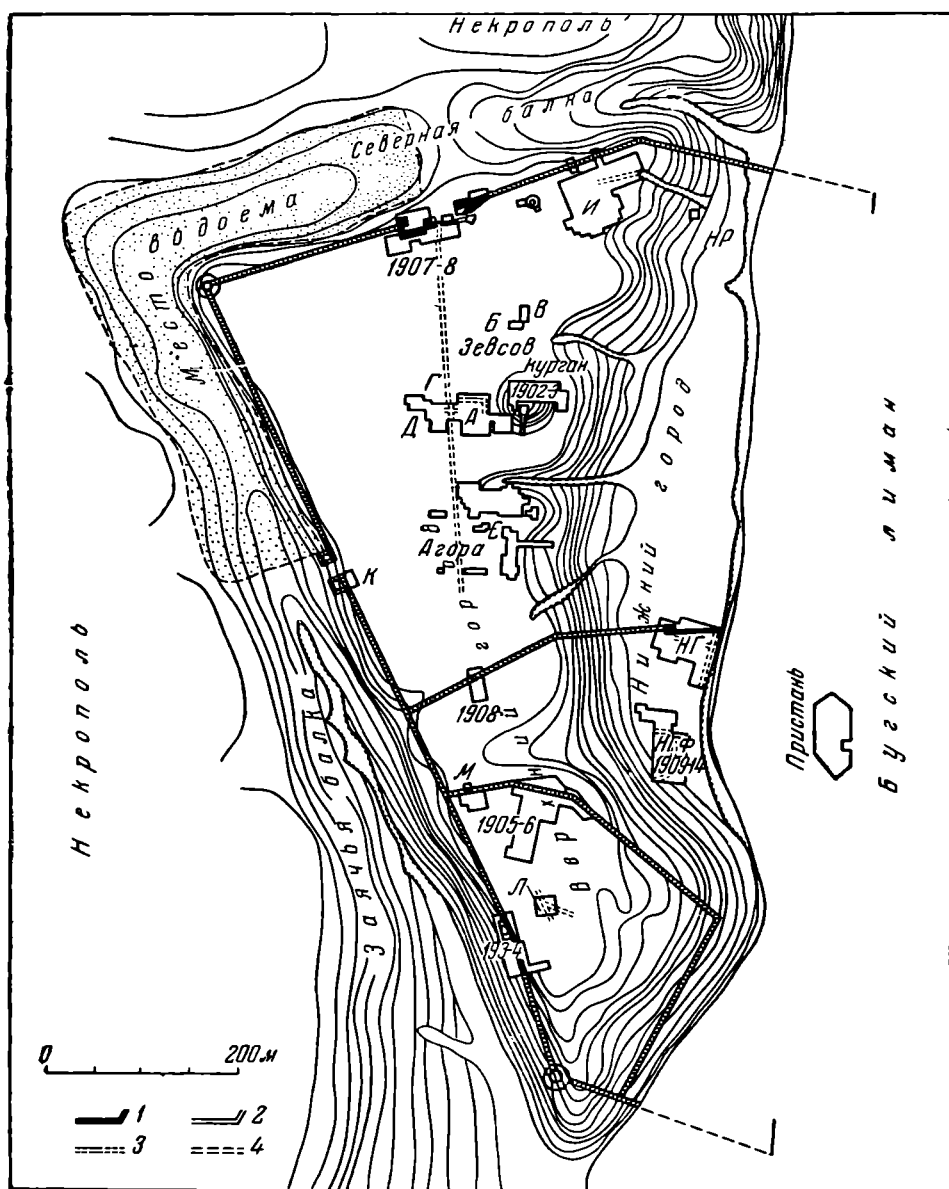

Рис. 1. План городища Ольвии с указанием раскопанных участков.

1 — открытые части оборонительных стен; 2 — предполагаемые оборонительные стены (по А. Н. Карасеву); 3 — предполагаемое направление главной улицы в северной части Верхнего города; 4 — открытые раскопками части улиц; 1902—1914 — участки раскопок дореволюционного времени; А—ИГФ — участки раскопок советского времени.

В результате больших археологических работ Ольвия дала более полный, чем другие античные города Причерноморья, материал для характеристики устройства древнегреческого городского поселения — его планировки, застройки, обороны, благоустройства и убранства.

Правда, Ольвия раскрыта пока только частично (около одной пятой); тем не менее и тот материал, что имеется, позволяет предпринимать попытки восстановления общей картины городского ансамбля и его отдельных частей³. Одна из таких попыток составляет содержание настоящей статьи.

Выбор первыми группами греков-переселенцев в начале VI в. до н. э. места для основания города был весьма удачным во многих отношениях.

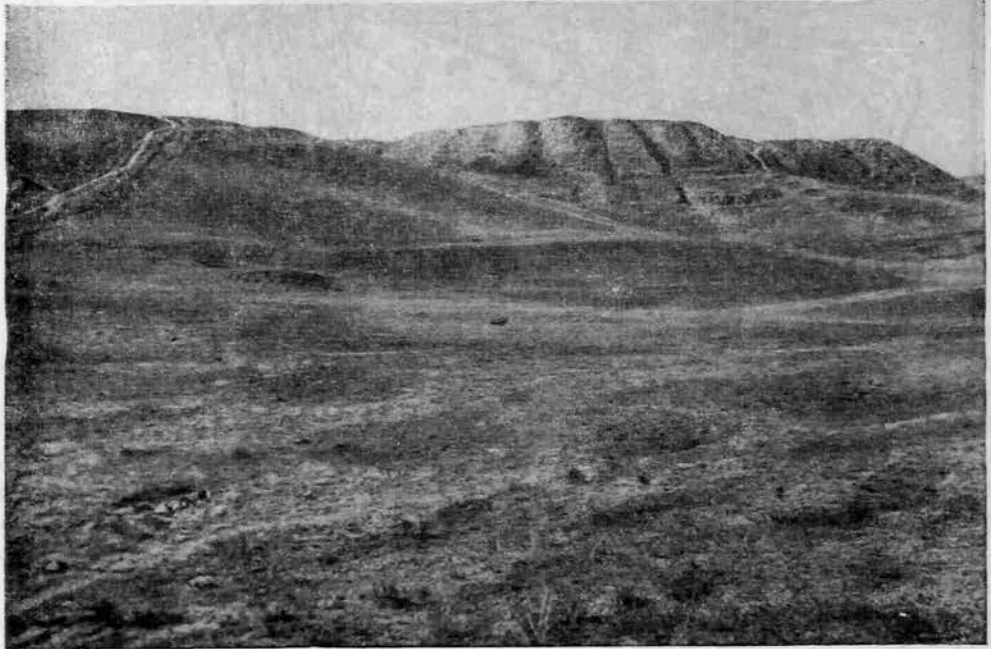

Рис. 2. Вид северо-западной части Нижнего города и склонов прилегающих частей Верхнего города.

Прежде всего рельеф территории создал естественно укрепленное место. Город, имеющий в плане форму треугольника (рис. 1), с восточной стороны омывается широким (до 7 км) Бугским лиманом; с двух других сторон он опоясан глубокими балками, замыкающими почти полностью его сухопутные границы: глубокой Северной балкой — на севере, глубокой и широкой Заячьей балкой — на западе. Лишь на очень небольшом участке северной границы этого треугольника территория города сообщается со степью: Северная балка поднимается в этом месте до уровня окружающей Ольвию степи (рис. 2).

В пределах указанных границ территория Ольвии состоит из двух частей: 1) так называемого Нижнего города, прилегающего непосредственно к лиману в северо-восточной части треугольника и имеющего в плане форму полуэллипса, и 2) нагорной части, так называемого Верхнего

³ Б. В. Фармаковский. Ольвия. М., 1915; его же. *Olbia. Fouilles et trouvailles 1901—1908*. ИАК, вып. 33, Л. М. Славин. Ольвия. Київ, 1938; его же. Древний город Ольвия. Киев, 1951; А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 129 и сл.; его же. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 25—37.

города, находящегося на высоком берегу, возвышающемся над уровнем моря на 40 м.

Нижний город, площадь которого равна в настоящее время 6—7 га, имел в древности в два раза бóльшую территорию: волны лимана постепенно разрушают его (рис. 3).

Верхний город занимает площадь в 22 га; из этой части Ольвии хорошо видно, что происходит в степи на значительном от города расстоянии.

Рис. 3. Каменные плиты портовых и других больших построек Нижнего города, выступающие из воды во время отлива в лимане на расстоянии 50—100 м от нынешнего берега.

Заселение Ольвии греками-переселенцами началось, несомненно, с Нижнего города, высокие склоны которого хорошо защищают его территорию от степных ветров, дующих с запада, севера и юга. Благодаря этому в Нижнем городе несколько теплее, чем в Верхнем городе; к тому же там имеются родниковые источники с прекрасной водой. Но уже очень скоро территория Нижнего города должна была оказаться недостаточной. Во второй половине VI в. до н. э. греки заселили южную и центральную части и Верхнего города.

Остатки городского строительства VI в. до н. э. открыты раскопками пока в очень малом количестве. Это объясняется прежде всего тем, что при раскопках обычно оставляются на месте остатки построек первых веков нашей эры и эллинистического времени, перекрывающие нижние слои классического и архаического времени. Поэтому на уровне архаического слоя раскапываемая площадь равна $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ первоначальной площади участка при разбивке. Кроме того, постройки этого периода постоянно разбирались на материал для построек последующего времени. К тому же постройки VI в. до н. э. в массе своей не были достаточно прочными: чаще, чем в последующее время, они сооружались из сырца, сохранившегося довольно плохо. Наконец, в Ольвии раннего времени

значительная часть переселенцев довольствовалась, по крайней мере в первый период, временными жилищами, даже полуземляночного типа.

Две такие полуземлянки временного характера VI в. до н. э. открыты в центральной части Верхнего города: одна из них — близ так называемого Зевсова кургана, другая — в западной части участка АГД⁴. Полуземлянки были врезаны в материк глубиной до $\frac{3}{4}$ —1 м; они имели круглую форму и сравнительно большие размеры — около 4 м в диаметре. Если временные полуземляночные жилища строились даже в центральной части города, то на окраинах городской территории таких построек, нужно думать, было немало.

В первые десятилетия существования Ольвии еще не могло быть планомерного роста и организованного строительства города. Лишь в середине и, во всяком случае, не позднее третьей четверти VI в. до н. э. после того как поселение выросло и началась регулярная деятельность государственных органов, должны были окончательно установиться основы городской планировки и начаться работы по строительству общественных сооружений и городскому благоустройству (водопроводная и водоотводная системы, мощные улицы и площади).

Раскопки показали, что не позднее чем к последним десятилетиям VI в. до н. э. относится устройство в центральной части Верхнего города ольвийской агоры⁵. В позднеархаическую эпоху были заложены основы прямолинейной планировки города с улицами, пересекающимися под прямым углом⁶. Таким образом, так называемая гипподамова система прямолинейной планировки городского поселения была применена в Ольвии гораздо раньше, чем во многих городах древней Греции. Это наиболее ранний пример регулярной городской планировки в Северном Причерноморье.

Жилища VI в. — начала V в. до н. э. характеризуются сравнительно небольшими размерами и своеобразными чертами их устройства. Стены домов клались преимущественно из кирпича-сырца на каменном цоколе. Основанием фундаментов часто служили плоские, лишь слегка обработанные плиты, положенные плашмя. На этом основании помещались один или несколько рядов плит, поставленных вдоль обеих лицевых сторон стен на ребро; пространство между ними заполнялось бутом. Остатки таких построек встречены в Ольвии уже дважды: один раз — на юго-восточном участке АГД (здесь, очевидно, находился жилой дом), другой раз — в 1954 и 1955 гг. на участке М⁷, где, судя по всему, находилось какое-то общественное здание.

Одной из особенностей каменных цоколей или стен в VI в. и начале V в. до н. э. является употребление «полигональной кладки»; в Ольвии она известна в трех постройках: 1) в так называемом полигональном домике близ Зевсова кургана, впервые открытом Б. В. Фармаковским в 1903 г., позднее дважды (в 1926 и 1939 гг.) снова раскрывавшемся (рис. 4); 2) в доме, выстроенном в начале V в. до н. э., открытом под домом № 3 эллинистического времени на участке АГД; 3) в северо-восточ-

⁴ Участок АГД расположен в северной половине центральной части Верхнего города.

⁵ Е. И. Леви. К вопросу об ольвийской агоре, стр. 320.

⁶ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії р. 1926, стр. 40; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 56—59.

⁷ Участок М находится в южной части Верхнего города.

ной части участка АГД. Следует отметить, что все три упомянутых дома находились рядом один с другим.

Несмотря на незначительные размеры вскрытой в Ольвии площади VI в. до н. э., удалось обнаружить остатки металлообрабатывающего производства, размещавшегося в центральной части Верхнего города — в пределах участка АГД.

Рис. 4. Так называемый полигональный домик близ Зевского кургана с сырцовыми стенами на каменном цоколе.

В классическое время — V в. и первая половина IV в. до н. э. — Ольвия была большим благоустроенным городом. Это было время расцвета экономической, политической и культурной жизни города. Геродот, посетивший Ольвию около середины V в. до н. э., сообщает, что она была окружена оборонительными стенами и высокими башнями, с которых можно было видеть, что происходило в городе. Ворота в город в случае нужды запирались и находились под охраной. В Ольвии была большая площадь, где проводились культовые шествия. Среди богатых частных и общественных зданий выделялся обширный дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифы, принадлежавшие скифскому царю Скилу⁸.

Раскопки подтверждают эту картину. Памятников городского строительства классического времени открыто значительно больше. Оборонительные сооружения, общественные здания, частные дома этого времени отличаются красотой и величием; они свидетельствуют о мощи города.

В V в. — первой половине IV в. до н. э. была заселена почти вся площадь города до линии Северной и Заячьей балок; только один участок на окраине северо-восточной части Верхнего города, между Северной

⁸ Herod., IV, 78—80.

балкой и склоном в Нижний город, оставался за городской чертой и служил одной из частей некрополя⁹

Самые древние оборонительные сооружения, открытые на Заячьей балке, относятся к первой половине V в. до н. э.¹⁰ Это были очень мощные и красивые крепостные стены. Основанием для них служили своеобразные платформы из больших каменных плит (с хорошо отесанными верхней и боковой поверхностями), прекрасно подогнанных одна к другой. На этой платформе, уложенной на материке, вдоль обеих лицевых сторон были сложены облицовочные панцири из перемежающихся рядов плит: одних — положенных плашмя (постелью), других — поставленных в системе «кордон на ребро, плита на образок». Лицевые поверхности плит, обращенных как в сторону города, так и в степь, были украшены рустами. Кладка плит облицовочных панцирей производилась «по шнуру» — с помощью заранее намеченных линий, выполненных в виде неглубоких желобков. Основную толщу стены между облицовочными панцирями (свыше 2 м) составлял бут из рваного камня на глиняном растворе. Общая же толщина этой стены достигала 3¹/₂ м. Она шла параллельно Заячьей и, по-видимому, западной половине Северной балки. Есть основания полагать, что примерно с середины Северной балки, где находились главные городские ворота, эта стена поворачивала на юго-восток по направлению к балочке, отделявшей северо-восточный район Верхнего города (где в VI и V вв. находился участок некрополя) от остальной части Ольвии. Где стояли башни и другие городские ворота, пока еще не установлено.

Планировка города получила в это время дальнейшее развитие и усовершенствование. В центральной части Верхнего города, над западным склоном в Нижний город была расширена и застроена агора — центральная площадь, являвшаяся средоточием культовой, государственной и торговой жизни города. Агору пересекала главная ольвийская улица, начинавшаяся от городских ворот на Северной балке. Другая улица уходила от северо-западного угла агоры в западном направлении¹¹.

В северо-восточной части агоры находился огражденный каменной стеной священный участок, на котором были сосредоточены храмовые постройки, алтари, жертвенники. Особого внимания заслуживает открытый раскопками большой алтарь, представляющий собой каменный подиум высотой 0,6—0,7 м, состоящий из трех разновременных частей, случайно придавших алтарю в плане крестообразную форму (рис. 5). На агоре находились богатые здания общественного назначения.

Агора была вымощена. Замощение центральной части площади состояло из обломков амфор, черепиц и толстостенных сосудов на растворе. От нее шли дорожки к наиболее посещаемым храмовым и другим общественным зданиям, стоявшим по краям агоры. Одни дорожки были вымощены тем же черепьем, другие, как например, дорожки к священному участку, — щабнем. Раскопки 1955 г. дали основание полагать, что на агоре росли деревья.

Из построек агоры, связанных с благоустройством города, выделяется большой каменный водоем, в который собиралась дождевая вода с агоры для фонтанов на близлежащем склоне или для других целей. Водоем

⁹ Т. Н. Кн и п о в и ч. Архаический некрополь на территории Ольвии. КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 80; е с ж е. Некрополь на территории Ольвии. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 112.

¹⁰ А. Н. К а р а с е в. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 25 и сл.

¹¹ Е. И. Л е в и. К вопросу об ольвийской агоре, стр. 320.

является одним из самых выдающихся памятников ольвийского строительного дела¹², благодаря замечательной кладке (рис. 6).

Рис. 5. Агора. Алтарь V—IV вв. до н. э. Общий вид.

Об устройстве богатого частного дома этого времени можно судить по двум монументальным подвальным помещениям, открытым в 1954 г. на участке АГД¹³. Размеры одного помещения — $4,9 \times 4,45$ м, длина другого, несколько меньшего, — 4,49 м. Высота сохранившихся каменных стен достигает 2,4 м. Стены обоих помещений облицованы очень хорошо отесанными и тщательно уложенными каменными плитами. В каждом ряду кладки, как правило, употреблен камень одинакового размера (рис. 7). В стене меньшего подвального помещения — в том месте, где должен был находиться потолок, — прекрасно сохранились прямоугольные гнезда-ниши для укладки концов балок перекрытия.

Общественные здания и дома знатных людей были богато украшены. Выше уже упоминалось о доме скифского царя Скила. Возможно, ему принадлежала мраморная фигура сидящего сфинкса или грифа (середины V в. до н. э.), хранящаяся в Одесском археологическом музее¹⁴.

Одним из наиболее характерных элементов больших древнегреческих городов являлся акрополь. Был ли акрополь в Ольвии? Мнения исследователей по этому поводу разделились¹⁵. Однако, судя по рельефу городской территории и данным раскопок, есть основания полагать, что Ольвия имела акрополь, который находился в южной части Верхнего

¹² Е. И. Левин. Итоги ольвийской экспедиции, стр. 180.

¹³ Л. М. Славин. Основные итоги ольвийской экспедиции 1954 г. КСИИ, вып. VI, 1955, стр. 35.

¹⁴ «Древний мир на юге России», Сб. источников под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М., 1918, стр. 39, рис. 34; В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 11, 12.

¹⁵ В. В. Латышев. Исследования..., стр. 106.

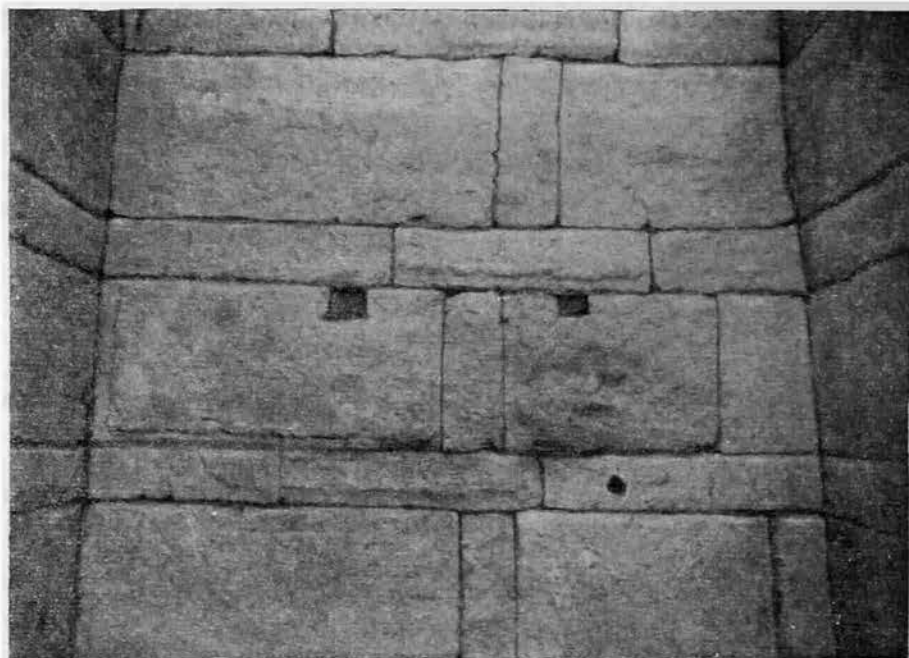

Рис. 6. Агора. Водоем. Деталь кладки стен.

Рис. 7. Участок АГД. Южная часть большого подвального помещения богатого дома V—IV вв. до н. э.

города. Это самый защищенный район Ольвии, господствовавший над Нижним городом и расположенный несколько выше остальной, северной части Верхнего города, от которой он отделен так называемыми Поперечными балками. Систематические раскопки этой части города начались срав-

нительно недавно. Но уже и теперь обращает на себя внимание исключительно богатый вещественный материал VI—IV вв. до н. э., происходящий из этого района предполагаемого акрополя, мало в чем уступающий находкам на агоре.

Как известно, Ольвия в VI—IV вв. до н. э. была значительным центром ремесленного, в частности, — металлообрабатывающего производства, продукция которого имела очень широкий сбыт в среде племен от Карпат до Поволжья и Приуралья, от северного берега Черного моря до Киевщины¹⁶. При раскопках северной половины центральной части Верхнего города (участок АГД) были открыты остатки металлообрабатывающих мастерских V—IV вв. до н. э., а также склады вина и масла с цементированными цистернами, земляными погребам и глиняной тарой. Можно полагать, что часть производственных предприятий будет открыта на окраинах города и с внешней стороны крепостных стен.

Больше всего археологических материалов, характеризующих городскую ансамбль Ольвии, относится к последующим векам существования города до разрушения его гетами. Для эллинистического времени мы располагаем и значительным числом письменных памятников, которые оказывают существенную помощь для характеристики городского строительства.

Конец классического и начало эллинистического времени ознаменовались капитальными изменениями в городском строительстве Ольвии, очень крупными работами по сооружению большого количества новых общественных зданий и жилых домов. Чем были вызваны эти работы, почему перестали существовать многие прежние здания, вместо которых были построены новые, — мы пока не знаем, но хронологическое совпадение их с критическим временем, которое пережила Ольвия во время похода Зопириона, заставляет нас связать эти события. Здесь не место для обсуждения вопроса о том, чем кончилась осада Ольвии войсками Зопириона: удалось ли им взять Ольвию, или ценой больших усилий и жертв, о которых сообщает Макробий¹⁷, ольвиополиты отстояли свой город. Одно лишь ясно: эти события очень серьезно отразились на состоянии города, на городском строительстве. Однако благодаря тому, что город в IV в. до н. э. еще был богат, что его экономическая деятельность продолжала процветать, Ольвии оказались по силам весьма крупные работы по переустройству города, большому новому городскому строительству.

В IV в. до н. э. город расширился за счет северо-восточной части Верхнего города, где до этого — в VI и V вв. до н. э. — находился один из участков некрополя. Таким образом, в IV в. до н. э. город достиг своих максимальных границ. Для того чтобы застроить этот район, здесь были осуществлены очень значительные земляные работы по нивелировке местности — засыпаны находившиеся там небольшие балочки и выровнены террасы на склоне для их застройки¹⁸. Работы по нивелировке городской территории проводились в это время во многих районах Ольвии, в частности на агоре, в других пунктах центральной части, а также в южной части Верхнего города. Во время этих нивелировочных работ были засыпаны некоторые старые постройки, например большой каменный алтарь

¹⁶ П. П. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 58 и сл.

¹⁷ Masob., Saturn., I, II, 23.

¹⁸ Л. М. Славин. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города, СА, VII, 1941, стр. 242 и сл.

на агоре (открытый в 1952 г.), оказавшийся ниже нового уровня земли в этой части города. Для других групп построек, оставленных на прежних уровнях, были вымежеваны соответствующие участки с несколько более пониженным уровнем. Так, священный участок, окруженный каменной оградой (как показали раскопки северной части агоры в 1955 г.), был расположен чуть ниже вымостки восточной части агоры; улица, шедшая вдоль оборонительной стены у Заячьей балки, находилась несколько ниже уровня примыкавшей к ней части Ольвии, вследствие чего рядом с улицей была создана более высокая терраса с каменной подпорной стеной.

Все части городской территории были в это время густо заселены ольвиополитами. Были укреплены, а где нужно — перестроены старые крепостные стены. Как сообщается в декрете в честь Протогена, им были выстроены городские стены и со стороны лимана, где раньше их не было. После того как перестали хоронить в северо-восточной части Верхнего города, была выстроена оборонительная стена над южной стороной Северной балки. Таким образом, в это время вся городская территория была охвачена каменными крепостными стенами, общая протяженность которых достигла 2850 м, что превышает периметр оборонительной линии города Приены. Если оборонительные стены классического времени строились на материке, то теперь для них были сооружены искусственные земляные основания — субструкции. Укрепления, хотя и не имели такой мощи и красивой облицовки, какие были характерны для классического времени, однако продолжали оставаться весьма капитальными сооружениями¹⁹. Оборонеспособность крепостных стен и башен усиливалась тем, что они находились над гребнем глубоких балок и над обрывом к лиману. Неприятель, прежде чем подойти к городским укреплениям, должен был преодолеть эти естественные преграды, являвшиеся весьма серьезными препятствиями. В систему городской обороны этого времени входил целый ряд башен, о которых мы пока знаем только из письменных источников. Нововыстроены главные городские ворота на Северной балке.

Прямолинейная планировка города, основы которой были заложены еще в VI—V вв. до н. э., получила теперь полное развитие.

В центральной части Верхнего города по-прежнему находилась агора²⁰, которая во второй половине IV в. до н. э. была несколько перестроена. В северо-восточной части продолжал существовать священный участок, окруженный каменной оградой. С IV в. до н. э. здесь находился периптеральный храм Аполлона Дельфиния, а с III в. до н. э. — небольшой храм, посвященный Зевсу. Вдоль этих построек рядами, вытянутыми с запада на восток, выставлялись декреты ольвийского правительства — проксии, посвятельные и другие надписи. В северо-восточной части агоры продолжали существовать общественное здание и большой каменный водоем гидротехнического сооружения. На восточной и западной сторонах агоры были выстроены торговые ряды, в которых производилась продажа, по видимому, ремесленных товаров. На агоре находились и другие общественные здания, в том числе монетный двор и мастерская, изготовлявшая терракоты культового характера, служившие приношениями в храм.

Сеть улиц стала в эллинистическое время значительно более разветвленной. От главных крепостных ворот начиналась центральная улица²¹, уходившая по направлению к агоре, за которой она продолжалась дальше,

¹⁹ А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии, стр. 25 и сл.

²⁰ Е. И. Левин. К вопросу об ольвийской агоре, стр. 322, 323. Ее же. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 35 и сл.

²¹ Б. В. Фармаковский. Розкопування Ольвії р. 1926, стр. 40.

к южному концу Верхнего города. Эту главную улицу пересекал целый ряд поперечных улиц, имевших направление с запада на восток. Одна из таких поперечных улиц начиналась близ главных ворот и спускалась недалеко от Северной балки, параллельно ей, в Нижний город. Ряд других поперечных улиц выявлен раскопками в центральной части Верхнего города (участок АГД). В Нижнем городе также открыто несколько улиц: одни из них шли параллельно берегу лимана, другие пересекались с ними под прямым углом.

Кварталы, образовавшиеся в четырехугольниках между улицами, были застроены жилыми домами и общественными зданиями, обращенными в сторону улиц и площадей, производственными сооружениями и хозяйственными постройками, располагавшимися в тыльной части кварталов.

В Ольвии наблюдаются и отдельные отклонения от прямолинейной планировки городской территории, но они обычно отмечены лишь в тех местах города, где рельеф местности не позволял создавать прямолинейную форму квартала.

Улицы и площади города были мощные; их украшали статуи, бюсты, рельефные изображения героев, богов и наиболее проявивших себя граждан. В ольвийских надписях упоминается целый ряд подобных памятников. Так, в IV в. до н. э. была поставлена статуя Каллиника, сына Евксена²²; в III в. до н. э. — конная статуя другого знатного деятеля Ольвии — Еврисивия, сына Димитрия²³; в I в. до н. э., перед гетским нашествием, — статуя Никерата, сына Папия, убитого при защите города во время нападения на него неприятеля²⁴. Не сохранившийся конец декрета в честь Протогена²⁵ мог тоже содержать постановление об установке статуи в честь этого знатного гражданина. В том же декрете упоминается статуя герою Сосию.

Выше мы уже говорили о некоторых общественных зданиях, открытых раскопками. О других крупных общественных постройках известно из надписей. Так, в надписи IV в. до н. э. упоминается ольвийский эkkлeсиастерий²⁶ — здание, в котором происходили народные собрания. Эkkлeсиастерий же служил местом обмена иностранных денег на ольвийские деньги. Существование в Ольвии гимнасиев засвидетельствовано в надписях разного времени²⁷. К разряду общественных сооружений Ольвии относился ипподром, о наличии которого в первой половине I в. до н. э. указывается в одной из надписей. Конные состязания в Ольвии были связаны с культом Ахилла²⁸. Ипподром находился, быть может, по соседству с храмом Ахилла.

В Ольвии был театр. Об этом свидетельствует несколько надписей; две из них относятся к IV и III вв. до н. э.²⁹

В городе было два рыбных рынка; один из них, по-видимому, находился в районе гавани, другой — в Верхнем городе. Там были также лавки и мастерские. Некоторые лавки помещались на агорe. Часть их принадлежала ольвийским властям, которые сдавали их в аренду купцам. Кроме того, в распоряжении городских властей оставались общественные лавки, где населению продавались хлеб и другие продукты из запасов на случай войны и неурожая. Такие лавки, очевидно, размещались рядом с городскими

²² IOSPE, I², № 25, стр. 35 и сл.

²³ Там же, I², № 187, стр. 206.

²⁴ Там же, № 34, стр. 57 и сл.

²⁵ Там же, № 32, стр. 43 и сл.

²⁶ Там же, № 24, стр. 31 и сл.

²⁷ Там же, № 40, стр. 69 и сл.

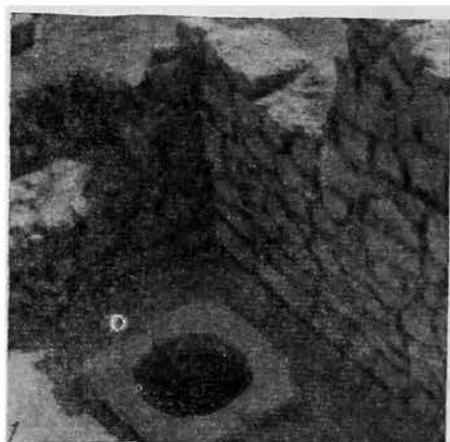
²⁸ Там же, № 34, стр. 57 и сл.

²⁹ Там же, № 25, стр. 35 и сл.; Е. И. Левин. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 и сл.

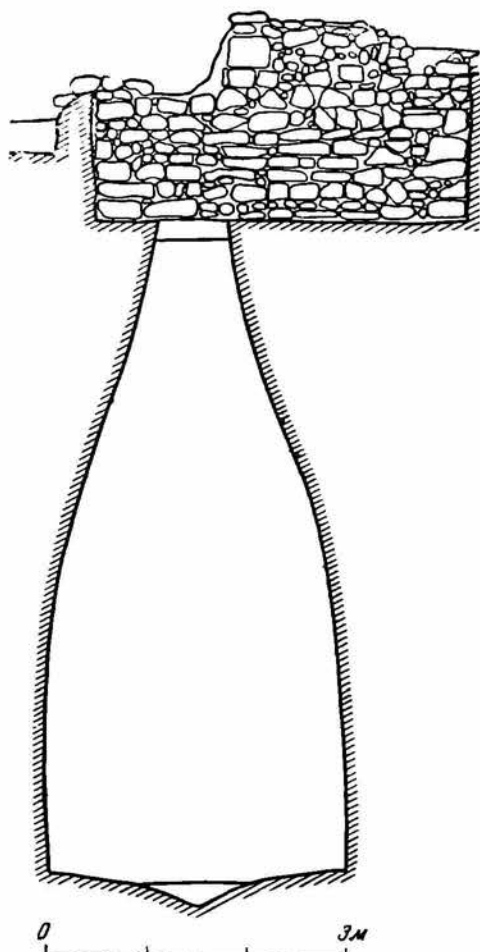
складами-житницами. Есть основания полагать, что часть таких складов находилась в районе участка АГД. В гавани Ольвии были судостроительные мастерские, места для причала судов — городских и частных, принадлежавших ольвийским гражданам и приезжим купцам.

Необходимо отметить открытый раскопками район виноделия и винохранилищ в северо-восточной части Верхнего города (участок И). В винных складах были цементированные цистерны и пифосы. Среди них выделяется находившаяся в юго-западном доме цементированная цистерна бутылковидной формы, глубиной 7 м, емкостью больше 5000 литров (рис. 8). На этом же участке находились подвальные склады амфор, один из которых полностью сохранился вместе с заполнявшими его амфорами³⁰.

Большой размах получило в эллинистическое время домостроительство: в Ольвии раскопано больше 20 жилых домов. Большая часть их

1

2

Рис. 8. Цистерна бутылковидной формы для хранения вина. Участок И.

1 — горловина; 2 — разрез.

опубликована³¹, поэтому отметим лишь то общее, что характеризует ольвийское домостроительство в целом.

Первое, что бросается в глаза, это — разнообразие в планировке жилых домов. Буквально нет двух домов, планировка которых была бы одинаковой, хотя в каждом из них имеются такие обязательные для богатых греческих домов элементы, как мощный двор, парадные и жилые комнаты,

³⁰ Л. М. С л а в и н. Последки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947—1948 рр., стр. 48 и сл.

³¹ Кроме уже цитированной литературы, см. также В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. «Всеобщая история архитектуры», т. II, ч. II, 1948, стр. 367 и сл.; Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Дома античных городов Северного Причерноморья. «Античные города Северного Причерноморья», 1955, стр. 215 сл.

хозяйственные помещения. Надо полагать, что это объясняется различными формами и размерами застраивавшихся участков, положением этих участков по отношению к улице или площади, а главное, — отсутствием стремления к единообразию в планах домов.

Одна из особенностей, отличающих жилища здания Ольвии от домов других городов, состоит в том, что в каждом из них были подвальные помещения с каменными стенами (рис. 9), реже — по одному, чаще — по

Рис. 9. Общий вид остатков жилого дома № 2 (конец IV в.— начало II в. до н. э.). Участок АГД.

два, три и больше. Лишь часть подвалов служила для хозяйственных целей, а большинство их представляло собой утепленные помещения для проживания в зимнее время. Климатические условия Северного Причерноморья были для греков весьма суровыми по сравнению с метрополией. Жилому назначению подвальных помещений соответствует тщательная кладка их стен (рис. 10), которые большей частью покрывались крашеной штукатуркой. В некоторых домах находились даже подвальные этажи с сообщающимися между собой помещениями. В подвальные этажи иногда вели специальные коридорообразные спуски с каменными лестницами (лестничные клетки).

У богатых домов III в. до н. э. были дворы, с трех или четырех сторон окруженные колоннадами, за которыми находились крытые портики.

Вход с улицы в богатые дома вел во двор через сени квадратной или продолговатой формы; в других домах вход с улицы вводил непосредственно во двор. В ряде домов и в Верхнем, и в Нижнем городе были маленькие помещения для привратника; в двух домах (один — в Верхнем городе, другой — в Нижнем) находились помещения для бани, в одном доме Нижнего города — конюшня с отдельным боковым входом. Полы дворов были всегда замощены каменными плитами. Только в одном доме (раскопки 1902—1903 гг.) двор имел мозаичную вымостку. Камнем мостились иногда и портики перистильных домов. Дворики часто были с уклоном в сторону улицы, чтобы ускорить сток дождевой воды.

В жилых помещениях всегда были глинобитные полы; стены покрывались штукатуркой, которую чаще всего окрашивали в яркие тона, реже — расписывали. Почти в каждом богатом доме находились каменные или земляные цементированные цистерны для воды.

Дома Ольвии имели преимущественно один наземный этаж и подвальные помещения. Вопрос о наличии в домах Ольвии двух наземных этажей

остается пока нерешенным. Наружные стены домов устраивались глухими, окна обычно были обращены ко двору (рис.11). Квадровая кладка, получившая большое распространение в V в. до н. э., употреблялась в эллинистическое время преимущественно для общественных зданий и богатых жилых домов. Основная масса зданий этого времени построена из известнякового или песчаникового камня разных размеров, грубой обработки. Фундаменты и нижние ряды стен сложены обычно из камней больших размеров.

Рис. 10. Жилой дом № 2. Техника кладки стен подвальных помещений.
Участок АГД.

Стены жилых домов часто клались из сырца на каменных цоколях. Сырцовые стены также штукатурились.

Толщина наружных стен домов колеблется от 0,5 до 0,7 м. Для покрытия зданий в VI—V вв. до н. э. употребляли преимущественно черепицу, большое количество которой обнаруживается повсеместно при раскопках.

По-видимому, в эллинистическое время была застроена часть склонов, возвышавшихся над Нижним городом. Для этого были устроены террасы, расположенные одна над другой. Изучение этих террас только началось.

Недостаточная исследованность Ольвии не позволяет осветить вопрос о социальном составе населения различных частей города. Здесь следует ограничиться только некоторыми общими замечаниями. Вдоль основных уличных артерий строились почти исключительно богатые и солидные постройки — общественные здания и жилые дома зажиточной части ольвийского населения. Лишь во второстепенных пунктах города, в глубине больших кварталов, рядом с производственными сооружениями и хозяйственными постройками располагались жилища ольвийской бедноты. В таких местах (например, на верхней террасе участка И, у ольвийских крепостных ворот и т. д.) находились остатки менее прочных построек, стены которых сложены наспех, главным образом из сырца. Утварь, предметы обихода, находимые при раскопках таких построек, также свидетельствуют о бедности их обитателей.

Возможно, что некоторая часть работников ольвийских ремесленных мастерских, торговцев и, может быть, рабов проживала не в самой Ольвии, а в ее ближайших предместьях (например, в поселениях у Широкой балки, у Волошской балки), откуда утром они приходили в Ольвию и куда вечером возвращались.

Одной из наиболее интересных черт Ольвии является ее благоустройство.

Большая часть улиц не имела одинаковой ширины на всем своем протяжении. Улицы преимущественно были узкими — от 2 до 5 м, только ширина центральной улицы Верхнего города составляла 10 м. Некоторые улицы служили лишь для пешеходов: по ним не могла проехать даже одна повозка.

Мостовые делали из каменных плит, щебня, обломков черепицы, амфор и других толстостенных сосудов (иногда вместе со щебнем), на глиняном или известковом растворах. Иногда улицы обрамлялись обочинами из камней. На некоторых улицах были устроены тротуары для пешеходов. Тротуар на главной улице Верхнего города был вымощен булыжниками.

Особо следует остановиться на устройстве улиц, связывавших Верхний город с Нижним. Об одной из них, проходившей параллельно Северной балке по террасам северо-восточной части Верхнего города, уже говорилось выше; она была вымощена хорошо подогнанными одна к другой каменными плитами различных размеров. Для доставки грузов порта в Верхний город существовала и другая дорога, где-то в северо-восточной части города. Наряду с такими улицами были устроены на склонах холмов улицы-лестницы для пешеходов; остатки одной из них сохранились у подошвы юго-западной части склона (рис. 12). Ширина этой улицы-лестницы — больше 2 м. Ступени ее сложены из массивных, хорошо отесанных плит, по 2—3 камня на каждую ступень. Такая лестница, вероятно, состояла из маршей, чередовавшихся с небольшими площадками.

Открытые в Ольвии остатки водопроводных и водоотводных каналов свидетельствуют о высоком искусстве ольвийских градостроителей и большом внимании, которое уделялось благоустройству.

Водопроводная система Ольвии доставляла питьевую воду из родников в общественные здания и жилые дома и в водоразборные пункты на улицах и площадях. В Нижнем городе включение родниковой воды в каналы было сравнительно легко, поскольку здесь имелись (да и сейчас имеются) родниковые источники, доставляющие хорошую воду (рис. 13). Что касается Верхнего города, то вопрос об источниках питьевой воды для этой части Ольвии остается пока не вполне разрешенным. Тут, видимо, имелись водоемы, куда воду приходилось привозить. Кроме того, дождевая вода по-

Рис. 11. Оконный проем, частично освобожденный от каменного заклада. Внутренний вид.

Рис. 12. Часть улицы-лестницы, проложенной по склону и связывавшей Нижний город с агорой.

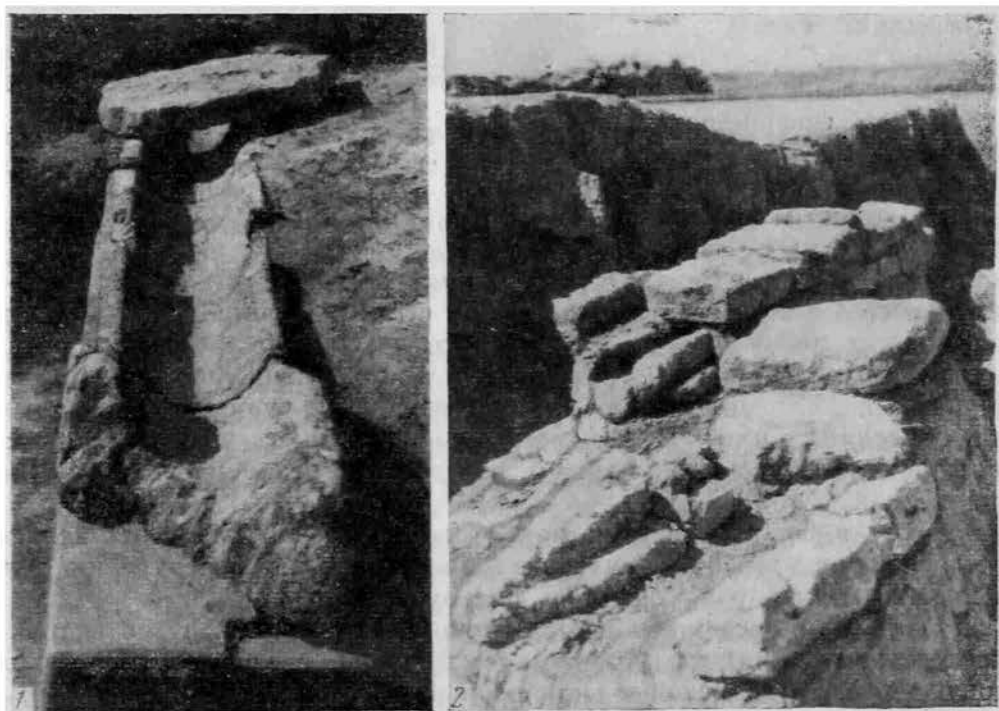

Рис. 13. Каменные водопроводные каналы дома № 3 эллинистического времени. Участок АГД.

1 — конца IV в. до н. э.; 2 — начала II в. до н. э.

ступала в Верхний город по каналам из большого водохранилища, находившегося за северо-западным углом города³².

В Ольвии устраивались водопроводные каналы двух типов — каменные и глиняные. Для каменных каналов отесывались каменные квадраты, и с одной стороны их выдалбливался желоб, обычно прямоугольного сечения. Такие камни с одинаковыми желобами клались один вплотную к

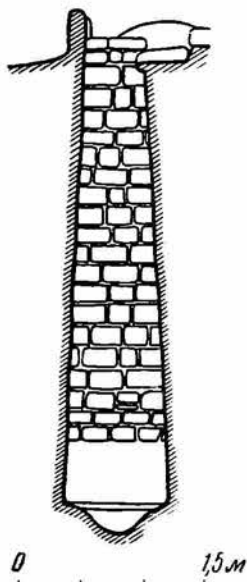

Рис. 14. Разрез каменного водосборного колодца дома № 3 эллинистического времени. Участок АГД.

Рис. 15. Верхняя часть каменной шахты колодца жилого дома эллинистического времени. Участок НГ.

другому по трассе водопроводного канала и перекрывались хорошо пригнанными каменными плитами. Глиняные водопроводы сооружались из обожженных глиняных труб диаметром до 8—10 см, вставлявшихся одна в другую. Глиняные трубы для лучшей сохранности укладывали в каменные каналы, построенные из плит.

Водопроводные каналы прокладывались под уровнем вымосток. Вода по каналам попадала в каменные цистерны общественных зданий и богатых жилых домов, а также, вероятно, в водоразборные пункты, которые должны были находиться на улицах или площадях.

Водосточные каналы служили для вывода дождевых вод из города в балки или в лиман. Их боковые стенки и покрытие состояли из каменных плит. Ложе водостока иногда было из каменных плит, а иногда — из дерева или коры. Одни каналы предназначались для вывода дождевых вод из дворов жилых домов на улицу, другие устраивались на улицах. Каналы из небольших улиц вливались в магистральные каналы, проложенные вдоль главных уличных артерий. Водосточные каналы сооружались непосредственно под мостовыми улиц, причем плиты, перекрывавшие водосток, одновременно были частью уличной вымостки. В большинстве случаев каналы устраивались сбоку улиц.

³² А. Н. Карасев. К вопросу о водоснабжении Ольвии, стр. 129 и сл.

Водосточные каналы встречаются чаще всего в Нижнем городе: дождевые воды в значительном количестве текут сюда со склонов холмов и из Верхнего города. При раскопках у Заячьей балки были обнаружены выходы водосточных каналов, выводивших дождевые воды из южной части Верхнего города в балку.

Одной из наиболее оригинальных и вместе с тем характерных черт ольвийского строительства в эллинистическое время является широкое употребление искусственных земляных фундаментов в качестве оснований для крепостных сооружений, общественных зданий, больших жилых домов и других крупных построек. Эти специальные земляные фундаменты, состоявшие из чередующихся зольных и глинистых прослоек, получили в литературе название ольвийских слоевых субструкций. Они не столько сэкономили камень, сколько были прекрасным средством борьбы с эрозией почв, с оползнями³³. Субструкции применялись также в качестве оснований для улиц, особенно там, где после работ по нивелировке местности требовалось укрепление полотна мостовой. А. С. Башкиров высказал мнение о том, что ольвийские субструкции употреблялись как антисейсмическое мероприятие³⁴.

Субструкции сооружались следующим образом. На дно специально вырытого котлована насыпались чередующиеся слои золы и глины. Зольные слои были тоньше глинистых: толщина зольных слоев колебалась от 4—5 до 10—12 см, глинистых — от 6—8 до 15—20 см. В глинистые прослойки обычно ничего не примешивали, к зольным прослойкам иногда прибавляли черепки и щебень. Каждый из слоев поливался водой и утрамбовывался. Выделявшиеся в прослойках соли пропитывали их и превращали такие массивы в очень твердый искусственный солончак. Срыть субструкции лопатами очень трудно, для этого требуются кирки и ломы. Субструкции делались более широкими, чем стены, для которых они строились. Ширина и глубина субструкций зависели от тяжести фундаментов, для которых они предназначались. Чаще всего субструкции сооружались непосредственно на материке.

Вопрос о происхождении этой техники должным образом еще не изучен. Ограниченное употребление земляных оснований подобного рода засвидетельствовано в Милете, но там они, очевидно, применялись в качестве изолирующего средства в условиях влажных почв. В Ольвии же эти субструкции использовались очень широко и притом в качестве конструктивных сооружений.

Внедрение в строительное дело Ольвии слоевых субструкций началось во второй половине IV в. до н. э., но особенно широко ими пользовались в III и II вв. до н. э.

Стоявшее на высоком уровне строительство Ольвии имеет два источника своего происхождения. Первый источник — это, конечно, Греция, влияние которой в области градостроительства и архитектурного искусства было весьма значительным. Архитектурное убранство Ольвии, поскольку оно нам известно по найденным при раскопках фрагментам колонн, архитравов, фриз, карнизов и других элементов, имело своей основой главные архитектурные ордера древней Греции — дорический, ионический и коринфский. Вместе с тем необходимо отметить, что целый ряд архитектурных фрагментов Ольвии свидетельствует и о местных попытках свое-

³³ Б. В. Фармаковский, ОАК за 1907 г., стр. 30; е го же — ОАК за 1909 — 1910 гг., стр. 77, 78.

³⁴ А. С. Башкиров. Антисейсизм древней архитектуры, т. IV. Калинин, 1948, стр. 141 и сл.

образной трактовки греческих архитектурных ордоров, об их творческой переработке ольвийскими строителями. Вторым источником являлось местное земледельческо-скотоводческое население Северного Причерноморья бронзового века (III—II тысячелетия до н. э.) и начала железного века (начало I тысячелетия до н. э.), которое еще задолго до греков было знакомо с каменным строительством. Об этом свидетельствуют остатки поселений и каменных жилищ, каменные гробницы, культовые закладки над могилами и кромлехи в Днепро-Днестровском Причерноморье и прилегающих к нему районах (Михайловское поселение, поселения Ингульца, Усатово и др.).

Поскольку в эллинистическое время Ольвия достигла своих максимальных размеров, может быть, уместно здесь поставить вопрос о численности населения Ольвии в пору ее расцвета. Хотя до сих пор раскопано не больше $\frac{1}{6}$ части городской территории, тем не менее следует начать обсуждение этого вопроса, хотя бы в плане приблизительных расчетов.

В настоящее время городская территория Ольвии равна 33 га. Но в древности эта площадь была больше, так как Нижний город был тогда шире, чем сейчас, не меньше чем в два раза и занимал не 6—7 га, как теперь, а около 12—13 га. Значит, площадь городской территории в эллинистическое время равнялась 40 га. Отсюда следует вычесть часть склонов, балки и другие места площадью 4—5 га, не пригодные для застройки. Из остающихся 35—36 га полезной городской площади не менее $\frac{1}{6}$ части занимали улицы и площади. Таким образом, для домостроительства можно было отвести около 30 га = 300 000 кв. м. Если условно принять средние размеры ольвийского дома (исходя из размеров открытых раскопками домов) в 200—250 кв. м, то на указанной площади можно было разместить 1300 домов. Значительная часть построек (в условиях Ольвии, может быть, $\frac{1}{4}$ часть, т. е. больше 300 домов) была предназначена не для жилья, а для общественных нужд (храмы, святилища, здания органов ольвийского государства, гимнасии, театр, стадион, ипподром и др.), ремесленных мастерских, лавок, складов и др. За вычетом всего этого, для жилья в Ольвии могло быть использовано около 900 домов. В доме средних размеров, который нами принят за расчетную единицу — 200—250 кв. м, могло проживать (считая и рабов в качестве домашней прислуги) в среднем по 10—12 человек.

Таким образом, количество населения Ольвии в V—II вв. до н. э. равнялось приблизительно 10 тыс. человек.

Городское строительство Ольвии эллинистического времени велось особенно интенсивно от конца IV в. до начала II в. до н. э. В каком бы районе города ни производились раскопки, всюду постройки эллинистического слоя составляли очень значительную часть культурных напластований. Более того, около половины всех сохранившихся построек приходится на время с конца IV в. до начала II в. до н. э. Строительство в это время происходило здесь непрерывно. Возводились новые постройки, расширялись и перестраивались старые. Часть открытых в Ольвии зданий эллинистического времени сооружена во второй половине IV в., часть — в III в. до н. э. При этом именно к III в. до н. э. относятся наиболее богатые жилые дома, отличающиеся большими размерами, перистильным характером планировки (с дворами, окруженными колоннадами и портиками), богатым убранством (в частности, — мозаичными полами то на перистильном дворе, то в парадных помещениях). Жилые дома, сооруженные во второй половине IV в. до н. э., перестраивались и расширялись сначала на протяжении III в. до н. э., а потом и в начале II в. до н. э.; жилые дома, сооруженные в III в. до н. э., перестраивались и расширялись в конце III в. —

начале II в. до н. э. (рис. 16). Соответствующие этим перестройкам строительные периоды хорошо устанавливаются раскопками.

Оживленное строительство конца IV в. — начала II в. до н. э. лучше всяких других доказательств свидетельствует о том, что в это время экономика продолжала находиться на высоком уровне и городская жизнь была ключом.

Рис. 16. Жилой дом № 2. Дверной проем до его расчистки. Участок АГД.

Но приблизительно с середины II в. до н. э. в Ольвии вовсе прекратилось городское строительство: до сих пор при раскопках не открыто ни одного жилого дома или общественного здания, которое было бы выстроено во второй половине II в. — первой половине I в. до н. э. Более того, во второй половине II в. до н. э. пришли в запустение и даже перестали существовать отдельные районы Ольвии. Так кварталы северо-восточного района Верхнего города, застроенные во второй половине IV в. до н. э., прекратили свое существование около середины или в третьей четверти II в. до н. э.; постройки здесь постепенно разрушались и затягивались землей³⁵. Этот процесс упадка городского строительства и сокращения жилой площади, который, очевидно, был связан с отливом части населения из Ольвии, находит подтверждение в устанавливаемой раскопками картине упадка торговли и ремесленного производства.

Все это свидетельствует о том, что около середины II в. до н. э. в Ольвии начался глубокий кризис, охвативший экономическую, социальную и другие стороны жизни города. Состояние кризиса подтверждается декретом в честь Никерата³⁶, рпсующим чрезвычайно тяжелые времена, переживавшиеся Ольвией в конце II в. — начале I в. до н. э.

Кризис, охвативший Ольвию, завершился около середины I в. до н. э. нашествием гетов, захвативших город и подвергших его полному разоре-

³⁵ Л. М. С л а в и н. Отчет о раскопках Ольвии в 1935 и 1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 9 и сл.

³⁶ IOSPE, I², № 34, стр. 57 и сл.

нию. Это был переломный момент в истории города; он настолько изменил все стороны жизни Ольвии и устройства города, что многие исследователи с полным основанием принимают это событие за границу двух эпох — догетской и послегетской, коренным образом отличающихся одна от другой.

Раскопки Ольвии подтвердили картину ее разгрома гетами. Следы больших пожаров, сопровождавшихся разрушением зданий, памятников, надписей на каменных плитах, обнаружение костяков, очевидно, убитых людей на территории города — все это ярко свидетельствует о победе гетов над Ольвией.

После гетов начинается новый этап в жизни Ольвии и в истории городского строительства — в частности.

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ

К ВОПРОСУ О НАЕМНИКАХ НА БОСПОРЕ
В IV—III вв. до н. э.

Вопрос о времени появления наемных войск на Боспоре является спорным. Ж. Перро¹ впервые высказал мысль о том, что основатель династии Спартокидов, Спарток, был предводителем фракийских наемников на Боспоре, и эта мысль не оспаривалась В. В. Латышевым². М. Ростовцев³, так же как ранее и Ф. Дюбуа де Монпере⁴, высказался в пользу мнения о происхождении Спартока из местной скифской или синдо-меотской знати. С. А. Жебелев⁵ воздерживался от решения за отсутствием данных, но склонен был не считать Спартока предводителем наемников. В. Ф. Гайдукевич выступил против Г. А. Цветасовой⁶, отвергающей наличие наемников при Археанактидах на основании данных некрополя Пантикапея. В. Ф. Гайдукевич, считая ее вывод «умозрительным», пишет, что характер власти Археанактидов, «соответствовавший греческому понятию «тирания», делает весьма вероятным применение наемнических контингентов»⁷. В. Д. Блаватский⁸ приводит ряд доводов против возможности существования наемников при Археанактидах.

Решение вопроса о наемниках при Археанактидах, возникшего в связи с выяснением происхождения династии Спартокидов, во всех случаях производится на основании косвенных данных, имеющих pro и contra. Например, предположение о том, что характер власти Археанактидов подобен греческой «тирании», не имеет достаточных оснований; в нем не учитываются причины объединения боспорских городов, а ссылка на то, что

¹ G. P e r r o t. Le commerce de céréales en Attique du quatrième siècle avant notre ère. *Revue historique*, t. IV, 1887, стр. 33—35.

² В. В. Л а т ы ш е в. Краткий очерк истории Боспорского царства. «ПОНТИКА». СПб., 1909, стр. 73, 113, прим. 1; ср. также RE, III, A, 1540.

³ M. R o s t o v t z e f f. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford., 1922, стр. 68.

⁴ F. D u b o i s d e M o n t p e r e u x. *Voyage autour du Caucase*, V, 1843, стр. 224.

⁵ С. А. Ж е б е л е в. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 167, прим. 1.

⁶ МИА, № 19, 1951, стр. 68.

⁷ ВДИ, 1953, № 1, стр. 85; см. также В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 56.

⁸ В. Д. Б л а в а т с к и й. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 70, прим. 3. В этой работе собран большой материал по военному делу античных государств Северного Причерноморья, в том числе освещен вопрос и о наемниках. Однако это сделано кратко, и нам представляется необходимым разобрать этот вопрос подробнее и привести некоторые новые материалы.

в IV в. до н. э. наемническое войско на Боспоре имело большое значение, ничего не доказывает, поскольку речь идет о периодах, отделенных друг от друга почти столетием, причем в течение этого промежутка времени в греческом мире стало широко применяться наемничество.

Мы полагаем, что, с военно-исторической точки зрения, наличие наемников на Боспоре около середины V в. до н. э. сомнительно. Во всяком случае, как в Греции⁹, так и на Боспоре, они не могли играть серьезной роли до начала IV в. до н. э.

В Средиземноморье первое применение греческих наемников мы встречаем в поздних древневосточных монархиях Египта¹⁰ и Лидии (VII в. до н. э.); затем наемников использовали, но в небольшом количестве, ранние греческие тираны. Даже Пелопоннесская война знает наемников в очень ограниченном количестве. В самом конце V в. и начале IV в. до н. э. положение меняется. Наемные отряды все более увеличиваются, и в эпоху эллинизма в ходе войн роль наемничества стала очень значительной, а в ряде случаев — решающей.

В V в. до н. э. в Греции не создались еще социально-экономические условия для широкого применения наемничества. К началу IV в. до н. э. усилились противоречия в рабовладельческом обществе древней Греции: глубокая имущественная дифференциация рабовладельческого класса, рост количества рабов у крупнейших рабовладельцев, обезземливание и обеднение части свободных граждан, увеличение числа граждан, не вмещавшихся в рамки античного полиса. Все это способствовало развитию наемничества. Не случайно поэтому Исократ¹¹, характеризуя 80-е годы IV в. до н. э., говорит, что «многие из-за куска хлеба принуждены служить наемниками».

Большую роль в развитии наемничества сыграло усиление военных столкновений, в частности длительная Пелопоннесская война с ее отдаленными театрами военных действий, подточившая экономику ряда греческих государств и создавшая постоянные профессиональные кадры воинов.

Характерно, что в самой материковой Греции наемничество в IV в. до н. э. применялось реже, чем в крупных государствах на периферии греческого мира. Напротив, материковая и островная Греция сделалась основным поставщиком наемников¹².

Боспорское государство Спартокидов, укрепившееся экономически, по-видимому, только с начала IV в. до н. э., становится нанимателем профессионалов-воинов. Рост рабовладения, расширение производства хлеба и торговли вызывали у свободных жителей городов стремление освободиться от военной службы, которую приходилось нести длительно и в значительном отдалении от главных городов Боспора. Создавалась необходимость иметь более постоянное войско, чем гражданское ополчение, для сохранения и расширения территорий и как силу, необходимую для поддержания рабовладельческого строя. Спрос на таких наемников находил предложение в лице, главным образом, греков и фракийцев.

Для IV в. до н. э. применение наемников на Боспоре хорошо известно; об этом мы имеем несколько свидетельств. Самым ранним из них, относящимся к 60-м годам IV в. до н. э., является фрагмент надписи от имени аркадян в честь Левкона I.

⁹ G. T. Griffiths. The mercenaries of the hellenistic world. Cambridge, 1935, стр. 2, 3.

¹⁰ W. Dittenberger, Sylloge, v. I, 1915, стр. 1, № 1.

¹¹ Исократ, IV, 168.

¹² Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I. 1941, стр. 148, 153.

Надпись, вырезанная на мраморной плите, была найдена в 1829 г. в Керчи. Она гласит:

Ἐδοξεν τοῖς Ἀρκάδιον Λεύκωνα
[του Σατύ]ρο(υ) Παντικαπαίταν¹³.

В аркадянах, от имени которых издана надпись, подавляющая часть историков видит аркадских наемников из Пелопоннеса¹⁴.

Основанием для вывода исследователей о том, что данная надпись исходит не от критского города Аркадии, является различие в формулах, начинающих декреты Аркадского союза в Пелопоннесе и Аркадии Критской. В первом случае декреты начинались так: Ἐδοξεν τῇ βουλῇ τῶν Ἀρκάδων καὶ τοῖς μύριοις¹⁵, во втором — Ἐδοξεν Ἀρκάδων τοῖς κέσμοις καὶ τῶν πόλεσι¹⁶.

Начало пантикапейской надписи отличается от обеих приведенных формул. Надпись исходит просто от «аркадян», без упоминания каких-либо государственно-общинных учреждений или самой общины. Она исходит от какого-то товарищества, вряд ли имевшего иной характер, чем товарищество солдат-наемников; такие товарищества очень широко распространились в эпоху эллинизма¹⁷. Заметим, что в нашем распоряжении нет никаких данных для этого времени о каких-либо связях Боспора с Критом, в том числе с небольшим удаленным от моря городком Аркадией. Нет у нас данных и о связях Боспора с Аркадским союзом в Пелопоннесе, однако в пользу аркадских наемников говорят следующие

¹³ IOSPE, II, № 4.

¹⁴ Надпись впервые издана И. Стемпковским («Journal d'Odessa», 1829, № 44). Затем более тщательно она издана, по данным И. Бларамберга, Августом Бёком в его собрании греческих надписей (SIG, № 2103e) с комментарием, в котором издатель замечает, что Левкон использовал аркадских наемников (Leuconem arbitror Arcadibus mercenariis usum esse, ut filius eius Paerisades I Graecos habuit mercenarios). В. Диттенбергер в первом издании Sylloge (№ 99), вышедшем в 1883 г., согласился с комментарием А. Бёка. Однако в начале 1889 г. П. Фукар (BSH, Janvier--Fevrier, 1889, стр. 183, 184) в короткой заметке высказал мнение о том, что эта надпись относится к критскому городу Аркадии, на основании того, что декреты (П. Фукар знал только один) пелопоннесской Аркадии начинаются формулой Ἐδοξεν τῇ βουλῇ τῶν Ἀρκάδων καὶ τοῖς μύριοις, прибавляя, что «критяне должны иметь более отношений с Боспором Киммерийским, чем аркадцы Пелопоннеса». В. В. Латышев, публикуя надпись во II томе IOSPE, вышедшем в сентябре 1890 г., замечает, что к комментарию А. Бёка и В. Диттенбергера он не имеет ничего прибавить. Во втором издании Sylloge (1898, № 126) В. Диттенбергер, полемизируя с П. Фукаром, отвергает его предположение (cur Arcades Cretensium civitatem intellegamus cum P. Foucarto nulla est idonea causa).

В 1913 г. Ф. Гиллер фон Гертринген (IG, t. V, 2, Prologomena, стр. XVII) соглашается с В. Диттенбергером в том, что нет веских оснований считать надпись происходящей из критской Аркадии; но, по его мнению, нужно иметь в виду не Аркадский союз, а наемников (Nec tamen Arcadium foedus, sed mercenarius census venire mihi probatur). В. Диттенбергер, в третьем издании Sylloge (W. D i t t e n b e r g e r. Sylloge, v. I, 1915, № 209), по-прежнему отрицая предположение П. Фукара, также говорит, что надпись издана не аркадской общиной, а аркадскими наемниками. В новейшее издание критских надписей Маргариты Гвардуччи (Inscriptiones Creticae, t. I, Roma, 1935, стр. 7) эта надпись не включена, причем указано, что нет никаких оснований утверждать, что данная надпись принадлежит критским аркадянам (Dandusne titulus Panticapaei repertus Creticis Arcadibus nullo argumento confirmare potest).

На той же позиции стоят Е. Миннз (E. M i n n s. Scythians an Greeks. Cambridge, 1913, стр. 576), С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 167, прим. 1), В. Д. Блаватский (ук. соч., стр. 70, прим. 3, стр. 71) и др. Таким образом, предположение П. Фукара не нашло поддержки у большинства эпиграфистов и историков, касавшихся данного вопроса.

¹⁵ IG, t. V, 2, № 1; W. D i t t e n b e r g e r. Sylloge, v. I, 1915, № 183.

¹⁶ Inscriptiones Creticae, t. I Roma, 1935, V, Arcades, № 52 и 53 (надписи конца III в. — начала II в. до н. э.).

¹⁷ M. Launey Recherches sur les armées hellenistiques, v. II. Paris. 1950, chap. XVI.

соображения. Аркадское наемничество широко развилось именно в первой половине IV в. до н. э. (см. ниже), в то время как критское — наиболее интенсивно в III—II вв. до н. э.¹⁸ Критские наемники выступали почти исключительно как лучники, которые Боспору вряд ли были необходимы, так как Боспор мог иметь в большом количестве прославленных скифских лучников, что засвидетельствовано для конца IV в. и III в. до н. э.¹⁹ Известно, что еще ранее скифские лучники приобретались Афинами²⁰. Критских лучников в Северном Причерноморье мы не знаем. Бесчисленные находки наконечников стрел в боспорских погребениях и городских слоях IV в. до н. э. дают только скифские и отчасти меотские образцы. Небесполезно отметить, что наемники из критских городов, как правило, назывались в документах не по имени города-общины, а всего острова — *Κρήτες*²¹. С другой стороны, аркадские наемники были известны как гоплиты. В этой связи любопытно, что из импортного вооружения на Боспоре засвидетельствованы находки гоплитского оружия и доспехов (шлемы, поножи, мечи).

Известную ценность как свидетельство о наемниках на Боспоре в IV в. до н. э. представляет относящееся к этому времени замечание Энея о том, что Левкон (речь может идти только о Левконе I) «лишал жалованья стражей, делавших большие долги благодаря игре в кости или другим излишествам»²².

Другая надпись IV в. до н. э.²³ говорит о Дросанисе-пафлагонце, «сражавшемся в земле маитов» (*μαχόμενος ἐν Μαίταις*) и, несомненно, являвшемся наемником.

Если другие источники дают возможность догадываться о военных действиях, в результате которых в IV в. до н. э. меотские племена были включены в состав Боспора, то эта надпись важна тем, что не только ясно говорит о войне Боспора против меотов, но и проливает свет на вопрос о том, какие воинские силы применяли боспорские правители. Против меотов были использованы и чужеземные наемники. Это дает возможность предположить, что вышеупомянутые аркадяне были предназначены для подчинения «страны меотов», если принять во внимание, что война с Феодосией закончилась в 80-х годах IV в. до н. э.²⁴ и в последующие годы Левкон I подчинял меотские племена.

Наиболее точное и полное свидетельство о применении значительного наемного войска на Боспоре в конце IV в. до н. э. дает Диодор Сицилийский в своем описании войны между сыновьями Перисада I²⁵. Согласно его рассказу, у Сатира, в момент принятия власти после смерти отца, было не более двух тысяч эллинских и столько же фракийских наемников.

Диодор использует наиболее точный и употребительный термин *μισθοφόροι*, в котором отражается существо явления, а именно плата (*μισθός*), служившая главным стимулом продажи военной силы. В Греции часто наемников называли общим понятием *στρατιώτης* или *ξένος*. Для Боспора этих терминов мы не встречаем.

¹⁸ M. L a u n e y. *Recherches sur les armées hellénistiques*, v. I. Paris, 1949, стр. 250 и сл.

¹⁹ D i o d., XX, 22, = SC, т. I, стр. 475; P o l y a e n, *Strateg.*, VI, 9,4 = SC, т. I, стр. 565

²⁰ ВДИ, 1947, № 2, стр. 321, Антокид.

²¹ M. L a u n e y. Ук. соч., ч. I, стр. 276.

²² SC, т. I, стр. 359.

²³ IOSPE, II, № 296.

²⁴ Д. Б Ш е л о в. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3, стр. 171.

²⁵ D i o d., XX, 22; В. Д. Б л а в а т с к и й. Ук. соч., стр. 71, 85—88.

Учитывая немногочисленность письменных источников о наемниках IV—III вв. до н. э. на Боспоре, следует изучить до сего времени не обращавшую на себя должного внимания надпись на алтарике, обнаруженную в 1868 г. на горе Митридат в Керчи. Эта надпись впервые была издана Л. Стефани²⁶, а затем, уточненная, вошла в собрание северо-причерноморских надписей В. В. Латышева²⁷.

Л. Стефани относил надпись к периоду, «непосредственно предшествующему началу христианского летосчисления или ближайшему за ним времени». Однако В. В. Латышев исправляет датировку Л. Стефани, относя надпись ко времени не позднее III в. до н. э., чему соответствует орнаментация алтарика. Этой дате отвечает и общеисторическая обстановка, давшая возможность спартанцу оказаться в Северном Причерноморье. Скорее всего, надпись относится к грани IV—III вв. до н. э.

Надпись гласит: Βάφυλλος Δέρκιος Ἐκά[τη]ι Σπάρτης μεθεοῦσ[τη].
Перевод: «Бафилл, сын Деркия, [посвятил] Гекате, владычице Спарты».

Посвящение Гекате позволяет судить об этнической принадлежности Бафилла.

Культ Гекаты с VI—V вв. до н. э. известен во всем греческом мире, однако наибольшим распространением он пользовался в Ионии. Существовал он и в Причерноморье: так, в Византии было святилище Гекаты, а на северном берегу Черного моря находилась «роща Гекаты» (ῥοσσος Ἐκάτης)²⁸. В Пантикапее обнаружено святилище этой богини²⁹. Псевдо-Плутарх сообщает о мистериях Гекаты на восточном берегу Черного моря у Фасиса³⁰.

В материковой Греции этот культ менее известен; преимущественно он был распространен в Пелопоннесе (Аркадии, Олимпии, Аргосе, Эпидавре). Любопытно, что о культе Гекаты в Спарте, помимо рассматриваемой надписи, нет сведений; на него, пожалуй, только указывает почитание там Артемиды. Таким образом, эта надпись является единственным свидетельством не только наличия, но и важного значения культа данной богини для Спарты, поскольку Геката названа «владычицей Спарты». Это позволяет предполагать существование официального культа ее в Спарте. Однако характера этого культа мы не знаем.

Посвящения греками чужеземным богам известны, но они редки; обычно посвящения относятся к богам своей родины. В данном случае трудно предположить, чтобы неспартанец, притом находящийся в отдаленном месте, сделал посвящение столь редкому, локальному божеству, подчеркнув его высокое значение для Спарты.

О том, что это было местное спартанское божество, говорит термин μεθεοῦσα. Еще Л. Стефани³¹, издавший надпись, указал, что глагол μεθεῖν (μεθεῖν), от которого происходят причастия настоящего времени действительного залога μεθεῶν (мужской род) и μεθεοῦσα (женский род), обычно употреблялся (именно в форме указанных причастий) при упоминании божеств, которые рассматривались в качестве божеств, охраня-

²⁶ ОАК за 1869 г., стр. 191. Надпись высечена на алтарике или жертвеннике — гекатейоне в виде небольшой колонны белого мрамора, высотой 19 см и диаметром 13 см. Над надписью изображены три бычьих черепа, соединенных гирляндой. В настоящее время алтарик находится в Государственном Эрмитаже (П. 1868, 253) в разбитом состоянии.

²⁷ IOSPE, II, № 23.

²⁸ P t o l. Geogr., III, 5, 2 = SC, т. I, стр. 229; Anonim. peripl. Pont. Eux., 84 = SC, т. I, стр. 285.

²⁹ В. Д. Б л а в а т с к и й. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 22.

³⁰ SC, т. I, стр. 500.

³¹ ОАК за 1869 г., стр. 191.

ющих отдельные, строго определенные места. Помимо примеров, указанных Л. Стефани³², это положение и большее количество примеров из античных авторов и эпиграфических источников приведены в новейшем издании словаря Лиддла и Скотта³³. К этим примерам добавим еще те, которые относятся к Северному Причерноморью. Так, в одной надписи³⁴ Ахилл назван владыкой Левки (Ἀχιλλεὶ Λευκῆς μεδέοντι); в 4 надписях³⁵ этот термин применен к Афродите Урании, священное место которой, Апатур, было вблизи Фанагории. Афродита названа «владычицей Апатура» (Ἀφροδίτῃ Οὐρανίῃ Ἀπατούρου μεδέουσι)³⁶. Почти во всех случаях посвящения местным божествам сделаны жителями названного или близкого населенного пункта, связанного с данным культом. Термин μεδέουσα в приложении к Гекате, по доступной нам литературе и источникам, нигде, кроме исследуемой надписи, не встречен. По-видимому, он имел значение только для Спарты.

Нашим доводам о спартанском происхождении Бафилла не противоречит и его имя, так как оно засвидетельствовано для Спарты³⁷ и соседней с ней Аркадии³⁸. Исследователи греческих собственных имен не указывают имени Бафилла, которое содержится в изучаемой нами надписи³⁹.

Возникает вопрос: в качестве кого спартанец Бафилл прибыл на Боспор? Спартанские или вообще пелопоннесские купцы нам не известны в Северном Причерноморье, как мало известны они и в Греции. Л. Стефани характеризует Бафилла как эмигранта, и В. В. Латышев не опровергает этого мнения. Заметим, что спартанские политические эмигранты, как правило, выступали в других государствах в качестве наемников-командиров⁴⁰, часто очень высокого ранга. Известно, что в IV—III вв. до н. э. из пелопоннесских областей больше всего поставляли наемников Аркадия и Спарта⁴¹. Аркадские наемники очень широко известны в конце V в. и особенно в первой половине IV в. до н. э.⁴² Десять тысяч греческих наемников Кира младшего в подавляющем большинстве состояли из пелопоннесцев, большинство же последних составляли аркадяне. Спартанцы и ахейцы также были представлены значительным числом, однако в дальнейшем, в IV—III вв. до н. э., ахейские наемники были не столь многочисленны, как аркадские.

С конца V в. до н. э. в Аркадии усилился процесс разорения свободного крестьянства, глубже проникали товарно-денежные отношения в до того

³² Там же, ссылка.

³³ H. G. Liddel and R. Scott. A Greek-English lexicon. Oxford, 1948, v. II, стр. 1089 — μεδέων.

³⁴ IOSPE, I, № 326.

³⁵ IOSPE, II, № 19, 27, 343; IOSPE, IV, № 418.

³⁶ IOSPE, II, № 343; IOSPE, IV, № 418 — надписи IV в. до н. э. Любопытно, что в более поздней надписи (IOSPE, II, № 28) родительный падеж перешел в приложение — прозвище (Θεῖ Ἀφροδείτῃ Οὐρανίᾳ Ἀπατούρη μεδέουσι).

³⁷ Βαθύλος (видоизменение Βάθολλος) CIG, No 1278; IG, V. I, No. 154; PB, стр. 191; F. Bechtel. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917, стр. 91.

³⁸ Syll. ³, № 171; в Аркадии известен источник с этим названием по соседству со Спартой — P a u s., 8, 31, 9; PB, стр. 191.

³⁹ Имя Βάθυλλος встречается в ряде мест древней Греции, но оно не было очень распространено. В PB указаны двое афинян с этим именем, двое из южной Италии, один из Александрии, один из Фокиды, один спартанец (упомянутый выше), двое неизвестных и двое неизвестных с именами, производными от Βάθυλλος. Кроме того, известны (Syll. ³): один аркадянин (№ 171), один афинянин (№ 227) и один архонт из Дельфы (№ 234, 251 и 254).

⁴⁰ M. L a u r e u. Ук. соч., ч. I, стр. 113—118, 141—143.

⁴¹ Там же.

⁴² T h u c., III, 34, 2; VI, 43; VII, 57; VII, 58, 3.

довольно замкнутые общины горной страны, по-видимому, расширилось применение рабского труда. Все это создавало условия для развития аркадского наемничества, которому способствовали военные действия, происходившие в последней трети V в. до н. э. в Пелопоннесе.

Связанный с этими процессами аркадский синоикизм (371—368 гг. до н. э.) еще более содействовал увеличению кадров наемников. Павсаний указывает, что жители целых поселений противились созданию Мегалополя и даже выселялись из Пелопоннеса ⁴³. В III в. до н. э. аркадское наемничество сохраняло свое значение.

Аркадяне были выносливыми и опытными воинами. По-видимому, земледельческий труд и пастушество в трудных горных условиях воспитывали эти качества. Аркадские наемники были ценны тем, что служили гоплитами, которые, как известно, составляли основу войска любого греческого государства. Поэтому вполне справедливы слова Ксенофонта, вложенные им в уста мантинейца Ликомеда (в рассказе о событиях начала IV в. до н. э.), который считал, что нуждающиеся в вооруженной помощи всегда предпочитают обращаться к аркадянам ⁴⁴.

Спартанцы также выступали, главным образом, в качестве тяжеловооруженных воинов-гоплитов. Военный авторитет и воинская выучка спартанцев издавна привели к тому, что в наемных отрядах командирами оказывались чаще всего спартанцы. Это можно видеть на примере десяти тысяч греческих наемников Кира младшего. В конце IV и III в. до н. э. общая численность спартанцев среди наемников античного мира несколько сократилась, но Спарта в еще большей степени, чем раньше, поставляла опытных командиров наемных отрядов. Бафилл, сын Деркия, можно думать, был таким наемником-командиром, и, по-видимому, не случайно посвященный памятник, хотя и небольшого размера, поставлен им от одного лица.

Наем воинов-профессионалов в IV—II вв. до н. э. производился, как правило, группами во главе с предводителем-командиром (ἐναγός). Государства-наниматели посылали своих агентов (ἐνολόγοι). Так должны были делать и боспорские правители. Примером такого ксенолога может быть Дорилай из Амиса, вербовавший солдат для Митридата V Еввергета ⁴⁵.

В свете изложенных данных можно уточнить этнический состав боспорских наемников из числа эллинов. Это, видимо, были, главным образом, жители Пелопоннеса — аркадяне и спартанцы

Вербовка пелопоннесских наемников облегчалась существованием особого рынка наемников в IV—III вв. до н. э. на мысе Тенар в Лаконии.

Несмотря на то, что в нашем распоряжении имеется только по одной надписи, в которых содержатся указания о наличии на Боспоре наемников аркадян, спартанцев и пафлагонцев, мы, в связи с вышесказанным, не можем считать, что пафлагонцы занимали такое же место, как и пелопоннесцы среди боспорских наемников. В греческих армиях и в армиях эллинистических монархов пафлагонцев было очень мало ⁴⁶. Греческие государства в V—IV вв. до н. э. из Пафлагонии в значительном количестве приобретали рабов. Наличие наемника-пафлагонца в IV в. до н. э. на Боспоре, тем не менее, очень важно в том отношении, что дает существенный штрих для изучения развития социальных отношений в Пафлагонии, в которой в конце V в. до н. э. образовался крупный племенной союз во главе с Корилой ⁴⁷, на основе которого в IV в. до н. э. возникли ранние государствен-

⁴³ Paus., VIII, 27, 3, 4; Diod., XV 59.

⁴⁴ Xenoph., Hellen., VII, 1, 23.

⁴⁵ Strabo, X, 4, 10.

⁴⁶ M. Laupey. Ук. соч., ч. I, стр. 483, 484.

⁴⁷ Xen., Anab., V, 5, 12—24; V, 6, 7—10.

ные образования. По-видимому, процесс оформления классового общества в Пафлагонии и создавал условия, при которых некоторое число пафлагонцев вынуждено было покинуть страну.

Анализ монет с именами боспорских царей Спартокидов позволил А. Н. Зографу⁴⁸ высказать мысль о том, что медные монеты Левкона II были выпущены для оплаты военных расходов. Не случайно на одном типе монет Левкона II помещалось изображение овального щита (аверс) и меча (реверс). Из практики эллинистических государств III в. до н. э. нам хорошо известно, что главной статьей военных расходов была оплата наемников; по-видимому, таким же образом обстояло дело и на Боспоре⁴⁹.

Существование наемников у Левкона II подтверждается рассказом Полиена⁵⁰ о том, что Левкон против высаживавшихся гераклеяцев поставил впереди гоплитов, а позади их — скифов «и во всеуслышание приказал последним, в случае, если гоплиты будут действовать вяло и позволят врагам высадиться, стрелять в них и убивать». Эти гоплиты были, несомненно, наемниками, ибо трудно предположить, чтобы такой метод был применен к фаланге из граждан городов; это тем более невероятно, поскольку в составе заградительного отряда были скифы. Недоверие и противопоставление одних частей другим нам известно в наемных армиях эллинистических монархов. Все это подтверждает усиление наемничества в III в. до н. э. и доказывает, что рассказ Полиена следует отнести к Левкону II⁵¹. Судя по тому, что эти наемники сражались фалангой, они были эллинами. Фракийцы же обычно выступали как пелтасты.

С конца III в. и во II в. до н. э. происходит экономическое ослабление Боспора, повлекшее за собой уменьшение и его военной мощи. Не последней причиной этого была невозможность содержать достаточное наемное войско. В. Д. Блаватский правильно замечает, что боспорское войско IV в. до н. э. состояло не из одних наемников⁵². Действительно, даже в эллинистических монархиях одни наемники не составляли всего войска. На Боспоре широко применялись союзные скифские контингенты. Так, о скифах-союзниках, участвовавших в битве при Фате на стороне Сатира, сообщает Диодор⁵³.

В войске Сатира в 310—309 гг. до н. э. имелось 20 тыс. пеших и 10 тыс. конных скифов-союзников. Возможно, что погребения на Боспоре, скифские по своему характеру, были погребениями скифских воинов-союзников.

О скифах в боспорском войске при войне Левкона (вероятнее, Левкона II)⁵⁴ с гераклеяцами сообщает Полиен⁵⁵. Это был, нужно полагать, конный отряд союзников⁵⁶.

В Греции посылка войск одним государством другому на основе договора была чрезвычайно распространена. *Σύμμαχοι*: римские писатели

⁴⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 182, 183, 188; В. Д. Блаватский. Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э. «Вестник МГУ», 1949, № 7, стр. 58.

⁴⁹ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 72.

⁵⁰ Роулен, *Strateg.*, VI, 9, 4 = SC, т. I, стр. 565.

⁵¹ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 172, 173.

⁵² В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 72.

⁵³ Диодор, XX, 22 = SC, т. I, стр. 475; о битве при Фате см. В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, 1946, № 1, стр. 101—106.

⁵⁴ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 272, 273.

⁵⁵ Роулен, *Strateg.*, VI, 9, 4 = SC, т. I, стр. 565.

⁵⁶ В. В. Струве, относя рассказ Полиена к Левкону I, считает этих скифов государственными рабами (В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 38). Для нас более убедительными являются аргументы Д. Б. Шелова, приведенные им в названной работе, об отнесении рассказа Полиена к Левкону II.

переводили как *auxilia, auxiliares*⁵⁷, т. е. вспомогательные войска. Посылка вспомогательных войск известна нам и из истории государств Северного Причерноморья; так, например, Херсонес оказал помощь царю Полемону⁵⁸.

По-видимому, условия и формы союзнических отношений Боспора со скифами не были идентичными греческим и римским, между которыми, в свою очередь, существовали различия.

Хотя у нас нет прямых свидетельств письменных источников об участии в боспорских войсках синдов и меотов, история Боспора и археологические данные говорят о том, что их роль была не меньшей, чем скифов. Последние не были подчинены боспорским правителям, а синды и отчасти меоты были частью боспорского населения. По сообщению Диодора, на стороне Евмела в битве при Фате было 20 тыс. конницы и 22 тыс. пехоты фатеев. По-видимому, фатеи уже до 310—309 гг. и после составляли воинские контингенты на службе Боспора.

Меоты и синды, вероятно, использовались в качестве вспомогательных войск и гарнизонов восточных крепостей на беспокойных восточных границах Боспорского государства, где имелись мощные укрепления типа Семибратнего городища или Красно-Батарейного. Синды и меоты находились под непосредственной командой племенной аристократии, например царя Арифарна, вождя фатеев, или Олтака, властителя дандариев, служившего в войске Митридата Евпатора⁵⁹.

Многочисленные погребения на Таманском полуострове V—IV вв. до н. э. показывают, что местное население имело оружие. Особенно показателен в этом отношении Тузлинский некрополь, в котором процесс погребений с оружием очень высок.

С развитием наемничества не отпала абсолютно необходимость в гражданском ополчении городов⁶⁰. Отсутствие войск из граждан городов в битве при Фате не может служить доказательством обратного, поскольку характер столкновений был таков, что для борющихся сторон важно было исключить участие граждан. В случаях же большой войны приходилось в войске служить и гражданам городов. Демосфен в речи против Формиона сообщает, что Формион, прибыв на Боспор, застал там дела в дурном положении вследствие случившейся у Перисада войны со скифским царем и «почти не находил покупателей для привезенных товаров»⁶¹. Такое положение, наряду с финансовыми трудностями, могло возникнуть вследствие ухода большого количества граждан на войну.

В связи со сказанным трудно согласиться с предположением о вербовке самих боспорцев в боспорские наемники на том одном основании, что нам известен случай наемничества их в далеком Средиземноморье⁶². Действительно, в египетской надписи из Арсиноитского нома (III в. до н. э.) в списке, по-видимому, наемников упоминаются боспорцы Филоних и Молпагор⁶³. Вероятно, это был один из редких случаев, потому что боспорцы-наемники больше ни разу не встречаются в источниках. Вербовка же наемников из граждан своего государства — вообще не характерное явление.

Наемное войско Боспора было постоянным ядром его вооруженных сил в IV—III вв. до н. э. и находилось, видимо, в непосредственной зависимости от правителя. Наемники были не только военной силой, служившей для

⁵⁷ М. Лаппеу. Ук. соч., ч. I, стр. 36—40.

⁵⁸ IOSPE, IV, № 91.

Plut., Luc., XVI = SC, т. I, стр. 489.

⁶⁰ С. А. Жебелев. Ук. соч., стр. 167, прим. 1.

⁶¹ Demost. XXXIV, 8 = SC, т. I, стр. 367.

⁶² В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 80, прим. 3.

⁶³ М. Лаппеу. Ук. соч., ч. I, стр. 66, 422.

борьбы с внешними врагами, но играли также роль опоры боспорских правителей внутри государства.

Для небольшого государства наемное войско Боспора было относительно немалочисленным. Из вычисления боспорского бюджета и статей его расходов В. Д. Блаватским⁶⁴ следует, что на Боспоре количество наемников вряд ли было много больше, чем то, на которое указывает Диодор (4 тыс.). Рост числа наемников в первой половине III в. до н. э. не мог быть очень большим. Попутно заметим, что в перечне основных статей расхода боспорского бюджета следует учесть и средства, которые шли на привлечение союзников-скифов и, по-видимому, были облечены в форму подарков скифским племенным вождям.

Цифры, приводимые Диодором в его рассказе о битве при Фате, указывают на то, что в численном отношении боспорские наемники далеко уступали скифским и меотским контингентам. Эти цифры показывают, сколь большую роль в военной истории и военном деле Боспора играли местные народы.

⁶⁴ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. 1953, стр. 202, 203.

Э. И. СОЛОМОНИК

ЧЕТЫРЕ НАДПИСИ ИЗ НЕАПОЛЯ И ХЕРСОНЕСА

С 1945 г. началось систематическое исследование скифского городища на окраине Симферополя, еще И. П. Бларамбергом отождествленного с крепостью Скилура, Неаполем. Раскопки дали богатый материал по истории, экономике и культуре скифского государства, подтвердив свидетельства древних авторов и данные нумизматики о расцвете скифского государства во II в. до н. э. при царях Скилуре и Палаке и новом его подъеме в I—II вв. н. э. при царях Фарзое и Инисмее.

Раскопками дореволюционных лет было обнаружено в Неаполе 6 греческих надписей, изданных В. В. Латышевым¹; пять из них датируются II в. до н. э., а одна — первыми веками нашей эры.

По сравнению с Ольвией, Херсонесом и Боспором, давшими сотни эпиграфических памятников, находки надписей в Неаполе весьма малочисленны. Однако они говорят о том, что скифы иногда применяли греческое письмо, и ряд греков (вероятно, главным образом купцов и ремесленников) проживал в столице скифского государства. Эти явления возникли в результате торговых и культурных связей скифов с городами греческого мира.

Новыми археологическими исследованиями в Неаполе обнаружены еще две фрагментированные греческие надписи.

1. В 1945 г. в зерновой яме № 6 раскопа Б, засыпанной в III в. н. э., была найдена известняковая плита с надписью² (рис. 1). Она сильно повреждена; сохранился лишь ее правый нижний угол. Выемка с правой стороны, скорее всего, является результатом вторичной обработки камня.

Размеры плиты: 39 × 52 см, толщина — 13 см. В верхней части камня имеются остатки двух строк надписи, причем от первой строки остались лишь нижние части нескольких букв. Высота букв — 4 см; нанесены они ровно, по проведенным линиям. Четыре буквы второй строки читаются четко, остатки пятой восстанавливаются как лунарная сигма или €.

.ω<0>

¹ IOSPE, I², № 668—673.

² Плита хранится в ГМИИ. Упоминание о ней имеется в отчете П. Н. Шульца — ИАН, т. IV, № 3, 1947, стр. 281 и сл.

Курсивная омега дает возможность датировать надпись первыми веками нашей эры. Лунарная сигма или ϵ были также наиболее широко распространены в этот период³.

Сохранившаяся часть надписи, видимо, представляет собой окончание мужского имени в родительном падеже, т. е. отчество упоминавшегося выше лица. Судя по индексу имен у В. В. Латышева, имена с таким

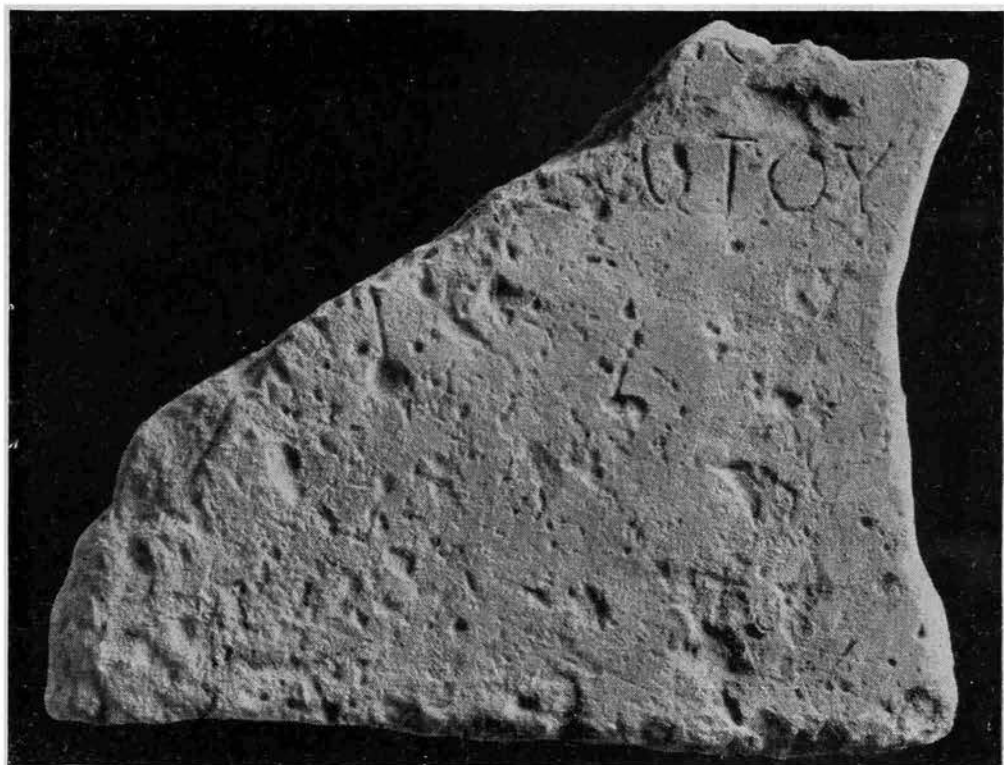

Рис. 1 Известняковая плита с надписью из раскопок Неаполя Скифского 1945 г.

окончанием встречались довольно редко. В IOSPE, II, № 151 и 164 есть имя $\chi\rho\upsilon\tau\eta\varsigma$, в IOSPE, II, № 261, 438 и др.—имя $\Phi\iota\lambda\omega\tau\alpha\varsigma$ (родительный падеж $\Phi\iota\lambda\omega\tau\omicron\upsilon$); в IOSPE, I², № 286, подобно рассматриваемой надписи, сохранилось лишь окончание неизвестного имени в дательном падеже $\dots\omega\tau\eta\iota$.

Если в остатке пятой буквы видеть сигму, то утраченное имя можно восстановить как $\chi\rho\upsilon\sigma\tau\omega\tau\omicron\upsilon$. В IOSPE оно встречается один раз (также в виде отчества) в надписи конца II в.—начала III в. н. э.⁴

Следует указать, что среди немногих греческих слов с подобным окончанием сюда подходят, например, слова $\theta\iota\alpha\sigma\omega\tau\eta\varsigma$ и $\nu\epsilon\rho\alpha\kappa\lambda\epsilon\omega\tau\eta\varsigma$, но оснований для соответствующих дополнений пока нет.

Скорее всего, перед нами — надгробная плита с лаконической эпитафией, содержавшей имя и отчество покойного.

³ Ср. боспорское надгробие 129 г. н. э. (IOSPE, II, № 301), надпись времени Савромата II (ИАК, вып. 40, 1911, № 28), 2 надписи из Ольвии (IOSPE, I², № 192 и 223) и др.

⁴ IOSPE, II, № 402. Это же имя может быть дополнено в надписи II в. н. э. IOSPE, I², № 170.

Из раскопок последних лет известно, что во II и III вв. н. э. часть жилых кварталов Неаполя была заброшена и использована для некрополя⁵. Над одной из этих могил могла находиться и данная плита.

В III в. н. э. скифское государство переживало упадок; в городе заметны следы разрушений. Возможно, уже тогда плита была снята с места, а затем вторично обработана и использована (быть может, для обкладки ямы). Наконец, во время каких-то событий она вместе с другими вещами была брошена в яму, где и пролежала до наших дней.

Рис. 2. Обломок мраморного постамента с надписью из раскопок Неаполя Скифского 1949 г.

2. Во время раскопок Неаполя в 1949 г. к северу от городской стены, около общественного сооружения эллинистического времени, в слое, лежащем на окружающей сооружение вымостке, был найден фрагмент небольшого мраморного постамента с надписью (рис. 2).

Вместе с постаментом здесь обнаружены: известняковая капитель, обломки мраморной и бронзовой скульптуры и много черепицы. А. Н. Карасев⁶ связывает эти находки с портиком второго строительного периода, перекрытым черепичной кровлей и украшенным статуями и рельефами, и датирует весь комплекс II в. до н. э.

Постамент расколот по диагонали; он, видимо, имел в плане прямоугольную форму. Высота фрагмента — 4,8 см, длина — 8,7 см, ширина — 8,5 см.

⁵ А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 170.

⁶ Там же, стр. 169. Фотоснимок камня с надписью опубликован: А. Н. Карасев. Ук. соч., стр. 169, рис. 55,а; П. Н. Шульц и В. А. Головкина, сб. «По следам древних культур». 1951; Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Востора». Симферополь, 1952, стр. 121. Камень хранится в ГМИИ (инв. № 724).

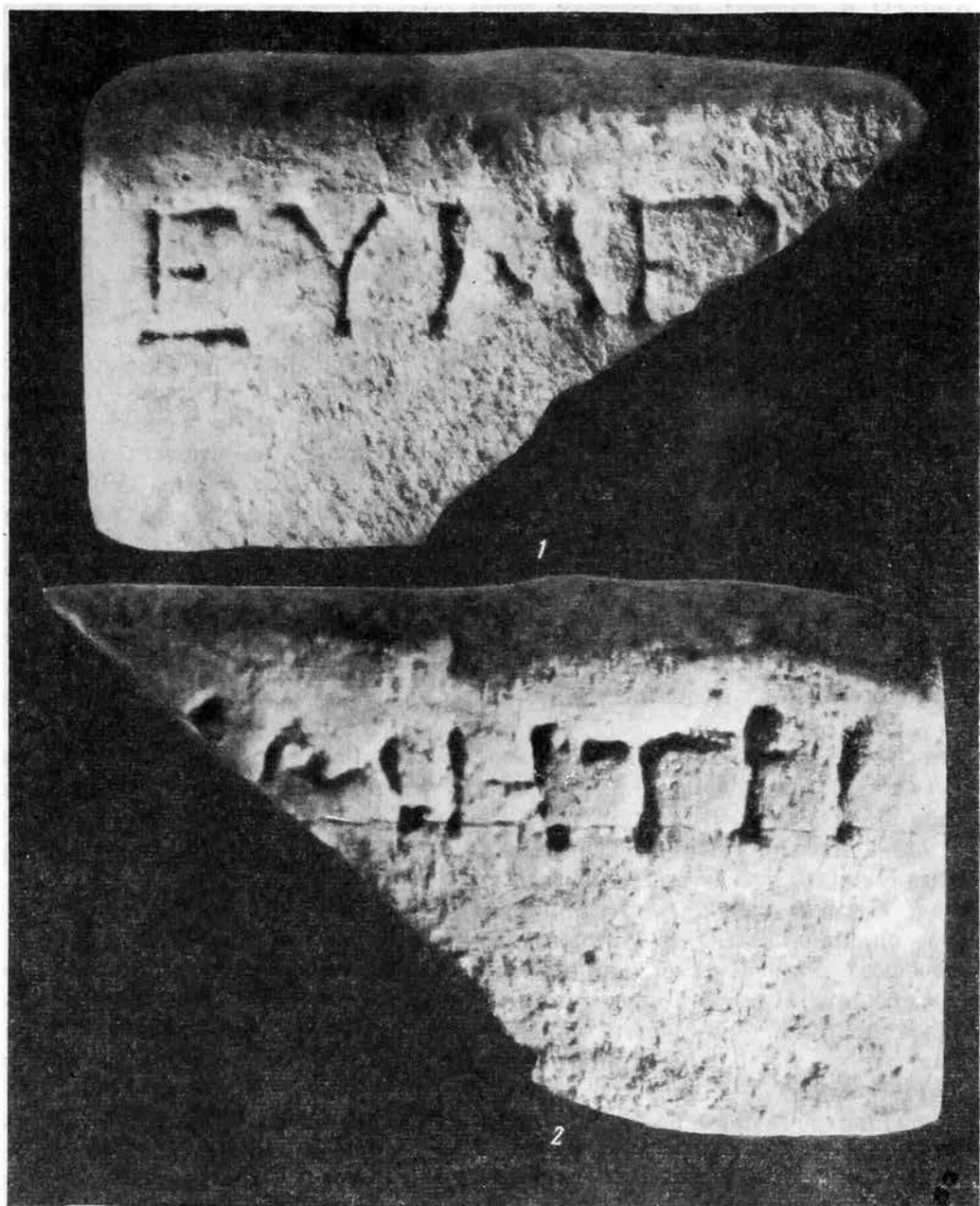

Рис. 3. Надпись (1, 2) на двух сторонах постамента.

В верхней части имеется небольшое углубление для крепления маленькой статуи.

На боковых сторонах начертана надпись, от которой сохранился конец одного и начало другого слова⁷. Высота букв — 12—15 мм. Буквы вырезаны довольно небрежно, поэтому закругление на букве Р резчику выполнить не удалось — откололся кусок мрамора. Утолщения и апексы сделаны также весьма грубо (рис. 3).

⁷ Ср. часть постамента надписью по краям в IOSPE, I², № 19.

Апексы и изгибы на концах букв указывают на время после III в. до н. э., а формы начертания М и Е позволяют датировать надпись не позже чем III—II вв. до н. э. Таким образом, по палеографическим данным надпись может быть отнесена ко II в. до н. э.:

Δήμητρι Εὐμέν[νης

Перевод: «Деметре Евмен».

Остаток буквы после ΕΥΜΕ принадлежит Ν. Поэтому дополнение имени Εὐμέν[νης является, на наш взгляд, бесспорным. Остаток буквы в первом слове мы восстанавливаем как Η, для дополнения же всего слова необходимо привлечь и другие аргументы.

Если предположить, что перед нами — полное слово ΜΗΤΡΙ, то ему, скорее всего, должен был предшествовать артикль или прилагательное в дательном падеже, т. е. также слово, оканчивающееся на Ι. В надписях II в. до н. э. буква Ι обычно не опускалась, а приписывалась (iota adscriptum)⁸, остаток же буквы в исследуемой надписи не может быть восстановлен как Ι; эта буква, как видим из самой надписи, имела утолщение в обе стороны в форме треугольника. Кроме того, Кибела обычно называется в надписях не просто Μητηρ, а Μητηρ θεῶν⁹ или Μητηρ μεγάλη¹⁰. Следует еще отметить, что культ Кибелы, заимствованный греками из Фригии, получил широкое распространение в Северном Причерноморье, главным образом, в первые века нашей эры.

Все сказанное заставляет предполагать, что в надписи говорилось не о Кибеле, а о Деметре.

Надпись, несомненно, носила посвятельный характер и, судя по тому, что ее остатки расположены на двух сторонах постамента, возможно, опоясывала его со всех четырех сторон. Предположительно она может быть дополнена следующим образом: Δήμητρι | Εὐμέν[νης | τοῦ δεῖνος | ἀνέθηκεν] или Εὐμέν[νης | τοῦ δεῖνος | Ὀλβ.οπολίτης? | Δήμητρι.

Перевод: «Евмен, сын такого-то, посвятил Деметре» или «Евмен, сын такого-то, ольвиополит(?) — Деметре».

Греческое имя Εὐμένης, видимо, не имело широкого распространения в Северном Причерноморье; в указателе имен у В. В. Латышева оно встречается лишь один раз в ольвийской надписи II в. до н. э.¹¹ Имеется оно также на фрагменте надписи III в. до н. э., найденном в Ольвии в 1938 г.¹²

Имена, встречавшиеся в надписях Неаполя, как правило, известны и в Ольвии, что подтверждает данные других источников о тесных связях между этими городами¹³. Имя Εὐμένης, как видим, не составляет исключения из этого правила.

В одной боспорской надписи¹⁴ В. В. Латышев справедливо исправляет написание Εὐμένου на Εὐμήλου, так как там идет речь о сыне царя Спартока Евмеле. Составлять статистику распространения имен по надписям можно лишь очень условно. Хотя имя Εὐμένης пока не встречалось

⁸ См. К. Me i s t e r h a n s. Grammatik der attischen Inschriften. Berlin, 1900, стр. 67 и сл.

⁹ IOSPE, I², № 170 и 192.

¹⁰ Стела из Херсонесского музея, № 1067.

¹¹ IOSPE, I², № 201.

¹² А. А. Б е л е ц к и й. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии. ВДИ, 1955, № 2.

¹³ Э. И. С о л о м о н и к. Ук. соч., стр. 123 и сл.

¹⁴ IOSPE, II, № 14.

в боспорских надписях подобная ошибка резчика доказывает, что оно было известно и на Боспоре.

Часто малоизвестные имена, став царскими, начинают постепенно распространяться во всем античном мире, включая и Северное Причерноморье. Быть может, это относится и к имени «Евмен», которое носили пергамские цари в III — II вв. до н. э.¹⁵

Рис. 4. Известняковая стела из Фоти-Сала.
1 — передняя сторона; 2 — оборотная сторона.

Из ранее изданных надписей Неаполя нам были известны посвящения Посидея Зевсу Атабирию, Афине Линдии и Ахиллу. Эти надписи говорят о торговых связях с Родосом и Ольвией и о долговременном проживании Посидея в Неаполе. Имеющиеся данные не позволяют установить, откуда был родом Евмен, оставивший посвящение Деметре. Вероятнее всего, он, подобно Посидею и другим иностранцам, проживал в скифской столице и занимался торговой деятельностью, быть может, хлебными поставками¹⁶.

3. Греческая письменность была, видимо, известна не только в Неаполе, но и в небольших отдаленных поселениях. Об этом свидетельствует известняковая стела, хранящаяся в Областном краеведческом музее в Симферополе¹⁷. Из архивных материалов музея известно, что она была найдена еще до войны И. Л. Эрнстом в районе деревни Фоти-Сала (совр.

¹⁵ В РВ указано, что имя *Εὐμένης* больше всего известно в Пергаме, хотя оно встречается и в других местах.

¹⁶ Раскопки Неаполя убедительно доказывают, что это был крупный торговый центр, в частности — по вывозу зерна, которое сюда свозилось из многочисленных скифских селищ.

¹⁷ Инв. № А 1161.

Голубинка Куйбышевского района). Стела имеет двустороннее изображение и греческую надпись. Размеры камня следующие: высота — 60 см, наибольшая ширина — 39 см, толщина — 13—14 см. На одной стороне в неглубокой нише помещена грубо выполненная, непропорциональная фигура всадника на коне.

По характеру изображения стела, несомненно, принадлежит к произведениям местного искусства и может быть примерно датирована первыми веками нашей эры¹⁸. Над головой всадника вырезана греческая надпись, которая из-за повреждения всего левого края камня полностью не сохранилась (рис. 4, 1).

Ясно читается: ΦΟΥ. Перед Φ видны остатки еще одной буквы, скорее всего, — Υ. Такое окончание в родительном падеже имеют некоторые греческие слова и имена мужского рода (ср. Σίσυφος, τίφος, σοφός и др.), однако, имени, состоящего не более чем из пяти букв, которые могли поместиться на стеле, нам подобрать не удалось. Остается предположить, что здесь вырезано неизвестное нам местное имя или что вертикальная черточка перед Φ принадлежит не Υ, а например, Π, и тогда все слово предположительно восстанавливается, как родительный падеж от имени 'Απφος¹⁹ или звательный падеж от имени, 'Απφοῦς. Возможно, первая буква этого имени — Α находилась в верхней, поврежденной части камня.

На оборотной стороне стелы вырезано изображение головы с высунутым языком, быть может, Горгоны²⁰ (рис. 4, 2). Изображение так симметрично размещено, что оно могло быть выполнено лишь уже после облома одной из сторон камня; это говорит об его вторичном использовании, что подтверждается также подтеской обломанного края и иным характером изображения.

В памятнике мы видим редкое сочетание местного искусства и греческого письма.

4. Летом 1955 г. на западном берегу Карантинной бухты, в районе раскопанного Лепером некрополя Херсонеса²¹, во время строительных работ случайно были обнаружены в яме надгробная стела и крышка небольшого саркофага типа оссуария²² из одинакового белого мрамора. Находки хранятся в Херсонесском музее.

Нижняя часть плиты с надписью сохранилась хорошо (несколько повреждены лишь последние буквы строк), но от рельефа в нише, занимавшего большую часть памятника, не уцелело почти ничего. Судя по его остаткам, в центре была расположена в фас мужская фигура в коротком плаще, а в правом углу — фигура юноши в профиль со скрепленными ногами²³ (рис. 5).

¹⁸ П. Н. Шульц («Скульптурные портреты Скилура и Палака». КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 56 и сл.) указывает, что для искусства поздних скифов характерно рельефное изображение всадников; среди других памятников он называет и данную стелу.

¹⁹ Ср. IOSPE, IV, № 286 и 355. В могильнике II—III вв. н. э. (с. Заветное, 1958 г.) встретилось граффито с именем Α Φ Ο Υ Σ.

²⁰ Оно несколько напоминает голову Горгоны на ольвийских «ассах» и антефиксах.

²¹ См. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. 1948, стр. 15 и дневник раскопок Р. Х. Лепера — «Херсонесский сборник», II. 1927.

²² Ср. оссуарий римского времени, изданный в IOSPE, I², № 513, и хранящийся в Херсонесском музее.

²³ Ср. рельефы на херсонесских плитах римского времени — IOSPE, I², № 500 и 528.

Ширина плиты — 50 см, сохранившаяся высота — 33,5 см, толщина — 9 см. Надпись из 3 строк была вырезана без линеек, но четко и ровно. Расстояние между строками — 13—15 см, высота букв — 2,5 см, ширина — 1,7—2 см (в третьей строке буквы несколько больше).

На концах букв имеются апексы, некоторые слова отделяются черточками, характерные формы имеют буквы Ω, Υ, Ρ, Η и др.

Все это приближает надпись к хорошо датированным надписям времени

Рис. 5. Мраморное надгробие из Херсонеса.

династии Антонинов²⁴ и позволяет отнести ее ко II в. н. э. (скорее всего, ко второй его половине):

'Αλέξανδρος Χρητίωνος
τοῦ Ἀπολλωνίου ἐτῶν κε'
χαῖρε

Перевод: «Александр, (сын) Христиона, (внук) Аполлония, 25 лет. Прощай».

Имена «Александр» и «Христион» встречаются в херсонесских надписях, но значительно реже, чем в боспорских.

В 4 фрагментированных надписях II в. н. э., близких между собой по содержанию и характеру письма, в перечне лиц, скрепивших декрет своими печатями (τῶν σφραγισμένων), упоминается имя Христиона²⁵. Вполне возможно, что это лицо идентично с Христионом исследуемой надписи. Имена его сыновей (или одного сына) ни на одном фрагменте не сохранились, но среди них мог быть и Александр. Этому соответствует богатое мраморное надгробие в его честь.

Новое надгробие очень сходно с другим белым мраморным надгробием из Херсонеса II в. н. э. с именем Феагена, сына Христиона²⁶; совпадает

²⁴ См. херсонесские надписи — IOSPE, I², № 362 (с именем императора Адриана) 363, 484 и др. Ср. также надпись из Тира — IOSPE, I², № 4, ольвийскую надпись — IOSPE, I², № 40 и боспорские надписи — IOSPE, II № 39, 41 и др.

²⁵ IOSPE, I², № 363, 701—703.

²⁶ IOSPE, I², № 453.

и формула эпитафии, сравнительно редко встречающаяся в Херсонесе ²⁷. Весьма вероятно, что Феаген был другим сыном Хрестиона и братом Александра.

Интересно отметить, что в надписи назван не только отец, но и дед умершего, что вообще не характерно для херсонесских надгробий ²⁸. Имя деда в надписях Северного Причерноморья, видимо, добавлялось при распространённых именах, особенно для уточнения лиц, занимавших высокие должности и происходивших из знатных родов ²⁹.

Из одной надписи ³⁰ также II в. н. э. нам известен жрец Хрестион, сын Бойска ³¹. Быть может, для отличия от него в рассматриваемой надписи указано, что речь идет о другом Хрестионе, сыне Аполлония.

²⁷ Чаще о возрасте умершего говорится $\zeta\eta\sigma\alpha\varsigma \acute{\epsilon}\tau\eta$...или совсем не упоминается; на многих надгробиях отсутствует слово $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$.

²⁸ См. дополнение В. В. Латышева к надписи IOSPE, I^a, № 498.

²⁹ Ср. каталог имен из Горгиии II в. н. э.— IOSPE, II, № 402.

³⁰ IOSPE, I^a, № 359.

³¹ В херсонесской надписи того же времени (ИАК, вып. 65, 1918, стр. 9 и сл.) есть имя Бойска, сына Хрестиона. Это, видимо, члены одной семьи, в которой, по распространённому у греков обычаю, внуку давалось имя деда.

З. В. УДАЛЬЦОВА

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ САНКЦИЯ ЮСТИНИАНА
ОБ УСТРОЙСТВЕ ИТАЛИИ

Византийское завоевание Италии является не только периодом, когда вновь скрестились разошедшиеся было пути Восточной и Западной империй, а восточный император сделал последнюю попытку протянуть руку к Риму, попропанному «варварами», и возродить единую империю: с византийским завоеванием Италии связан один из этапов вековой борьбы рабовладельческого мира и сил прогресса. Второй Рим в это бурное время оставался последним оплотом отживающего мира. К нему обращались взоры уводимых в плен восставшими рабами и колонами сенаторов, туда бежали многочисленные знатные эмигранты, призывавшие скорее поднять оружие против «варваров» готов и восставших народных масс Италии.

На долю восточного императора Юстиниана выпала в это время не только слава восстановителя Римской империи, но и незавидная роль усмирителя одного из крупнейших народных движений, вспыхнувшего в Италии. Тяжка и неравна была борьба, и восставшие рабы, колоны, разоренное италийское крестьянство и их союзники готы потерпели в ней поражение. Это поражение привело к временной реставрации в завоеванной Италии старых порядков Римской империи.

Героическое сопротивление восставших народных масс и войск готов не было еще окончательно сломлено, и отдельные отряды повстанцев продолжали упорную борьбу с войсками императора, когда Юстиниан, заранее торжествуя победу, подготовил мероприятия по внутренней организации Италии. 13 августа 554 г. византийское правительство издало особую Прагматическую санкцию об устройстве этой провинции¹.

Прагматическая санкция 554 г. является источником, проливающим свет на политику византийского правительства в завоеванной провинции, дающим возможность определить классовую направленность этой политики, а также выявить социальные группировки среди населения Италии, на которые опиралось правительство Юстиниана. Прагматическая санкция содержит ценные сведения и о положении Италии в предшествовавшее издание этого акта время. Она показывает напряженность борьбы народных масс против реставрации рабовладельческой империи и позволяет выяснить социальную направленность политики Тотилы.

¹ Imp. Justiniani Novellae quae vocantur sive Constitutiones quae extra codicem supersunt. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal, pars II. Lipsiae, 1881. Nov. 164, стр. 354—366.

Этот важный памятник привлекал внимание многих исследователей и получил весьма разноречивую оценку как в русской, так и в зарубежной историографии².

Однако буржуазные ученые, исследовавшие Прагматическую санкцию, не ставили своей задачей выяснение классовой направленности этого памятника и выявление социальной опоры правительства Юстиниана в завоеванной Италии. Вне поля зрения большинства буржуазных исследователей оставалось и рассмотрение вопроса о положении народных масс этой провинции после византийского завоевания. А между тем Прагматическая санкция 554 г. содержит ценные данные по этим существенным вопросам и дает возможность, в сочетании с известиями других источников, вскрыть реакционный, реставраторский характер политики византийского правительства в завоеванной Италии.

Византийское правительство старалось завуалировать истинные цели издания Прагматической санкции 554 г. демагогическими рассуждениями о «всеобщем благе жителей западных областей»³, о счастливом времени правления законного императора⁴ и его заботе о благосостоянии подданных⁵, — рассуждениями, столь обычными для всего законодательства Юстиниана. Однако классовый характер политики византийского правительства в Италии и социальная направленность его законодательства выявляются с полной ясностью.

По своему общему характеру и социальной направленности Прагматическая санкция 554 г. близка законодательным актам правительства Юстиниана относительно устройства Северной Африки, изданным после разгрома византийскими войсками королевства вандалов⁶. Как в законе 534 г. об устройстве покоренной византийскими войсками провинции Африки, так и в Прагматической санкции 554 г. совершенно отчетливо видно стремление византийского правительства восстановить во вновь завоеванных

² Социальный характер политики Тотилы по данным Прагматической санкции и классовая направленность этого памятника освещены в советской историографии. См.: «Историю средних веков», т. I, под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938, стр. 71 (1952, стр. 88); М. В. Л е в ч е н к о. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 81. В русской дореволюционной историографии резко отрицательную оценку политике Византии в завоеванной Италии дал П. Кудрявцев, подчеркивая реставраторский характер законодательства Юстиниана в Италии.— П. К у д р я в ц е в. Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим (Обзорение остготско-лангобардского периода итальянской истории). М., 1850, стр. 81—85. Ф. И. Успенский («История Византийской империи», т. I. СПб., изд. Брокгауз и Ефрон, стр. 453 и сл.) весьма положительно оценивает законодательные меры Юстиниана в Италии, по его мнению, направленные на восстановление в ней законного порядка, и особенно обращает внимание на вопрос о попытке возродить курию и восстановить права римского епископа и духовенства.

В зарубежной буржуазной историографии ряд ученых подчеркивает положительное значение Прагматической санкции для восстановления экономики и социального порядка в Италии, «потрясенного» в период правления Тотилы. См.: Ш. Д и л ь. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке (русск. пер.). СПб., 1908, стр. 209, 210; E. S t e i n. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1949, стр. 612; W. G. H o l m e s. The age of Justinian and Theodora, vol. II. London, 1907, стр. 665—667; J. В. В u r y. History of the Later Roman Empire, vol. II. London, 1923, стр. 282. Подробный анализ Прагматической санкции и критическая ее оценка даны в работах L. M. H a r t m a n. Geschichte Italens im Mittelalter. Bd. I, Lpz. 1897, стр. 356—358; Ottorino B e r t o l i n i. Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi. Bologna, 1941, стр. 191—194.

³ Pragmatica Sanctio, § 1, стр. 354: «...Ad utilitatem omnium pertinentia, qui per occidentales partes habitare...»

⁴ Там же, § 14.

⁵ Там же, § 9, 12, 14, 18, 26.

⁶ Corpus Juris Civilis. Codex Justiniani. Rec. P. Krüger. Berolini, 1906, I, 27.

областях римскую администрацию ⁷, социально-экономические порядки Римской империи ⁸, римскую налоговую систему ⁹ и законодательство ¹⁰.

Реставраторский характер политики византийского правительства в Италии нашел особенно яркое выражение в мероприятиях, проведенных Юстинианом в области имущественных отношений. Все имущество готов, не перешедших на службу императора, было полностью конфисковано в пользу государства. Тем самым византийское правительство получало значительные ресурсы для наделения земель византийских военачальников, высших чиновников администрации и для награды своих сторонников. Но львиная доля этих земель отошла к фиску.

Основным принципом социально-экономической политики правительства Юстиниана в Италии, так же как и в Африке, были восстановление крупного землевладения и возврат земель их прежним владельцам. Согласно предписанию Прагматической санкции 554 г., все движимое, недвижимое и способное двигаться (*res sesege moventes*)¹¹ имущество, которым владели римляне со времени правления короля Теодориха и до прихода к власти «нечестивейшего» Тотилы, сохранялось на будущие времена твердо и нерушимо за прежними владельцами и на тех же условиях, на которых они им ранее владели. При этом особо оговаривалось, что речь идет не только о личной собственности, но и о том имуществе, которым владели римские посессоры через арендаторов (узуфруктуариев) или при посредстве других лиц ¹². В данном предписании Прагматической санкции, по-видимому, в первую очередь имеется в виду возврат прежним владельцам крупной земельной собственности, сдававшейся в аренду или обрабатывавшейся колонатами.

Права прежних собственников полностью восстанавливались и при этом указывалось, что даже потеря документов, удостоверявших права собственности, не являлась препятствием для возвращения утраченного имущества ¹³. Таким образом, прежним владельцам предоставлялись все возможности требовать назад потерянное ими имущество, даже не имея на руках законных документов, подтверждавших их права ¹⁴.

При анализе постановлений Прагматической санкции 554 г. достаточно четко вырисовываются имущественное положение и социальная принадлежность собственников, которым теперь возвращались земли и другое имущество. В законе говорится прежде всего о возврате имущества отсутствующим или попавшим в плен лицам, а также их наследникам ¹⁵. В той же Прагматической санкции имеется прямое свидетельство о том, что среди «отсутствующих» владельцев имений, которым возвращалось утраченное имущество, было немало эмигрировавших в Восточно-Римскую империю крупных римских землевла-

⁷ *Pragmatica Sanctio*, § 9, 12, 23.

⁸ Там же, § 1, 2—5, 8, 13, 15, 16, 27.

⁹ Там же, § 9 и 10.

¹⁰ Там же, § 6 и 11.

¹¹ Там же, § 8.

¹² Там же, § 8.

¹³ Там же, § 3. Законодатель мотивирует это постановление тем, что в областях Италии, вследствие различных смут (*per diversas calamitates*) и вражеских нашествий, как в самом городе Риме, так и в других местах, у многих лиц погибли документы, удостоверявшие права собственности. Их потеря или порча не должны причинять ущерба правам собственности, владения или кредиту собственников.

¹⁴ Прагматическая санкция, кроме того, предписывает ряд мер, направленных против порчи и уничтожения документов, подтверждающих права собственности, и заботится о возврате подобных документов их прежним владельцам. *Pragmatica Sanctio*, § 21.

¹⁵ *Pragmatica Sanctio*, § 4.

дельцев и рабовладельцев из числа старой senatorской аристократии. Римским аристократам — «славнейшим мужам» (*viros gloriosissimos*) и «великолепнейшим сенаторам» (*magnificos senatores*) разрешалось после «освобождения» Италии или поселиться при дворе императора в Константинополе и примкнуть к его свите, или же возвратиться в Италию для восстановления своих владений (*pro recuperandis possessionibus*)¹⁶.

В других источниках VI в. мы также встречаем упоминания о том, что часть римской знати во время народных восстаний и войны с готами в 40—50-х годах эмигрировала из Италии в Восточно-Римскую империю¹⁷. Этим-то знатным эмигрантам или их потомкам возвращались теперь византийским правительством земли и другие богатства, отнятые у них в предшествующий период. Аналогичную картину мы видим и в Северной Африке после ее завоевания византийскими войсками¹⁸.

Ту же цель реставрации крупного землевладения римской знати преследует предписание Прагматической санкции 554 г. о восстановлении всех пожалований, сделанных римлянам Юстинианом и Феодорой, а также остготскими правителями Аталарихом, Амалазунтой и даже Теодатом¹⁹. Особо подчеркивалось, что пожалования, ныне подлежащие возврату прежним владельцам, были им дарованы остготскими королями по просьбе римского сената²⁰.

Необходимо отметить, что упомянутые в законе остготские правители ориентировались в своей политике на союз с Восточно-Римской империей и, заигрывая с римской знатью и церковью, даровали им немало земельных пожалований, о чем свидетельствуют эдикты остготских королей, собранные в «Вариях» Кассиодора²¹.

После византийского завоевания эти пожалования, по-видимому, отмененные в период правления Тотилы, вновь приобретали законную силу и служили основанием для предъявления исков о возврате имущества прежним владельцам. Пожалования же «тирана» Тотилы, дарованные римлянам или кому-либо другому (видимо, остготам), теперь отменялись, имущество отбиралось у незаконных «держателей» (*detentatoribus*) и возвра-

¹⁶ Pragmatica Sanctio, § 27.

¹⁷ P r o s o r., De bello Gothico, III, 35, § 9, 10. О бегстве римских сенаторов в Константинополь после взятия Рима Тотилой говорится также и в жизнеописании папы Вигилия (*Gestorum pontificum Romanorum, vol. I. Liber pontificalis, pars. 1. Ed. Th. Mommsen. «Monumenta Germaniae Historica». Berolini, 1898, Vita Vigili, стр. 153*). Эти же сведения повторяет Павел Диакон (*Pauli Historiae Romanae, libri XI—XVI. «Monumenta Germaniae Historica». Auctores antiquissimi, v. II, pars 2. Berolini, 1878, cap. XXIII, стр. 224*). Источники VI в. упоминают также о захвате в плен готами и восставшими народными массами римских сенаторов и их семей или о их гибели. P r o s o r., De bello Gothico, III, 26, § 11—14; Marcellini Comitum Chronicon. «Monumenta Germaniae Historica». Auctores antiquissimi, v. XI, pars I. Berolini, 1894, ad anno 548, стр. 108. О гибели римских сенаторов после взятия готами Медиолана сообщает Marii episcopi Auenticensis Chronica. «Monumenta Germaniae Historica». Auctores antiquissimi, v. XI, pars 1. Berolini, 1894, стр. 235.

¹⁸ Corpus Juris Civilis. Novellae Justiniani. Rec. Schoell. Berolini, 1954, Nov. XXXVI—XXXVII; Cod. Just., I, 27. См. З. У д а л ь ц о в а. Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане. Визант. врем., т. VI, М., 1953, стр. 88—112.

¹⁹ Pragmatica Sanctio, § 1. Необходимо отметить, что Теодат, хотя и с некоторой оговоркой (*vel etiam Theodatus*), также упоминается в Прагматической санкции среди остготских королей, пожалования которых признаются византийским правительством в противовес пожалованиям Тотилы. Это является лишним доказательством предательской позиции Теодата, вступившего в тайное соглашение с византийцами и лавировавшего между «готской» партией и Восточной империей.

²⁰ Pragmatica Sanctio, § 1.

²¹ Cassiodori Senatoris Variae. Rec. Th. Mommsen. «Monumenta Germaniae Historica», v. XII. Berolini, 1894, III, 20; VIII, 25; IX, 18 и др.

палось прежним владельцам (*antiquis dominis reformari*)²². Все мероприятия Тотилы, осуществленные во время его «тиранического правления», полностью аннулировались²³.

Среди имущества, подлежавшего возврату прежним владельцам, в Прагматической санкции особо упоминалось о стадах скота, потерянных во время войны с готами²⁴. При этом оговаривался такой случай, когда при отсутствии определенного хозяина производился раздел обнаруженных в этой провинции стад между теми собственниками, которые докажут, что они потеряли свой скот именно в данной области²⁵. Упоминание о возврате прежним владельцам целых стад скота является лишним свидетельством того, что реставрация собственности производилась византийским правительством в интересах крупных землевладельцев, обладателей обширных пастбищ и стад скота.

Возврату подлежало не только имущество, отобранное у прежних владельцев во время народных восстаний и войн с готами, но и то имущество, которое было утрачено в результате заключения какой-либо сделки, например продажи или другого соглашения²⁶. Однако сделки расторгались лишь в том случае, если они были заключены со сторонниками Тотилы, т. е. с кем-либо из его приближенных, занимавших при нем государственные должности, обладавших властью и пользовавшихся его милостями. В подобном случае сделка объявлялась заключенной под влиянием «страха и насилия» и признавалась недействительной; но делалась оговорка, что в случае уплаты новыми владельцами определенной суммы за приобретенное имущество, эта сумма должна быть им возмещена, если будет доказано, что она действительно была уплачена и позже не возвращена.

Вместе с тем сделки о продаже или ином виде отчуждения имущества, заключенные между римлянами как в самом Риме, так и в других городах во время их осады войсками готов, признавались законными и сохраняли свою силу²⁷. Подобные сделки считались действительными даже в случае потери документов, их подтверждавших.

Сохраняя законную силу сделок, заключенных между жителями осажденных городов, византийское правительство, по-видимому, имело в виду отнюдь не защиту интересов населения, а выгоды представителей в и з а н т и й с к о й а д м и н и с т р а ц и и и р и м с к о й з н а т и, которые, пользуясь голодом и страшными бедствиями осады, вымогали под видом различных фиктивных сделок имущество у разорившихся жителей. Ярким свидетельством этого служит рассказ Проксия о грабежах Бессы, Канона и других византийских военачальников в осажденном войсками готов Риме²⁸. В этой связи обращает на себя внимание указание Прагматической санкции на то, что некоторые лица стремятся уничтожить документы, подтверждающие подобные сделки²⁹. Это доказывает, что такого рода сделки, по-видимому, были крайне тяжелы для населения Рима и других городов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в приведенных выше поста-

²² *Pragmatica Sanctio*, § 2; E. Ste in. Ук. соч., стр. 614; L. M. H a r t m a n n, *Geschichte Italiens im Mittelalter*, Bd. I. Leipzig, 1897, стр. 348 и сл., 405.

²³ *Pragmatica Sanctio*, § 2.

²⁴ Там же, § 4 и 13.

²⁵ Там же, § 13.

²⁶ Там же, § 5.

²⁷ Там же, § 7.

²⁸ P r o c o p., *De bello Gothico*, III, 17, § 10, 11; III, 20, § 1, 25, 26; E. Ste in. Ук. соч., стр. 614; L. M. H a r t m a n n. Ук. соч., т. I, стр. 347; Ottorino B e r t o l i n i. Ук. соч., стр. 193.

²⁹ *Pragmatica Sanctio*, § 7.

новлениях Прагматической санкции ясно видно стремление византийского правительства защитить интересы сторонников империи, находившихся во время войны в осажденных готами городах, в противовес сторонникам Тотилы, что, бесспорно, было вызвано не только политическими соображениями, но и социальными причинами.

Стремление правительства империи помочь крупным собственникам восстановить их хозяйство, разоренное во время подъема волны народных восстаний в Италии, видно со всей отчетливостью также из постановления Прагматической санкции о возврате прежним владельцам похищенных украшений и материалов из их разгромленных имений. В случае, если эти материалы уже использованы при постройке других зданий, то прежнему хозяину должна быть возмещена их стоимость³⁰.

Социальная направленность политики византийского правительства в завоеванной Италии, столь ярко проявляющаяся в постановлениях Прагматической санкции 554 г., подтверждается сообщениями современников. Так, например, одно из писем папы Пелагия I к византийскому полководцу Нарзесу, относящееся к 559—560 гг., свидетельствует о том, что предписания Прагматической санкции претворялись в жизнь; в этом письме сообщается о том, что византийские военные власти в Италии отдавали имущество бедных богатым лицам, «не испытывающим никакой нужды»³¹.

Таким образом, мы видим, что реставрация крупного землевладения в Италии, возврат земель, стад, скота и другого имущества прежним владельцам проводилась правительством Юстиниана в интересах высшей римской и итальянской аристократии, являвшейся важнейшей социальной опорой византийского правительства в завоеванной Италии и активным союзником правительства империи в борьбе против народных восстаний и остротов.

Другим союзником и деятельным помощником византийских войск в борьбе против волны революционных движений в западных областях, активно способствовавшим восстановлению в Италии власти восточного императора, являлась римская церковь. И этот влиятельный союзник был щедро вознагражден за свою помощь Восточной империи после победы византийского оружия. Это нашло свое отражение как в Прагматической санкции 554 г., так и в других источниках.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что Прагматическая санкция 554 г. была издана византийским правительством по просьбе папы Вигилия³². Это доказывает явную заинтересованность римской церкви в реставрации в Италии старых порядков. Первейшей заботой римской церкви был возврат церковных имуществ, некогда принадлежавших ортодоксальному духовенству, а затем во время правления готов переданных арианам или захваченных восставшими народными массами в период подъема освободительной борьбы.

Надежды римской церкви на возврат византийским правительством утраченных церковных имуществ полностью оправдались. После восстановления в Италии власти империи Юстиниан щедро вознаградил и этого своего союзника — арианская церковь была окончательно подчинена римской, ее владения конфискованы государством, а затем переданы ортодоксальному духовенству. Передача в VI в. римской церкви имущества арианских церквей и готов-ариан красочно описана историком Равеннской церкви Агнеллом.

³⁰ Pragmatica Sanctio, § 21.

³¹ Regesta pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum post Christum natum 1198, t. I. Ed. Ph. Jaffé. Lipsiae, 1885, anno 559—560, стр. 127.

³² Pragmatica Sanctio, § 1.

Агнелл рассказывает о том, что во время правления его тезки равеннского епископа Агнелла, после победы Нарзеса над готами, «император Юстиниан, придерживающийся истинной веры, все имущество (substantia) готов уступил этой церкви и велел им владеть блаженному епископу Агнеллу, и не только то, чем они владели в городах, но и в пригородных виллах и даже в деревеньках, и храмы, и алтари, рабов (servos) и рабынь (ancillas), и все, что могло иметь отношение к их языческому культу и обычаям, все это он подарил и уступил»³³

В Прагматической санкции 554 г. также имеются сведения о возврате римской церкви и монастырям некогда утраченного ими имущества. Помимо общих постановлений о возврате имущества прежним владельцам, безусловно распространявшихся и на владения церкви, там есть и особое предписание о возврате монастырям и церквам приданого монахинь, вышедших замуж во времена «тиранической жестокости»³⁴. Не подлежит сомнению, что подобное постановление было вызвано стремлением церкви вернуть себе дарения богатых монахинь, ибо подобные дарения зачастую состояли из земельных владений и другого ценного имущества.

Забота о росте и приумножении богатств церкви является лейтмотивом писем многих пап VI в., в том числе Пелагия I (555—560 гг.). Несмотря на его назойливые жалобы на обеднение церкви, настойчивое повторение которых внушает подозрение в их правдивости, его обширная переписка с полной очевидностью показывает значительный рост владений церкви после византийского завоевания Италии³⁵.

Каким путем высшее духовенство добывало эти богатства, с исключительной обличительной силой показывает Агнелл в своей истории правления равенских епископов. «Наши же пастыри, — пишет Агнелл, — после того, как они займут кафедру, стремятся растерзать зубами свою паству и не знают никакого милосердия; они стремятся к земной роскоши болес, чем к небесной славе; они не делятся (добром) со своими овцами, но лишь пожирают имущество церкви, и так кормятся от этих богатств, что не только не служат церкви, а скорее ее опустошают, и не возносят даже молитв богу за душу жертвователя. Тогда их овцы в скорби ежедневно взывают к богу, говоря: «Вырви нас, господи, из плена зубов нашего пастыря, который подобен не слуге божьему, а жестокому волку, и всех нас пожрет он в своем высокомерии»³⁶. Обличения Агнелла, особенно примечательные, поскольку они исходят из уст церковного писателя, с большой яркостью и убедительностью говорят о продажности и жадности высшего духовенства, беззастенчиво грабившего народ.

Подводя некоторые итоги всему сказанному относительно изменений, происшедших в связи с византийским завоеванием Италии в сфере имуще-

³³ Agnelli qui et Andreas liber pontificalis ecclesiae Ravennatis. Ed. O. Holder Egger. «Monumenta Germaniae Historica». Scriptorum rerum Langobardicarum et Italicarum saec. VI—IX. Hannoverae, 1878, стр. 334. Материалы о росте церковного землевладения в Италии после византийского завоевания собраны у О. Бертолини — Ottorino Bertolini. Ук. соч., стр. 195—197, 208—210. Значительное внимание уделяет этому вопросу П. Кудрявцев (ук. соч., стр. 85 и сл.). Он приходит к выводу, что духовенство больше всех выиграло от восстановления в Италии власти империи (стр. 88). О дарениях в пользу Равеннской церкви сведения имеются: L. M. Hartmann. Ук. соч., т. I, стр. 357, 396; E. Caspar. Geschichte des Papsttums. Bd. II. Tübingen, 1933, стр. 320, 323; E. Stein. Ук. соч., стр. 621, 622.

³⁴ Pragmatica Sanctio, § 17.

³⁵ Regesta pontificum Romanorum..., Pelagius I (555—560), письма № 943, 947, 949, 951 (стр. 126), 955, 956 (стр. 127), 975, 980 (стр. 128), 1016; E. Caspar. Ук. соч., стр. 304, 328. Ср. также Gestorum pontificum Romanorum, vol. I Vita Pelagii I, стр. 156; L. M. Hartmann. Ук. соч., т. I, стр. 384; E. Stein. Ук. соч., стр. 622.

³⁶ Agnelli qui стр. 332.

ственных отношений, мы можем прийти к выводу, что защита и приумножение собственности крупных землевладельцев из числа высшей римской аристократии и духовенства являлись одной из важнейших задач внутренней политики византийского правительства в завоеванной провинции.

Но особенно важно для определения характера византийского завоевания Италии и его последствий выяснение изменений, происшедших в это время в области социальных отношений.

Глубоко реакционный, реставраторский характер политики византийского правительства в этой провинции с особой ясностью проявляется в законодательных постановлениях Прагматической санкции 554 г. о т н о с и т е л ь н о р а б о в и к о л о н о в. Как в Северной Африке после ее завоевания византийскими войсками³⁷, так и в Италии византийское правительство пыталось реставрировать и укрепить рабовладельческие отношения.

Следует отметить, что стремление реставрировать рабовладельческие порядки в Прагматической санкции 554 г. выражено даже в более категорической форме, чем в постановлениях византийского правительства по отношению к населению Северной Африки, что, возможно, объясняется большими масштабами сохранения рабства в Италии, чем в Северной Африке³⁸.

В Прагматической санкции предписывается возврат всех удерживаемых другими лицами рабов и колонов их прежним господам вместе с родившимся в течение этого времени потомством³⁹. Реставраторский характер этого постановления совершенно очевиден. Кроме того, в постановлении привлекает внимание отождествление положения раба и колона. Никакого различия между ними в отношении их возврата прежним хозяевам не проводится.

Подобное же уравнение положения раба и колона встречается и в некоторых статьях эдикта Теодориха и было характерно, по-видимому, для Италии того времени⁴⁰.

Далее, необходимо подчеркнуть, что в Прагматической санкции говорится о возврате прежним господам именно тех рабов и колонов, которые удерживаются какими-то другими лицами, т. е. лишь переменили хозяев и не совсем освободились, бежав от своих господ. Объяснить это можно, видимо, тем, что для старой римской аристократии, в интересах которой и была издана Прагматическая санкция, было наиболее трудно возвратить именно тех рабов и колонов, которые в предшествующий период тем или иным путем осели на землях новой, преимущественно остготской или связанной с остготами италийской феодализирующейся знати. Часть этой знати во время византийского завоевания была разгромлена, но другая часть, и, по-видимому, довольно значительная, сохранила свое влияние. Поэтому старым владельцам, добывавшимся теперь возврата своих рабов и колонов, приходилось сталкиваться с новыми хозяевами, которые всячески сопротивлялись осуществлению этих требований. В связи с этим и нужно было издать особое законодательное постановление правительства, восстанавливающего права прежних хозяев.

³⁷ Novellae Justiniani, Appendix IX; C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, vol. III, Nov. VI, XIII.

³⁸ З. В. Удальцова. Сельское зависимое население Италии VI века. ВДИ, № 3, 1955, стр. 86—101.

³⁹ Pragmatica Sanctio, § 16.

⁴⁰ З. В. Удальцова. Ук. соч., стр. 101 и сл.

Что же касается беглых рабов и колонов, освободившихся от власти господ во время подъема волны народных восстаний в середине VI в., то на них теперь распространялись обычные для римского права крайне суровые законы, предписывавшие возврат беглецов их прежним господам, ибо в завоеванной Италии восстанавливались все действующие в империи законы ⁴¹.

Возвращение рабов прежним владельцам предусматривает и другая статья Прагматической санкции, касающаяся вопроса о браках между свободными и рабами ⁴². В этой статье указывается, что в «нечестивейшее время свирепости готы» нередко были случаи, когда рабы (*servi*) женились на свободных женщинах или свободные мужчины вступали в брак с рабынями (*ancillae*). Прагматическая санкция разрешает расторжение подобных браков, предоставляя свободным лицам право ухода; при этом рабыня или раб остаются во власти своих господ, ибо, мотивирует подобное решение законодатель, господа не должны терпеть никакого ущерба от потери в прошедшее время рабов или рабынь. В случае же, если свободные мужчина или женщина пожелают и в будущем сохранить брачные отношения с рабыней или рабом, то они не теряют своей свободы, однако, дети, родившиеся от этого союза (*conjugio*), так же как и все потомство, рожденное ранее, получают положение (*conditio*) матери ⁴³.

Эта чрезвычайно важная статья Прагматической санкции свидетельствует о том, что в период, предшествовавший византийскому завоеванию в Италии, многие рабы покинули имения своих хозяев и жили среди свободных, женившись на свободных женщинах. Ту же картину мы видели и в Северной Африке в период вандалского завоевания и вспышки народных восстаний в этой провинции ⁴⁴. Одной из неотложных задач византийского правительства после завоевания Италии был возврат этих освободившихся и вступивших в брак со свободными рабов их прежним хозяевам, крайне нуждавшимся в рабочих руках для обработки возвращаемых им имений. Кроме того, крупные римские землевладельцы были заинтересованы в возврате не только самих освободившихся рабов, но и их потомства. Поэтому Прагматическая санкция повторяла известное положение римского права о том, что дети, рожденные от смешанных браков свободных и рабов, получают статус матери.

Согласно предписаниям римского права ребенок рабыни является рабом и собственностью господина даже в том случае, если его отец был свободным человеком ⁴⁵. В законодательных постановлениях самого Юстиниана никакой брак между свободным человеком и рабыней не признавался законным ⁴⁶. В случае брака свободного человека с рабыней, принадлежавшей другому господину, свободный становился рабом хозяина своей жены.

Необходимо, однако, отметить, что Прагматическая санкция не повторяет этого сурового предписания римского права, а подтверждает другое постановление, согласно которому свободный человек, даже и продолжая брачные отношения с рабыней, сохраняет свою свободу ⁴⁷. Это,

⁴¹ *Pragmatica Sanctio*, § 11.

⁴² Там же, § 15.

⁴³ Там же, § 15.

⁴⁴ С. E. Z a c h a r i a e a L i n g e n t h a l. *Jus Graeco-Romanum*, vol. III, Nov. VI, XIII.

⁴⁵ *Digest.*, XLI, 1, 66; *Codex Justiniani*, III, 32, 7; ср. *Edict. Theod.*, 65, 68.

⁴⁶ *Novellae Justiniani*, edict. 22, cap. 9, 10.

⁴⁷ *Novellae Valentiniani*, III, ab. anno 451, tit. 30, § 5 — о сохранении свободы лицом, вступившим в связь с рабыней. Согласно эдикту Теодориха свободный, вступивший в связь с девушкой-рабыней, или остается во власти ее господина, или дает

по-видимому, объясняется тем, что византийское правительство не хотело слишком обострять положение в только что завоеванной провинции и боялось вызвать новую вспышку народного восстания, ибо подобное постановление могло задеть интересы довольно широких слоев населения, учитывая, что смешанные браки были, видимо, часты в этот период.

Однако социальная направленность постановлений Прагматической санкции совершенно ясна: византийское правительство стремилось вернуть рабов прежним хозяевам, чтобы обеспечить римскую рабовладельческую знать не только землей, но и рабочими руками, столь ей необходимыми для восстановления ее хозяйства. При этом основное внимание уделяется возврату *рабов*⁴⁸, что является лишним доказательством реакционного характера политики Юстиниана в Италии.

Однако бесспорно и то, что положение колонов также резко ухудшилось после византийского завоевания, ибо колонны, добившиеся в предшествовавшее время свободы, теперь вновь возвращались в прежнее зависимое положение на земли крупных землевладельцев⁴⁹.

Таким образом, византийское завоевание принесло народным массам Италии, так же как и населению Северной Африки, новое порабощение, потерю завоеванной в тяжелой борьбе свободы, усиление гнета крупных землевладельцев и рабовладельцев, а также церкви.

Социальная направленность законодательства Юстиниана в Италии проявилась достаточно ярко также в области реорганизации административного устройства и налогового обложения завоеванной провинции. Серьезным изменением в административном управлении Италии по сравнению с периодом господства остготов было ограничение прерогатив военной администрации. В отличие от Северной Африки военные округа, образованные в Италии, не подчинялись единому начальнику⁵⁰. Причиной этого, видимо, было опасение Юстиниана, что военачальник, сосредоточивший высшую власть над всей Италией, опираясь на армию и обладая древней столицей, мог отпасть от империи и провозгласить себя римским императором.

С этим связано и другое постановление византийского правительства, ограничивавшее военную юрисдикцию. В то время как в остготском королевстве юрисдикция военных судов распространялась на все процессы, теперь все тяжбы между римлянами, а также такие процессы, где одной из тяжущихся сторон выступал римлянин, подлежали рассмотрению гражданских судей и изымались из ведения военных судов⁵¹. Можно предположить, что это постановление являлось важной привилегией, которой добились землевладельческая аристократия Италии, весьма заинтересованная в освобождении от тяжести военной юрисдикции и стремившаяся к независимости от военных властей.

В своей финансовой политике в завоеванной провинции византийское правительство прежде всего, конечно, преследовало интересы имперского фиска; но, помимо того, оно руководствовалось стремлением удовлетворить требования высшей земельной аристократии и духовенства, хотя

ему в качестве возмещения двух рабов; если же он беден и не может этого сделать, то после наказания палками он делается коллегиатом соседней городской общины.— *Edict Theod.*, 64.

⁴⁸ *Pragmatica Sanctio*, § 15 п 16.

⁴⁹ *Pragmatica Sanctio*, § 16; E. Stejn. Ук. соч., стр. 614; L. M. Hartmann. Ук. соч., т. I, стр. 358, 359.

⁵⁰ L. M. Hartmann. Ук. соч., т. I, стр. 341, 342, 393; E. Stejn. Ук. соч., стр. 612.

⁵¹ *Pragmatica Sanctio*, § 23.

и прикрывалось демагогическими декларациями о защите интересов всех подданных империи.

Для трудового населения Италии финансовая система византийцев несла новые бедствия и разорение. На покоренную провинцию была наложена тяжкая рука имперского фиска и, по меткому выражению П. Кудрявцева, «не уйти было теперь Италии и от другого зла: это разорительная система налогов, достигшая в империи в VI в. своей крайности»⁵².

В завоеванной Италии полностью реставрировалась римская система налогового обложения. Прагматическая санкция со всей строгостью предписывала населению вносить налоги в установленных в римское время местах и в прежние сроки. Всякие «нововведения» в налоговом обложении, возникшие «вследствие нашествия врагов», безоговорочно отменялись⁵³. Это указывает, по-видимому, на отмену византийским правительством всех налоговых льгот для трудового населения, введенных во время правления Тотилы, на восстановление налоговых привилегий земельной аристократии, уничтоженных Тотилой⁵⁴.

Прикрываясь демагогическими фразами о защите имущественных прав налогоплательщиков (*collatores*)⁵⁵, правительство Юстиниана в действительности предоставило реальные привилегии в области налогового обложения в первую очередь лишь земельной аристократии и церкви⁵⁶; по отношению же к трудовому населению провинции оно со всей строгостью предписывало неукоснительное выполнение всех повинностей в пользу государства⁵⁷.

Весьма существенной и вполне реальной привилегией, дарованной Прагматической санкцией высшему духовенству и земельной аристократии Италии, было предоставление им права избрания провинциальной администрации. Правители провинций выбирались теперь епископами и приматами (*primates*) каждой области из лиц, «способных к управлению», и обязательно из числа жителей той же самой провинции, которой они будут управлять⁵⁸. При этом отменялась плата за получение этих должностей (*суффрагий*). Это постановление давало возможность высшему духовенству и земельной аристократии сосредоточить фактически в своих руках провинциальное управление, выбирая в качестве правителей областей лишь удобных им лиц.

На провинциальную администрацию возлагалась правительством ответственность за регулярное взимание податей в пользу государства. В случае злоупотреблений со стороны провинциальных чиновников последние должны были возмещать из своих собственных средств ущерб, причиненный владельцам имений (*possessores*). При этом особо оговаривалось, что местная администрация должна возмещать землевладельцам даже тот ущерб, который был причинен им в прошедшие времена «правления нечестивейших тиранов». Тем самым землевладельцам предоставлялось право возбуждать судебные процессы против представителей администрации, управлявшей страной при остготах, предъявляя иск с требованием возмещения убытков. В данном случае законодательство Юстиниана защищало интересы сторонников империи, имущественные права которых в чем-либо были ущемлены предста-

⁵² П. Кудрявцев. Ук. соч., стр. 84.

⁵³ *Pragmatica Sanctio*, § 10: «...Nulla innovatione per hostilem adventum solutioni tributorum penitus inferenda...».

⁵⁴ P r o s o p., *De bello Gothico*, III, 6, § 5; III, 13, § 1.

⁵⁵ *Pragmatica Sanctio*, § 9, 18—20, 26.

⁵⁶ Там же, § 12, 18, 19, 26.

⁵⁷ Там же, § 9 и 10.

⁵⁸ Там же, § 12.

вителями местной администрации в правление Тотилы. Это постановление преследовало те же цели, что и предписание Прагматической санкции об аннулировании всех сделок, заключенных римлянами с приближенными и сторонниками Тотилы⁵⁹, и было издано, безусловно, в интересах крупных землевладельцев.

Однако, предоставляя важные привилегии римскому духовенству и земельной аристократии Италии, Юстиниан никогда не забывал об интересах фиска и центрального правительства империи. Поэтому правители провинций, избравшиеся епископами и знатью, были поставлены под контроль центральной власти. Этот контроль осуществлялся через особых чиновников (скриниариев) префектуры, посылаемых в провинции для наблюдения за действиями местной администрации⁶⁰. Вместе с тем бесспорно, что постановление Прагматической санкции 554 г. о предоставлении римскому духовенству и землевладельческой и рабовладельческой знати права избрания местной администрации являлось одной из наиболее существенных уступок политического характера, сделанной византийским правительством своим союзникам в Италии.

Усиление влияния землевладельческой аристократии Италии на взимание налогов в провинциях знаменует и другое постановление Прагматической санкции о том, что государственные чиновники высших рангов отстранялись от взимания налогов на местах⁶¹. Сбор налогов в провинциях Италии поручался лишь местной администрации — правителям провинций и их чиновникам, т. е. лицам, избравшимся епископом и знатью и находившимся от них в зависимости. Государственным чиновникам, облеченным высшей властью, разрешалось вмешиваться в это дело лишь в исключительных случаях, — главным образом, при неуплате в срок установленных правительством налогов, — с целью соблюдения интересов государства и пресечения злоупотреблений местной администрации. Основной целью издания этого постановления было укрепление позиций крупных землевладельцев путем усиления их непосредственного влияния на сбор налогов.

Укрепление влияния крупных землевладельцев в сфере финансового управления Италией знаменуют, кроме того, и постановления Прагматической санкции, касающиеся так называемой принудительной закупки государством хлеба и других продуктов у населения по пониженным ценам (*coemptio*)⁶².

Эта крайне тяжелая повинность была чрезвычайно обременительна для трудового населения, но также задевала интересы и крупных землевладельцев⁶³. В провинциях Италии, особенно в Апулии и Калабрии, еще с начала VI в. шла борьба между землевладельцами и купечеством из-за проведения этих принудительных закупок продуктов в пользу государства. В начале VI в. землевладельцы Апулии и Калабрии были освобождены от уплаты *coemptio* посредством внесения ежегодной прибавки к поземельному налогу (*superindictitium titulum*)⁶⁴. Проведение принудительных закупок было поручено купцам этих провинций. Однако италийское купечество, стремясь избавиться от выполнения этой обременительной обязанности, добилось вскоре того, что скупка продуктов (*coemptio*)

⁵⁹ *Pragmatica Sanctio*, § 5.
Novellae Justiniani, edict. 13, cap. 9—11.

⁶⁰ *Pragmatica Sanctio*, § 9.

⁶² Там же, § 18, 26.

⁶³ P r o c o p., *Histor. arcana*, XXIII, 55, 9—14.

⁶⁴ E. S t e i n. Ук. соч., т. II, стр. 199—203.

вновь была возложена на землевладельцев, причем одновременно сохранялась и введенная ранее прибавка к их поземельному налогу ⁶⁵.

После завоевания Италии византийское правительство, видимо, под давлением крупных землевладельцев, отменило это постановление и предписало, чтобы закупка продуктов в Апулии и Калабрии (*coemptio*) производилась вновь через посредство купцов (*mercatores*), ибо к дополнительным платежам (*superindictitium titulum*) землевладельцев невозможно еще прибавлять тяжесть закупки продуктов (*coemptio*) ⁶⁶.

Кроме того, Прагматическая санкция предписывала, чтобы в каждой области Италии производилась закупка только тех продуктов, которые имелись в изобилии именно там ⁶⁷. При этом на покупавшиеся правительством продукты устанавливались рыночные цены ⁶⁸. Закупавшиеся у населения продукты шли на содержание в первую очередь имперского войска.

Проводя эти мероприятия, правительство Юстиниана весьма настойчиво подчеркивало, что оно это делало, заботясь о благе своих подданных ⁶⁹.

Однако все эти рассуждения о пользе подданных оставались лишь пустыми декларациями, и распоряжения византийского правительства относительно *coemptio* мало принесли облегчения основной массе трудового населения Италии, поскольку распределение принудительных закупок было передано в руки правителя каждой области и приматов (*primates*) этих провинций ⁷⁰.

Таким образом, землевладельческой аристократии фактически передавалась раскладка этого тяжелого налога, и нет сомнения в том, что она проводилась в интересах крупных землевладельцев; следовательно, о каком-либо реальном облегчении положения основной массы налогоплательщиков не могло быть и речи.

Таким же духом демагогии пронизано и другое постановление Прагматической санкции 554 г., предписывающее возмещение налогоплательщикам (*collatores*) убытков, которые они потерпели от незаконного взимания налогов ⁷¹. Предписание Прагматической санкции о возврате «без всяких уверток» (*«sine ambiguitate»*) прежним владельцам золота или продуктов (*species*), незаконно у них отобранных под видом взимания налогов или под предлогом какого-либо побора (*operis*), указывает на предоставление византийским правительством землевладельцам Италии права предъявлять иски к представителям администрации, управлявшей страной до византийского завоевания, о возврате незаконно отобранных у них средств в виде денежных или натуральных налогов ⁷². Вряд ли можно сомневаться в том, что подобные иски в реальной действительности могли предъявляться лишь состоятельными лицами, имевшими средства вести судебный процесс, и для беднейшего населения Италии звучали горькой иронией слова законодателя о том, что он издает это постановление для того, чтобы «жители провинции повсюду на законном основании полу-

⁶⁵ *Pragmatica Sanctio*, § 26; *Cassiodori Senatoris, Variarum*, 11, 26, 2; 38; H. G e i s s. *Geld- und naturalwirtschaftliche Erscheinungformen im staatlichen Aufbau Italiens während der Gotenzeit*. Stuttgart, 1931, стр. 31, 33—38; E. S t e i n. Ук. соч., стр. 201 и сл.

⁶⁶ *Pragmatica Sanctio*, § 26.

⁶⁷ Там же, § 18.

⁶⁸ Там же, § 19.

⁶⁹ Там же, § 18 и 26.

⁷⁰ Там же, § 18.

⁷¹ Там же, § 14.

⁷² Там же, § 14.

чали обратно свое (имущество) и могли бы почувствовать счастье нашего времени»⁷³.

Даже в своей борьбе против злоупотреблений чиновников, проводившейся в целях укрепления авторитета центральной власти и урегулирования финансов, правительство Юстиниана не забывало об интересах римской церкви и земельной аристократии. Так, Прагматическая санкция, выступая против злоупотреблений местной администрации, выражавшихся в применении неверных мер и весов при взимании налогов или заключении сделок, указывает на то, что единые меры и вес, устанавливаемые правительством для Италии, передаются под наблюдение римского папы или сената⁷⁴.

Интересы крупных землевладельцев защищал также закон, изданный правительством Юстиниана в 556 г., об уплате долгов в Италии и Сицилии⁷⁵. Этот закон устанавливал мораторий на 5 лет по всем долгам, сделанным в Италии и Сицилии до нападения войск франков (в 554 г.)⁷⁶.

Ссылаясь на бедствия и смуты предшествовавшего времени, законодатель, согласно этому закону, предоставляет должникам значительные льготы. После установления «полного мира в Италии» закон дает право должникам уплачивать своим кредиторам лишь половину полученной в долг суммы или же передавать им половину своего состояния. В случае, если должник предпочтет передать кредитору половину своего состояния, он должен уплатить проценты за время со дня получения ссуды до истечения полных 5 лет (срок моратория), и этим его обязательства перед кредитором полностью исчерпываются⁷⁷.

Оценка этого закона Юстиниана вызвала полемику в научной литературе. Закон этот получил различное толкование в трудах буржуазных ученых. Так, например, Л. Хартманн⁷⁸, а вслед за ним и многие другие исследователи (Э. Штейн⁷⁹, О. Бертолини⁸⁰ и др.), полагают, что этот закон был издан в интересах крупных землевладельцев Италии и Сицилии. А. Допш⁸¹ и Г. Братиану⁸² выступали против Л. Хартманна и старались доказать, что закон 556 г. об отсрочке долгов в Италии и Сицилии защищает интересы беднейшей части населения этих областей.

Анализ закона показывает, однако, что законодатель защищает прежде всего интересы крупных собственников, задолжавших за время войны с остготами и народных восстаний в Италии. Закон дарует отсрочку по долгам в ответ на просьбы жителей Италии⁸³. Трудно предположить, что просьбы беднейшего населения Италии могли дойти до Константинополя; скорее всего, это были просьбы высшей знати или духовенства, примером чего является сама Прагматическая санкция, изданная по просьбе папы Вигилия. Затем, в законе имеется косвенное указание на то, что эти прось-

⁷³ А. Допш тенденциозно утверждает без основательных доказательств, что положение населения после завоевания Италии византийцами значительно улучшилось.— A. D o p s c h. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, II Teil. Wien, 1924, стр. 439, 440.

⁷⁴ Pragmatica Sanctio, § 19.

⁷⁵ Lex quae data est pro debitoribus in Italia et Sicilia, Imp. Justiniani Novellae. Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Pars II. Lipsiae, 1881, стр. 390—392.

⁷⁶ Там же, стр. 391.

Там же.

L. M. H a r t m a n n. Ук. соч., т. I, стр. 359.

⁷⁹ E. S t e i n. Ук. соч., стр. 617

⁸⁰ Ottorino Bertolini. Ук. соч., стр. 194.

⁸¹ A. D o p s c h. Ук. соч., стр. 439, 517.

⁸² G. I. B r a t i a n u. Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938, стр. 54.

⁸³ Lex quae data est. ., стр. 391

бы исходили от лиц, которые стремились «во время общих бедствий не быть обманутыми при возвращении своего имущества и не быть разоренными выплатой непосильного долга»⁸⁴. Важнейшей их заботой было возвращение имущества, отданного в залог. Закон защищает интересы этих должников и предписывает в случае сохранения залога возвратить его должнику при условии уплаты установленной этим законом половины долга. Если же залог погиб во время «бедствий Италии», то тяжесть потери несут равным образом и залогодавец, и должник: кредитор не может требовать уплаты долга, а должник — возвращения залога. В случае сохранения лишь части залога она передается кредитору в возмещение неуплаченной части долга. Однако строго преследуются законом сокрытие кредитором истинного размера залога и уменьшение его под предлогом того, что он был захвачен «варварами». В том случае, если должник сможет доказать намеренное уменьшение размера залога, долг аннулируется, а залог возвращается должнику⁸⁵.

Привлекает особое внимание указание закона на то, что в случае требования должником залога он должен возбудить против кредитора судебное дело⁸⁶. Вряд ли это было доступно беднякам, которые не имели средств на уплату судебных издержек за ведение тяжбы.

Среди римской аристократии и крупных землевладельцев Италии было немало лиц, разорившихся во время войны с остготами и заложивших свои имения и другое имущество богатым ростовщикам. Они-то и были в первую очередь заинтересованы в отсрочке долгов, а главное, настаивали на возвращении заложенного имущества⁸⁷.

Папа Пелагий I в одном из своих писем, относящихся к 557 г., пишет о разорении знатных семей в Риме: «... Такая нужда и бедность в этом городе, что мы не можем без сердечной скорби взирать на людей, которых мы знаем, что они рождены знатыми»⁸⁸.

Таким образом, можно предположить, что дарованные византийским правительством отсрочка долгов и облегчение возврата заложенного имущества в Италии и Сицилии после их завоевания византийскими войсками ставили своей целью прежде всего защиту интересов крупных землевладельцев, предусматривая возврат им заложенного имущества. Закон этот ущемлял интересы кредиторов из числа богатых ростовщиков и купцов и всех лиц, преуспевавших во время правления остготов.

Однако не следует отрицать того, что отсрочка долгов была и некоторой уступкой населению Италии, страдавшему от тяжести долгов и вымогательства ростовщиков. Тем не менее не защита интересов трудового населения, а укрепление экономических позиций высшей римской аристократии было основной задачей византийского правительства, что нашло свое выражение и в законе 556 г.

Некоторые законодательные меры правительства Юстиниана были направлены на поднятие экономического благосостояния разоренной войной Италии и одновременно являлись уступкой населению этой провинции. Так, например, важной уступкой населению Рима, вызванной стремлением предотвратить возможную вспышку новых народных волнений, было восстановление Юстинианом государственных раздач хлеба и других продуктов беднейшему населению древней столицы империи⁸⁹. Эти

⁸⁴ Lex quae data est..., стр. 391.

⁸⁵ Там же, стр. 391, 392.

⁸⁶ Там же, стр. 391, 392: «...actiones exercere».

⁸⁷ E. Stein. Ук. соч., стр. 617.

⁸⁸ Regesta pontificum Romanorum..., стр. 126.

⁸⁹ Pragmatica Sanctio, § 22.

раздачи, производившиеся еще при остготском короле Теодорихе, были затем отменены во время хозяйничания в Италии чиновника византийского фиска Иоанна Псалидия⁹⁰.

Согласно Прагматической санкции, византийское правительство вновь восстановило государственное содержание, выдававшееся грамматикам, риторам, медикам и юристам, обучавшим различным наукам знатных юношей в Риме⁹¹.

Византийское правительство проявляло особую заботу о восстановлении Рима, преследуя в первую очередь политические цели укрепления престижа империи, связанного во многом с традициями ее древней столицы — места пребывания сената, римской аристократии и высшего духовенства.

С этой целью предписывалось возобновить все привилегии, дарованные некогда городу Риму, для восстановления государственных мастерских и проведения общественных работ по очистке русла Тибра, благоустройству форума, реставрации города и его порта⁹².

В целях поддержания торговли и укрепления финансов византийским правительством были проведены некоторые мероприятия по регулированию монетного обращения и укреплению полноценной монеты — солида⁹³, а также приняты меры для поощрения развития торговли, в первую очередь — морской⁹⁴.

Подводя итоги исследованию Прагматической санкции 554 г. и других юридических и нарративных источников того времени, мы приходим к заключению, что законодательная деятельность византийского правительства в завоеванной Италии проводилась в интересах римской землевладельческой и рабовладельческой аристократии и высшего духовенства. Как в сфере социально-экономических, так и в области политических отношений эта деятельность была направлена к реставрации старых порядков Римской империи, предусматривая восстановление крупного римского землевладения и возврат прежним хозяевам их рабов и колоннов. Для трудового населения Италии византийское завоевание имело весьма отрицательные последствия и приводило к временному ухудшению положения широких народных масс завоеванной провинции. Именно этим объясняется непрочность византийского господства в Италии, вскоре павшего под новыми совместными ударами завоевателей лангобардов и восставших народных масс Италии.

⁹⁰ P r o s o p., Hist. arcana, 26 § 29, 30.

⁹¹ Pragmatica Sanctio, § 22.

⁹² Там же, § 25.

⁹³ Там же, § 20.

⁹⁴ Там же, § 18, 25.

Д. В. ШЕЛОВ

К ИСТОРИИ СВЯЗЕЙ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО БОСПОРА С РОДОСОМ

Наличие оживленных и постоянных торговых связей между Боспором и Родосом в эллинистическую эпоху является общеизвестным и неоспоримым фактом¹. Однако, кроме установления самого этого факта, в литературе не сделано почти ничего по исследованию родосско-боспорских отношений этого времени.

Литературная традиция не дает никаких сведений по интересующему нас вопросу. Единственным литературным источником, который может быть привлечен в этой связи, является свидетельство Дiodора Сицилийского о мореплавателях, которые на тяжело нагруженных кораблях в десять дней при попутном ветре преодолевают расстояние между Меотидой и Родосом, а оттуда направляются в Александрию². Очень косвенным свидетельством родосско-северочерноморских связей может служить также измерение Страбонам расстояния между Родосом и Борисфеном³.

Немногим больше дают нам эпиграфические памятники, найденные на Боспоре и на Родосе. Следует прежде всего указать находку посвящения царю Перисаду, сделанного тремя братьями родосцами Гиппоклом, Дорисеем и Гиппокротом, попавшими на Боспор, вероятно, для каких-нибудь коммерческих дел⁴. В надписи идет речь о Перисаде II, сыне Спартока; следовательно, деятельность трех братьев на Боспоре относится еще к первой половине III в. до н. э.

Уже началу I в. до н. э. принадлежит фрагмент надписи, найденной на Родосе и содержащей упоминание, наряду с другими лицами, некоего боспорца. Б. Н. Граков полагает, что надпись являлась договором между купцами-экспортерами, вывозившими с Родоса в Причерноморье вино⁵.

Имена рабов северочерноморского происхождения, встречающиеся в родосских надписях и относящиеся в основном ко II—I вв. до н. э.⁶, могут быть привлечены только с оговорками, так как рабы с такими именами могли в некоторых случаях попасть на Родос и не вследствие непосредственной покупки их на рабских рынках Северного Причерноморья, а каким-либо иным путем, например, через рабские рынки Делоса.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 87 и сл.

² D i o d., III, 34, 7.

³ S t r a b o, II, 5, 9.

⁴ IOSPE, II, 35.

⁵ Б. Н. Г р а к о в. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 287, № 59.

⁶ Там же, стр. 308, 309, № 113—119.

Но все же наличие ряда упоминаний рабов — меотов, сарматов и скифов в родосских надгробиях именно того времени, когда Родос состоял в наиболее тесных торговых отношениях с городами Северного Причерноморья и был ведущей торговой державой во всем Средиземноморье, — заставляет видеть в этих именах свидетельство прямого вывоза рабов на Родос из Северного Причерноморья и, в частности, с Боспора. Очень любопытно в этом отношении и рабское имя эргастериарха Βόσπορος, засвидетельствованное на нескольких родосских амфорных ручках, найденных на Родосе ⁷.

Наиболее полное представление о родосско-боспорской торговле могут дать родосские амфорные клейма, в огромном числе встречающиеся при раскопках античных городов и селений в Северном Причерноморье. Как известно, экспорт родосской клейменной тары продолжался с конца IV в. до начала I в. до н. э. К сожалению, полной хронологической классификации родосских амфорных клейм до сих пор нет, и далеко не все родосские клейма могут быть приурочены к определенным хронологическим группам. Все же благодаря находке датированных комплексов в Пергаме и Карфагене оказалось возможным выделить первые хронологические группы родосских клейм ⁸. Много сделала для датировки родосских клейм Вирджиния Грэс ⁹. Некоторые точки опоры для хронологической классификации родосских клейм может дать и рассмотрение так называемых «дополнительных» и «курсивных» клейм ¹⁰. Используя все эти данные, можно распределить по периодам, охватывающим по несколько десятков лет, почти три четверти найденных в Северном Причерноморье эпонимных родосских клейм. Клейма эргастериархов определяются хронологически с гораздо меньшей уверенностью и в гораздо более ограниченном числе случаев. Поэтому при дальнейших подсчетах мы будем оперировать именно эпонимными клеймами, зарегистрированными в корпусе керамических клейм, составленном Е. М. Придиком и Б. Н. Граковым ¹¹.

Из 4000 эпонимных родосских клейм, найденных в Северном Причерноморье, могут быть хронологически определены около 3000, точнее — 2971. Уже давно было замечено Б. Н. Граковым, что наиболее интенсивный ввоз родосских амфор в Северное Причерноморье относится к концу III в. и началу II в. до н. э. ¹² Действительно, почти половина (1450) всех эпонимных родосских клейм, которые могут быть датированы, относится ко времени пергамского комплекса — к 220—180 гг. до н. э. (III группа по В. Грэс) ¹³, в то время как на весь предшествующий столетний промежуток времени с конца IV в. до н. э., когда началось клеймение амфор на Родосе (I и II группы), падает 400 эпонимных клейм. Период со 180 г. до середины II в. до н. э. (IV группа) представлен в Северном Причерноморье 650 эпонимными клеймами, а середина и вторая половина этого столетия (V группа) — 423 экземплярами эпонимных клейм. Наконец, всего

Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 307, № 107.

⁸ Die Inschriften von Pergamon, II. Berlin, 1895, стр. 423 и сл.; Fr. Bleckmann. De inscriptionibus quae leguntur in vasculis Rhodiis. Göttingen, 1907, стр. 34, 35, 39, 40.

⁹ V. Grase. Stamped amphora handles found in 1931—1932. «Hesperia», 1934, III, № 3, стр. 214; е е ж е. Timbres amphoriques trouvés à Delos. BCH, LXXVII, 1952, стр. 525—530.

¹⁰ Д. Б. Шелов. Керамические клейма из раскопок Фанагории. МИА, № 57, 1956, стр. 136—146.

¹¹ IOSPE, III. Рукопись в кабинете археологии МГУ.

¹² Б. Н. Граков. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Рукопись в архиве ИИМК, д. № 538, стр. 225; ср. Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 146.

¹³ V. Grase. Timbres amphoriques...

менее полусотни клейм относится к концу II в. и началу I в. до н. э. (VI группа).

Эти цифры показывают, что, достигнув наивысшего расцвета в последние десятилетия III в. и в начале II в. до н. э., родосский экспорт в Северное Причерноморье затем постепенно сокращался. Но распределение находок родосских клейм разных групп по античным центрам Северного Причерноморья показывает, что это сокращение шло не одинаково в разных местах. Из 4000 найденных в Северном Причерноморье эпонимных родосских клейм более 1500 получено при многолетних раскопках Ольвии. Еще 1400 эпонимных клейм обнаружено в древних поселениях, расположенных по берегам Боспора Киммерийского, на городищах Пантикапея, Фанагории, Нимфея, Тиритаки и др. Остальные клейма либо найдены в других местах Северного Причерноморья — в Тире, Феодосии, Танаисе и т. д., либо хранятся в музеях без указания точного места находки. Хотя количество клейм, найденных в Ольвии и на Боспоре, почти одинаково, соотношение числа клейм ольвийского и боспорского происхождения в разных хронологических группах различно. Если клейм I и II групп (по В. Грэс) в Ольвии найдено вдвое больше, чем на Боспоре, то в III группе число соответствующих находок будет 613 и 441, в IV группе количество клейм боспорского и ольвийского происхождения примерно равно с небольшим преимуществом в пользу Боспора, а в V группе боспорские находки вдвое превосходят ольвийские по количеству. Число клейм VI группы вообще невелико, но в этой группе боспорских находок уже в 5 раз больше ольвийских.

Из этих сопоставлений можно сделать вывод о том, что родосская торговля, первоначально более тесно связанная с Ольвией, затем все прочнее завоевывала боспорские рынки, и во II в. до н. э., когда связи Родоса с Северным Причерноморьем начали ослабевать, родосско-боспорские связи оказались значительно более прочными. Статистика находок клейм показывает, что на протяжении почти всего II в. до н. э. родосский экспорт на Боспор держался примерно на одном уровне, хотя и уступавшем уровню экспорта в период наивысшего расцвета родосско-понтийской торговли в конце III в. и начале II в. до н. э., но все же еще достаточно высоким. В Ольвии же, если судить по количеству эпонимных клейм, происходило быстрое, прогрессирующее сокращение родосской торговли в течение II в. до н. э.; аналогичную картину можно наблюдать и в отношении Тиря. Видимо, центр тяжести родосской торговли с областями Северного Причерноморья переместился во II в. до н. э. в северо-восточный угол Понта. Показательно, что эпиграфические свидетельства о торговых связях Ольвии с Родосом — ольвийская надпись в честь родосца Гелланика¹⁴ и найденная в 1954 г. проксения в честь родосца — относятся еще к III в. до н. э.

Судить о том, какое участие в родосской торговле принимали отдельные центры Боспора, на основании подсчета находок родосских клейм по рукописи III тома IOSPE невозможно, так как большинство старых находок клейм было зарегистрировано и издано В. В. Шкорпиллом и Ю. Ю. Марти без указания точного места находки, со ссылкой лишь на боспорское их происхождение. Но подсчет родосских клейм в материалах из недавних раскопок Пантикапея и Фанагории показывает, что родосский экспорт особенно сильно был развит в Фанагории; это соответствует и значительному проникновению родосских амфор в Прикубанье¹⁵.

¹⁴ IOSPE, I², № 30.

¹⁵ Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 129.

Преобладание находок родосских клейм на азиатской стороне Боспора Киммерийского, вероятно, не случайно. Именно в этом районе позиции родосцев были особенно сильны и, может быть, не только в области экономики. Несоизмеримые и очень любопытные, хотя и неясные сведения о каком-то родосском политическом влиянии на Азиатском Боспоре сообщают нам нумизматические данные.

В Государственном Эрмитаже находится уникальная серебряная драхма, выпущенная одним из городов Азиатского Боспора — Горгиппией, в чем удостоверяет нас надпись ГОРГИП (πέων)¹⁶. Помещенные на оборотной стороне монеты изображения рога изобилия и двух звезд, будучи сопоставлены с типами некоторых медных пантикапейских и понтийских монет, позволяют датировать горгиппийскую драхму предпоследним десятилетием II в. до н. э., последними годами правления на Боспоре династии Спартокидов¹⁷. Замечателен тип лицевой стороны горгиппийской драхмы. Здесь изображена лучезарная голова Гелиоса в профиль вправо, с лучами в виде короны, совершенно аналогичная подобным изображениям на родосских монетах второй половины II в. до н. э.¹⁸ Поскольку подобный тип никогда больше не встречается в боспорской нумизматике и ввиду его полного совпадения с типом родосских монет, само собой напрашивается предположение, что горгиппийские монетарии, впервые приступая к чеканке автономного городского серебра, заимствовали тип лицевой стороны для своих драхм с современных им монет Родоса.

Это предположение находит подтверждение в анализе типов одновременных серебряных монет Фанагории. На лицевой стороне этих фанагорийских монет изображена голова Артемиды, на оборотной — цветок граната¹⁹. Цветок граната является, так же как голова Гелиоса, постоянным гербом Родоса и неизменно присутствует на родосских монетах и амфорных клеймах. Трактовка этого изображения на фанагорийских монетах, совершенно идентичная трактовке его на одновременном родосском серебре, не оставляет сомнений в прямом заимствовании типа с монет Родоса. Таким образом, оба типа — и лицевой, и оборотной стороны — родосских монет конца II в. до н. э. получили отражение в боспорской нумизматике, в типах монет Горгиппии и Фанагории²⁰. Использование родосских монетных типов в нумизматике двух городов азиатской части Боспора, начавших чеканку серебра в период ослабления центральной власти Спартокидов, в обстановке назревания социального и политического кризиса, может свидетельствовать о том, что города Азиатского Боспора, особенно тесно связанные с Родосом экономически, придерживались определенной политической ориентации на Родос.

¹⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLII, 12.

¹⁷ Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора в VI—II вв. до н. э. М., 1956, стр. 176.

¹⁸ Catalogue of British Museum. Caria and Islands. London, 1897, табл. XL, 1—11.

¹⁹ П. О. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XXIII, 6;

А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLII, 12.

²⁰ Во время печатания настоящей заметки вышла в свет статья Ю. С. Крушкол «Основные пути и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху» (ВДИ, 1957, № 4, стр. 110 сл.). Автор статьи также привлекает монеты Горгиппии и Фанагории для характеристики родосско-боспорских отношений, но датировка этих монет Ю. С. Крушкол началом II в. до н. э. (стр. 115) представляется нам безусловно ошибочной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
Визант. врем. — Византийский временник
Волжский В. — Волжский вестник
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДАК — Дело Археологической комиссии
ДАН — Доклады Академии наук
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Зап. Вост. отд. РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
Зб. ВУАН — Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИВ — Исторический вестник
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ОРЯСАН — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
Изв. Тавр. уч. арх. ком. — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
Киев. старина — Киевская старина
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
М. Вед — Московские ведомости
МГУ — Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НВр — Новое время
НС — Нумизматический сборник
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ООИД — Одесское общество истории и древностей
Прав. В. — Правительственный вестник
Правосл. Палест. сб. — Православный Палестинский сборник
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
Сообщения ГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры

- СПб. Вед. — С.-Петербургские ведомости
 П — Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках:
 и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917.
 ТОАМГЭ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
 Унив. изв. — Университетские известия
 Уч. зап. Каз. ун-та — Ученые записки Казанского университета
 Фил. обзор. — Филологическое обозрение
 ЦВ — Церковный вестник
 Э. Обзор. — Этнографическое обозрение
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
 Byz. Zeitschr. — Byzantinische Zeitschrift
 CAH — Cambridge Ancient History
 CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum
 CIG — Corpus Inscriptionum Graecarum
 DELG — Dictionnaire etymologique de la langue grecque étudiée dans ses rapports avec
 les autres langues indo-européennes, Heidelberg — Paris, 1916.
 FHG — Fragmenta historicorum graecorum. Ed. C. Müller, t. I—V, 1841—1870.
 HN — Historia naturalis
 IG — Inscriptiones Graecae
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
 IDAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
 JS — K. Jakobitz und E. E. Seiler. Griechisch-deutsches Wörterbuch zum Schul- und
 Privatgebrauch. Leipzig, 1890, (3-е изд.).
 PB — A. Pape. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Auflage, neu bearbeitet
 von G. Benseler. Braunschweig, 1911
 P.—W.— Pauly—Wissowa. Reallexikon der Altertumswissenschaften
 RL — W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig, 1890—1897.
 SC — B. Latyshev, Scythica et Caucasia
 SCIV — Studii si cercetari de istorie veche
 SGDI — Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften
 SF — F. Solmsen und E. Fraenkel. Indogermanische Eigennamen als Spiegel der Kulturgeschichte (Indogermanische Bibliothek, 2). Heidelberg, 1922.
 Syll.³ — W. Dittenberger. Sylloge³

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	3
<u>Н. И. Новосадский</u> . Об ученых трудах академика Василия Васильевича Латышева.	5
Т. Н. Книпович (Ленинград). Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху	7
А. И. Тюменев (Ленинград). В. В. Латышев и история Херсонеса	15
А. Л. Есипенко (Одесса). В. В. Латышев в Одессе	33
Н. А. Винберг (Ленинград). Список трудов академика В. В. Латышева	36
Н. А. Винберг (Ленинград). Материалы по биографии В. В. Латышева	52
В. И. Абеев (Москва). Сармато-боспорские отношения в отражении нартовских сказаний.	54
Н. В. Анфимов (Краснодар). Племена Прикубанья в сарматское время	62
А. А. Белецкий (Киев). О собственных именах в новонайденных ольвийских надписях	72
З. А. Билимович (Ленинград). Граффито на чернолаковом килике	83
О. И. Бич (Ленинград). Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г.	87
Т. В. Блаватская (Москва). Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э.	91
В. Д. Блаватский (Москва). Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э.	97
М. Ф. Болтенко (Одесса). Канкит ольвийского декрета в честь Протогена	107
А. И. Болтунова (Москва). Подпись под статуей из Горгиппии	110
А. И. Вошниина (Ленинград). Статуэтка девочки из Ольвии	117
В. Ф. Гайдукевич (Ленинград). Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях	123
А. М. Гилевич (Севастополь). Новый клад монет из окрестностей Херсонеса	136
А. И. Доватур (Ленинград). Аристотель, фрагмент 611, 24. (Поправка к тексту).	140
Л. Н. Казаманова (Москва). К вопросу о «котлах» и «треножниках» в критских архаических надписях	146
П. О. Карышковский (Одесса). Утерянная ольвийская надпись	151
Т. Н. Книпович (Ленинград). Эпиграфические находки из раскопок Ольвии 1920—1954 гг.	162
М. М. Кобылина (Москва). Мастерская короцласта в Пантикапее	178
К. М. Колобова (Ленинград). К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом	193
В. В. Кропоткин (Москва). Из истории средневекового Крыма. (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы).	198
И. Т. Кругликова (Москва). Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря	219

Е. И. Л е в и (Ленинград). К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э. (По эпиграфическим памятникам агоры)	234
М. И. М а к с и м о в а (Ленинград). Фрагмент костяного перстня из Ольвии	248
И. Л. М а я к (Москва). О запрещении вакханалий в Риме	256
И. П. Р о з а н о в а (Москва). Эллинская надпись из раскопок Патрэя 1949 г.	262
А. М. Р е м е н н и к о в (Казань). Античные и византийские авторы о войнах племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э.	266
Г. М. С л а в и н (Киев). Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.	276
Н. И. С о к о л ь с к и й (Москва). К вопросу о наемниках на Боспоре в IV—III вв. до н. э.	298
Э. И. С о л о м о н и к (Симферополь). Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса	308
З. В. У д а л ь ц о в а (Москва). Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии	317
Д. Б. Ш е л о в (Москва). К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.	333
Список сокращений	337

Советская археология, том XXVIII

*Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР
Редактор издательства М. К. Трофимова. Технический редактор Ю. В. Рылина*

РИСО АН СССР № 117—83 В. Сдано в набор 28/VIII 1957 г. Подписано к печати 30/X 1958 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 21,25 печ. л. (29,11)+4 вклейки 28,2 уч.-издат. л. Тираж 1600 экз. Т-11427.
Изд. № 1829. Тип. вак. № 236

Цена 18 руб. 75 коп.

*

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
37	14 св.	Кафинской	Κ αφινσκoῖ
92	10 сн.	παλαινέα	πάλαι νέα
93	{ 12 св. 21 сн.	ἐμοῦς κύριο[ν]κελευςθέν	ἐμοῦς κύριο[ν] κελευςθέν
200	1 сн.	1919	1929
201	10 св.	В. Дворником	Φ. Дворником
220	{ 11 сн. 11 св.	Толща οὔν	Толщина οὔν